

Жан Боден. 1530—1596

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

JEAN BODINI

METHODUS
AD FACILEM HISTORIARUM
COGNITIONEM

ЖАН БОДЕН

МЕТОД
ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ

Перевод, статья, примечания
М. С. БОБКОВОЙ

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
УДК 94
Б 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16098д*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ”:

*К.З. Ашрафян, Г.М. Бонгард-Левин, В.П. Буданова (ученый секретарь),
Е.С. Голубцова, А.Я. Гуревич, В.А. Дунаевский, В.А. Дьяков,
М.П. Ирошников, Г.С. Кучеренко, Г.Г. Литаврин,
А.В. Подосинов, Л.Н. Пушкарев, В.А. Тишков, В.И. Уколова (председатель)*

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук *В.И. Уколова*,
доктор исторических наук *Н.А. Хачатурян*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.И. Басовская*,
доктор философских наук *Карл Ф. Фальтенбахер*

Редактор

Н.И. Кольшикина

Боден Жан

Метод легкого познания истории. — М.: Наука, 2000. — 412 с.
ISBN 5-02-008714-9

Трактат историка, философа, экономиста и правоведа XVI в. Ж. Бодена — один из первых в Западной Европе фундаментальных трудов по теории истории. Книга впервые была издана в 1566 г. в Париже на латинском языке. Увидевшая свет в период религиозных гражданских войн, она позволяет современному читателю судить о том, как людьми XVI в. воспринимался исторический опыт, как они его использовали, какое место в системе интеллектуальных ценностей и в практической жизни того времени занимала история. Эта работа расширяет наши представления о культуре Французского Возрождения.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-I-№ 26

ISBN 5-02-008714-9

© М.С. Бобкова, перевод, статья,
примечания, указатель, 2000
© Издательство “Наука”, серия
“Памятники исторической мысли”
(разработка, оформление), 2000

ВЫДЕРЖКА ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРИВИЛЕГИИ

Дозволяется Мартину Ле Жёну, печатнику и книготорговцу при Парижском университете, печатать, или отдавать печатать, или отдавать на продажу тем или иным книготорговцам, коим он сочтет нужным, книгу, озаглавленную: Жан Боден “Метод легкого познания истории”, в течение полных десяти лет, начиная со дня выдачи данной привилегии. При этом, пока не истечет сей срок, ни один торговец книгами, печатник или кто-либо другой, какого бы он ни был сословия, звания и состояния, не может ее печатать или отдавать печатать и распространять под страхом конфискации всех книг, которые окажутся напечатанными, и произвольного штрафа, что не касается тех книг, которые напечатает или отдаст напечатать указанный Ле Жён, как это предусмотрено данной привилегией.

Выдано в Париже
первого дня февраля
года тысяча пятьсот шестьдесят шестого
Советом Светской Курии.

I. BODINI
ADVOCATI
METHODVS, AD FACILEM HISTORIARVM
COGNITIONEM.

PARISIIS,
Apud Martinam Iuuenem, sub insigni D. Christophori è regione gymnasij Cameracensium.
CIC ID LXVI.
CVM PRIVILEGIO.

5-
ch. J. Schott
10. 5/10

24. x.

Титульный лист книги Ж. Бодена "Метод легкого познания истории"

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЖАН БОДЕН ПРИВЕТСТВУЕТ ПРЕЗИДЕНТА ПАЛАТЫ СЛЕДСТВИЙ ЖАНА ТЕССЬЕ

Уважаемый президент, я намеревался изложить в своем “Методe”, как следует собирать цветы истории и срывать ее сладчайшие плоды. Если я увижу, что достиг своей цели, то только благодаря тебе и тому, что ты укреплял меня в следовании этой цели, привлекая убедительностью своих серьезных речей, невероятной доброжелательностью и совершенно превосходным характером. Но если результат моих трудов не вполне оправдывает себя и не будет соответствовать моим намерениям, то я признаю, что это произошло только вследствие моих собственных недостатков. Я думаю, что они будут не так строго осуждены другими судьями, если я смогу обосновать свои положения сначала перед тобой — самым снисходительным судьей вашей Палаты. Если ты, полагаясь более на правдивость, нежели на дружбу, выскажешь свое суждение, то я смогу потом, руководствуясь этим предварительным заключением, избежать многих возражений, потому что материал будет уже тщательно обсужден и ему будет вынесен заслуженный приговор. Но если твоя любовь ко мне преобладает, то ты, отбросив роль судьи, поможешь мне как адвокат. Если же обстоятельства вынудят меня отказаться от этого важного плана, то я и дальше буду заниматься изучением законов. Все это я намеревался объяснить для того, чтобы, во-первых, ты был ко мне более справедлив (хотя в справедливости ты не можешь превзойти сам себя) в оценке “Метода”, во-вторых же, чтобы ты побудил заняться этими замечательнейшими изысканиями того, кто имеет достаточно досуга, а талантами, знаниями и умом превосходит меня.

Я шел в законодательные палаты для того, чтобы жить практическими делами и служить людям, надеясь, что все свободное от судебных разбирательств время буду употреблять на занятия юриспруденцией и что в своих сочинениях или в какой-либо иной форме смогу воздать благодарность государству, которому, после бессмертного Бога, мы обязаны всем. Вообще существует три способа изложения: первый — определение предмета и сбор материалов, второй — расположение материалов в правильной последовательности и в отшлифованной форме, последний заключается в том, чтобы исправлять недостатки древних книг. Я всегда удивлялся тому, что история знает много авторов, кото-

рые собрали большой материал, но среди них только немногие описали свои открытия искусно и осмысленно.

Мы имеем бесчисленное множество писателей, которые навондрили мир своими сочинениями, расширили гражданский закон римлян так, что, кажется, главная и серьезнейшая беда его — объем. Поистине написанное должно быть глупо и несовершенно, ведь только тот, кто беспомощен в писательстве, порождает большее количество книг. Я еще не встретил ни одного писателя, который смог бы в краткой форме изложить разбросанный и разнородный материал. Люди, которые давали подобные обещания в пышных заголовках, потерпели неудачу. Более того, они так далеко уходят от своей цели, что даже, кажется, и не имеют представления, что такое искусство. Искусства и науки, как ты прекрасно понимаешь, занимаются изучением не частей, но — универсума. Они же пытаются определить как искусство гражданское законодательство какого-то отдельного государства. Насколько это мудро, не буду дискутировать. Хотя замечу, ничто не может быть более чуждым достоинству и благородству искусства. Я уж умолчу о том, сколь нелепыми были попытки утвердить принципы универсального права на основе римских законов, которые не были неизменными даже в течение краткого периода. Особенно абсурдно это стало с тех пор, как почти все законы XII таблиц¹ были вытеснены многочисленными эдиктами и статутами; а позднее Закон Эбуция² заменил старые правовые отношения новыми. Более того, мы видим, что почти все законы Юстиниана³ были отменены последующими императорами. Я не придаю особого значения некоторым абсурдным вещам, сохранившимся в статутах, но как много из устаревшего было принято современными народами в их законодательных системах и почти не находит применения на практике. Установленный факт, что почти никто не интересовался законодательными нормами других народов, но только — римлян, да и то в искаженном порядке; пусть бы они почитали Платона, который полагал, что другого способа утвердить закон или наладить государственное управление не существует; мудрый человек соберет вместе законодательные структуры всех или наиболее известных государств и, сравнив, из них выделит лучшую форму. В этом направлении я и проводил все свои опыты, в этом же направлении была устремлена моя мысль. Вначале я очертил схематично форму всеобщего права, универсального законодательства, сделав это таким образом, что ты сможешь понять ее отдельные стороны; затем я описал отдельные стороны так, что они воссоздали единое целое. И здесь наконец я понял слова Платона, что нет ничего более трудного и более приближенного к божественному, чем точное определение. Затем я утверждаю постулаты, на которых, как на прочной основе, покоится вся наука; потом даю определения; после чего я останавливаюсь, весьма кратко, на правилах управления, описывая соответствующие известные формы и нормы. С другой стороны, в кратких замечаниях я пересказываю толкователей римского закона, чтобы

любой человек смог черпать из тех же источников, что и я. Затем из различных источников я отбирал законодательные уложения народов, преуспевших как в ратных, так и в гражданских делах, и сравнивал их. Здесь я использовал опыт правоведов и историков в равной степени, в связи с чем я обращался к законам персов, греков, египтян не меньше, чем к системе римлян. Из пандектов евреев, и особенно из книг Синедриона⁴, я планировал взять все лучшее. В этом вопросе свою помощь мне предложили знатоки еврейского языка доктора Жан Кинквабрий⁵ и Жан Мерсьер⁶. В моем труде не обойтись без статутов Испании и Британии, равно как и всех наиболее известных законодательных норм Италии и Германии, ибо у меня есть уверенность, что там можно найти много полезного для нашего времени; я хочу, чтобы мы также смогли овладеть и гражданским кодексом турок. Несомненно, что он даст нам представление об общественном праве, на котором утверждена эта процветающая и сильная империя. Это все должно быть дополнено знанием современной правовой системы, основанном на наиболее авторитетном опыте, как вашей Палаты, так и Королевского суда. Я буду в этом основываться частично на работах наших правоведов, а также таких авторов, как Гуарино⁷ и Иоахим Мюнсингер⁸. Я решил правилами Поликлета⁹ проверить законы и их действие, по лесбосскому же лекалу¹⁰ проэкзаменовать справедливость и долг правоведов.

Собранный мною материал я подтверждаю мнениями правоведов и историков разных народов. При этом изучаемый нами предмет становится куда более ясным и достойным уважения, чем если бы мы полагались на источники, исходящие только от одного народа — римлян. Впрочем, как выясняется, все, что у нас есть [из римского права], — творения греческие. Но когда обнаружилось, что почти все документы пострадали от грубейшего варварства, Юстиниан для выработки законов выбрал пятнадцать человек, которые составили свод законов таким образом, что привели в полный беспорядок первоисточники права, и теперь уже почти ничего нельзя извлечь из этой грязи. И здесь кроется причина того, что ныне огромное и беспорядочное множество декретов сглаживает противоречия, содержащиеся в самих законах, составляя из разрозненных частей единое тело. Из этого становится понятным, что древние глоссаторы, при их огромных талантах, ставили перед собой совершенно невыполнимую задачу. Из чтения их трудов складывается впечатление, будто авторы, с их усердием и плодovitостью, проводили все свои дни в сочинительстве, однако совсем ничего полезного для читателя не придумали. Но если учитывать, что эти писатели жили в те ужасные времена, когда не было никаких условий для развития искусств или культуры, то становится понятно, что своими сочинениями они многих отвратили от этой науки. Когда же молодежь из цветущих садов риторики и философии призывается в тернистые заросли и скалистые утесы [правовых дисциплин], она лишается пиршества духа. И чем более кто-либо был склонен к изяществу и чем больше изощрен в уче-

нии, тем более избегал он входа в эту науку, дверь в которую опутывали терн и колючки. Однако после ряда поисков появилась ясность подхода и статуты римлян стали выглядеть восстановленными в своем первоначальном достойном виде.

Всех комментаторов, работы которых мы используем для цитирования и ссылок на правоведение, можно разделить на четыре группы. Первая объединяет тех, кто тренировал свою память в школах бесконечного обсуждения законов, статутов, актов, без каких-либо юридических упражнений в судебной практике. Вторую группу составляют те, кто имел богатую практику в ведении судебных разбирательств, но мало задумывался над мудростью собственно юриспруденции. Третий вид объединил тех, кто пытался примирить современную практику и устаревшую теорию. Последняя группа представлена такими людьми, как Дюрен¹¹, Фабр¹², Пап¹³, Шассоне¹⁴, Буае¹⁵, Барон¹⁶, Канно¹⁷, Тиракье¹⁸, популярный Бриссон¹⁹ и украшение нашей коллегии — Мулен²⁰. Из их работ мы извлечем ценные уроки для преподавания и обсуждения практики светских судов. Из других же — почти ничего. Тот, кто думает, что познал право вне юридической практики, в действительности глубоко ошибается — и уподобляется тому, кто, истязаясь гимнастикой и физическими упражнениями, мнит себя равным воину, познавшему пыл сражения и утомление военной битвой. Конечно, любой из них раньше спасует перед трудностями правотворчества, чем те, которые имели отличную репутацию в школах Буржа²¹, ведь все-таки среди слепых и косой поводырь, но и они, придя в суд и начав консультировать по самым пустяковым делам, не смогут ответить на ядовитое замечание Реанда²².

Твой коллега Жан Феррьер²³, человек с большим авторитетом, ныне посол в Венеции, с самыми серьезными побуждениями изучал и использовал заблуждения правоведов, воспитанных на лживых концепциях правовой теории, хотя позже повсеместно признавался перед своими слушателями, что сам не узнал закона до тех пор, пока ему не пришлось в течение длительного времени заниматься судебными разбирательствами в своей курии. В этом он похож на древнего оратора Демада²⁴, который говорил, что зарабатывает себе на жизнь знанием управления общественными делами — знанием, полученным не в школах или на досуге, но из рассмотрения общественных дел.

Последняя группа включает тех, кто тренирует ум не только теорией или юридической практикой, но также и упражнениями в высоких искусствах, и в наиболее строгом из них — философии. Это те, кто усвоил природу права, не изменяя ему в угоду желаниям людей и ведомый только вечным законом; кто определяет и отделяет подлинники источников права от их трактовок; кто постиг пользу знания древних; кто, конечно же, познал властные полномочия и правление императора, Сената, магистратур римлян; кто переходит к толкованию права от диспутов философов о законе и государстве; кто в совершенстве знает греческий и латинский языки, на которых изложены статуты; кто оп-

ределяет единство священного закона в пределах его возможностей, при этом классифицируя его по видам, деля на части, уточняя термины и иллюстрируя прецедентами. Если бы древние правоведы имели все эти редкие качества, то у нас не возникало бы столько сомнений и мы не пренебрегали бы их сочинениями. Тогда бы мы имели законодательство, которое было бы полезным как для любознательных, дерзновенных молодых людей, так и для государства. Но из дошедшего до нас мы позаимствуем ставшие воистину золотыми определения для объяснения нашего замысла; кроме того, мы глубоко благодарны этим людям за то, что они щедро поделились с обществом некоторыми плодами собственных занятий. О, все эти Папинианы, Сцеволы, Лабеоны (они известны всем, и их не надо представлять)²⁵, столь беспристрастные в своих занятиях, способные вдохновляться собственным примером, делать столько, сколько было в их силах! Кто смог спасти их великую мудрость? Может быть, те, кто, пока существует род человеческий, совершенно заслуженно имеет право и честь именоваться правоведами?

Нет части мира, столь много прибавившей человеческому знанию, как Европа; нет части Европы более прославленной правоведением, чем сегодняшняя Франция; нет какого-либо другого места во Франции более блестящего, чем ее столица — Париж, в смысле сияния судебной курии, а также и потому, что этот город имеет торговые и другие многочисленные отношения почти со всем миром.

Поскольку мы установили некоторые вещи, то я думаю, что забота Платона о людях — его осмысление назначения законодательства; цель Соломона²⁶ и Ликурга²⁷ создать столь необходимые людям законы, используя опыт, почерпнутый из длительных экспедиций и путешествий, так же как и децемвиров²⁸ — из поездок по разным районам Греции, на самом деле может быть достигнута более простым и легким путем, а именно изучением опыта самой школы права. Ни Адриан²⁹, ни Юстиниан совершенно не интересовались иностранным законодательством, но в те времена это не могло подвергаться осуждению. Франциск³⁰, проживший столь долгую жизнь, имел [в своем распоряжении] древние источники. Он мог бы предпринять попытку исправления существующего и создания нового законодательства, и для этого не было необходимости приглашать правоведов из Греции или из какого-либо другого государства. Но с тех пор, как сей великий король покинул нас, несчастья постигли его страну. Кроме того, он обращал свой взор и в сторону литературы; но те, кому следовало бы трудиться на ниве наук, собирая обильные плоды, предпочитают отдавать свое время заботе об имениях; конечно, они уже получили за свои труды такие вознаграждения, что полагают, будто имеют право теперь пренебрегать людьми и быть к ним неблагодарными. Находясь же под властью лучшего из чувств — благодарности, я не могу не переживать и за тех, чьи блестящие вспышки таланта, осветившие всю Францию, теперь гаснут в разорении и мраке.

Хотя у тебя нет свободного времени для общественных дел, все-таки ты мог бы использовать свой высокий авторитет для побуждения к изучению Семелория, Портэ, Канаи, Магоне. Изобилие имеющихся источников дает нам возможность приложить усилия к изучению этих сочинений, что может хорошо послужить оформлению законов. Кроме того, они могут дать толчок мысли и о самих законах, за что мы также должны выразить благодарность [предшественникам], хотя они использовали лишь те материалы, которые имели. Очевиден факт, что труды их могут быть весьма полезны, но при этом не следует забывать — они и сами не обманывались в оценке своих добродетелей и мудрости, ибо знали, что это только часть той добродетели и мудрости, которой будут обладать их потомки, воспринявшие те духовные открытия, которые они доверили обществу и которые создают не только долговечную славу, но и безопасность государства. Эти достижения предназначались скорее не тем людям, которые невосприимчивы к советам о справедливости и которых вернее было бы рассматривать как грамматиков, но не как правоведов, создающих, однако, о себе ложное мнение как о знающих и справедливых людях, а тем, кто понимает, что государственные и гражданские проблемы разрешаются на основе кодексов, написанных непонятным слогом. Ясно, что из-за этого филологические подходы начинают вытеснять суть самой дисциплины. Вместо занятий философией, риторикой, математикой, теологией мы всерьез поддерживаем лишь придиричивых грамматиков. С внутренним смирением и мягкостью мы должны очистить пятна и грязь со старых летописей. Древняя сцена требует и древнего языка, а его плохое знание подталкивает человека малосведущего к неверным трактовкам и упрощениям, которые не имеют почти ничего общего с образом древних реликвий. Но оставим в покое тех, кто заведомо не попадает в число образованных людей, и возвратимся назад к истории, с которой и начали свои рассуждения. Предметом нашего интереса станут обильно рассыпанные в ней статуты древних народов, которые мы намерены использовать в своей работе. Лучшая часть универсального права, обладающая большой значимостью и необходимая для верной оценки законодательства, сокрыта в истории. Знания об обычаях народов, о рождении, росте и гибели государства добываются именно из нее. Главный предмет, сущность моего метода учитывают эти факты, но материал истории является более обширным, чем то, что обычно извлекают из нее о формах государственного управления. Я уделяю этой книге особое внимание, ибо мало кто рассматривает затронутые там проблемы как самые важные, и даже, более того, зачастую их воспринимают совершенно поверхностно. Если мои рассуждения покажутся чрезмерно подробными и явно неупорядоченными, то прошу понять, что причиной тому является неисчерпаемость самой проблемы. Подобно истории дел человеческих она бесконечна и не может быть изложена в кратком трактате. Но если Гален³¹ оставил более тридцати книг о методе, хотя его область познания находится в рамках определенных ограничений, а Диомед³² фактически из-

верг шесть тысяч книг о грамматике, то сколько же я могу написать об истории в силу того, что ее предмет является таким всеобъемлющим и универсальным?

Конечно, я осознаю, что работа, которую я предлагаю твоему вниманию, может оказаться недостойной твоего уважения. Но твоя выдающаяся эрудиция и добродетель только послужат твоей вящей славе. Все мои усилия — лишь дань твоим добродетелям. И я никогда не решился бы выносить на публичный суд свои скромные изыскания, не посвятив сначала в свои труды тебя.

Пребывай в добром здравии,
Календы³³ Февраля 1566 г.

ВВЕДЕНИЕ

О ЛЕГКОСТИ, ПРИЯТНОСТИ И ПОЛЬЗЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Несмотря на то что история имеет много восхвалителей, которые украсили ее истинными и вполне заслуженными похвалами, среди них так и не появилось ни одного, способного трактовать ее более правдиво и верно, чем тот, кто назвал ее “учительницей жизни”. Это определение подразумевает господство добродетели и порядка. Оно означает, что вся жизнь человека должна быть оформлена по священным законам истории, сравнимым с нормами Поликлета. Несомненно, философию справедливо называют самой жизнью, но, даже установив пределы добра и зла, она оставалась бы безмолвной среди бранных вещей и молчала бы до тех пор, пока все речи, дела и планы настоящего не стали бы рассматриваться в сравнении с давно минувшими днями. И тогда не только настоящее легко объяснимо, но даже будущие события предсказуемы, и мы обретаем способность получить все знания о том, что нам нужно и чего не хватает. Мне кажется примечательным, что среди многих писателей, изучающих различные эпохи, нет ни одного, кто сопоставил бы с нашим временем известное о прошлом наших предшественников и сравнил бы его с рядом поступков, совершенных древними; но это легко разрешимо, если все виды человеческой деятельности объясняются вместе и если с достаточной тщательностью подбирается ряд примеров и при этом каждый обретает свое место. Тогда тот, кто прославил себя лишь преступлениями, может быть поделом награжден заслуженными ругательствами; но тот, кто известен добродетелью, может быть превознесен соответственно его заслугам.

В том и заключается величайшее достоинство исторических книг, что некоторых людей, по крайней мере, они могут побудить к добродетели, а других — напугать дурной славой. Хотя добро похвально само по себе и ему каждый рад, все же верно и то, что люди, равные в рождении и смерти, вознаграждаются возможностью превосходства над другими, которое достигается заслуженной славой; многие люди считают ее настоящей наградой. Добро, сотворенное во имя людей, отмечается и возвеличивается до небес. Зло тоже может быть замечено, однако с досадой. Даже если зло удастся скрыть, то все равно человек, совершивший его, не сможет жить без злобы и будет приносить горе.

То, что Помпей рассказывает о Герострате¹, — ложь, как и рассказ Тита Ливия о Катилине², но события эти все-таки поучительны. Я думаю, что и Герострат и Катилина стремились более к славе великой, нежели к славе доброй; я верю, что духовная смерть и сумасшествие направляли первого, а второй руководствовался надеждой поднять свой авторитет в глазах сограждан. С другой стороны, должно быть признано, что люди, стремящиеся к славе, терпят все оскорбления с равнодушием, которое противно им самим. Если обнаруживались злые замыслы, как мы читаем у Платона, то дело могло обернуться и бичеванием, и кровавыми отметинами на избитом теле или даже клейменем каленым железом. Невероятный страх вызывали четвертование и сожжение даже среди тех, кто больше всего на свете стремился к славе. Не снискав искренних похвал, они все равно боролись даже за пустую славу. Некоторые из них были настолько наивны, что до конца дней своих верили в деятельное участие в жизни душ умерших. Они думали, что самое важное — это честь рода и что позор передается по наследству; и часто молились, чтобы мировой пожар принес им смерть. Нерон³, как и Тиберий Август⁴, в своей жизни привык уповать на это. Хотя у Нерона было много отвратительных черт, но его жестокость и похотливость объяснялись слабостью характера. Он мог бы быть еще хуже, если бы не стремился к славе. Поэтому зло он предпочитал творить в укромном месте, на отдаленном острове. Там он судил недостойных, по его мнению, власти, твердой рукой удаляя их от управления, хотя, как отметил Светоний⁵, это были “отцы страны”. Но в последние дни своей жизни он показал пример высокой честности, который, по сути, может быть оценен как величайший позор. В своей речи, произнесенной в Сенате, он сказал: “Единственная вещь, которая может победить принцип, — это хорошая репутация”. Во всех своих отношениях, поступках он никогда от начала до конца не пренебрегал славой. Известны письма, написанные им в весьма подавленном настроении, где он с горечью описывает свою жизнь и сетует на то, что уже чувствует приближение конца, но привычкам своим изменить не может. Этот царственный страх позора, этот урок истории казался Корнелию Тациту⁶ столь же важным, сколь и неповторимым, и должен был бы, по его мнению, заставить людей задуматься над ним.

Но что может быть ценнее, чем такая сфера познания, как история, которая является и вдохновителем и хранителем всех искусств и от которой главным образом зависит действие. Когда все достижения человеческой мысли, все открытия и приобретения, являющиеся результатом длительного опыта, будут подобно сокровищам собраны в хранилищах истории, когда люди смогут познакомиться с наследием прошлых веков, переработать этот материал для будущего и определить, почему те или иные вещи представляются неясными, тогда им откроются подлинные причины появления и гибели каждой из них и тогда они проникнут в суть событий. Более того, что можно сделать большего для великой славы всемогущего Бога и для приумножения других, более реаль-

ных добродетелей, чем доказать, что священная история является средством внушения благочестия и любви к Богу, почтения к родителям, милосердия к человеку и средством, позволяющим быть понятым всеми? Действительно, кто дарует нам слова пророков и прорицателей, где безвластны оскорбления и авторитеты, если не брать во внимание книг Святого Писания?

Кроме того, две вещи, высоко ценимые в любой дисциплине, — легкость и приятность столь естественны при усвоении исторических знаний; более того, труды по истории легки и приятны в такой степени, в какой это не присуще никакой другой дисциплине. Эти качества делают предмет понятным для всех даже без какой-либо дополнительной подготовки. В других искусствах одно не может быть понято без знания предыдущего, потому что все взаимосвязано и соединяется одной цепочкой. Но история во многом превосходит другие отрасли знания и стоит в высшем ряду необходимости и потребностей; и даже не подкрепленная материальными свидетельствами, какими-либо документами, она может дойти до потомков, передаваясь изустно — от одного к другому. Моисей, один из основоположников законодательства, наставляя своих сыновей, говорил, что “вы будете рассказывать сыновьям вашим об этом”, как бы предрекая гибель и государств и законов. И пусть короткий век императоров, государственных деятелей и просто граждан, истории суждено сохраниться вечно, так говорил Моисей. Более точен Цицерон, заметивший, что Солон ушел в небытие раньше, нежели память о делах, им совершенных. Память эту пощадил даже стремительный поток вод, скрывший Эги, Буру, Гелику⁷, большую часть Крита, который в свое время называли “стоградье”, а теперь “триградье” Триполь, а также значительную часть современной Голландии. История прошлого, если не будет всеобщей гибели рода человеческого, никогда не умрет и будет жить вечно не только в книгах, но и в памяти людской.

Помимо легкости, истории присуща приятность, ибо в исторических повествованиях рассказывается и о триумфах добродетели. Хотя и есть более сильные люди, чем те, кто, побежденные и плененные восторженными рассказами историков, не может уже вырваться из сладких объятий удовольствия, но даже ученые мужи зачастую проявляют такую тягу к приятному, что довольствуются ничем не подтвержденными выдумками. Однако куда больше пользы в правдиво изложенных событиях! И что может быть восхитительнее, чем взгляд на картину былого, взгляд через призму истории на дела предков, живших очень давно? Что может быть более приятным, чем способность смотреть в лицо прошлого, любоваться войсками и сплоченными рядами сражающихся в битвах давно минувших дней? Действительно, сила истории настолько велика, что одним лишь примером и положительными чувствами она может исцелять больных. Оставим в стороне другие доказательства и остановимся пока на примерах Альфонса⁸ и Фердинанда⁹, королей Сицилии и Испании. Первый решил вернуть свое утраченное здоровье с помощью чтения трудов Ливия, а другой — через

чение Квинта Курция¹⁰, и это в то время, когда искусство врачей было бессильно им помочь. Другой пример: Лоренцо Медичи¹¹ (прозванный “покровителем учености”) говорил, что каждый должен вытаскивать себя из болезней без всякой медицины, и история это подтверждает. Весьма полезно чтение таких исторических сюжетов, как, например, повествование об осаде войск императора Конрада III¹², окруженных герцогом Баварским. Переговоры о капитуляции или о разрушении города до основания закончились самым неожиданным образом, когда богатым дамам разрешили покинуть осажденный город нетронутыми при условии, что те возьмут с собой только то, что они смогут унести на себе. Женщины, строго следуя договоренности, на собственных плечах вынесли своих родителей и детей. Этот поступок так восхищал герцога, что он прослезился, позабыв о жестокости и гневе, пощадил город и заключил мир со злейшим врагом. Кто после этого усомнится, что история способна наполнить восхищением умы даже самых невоспитанных и грубых людей?

Но при всем этом есть опасность, состоящая в том, что, давая столь высокую оценку истории, мы можем позабыть о ее пользе, хотя даже в восхищении есть польза. Увлечшись деталями пустяковых вопросов, можно уподобиться людям, которые питаются приправами и специями, так и не попробовав самой пищи. Итак, минуя удовольствия этого вида чтения, я перехожу к его пользе. Немало ее можно извлечь не только из надежных и точных повествований, но даже из тех, которые лишь внешне похожи на истинные факты и в которых есть только проблески правды. Я постараюсь подтвердить это не чередой бесконечных доказательств и использованием подлинных источников, но приведу лишь один пример, касающийся Сципиона Африканского¹³. Хорошо разобравшись в мыслях “Киропедии” Ксенофонта¹⁴, он вынес из них несметные сокровища — разгадку тайн власти и славы, вследствие чего стал таким великим человеком, что не только выиграл страшную войну в Испании, но и смог остаться уважаемым и невредимым даже среди самых настоящих варваров. Об этом пишет Ливий. Варвары, обитавшие неподалеку, однажды приблизились к его дому, солдаты Сципиона решительно преградили этим людям путь. И тогда самый худший из варваров стал умолять охрану дать им возможность увидеть этого благочестивого человека и познакомиться с его трудами; и Сципион понял, что нужен даже таким людям. Он согласился жить с варварами, чтобы превратить их невежество в доброту. Действительно, рассказы о Кире Старшем наполнены стремлением показать истинную славу, и хоть в них много неверных фактов, однако глубоко и проникновенно показаны справедливость и храбрость царя.

Но если отрешиться от древнего времени, то нет примера более современного и более известного, чем история Селима — принца Турции¹⁵. Хотя его предки и пренебрегали историей по причине ее часто очевидной лживости, он сам, первым получивший доступ к документам Цезаря, перевел их на родной язык и, приведя исторические доказатель-

ства, за короткое время присоединил к землям своих предков большую часть Малой Азии и Африки. Кроме того, что вело Цезаря¹⁶ к его великой доблести, если не соревнование с Александром¹⁷? Подводя итоги своих побед, Цезарь плакал потому, что его герой уже молодым завоевал почти весь мир, а он сам к этому возрасту не имел почти ничего. Но что было ахиллесовой пятой Александра, если воспользоваться гомеровским образом, как не то, что, не почитав перед сном исторических сочинений, он даже не мог заснуть? В дополнение можно привести пример императора Карла V¹⁸, а отложив зарубежную историю — Людовика XI¹⁹, короля Галлии: разве не его правление увековечено в сочинении Коммина²⁰?

Итак, говоря по правде, история имеет безграничную пользу, книги по истории можно читать с большой легкостью и изучать события с большим наслаждением. Хотя это не всегда так: многое в истории, как и в других искусствах, искажается, многое — опасно и бесполезно, потому что ни один ученый еще не смог подойти к оценке прошлого без каких-либо пятен пристрастия. Так будет до тех пор, пока не найдется человек, который уличит других в исправлениях и неточностях, и не заявит, что такой подход к действительности и порядку приличествует басням, но не истории. Если это принимать в расчет, то многое, как считал Платон, даже не могло бы и называться историей. Как пример он приводит сравнение поздней поэзии и реальных фактов, которые легли в основу ее. Но почему бы и не поспорить с Платоном? Ведь как много полезного можно получить из обильного наследия Гомера, который использовал только проверенную информацию и правдивые сведения. Наши же болячки никого не интересуют, так почему мы должны делать их достоянием истории? Мы подчеркиваем точность искусств, не только повседневно применяемых в жизни, но и принадлежащих к той области знания, которая, используя все средства, должна установить, каких вещей избегать, на каких основываться, какие законы более желательны, какая форма государства наилучшая и какая жизнь может считаться наиболее счастливой. В заключение мы добавим, что если рассмотреть историю еще и со стороны культа Бога и становления религии, то с удалением в века древность истории значительно увеличится; увеличится и необъятная польза от ее знания.

Приступая к написанию этой книги, я предупреждаю, что всего здесь будет величайшее множество, величайшее изобилие, почерпнутое из неисчерпаемых запасов истории, но подчеркиваю, что это не всегда объясняет преимущества и метод предмета. Многое выглядит неясно и бессвязно из-за путаницы в источниках и упорного нежелания извлечь хоть какие-либо уроки из истории. Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например диктатур, но они имели возможность извиниться за домысливание. Может быть, я выскажу мнение, не вполне характерное для историка и более подходящее для некоторых ученых-врачей, отрицающих все средства медицины, но решительно и упорно

занимающихся профессиональным самосовершенствованием; и, не стремясь к познанию свойств и действия лекарств, они тем не менее предлагают их в чрезмерном изобилии, как бы пытаясь задобрить болезнь. Это можно в сравнении перенести на тех, кто пишет многочисленные трактаты о структуре исторических трудов и о форме слов и предложений. Итак, за всеми этими рассуждениями следует то, что мы будем исследовать исторический материал на основе всех книг, содержащих достоверные сведения о прошлом. Обратимся к библиотекам, имеющим работы многих историков, которые могли бы более верно изучаться и трактоваться, тем самым возрождаясь из небытия; нам надлежит обсудить и риторические упражнения, а также обратиться к повествованиям и текстам по грамматике, определяющим правильность употребления слов и оформления предложений; затем упорядочим то, что именуется историческим методом. Эта работа тоже имеет несколько направлений: вначале мы разделим предмет и определим его, затем укажем последовательность чтения; после этого приведем в порядок и найдем соответствия, исходя из истории человеческих поступков, ибо это поможет запоминанию; после чего мы рассмотрим формы управления государством, в которых главным образом воплощен так привлекающий нас порядок истории; затем мы опровергнем тех, кто поддерживает идею четырех монархий и золотого века. Приступая к объяснению этих вещей, мы будем стараться пролить свет на церковный мрак и запутанную логику теологии, дабы уяснить, где искать начало истории, в какой точке оно проступает. Наконец, мы разоблачим ошибки тех, кто поддерживает идею независимого или мифологического происхождения народов. В заключение мы постараемся собрать вместе и упорядочить известных историков таким образом, чтобы любому, куда бы ни уводило его обилие знаний, было ясно, о чем каждый из них писал и в какой период жил.

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ И КАКОВА ОНА

Существует три вида правдивого описания истории, а значит, и сама история как бы подразделяется на три вида — человеческую, естественную и Божественную. Первый вид относится к человеку, второй — к природе, третий — к Создателю (Творцу природы). Первый изображает поступки человека, его жизнь в обществе; второй обнаруживает действительные возможности, скрытые в природе, и объясняет их движение от самых истоков; третий рассматривает силу и власть Бога и бессмертных душ. Отсюда возникает тройное деление — на вероятное, неизбежное и священное, предначертанное свыше. Столько же существует и добродетелей, а именно: рассудительность, знание и вера. Первая отделяет низкое от достойного, вторая — истинное от ложного, третья — благочестие от нечестивости. В первом случае господствуют доводы, рожденные силой разума, и стремление двигаться к намеченной цели. Первую добродетель называют “руководительницей человеческой жизни”. Вторую, исходя из свойственного ей поиска скрытых причин всего, называют “изобретательницей”. Последнюю, основанную на любви к единому Богу, называют “разрушительницей пороков”. Три добродетели, взятые вместе, создают истинную мудрость, высшее и совершенное человеческое благо. И тот, кто следует в жизни этому благу, зовется блаженным. И поскольку мы вступаем в сей мир, чтобы обладать этим благом, то было бы верхом неблагодарности не принять от Бога дарованное нам благо. Несчастливы отвергнувшие его. С другой стороны, в достижении его несомненную помощь окажут все три вида истории, но особенно велика помощь от Божественной, которая сама по себе может сделать человека счастливым, без знания скрытых причин и практического опыта. Однако я твердо верю, что, если они соединятся, это приведет к значительному умножению человеческого благополучия. Отсюда логически вытекает, что мы будем искать начало в истории Божественных вещей. Сама творящая природа заложила в человеке наипервейшее чувство самосохранения, и лишь затем удивление перед природными явлениями толкнуло его к исследованию причин этих явлений. Замечено, что, начав с размышлений о себе, затем — о своей семье, затем — вообще об обществе, люди в конце концов обращаются к исследованию природы и, наконец, к истории бессмертного Бога, т. е. к созерцательности. Затем, отрешившись от низменных соблазнов, приходят к пониманию руководителя всего сущего. Именно поэтому кажется, что мы должны начать с истории дел человеческих, ибо сначала

от высшего Божества в душах детей зарождаются понятия не только достаточные, но и необходимые, чтобы стать корнями для веры и согласия, но насколько трудно вера и согласие приходят в души тех, кто еще не знает секретов истинной философии. Подняться к истокам можно лишь постепенно, много и серьезно размышляя о вещах. Эти размышления действительно постепенно возвышают разум над чувствами, которые, как волны, захлестывают большинство людей. Однако люди, наверное, никогда не смогут освободиться от чувств, и их взгляды будут застилать эмоции, которые подобно туману скрывают свет истины. Из чего следует, что те, кто начинает с Божественной истории, опуская размышления об историях человеческой и естественной, уподобляются детям или несведущим людям, рассуждающим о Божественных делах. Они не только себя тешат ложной надеждой, но и губят многих мнимым величием. И поэтому тем, кто выходит из мрака и плотной мглы на свет, мы советуем, чтобы сначала они приучили глаза к дневному свету и сиянию Земли, после чего посмотрели на облака, потом — на Луну, чтобы со временем иметь возможность взглянуть на само Солнце, но только после того, как хорошо укрепится их зрение. То же самое нужно делать в отношении несведущих. Чтобы они научились вначале усматривать Божественную благодать и величие в делах человеческих, далее — в ясных началах природы, после этого — в стройности небесных тел, затем — в замечательном устройстве всего мира: в движении, в гармонии, в форме; и так постепенно, шаг за шагом, приближаться к той благодати, которая существует для нас лишь в единении с Богом, связывая также и с корнями рода. И только тогда мы внутренне вновь соединимся с Ним. Мне кажется, что те, кто представляет историю иначе, нарушают природные законы.

Поскольку история всех трех видов старательно изменена серьезными учеными мужами и дошла до нас в записях переписчиков, то я намерен восстановить порядок и соразмерность в этих записях, читая их и тщательно обдумывая, особенно в той части, которая касается истории дел человеческих, учитывая, что история Божественная, так же как и природная, очень отличается от человеческой — и не только в причинных связях, но и целью. Естественная история имеет заданную и постоянную последовательность причин, если Божественная власть не оставляет ее хотя бы на миг без внимания. Но если это происходит, то все вверяется творцу текущей материи и отцу всего злого. С одной стороны, мы наблюдаем проявления искаженной природы и чудовищ, с другой — из ряда вон выходящие явления, чудеса. Это приводит к тому, что в нас одновременно возникают и суеверия, и религиозные чувства. Но Божественное воссияет, оно светло и ясно является и освящается, чтобы быть очевидным для рода человеческого.

Однако поскольку человеческая история большей частью проистекает из человеческой воли, которая весьма противоречива и зачастую не находит выхода, то постоянно возникают новые законы, формируются новые нравы, новые институты, новые религиозные обряды. Во-

обще человеку в деяниях его присуще впадать во все новые ошибки, если только он не руководствуется природой, т. е. естественным порядком. Природа может исказиться изначальным отсутствием Божественной мудрости, но если мы отклонимся от вершины Божественной мудрости, то впадем во всевозможные грехи. Хотя, истинно, разум человека, ощутивший прикосновение вечного Божественного разума, отделяет себя от всей земной бездны настолько, насколько это вообще возможно. Но разум столь глубоко увяз в порочной материи, так изменяется под ее влиянием и впадает в разлад с самим собой, что без помощи Бога он уже не способен ни подняться, ни достичь хотя бы крупинцы справедливости, ни действовать в соответствии с природой. Из этого следует, что до тех пор, пока мы будем впадать в заблуждение благодаря несовершенству наших чувств и обманываться ложными представлениями о вещах, мы не сможем отделять пользу от бесполезности, честность от бесчестия, правду от лжи. И хотя мы уменьшаем мудрость, облекая ее в слова, это тем не менее составляет меньший грех, чем забвение мудрости прошлого. Ибо ничто не является большим или наиболее необходимым, чем история, особенно когда это касается поступков, событий, которые бегут по кругу, повторяя сами себя. Мы полагаем, что для понимания этого необходимо прилагать значительные усилия, особенно людям, неспособным к уединенному образу жизни, тем, кто связывает свою жизнь с объединениями и сообществами людей.

Итак, из трех видов истории мы оставляем Божественную — теологам, естественную — философам, в то время как сами будем заниматься, усердно и неспешно, человеческими действиями, поступками и их правилами.

Что касается человеческой истории, то она бывает общей и частной. Последняя охватывает сказанное и сделанное одним человеком или одним народом, однако достойное упоминания. Действительно, хотя академики мудро полагают, что ничто сотворенное не может считаться никчемным, все-таки история не должна останавливаться на бесполезных и незначительных поступках. Общая история описывает деяния сообществ многих людей, или народов, или целых государств. Таким образом, история имеет две стороны: ведь описываются или поступки многих народов, например персов, греков, египтян, или всех, о деяниях которых до нас дошли сведения, или самых знаменитых. Это обычно делается разными способами. Иногда описываются события одного времени, т. е. определенного периода (срока): либо месяца, либо года, — отсюда берут свое начало дневники, т. е. повседневные записи, или анналы. Иногда история берет свое начало от возникновения какого-либо государства или от истоков памяти — тогда описываются возникновение, рост, перемены и гибель. Это также имеет два подхода — сжатое изложение и пространное, из чего берут свое название хроника и хронология.

ГЛАВА II

О ПРАВИЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ИСТОРИИ

Система и метод, которые используются в изящных искусствах, я думаю, вполне могут быть пригодны и для истории как дисциплины. Недостаточно иметь определенное количество исторических сочинений, если не понимать пользы каждого из них и не знать, в каком порядке и какой манере следует каждое читать. Пир, который нам в высшей степени приятен, может вызвать пресыщение. Если исторические источники случайно были использованы вместе и не подбирались специально, то все-таки необходимо позаботиться об установлении порядка в повествовании, хотя бы для того, чтобы не путаться. Следует выстроить повествование так, чтобы более современная часть не смешалась с более ранним периодом или середина — с окончанием, что было бы весьма неудобно при чтении. Люди, которые допускают эту ошибку, не только не способны к пониманию фактов и прослеживанию их развития, но даже очень слабы в запоминании. Поэтому, чтобы понимание истории было полным и более легким, позвольте нам обратиться к его величеству господину анализу, столь необходимому нам при изучении искусств. Главным образом он укажет нам, как разделить историческое повествование на части и как отнести каждую часть к определенному разделу и затем, как с изумительной легкостью использовать соединение целого и частей в общей гармонии. Мы не должны пытаться синтезировать до тех пор, пока части всего исторического процесса не будут приведены в соответствие друг с другом и не будут связаны воедино, как это было свойственно великому трудолюбию схоластов. Но некоторые люди разделяют, изолируют части, отрывая их от целого, в то время как объединение их очень важно, потому что если они будут представлены порознь, то единства процесса мы уже никогда не восстановим. Поэтому Полибий¹ справедливо упрекает Фабия (Пиктора)² и других историков, описывавших Пунические войны³, за то, что те сосредоточили свое внимание на одном или нескольких этапах этой борьбы. Мы не можем правильно понять назначение той или иной части в произведениях, подобно тому как не сможем определить назначение частей тела, отделенных от незнакомого нам организма. Дионисий Галикарнасский⁴ выдвинул подобные обвинения против Полибия, Силена⁵, Тимея⁶, Антигона⁷, Иеронима⁸, которые оставили многочисленные и отрывочные комментарии по римской истории. Любой может сделать подобные критические замечания также и в адрес Дионисия. Но это не должно стать предметом обвинений, потому что не каждому дано верно тракто-

вать любой предмет, но каждый с бесконечным трудолюбием и прилежанием может собрать столько материала, сколько в его силах. Мне кажется, что этот упрек обращен скорее не к написанию, но к умению читать исторический материал, части которого, если они оторваны одна от другой, могут не соединиться одна с другой и вообще с целым в правильном порядке. Например, то, что написано о римской истории, оставлено нам в перевернутом виде в качестве истории всех людей. Всеобщей историей я называю ту ее часть, которая охватывает историю всех или наиболее известных народов, или тех, чьи ратные дела и свершения мирной жизни дошли до нас от их потомков, от периода их раннего становления до национального расцвета. Вместе с тем многие вещи опускаются, не включаются в работы, и это происходит довольно часто из-за того, что жизнь писателя продолжается до тех пор, пока его работы вызывают интерес у читателя.

Итак, во-первых, предложите нам прежде всего предложить главный, основной обзор всех периодов, — обзор достаточно подробный и вместе с тем легкий в запоминании. В него входят Сотворение мира, Потоп, зарождение наиболее известных религий и государств и их гибель, если подобное движение вообще можно рассматривать как имеющее конечный путь. Все эти события могут быть зафиксированы или в системе времени от Сотворения мира, или по датам основания города, государства, или по Олимпиадам, или от Рождества Христова; можно пользоваться и арабским летосчислением, которым обычно пренебрегают в известных сочинениях. Все, что я перечислил выше, неприменимо к тем видам работ, которые принято называть хрониками и которые освещают действительно короткий промежуток времени, и именно в силу этого они достаточно легки для начинающих. Вместе с тем хроники не точны; они довольно далеки от истинной правды в изложении материала. И лишь когда нам удастся составить достаточно общее представление о материале, мы перейдем к наиболее точному и подробному его изложению, которое раскроет причины зарождения государств, последующих изменений и даст возможность рассказать о людях вообще, а не только о выдающихся и известных мужах. Мы попытаемся достичь такой краткости, что любой сможет разглядеть блеск, присущий любому состоянию общества. Известно немало работ, написанных в подобной манере, но среди них не отыскать более примечательной, чем сочинение Иоханна Функа⁹, который собрал и выстроил в определенной хронологической последовательности события, описанные еще Евсевием Кесарийским¹⁰, Бедой¹¹, Лукидом¹², Сигизмундом¹³ и Фригио¹⁴. Он тщательно исправил многие ошибки этих писателей. Но тем не менее иногда от него ускользают детали, он позволяет пропускать их и касается только самого важного. Этот писатель сообщает определенные сведения о развитии многих государств. Он бегло касается “Историй” Кариона¹⁵ и Меланхтона¹⁶, делая это небрежно и недостаточно внимательно. Хотя последний иногда многословен, иногда кажется скучным, особенно когда затевает теологический диспут. Он довольно набожен и склонен к рели-

гиозным размышлениям. Но если эти его рассуждения у кого-то вызывают возражения, то их легко можно пропустить. Что же касается вещей, связанных в основном с историей знаменитых государств, то их он излагает кратко и верно. Если найдется другой автор, который напишет всеобщую историю более полно, чем Меланхтон, то, я думаю, он станет очень известным.

Теперь от главного перейдем к деталям, излагая их в том порядке, в каком записи о них находились на столах хронистов. Поскольку система управления государством, различные знания и, наконец, собственно гражданское общество зародились у халдеев, ассирийцев, финикийцев и египтян, то, во-первых, мы изучим древность этих народов, причем не только по сочинениям историков, которые писали о них специально, как, например, Бероз¹⁷, Мегасфен¹⁸, Геродот¹⁹, но также по произведениям еврейских авторов, чьи познания и взгляды во многом перекликаются с остальными. Куда больше точных сведений о соседних народах содержится в “Древностях” Иосифа Флавия и в его сочинении “Против Апиона”²⁰. Этим он заметно отличается от многих других писателей.

Затем мы предпримем исследование истории евреев, выстроив материал таким образом, чтобы сначала изучить систему государственности и только после этого заняться религией, которая относится к третьему виду истории и требует более отвлеченного состояния ума. Затем мы обратимся к империям мидийцев, персов, индийцев и скифов, после чего перейдем к грекам, которые распространили свой род через Аракс и Евфрат, от ворот Сирии вплоть до Геллиспонта, до земель, расположенных на соседних островах Азии и Европы, и затем — до собственно Италии. Есть три определения этого народа. Первое — ионийцы, второе — лидийцы, третье — дорийцы. От греков мы перейдем к римлянам. Территория, на которой они проживали, окружена Альпами и омывается двумя морями. Пожалуй, они превзошли всех величием своего государства, славой своих дел и неумным своим стремлением к справедливости. Народ этот был так силен, что затмил все другие народы не только в сфере законодательства и устройстве государственных учреждений, но также и в языке, красота которого не превзойдена до сих пор. Прошлое этого народа должно быть старательно исследовано. Более того, так как он вел длительные и изматывающие войны с карфагенянами, то история обоих народов в действительности часто фальсифицируется писателями.

Я думаю, что по своему развитию кельты находятся недалеко от римлян. Более того, они, возможно, древнее, чем сами римляне, ведь благодаря своим ратным подвигам кельты были известны раньше римлян. Кроме того, они основали колонии не только в Италии, но также в Испании, Германии, Греции, Азии. Однако об этом мы расскажем ниже. При всей своей воинской доблести, Цезарь смог ограничить их завоевания только пределами Гаронны и Сены, и тем не менее они распространили свою власть за Пиренеи — до Рейна и Альп. Затем перейдем к немцам, страна которых окружена Альпами, Рейном, Вислой, Карпата-

ми и Балтийским морем. Затем — к народам, которые соседствуют с немцами, это датчане, норвежцы, шведы, скандинавы. Затем перейдем к народам, которые ведут свое происхождение от германцев, — готам, франкам, вандалам, герулам, лангобардам, бургундам, гуннам, англам и норманнам, которые совершили великие дела и основали наиболее известные империи во Франции, Британии, Испании, Италии. Кроме того, испанцы и британцы прославлены своим прошлым. Их дела стали широко известны раньше других потому, что письменные упоминания о них встречаются в очень ранних источниках. С ними можно сравнить арабов, также известных древностью своей истории, однако длительное время остававшихся в тени из-за отсутствия более ранних упоминаний о них. Так длилось до тех пор, пока они не вырвались за пределы пустыни; они взяли верх над персами и греками, контролировали Азию и Африку и одержали великие победы в Европе. Арабы не только закрепились там при помощи силы, но также утвердили свою религию, традиции, государственные учреждения, и в конце концов даже их язык распространился повсюду и стал известен во всем мире. Их было принято называть сарацинами, хотя, конечно, сарацинами называли представителей различных народов, но арабы удерживали среди них первенство, что позднее мы убедительно покажем.

После этого мы перейдем к туркам, которые, продвигаясь с побережья Каспийского моря в Азию, постепенно проникали со своими армиями вовнутрь региона Малой Азии, всей Греции и Египта. Мы не пропустим ни империю татар, которые распространили свою власть далеко за пределы Имайских гор²¹ и Каспийского моря, ни москвитов, которые продвинули свои армии от Волги и Дона до Днепра и недавно захватили Ливонию. Позднее настанет черед американцев и тех, кто проживает на побережье юга Африки и Индии и чья история также будет полезна и приятна для понимания.

Все эти вещи должны легко и быстро запоминаться, а затем нужно все тщательно проверить, потому что если мы будем усваивать только цветистые заголовки источников, как случалось не раз, то можем постепенно чрезмерно увлечься деталями. Мы намерены изучать не только великие и прославленные государства, но также и весьма заурядные и малозначимые, например государства родосцев, венецианцев, критян, гелльветов, генуэзцев, флорентийцев и других, им подобных. С завидной точностью и легкостью Павсаний²² описал отдельные государства греков.

И когда мы освоим историю всех государств именно таким образом, тогда лишь узнаем о делах народов, которые достигли славы при помощи власти, или благодаря своему великолепию и богатству, или же, наконец, благодаря своим доблестям или ярким способностям. Каждый читатель может делать выбор, основываясь на своих представлениях о справедливости и через собственную оценку поступков каждого героя вырабатывая свои жизненные теории и принципы. Если недосуг рассматривать естественные науки, то после истории дел человеческих

можно легко перейти к религии. Но с другой стороны, сложность материала и обстоятельства жизни могут подсказать нам и иные пути, если того потребует наша профессиональная деятельность. Ведь если кто-то не нашел себе достойного применения в жизни, то ему остается стать наблюдателем жизни других людей, и тогда он своими собственными глазами может увидеть дела тех людей, чей посмертный образ доносят до нас книги. Мы не можем снять жатву с полей истории иначе, чем соединяя вместе скромную практическую деятельность и внимательное наблюдение, как предлагал Пифагор. Последний шаг будет сделан тогда, когда мы с чистыми помыслами, поняв дела человеческие и явления природы, приблизимся к святому. Это позволит нам составить некое руководство по изучению каждой религии. А это, в свою очередь, позволит нам увидеть, кто явился автором каждой из них, что лежало в истоках религий, что направляло их развитие, наконец, какое начало и какой конец все это имеет, что в каждой из религий является принадлежностью добродетели, а что добродетели чуждо. К этому мы прибавим как иллюстрацию отношение философов к вере как к наивысшему благу, потому что через призму их мнения относительно какого-либо предмета истина высвечивается намного ярче. Некоторые могут обращаться к этому материалу как к хранилищу многих вещей, среди которых есть и такой трофей, как всевластие [единого] Бога, веру в которое евреи заимствовали у египтян. Но все-таки в этой сфере познания мы будем продвигаться вперед более уверенно при помощи усердных молитв, а также многочисленными обращениями просветленного разума к Богу.

Все наши рассуждения об устройстве истории понимаются очень легко, если прибегнуть к аналогии с космографией. Связь и сходство этой дисциплины с историей таковы, что одна представляется частью другой. Мы находим и извлекаем из географии отдельные рассказы о скифах, эфиопах, американцах. Она же описывает каждый регион; история использует географию в хронологии, поэтому уж если какое искусство и неотъемлемо от истории, так это прежде всего география. По этой причине, в силу необходимости понять космографию, историк должен посвятить ряд исследований представлениям о мире в целом, включая малую карту. Затем он должен написать о соотношении небесных тел и элементарных стихий, особенно об уранографии²³, основанной на знаниях о соотношении элементов — воздуха, воды, земли. Из этого он должен сделать заключение об анемографии²⁴, гидрографии и географии, рассматривая последнюю на основе разделения поверхности Земли на десять областей и столько же климатических поясов. Полезным для наблюдений будет учет направления ветров, особенностей климата, влияния морей и расположения земель. Затем Земля должна быть разделена приблизительно на четыре или пять поясов и их местоположение должно быть соотнесено с картой звездного неба. После этого перейдем к той части Земли, которая наиболее освоена и лучше изучена, и именно здесь нам надлежит перейти к прославлению

ее жителей. Надо отметить, что это прежде всего Европа, где расположены Испания, Франция, Италия, Греция, Германия, Скандинавия и Дания, а также острова, примыкающие к ней. Азию можно разделить на Большую и Малую; первая из двух названных включает Ассирию, Парфию, Мидию, Гирканию (часть Персии), Ариану, Гедросию, Индию, Скифию, Ближний и Дальний Имас; вторая — Фригию, Лидию, Ликий, Киликию, Карию, Памфилию, Сирию, Галатию, Каппадокию, Понт и Армению. Подобным же образом подразделяется и Африка — на Мавританию, Ливию, Киренаику, Египет, Эфиопию, Нумидию и регионы, населенные только неграми. Было бы достаточно назвать главные реки, горы и моря, используемые в качестве границ, и указать для каждого региона соответствующие небесные меридианы и параллели.

От географии легко перейти к хорографии, которая описывает регионы. Наше объяснение будет более понятным, если каждый регион мы опишем отдельно. Например, Испанию, которая является одной из частей Европы, мы разделим на Бетику, Лузитанию и Тарраконскую провинцию; последнюю, в свою очередь, — на Галисию, Кастилию, Наварру и Арагон, границы которых определяются реками Эбро, Гвадиана, Тахо, Гвадалquivир, Дуэро и теми горами, общепринятое название которых Адриановы и которые отделяют современную Испанию от древней. Затем мы определим среднюю широту региона как 40 градусов, а долготу как 15. Протяженность в длину — 14 градусов, в ширину — 7 градусов. Подобная система описания должна быть использована и для других регионов. Наконец мы перейдем от хорографии²⁵ к топографии и геометрии, к описанию и измерению отдельных мест. Вспервах, мы рассмотрим оставившие след в истории города, порты, побережья, проливы и морские заливы, перешейки, мысы, поля, холмы, косогоры, утесы, вершины, пастбища, леса, рощи, перелески, чащи, сады, плоскогорья, крепости, поселения, префектуры, муниципалитеты, цитадели, церкви, деревни, соборы, поместья (если этого потребует материал). Иным образом мы будем рассматривать всеобщую историю. Ошибаются те, кто, изучив карты регионов, пытается научиться сопоставлять картину всего мира и отдельных его частей, чтобы понять соотношение единичного и целого. Не меньше ошибок выпадает и на долю того, кто думает, что может понять частную, специальную, региональную историю раньше, чем установит порядок и последовательность всеобщей истории и всех ее эпох, остановившись на общепринятых четырех. Мы будем проводить столь подробные исследования в отношении каждого народа, потому что если кто-либо захочет ясно понять и запомнить историю римлян, то ему необходимо вначале прочитать Секста Руфа²⁶, который на четырех страницах изложил всю историю; затем освоить изложенное Флором²⁷, а потом — Флавием. И лишь в конце ему надлежит прочесть Ливия и Полибия. Я предлагаю подобный же путь изучения истории франков, которую Жан дю Тилле²⁸ подробно изложил в одной маленькой книге. Я полагаю, что ее нужно протудировать прежде, чем обращаться к работам Павла Эмилия из Ве-

роны²⁹ и Ксифилина³⁰, раньше сочинений Диона (Кассия)³¹, Юстина³² или Трога Помпея. Их произведения, несмотря на то что сейчас их почти не читают, все же достаточно важны. Однако для понимания всеобщей истории этого мало, если мы не поймем деталей, то упустим и целое; и только если эти два подхода соединить вместе, то, по мнению Полибия, они принесут беспримерную пользу. Многие из тех, кто читал у Руфа лишь названия глав или поверхностно просмотрел Ливия, именно детали и упустили. При таком прочтении от сочинений Ливия не может быть никакой пользы. В этом же видит причину забвения трудов Трога Помпея и Ксифилина Святого и Юстин. (Мы не можем правильно понять назначение той или иной части в их произведениях, как не можем восстановить назначение частей тела, отделенных от неизвестного нам живого организма.) Вместе с тем многие вещи опускаются и вообще нигде не излагаются. В конце концов было бы хорошо, если бы все речи и дела, достойные упоминания, мы передали хранилищам памяти, как сокровища — сундуку; мы предъявим нашему судье все лучшее, что увидим; тем более что нет ничего более подходящего для этого, чем предложенная нами выше классификация человеческой деятельности.

ГЛАВА III

О ПРАВИЛЬНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ИСТОРИИ

Поскольку предстоящий разговор касается главным образом рассмотрения человеческих отношений, то давайте дадим слову “история”, которое само по себе понятие довольно широкое, более узкое определение и впредь будем рассматривать ее как дисциплину, изучающую деятельность людей, ясно описанную в повествованиях о событиях давно минувших дней. Но многогранность и неупорядоченность человеческой деятельности, многочисленные свидетельства истории, в которых действия и дела людей связаны с определенными занятиями, представляют собой такой запас разнородного материала, что исторические работы явно не могут быть поняты без четкой системы, иначе их содержание ненадолго задержится в памяти. Следовательно, то, что ученые привыкли делать в других дисциплинах, — помогать людям в запоминании, я думаю, должно стать нормой и для истории. Сходные примеры знаменитых событий следует поместить в определенном порядке для того, чтобы из опыта былого, как из сундука с драгоценностями, мы могли бы извлечь множество решений для управления нашими делами. Конечно, мы не испытываем недостатка в учениях эрудитов, которые из чтения исторических книг сумели извлечь мудрые мысли, известные как краткие изречения — афоризмы. И хотя в человеческой деятельности обычно выделяются три вещи — планы, слова и дела, что и определило добродетели — думать хорошо, говорить хорошо и поступать хорошо, все же писатели обращали свое внимание в основном только на слова. Они опустили то, что подразумевается в планах и выражается в поступках. Некоторые, правда, записывали не только изречения, но и дела знаменитых людей, но сделали это довольно невыразительно и без тщательного продуманного плана. Кроме того, они зачастую смешивали человеческие дела с Божественными, а описания природы, в свою очередь, с человеческими делами и с делами Божественными; почти никто из них не попытался предложить возможные варианты действий государя, хотя очевидно, что безопасность государства часто зависит от решения одного человека. И поэтому я думаю, что материал должен быть расположен так, чтобы в трех разделах нам удалось охватить все области. Во-первых, дела человеческие, во-вторых — природные, в-третьих — Божественные. По той причине, что в делах людей царит полный беспорядок, причем беспорядок больший, чем в других областях, согласитесь, что нам следует отложить естественную и Божественную истории и сосредоточиться на правиль-

ном расположении человеческих помыслов и поступков. И если в этом мы установим порядок, тогда нам удастся показать, что краски истории могут быть хорошо подобраны, каждая будет высвечивать свое. Делание определяется как нечто, являющееся результатом само по себе. Подобно речи, делание не оставляет каких-либо вещественных свидетельств. Деятельность же, напротив, определяют как то, что оставляет некий продукт, полученный в результате работы, подобно письму. Однако так как все наши рассуждения мы стремимся сформулировать в понятных терминах, то давайте оставим словесные изыски и определим слово “деятельность” более широко, включив в это понятие все планы, слова и поступки, рожденные волей человека. Это предполагает то, что воля является незагрязненной и свободной от страсти, подобно воле мудреца; воля не должна быть замутнена и эмоциями, например радостью или гневом, хотя многие люди из тех, кого можно называть невоздержанными или даже сумасшедшими, как говорится, не ведают, что творят; эмоциональные люди действуют под влиянием определенной слабости характера. Бывает и так, что поступок совершается вынужденно, как, например, происходит, когда из-за страха расстаются с драгоценными вещами. В этом случае человек действует не добровольно или под влиянием эмоций, это вынужденное решение, ибо предпочтительнее потерять свои богатства, но сохранить жизнь. Если же человек не владеет собой, как, например, поступки сумасшедшего и того, кто не осознает, что происходит, то в этом случае кажется, что, возможно, его деятельность не столько человеческая, сколько Божественная; а поскольку она далека от Божественной природы, то, вероятно, может возникнуть и по принуждению дьявола¹. Все это подобно явлениям природы, например силе притяжения или отталкивания, и происходит без человеческого воздействия. Опять же если человек причинит ущерб кому-то в качестве ответной меры, то он не согрешит, ибо первоначальное действие исходит не от него. Так же происходит, когда Бог или Божественное провидение побуждает кого-либо к пророчеству, это действие вовсе не человеческое, потому что оно не контролируется волей человека. Итак, человеческими являются те действия, которые вырастают из планов, высказываний или поступков людей, когда воля прокладывает действию путь. Жажда власти — первооснова человеческой деятельности; бывает, что она подчинена разуму, а бывает — самым низменным вожделениям души, мечущейся в поиске или сокрытии чего-либо. Но поскольку природа породила в человеке изначальное стремление к самосохранению, каждый прежде всего осваивает действия, без которых невозможно выжить; позднее все устремления направляются на вещи, без которых на самом деле жить можно, но без излишеств, а если и с излишествами, то не роскошно или если и роскошно, то все же не испытывая того сильного наслаждения, которое так приятно радует чувства и разум; поэтому далее следует стремление к приобретению богатств. Но так как не существует предела нашим желаниям получать удовольствие — и это является общим и для чело-

века и для животного, — то чем благороднее человек, тем дальше он находится от уровня животного и тем меньше его привлекает желание господства; в этом он может возвыситься над всем животным миром. Но это же стремление к власти является и причиной страстного желания доказать свое превосходство, и причиной стремления совершать насилие над слабым; поэтому происходят разногласия, войны, резня, появляется рабская зависимость. Такая жизнь свирепа и полна опасности, тщеславия, и все это не может удовлетворить человека возвышенной души. В конце концов люди, одаренные от природы, постепенно переходят к деятельности морального и духовного плана, способной обеспечить истинную похвалу и долговечную славу. Многие считают духовную и моральную деятельность своей высшей целью. А поскольку все в природе стремится к покою, то очевидно, что человек, занимающийся добродетельной деятельностью, в определенные моменты нуждается в отдыхе. В этом кроется причина того, что человек мало-помалу, отвлекаясь от своих занятий, от забот и сообщества собратьев, ищет уединения, в котором он может обрести покой и созвучие с природой. Тут он, окидывая взглядом человеческие дела и видя неустойчивость и непредсказуемость их результатов, обращается к исследованию неизменных причин жизни природы; процесс созерцания приводит его в такой восторг, что он посвящает всю свою энергию пониманию этих причин. При этом он способен даже пренебречь властью и богатством королей; более того, многие из тех, кто управлял великими империями, охотно принимали решение избрать такой образ жизни и отказаться от царствования. В результате появляется совокупность знаний и добродетелей, которые в силу того, что они опираются на одиночество в познании истины, называются умозрительными. Очевидно, человеку, одаренному от природы, недостаточно продвижения в постижении лишь тех дисциплин, предмет которых постигается чувствами. Тогда он обращается к вещам, понимаемым только умом, и при помощи силы и могущества бессмертной души взмывает на быстрых крыльях вверх в поисках первопричин своего происхождения, тесно связанных с Богом. В этом и состоит цель человеческого действия — конечное и высшее блаженство, к нему направлены все планы, слова, дела человека, его устремления, тяга к знанию и добродетели. Конечно, называть созерцание деятельностью не совсем точно, но все же Аристотель сделал это; и хотя здесь наблюдается противоречие, но он определил счастливую жизнь иначе, чем деятельность².

Теперь давайте расположим эти вещи по порядку; занятия первого вида определяются знаниями, относящимися к защите жизни человека и избежанию болезней и простуд, — это охота, разведение скота, сельское хозяйство, строительство, гимнастика и медицина. Ко второму виду принадлежат торговля, искусство управления, ткачество и механические ремесла; к третьему — защита и распространение лучшей жизни, насыщение ее знаниями, помогающими нам накапливать богатства и правильно использовать то, что приобрели; этот вид определяется

уровнем развития занятий первого вида. Наконец следует деятельность, которая способна стать подлинным источником наслаждения. Все эти многочисленные виды деятельности постепенно влияют на чувства или разум или на то и другое одновременно. Для вкусовых ощущений, конечно, первостепенное значение имеет знание приправ, для осязания — малайзийские эротические наслаждения, для обоняния — благовония, для зрения — расположение линий и многообразие красок, смешанных соответствующим образом и используемых в живописи, гравировке, декоративном искусстве, литейном деле, скульптуре и даже в различных способах крашения и вышивки, для слуха — красноречие, выраженное в стихотворных размерах или риторических оборотах. Хотя люди со временем утрачивают чувство гармонии, но все-таки она оказывает влияние до тех пор, пока простотой и естественностью способна излечить серьезные болезни ума. Какофония звуков и быстрых ритмов обычно делает человека безумным; это случается с теми, кто не способен оценить дорический лад жизни и величавые манеры, они настраиваются на ионический лад, чтобы произвести впечатление людей выдающихся, но многие из них теряют рассудок. Поскольку одиночество никому не приносит радости, так как человек нуждается в общественном признании, то, следовательно, люди ищут возможности соединиться в группы, а учитывая то, что человек наделен Богом бесценным даром — душой — и связан с Творцом определенным сходством, мы не должны сравнивать объединения людей со стадами животных, тем не менее в политических образованиях человек хоть и может жить счастливо, но эту жизнь трудно было бы назвать прекрасной.

Далее, не должно вызывать удивление то, что деятельность людей направлена на защиту жизни человека и человеческого сообщества, скорее это определяет ее большие преимущества. Понимание этой потребности воспитывается гражданским, домашним и нравственным обучением; кроме того, первое учит контролировать государство, второе — семью, третье — самого себя. Действительно, человек должен прежде всего научиться разумно управлять собой, основываясь как на принципах справедливости, так и на знании законов, прежде чем он сможет управлять женой, детьми и слугами; и он должен научиться управлять семьей прежде, чем сможет управлять государством. Первый путь к господству — это власть одного человека над другим, второй — одного человека над несколькими. Управлять женой можно посредством супружеской любви, слугами — путем хозяйского контроля, детьми — родительской любовью, управлять же богатством, приобретенным для поддержания жизни, можно путем его экономного использования. Второй путь простирается очень далеко, охватывая не только управление союзом нескольких семей, объединенных родством или совместной торговлей, но и меры по укреплению и защите этого союза; он постигается людьми через гражданское воспитание, иными словами, через умение приказывать и подчиняться приказу. Я не называю, как это делают

многие, гражданское воспитание правовым, поскольку первое лишь небольшая часть второго, дающего многообразные знания и регулирующие всю человеческую деятельность. Частями юриспруденции являются прерогатива власти, законотворчество и исполнение. Прерогатива осуществляется многими способами, которые можно свести к четырем, и сопряжена [она] со многими видами деятельности, в которых отражаются свойства верховной власти; итак, она осуществляется в выборе судей, членов магистрата и в определении каждой сферы правосудия; в принятии и отмене законов, в объявлении войны и заключении мира, наконец, в определении штрафов, наград и в высочайшей власти помилования. Функции верховной власти обычно осуществляются через законодательную власть. Одно дело — провозгласить закон, другое — обсудить его; последнее является правом Сената, первое — народа, или государя, или того, кому принадлежит верховная власть. Обсуждение также уместно при решении вопросов, касающихся обороны, ремонта общественных зданий и, наконец, тех гражданских дел, которые выпадают из сферы действия законодательства. Наиболее важными из всей сферы государственной деятельности являются управление, разделение функций, правосудие, созыв совещательных органов и церемониал. При этом учтем, что низшие виды деятельности основаны на силе принуждения, высшие — на силе убеждения, а оно имеет власть не меньшую, а иногда даже и большую. Люди низменные удерживаются от преступлений законами и боязнью наказания, тогда как лучшие из людей — рассудком или верой, побуждающей к чести и добродетели. Изначально дикие и свирепые, как звери, люди должны удерживаться от жестокости и грабежа солдатской рукой. Другой способ управления опирается на силу закона и справедливости, последний же — на общественное мнение и страх перед Богом. Человеческие сообщества держатся прежде всего на знании закона, на силе красноречия и убеждения, а также на вере. Если солдаты смело сражаются, судьи — справедливы, священники — благочестивы, то управление по всем трем направлениям дается легко до тех пор, пока оно основано на гражданском порядке и контроле. Государственная деятельность направляет также движение общих потребностей — разведение скота, развитие сельского хозяйства, медицины, ремесел, деятельности, которая обеспечивает основные и необходимые условия жизни. Гражданский порядок определяет и развитие литературы, например толкователей закона Божьего или законов человеческих или тех, кого древние называли софистами, а позднее стали называть грамматиками, философами и математиками. Древние совершенно справедливо называли эту сферу архитектурикой³, потому что она предписывает законы всем мудрецам во всех областях знания таким образом, чтобы их деятельность была направлена на общее благо, а не на причинение смут и нанесение ущерба государству.

Вдобавок ко всему гражданский порядок определяет функции каждого человека, служит ли он в гражданском учреждении либо в военном; последние заботятся о военных делах, а первые — о внутреннем

управлении, работе советов, правосудия, о годовом бюджете, расходах, пополнении казны, о землях, зданиях и о религии. Вся классификация этой деятельности содержит семь видов: первый не предполагает почестей, денег или власти, к этой группе принадлежат люди, которые контролируют налоговую сферу, военное обучение, обязанности стражи, защиту города, следят за учреждениями этого типа, выполняя свой долг без оплаты; второй вид включает тех, кто имеет оплачиваемые каким-то образом общественные обязанности, но не имеет общественного положения, сюда входят глашатаи и те, кто обычно следит за расположением и содержанием городских помоек. Третий вид работ выполняется теми, кто имеет несколько оплачиваемых общественных должностей, не лишенных престижа, но не предусматривающих получения какого-либо особого звания; это, например, трактирщики, писцы, нотариусы, судебные исполнители и их помощники. Четвертый вид приносит почести и награды, но еще не дает верховной власти; это, например, священники и послы. Пятый предполагает великую честь, без вознаграждений и власти; таково звание президента Сената или дожа в Венеции. Шестой наделяет и честью и властью, но без оплаты, и распространяется на магистратов⁴; к таковым относятся консулы⁵, преторы⁶, цензоры⁷, трибуны, архиепископы, эфоры⁸ и им подобные. Последняя группа состоит из людей, которые имеют и честь и власть и получают при этом доходы; таковых всего 120 человек — это те, кто рассматривает судебные дела венецианцев, хотя это характерно и для других народов; эта группа включает тех, кто осуществляет правосудие, основанное на могуществе и авторитете человека, обладающего верховной властью в государстве. Мы не будем рассматривать отправление религиозного культа как часть гражданского порядка, хотя деятельность священников и епископов контролируется властью магистратов; но делается это прежде всего потому, что церковные обряды и церковные налоги в государстве должны строго защищаться. Религия сама по себе является непосредственным обращением просветленного разума к Богу; поэтому она может существовать вне сферы внимания гражданского порядка, только в душе одного человека, при этом этот человек, по мнению многих людей, окажется счастливее всех остальных потому, что он отделен от гражданского общества. Гражданская же жизнь требует непрерывного действия, ведь государство в целом не может быть занято неперерывным действием, так же как все тело целиком или все свойства души не могут быть полностью отданы размышлениям. Если мы определим благо только лишь как созерцание, то это состояние, являющееся счастьем для одного человека, не будет счастьем для государства. Это двусмысленное положение очень беспокоило Аристотеля⁹, и он так и не смог найти из него выход; поэтому, по утверждению Варрона¹⁰ (Марсилио Фичино¹¹ приписывал это также и Платону¹²), идеалом для человека, живущего в обществе, является не только исключительно досуг или только чистая деятельность, мы должны определить характер этого идеала как смешанный, если хотим сделать его

универсальным и для отдельного человека, и для общества. Разум не может довольствоваться простым созерцанием до тех пор, пока он не будет целиком отделен от тела.

Итак, человеческая деятельность ограничивается ранее приведенной классификацией; если что-то было упущено нами, то это легко может быть восстановлено и соотнесено с ней. Когда мы подразделили историю на три вида — историю человеческую, естественную и Божественную, то мы уже тогда поместили в первый раздел отдельные действия человека и человеческие поступки, что соответствовало нашей классификации. Теперь же мы прежде всего остановимся на теме безвестности и славы народа, вторая тема — жизнь и смерть, третья — удобства жизни, затем — богатство и бедность, удовольствие и боль, слава и бесчестье, красота и уродство тела, сила и слабость, грубость и изысканность манер, невежество и знания, талант гениев и посредственность. И только после этого мы перейдем к нравственному обучению и общему обсуждению добродетелей и пороков; затем последует рассмотрение домашнего воспитания, взаимной любви мужа и жены или взаимных чувств между родителями и детьми, правил поведения, прав хозяев и смирения, послушания слуг. Или, если такой путь покажется предпочтительнее, мы будем рассматривать взаимные обязанности сильных и слабых по отношению друг к другу, финансовые премудрости, любовь и ненависть, общественные отношения и торговлю, родственные и семейные отношения. Позднее мы будем иметь дело с гражданским порядком, сначала мы поговорим о власти, королевских прерогативах и деспотическом управлении, о людях состоятельных и непокорном плебсе, о правлении оптиматов и обостренном самолюбии избранных. Мы обсудим проблему выдвижения советников в государстве, принятия и отмены законов, права магистратов и частных лиц, тему объявления войны и заключения мира, организации защиты граждан и отражения нападения врагов; поговорим о поражениях и победах, наградах и наказаниях, о наложении и снижении налогов, о назначении на должность и снятии, а также об отзыве посольств, об утверждении и отмене союзов и корпораций, о руководстве обучением и развитии наук, коснемся общественных и частных судебных разбирательств, обсудим наказания — мягкие и суровые, исполнение приговоров и помилование, собрания и речи ораторов. Наконец, мы коснемся сельского хозяйства и разведения скота — занятий, благодаря которым в основном и существуют государства, затем — торговли, медицины, фармакологии, музыки, гимнастики, живописи и скульптуры, парфюмерии, других видов деятельности, направленной на обеспечение удовольствий. Далее коснемся вопросов литературы, толкования Божественного и общественного законов. Второй раздел в достаточном полном объеме отразит историю природных явлений, с которыми часто приходится сталкиваться при чтении исторических сочинений. Сначала будут рассмотрены принципы, лежащие в основе определения природы времени, места, движения, с его скачками и спадами, изменениями, будут рас-

смотрены первоэлементы и их природа, затем — простейшие элементы, металлы, камни, типы растений, живые существа, разделенные на три группы, и наконец небесные светила, размер и форма мира. Все эти вещи можно объяснить более точно на основе предельной неизменности природы. Последний раздел касается Божественных явлений; сначала поговорим о человеческом разуме, который является наивысшей точкой естественного развития, но самой низкой Божества; затем — о тройственной природе разума, потом — о Боге, его деяниях, о пророчествах, наконец — о религии и об отсутствии набожности. Эти темы могут изучаться в таком порядке, в каком они размещены в соответствующих разделах, или в том, который покажется более удобным для каждого читателя. В специальном разделе мы изложим достопамятные факты, встречающиеся при чтении истории; при этом на полях каждого раздела, касающегося человеческой деятельности, будут добавлены заметки о планах, словах и поступках; каждую часть мы будем начинать с заглавных букв. Далее мы покажем то, что при пристальном рассмотрении может оказаться благородным, низменным или не имеющим нравственной окраски. Тогда мы будем делать пометку “С.Н.” (*consilium honestum*) — благородное, заслуживающее внимания мнение. Но если кто-либо, отвергая учение стоиков, предпочитает отделять благородное от полезного, низменное от бесполезного, то я возражать не буду. Затем мы установим четыре вида деятельности, классифицируя их как низменную и благородную, полезную и бесполезную. Но, например, куда отнести план Фемистокла об уничтожении флота: в интересах государства он был передан Аристиду, что было крайне полезно для последнего, но не благородно. Подобные темы мы осветим в главе “О планах, разработанных в интересах государства”, добавив на полях буквы “С.Т.У.” (*consilium turpe utile*), т. е. пример безнравственный, но полезный.

Кроме того, прежде чем помыслы воплотятся в слова и дела, необходим совет. Совет может и не воплотиться в делах, но они не могут существовать без него. Без совета невозможно обойтись по крайней мере до тех пор, пока не задумают что-то вовсе безрассудное. Замыслы великих дел почти всегда секретны; раскрывать их рискованно, и они мало кому известны до тех пор, пока поступок не совершен. Например, полезный совет Цинцинната¹³ во время великих бурь и кризисов часто спасал государство римлян. Когда плебс, охваченный эмоциональным подъемом, захотел удвоить количество трибунов и апиусов, а консул яростно воспротивился этому, Цинциннат сказал в узком кругу: “Одобрите это, так как чем больше трибунов, тем более ограничена власть каждого из них и протест одного может ослабить или приостановить власть всех”. Конечно, плебс не сообразил, что был обманут, и благодарил Сенат так, как будто ему была оказана великая милость. Пусть планы, направленные на пользу государству, будут названы полезными и благородными. Что касается известного поступка Матиуса, который, купив дом и испытывая при этом угрызения совести, заплатил продав-

цу больше, чем тот просил, то его можно назвать благородным, но бесполезным. Тогда как план Фемистокла¹⁴, решившего тайно предупредить короля Персии о намерении греков отрезать мост, который соединял Азию с Европой, был не только благородным, но также очень полезным, как для самого Фемистокла, сохранившего тем самым расположение персов, так и для всей Греции, ибо побудил персов к поспешному отступлению. Почти всегда полезные вещи оказываются благородными. Если следовать предложенной классификации, то иногда планы, слова и поступки совпадают, например план Секста Тарквиния¹⁵, направленный против Лукреции, был коварным, речь была еще хитрее, а поступок — и вовсе наиковарнейшим. Иногда произнесенные вслух слова могут отличаться от планов или поступков; так было, когда Август захотел установить свою власть пожизненно, нанеся поражение Марку Антонию при Акции¹⁶. Он прибегнул к неожиданным методам, прямо противоположным тем, о которых говорил в речи, произнесенной в Сенате. В речи он действительно неоднократно отказывался от управления государством и просил освободить его от власти, но в конце концов, одолеваемый мольбами тех, кого сам же и подкупил, он призвал в свидетели богов для того, чтобы поклясться, что по истечении десяти лет своего правления, если страсти улягутся, он передаст власть другому. В итоге этими ложными клятвами он продлил свое правление на сорок пять лет. Здесь Цицерон, не терпящий раболепия, сказал бы, что благородная речь не соответствует низменным планам. И так как один и тот же исторический факт может быть рассмотрен с разных точек зрения и подан под разными заголовками, то мы должны внимательно следить за основными мыслями исторического сочинения. Как в том случае, когда Плутарх в “Жизнеописании Деметрия”¹⁷ и Аппиан в “Сирийских войнах” рассказывали об Антиохе¹⁸. Антиох, возбужденный невероятной страстью к своей мачехе Стратонии, начал чахнуть и, казалось, был при смерти. Положение, однако, спас Эресистрат, сын дочери Аристотеля, который остудил силу любви, опираясь на свой опыт. Он сказал Селевку, отцу Антиоха: “С твоим сыном все кончено”. Селевк потребовал объяснений, тогда Эресистрат сказал: “Он отчаянно влюблен в мою жену”. Селевк отвечал: “Я не доволен тобой. Почему ты не можешь уступить любви молодого человека?” На что Эресистрат резонно заметил: “Но ведь ты тоже не уступил бы своей любви никому?” Селевк воскликнул: “О, если бы боги повернули его любовь к моей дорогой Стратонии!” В этот момент Эресистрат сказал: “Ну что ж, раз так, то тебе уже предоставлен случай быть одновременно и отцом и лекарем”. И Селевку ничего не оставалось делать, как уступить мачеху Антиоху. За эту услугу Эресистрат получил шестьдесят тысяч золотом. Эта история касается и любви, и избавления от серьезного недуга, и отцовской любви, и сыновнего уважения, и щедрости, и, наконец, смелой и мудрой речи Эресистрата. Все же поскольку великая сила любви отца к сыну помогла благополучной развязке событий, то мы будем ссылаться на эту историю, приятную и памятную, оценивая ее не как историю о доб-

родетели, или щедрости, или благополучном исцелении, а как историю о любви.

В речах людей также можно обнаружить много вещей горьких, отвратительных и позорных, их называют зачастую низкими, но мы знаем речи и изысканные и мудрые, которые признаются как благородные. Однако те, которые не соответствуют определению “низкие” или “благородные”, я обычно отношу к разряду “нейтральных”. Фокион¹⁹ заметил однажды Демосфену: “Люди уничтожат тебя, стоит им только разбушеваться”. “Или тебя, когда они образумятся”, — был ответ. А когда Демосфену²⁰ кто-то задал глупый вопрос: “Кто самый лучший из граждан?”, то он ответил: “Тот, кто не похож на тебя”. Подобные удачные остроты служат украшением речи.

То, что происходит по воле случая, хотя ничто не может быть случайным, более удобно отнести к примерам из человеческой жизни, но стоит отойти от общепринятой терминологии и станет ясно, что случаи эти имеют своим источником иногда Божественные силы, а иногда — природу. Иллюстрация этому в словах Тацита²¹, который пишет, что среди федератов пятьдесят тысяч человек умерли в изнеможении в амфитеатре²². Это будет помещено под рубрикой “Смерть”; этот же заголовок будет дан для рассказов о потерях, кораблекрушениях и случайных поражениях. Под одним и тем же заголовком могут оказаться и противоположные темы, поскольку они почти соседствуют в истории; так сказать, добродетели и пороки, подлость и благородство идут рука об руку, так что, составляя перечень человеческих качеств, можно говорить одновременно о противоположностях: например, простота соседствует с благоразумием и хитростью; трусость — со смелостью и безрассудством; самонадеянность — с надеждой и отчаянием; непостоянство — с постоянством и упрямством; флегматичность — со сдержанностью и несдержанностью; высокомерие — со скромностью и самоуничижением; жестокость, которую Сенека²³ мудро назвал пороком души, — с мягкостью и терпимостью; скупость — с щедростью и расточительством; шутство — с вежливостью и невоспитанностью; лесть — с доброжелательностью и замкнутостью; милосердие — с верой, последние не имеют крайних степеней и обозначают лишь то, что они обозначают. В определенных случаях крайности не допускают промежуточности в смысловых оттенках, как, например, в словах “зависть”, “злорадство”, “угрюмость”, “наглость”; даже малая доза этих качеств не украшает добродетельного человека и воспринимается как порок из века в век.

Но если кто-либо не удовлетворится таким подходом к добродетелям и порокам, то можно добродетели выделить и свести их все к четырём — благоразумию, сдержанности, честности и справедливости, которую Филон²⁴, избегая двусмысленности слов, называл высшим благом, полагая, что она являет собой и честность, и высокую нравственность в их высших проявлениях. Платон учил, что каждый человек сам воспитывает себя в духе справедливости, или, как говорят иудеи,

каждый человек воспитывает в себе справедливое милосердие²⁵. Платон считал благоразумие спутником возвышенной души, руководителем на пути к желаемому, способным предупредить об опасности; смелость он помещал в сердце; сдержанность — в печень, однако высшим проявлением всех этих качеств он считал справедливость, которая подает команду разуму, приводя все в гармонию. Таким образом, казалось бы, он всему определил свое место. Но в действительности это или совсем ничего не означает, или же справедливость была совершенно перепутана с благоразумием. Все, что связано с деятельностью правоведов, называется не нравственной добродетелью, но благоразумием. Человек, который лишает других собственности или принимает неправильные решения, поступает плохо; тот, кто хвастает тем, что забрал жизнь у того, кому ее не давал, выглядит диким и грубым. Если мы наделим полномочиями, связанными с такого рода справедливостью, низкую душу, то сами попадем в разряд диких зверей, потому что уравнием низкое и справедливое. Но если что-либо и объединяет души людей, так это — благоразумие, которое служит связью между всеми добродетелями и различными областями знания и при этом являет собой высшую добродетель. Если мы на этом не остановимся особо, то не ответим на вопрос философов, является ли благоразумие добродетелью. Как аргумент мы приведем мнение самого Платона, который в последней книге “Законов”²⁶ мерилom всех видов деятельности человека называл добродетелью, а мерилom добродетели — благоразумие. Теперь, отвергнув мнение стоиков, мы наделим добродетелью деятельность, относящуюся к разуму или ученым занятиям — теоретическим, практическим и результативным. Подходя таким образом, можно обнаружить, что исторический факт, явившись нам через письменное слово, не может не вызвать похвалы или порицания и что каждый такой факт обретает свое соответствующее место. Если при изучении истории кажется, что подлость сочетается с благородством, полезное — с бесполезным, то мы должны, избегая дискуссии, отнести это к надлежащему разделу. Иногда подлость становится популярной в истории благодаря красочным описаниям.

Далее обратимся к примеру из деятельности римского Сената, который приказал галльскому проконсулу разрушить союз ахейцев, и это при том, что если бы тот следовал добродетелям своей природы, то ему, наоборот, надлежало бы поддержать их дружбу и примирить, случись им поссориться. Мы считаем, что это было бы полезнее для римлян, потому что и лакедемоняне, и венецы, и многие другие народы придерживались именно этого пути; Демосфен же в своей речи против аристократов показал выгоду избранного пути и для афинян. Однако если нарушались права народа, то это должно оцениваться как бесполезное и недостойное. По мнению неопытных и несведущих людей, для Карла V²⁷ было выгодно убить послов Рихена и Фредоса и скрыть, что они были убиты его людьми, потому что они имели своими союзниками армию турок. Все же это преступление не только оказалось подлым, но и обер-

нулось самым пагубным образом против Карла V и его страны, став поводом для великой войны, в которой христианское королевство запылало в огне. Разрушение Коринфа²⁸ и поражение Тарента²⁹ не имело какой-либо иной причины, кроме оскорбления послов. Тот, кто предпочитает следовать не решениям своего народа, а лишь совету мудрых, обречен постоянно делать ошибки в управлении государством³⁰. Наконец, читая работы историков и даже обильно их цитируя в своих трудах, нам все-таки следует как-то выделять абзацы и части на полях. Это позволит нам относить нужные факты к определенной теме. Немало пользы принесет и повторение самых важных мест, так как сведения более прочно осядут в памяти.

ВЫБОР ИСТОРИКОВ

Одна из особенностей изложения древней истории была очень уничижительной для скифов и сподвигла их на попытку уничтожения всех книг и документов древних. Заключалась эта особенность в том, что библиотеки и архивы греков и римлян были заполнены письменными памятниками, восхваляющими их собственные героические дела, но при этом все другие народы, которые совершали дела не менее великие, были несправедливо забыты или история их описывалась в неприятных, резких и даже враждебных тонах. И это действительно правда, ибо греки и римляне не знали предела в восхвалении самих себя; другие народы, например евреи, долгое время вообще ничего не записывали о себе. Я не знаю, почему те, кто на деле ведет войны и управляет делами, как правило, сторонятся подробного описания событий, а люди, которые посвящают себя таким описаниям, часто становятся пленниками ловушек, расставленных их же собственными восторгами и восхвалениями. И это не делает их произведения более привлекательными и почти никогда не вызывает интереса у нас. Кроме того, часто случается так, что народы, долгое время преклонявшиеся перед физической силой и силой духа, позднее обретают интерес к литературным занятиям. Это происходит потому, что мирные занятия смягчают их нрав и они становятся более миролюбивыми и наблюдательными; а люди, которые занимаются созерцанием Божественных и природных явлений, не только избегают кровопролитий и убийств, но и вовсе избавляются от варварства и жестокости. Очевидно, что этот процесс прежде всего коснулся греков, затем — римлян и только потом распространился на другие народы. Например, Фокион пишет об афинянах, которые разили превосходящего их врага не только военной силой, но и словом. Демад¹ добавляет, что афиняне обожали флейту, искусство владения которой сравнивали с искусством владения речью. Мягкость проявлялась даже у азиатов, которые любили порассуждать. Спартанцы в целом, несмотря на недостаток в литературных знаниях, были знамениты своими делами как на родине, так и за ее пределами; их подвиги воспевались не только актерами и поэтами, их признавали даже враги спартанцев. В то же время вполне достойные восхваления ратные дела кельтов, германцев, арабов, турок — их войны и многочисленные победы — теряются в забвении или являются нам лишь в скудных комментариях их врагов. А вот греки, в противоположность этим народам, в деталях расписывали битвы при Саламине² и при Марафоне³; причем свои хроники они составляли с та-

кой тщательностью, что даже нам эти события представляются самыми важными в тот период. Еще одним примером безупречного владения словом может служить ответ Александра Великого, уже победившего персов и занявшего трон Персии, послам Греции; когда те сообщили полководцу о том, что его родина объята пламенем великой войны, то получили ответ, так поразивший их своей вежливостью и спокойствием, что великая война показалась им войной мышей и лягушек. Причины побед Александра в войнах с азиатами и персами, которых и Катон⁴, и Цезарь называли женоподобными, кажутся незначительными, если сравнить их с причинами побед над кельтами, германцами, турками, татарами. Это легко понять, если прислушаться к тем военачальникам, которые причинами своих побед считали слабость противника и невыгодные условия, в которых тот оказался.

Для того чтобы собрать крупницы истины из разных источников, при отборе и учете личных особенностей авторов и при изучении их произведений мы должны помнить мудрое изречение Аристотеля: “Когда читаешь историю, неизвестно, что более необходимо — верить или постоянно сомневаться”. Если мы согласимся со всем, о чем пишут, не усомнившись ни в чем, то наверняка примем правду за ложь, а это может привести к грубейшим ошибкам в управлении государством; если же мы не доверимся слепо всему материалу, который содержит история, то в делах нас будет ждать победа. Первое указание относится к ошибкам тех писателей, которые детально разрабатывают все документы прошлого наряду с баснями и выдумками. В связи со вторым указанием упомянем турок, которые говорят, что не имеют сведений о прошлом, хотя и очень им интересуются, потому что они уверены, что надежный и правдивый рассказ не может быть написан людьми, которые следуют слухам. Но еще более отвратительны те писатели, которые присутствовали при описываемых событиях или принимали в них участие, но во многом излагают их лживо или уклоняются от правды из-за корысти или страха перед немилостью владык. Сам Плутарх напоминал об этом, и на своем пути он избегал подобных ловушек. Но почему писатели обращаются прежде всего к потомкам, забывая при этом, что есть еще и современники? Среди множества писателей найдутся и такие, кто при изложении событий не руководствовался ни чьими-то мольбами, ни подкупными, ни завистью, ни какими-либо другими чувствами, но при этом осторожного читателя поразит в большинстве случаев нечто среднее между пороком тщеславия и глупостью, поэтому следует тщательно выбирать лучших авторов, при этом надо обращать внимание не только на форму выражения, но и на содержание и авторские оценки в интересующей вас работе. И только таким образом внимательный читатель сможет ясно понять характер и способности историка. Интересно, что писатели, произведения которых известны даже в народе, как правило, не поддались влиянию чужих мыслей или мнений. Но требование беспристрастности не должно отпугивать лучших людей, ведь мы ставим своей целью ограничить активность худших. Мне

не хочется выносить окончательные приговоры, так как эта ответственность требует довольно высокого мастерства и таланта. Я просто попытаюсь высказать приемлемые принципы изложения истории и привести некоторые заслуживающие внимания примеры. Если кто-то не примет моих подходов, то я не буду чувствовать раздражения, даже если мне придется изменить свое мнение.

Правильно поступают те люди, которые пристрастно и пристально рассматривают картины — обсуждают их композицию, колорит, но при этом они не должны пренебрегать правом художника выражать свое мнение и предлагать свое решение. Сейчас ряд значительных вещей выпал из поля зрения многих проницательных людей, поэтому человек, который хочет оценивать достоинства и недостатки историков, как если бы он оценивал картину, не только должен иметь хорошие знания, но также должен иметь опыт длительной административной, государственной или управленческой деятельности. Далее я хочу выделить три вида историков: к первой категории я отнес бы тех, кто наделен способностями от природы, имеет блестящее образование и пытается предопределять развитие событий; вторая группа — те, кто недостаточно образован или не одарен природными способностями; третья и последняя группа — те, кто имеет определенные природные способности, а также невероятный энтузиазм и трудолюбие в сборе материалов. Пафос своих трудов они черпают в жизнеописаниях тех людей, которые проводят всю свою жизнь в общественных или государственных делах. Но это условное деление еще не означает, что все историки делятся на три вида: категорий таких бесконечное множество, потому что люди имеют различные способности, образование и опыт. Лучшие писатели имеют счастлившую возможность черпать из этих трех источников, но при условии, что им удалось избавиться от всех пристрастий в написании истории. Хорошему человеку трудно воздержаться от проклятия, читая о злодеяниях, и, наоборот, трудно не поддаться чувству любви и восхищения перед героями.

Первые попытки приукрасить историю появились тогда, когда перестали гнушаться использовать чистую ложь для похвалы конкретных лиц и откровенную брань, чтобы оболгать какое-то лицо. Но если даже сочинения лучших писателей обманывают надежды, то что же говорить о плохих произведениях? Нас побуждает к работе еще и то, что историки или авторы пишут свои трактаты для удовлетворения собственных интересов или в угоду интересам соотечественников или же иностранцев, врагов или друзей, под давлением военной дисциплины или гражданской ответственности, наконец, вдохновленные своей собственной эпохой или древними временами, своими современниками, а также потомками, для которых трактат и предназначается.

Человеком, имеющим опыт в общественных делах, я называю того, кто участвует в общественных советах, органах исполнительной власти или в законодательных органах или имеет отношение к ним. В этих трех сферах определяются самые серьезные интересы государ-

ства. Но общественная деятельность становится еще более плодотворной, если человек не только принимает участие в деле управления государством, но также является знатоком в области литературы и общего права. Без книг трудно достичь упорядоченного знания в управлении государством. К тому же человеческая жизнь конечна, она коротка для приобретения знаний посредством длительного путешествия по странам и разностороннего знакомства с людьми. Но Ликург⁵, Солон⁶ и Улисс⁷, конечно, достигли многих знаний без книг. Последнего из трех Гомер назвал “проницательным” потому, что тот видел города и обычаи многих народов, был человеком, понимающим важность и значительность различных стран, размышляющим о природе животных и растений, строительстве зданий и пирамид, о ценности потускневших и истертых монет древних. Эти трое рассматривают, оценивают бесценный опыт законодательства и правовой системы разных народов, условия возникновения и развития государств, и благодаря их наследию мы можем иметь настоящие, подлинные знания об управлении государством. Мы установили важное значение исполнительной власти и общественного совета в управлении, но правильно понять традиции народа и установить тип государственной власти можно только на основе знания законов верховной власти. Тот, кто занимается судебными разбирательствами, как сказал Аркадий, получает и владеет знаниями об истинном добре и зле, без этих знаний не могут существовать представления о прошлом, и без их учета оно не может быть понято. Более того, между высшими проявлениями добра и зла содержится вся человеческая мудрость. Из всего вышесказанного мы можем установить, что тот, кто без опыта или без знания хорошей литературы, с недостаточной подготовкой предпринимает попытку написания истории, будет выглядеть смешно и нелепо. Это наиболее важный критерий в отборе историков. Быть свободным от эмоций — очень трудное условие, поэтому мы с самого начала должны остерегаться бездумного согласия с писателями, которые повествуют о вещах маловероятных, идет ли речь о соотечественниках и друзьях историка или же о его врагах. С другой стороны, мы не можем безгранично верить автору, даже если он является участником событий и учитывает при этом точку зрения врагов. Для собственного спокойствия я не буду доверять мнению врагов или противоположной стороны, а приму сторону третьего лица, которое, подобно беспристрастному судье, будет свободно от всех предрассудков. Таков Дионисий Галикарнасский, доказательно и убедительно писавший о римлянах, более того, излагавший историю правдиво и лучше, чем Фабий⁸, Салюстий⁹ или Катон, которые были необъективны к своим соотечественникам. Полибий и другие греческие авторы часто обвиняли Фабия и Филона в лживости, потому что сведения о Пунических войнах излагались таким образом, что римляне наделялись одними только достоинствами и удостоивались восхвалений, а о карфагенянах сообщались исключительно неблагоприятные факты. С другой стороны, Филон писал, что финикийцы хорошо воспитаны и

храбры во всех делах (то же самое писал и Полибий), тогда как римляне — низменны и бездуховны. Кроме того, по мнению Полибия и Фабия, финикийцы были людьми высокой честности и сообразительности, потому что умело скрывали от врагов все планы государственной политики. Далее каждый, оседлав своего любимого коня, становится оратором, искусство которого заботливо оберегает его самого от критического или неблагоприятного мнения других. Но никакие средства не могут обеспечить того, чтобы один и тот же человек выполнял одновременно обязанности хорошего оратора и хорошего историка. Я не одобряю тех историков, работы которых служат примером безудержных похвал достоинств людей, без упоминания их пороков. До сих пор еще никто не показал примера такой великой честности, чтобы иметь силы признать свои ошибки и заблуждения. Эйнгард¹⁰ и Аккольтий¹¹ таким образом увлекались восхвалениями Карла Великого, Евсевий — Константина¹², Лабрий — Фердинанда¹³, Павел Джовио — Козимо Медичи¹⁴, Филострат — Аполлоний¹⁵, Прокопий — Велизария¹⁶, Стафалий и Лев — императора Карла¹⁷, что они выглядят хорошими ораторами, но плохими историками. Более того, мудрый критик будет проверять каждого историка не только на авторитетность среди соотечественников, но и на уважение среди врагов. Можно ли во всем согласиться с Филиппом Коммином в его описаниях бельгийских дел, участником которых был и Павел Эмилий? Сочинение Филиппа Коммина полно восхвалений Людовика¹⁸, а Павел Эмилий отвергает это и присоединяется к тем, кто ищет середину. Ле Мэр называет Филиппа Коммина и его союзников вероломными людьми и убийцами его брата¹⁹. Полагая, что нет ничего более важного, чем утвердить деспотизм, они своими преступлениями нарушили и человеческий и Божественный законы. Кроме того, он называет Коммина предателем своей страны и дезертиром. Однако оценки ни первого, ни второго не выдерживают критики, потому что основа их — в первом случае — огромные денежные награды короля, во втором — мнение врага, который обвиняет противника в преступлениях, обвиняет бездоказательным, непристойным для историка способом. Эмилий же не был ни врагом, ни другом, так как он пришел из Вероны, и он говорил благоразумно, сдержанно, в своей особой манере. “Герцог не соглашался с политикой короля и вредил ему через сыновей брата”. Эмилий не подтвердил крайних оценок, но он не упустил ничего доподлинно известного. Первые двое писали во время жизни Людовика, третий — на сто лет позднее, поэтому он не испытывал ни особого расположения к кому-либо, ни страха или ненависти. Тацит в своих отчетах, написанных им при жизни Тиберия²⁰, Клавдия²¹, Калигулы, Нерона, допускал искажения в изложении событий из-за страха. Однако после их смерти его сочинения о них наполнились ненавистью; затем он решил написать отчет, отрешившись от ненависти, гнева или восхищения, описать дела, отбор которых определялся лишь его личным интересом, — он обратил свои взоры ко времени, отстоявшему от его эпохи на сотню лет. Хотя Аристотель был

прав в своем предпочтении середины, когда он сказал, что ненадежны историки, произведения которых написаны слишком много лет спустя, равно как и историки — современники событий²². Историкам — современникам событий трудно выпустить в свет свои произведения, ибо отчет может пострадать, подправленный во имя кого-либо, или может нанести ущерб чьей-нибудь репутации. В своих речах Цицерон говорит, не упоминая конкретных имен, об ораторах, которые жили, “боясь гнева тех, кто имел власть”. Более того, разве можно историку искать правду в государстве, основой которого является принцип: что бы ты ни думал, но высказывать свое мнение постыдно и опасно? Поэтому лучше преодолеть страх настоящего и жажду награды и вверить свое уникальное сочинение потомкам. Но если кто-то захочет добиться блестящей славы своим трудам еще при жизни, он должен будет беспристрастно исследовать все общественные и частные источники и только потом уже писать историю. Знаменитые писатели дают пример такого подхода — Ливий, Светоний, Тацит, Арриан²³, Дионисий Галикарнасский. На работы этих авторов можно легко положиться потому, что они писали не о своем собственном государстве, собирая все комментарии и свидетельства дипломатических сношений государств из официальных документов. К этому же классу историков можно отнести Полибия, Плутарха, Мегасфена²⁴, Аммиана²⁵, Полидора²⁶, Ктесия²⁷, Эмилия, Альвареса²⁸ и Людовика Римского. Но к рассказчику меньше доверия, если он употребляет сведения, полученные из вторых рук, — опираясь на рассказы других, как сказал Полибий, даже если он и не использовал фальсифицированных документов. Поэтому лучшие писатели подчеркивают, что они собирали свой материал из официальных документов, отбирая наиболее достоверное для своих произведений.

Так, Марциан Капелла утверждал, что он вывел на чистую воду галлов на основе их же собственных официальных документов. Арриан таким же образом отмечал в самом начале своей работы, что читал ранее ему неизвестные комментарии короля Птолемея, который во всем разделял предприятия Александра Великого. Аппиан²⁹ излагал историю с уважением к произведениям Августа, Мегасфена и Ктесия, а также к общественным отчетам и известным летописям персов. Диодор³⁰ заявлял, что он видел секретные архивы египтян, после просмотра которых он поддерживал мнение Онесикрита³¹ и Аристотеля, что утверждение послов Александра Великого о том, что они посетили Египет и Индию, на основе этих архивов можно считать хвастовством. По поводу этого Палефат³² сказал: “Мы себя видим своими собственными глазами”. Очевидным является и то, что настоящая историческая правда не может содержаться в свидетельствах королей, где они похваляются своими многочисленными подвигами, мы же будем серьезно исследовать только тот материал, который выходит за эти рамки или только косвенно относится к восхвалениям или порицаниям. Мы будем, например, заниматься установлением последовательности времен, изучением раз-

личных направлений деятельности, форм правления, периодов царствования королей, генеалогий, общественных анналов, особенно тех, где содержатся сведения о государственных делах. Здесь было бы уместно возвратиться к словам Мегасфена, который заявил: “Правда то, что все авторы, писавшие при дворах, нуждались в документах, но только священники, которым вверяли сохранение общественных анналов, могли их использовать”. Примером является Бероз, который восстановил всю историю ассирийцев по анналам древних и в конце труда сказал: “Этого достаточно”. Даже если какой-либо факт, изначально кажущийся вероятным, имеет много свидетелей, пытающихся доказать его правдивость, но при этом версии последних не сходятся друг с другом в деталях, то при этом факт не может считаться истинным. Кто поверит в то, что однажды римский Сенат согласился с гражданином, заявившим, что получил указание Юпитера о том, что Олимпийские игры надо проводить заново, потому что на ранее проведенных играх танцовщицы были не очень искусны в своем мастерстве, и что после этого заявления Сенат приказал повторить Олимпийские игры. Так вот, если бы всего один человек заявил об этом факте, то ему бы не поверили, но если эту точку зрения выскажут Плутарх, Плиний, Дионисий, Валерий Флакк³³, Полибий, которые не могут быть заподозрены в сговоре с Сенатом или с каким-либо гражданином, то не поверить в это трудно. Некоторые, конечно, могут задаться вопросом: а не опровергает ли мнение одного автора точку зрения другого? Это, конечно же, может произойти и происходит не только при изложении человеческой истории, но и в естественных дисциплинах. Многим по душе старый известный рассказ о том, что лебеди погибают с нежной прощальной песней; эта история, точнее, рассказ о ней изложен с таким вкусом, что многие поэты и писатели, начиная с Эсхила, верили этому так же, как и философы — Платон, Аристотель, Хрисипп³⁴, Филострат, Цицерон, Сенека. Но ведь еще Плиний, а раньше афиняне, исходя из опытов, доказал, что это ложь, и поэтому мы поверим скорее ему. Каждому понятно, что пример из естественной истории — либо правда, либо ложь, ибо и это можно проверить. Тогда как опыт человеческих дел весьма разнообразен, здесь могут вкрасться ошибки, которые не так легко выявить.

Многие пишут, что Карл, герцог Орлеанский, отбывал наказание в Париже за преступление против Его Величества не год и не два, а двенадцать лет, затем он попал в плен к англичанам и благополучно возвратился во Францию, где и умер с миром³⁵. Но историков, описывавших эти события, мой соотечественник дю Белле³⁶ критиковал, так как считал недостатком изложение таких фактов по слухам, распространенным за границей. Страбон³⁷ упрекал в недостатке такого же рода Посидония³⁸, Эратосфена³⁹, Метродора⁴⁰, потому что те исказили подлинную историю, используя слухи, которые распространяли ничтожнейшие из людей. Посидоний ссылается на Помпея в мнении, что нельзя излагать что-либо, не заручившись поддержкой авторитета. Поэтому в материале, который излагается писателями противоречиво, я думаю,

следует верить более современному отчету в том случае, если автор приводит неопровержимые доказательства или дает очень доброжелательную критику.

Такова власть и природа правды. Она не укажет дороги вперед положительному опыту, если сопровождается частыми ошибками, лезтью, противоречиями, ибо именно они ведут к остановке движения. До тех пор, пока среди людей, которые спорят о вероисповедании, будет царить свара, мы не найдем защитника христианства среди евреев или защитника иудаизма среди христиан, мавров или мусульман. Однако, сделав правдивость произведений основным критерием в оценке их авторов, мы можем определить, кто они, какие интересы защищали и являлись ли серьезными авторитетами в данной области знания. Здесь многие читатели заблуждаются, причем скорее вследствие ошибочной оценки или из-за недооценки и пренебрежения древностью, чем из-за стремления ко лжи и обману. Это распространенная ошибка. Так, например, древние греки, рассказывая о германцах и кельтах, или римляне, повествуя о халдеях или евреях, зачастую были несправедливы именно потому, что пренебрегали древней историей других. Более того, когда мы читаем нелицеприятные вещи, написанные о враге, то не спешим согласиться с автором, ибо, конечно же, мы не совсем верим ему. Калигула мудро приказал распространять как можно шире слова Кассия и Лабиена⁴¹ о Цезаре, хотя они были запрещены указом Сената. Именно он заявил, что преследует этим государственные интересы и что дела одного должны быть известны всем. Даже если сохранились свидетельства предшественников или письменные источники о Цезаре, я не поверю им абсолютно, так же как не поверю самому Цезарю, который писал, что последователи Помпея не считались со средствами при достижении цели, пренебрегали и святым и человеческим для приобретения богатств и славы в веках, хотя он и сам искажил историю и оклеветал галлов, не побоявшись ни религии, ни богов, и даже участвовал в грабеже священной гробницы. Но Цезарь отказался открыто предъявлять свои обвинения Помпею, потому что ему было достаточно доказать справедливость причин войны, хотя никто не может назвать справедливыми причины, побудившие поднять армию против своей родины. И тем не менее тому, что он пишет о войне, можно верить. Особенно в той части, которая посвящена событиям, имевшим место после того, как главнокомандующему было запрещено законом выслушивать лгущих трибунов, рвущихся к славе. С другой стороны, излагая правду, нетрудно было лишиться и славы и власти. Но даже если эта часть закона изложения истории и нарушалась безнаказанно, то все-таки страх позора удерживал человека, изначально стремящегося к славе, особенно если он свободно распространял свои произведения при жизни, имея при этом бесчисленных врагов, всегда готовых разоблачить его лживость.

Допустимо, что в ответе Катона Цицерону⁴², как сообщил Тацит, многие вещи излагались так, чтобы подстраховаться и выстроить защи-

ту еще до того, как его осудят судьи. Мнение врага можно считать основательным, если этот человек не развращен деньгами и не думает непрестанно о славе, словно заключенный о свободе. И это вполне справедливо в отношении Фруассара⁴³. Разве не правда, что англичане оказались более должны ему, чем он англичанам, стоило ему открыто признать, что он принимал от них щедрые подарки. Тем же путем шел Леонардо Бруни⁴⁴, похваляясь подарками, которые он принимал от воспеваемых и восхваляемых им людей. В заключение я хочу высказать следующую мысль: свидетельство человека, большая часть жизни которого отдана делам государственным или войнам, звучит более убедительно. Я думаю, что никто не может совсем отказаться от восхвалений своей страны и не может в этих похвалах быть равнодушным. Так, например, Полибий, наиболее внимательный и правдивый среди лучших из известных нам писателей, повествовавших о своих соотечественниках, не смог воздержаться от очень язвительной брани в адрес Филарха⁴⁵ только потому, что тот скрыл доблесть и славу меголополетян в войне против Аристомаха⁴⁶. Этот мотив, если я не ошибаюсь, стал основным у Плутарха в произведении о злобе, направленном против Геродота. В этой работе он остановил свое внимание на материале о биотийцах и херонейцах. Может быть, именно этот вышеназванный пример удержит вас от улыбки при чтении работ Сабеллия, где он сравнивает войны венецианцев с делами римлян? Даже Д. Джанноти⁴⁷ — гражданин Венеции — не смог вынести этих сравнений. Почти все историки борются со своими слабостями. Это касается и Цезаря, когда он описывал традиции греков, и Тацита с его описанием германцев, и Аппиана, когда речь шла о франках. Хоть они и были иностранцами, но, очевидно, имели знания древней истории народов, о которых писали. Но серьезные сомнения, не приятные ни мне, ни истории, которые вызывает материал, окрашенный в откровенно хвалебные или враждебные тона, равно как и вывод, сделанный в ходе полемики, все-таки полезны, так как помогают сформировать непредубежденное мнение. В конечном счете все зависит от выбора историков, я же намерен приводить существенные аргументы каждой стороны, с тем чтобы читатель получил материал для своего собственного суждения. С некоторых пор история существенно отличается от того образа правды, который содержался, например, в летописях, исправленных и приведенных в соответствие с истинной, — в летописях, оценить которые может любой. Я предполагаю, что склонность историков преуменьшать значение великих событий обусловлена тем, что они видят только общую картину. Это сочетается с желанием навязать неопытному читателю мнение, заведомо сомнительное. Вышесказанное следует всегда иметь в виду, чтобы не поддаться обману. Свойство истории таково, что с течением времени происходит переоценка ценностей, и поэтому приходится все подвергать сомнению. И это никем не оспорено. Весьма огорчительной представляется ситуация, когда исторический материал становится лишь приятным поводом для рассуждений риториков или философов, которые

рвут нить незаконченных письменных источников или направляют размышления и память читателей в каком-нибудь ином направлении. Так что читатель имеет право отвергнуть Тимея⁴⁸ с точки зрения обоих недостатков, ибо он отступает от истории, часто сводя повествование к простым упрекам, — его не зря называют “клеветником”. И вряд ли есть что-либо более трудное, чем решать беспристрастно, имеешь ли ты право судить других за эмоциональные оценки величайших руководителей государства, если ты сам не был рожден частью государственной системы или консулом? Кроме того, что является более глупым, чем мнение о войне тех, кто никогда не видел сражения, но пытается мудрствовать по поводу чужих поражений или побед? Тот, кто рассказывал о войнах Генриха⁴⁹, я упустил имя этого историка, кто воевал в книге с императором Карлом V⁵⁰ и принимал решения и за того и за другого, окружил короля такой лестью, так засыпал его славословиями, что даже Генрих не мог выносить его восторгов без отвращения; с другой стороны, Карла он обвинил в таких грехах, как безнравственность и подлость⁵¹. Этот “хороший” человек не понимал, что и лесть и упреки могут быть одинаково оскорбительны, особенно если речь идет о собственном короле, от которого зависели вопрос войны с врагами упомянутого лица, победа над ними и, самое главное, договор о его [короля] женитьбе. В результате он единодушно признан всеми лживым как историк и пристрастным как судья. Не менее безрассуден был в своих оценках и Джовио, когда он не встретил согласия с собственным мнением у мудрого Селима и Исмаила⁵², затем у Карла V и папы Павла⁵³, а также и у других королей. Я согласен с позицией Ксенофонта, Фукидида⁵⁴, Светония, Гвиччардини⁵⁵, Слейдена⁵⁶, которые отваживались на собственное мнение, но делали это довольно редко и осмотрительно. Цезарь, увенчанный военной славой, а кроме того, признанный мастер искусства обобщения, мог действительно иметь собственное мнение в вопросах, касающихся военных событий; и он это успешно продемонстрировал, поэтому и не заслужил сомнительных упреков, касающихся новичков. Кроме того, его перу свойственны предусмотрительность и умеренность. Когда сказали, что Сулла⁵⁷ скорее достигнет победы, если не будет преследовать сторонников Помпея, то Цезарь заметил на это: “Советчиков у него много, да только это не дает возможности обнаружить недостаток в его Совете. Но лейтенант — это одно, а генерал — другое. Один выполняет приказ, другой выслушивает советы, но действует согласно своей воле”. Мудролюбиво приказание Помпея, отданное им на линии Фарсала, — встать, не продвигаться, не пропускать врага, не атаковать. При этом он цитировал Цезаря: “Как видно, у них нет серьезных преимуществ, но в нас соединяются движение духа и движение физической силы, от природы нам присущие, которые зажигают нас во время битвы. Военачальники должны не подавлять это, а развивать”. Цезарь победил Помпея не только в этой битве, но и в искусстве ведения войны. Мы не испытываем недостатка в примерах, которые подкрепляют свидетельства Цезаря. Вдобавок можно упомянуть и при-

мер описания победы Эпаминода⁵⁸ над лакедемонянами. Но ряд подобных сочинений не бесконечен. Доказательство этому Формион⁵⁹, который никогда не видел ни военного лагеря, ни суда, но имел мнение и о военных и о судьях. Или взять пример, когда человек из школярских глупых побуждений, стремясь исправить законы Ликурга и Солона, желает управлять государством? Когда Аристотель пошел по этому пути, то он испытал на себе враждебность многих, его недвусмысленно упрекал Полибий и еще более прямо — Плутарх. Насколько мудры упреки, я не знаю, только, конечно, абсурдом представляется попытка выносить мнение о вещах, малоизвестных тебе, кроме того, это в действительности и опасно. В этом отношении Вивес⁶⁰, ученик Карла V, упрекал Коммина за то, что тот часто отходит от исторического материала, предпочитая отбирать из предмета и обсуждать только традиции королей, их добродетели и рассуждения в основном о счастливой жизни среди философов. Этот человек, конечно, отличался от Вивеса, проводившего все свое время в государственных делах, войнах и официальных визитах. Скорее он подошел бы на роль историка, хотя, зачастую, дает слишком мягкую критику письменного источника или полностью принимает документ.

В силу других причин меня привлекает авторитет Полибия. Он бранит Филарха за то, что истинные герои не получили от него заслуженных восхвалений. Полибий всесторонне оценивает явления человеческой истории. Так, войну, поощрявшую хороших людей к делам добродетельным, он вместе с тем гневно осуждает как событие, несущее ужасающее зло. Известный подход Тацита и Прокопия принимался многими, и наиболее серьезные писатели, работая с историческим материалом, выражали свое мнение о нем. Более того, Агафий⁶¹ писал, что история не украшается праздными сплетнями старых женщин, которые часто встречаются в жизни и вызывают удивление. Но этот автор не так уж авторитетен в моих глазах, и меня вряд ли убедило бы его мнение, если бы не торжественные свидетельства Цицерона и Цезаря, подтвердивших его превосходство над всеми историками. Они находили его рассказ неприукрашенным, простым, четким, что, несомненно, составляет сильную сторону перед судом любого читателя. Приятно видеть это и у Ксенофонта, схожего с Фукидидом в том, что он предпочитает не давать собственных оценок, строго следует фактам и избегает цветистых риторических выражений. Многие думают, что похвала хорошему и поношение злого принадлежат к числу достоинств и задач истории, однако подобный подход принесет больше правды и пользы философам, которые имеют свои, отличные от историков, предмет и круг занятий. Один писатель бранит Нерона больше, чем другой, хотя оба повествуют о том, что их герой убил множество невинных людей, в том числе своего учителя, двух жен, своего брата Британика и в конце концов свою мать. Все эти вещи Светоний описал простой неприукрашенной прозой, без каких-либо излишеств и многословия. Но, когда Аппиан свое повествование о том, что Митридат⁶² убил свою мать, брата,

двух маленьких сыновей и многочисленных дочерей, закончил словами: “Это был во всех отношениях кровожадный и жестокий человек”, он тем самым разрушил веру в то, что излагал раньше, как, впрочем, и Джовио, когда он пространный, наполненной презрительными словами речью долго распространялся по поводу жестокостей Селима, принца Турции: “Я увидел достаточно для того, чтобы покрыть его имя вечным позором”. Но в действительности куда убедительнее было бы просто написать, что он убил трех пашей, относившихся к нему с глубочайшей верностью и скрывавших свое влечение к нему, двух братьев, пятерых племянников и своего престарелого отца. Джовио выступает здесь как краснобай, что не приличествует серьезному историку, ибо такой подход может удовлетворить тех, кто думает, что ничто не является более скучным, чем неприукрашенная история. Конечно, я не хотел бы ввязываться в спор ради спора и, придравшись к пустяку, пытаться опровергнуть мнение своих великих предшественников. В описании общественной истории безусловно всех остальных превосходят Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Ливий, Зонара⁶³, Дион, Аппиан; в военной — Цезарь, Патеркул, Аммиан; Ксенофонт, Полибий, Фукидид, Тацит, Коммин и Гвиччардини — в политической истории, в описании жизни королей и придворных интриг — Луций⁶⁴, Спартиан⁶⁵, Слейдан и Макиавелли⁶⁶, что касается традиций народов и отличительных особенностей регионов, то здесь превзошли других Диодор, Мела⁶⁷, Страбон, Лев Африканский, Боэций⁶⁸ и Альварес, в вопросах религии наиболее сильны Филон, Иосиф, Евсевий, Сократ⁶⁹, Созомен⁷⁰, Никифор Каллист⁷¹, Орозий⁷², Сидоний⁷³, Григорий Турский⁷⁴, аббат Урспергский⁷⁵, Вильгельм, епископ Тира⁷⁶, Антонин Флорентийский⁷⁷, затем писатели Магдебургских цензурий⁷⁸. И, как справедливо отмечали древние, позволим каждому сапожнику тачать обувь по своей колодке, поэтому я не могу принять мнение Полибия о религии или Евсевия о ратном деле.

Теперь позвольте обратиться к тем авторам и их произведениям, которые кажутся нам лучшими. Надеяться, что будущее лучше, чем настоящее, я думаю, на самом деле глупо. Столь же бесполезно и желание выискивать всюду зло. Я не думаю, что в этом есть какая-либо ценность, польза для людей, пытающихся создать для себя идеал законченной истории, образ столь совершенный, каким никто не хотел быть или когда-либо мог бы быть. Легко смотреть сверху вниз на того, кто не может тебе возразить. Кто сомневается в том, что изложение истории невозможно без серьезного и честного подхода человека строгого, воспитанного, владеющего слогом, имеющего опыт в делах общественных и наделенного житейской мудростью в той же степени, как и знаниями о великих событиях былого. Глуп тот, кто не восхищается в истории ничем, кроме красноречия и хитроумных речей или приятных отступлений. Я же пытаюсь насытить разум, что практически невозможно для человека, который ждет от чтения только удовольствия. Моя цель — добыть правдивый материал — именно то, недостаток чего Фукидид и Плутарх критиковали в Геродоте. Я удивляюсь, почему Цицерон назвал

его “отцом истории”, тогда как древние авторы обвиняли его в фальсификациях, во лжи. Неодобрение сдержанного стиля писателя еще не является основанием для обвинения его в неправдивости, я даже думаю, что в основе сдержанности всегда лежит правда. В работах Геродота есть красноречие и обаяние ионической грации, очень много свидетельств старых времен и много вещей, описанных им правдивее, чем это делалось в более поздние времена. Среди писателей, которые повествуют о событиях современной им истории, необходимо особенно выделить наиболее правдивых. В эту группу я думаю включить Фукидида, Салюстия, Ксенофонта, Коммина, Гвиччардини, Цезаря, Слейдана. Хотя афиняне выражали свое неудовольствие по поводу того, что Фукидид приписывал государственным деятелям чрезмерную благосклонность к спартамцам. На основе этого были найдены яркие свидетельства неправды писателя. То обстоятельство, что он был афинянином, а не спартанцем и во время Пелопоннесской войны⁷⁹ служил послом и советником, а кроме того, был выдающимся ответственным летописцем знатных и богатых родов, а значит, обозревал современные ему события как бы с часовой башни, обогатило его большим опытом и позволило скрупулезно исследовать материал на предмет установления его правдивости. Наконец, он обнародовал свои работы в трех больших городах, принимал участие в судебных разбирательствах с людьми, участвовавшими в событиях; кто после всего этого может не верить в его историю? И именно в силу того, что он не был благосклонен к спартамцам, он безмерно превозносил их, при этом полностью забыв своих сограждан. Но он принимался многими, и они сохранили его книги; ведь он не только оградил от клеветы Перикла⁸⁰, виновника своей ссылки и своего величайшего противника, но даже принес ему посмертную похвалу. Кроме того, он очень верно предсказал, что со смертью Перикла государство разрушится. Диодор безоговорочно осудил выдумку речей за реальных исторических героев. В том же самом Трог Помпей упрекает Ливия и Салюстия. Приводимый им материал свидетельствует, что они объединили истинные и придуманные речи в своих работах, тем самым весьма снизив ценность написанных трудов.

Как сказал Цицерон, нет ничего более приятного в истории, чем простота и блестящая краткость. Но если мы возьмем речи из Ливия, здесь будет очень мало свидетельств такого рода. На этом основании Калигула уничтожал написанное Ливием, а с другой стороны, это же привело к установлению бюста Ливия во всех библиотеках. Его отступления приобретают особую ценность после того, как он в сорок первой книге заявляет, что ничего не будет писать, кроме истории римлян. Относительно Салюстия можно сказать следующее. Поскольку почти все его произведения погибли, мы не можем судить о нем сколь-либо поспешно и считать суд над ним справедливым. Те авторы, на мнения которых мы можем положиться, не отрицают, что он был испытан опытом важных практических дел. Утверждают, правда, что он мог писать более правдиво о великой войне с гугернами. Кроме того, следует пом-

нить, что он исколесил землю почти до Африки, но Салюстий принимал государственные заявления слишком искренне и прямолинейно. Что могло быть смелее, чем приписать только Цезарю или Катону доблесть всех римлян этой эпохи?

В противоположность такому подходу Фукидид превозносил Перикла, а Слейдан — короля Франции и герцога Саксонского. Дю Белле и другие искали правды, а Слейдан присваивал себе награды, которые те отклоняли, поссорившись с соотечественниками. Если кто-либо неизвестный голословно утверждал что-либо, то они требовали в подтверждение необходимых доказательств или сами находили их, приняв безоговорочно слухи толпы, молву. Это является общим для всех, кто вместе с Гвиччардини, Плутархом, Макиавелли, Тацитом пытается вывести на чистую воду чьи-то тайные планы и разоблачает различные военные уловки. Слейдан был представителем короля Франции и очень часто участвовал в посольствах в другие страны. Но так как он планировал писать в основном о религии, у него не было причины разглаживать о чем-то другом. Он не только не привел главных и второстепенных аргументов, но также пренебрег и книгами о религии, написанными обеими сторонами, что многим неприятно. Никто, конечно, не увидит ничего предосудительного в том, что человек интересуется историей древних и делает государство предметом своих исследований. Это касается прежде всего таких писателей, как Монстреле⁸¹ и Фруасар⁸². У них великое множество всякой всячины, тех самых подробностей, безделиц, которые и открывают нам картины древности; да и современные времена не были ими опрометчиво обойдены. Та же картина была найдена мною у Эмилия, опустившего многие вещи, уже описанные другими. Подобный характер носят труды Льва Африканского, Альвареса и Гаца, который подошел к материалу столь отстраненно, не определяя его значения, что в глазах инквизиции просто рябило от всевозможных вариаций и подробностей. Но эти вещи более устраивают нас в трудах греков или римлян, которые имели дело только с гражданскими и военными занятиями, иногда их материалы описывают какое-либо конкретное памятное событие, как, например, у Ливия — горящая столица в пожаре гражданской войны, а у Тацита — рассказ о великом огне пожара, уничтожившем двенадцать районов города. Между тем не только совершенно заурядные авторы, но даже и очень известные описывали невероятные чудесные ясновидения. Так, даже весьма высоко оценивавший себя Цезарь писал в “Гражданской войне”, что однажды статуи покрылись испариной и это показало преступнику презрение к нему и богов и людей.

В отношении Ливия: он обличал всех в вере в приметы, точнее, я бы сказал, в суевериях, ибо во всех этих рассуждениях о том, что поведали коровы, или как сгорели служащие государственного учреждения, или почему статуи покрылись испариной, или о том, что бог явился Ганнибалу, а шестимесячный ребенок провозгласил своим криком победу, люди не были беспристрастны. Полибий назвал этих писателей “траги-

ками”, ибо когда они не могли вывести Ганнибала из трудностей, то призывали ему богов в помощь⁸³. Конечно, сам Полибий писал о религии весьма нечестиво. Однако имелись авторы и более достойные индугенции, больше связанные в своих оценках суевериями, чем крайней непочтительностью. Ведь лучше иметь фальшивую, ложную религию, чем не иметь религии вообще.

Вместе с тем Ливий тоже иногда неискренен в своих столь неуместных похвалах. Превознося Семпрония⁸⁴ над всеми остальными гражданами, он утверждал, что этот человек одарен природой и Фортуной всеми человеческими добродетелями, какие только могут быть. Не удовлетворенный этим, он значительно приукрасил знаки достоинства его рода, величину богатств, силу его красноречия и даже подправил его рост и возраст, не говоря уже о величии души и ратных подвигах. Правда и то, что он превознес Фурия Камилла⁸⁵ до небес, а Лев Африканский называл его последователем Помпея потому, что Ливий в похвалах Помпею не лицемерил. Но в порицаниях и осуждении он был сдержан и полон достоинства. Например, в случае, когда Ливий и Клавдий устроили всеобщую свару без разрешения судьи, он охарактеризовал это так: “Здесь имела место непристойная борьба, которая запятнала репутацию всего собрания, но дала возможность оценить достоинства каждого”. А в другом месте этот же автор похвалил прежде существовавшее почтительное отношение народа к знатным людям: “Разве сейчас вы найдете в человеке, имеющем общественную популярность, это скромное поведение и смиренную душу?” И о Кальвине Компанусе: “Этот несчастный, скверный человек, неспособный достичь глубин, оценив по достоинству роль отечества, стал скорее безвредным, чем разрушительным”. В дополнение скажем, что в Ливии нас восхищает разнообразие стиля: иногда он был очень подробен, но иногда — краток. В первых десяти книгах он охватил четыреста шестьдесят лет от даты основания города, во вторых десяти — семьдесят четыре последующих года, в третьих — еще девяносто лет. Таким образом, когда он придавал важность предмету своего изложения, то о периоде почти в столетие мог повествовать в десяти книгах и также посвятить десять книг событиям, произошедшим за сто девяносто два года. Не было периода, когда бы римляне не вели войн, однако во времена от Аппия Слепого⁸⁶ до Цезаря причиной многих серьезных событий являлись изгнания королей из города. Но я предполагаю, что это — явное упрощение действительно имевшего место процесса, потому что Ливий свел в один отчет комментарии древних писателей, весьма скупо освещавших ранние дни империи, но оставивших обильный материал о днях ее зенита. Конечно, когда он встречался с теми, кто писал лучше, то начинал доверять их свидетельствам больше, чем реалиям жизни. Можно видеть пример этому в истории Пунических войн, которых он в действительности не наблюдал, а дословно заимствовал описание у Полибия. Но Полибий, с другой стороны, является не только пригодным на все времена и единственным в своем роде, но действительно умным, серьезным, ску-

пым на похвалы и резким в критике. Он любил мудрых законодателей, хороших военачальников. Полибий высказал свое мнение о многих вещах, о делах военных и гражданских, а также много писал о назначении истории. В дополнение он оставил отчет почти о всех людях, которые были знамениты в его время и немного раньше — от 124-й Олимпиады или 3680 г. от Творения, до 3766 г. Но из сорока книг, которые он написал, тридцать четыре погибли. Полибий понимал, конечно, что оставить по себе память как о философе несколько не хуже, чем как об историке. В случае с союзом карфагенян он предупреждал вождей и руководителей государства, что они могли бы объединиться без тех, с кем создали союз, принужденные необходимостью или возможностью дружбы. Указаниями такого рода наполнена шестая книга, в которой он выразил себя очень полно, рассуждая о военных и гражданских занятиях римлян. Никто из древних писателей не дал более точной характеристики отдельных земель и регионов. Кроме того, он часто пренебрегал чуждыми ему мнениями ранних историков, которые много писали нелепых и глупых вещей о римлянах. Благодаря этому человеку мы открыли плачевные ошибки Тита Ливия и Аппиана, свидетельствовавших, что отряды галлов подчинялись Бренну⁸⁷, отличавшемуся таким хвастовством и надменностью, что другому человеку это было не под силу выдержать, и именно поэтому город и был взят. Юстин пострадал из-за подобной ошибки, так же как Каллимах⁸⁸ и его схоласты, которые написали, что войска Бренна опустошили Италию, вторглись в Грецию, но после того, как они разграбили Дельфийский храм, все были поражены молнией и погибли. Кроме того, Полибий показал с большой ясностью и убедительностью доказательств, что эти войска сожгли город, продвинулись до Геллеспонта и, прельщенные удобными, благоприятными участками, поселились вокруг Византия, где в конце концов были завоеваны фракийцами, но при этом они все-таки сохраняли королевство даже во времена Клиара. Этот факт сам по себе не дает возможности установить, когда Бренн⁸⁹ был вождем, как долго галлы оккупировали Византий и сколько времени контролировали Грецию.

В наше время Павел Джовио, во всем следуя Полибию, тоже решил разделить всеобщую историю, правда, на свои собственные периоды. Но между ними есть и различия, и они прежде всего состоят в том, что последний присутствовал при событиях, или описывал ситуацию по горячим следам, или выискивал материалы повсюду и получал личные и общественные отчеты и записи. Первый же из вышеупомянутых, а именно Джовио, многие вещи описал так, что напрашивается вопрос: “А имел ли он голову на плечах?” Полибий долгое время занимался военными и гражданскими дисциплинами, ни один ученый муж не имел такого опыта. Полибий был признанным вождем в своем государстве среди рядовых граждан. Уже обогащенный большим опытом, он стал врачом. Полибий много путешествовал; объехав большую часть Европы, побережья Африки и Малой Азии, он мог изучить традиции многих народов. А Павел Джовио, как он сам хвастался, оставался в Ватикане

в течение тридцати семи лет. Первый был наставником, помощником и советчиком Сципиона Африканского⁹⁰ повсюду, во всех его войнах; а последний был ежедневным советником папы. Когда его спросили, почему он пишет вещи, которые заведомо являются фальшивыми, или скрывает то, что является правдой, то он ответил, что делает это потому, что так нужно его друзьям. Кроме того, он считал, что потомки будут верить ему бесконечно, вознесут похвалу и ему, и его соотечественникам. Жорес Парижский определенно дал окончательное доказательство этому, когда выразил уверенность, что выдуманные басни об Амадисе будут нести не меньше правды и вызывать не меньше доверия, чем написанное Джовио. Недостатки его были бы еще разительнее, если бы он распространял придуманную им ложь в интересах какого-либо государства. Является фактом, хотя Ксенофонт и Платон и ставили это под сомнение, что если ложь для кого-либо служит основой в жизни, то, действительно, в истории ему всегда найдется место. Как-то кардинал Виссарий⁹¹ сказал, что когда он заметил, как многие из тех, кого он осуждал, обращались к богам с глупыми восхвалениями Риму, то он действительно стал очень сильно сомневаться, были ли правдой вещи, описанные древними. Таким образом, лживые истории разрушают веру во все остальное.

Если Джовио подражал Полибию, то он должен был бы помнить, как его кумир отмечал, что тот, кто отделяет правду от истории, закрывает глаза на самое прекрасное. Подчеркивая свою правдивость, Джовио пишет, что ему известно имя человека, который называет его автором сплетен, но ведь и Брутт Венецианский часто обвиняет Слейдена в лживости, потому что последний руководствовался религиозными пристрастиями, а позднее — ненавистью к тирании. Но он мог быть опровергнут самим отцом истории Гвиччардини, глубине анализа и правдивости которого могут позавидовать многие. Если его произведения сравнивать с работами Джовио, то они имеют сходства не более, чем круг и квадрат. Они отличаются друг от друга и особенностями речи, и стилем, и трактовками договоров, законов, которые Джовио позволяет себе выдумывать по своему усмотрению. И он так преуспел в насилии над правдой, что рядом с ним рассуждения грубых солдат выглядят как речи утонченных схоластов. Оценивая его самого и отношение к нему других, Алкиатти⁹² заявил: “Отметая глупые похвалы императора Карла, считавшего, что в честь Джовио должны играть фанфары, я обращаю свое внимание на его [Джовио] болтовню, которая представляется мне не более правдоподобной, чем рассказ о том, как Мулей Хасан убил две тысячи львов, или о том, что шесть тысяч овец и две тысячи голов крупного рогатого скота были похищены одним галлом с поля Бреска. Причем его утверждения не подтверждены даже ссылкой на какой-либо авторитет. Многое из того, что он писал об императорах Персии, Абиссинии, Турции, также вызывает сомнение, кое в чем из написанного он даже сам раскаивается. Он не был знаком с планами правителей, их речами, письмами, описаниями дел или какими-либо государствен-

ными документами. Он, правда, писал, что видел часть этих документов, но так и не назвал места, где их можно было бы проверить. Он не хотел писать о тех вещах, которые действительно знал и о которых мог бы рассказать правдиво, например о событиях, происходящих в Италии, но он писал только о том, о чем хотел, предпочитая трактовать внешние связи". Сам он писал, что сравнение его трудов с трудами современников вызывает у него негодование. Но я думаю, мы успокоимся тем, что Арриан тоже ставил себя выше многих других историков только потому, что был на службе у Александра. При этом заметим, что Арриан был действительно человеком редкостной одаренности, высочайшей образованности, как отмечал его комментатор Эпиктет⁹³. Его опыт и эрудиция подкреплялись великой смекалкой. Август Адриан⁹⁴ оценивает его в превосходных степенях. Однако наивысшие почести он снискал, когда империя достигла своего расцвета. Я опускаю цветы греческого ораторского искусства и красноречия, столь обильно украшавшие труды Арриана, что его называли вторым Ксенофонтом. Достаточно сравнить Джовио с Аррианом, чтобы избежать надоедливых повторов и опустить сравнения со всеми другими. Но отметим, что ни одна из описанных им вещей не была правдой и не отличалась изяществом в описании, поэтому он и заслужил как награду репутацию лгуна. Даже когда он описывал правдивые вещи, они все равно подвергались сомнениям. В некоторой степени это досадно еще и потому, что, предав историю, в результате он получил столько лжи, сколько не обрушивалось ни на кого другого, отправляющегося на поиски истины.

Я возвращаюсь к древним авторам, сочинения которых я буду сравнивать с работами наших современников и друг с другом, если потребуются дополнительные аргументы. Во-первых, обратимся к Дионисию Галикарнасскому, который в присущей ему спокойной манере повествования и с аттической чистотой описал древних римлян в период от основания города, исполнив это с таким старанием, что его труд выглядит превосходящим сочинения всех греков и римлян. Вещи, которыми римляне пренебрегали как общеизвестными, например жертвоприношения, Игры, праздники, судебные процессы, блуждания римлян в поисках формы государственного управления, налоговая система, предсказания, разделение населения на слои и группы, полномочия Сената, порядки плебса, система правления магистратов, власть народа, он один описывает правдиво и точно. Естественно, для того чтобы эти вещи были более ясно поняты, он сравнивает правовую систему римлян с греческими институтами. Например, когда он устанавливает происхождение афинян и фессалийцев или описывает законодательные основы патронажа, учрежденного римлянами, то приводит утверждение Цезаря о том, что подобные законы существовали и у галлов и что римский диктатор имел власть, равную власти архонтов у спартанцев, фессалийцев и жителей Митилены⁹⁵. Кроме того, законодательные уложения римлян, как и более ранние правовые источники, могли показаться многим историкам запутанными, а то и вовсе утраченными. Римляне пренебрега-

ли описанием этого материала постольку, поскольку считали его общеизвестным. Этот просчет, как мы видим, характерен для всех историков. Они не придают значения описаниям институтов устоявшихся и общеизвестных, привычных как иностранцам, так и гражданам внутри страны. В этой связи отметим совершенно справедливые действия Слейдена: так как обстоятельства обыденной жизни стерлись в памяти, например забылось давление армии, остались в прошлом беснующиеся толпы людей на площадях, с их требованием зрелищ, то он, опираясь на доступные ему авторитетные мнения, предложил сохранить секреты общества для потомков, если мы не хотим пренебречь достоверностью церемоний прошлого. Многие вещи из-за невнимания пропущены им, но он имел право на снисхождение, поскольку не забывал о тех таинствах, на которых не присутствовал, и мог бы их легкомысленно пропустить. Мне часто не хватает этих вещей в наших произведениях и у тех итальянцев, которые брали за образец Дионисия. У него многие соборали крупицы исторического материала, рассыпанные повсюду. Он сохранил все кем-либо сказанное или сделанное, а также планы, кем-либо высказанные, донес до нас устройство хорошо организованного государства и систему предписаний, основанных на религиозном страхе. Разве не должно быть священной и благоговейно все, что говорится о римской религии, независимо от того, каких времен это касается — тех ли, когда она осуждалась и была смертельно опасной, или тех, когда провозглашалась вечной как природа и давала надежду, что на смену несправедливым правителям придет справедливость? Конечно, это под силу только тому, кто владеет старейшей профессией мастера мудрости. Мы должны восхищаться добротой Бога и его воплощением, которое он принимает в человеческих делах. Именно поэтому во все времена мы видим, что правление лучших из людей приносило большую пользу тем, кто занимает самое низкое положение. Это Бог управляет ангелами, ангелы — людьми, люди — животными, а в целом душа — телом. Все это содержится в истории Дионисия. Конечно, если бы она дошла до нас целиком, то мы не имели бы причин высказывать свои жалобы. Но высокие требования Варрона⁹⁶ губительны для многих. У Дионисия же отлично разработаны темы о Помпее, Александре Великом и Тиберии, поэтому Варрон был к нему расположен и находил необходимым черпать из его сочинений известные выдержки, утверждения, основанные на общественном, профессиональном опыте Дионисия и на его рассуждениях.

Плутарх отметил почти равное прилежание и старание всех древних авторов, поэтому, я думаю, совершенно ясно, как мы будем оценивать его собственные труды. Поскольку он учился у Траяна⁹⁷, государственных мужей и правителей, то должен иметь большой опыт в дворцовых делах, в конце концов он был префектом Истрии, что подтверждает, что он соединил опыт в управлении делами с величайшим усердием в науках. Он предпочитал описывать историю, опираясь на опыт положительных людей, хотя такой опыт и не был распространен повсе-

местно. Тем не менее он приводит немало примеров, пригодных для подражания, взятых из жизни правителей и государственных мужей. Кроме того, мы любуемся его искренним, откровенным подходом в изложении материала. Правда, он видит не так много, как историк, но гораздо больше, чем заурядный критик правителей и политических вождей. В действительности же я думаю, что если кто-нибудь и годится на роль третейского судьи в такого рода сюжетах, то это — Плутарх, и никто другой, ибо что укроется от его мудрости? Это ясно всем, кто читал его рассуждения о государстве и знает его глубокую философию. Он также, подобно хорошему генералу, точно объяснил причины войн, возникновения и гибели государства, расцвета и упадка, поражений и побед, иногда он даже углубляется в подробнейшие детали внутренней политики. К таким примерам можно отнести его рассказ о Катоне Цензоре⁹⁸, который намеренно выставил разногласия среди рабов в таком свете, что подтолкнул их к попытке предпринять что-либо худшее, и таким образом устранил заговор. Он часто рассказывал невероятные и абсурдные вещи о Перикле, который-де, например, отдал приказ продать весь собранный годовой урожай и обеспечил себя всем необходимым. Но он часто использует формулу “говорят”, чтобы кто-нибудь не приписал это выдумке. Другой сомнительный пример: в жизнеописании Ликурга он написал, что спартанский мальчик предпочел, чтобы лисица повредила его внутренние органы, чем признаться в воровстве, или Агесилай⁹⁹ был казнен только потому, что одержал победу над сообществом сограждан при помощи собственного ума и воли. Еще более значимо замечание о том, что он (Плутарх) сравнивал греческих и римских правителей с правителями других вероисповеданий, а также между собой. Это совершенно справедливо относительно Демосфена и Цицерона, Катона и Аристиды¹⁰⁰, Суллы и Лисандра¹⁰¹, Марцелла¹⁰² и Пелопида¹⁰³. Но разве можно найти что-либо более сложное, чем сравнение Агесилая и Помпея — птахи и слона? Тем не менее он все-таки иногда ошибался в отношении римской истории; что касается греков, то он не подчеркивал их превосходства и даже признал в жизнеописании Демосфена, что они не понимали достаточно хорошо латинского языка. Он написал, что Гракх¹⁰⁴ успокоил аристократию в Сенате при обсуждении “Sempronian Rogation”, касающегося судебных разбирательств, но выносить решения по этим делам могли только всадники, право этого решения было отобрано у сенаторов, как сообщают Веллий Патеркул¹⁰⁵, Аппиан, Асконий¹⁰⁶, Тацит и Флор¹⁰⁷. Поэтому он [Плутарх] ошибался, когда писал, что Ливиев закон действовал при Семпрониях, а законы Гракхов при Друзе¹⁰⁸. А началось все с того, что он уравнивал драхму с денарием в книгах о Фабии и Антонии. Этот первостепенный промах среди бесчисленных ошибок, которые он допустил, не заметил Бюде¹⁰⁹. Несправедливо и его утверждение о том, что среди римлян практиковалось одалживать жен и что Катон, в частности, делал это для Гортензия, якобы для того, чтобы его жена Марция, женщина здоровая и плодovitая, смогла и для Гортензия родить детей. Мне трудно было убе-

дить себя поверить этому, особенно когда мне стал известен закон Ромула относительно супружеской измены, выдержанный в традициях древних, который Тибериус отменил и ввел новый, по которому любой родственник со стороны мужа мог наказывать его жену в случае измены по своему собственному усмотрению. Куяс¹¹⁰ не совсем обдуманно советует П. Мануцию¹¹¹ придерживаться собственной мудрости, ибо Мануций полагал, что по римскому закону о супружеской измене наказанием неверной жене может быть причинение ей страданий ее мужем или его родственниками. Этот же закон выражен и Авлом Геллием следующим образом: “Если вы уличите свою жену в супружеской измене, то можете безнаказанно убить ее; если же вы совершите измену, то ваша жена не должна касаться вас своими руками, ибо это ей запрещено”¹¹². Из речи Катона о законах и традициях, касающихся женщин, следует, что правосудие разрешало мужу убить жену за супружескую измену, Куяс, однако, считал, что наказанием за подобное преступление мог быть и большой штраф. Но в некоторых случаях наказанием для женщины все-таки была смерть. Особенно ясно это выражено у Дионисия, который писал, что муж является окончательным судьей в определении суровости наказания жене за вожделение и супружескую измену. Тем не менее Тацит подтвердил в своей второй книге¹¹³, что нарушение супружеской верности было обычным развлечением, хотя более тайным, чем все остальные, если же тайное становилось явным, то провинившаяся сторона, как правило, отделялась штрафом. Плутарх, так же как и Страбон, заявлял, что карфагеняне, хорошо относившиеся к спартанцам, часто предпочитали женам друзей; но римские приличия и правила, я думаю, не допускали подобного поведения.

Я не во всем принимаю Аппиана в его описании некоторых событий римской истории, потому что он часто допускал ошибки, особенно это касается ранних периодов истории. Во второй книге “Гражданских войн” он заявил, что Цезарь, не согласившись с Марцеллом¹¹⁴ в Сенате, положил руку на рукоятку меча и в оскорбительном тоне заявил, обращаясь к Сенату: “Какие запреты вы ни налапали бы, я все равно добыюсь желаемого”. Но эти слова принадлежат Антонию, а Цезарь в это время был в Галлии. Также он рассказывал, что Клавдий запретил Цезарю поддерживать какие-либо отношения с Кальпурнием и устроил пиршество в честь Доброй богини¹¹⁵. В действительности же этот сюжет связан с Помпеем. Также мы должны учитывать, что Аппиан был в Египте только в старости, во время принципата Аврелия он защищал интересы Рима; об этом он сам пишет в своей книге о Ливийских войнах. Но мы должны признать, что он был действительно единственным историком среди многих, сумевшим показать картину рабства, жизнь римских провинций, благосостояние Рима, устройство армии и дать описание всей истории. Страбон, Плиний и Руф¹¹⁶ могли также коснуться жизни провинций, но пренебрегли этой возможностью. Только у Аппиана в его книге о Ливийских войнах имеются следующие сведения: “Римляне имели 10 000 конных воинов, 200 000 пехотинцев, простых кораб-

лей — 2000, кораблей, имеющих три ряда весел, — 1000, кораблей с пятью рядами весел — 500; кроме того, у них было 80 кораблей с золотыми носом и кормой, огромное количество военно-морского снаряжения. К этому прибавляется 300 слонов, 2000 боевых колесниц и 74 000 талантов из казны Египта”¹¹⁷. Эти сведения часто приводятся, но и они, по моему мнению, не совсем верны. Большая часть его сочинений по истории утрачена, как, например, книги о Сицилии, Македонии, Испании, Карфагене — всего этого нет.

Отсутствующие труды Диона Кассия можно было бы восстановить по позднему цитированию, но его работы претерпели большие повреждения, чем сочинения предыдущего автора. Однако Ксенофонт включил в свой конспект все, что смог. Учитывая то, что Дион всю свою жизнь провел в государственных делах и продвигался от ранга к рангу, соблюдая законы чести, к посту консула, на который и избирался дважды, а также то, что он оставил отличные документы как управляющий провинциями и, наконец, соединил практический опыт со знаниями свободных искусств, что и кто может помешать внести его в список лучших писателей? Он изложил ценную информацию об общественном устройстве и римских магистратах, обо всем публичном законодательстве. Он один описал обряд посвящения правителей и обожествление, и только он один смог обнаружить такие вещи, которые Тацит назвал священной тайной империи. Кроме того, создается впечатление, что он обдуманно занимал сторону Цезаря, во всех случаях поддерживая того в его выступлениях против Помпея, и частично принимал сторону Антония против Цицерона. Те предсказания, которые имели место перед сражением с маркоманами¹¹⁸, он приписывал Арнульффу Египетскому, а не христианам. Это противоречит тому, о чем свидетельствовали в своих письмах в Сенат Тертуллиан¹¹⁹, Евсевий, Орозий, Юстин, Павел Диякон¹²⁰ и Марк Аврелий.

Некоторые как к судьбе обращаются к Диодору и рассуждают, как бы он разместил подобный материал, последовательно или выделяя главное. Я не могу понять, почему так многие им восхищаются, — или благодаря его манере излагать материал, которая совершенно обычна, или благодаря его умению систематизировать историю. Да, действительно, правильно в строгом порядке он разместил в самом начале каждой книги именно такие вещи, которые он и должен был осветить первыми; но он не смог изложить материал кратко, что ясно уже из первой книги, где он предположил разделить свою работу на сорок книг. В шесть первых книг он включил все события, произошедшие до Троянской войны, в следующие одиннадцать — от Троянской войны до смерти Александра, в оставшиеся двадцать три — от смерти Александра до войны с галлами. Весь описываемый период включает более 1130 лет, в дополнение к событиям Троянской войны, которую древние называли мифической. От этих событий, следуя Аполлодору, он насчитывает 90 лет, от этого момента до первой Олимпиады — 328 лет, от первой Олимпиады до войны с галлами — 730 лет. Этому времени он

уделил особое внимание. Хронист среди философов, историков, поэтов, он внес в историю свой неповторимый вклад. Например, в четырнадцатой книге, он пишет, что Ктесий определил начало истории от Нина¹²¹ в правление архонта Лизиада. Диодор изложил в одной книге шесть книг этого автора об ассирийских событиях и некоторую часть истории Персии, там же автор среди других выделяет Геродота. Плутарх, Павсаний, афиняне, а также все греки часто цитируют Ктесия и ссылаются на него; мы же имеем лишь краткие конспекты его работ.

Диодор писал, что Фукидид начинает свою историю правлением Харита, а это — время пребывания консулами Квинта Фурия и Папия. Эфор, с другой стороны, ведет повествование от снятия осады Гераклитом с Персеполя, Теопомп¹²² — от первого года правления Филиппа Македонского¹²³, архонства Калимеда. Но те же самые претензии, которые Диодор выдвигал против Теопомпа, могут быть предъявлены и ему самому. Он считал, что пять из пятидесяти девяти книг Теопомпа точно недостоверны, тогда как из сорока книг Диодора, которые дошли до нас полностью, первые пять выглядят почти собранием небывлиц. Поэтому Вивес полагает, что нет автора более пустячного, чем Диодор. Но еще Плиний, выступив судьей, первым среди греков призвал прекратить придавать значение пустой болтовне; кроме того, он предложил писать мировую историю, всеобщие работы. Тем не менее появились сочинения по греческой истории. Кроме того, он очень подробен в передаче речи Гелипия, в то же время при описании спартанцев он сам упрекает Фукидида в отходе от лаконической краткости. Это касается истории войн, которые повсеместно велись в Италии на протяжении почти трех столетий. Однако в пространном отступлении он исследовал просчеты афинян и их причины. Я не уделяю внимания нелепостям его обоснования лунного года, в соответствии с которой получается, что человек должен жить двести лет или даже что время его жизни должно превышать этот возраст. Но с тех пор как он признался, что провел тридцать лет в работе над созданием истории и в путешествиях, я не перестаю удивляться, почему он пренебрег исследованием и описанием истории Италии, особенно учитывая то, что он жил там во времена расцвета Римской империи, совпавшего с диктатурой Цезаря. Если кто-либо сравнит Ливия и Дионисия с Диодором, то обнаружит в древней истории римлян частые и заметные противоречия, особенно в расчетах [религиозных] постов и Олимпиад, в чем последний ошибался особенно часто. Причиной я считаю недостаточное знание латинского языка, и именно поэтому он не исследовал более старательно произведения римских писателей. Доказательством может служить то, что слово “*ρηγοῖος*” он перевел как “ялость”, вероятно спутав его с греческим. Также он допустил ошибки в переводе имен собственных, например, он называет Марком Анка Марция, Манлия — Мелием, Лукана — Лактуцием. Допустим, что это можно отнести к ошибкам переписчиков, но подобное оправдание не годится, когда он ошибочно наделяет полномочиями консулов и децемвиров даже солдатских трибунов. В дополнение ко все-

му он пропустил в своем перечне три или четыре ступени и таким образом полностью перепутал всю систему консульских постов. Но этот материал может быть легко исправлен благодаря Карлу Сигонию¹²⁴ и Онофрио Панвинию¹²⁵ — оба они заслужили высшее признание и уважение их одаренности благодаря точному изложению истории древних римлян. В этом отношении нам также очень поможет Корнелий Тацит. В его описании событий одного века от Тиберия до Нерва самым тщательным образом исследованы как наиболее важные вещи, так и второстепенные и даже пустяковые. В своей четвертой книге он пообещал не рассказывать о войнах, осадах городов, борьбе плебса и оптиматов. Его труд кто-то может считать позорным, но никто не сочтет его бесполезным. Вот небольшой отрывок из его сочинений: “Мы должны сопоставить результаты деспотических правлений, непрерывных взаимных обвинений, вероломных дружб”. Но при этом он подробно описывает все войны, в которых сам участвовал или фактически руководил военными действиями. После победы при Акции не было историка, который бы более полно описал военную или законодательную систему. Он долгое время обучался в военных и гражданских учебных заведениях и как проконсул контролировал исполнение законов в Германии. Он описал традиции, институты и обряды Германии с такой тщательностью, что немцы, для того, чтобы узнать свою древнюю историю, обращаются к Тациту. Он описал события великого значения, потому что Тацит, провозглашенный проконсулом благодаря своей великой мудрости, неоднократно уступкам Сенату и легионам, в своих книгах, коими он наводнил все библиотеки, показал черты оригинальности, отличия его расы от других народов. Конечно, он не мог допустить, что мы постигнем всю его работу целиком. Стиль Тацита захватывает, он проницателен и точен. Доказательством могут служить следующие строки: “Легче пережить неблагоприятный поворот событий, потому что слава воспринимается как бремя, а ущерб — как благо”. Более того, можно ли сказать более кратко и более резко о Сеяне¹²⁶, как это сделал он, заявив, что все его добрые помыслы воплощались не иначе, чем через преступления?¹²⁷ Или о женщинах Помпеи, что они не различали своих и чужих мужей, но если того требовала выгода, то могли укротить свое вожделение? Супружеская измена, вожделение, пьянство, жестокость Вителлия¹²⁸ были строго осуждены. Но вряд ли можно быть чересчур резким с человеком, который, нимало не смущаясь тем, что его пороки общеизвестны, еще вынуждает Сенат принять закон о кровосмешении, а потом добивается разрешения на женитьбу дяди на племяннице. Его власть прокладывала себе дорогу по телам убитых граждан, она утопала в их крови. Он заявлял, что смерть врага не так хороша, как смерть собственных подданных. Если мы обратимся к мнению Тацита о государстве и его законах, то оно может быть сведено к тому, что любой пример хорошего государства содержит в себе некоторую несправедливость, ибо общественная власть невольно ограничивает человека. Мнение Платона несколько отличается от этого: “Они отсекли

голову гидре, полагая, что любое недовольство может быть устранено законами". Если нас интересует не только наследие правоведов и сенаторское мастерство и если мы хотим изучить древность не только римлян, но и других народов, то ничто не будет более плодотворным, чем сочинения Тацита. Вот, например, как он описывает принятие закона армянами: "Является традицией накладывать путы на руки царя, соединив вместе большие пальцы и крепко перевязав их. Вскоре, когда кровь прихлынет к конечностям, сильным ударом делается надсечка, и подданные по очереди прикасаются губами к крови короля". Этот закон воспринимается как таинство освящения крови подданных. Что еще добавить? Конечно, нет историка более полезного для изучения истории деятельности магистратов и судей.

Но я взволнован и напуган отчетом одного человека, который меньше бы нуждался в опровержении, не будь его авторитет столь велик. В письме, которое Алкиатти написал Джовио, он отважился назвать ясность святой истории [Тацита] дремучими зарослями колючек. Действительно, в сочинениях, показывающих нечестивый характер повествований Тацита, он обычно опровергается теми, кто предпочитает прозрачность пустяковых толкований грамматиков более серьезным повествованиям тех, кто провел всю свою жизнь в общественных делах. Однако я не вижу причины, по которой Алкиатти мог бы презирать такого человека, как Тацит. Так что оставим ему упиваться своим красноречием в одиночестве, если, конечно, речь не идет о толковании конкретного факта. Филипп Деций¹²⁹ вычеркнул его из списка правоведов, назвав цистеронианцем. Подобный случай произошел с Иеронимом, который писал, что он видел сон, в котором его побили палками вместо суда Христова, потому что он был цистеронианцем, а не христианином. Но подобно ему, испытавшему потрясение, Тацит испытывает насмешки, вовсе им не заслуженные. Несколько иронично Бюде называл Тацита самым вредным среди историков, потому что тот написал кое-что против Христа. Я думаю, теперь понятно, почему Тертуллиан называл его самым лживым, а Орозий — льстецом. Но, как справедливо заметил юрист Марсилий, продажная женщина наносит зло уже тем, что делает возможной саму продажу любви. Но ведь продажность такой женщины не является природной чертой, значит, в своей основе ее действия не являются злонамеренными. Выходит, что Тацит поступал нечестиво только потому, что он не был христианином. Но он не предпринимал ничего нечестивого против нас, хотя и был опутан языческими суевериями. С другой стороны, я не могу не осудить его за безапелляционный подход к любой религии. Он считал необходимым утвердить правду и уничтожить противников. Однако с тех пор, как и христиане и иудеи стали так широко практиковать наказания, когда они уподобились отравителям, погрязли в преступлениях и поддались вожделениям, мог ли историк удержаться от презрительных слов? Если пренебречь некоторыми заслуженными обвинениями, то я предполагаю, что Тацит должен быть оправдан. Хотя, по его заключению, иудеи — выходцы из ок-

рестностей горы Ида на Крите, так же как и идайцы. Он, как и Николай Дамаскин¹³⁰, утверждал, что и само название “Иерусалим” имеет греческое происхождение. Если это считать преступлением, то Ульпиан¹³¹ является не меньшим преступником, потому что он написал свои семь книг о мучениях христиан не ради истории, но для устрашения. В действительности грешным в своих описаниях христиан был Светоний. Но его история в основном превозносилась, потому что беспристрастное перечисление вызывает доверие и кажется, что нет ничего более точного, чем когда-то записанный на бумаге факт. Но его история не всегда доставляет удовольствие, потому что он уделяет внимание всяким пустякам, при этом учтем, что среди речей правителей и их дел ничто не может показаться пустячным и незначительным, потому что эти дела и высказывания касаются целого народа и примеры королевских традиций всегда являются примером обычаев народа. Однако, не касаясь знати, он точно и энергично описал совершенно ужасные похоти королей, чем Корнелий Тацит в своей истории пренебрег. Но в этом отношении его легко превосходит Лампридий, который так много места уделил описанию чудовищных вожделений Гелиогибала¹³², сделав это с одной лишь целью — правдиво воспроизвести деяния каждого. Оба автора много знали и были достаточно искушены в описаниях ближайшего окружения королей; особенно Светоний, который был секретарем Адриана и лишился службы по обвинению в более чем свободных отношениях с женой императора, в том, что он позволял себе гораздо больше, чем допускали правила придворного этикета. Те, кто последовательно описывает жизнь императоров, сменяющих один другого, а именно Дион, Спартиан, Капитолин¹³³, Геродиан¹³⁴, Требеллий, Вописк, Евтропий, Лампридий, Волкаций, Аммиан, Помпоний Лэт¹³⁵, Орозий и Секст Аврелий¹³⁶, не были писателями такого уровня, как Светоний, но Флавий признался, что был наивен, когда, оценив заслуги Светония, назвал его наиболее безошибочным писателем. Светоний писал так, что выглядел непрístupной скалой, никому не доступной и не подверженной каким-либо волнениям. Поначалу он утверждал, что добродетели души и тела Калигулы были таковы, что никто не превзошел его. Но потом он заявил, что человеческие пороки, которые позже развились в нем, были столь многочисленны и так отвратительны, что ни одно чудовищное порождение природы не выглядело более ужасным. Таким образом, он провозгласил первые пять лет правления Нерона как достойные всяческой похвалы. Кроме того, он написал, что Клавдий был настолько глуп, что даже неопытные адвокаты называли его простаком, когда он пытался решить дело, не доводя его до суда. Хотя сам Светоний служит напоминанием благородности приговора этого человека, который [Светоний] использовал для того, чтобы добиться признания у женщины, которая не хотела признавать своего сына¹³⁷.

Кто более заслуживает справедливой оценки, чем сам мастер мудрости Соломон? Геродот не проявил особого усердия в установлении правды. Обычно ему не удавалось восстановить все пороки и добродетели

тели описываемого им правителя. И очень часто он был обречен следовать ошибкам Спартиана и Капитолина. История Светония изобилует множеством картин римской древности и примерами из римского законодательства, он приводит много статутов, эдиктов, сенаторских решений, которые содержатся только в его работе и иначе могли бы быть утрачены. И Светоний, если не считать Тацита, в этом совершенно оригинален, потому что документы подобного рода находились в пределах компетенции и под юрисдикцией правителей, вследствие чего многие сведения дошли до нас в искаженном виде в сочинениях юристов. К Светонию и Тациту, я думаю, мы можем присоединить и Патеркула Веллея, который, помимо серьезного образования, обладал ответственностью и величайшими добродетелями, будучи честен не только как человек, но и как гражданин. Я упускаю чрезмерные похвалы в адрес его повествования, которое течет ровно и приятно. Он описал древнюю историю римлян с такой краткостью и проницательностью (если действительно его произведение дошло до нас целиком), что вряд ли кто-либо смог бы его в этом обойти. Похвалы знаменитым героям он обычно облекал в столь необычную форму, что это само по себе представляло ценность, это видно на примерах похвал Помпею, Цезарю, Цицерону. И все-таки его наследие нельзя точно классифицировать как историю, но скорее как введение к изучению и пониманию всего предмета. Следуя его примеру, Гийом дю Белле, вице-король Милана, в кратком очерке охватил историю галлов, формально следуя истории, вернее говоря, хронологии, оставив писателям истории излюбленную ими модель пристального рассмотрения материала и многократных повторов. Проредмонстрировав яркую одаренность и проницательность, он описал экспедицию Карла V в Прованс на средневековой и классической латыни. Конечно, он не мог пренебречь этим видом деятельности при его высочайшей эрудиции и необыкновенном опыте управления делами. Он провел всю свою жизнь в Королевском совете, на дипломатической службе, проявив себя и в военной деятельности, и в занятиях свободными искусствами. Наконец, он доказал, что французская знать преуспела не меньше в славе литературной, чем в военной. И, как один из выдающихся людей нашего времени, он приобщил армию к литературному образованию, а литературно образованных людей — к военной науке. Но чтобы никто не подумал, что я лыщу моему соотечественнику, я скажу, что Слейдан в похвалах ему пошел еще дальше. Он награждал этого человека всеми лестными эпитетами, в конце назвав его украшением французской знати. Поэтому данного автора мы смело можем поставить в один ряд с Полибием, Фукидидом, Ксенофонтом, Цезарем и Тацитом. Особенно после того, как он выявил происхождение истоков, причины вещей, развития, определил цели и устремления людей, смысл их речей и поступков, их истинное значение. И хотя он не считал описание истории своим предназначением, но льва можно узнать по когтям.

Работы Гвиччардини очень подробны и могли быть написаны в подражание Гийому дю Белле, если бы авторы не были современника-

ми. Хотя он никогда не покидал Италии и не может сравниться в воинской славе с дю Белле. Тем не менее при серьезном взгляде на его труды ясно, что он превзошел своих современников в написании истории (я не могу точно сказать, но, может быть, он превзошел и древних историков). В его работах все подобрано на основе тщательного обдумывания, находит свое место даже то, что выглядело совершенно необъяснимым. Он демонстрирует пронизательнейшую тонкость в споре и повсюду рассыпает крупницы мудрости, словно щепотки соли. Отберем несколько примеров из множества. Будучи человеком искусным и в делах военных, и в гражданских занятиях, он безоговорочно обвинил своих сограждан в безрассудстве, ибо те предпочли расширять свою власть при помощи армий, не имея при этом возможности сохранить ее. Они не видели, что все мнимые успехи тех, кто не знает, как сохранять гражданский порядок, всегда оказывались не только бесполезными, но даже представляли собой серьезную опасность. Совершенно справедливо мнение этого великого человека и велика его ценность! О, это было прекрасно известно сильным мира сего! В другом месте он резко критикует венецианцев и их неблагоразумие, заявляя: «Когда благополучие Италии было разрушено, венецианцы равнодушно ожидали окончания войны, потому что они, сумев обеспечить себе добычу, полагали, что теперь уж ее никто не сможет у них отнять. Но для этого им необходимо было быть более сильными и сотрудничать с более сильными». Этот подход не содержал в себе ни насмешки, ни злобы. Он не бросался словами похвалы или брани в отношении своих современников, и он писал без какого-либо проявления собственных эмоций. Это можно проследить в случае с папой Львом¹³⁸, благодаря которому он достиг больших богатств, великих почестей и даже служебных постов. Он был назначен главой папской армии и наместником папских земель со всей полнотой власти. Он никогда не утверждал, что Лев был правителем, достойным громогласных восхвалений, как не писал и о том, что многое из того, что тот делал, можно было бы осудить. Более того, он был единственным, кто показал королю Галлии папское вероломство при отказе в союзничестве. Кроме того, он написал, что и сам был не менее вероломен по отношению к Карлу V, ибо с его помощью он управлял Галлией по приказам из Рима. Он убедил Карла в том, что позднее тот сможет легко разбить Испанию. Далее, можно ли точнее выразиться, характеризуя Фердинанда как человека, который облек свою жадность во внешне пристойную мантию религиозности и общественного долга? Есть и другое доказательство честности Гвиччардини и его ума, свободного от злобы. Имея все основания для того, чтобы обидеться на Галлию (в течение длительного времени галлы осаждали Парму, которую он отважно защищал, и это являлось вопросом его жизни и судьбы), он все-таки опроверг высказывание Павла Джовио о болезни, которую назвали «французским злом». Он говорит: «Было бы справедливо отделить определение «французское» от клейма этого позора, потому что испанцы занесли эту болезнь в Италию и на западные острова». Более того, его

усердие в восстановлении правды было поистине замечательным. Он ничего не утверждал с опрометчивостью, обосновывая все необходимыми доказательствами. О нем говорили, что он непременно устанавливал источник и только после этого толковал почерпнутые оттуда письма, декреты, союзнические договоры, речи. У Гвиччардини часто встречаются такие выражения: “Он произнес такие слова”, но если слов оказывалось недостаточно, то: “Его речь была выдержана в таком-то чувстве”. Из всего этого можно сделать вывод, что он не любил Джовио, и не любил, очевидно, справедливо, потому что сам Гвиччардини писал правдивую в значительной мере историю, а Джовио придумывал речи или документы до известной степени в манере схоластов. Доказательством является речь Беглиони, прямо противоположная той, которую привел Гвиччардини, воспользовавшись ее оригиналом. Будучи любителем исследовать вопросы, связанные с местом действия, характером людей, с их планами и делами, он проводил тщательную проверку форм правления в городах Италии, работы муниципалитетов, сверял карты расположения рек и, что, я думаю, наиболее важно, проверял достоверность деловых отчетов. Но он никогда не пропускал и слухов, роящихся вокруг людей, занимающих общественные посты. Например, в битве при Мариньяно, где французы разбили армию швейцарцев, он не мог установить точное число убитых, “потому что, — пишет он, — многое [из сказанного] являлось следствием зависти или хвастовства, а иногда и просто ошибки. Одни говорят пало сорок тысяч швейцарцев, кто-то — десять тысяч, другие — восемьдесят; были и такие, кто писал, что только три тысячи”. Более того, когда он обращался к событиям, происходившим на сорок лет раньше, то он брался трактовать только точно установленные события. Он мудро пропустил войны турок и персов, которые ему были известны намного лучше, чем Джовио, потому что он не мог допустить опрометчивых упоминаний о недостаточно известных ему делах. Но чтобы они не были совершенно забыты, он кратко замечал: “Селим, говорят, вторгся в Сирию и Египет”. Иногда он отмечает излишнее многословие других авторов. Тех же, кто хотел изучать положение общественных дел и сферу человеческих интересов в их целостности, он призывал только к краткости, ибо не было части мира, испытавшей больше изменений общественных институтов, пережившей больше великих событий, чем Италия в те времена. Из его книг мы можем почерпнуть истину, познанную человеком, который, как это общепризнано в Италии, был одарен величайшей смекалкой, эрудицией, активностью и опытом практических дел. Когда другие люди представляют историю искаженно, пренебрегая истиной, считаясь при этом лишь с собственными желаниями, то самым ничтожным оказывается тот, кто воображает себя столь великим, что принижает не только значение простых людей, но даже Джовио и Бембо¹³⁹.

Впрочем, Бембо был человеком известным и в течение длительно-го времени считался самой заметной фигурой, занимая во всех отношениях передовые позиции в Италии. Я не упоминаю здесь о его необыч-

ном красноречии, но все же из добрых чувств к своим согражданам он написал о многих вещах иначе, чем было на самом деле. При этом уверенность Гвиччардини часто оборачивается обвинением кого-то во лжи. Это можно доказать на следующем примере: известно, что галлы поглотили союзные войска венецианцев недалеко от Форново и, как говорят, отрезали им путь к отступлению своими мечами, однако Бембо писал, что его соотечественники никогда не были ни завоевателями, ни завоеванными, назвав в то же время их отступление из Галлии бегством. Гвиччардини принципиально вынес приговор, выразившись в той же манере: “Если завоевание состоит в приобретении владений и ради этой цели, собственно, и развязываются войны, то Галлия победила, потому что она вступила в битву только ради выдворения врага и сохранения своей государственной неприкосновенности”. Враг был обращен в бегство, часть армии истреблена, другая отброшена за Таро, после чего [галлы] благополучно “отправились на свою родину”. Какие мыслители оспорят эту победу? Бембо также скрыл истинный ход событий в битве при Равенне, закончившейся знаменитой и хорошо известной победой Галлии, которую никто никогда не оспаривал. “Более восемнадцати тысяч совсем молодых воинов и рыцарей было убито, и число потерь с обеих сторон было почти одинаковым, но Фортуна не была к ним [сражающимся] одинаково благосклонна”. В одном отрывке он называл Венецию ведущим государством Италии, в другом признавал венецианцев украшением мира, затем превозносил их справедливость и благочестие, восхваляя их великолепие и богатство, и, наконец, отметив невероятную смелость венецианцев, сражавшихся с изобретательными турками, он в заключение подчеркивал традиционное послушание всех граждан Венеции, их расчетливость, почтительность и сообразительность, и все это он изрекал в манере, полной достоинства. Но это не сделало его хорошим историком, впрочем, как и гражданином. Однако остается фактом, что он ругал и оскорблял галлов, повсюду говорил, что ничто [галльское] не может быть достойно уважения и не может восприниматься как надежное, потому что они нарушили обещание, данное ими венецианцам. Это все не удивляет, потому что нет писателя, который бы, восхваляя свою собственную сторону, не порицал бы другую. Если действительно по военным законам считается недостойным бесчесть противника оскорбительными словами, то столь ли часто следовали этой норме историки? Особенно если за историком водится тот же грешок, в котором он сам обвиняет других, — подтасовка фактов ради [установления] истины. Гвиччардини объяснил нарушение союза с венецианцами не только возникшим у французов подозрением в их вероломстве, но и тем, что они получили в лице жителей города Альвиано злейших врагов Франции. Венецианцы поддержали город, когда его жители победили французов, и даже постарались учесть его условия в переговорах о заключении союза, но король Франции был непреклонен. Поэтому то, что Бембо написал о вероломстве французов столь красноречиво, является такой же правдой, как и рассказ о том, что в Апулии в

ходе венецианской войны вороны и стервятники дрались за тела убитых. Бембо открыто подтвердил это, никого тем самым не уязвив. Уже то, что он неохотно приступил к написанию истории, охватывающей шестьдесят лет своего века, показывает, что он очень не любил это занятие. “Мне скучно, — заметил он в четвертой книге, — писать о деталях войны, можно ли читать о подобных делах без отвращения?” Ясно, что все это было написано для того, чтобы произвести впечатление. Такова же природа речи Лоредано против Миния; вряд ли удастся найти более цветистый текст. Он так напрягался ради чистоты стиля, что не был склонен использовать архаизмы и древнюю латынь, и это при всей его чувствительности. Он называл короля турок императором Фракии, хотя она составляла едва ли не сотую часть его владений, тогда как герцог Милана в его устах — также король. Тут действительно, возможно, “виновата” латынь, хотя я не думаю, что его знания были достаточны для того, чтобы он смог правильно передать смысл переведенного им отрывка.

Человеком, полностью отрицавшимся Бембо, был Прокопий, однако он, видимо, не знал многих деталей, украшающих историю, или пренебрег ими, не владея достаточно греческим языком. И тем не менее он с величайшим усердием записывал отдельные детали, относящиеся к предмету, и рассматривал даже пустяковые материалы. Поэтому он был беспристрастным спутником Велизария в управлении делами и участвовал в деятельности общественного совета, кроме того, он часто принимал посольства других государств, и, наконец, у него было достаточно теоретических знаний об управлении государственным делами. Поэтому я без колебаний выделяю его среди немногих достойных внимания историков. То, как он изложил отдельные письма, декреты, союзные договоры, речи, собрав их в отдельных томах и выдержав разные стили, доказывает, что он является хорошим правдивым писателем, если, конечно, закрыть глаза на то, что он упоминал Велизария чаще, чем это требовалось, чтобы показать глупость последнего. Еще более нелепо то, что он оправдал убийство Константина, Юстинианова всадника, — убийство, которое было совершено по приказу Велизария. По его словам, это судьба, что Константин был убит таким образом. Я исключаю также абсурдные вещи о тридцати свиньях, статуе Теодориха и тот факт, что он сделал Туле в десять раз больше Британии, тогда как в действительности он был намного меньше. Но вот примеры всеобщей веры. После извержения вулкана Везувий, расположенного близ Неаполя, как считали, благодаря ветру, пепел и сажа разносились вплоть до Византии, и люди были так напуганы, что задабривали Бога ежегодными молебнами. Эти чудеса имеют привкус греческого тщеславия и не раз уже вызвали сомнения не только несведущих людей, но даже церковных историков.

Калист просто напишкан подобными рассказами, при знакомстве с которыми даже Зонара усомнился, а Никифор Григора¹⁴⁰ часто восторгался Цезарем. Факт является чудом, которое он [Калист] подтвер-

ждал только клятвами и смотрел на вещи таким образом: можно ли отвергать чудодейственность растения, выросшего на месте, где стояла поруганная статуя Христа, которую триста лет назад своей жертвенной кровью восстановила женщина? Исчезали болезни, когда люди касались края одежды восстановленной статуи или чудодейственного растения. Подобными безделицами наполнены книги Антонина, Адо¹⁴¹, Саксона Грамматика¹⁴², Сигеберта¹⁴³, Фрекульфа¹⁴⁴, Науклера¹⁴⁵, Мариана¹⁴⁶, Мерлина Каледония¹⁴⁷, аббата Урспергского, Эймона, Турпиана¹⁴⁸, Гагуина¹⁴⁹, как, впрочем, и многие старые анналы. Но в целом мы не можем обойтись без них, потому что они во многом превосшли остальных. Григорий Турский, Антонин Флорентийский, Вильгельм, епископ Тира и аббат Урспергский доказали полезность истории и то, что она несет конкретные знания, но [их работы] полны предзнаменований и чудес, особенно это касается тех периодов, когда в мире царил жестокость. Эти авторы очень тщательно проверены временем, испытаны участием в управлении государством и в общественных делах.

За неимением лучшего мы должны тщательно отбирать из того, что есть, подобно тому как, копаясь в грязи, можно найти драгоценности. За исключением Марко Поло¹⁵⁰ и Айтона¹⁵¹, у нас нет почти ни одного историка, кто описал бы дела татар, но и эти отчеты являются крайне скудными и перемешанными с легендами. Айтон — наиболее правдивый. Но позвольте нам отклонить утверждение Марко Поло о том, что из Каспийского моря рыба плыла исключительно в Лент, что окружность города Квинская превосходила семьдесят миль и что этот самый город имел двенадцать тысяч мостов такой высоты, что зафрахтованные корабли свободно проходили под ними с поднятыми парусами, что сипанги носили священные кольца, которые помогали им при защите от врагов, делая их неуязвимыми. Эти вещи нельзя принимать всерьез, но мы можем и в более существенном не понимать поступков татар, их традиций, законов и религиозных обрядов.

Альварес с более чем величайшим, заслуживающим внимания прилежанием первым описал жизнь эфиопов. [Его работы] признаны лучшими как чужеземными, так и нашими писателями и читаются с глубоким наслаждением. Циглер¹⁵², Кромер¹⁵³, Крантц¹⁵⁴, Олаф¹⁵⁵ также написали истории готов, саксов, норвежцев, сарматов, поляков и даже ранее неизвестных датчан. Большинство этих сочинений заслуживает доверия, но Олаф часто рассказывает совершенно невероятные вещи. Есть еще ряд произведений, которые стали воспринимать определенным образом потому, что было велико число писателей, которые во многом соглашались с ними. Выдумки о превращениях ливонцев в волков, которые одно время широко распространялись Геродотом, Помпонием Мелой и другими историками, были с одобрением восприняты более поздними писателями. Действительно, Каспар Пейцер¹⁵⁶, человек большой эрудиции, не распыляющийся по мелочам, не менее известный, чем Лангэ¹⁵⁷, благодаря своей образованности убедил меня в маги-

ческой власти природы, например в случае священной мести, как это было с Навуходоносором, но мне это все-таки не ясно.

Лев Африканский следует Альваресу. Эту группу авторов вместе с Помпонием, Страбонем, Павсанием я обычно называю географоисториками, исходя из их методов описания, ибо они трактовали историю в связи с географией. Страбон, конечно, интересен своим описанием дел, тесно соприкасающихся с устройством государств и империй мира. Павсаний описал провинции греческого мира, ход общественных событий, изменения, происходившие с городами, народами, поселениями, реками, горами, водопадами, источниками, храмами, сделав это так внимательно, что в этом виде творчества он превзошел все ожидания. Эти же вещи подтверждаются на примере описаний Львом Африканским испанцев, племен мавров, религии магометан, поздних христиан. Он путешествовал почти по всей Африке, по Средней Азии, а также проехал большую часть Европы, был взят в плен пиратами. Он был представлен как посол папе Льву, описание чьей резиденции с невероятным рвением и прилежанием он сделал и привез затем из Италии. Он описал Аравию, а в Африке записал наблюдения о традициях, законах, институтах африканских народов; кроме того, в своей работе он указал границы всего региона. Широко представив военные занятия, он при этом кратко останавливается на деталях, описывая и победы без каких-либо лишних слов и преувеличений, скорее не как историк, но как географ. Он поддерживает интерес читателя непрерывным восторгом перед неизведанным и новым. Он не рассказывает ничего абсолютно невероятного, за исключением удивительной понятливости египетского осла, которого он называет “золотым”. Когда же он утверждал, что видел хвост египетской овцы, которая весила то ли пятьдесят, то ли сто фунтов, то здесь он следовал Беллонию и Дж. Кардану. Я уверен, что он лишь один из тех, кто спустя тысячу лет открыл Африку, прикрыв состраданием грубость и звероподобность [африканцев], от чего уже ушли мы. Он сделал историю Африки доступной для любого человека.

Я бы добавил к ним отца Ленда¹⁵⁸ и Мюнстера¹⁵⁹; первому принадлежало описание всей Италии, второму — всей Германии. Делаю я это всего лишь для полноты картины. Они также соединили историю народов с географией. Хотя Мюнстер называл свою “Германографию” космографией, при этом полностью посвятив свое исследование Германии и Швеции с их городами, уделяя особое внимание их месторасположению и народам, населявшим эти районы. Когда такой подход стал общепринятым, то почти не осталось ни одного неопisanного района мира. Но тут необходимо оговориться, что все, не только историки, но и географы, чьи труды мне приходилось читать, за исключением Полибия и Птолемея¹⁶⁰, давали размер островов и областей в окружности, полагая, что если периметр описываемых предметов совпадает, то и размеры их равны. Ничто не является более глупым, чем такой подход. Хотя многим людям, и даже мне, пока я не обратился к геометрическим расче-

там, поначалу это казалось убедительным. Часто окружность одного острова может быть в три раза больше окружности другого, хотя размеры первого могут быть в десять раз меньше второго. Более того, поскольку география зачастую вмешивается в сферу истории, то философы истории нередко из описания дел выводили мудрые правила. В этом отношении последователям Ксенофонта принадлежит большой приз, особенно учитывая, что они не имели ни одного подражателя. Так, Веллей пишет о Гомере: “Не было с тех пор никого, способного повторить его”. Ему следует Плутарх, затем Диоген Лаэртский¹⁶¹, потом Филон и, наконец, Платон. Я полагаю, что древние определенно не имели изначального знания, но, очевидно, многое предполагали. Иосиф, современник описываемых событий, видел худшее в известности наиболее темных философов, хотя признавал превосходство многих знаний древности. Иосиф действительно хотел, чтобы как можно большая часть греческой древности была известна еврейским писателям. Его знания могут быть оценены благодаря книге против Апиона Грамматика. В этом отношении он также поддерживал сочинения Моисея, хотя из-за их привлекательной достоверности они явились самодостаточным основанием для греков, персов, египтян, халдеев. Ничего более оригинального и полезного для понимания нетрадиционных взглядов написано не было. Это правда, что утверждения Моисея справедливы для целого поколения людей. Их он подтвердил авторитетом двенадцати историков, хотя те и не могли увидеть ничего невероятного в древности. Но он поставил еврейский народ выше всех остальных народов древности, утверждая и возрождая из забвения увядшую славу своих соплеменников посредством правдивого материала. Из записанных им легенд истории Геродота, Диодора и Юстиниана могут быть легко опровергнуты. Позже иудей Гегеспий¹⁶² рассказал о иудейской войне в пяти книгах, которые, говорят, Амвросий перевел на латинский язык¹⁶³. Но Иосиф написал более правдиво и хорошо, и не только в силу своей искренности, но еще и потому, что, будучи обвинен, а затем брошен в тюрьму Веспасианом и Титом, он пытался оправдать право гражданина и имя своей семьи Флавиев, и свой статус. Этот человек, конечно, был воплощением всех добродетелей историка, о которых мы упоминали раньше. У него была эрудиция, невероятная энергия и величайший опыт в управлении делами. С какой честностью и достоверностью составил он, опираясь на факты, свой план истории, приведя там, хотя это было и трудно для него как для еврея, вполне лестные и похвальные свидетельства о Христе. В противоположность ему почти все церковные писатели извергали столько ненависти, когда писали о противниках своей религии, что не только умаляли их добродетели, но даже в презрении своем готовы были их уничтожить. Примером тому может служить жизнеописание Августа Юлиана, обычно называемого Отступником. Даже если он и заслужил величайшее презрение и достоин всяческих наказаний, но все-таки в посвященной ему истории автор мог бы коснуться и его замечательных дел, как это делают наши современники.

В этом, конечно, следовало бы подражать Марцеллину с его пристрастием говорить правду. Он, как и подобает хорошему писателю, показал и добродетели и пороки правителей с предельной точностью. Он обвинил Юлиана за то, что тот привнес в христианскую религию путаницу, схожую с суевериями старой женщины (так говорит Аммиан), так как к христианству он шел мучительным путем, но вместе с тем он привел в порядок владения Константина, когда тот был убит. Он хвалил даже невероятные заслуги этого человека в знании языков. Он писал, что [Юлиан] был человеком величайшей трезвости, смелости, сдержанности, мудрости и справедливости, более великим, чем о нем судят. Эти мысли он подтверждает необходимыми цитатами и выдержками. Как пример приводится случай, когда Дельфиний, самый блестящий франкский оратор, искусно атаковал Нумерия, наместника Нарбонской Галлии. Он сделал это раньше Юлиана, который был позднее в Париже и с досадой услышал чужую остроту. Дельфиний объявил во всеулышание: “О, прославленнейший из кесарей, в похвалах тебе уже есть все, за что можно тебя обвинить”. На что Юлиан ответил: “Если кто-то возомнил себя безгрешным, то уже это не повод ли для обвинения”. Аммиан был греком и, как он сам признавался, солдатом, постоянным спутником Урсиния, который был отличным наездником. Он действительно участвовал почти во всех войнах: воевал в свое время за римлян в Египте и в Азии. Записи обо всем этом сохранились в девятнадцати книгах, охватывающих период от 30-го года правления Константина до смерти Валента. Первые тринадцать книг просто составлены из сочинений других писателей. Период, начиная от Нерва, т. е. там, где Тацит остановился, он начал описывать сам. Этот человек выделяется из всех остальных. Взгляды Аммиана стоят того, чтобы быть предложенными для обдумывания и подражания. Еще одним его отличием является то, что Тацит, например, сохранял благородство латинского языка, как того требовало время, но Аммиан же, описывая историю греков, пользовался как латинскими, так и нелатинскими словами. Он часто отходил от материала слишком далеко в сторону. Правда, этим недостатком страдали многие великие люди. Посидоний серьезно отмечал это в самом Цезаре. Но Аммиан воспринял этот подход если не в римском варианте, то в ином, в более подходящем для его целей виде. “Более того, — говорит он, — факт, что именно стиль здесь и грешит пустячным многословием, но он может быть использован для достижения полноты в передаче знания. Как бы ни поражала точная краткость, если материал подается так, что он требует большей ясности, тогда что-то может быть и пропущено”.

Из всего разнообразия историков каждый читатель должен сделать свой собственный выбор, в соответствии со своими собственными суждениями, чтобы за краткое время отпущенной нам жизни мы могли познакомиться со множеством писателей. Если мы внимательно рассмотрим известного Полидора Вергилия, наиболее правдиво описывающего английские дела, хотя, конечно, его свидетельства подозрительны в от-

ношении гельветийцев и галлов, Реана¹⁶⁴ — для Германии, Эмилия — для Франции, то мы не будем уж так сильно нуждаться в Беде, Гагуине, Гаци, Саксонце и подобных им писателях. Может быть, я не знаю природы истории, хотя были периоды величайших глупостей, но историки, жившие в то время, пытались скрывать их. Плутарх писал, что три тысячи историков рассказали о битве при Марафоне, тогда как всего тридцать писателей нынешнего времени оставили свои отчеты о событиях в Италии. Я думаю, что Гвиччардини является единственным, чей авторитет общепризнан и неоспорим, и он должен рассматриваться раньше всех остальных. Сейчас почти все европейское скопище историков копается в самых пустячных делах, хотя о многих периодах истории нет почти ничего. Это все об отборе историков. Я предполагал написать о тех [авторах], чьи беспристрастные суждения могут быть представлены на суд читателя.

ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИИ

В этом месте кажется необходимым коснуться правильной оценки истории. Не было никаких оснований отвергать историю или не соглашаться с ее выводами, если бы те, кто призван быть высшим мерилom, обращались к ней в поисках истины и ради того, чтобы заслужить доверие потомков. Однако поскольку разногласия среди историков таковы, что некоторые не только не согласны с другими, но даже противоречат сами себе, что происходит либо из чрезмерного рвения, либо от гнева, либо из-за заблуждений, то мы должны сделать некоторые обобщения о природе всех народов или хотя бы о тех народах, которые нами лучше познаны, проверяя истину истории с помощью точного мерилa. Чтобы сделать правильные заключения относительно отдельных примеров, мы должны поступить несколько по-иному. Мы должны исходить, с небольшими поправками, из сочинений Диодора, Волатерраня¹, Целия², Сабелия и Бозция, которые хотя и очень скудно, но все-таки упоминали о различных законах, религиях, жертвоприношениях, общественных пирах и учреждениях разных народов. Никаких обобщений тогда не могло быть сделано, поскольку все это бесконечно изменялось в пределах краткого периода вследствие естественного развития или воли правителя. Поскольку дело обстоит так, то давайте выделим характерные черты, рассматривая их не с точки зрения человеческих установлений, а исходя из природных характеристик, которые устойчивы и никогда не меняются, а если и меняются, то только под воздействием большой силы или длительного обучения, но даже, подвергшись некоторым изменениям, они тем не менее в конце концов возвращаются в свое прежнее состояние. Об этой основе знания древние ничего не могли написать, потому что они не знали многих областей и мест, открытых совсем недавно, хотя каждый человек продвигается так далеко, как позволяют ему его способности. Поэтому вначале мы объясним природу народов, которые обитают на севере и юге. Затем мы обратим наше внимание на особенности определенных мест, таких, как горы, болота, ветреные и безветренные районы. Вслед за этим мы рассмотрим, какая сила лежит в основе изменения природы людей. После этого мы опровергнем Птолемея и древних, ошибочно полагавших, что судьба народов может быть прослежена по знакам Зодиака, влияние которых, по их мнению, распространялось на соответствующие им регионы. Когда мы усвоим и поймем эти вещи, я верю, что большая часть истории будет нами также осознана и понята. Я не знаю другого пути, надежного

и верного, для получения основных знаний истории и для выработки беспристрастных суждений.

Я, однако, твердо убежден в том, что астрология регионов и небесные тела не имеют власти и не могут служить окончательным критерием истины (легковерие является ненадежной поддержкой), и тем не менее люди очень сильно подвержены влиянию того, что им неподвластно. Утверждение Галена и Полибия, согласно которому определенный климат неизбежно влияет на нас, не является ошибочным. Анахарсис Скифский³ был прав, полагая, что климат действительно заметно влияет на изменение характера, но данное наблюдение еще не получило окончательного подтверждения. Относительно топографических различий мы должны следовать мнению, которое выразил Платон в V книге “Законов”, где он говорит, что некоторые народы “сделаны” лучше, чем другие, а некоторые хуже из-за сильных различий их мест обитания⁴. Учитывая это, последних необходимо удерживать законами в определенных границах, чтобы сглаживать противоречия и метания от одной крайности к другой. Считалось, что различия проистекают также от вод, воздуха и даже от разницы в пище. Древние почти единогласно утверждали, что люди, живущие к северу, более крупные и сильные, тогда как южане, уступая им в силе и росте, превосходят других своими способностями. Конечно, это познавалось долговременным опытом, потому что накопление фактов — дело нелегкое, но, как далеко распространяется власть севера и юга, что характерно для народов востока и запада или что следовало бы думать о природных чертах и особенностях каждого народа, трудно сказать; более того, нет ни одного писателя, чьи книги развеяли бы, как факел, нашу темноту. Гиппократ, который признается высшим авторитетом, писал, что люди севера, напротив, были небольшими и белокожими. Аристотель думал, что люди, вынужденные жить в условиях как сильной жары, так и холода, были одинаково грубыми. Эти примеры ясно показали противоречивость мнений предшественников. Как могут южане быть одновременно и одаренными и дикими? При этом каждый отстаивал свое мнение искренне. Для того чтобы это было понятно, позвольте нам определить четыре стороны света. Южная — в области экватора; северная — вертикально полюсу; восточная — от Молуккских островов; западная — от островов Гестрия. Страбон предложил другое деление: Индия — на востоке; кельты — на западе; скифы — на севере; эфиопы — на юге. Птолемей не ушел очень далеко от этой классификации. Не так давно, однако, утверждалось, что древние допускали серьезные ошибки в этом отношении, ибо математики отрицают существование какого-либо различия между востоком и западом, что мы и опишем со всей правдивостью в определенном месте. Солнце поднимается высоко над экватором и описывает круг, оно возносится все выше и выше и быстрее, чем в тропиках, достигает зенита. Альварес писал, что в июне воды Полярного круга пребывают в состоянии льда, даже когда дует южный ветер. Особенности тропиков — ливни, приносящие большое количество осадков,

очень высокие горы и густые леса. Наконец, цвет человеческих лиц здесь не черный, но смуглый. Ниже тропиков с другой стороны находится жаркий пояс, бездождевой, безлесный, с несколькими реками и их восточными притоками. И наконец, жителей с черной кожей можно встретить не только среди эфиопов, но также и среди индийцев, как Ктесий свидетельствовал много лет назад, а мы убедились в этом недавно. Я не могу быть твердо убежден, что черными стали те, кто ведет свой род от Хама, как это утверждают записи некоторых людей. В течение долгого времени осмеивалось мнение Геродота, который думал, что семя эфиопов было черным. Он доказывал, что эфиопы родились бы черными и в Скифии, а скифы — белыми и в Эфиопии, хотя все народы перемешались в повторяющихся волнах переселений. Пока достаточно определить границу востока и запада в Америке, потому что этот регион отдален бесконечным расстоянием от Индии и Африки. Далее, разделяющая черта между севером и югом проходит по экватору, опоясывающему мир. Далее, середина полушария на этой стороне экватора отмечается 45-й параллелью широты, поэтому любая линия, находящаяся выше по направлению к полюсу, определяется как север; остальное, лежащее ниже, — как юг. Так как древние, за исключением Посидония и Авиценны, верили, что люди освоили пространство между тропиками и Полярным кругом и что других земель, достаточно безопасных и пригодных для обитания не было, мы должны исправить эту ошибку. Действительно, некоторыми исследованиями подтверждается, что область экватора очень благоприятна для жизни людей, несмотря на то что районы, расположенные ниже тропиков, опалаят сильной жарой, причина чего очевидна. Однако люди в чем-то схожи с растениями, которые постепенно перерождаются, когда изменяется почва, и это перекликается с тем, что зной и солнце окрашивают людей в черный цвет, как писал Аристотель. Более того, Плиний писал, что в Эфиопии львы также черного цвета, но, например, поэт Аппиан в своем сочинении “Об охоте” опроверг этот взгляд⁵. Я перевел на латинский язык и опубликовал четыре его книги в прозе, сделав грамматические комментарии; затем расширил их настолько, насколько потребовала моя работа, и снова опубликовал те же самые книги.

Итак, далее, чтобы избежать ошибок древних, мы разделим на три равные части область от экватора до полюса общей протяженностью 90 градусов. Таким образом, мы отдадим 30 градусов жары, столько же градусов — холоду и отведем 30 градусов той температурной зоне, в которой можно жить удобно и счастливо, если не считать, конечно, неровностей, гор или топких болот, а также пустынь или опасных и бесплодных мест из-за вредных качеств воды или почвы. В центре тропической области земля настолько плодородна, что жители почти не замечают изменений климата. Напомню, что мы выделили два тридцатиградусных пояса жары и холода и 30 градусов мягкого климата; в области между 45-м и 60-м градусом довольно холодно, далее следуют 30 градусов холодной зоны; после нее 50 градусов обитаемы, хотя здесь нет го-

родов, деревень, нет средств для сооружения того, что дает людям защиту.

Сама природа и целесообразность учат меня, что подобное разграничение зон правомочно. 30-я параллель от экватора подобна границе, отделяющей Атласские горы, которые простираются на довольно большие расстояния. Африканские берега расположены далеко от Египта, в котором жар Солнца беспощаден и где текут многоводные реки. Граница экватора проходит вдоль Африканского гребня, дальней части Персии и острова Индия. 60-я параллель от экватора, в свою очередь соприкасается с границами готов, ливонцев, Руси, Восточных островов и предгорий Имайской гряды. От этой линии простираются земли, пригодные для проживания вплоть до 75-й параллели, но жизнь здесь сопряжена с трудностями и в одиночку тут не выживешь, если можно доверять географам и историкам. Я разделяю каждые 30 градусов на две половины, потому что тропики и Полярный круг разделяются точно по 50-й параллели с одной стороны и по 7-й — с другой, хотя, может быть, кто-то не допускает предложенного мною деления.

Так как предельные температурные значения известны под тропиками и на полюсах, то под экватором может находиться зона с самым благоприятным климатом, как в тех областях, которые расположены ниже 30-й параллели. Следовательно, эфиопы проживают и на экваторе, и ниже 30-й параллели. В тропиках они имеют обычно черный цвет кожи, ниже экватора, из-за других климатических условий, они много светлее; далее, вниз от 60-й параллели, кожа становится красноватой, после 45-й — кожа белая, после 30-й — желтая, а когда желтая желчь сменяется черной, появляется темно-коричневый оттенок; далее люди становятся смуглыми и совсем черными — в районе тропиков. Утверждение Гиппократом о том, что люди севера представляют собой безобразное зрелище потому, что они бледнокожие и слабые, казалось глупостью до тех пор, пока мы не узнали о более отдаленных районах севера. Следуя мудрости древних, говоривших, что они были крепкими и высокими, мы должны все расставить по своим местам. Некоторое время меня одолевали сомнения, однако мое предположение было отвергнуто Гаспаром Хольстером, шведом из столичного герода, человеком образованным и владеющим языками, но имеющим репутацию солдата. Его лицо и его волосы имели красноватый оттенок, нос же был и вовсе ярко-красный. Без какого-либо изъяна кожи, средний в строении, широкоплечий, тело имел короткое, глаза — голубые. Кроме того, он страдал от близорукости. Болтливый Галл — француз, равно хорошо известный как своей образованностью, так и в силу своих бесконечных скитаний по Европе, часто рассказывал мне такие вещи: по ту сторону Готии люди темно-желтые, огромного роста и худые. В Готии и Швеции люди рождаются красноватыми, и они несколько уступают германцам в размерах. Галена весьма тревожило то, что Гиппократ и Аристотель писали, будто все северяне рыжеволосые, но если следовать моим наблюдениям, то люди в Британии и Германии, ведущие свое происхо-

ждение от датчан и норвежцев (норманнов), которые занимали приграничные территории, имели красную кожу. Позднее все они находились в крайне неудобном положении. Во Франции, особенно на западе или в Нормандии, также много тех, кто происходит от датчан. Но немцы и британцы почти все светловолосые. Поэтому сказанное о них Луканом⁶ “светловолосые швабы вышли из дома северного ветра” можно понять так: из старой Швабии и от Швабского моря (Боденское озеро. — М.Б.), простирающегося до 45-й параллели. Они [швабы], бывало, думали, что, кроме этой, другой земли нет.

Более того, вопрос о физическом строении может помочь нам в понимании традиций народов, дать многое для знания и оценки истории. Позвольте нам привести еще один пример. Скифы очень отличаются от южан тем, что последние имеют карие глаза, тогда как первые — серые или голубые. Те, кто живет между ними, имеют желтый цвет глаз или глаза различных оттенков. Люди величайшей эрудиции, переводя плутарховский “Марий”, определяли их как “каштановые глаза” и “глаза с рыжиной”, “глаза красноватого оттенка”. Я бы предпочел определить их как “жесткие свирепые глаза”. Тацит сказал о германцах: “Жестокие голубые глаза, рыжие волосы, большие тела”⁷. Ювенал сказал: “Кто не знает суровости глаз германцев, не видел их влажного блеска, тот не испытывал страха”. “Карие” не имеют ничего общего с красными; *χαροπόουτος* является двусмысленным словом, обозначающим как жестокость, так и цвет глаз⁸. Евстафий написал об этой черте Гомера [о его глазах]⁹, и я бы так это выразил: “Глаза, выражающие силу борова, медведя и рычащего льва”.

Катулл перевел это как “голубовато-серый” цвет, я думаю, что все варианты переводов являются верными. Так, Аппиан назвал море *χάρουπι*, а Силен перевел “голубоватое”, Катулл перевел это слово как “серое”; и каждый по-своему прав. Амиет прибегает к авторитету Гаца, который употребляет *χαροπος* иногда как “красное”, иногда как “рыжевато-коричневое”¹⁰, Скалигер назвал этот цвет “зеленовато-желтым”¹¹. Гесихий¹² написал, что *χάρουπος* — многозначное слово, оно может переводиться и как “голубовато-серый” и как “желтый”. Так, Аристотель назвал как-то глаза готов *οιζατα χαροπο*, потому что они действительно желтые. Начало этой путаницы было положено употреблением определения *χαροπος* по отношению к цвету глаза. Подобно выражению *υλακώπις Αουιη* Аристотель писал, что цвет [глаз] рыжевато-коричневый. Поэтому римляне называли львов “коричневато-рыжими”. Глаза львов светятся, и это было подмечено еще Гомером, чему есть убедительное свидетельство Аппиана. Порзио¹³ впадал в ошибку, переводя *χαροπος* как “желтовато-серый”; он считал, что это цвет затухающего факела и что Гораций называл волка “желто-серым”. Что касается глаз, то Варрон назвал бы их желтовато-серыми, как у деревенского петуха, или, точнее, желтыми — как Фест¹⁴ определял сухое зерно. Глаза петуха действительно горят подобно глазам ястребов и орлов, способных прямо смотреть на солнце. Мы называем вещи желто-серыми, ко-

гда их цвет колеблется между коричневым и серо-голубым. Платон же назвал такой цвет коричнево-серым. В недавних спорах даже нашелся человек, который трактовал желто-серый цвет, встречающийся у Феста, как цвет сухого зерна. Помимо этого, он представил на рассмотрение наблюдение, что желто-серый цвет [глаз] соответствует хриплому голосу¹⁵, который становится таким по причине холодного горла; в этом высказывании проступает не только неосведомленность этого человека, являвшегося грамматиком, но и его несостоятельность как анатома. Да, в зерне присутствует желтый цвет, однако причиной хриплого голоса является мокрота горла. Аристотель, который определял глаза эфиопов как темные, а глаза скифов как серо-голубые, именно потому и дал жителям среднего региона “козлиные глаза”, что те имеют цвет или желтый или желто-серый. Плиний же называл такие глаза красными. И еще средний регион имеет безграничное смешение из крайностей, тогда как сами крайности не имеют разнообразия. Скифское лицо имеет ярко выраженные характерные черты, которые отличают его от других, что также свидетельствует о своеобразии ума. Голубой цвет, как писал Платон, плавно переходит в белый, как это свойственно глазам ночной совы, которую из-за этого часто называют “серебристой”. Глаза совы слабо видят при дневном свете. Сославшись на Плутарха, я бы распространил это на многих датчан, германцев, британцев. С другой стороны, их глаза имеют характерный слабый серо-голубой отблеск, им присуща отчетливая голубизна необыкновенной глубины. Этот цвет называется даже “орлиным”, когда речь идет о воде. Серо-голубой цвет свидетельствует о присутствии тепла, что отметил Аристотель, несмотря на то что черный цвет, который характерен для южан, всегда нес в себе значение тепла. Те, кто живет в среднем регионе и имеет так называемые “козлиные глаза”, или серо-желтые, обладают наиболее зорким зрением из всех. Не зря Плиний написал, что глаза Суллы, Катона, Августа были именно такого типа. Плутарх выразил двусмысленным словом *χαροπόφυτος* цвет глаз и жестокость, поэтому слова “жестокий” и “ясноглазый” он использовал как термины. Каждый из трех народов имеет свою разновидность цвета глаз — черные, серо-голубые и желтые глаза, от которых происходит безграничное количество вариантов. Витрувий подтвердил это наблюдение такими словами: “Рожденные на севере воспроизводят расу с огромными телами, бледным цветом лица, прямыми рыжими волосами, это люди сероглазые и полнокровные, но те, кто живет на юге, наделенном сверхсильным солнцем, напротив — маленького роста, со смуглой кожей, черными глазами, малокровные и обладающие слабыми телами”¹⁶. Таково его объяснение. Кровь скифов наполнена фиброй, как кровь боровов и быков, поэтому говорят, что они сильно и быстро возбуждаются. Южане имеют худощавое тело, словно зайцы и олени, и это, в свою очередь, привело к тому, что они более робкие и слабые.

Итак, позвольте нам применить эту теорию к тем, кто обитает на пространстве от 44-й параллели до 74-й. В этих пределах, по направле-

нию к северу, количество тепла постепенно уменьшается. Южане имеют больше тепла от солнца и меньше своего внутреннего огня. Зимой тепло поглощается телом, а летом оно выходит наружу. Поэтому происходит то, что зимой мы более оживленны и здоровы, а летом — более вялые. Эта же причина делает нас более прожорливыми зимой, чем летом, особенно когда дует северный ветер. Южный ветер приносит противоположный эффект; можно сказать, что летом мы менее прожорливы, как отмечал Аристотель¹⁷. Поэтому мы можем заметить, что когда немцы посещают Италию, или Францию, или Испанию, то они едят больше, предпочитая не экономить на еде, по этой причине они иногда даже задыхаются. Подобный случай произошел с Филиппом — Австрийским герцогом, когда тот отобедал в Испании в соответствии со своими привычками. Но испанцы, которые у себя на родине живут более экономно, оказавшись в Галлии, становятся более прожорливыми, чем сами галлы. Позвольте нам привести следующие доказательства. Пастухи не раз ответственно заявляли, что, когда стадо движется по направлению к югу, скот мирно пасется поодиночке, но зато на севере стадо становится более активным и держится кучно. Также не является странным то, что Лев Африканский написал, что он почти не встречал стад волков или табунов лошадей, ему попадались только стада овец, которые давали очень немного молока. Наоборот, на территориях германцев или скифов повсюду паслись тучные стада, о чем упоминалось почти всеми писателями. Это не должно объясняться лишь тем, что там имеются лучшие подножные корма, как думал Плиний, дело здесь заключается в климате¹⁸. Усиление внутренней жары приводит к тому, что те, кто обитает в северных землях, являются более активными и сильными, чем южане. Даже в противоположных краях, по ту сторону Каприкорнского моря, происходят подобные вещи. В местах, удаленных от экватора, количество совместно проживающих людей возрастает, как, например, в Патагонии, где местных обитателей называют гигантами, и проживают они на той же самой широте к югу от экватора, что и немцы к северу. Это подтверждает и тот факт, что скифы всегда предпринимают сильные атаки против южан. И это показывает кажущуюся невероятной, но все-таки правду, заключающуюся в том, что величайшие империи всегда возникали на юге, однако они редко распадались по направлению к северу. Ассирийцы разбили халдеев, греков, римлян, парфян, персов, турок, готов и татар. Римляне же, напротив, были склонны к продвижению за Дунай. После того как Траян построил каменный мост немыслимых размеров через Дунай (говорят, он имел двадцать пилонов, и даже сейчас сохранились их отдельные части), Дакия была завоевана полностью. Но когда Адриан понял, что покоренные племена не могут быть обузданы, то приказал разрушить мост. Позвольте нам теперь привести более современные примеры.

Галлы терпели многочисленные притеснения от англичан на своей собственной земле и часто уступали им свою территорию. Но сами они не могли проникнуть в Англию, потому что никто их туда не пригла-

шал. С другой стороны, англичане не смогли полностью поглотить скоттов, хотя они боролись за господство над ними в течение 1200 лет. Англичане не покорили маленькую Шотландию, даже когда и по финансовым и по людским ресурсам они в целом превосходили шотландцев в большей степени, чем галлов. Не правы англичане, обвиняя в предвзятости галлов в споре о природе враждебности, — англичане отрицают, что в тот период, когда распалась Римская империя, их земли населяли англосаксы, которые были покорены норманнами и которых все презирали за неспособность защитить свои земли. Я не рассматриваю здесь случаи проникновения и расселения в Европе и Азии скифов, парфян, турок, татар, московитов, готов. Если я не ошибаюсь, то Иезекииль, Иеремия, Исаак и другие пророки предостерегали от войн, приходящих с севера, которые угрожали гибелью пехотинцам и кавалерии и грядущим разрушением империи. Все эти вещи, я напомню, относятся к региону, который простирается от 44-й до 74-й параллели, приблизительно там, где расположена Бирма.

Жителей более отдаленных регионов, которых не так уж много, согласно Гиппократу, обжигает холод так же, как тех, кто живет у тропиков, опаляет жара. Аристотель в IV книге “Метеорологии” рассуждал относительно силы внутреннего тепла, вырабатываемого за счет чрезмерной реакции, и выводил, что люди обжигаются жарой так же, как и холодом. Холод распространяется и во внутренние районы и является причиной осадков; Помпей называет такие осадки “иней или изморозь”. Гиппократ, однако, упоминает эти сведения, описывая народы, проживающие ниже созвездия Медведицы, потому что в его время более северные регионы были неизвестны. Цезарь, с другой стороны, также не знал об этих регионах, и он закрепил ошибку, исходя из неверной посылки и утверждая, что германцы вырастают большими и сильными потому, что они, обладая свободой воли, с детства подвергаются физическому воспитанию. В действительности же их рост должен объясняться температурой воздуха и соотношением соков в организме человека. Внутренняя жара гасится в некоторой степени внешним противодействием — они часто и много пьют. Они называют жажду аппетитом, поддерживаемым сыростью и холодом. Форма пиршеств, которая распространена среди германцев, особенно саксонцев и жителей прибрежных районов Балтики, не может быть изменена ни временем, ни законами. “Проводить день и ночь в пьянстве, — говорит Тацит, — является позорным для человека, а шумные ссоры очень часты среди пьяных”¹⁹. Афиней, обвиняя скифов в пристрастии к неразбавленным винам, пользуясь старой поговоркой, говорит, что всякий раз, когда римлянам хотелось выпить чего-нибудь покрепче, они говорили, что пора пить “на скифский манер”²⁰. Хамелеон Гераклита в книге о выпивке говорит, что на праздниках все предпочитали держаться в выпивке скифского образца. Воду часто называли “напитком, лишенным мужества”, а спартанцы о неразбавленном вине говорили то же самое. Скифы также имели избыток в наполняющих тело соках, по этой причине они часто испытывали голод.

Итак, желание пить вызывается жарой и сухостью воздуха, южане предпочитали даже меньше есть, чем пить, чтобы погасить избыточный жар своего тела. Это подтверждает мысль Гиппократова о том, что избыточное питье и избыточная еда, употребляемые одновременно, невыносимы для людей. Тацит, описывая подобное поведение германцев, не понял и не показал его причины. “Сильные, холодные и выносливые, они освоили природу неба и земли, потому что климат у них холодный и земля бесплодная”²¹. Более того, окружающий холод способствует большому увеличению внутреннего тепла. То, что они полны силы, защищает их от голода; сила определяется ростом; морские животные, выросшие в избыточных водах, превосходят размерами всю остальную живность. То же [окружающая среда] определяет грубоватый и сильный голос, хотя у испанцев, карфагенян и эфиопов он обычно тоже сильный, но скорее высокий. В трех последних случаях причина объясняется внутренним холодом и сухостью, а в случае с германцами наоборот — внутренним жаром и сыростью. На голос также влияет изобилие и разнообразие в пище и тяжелый шум вечнозеленых лесов. Тепло также позволяет почти не одеваться, тогда как холод заставляет защищать тело теплой одеждой. Однако женщина, по природе холодная, имеет более высокий тон голоса, чем мужчина. При умеренной температуре голос становится приятным и мелодичным, как у азиатов, испанцев, французов. Чрезмерно влажный воздух севера, по мере его продвижения к югу или к теплым регионам, изменяется за счет испарений.

“Германцы, — писал Тацит, — склонны к странной противоречивости от природы, этот народ не любит чем-либо заниматься и в то же время ненавидит покой. Однако они ведут частые войны, а когда выдерживаются от войн, то как будто бы отказывают себе в пище”²². Внутреннее тепло управляет действиями людей, как мы можем это наблюдать в маленьких детях, ибо именно тепло не дает им покоя. Замечено, что влажные тела обычно тучные и горячие. Плутарх подтверждал это в историях из жизни Мария, где упоминал, что потные тела кимвров обычно толстые и горячие. Поэтому испанцы и германцы легко справлялись с ними, как первым отметил Полибий. Марий и Цезарь также одержали над ними знаменитые победы. О франках Цезарь говорил, что в начале битвы они — более чем мужчины, а в конце ее — менее чем женщины. Тацит оставил такой комментарий о германцах: “Германцы, с их громадными телами, устрашают только до первой атаки. Неспособные летом к работе и к исполнению тяжелого, изнурительного труда, они не выдерживают первых же испытаний. Их ломает жара”. С другой стороны, они легче переносят холод. Помпоний Мела писал, что до наступления половой зрелости дети их ходят почти нагими. Гален, однако, удивлялся рассказам о том, что они погружают в холодную воду своих детей, как только те рождаются. Но Август Юлиан объяснил это в своей “Речи Антиоха”. Он сказал, что внебрачных детей германцы выбрасывали в Рейн, где те некоторое время держались на по-

верхности. Он описал это достаточно ярко, но не сослался на какой-либо источник или авторитетное мнение.

Африканцы, с их сухими, холодными, сильными телами, терпеливо переносят и работу и жару, как писал Александр Афродисийский²³. Они не могут переносить холод, так как у них нет внутреннего тепла, в отличие от скифов, которые, напротив, с трудом выдерживают жару, так как изобильно наполнены ею внутри. Точно так же лошади, по своей природе теплые и влажные, с трудом живут в Эфиопии и более легко переносят климат Скифии. С другой стороны, ослы, сухие и холодные, оживленные в Африке и вялые в Европе, не могут жить в Скифии.

Тех, кто обитает в среднем регионе, беспокоит и холод и жара, так как середина вынуждена бороться с обеими крайностями; однако и то и другое [жители среднего региона] переносят одинаково хорошо. Я называю серединой не район между полюсом и экватором, а лишь то пространство, которое размещается посередине между тропиками и полюсом, потому что жара на экваторе не так ужасна, как мы выяснили, но в тропиках более сильна. Самым умеренным следует признать район не от 30-й до 40-й параллели, а от 40-й до 50-й; по мере продвижения на восток он [климат] становится все более умеренным. Здесь лежат более отдаленные части Испании, Франция, Италия, Верхняя Германия — до Майна, обе Паннонии, Илирия, обе Мисии, Дакия, Молдавия, Македония, Фракия и лучшая часть Средней Азии, Армения, Парфия, Согдиана и большая часть Большой Азии. Однако чем ближе к востоку, тем климат становится более умеренным, хотя кажется, что климат таких регионов, как Лидия, Киликия, Азия и Мидия, больше похож на южный. Однако в свое время мы еще будем говорить о востоке. Южане, а именно: испанцы, сицилийцы, пелопоннесцы, египтяне, критяне, сирийцы, арабы, персы, гедрозиане, мавры, индийцы, сузианцы, финикийцы, нумидийцы, киренаикяне, ливийцы и американцы, населяющие Флориду, ближе к нам. Но те из них, кто живет на той же широте, но далее к западу, имеют более холодный темперамент. Северянами я бы в свою очередь назвал тех, кто населяет территорию от 50-й до 60-й параллели. Они, однако, более сдержанны, чем их соседи, населяющие пространство в районе 70-й параллели. К первому региону относятся Британия, Ирландия, Дания, часть Готландии, Нижняя Германия — от Майна и Буга до дальней Скифии и Татарии, которая занимает добрую часть Европы и Большой Азии.

Остаются народы, населяющие земли по ту и другую сторону от 15-го градуса в тропиках, но так как они измотаны ужасной жарой, то мы должны говорить о них отдельно. Другие, те, что живут ниже 30-й параллели по эту сторону и над экватором, попадают в зону почти такой же умеренности, как и те, которые проживают ниже 30-й параллели, это следует из нашего знания причин жары и подтверждается нашим знанием истории. Основным же предметом нашего обсуждения являются люди, которые живут от 30-й до 60-й параллели, потому что мы знаем их историю и на основе этого знания можем сложить свое мнение.

У нас почти нет материала о других народах, но хорошо подобранная иллюстрация дает возможность правильной оценки всех остальных. Народы Средиземноморья, если говорить об их теле, холодны, худы, рано лысеют, слабы, смуглы, небольшого роста, кудрявы, кареглазы и высокоголосы. Балтийские народы, напротив, теплы, потливы, волосаты, крепки, белокожи, крупнотелы, предрасположены к полноте, с жиденькими бородами, сероголубоглазы и низкоголосы. Промежуточный же тип представляют те, кто живет между ними; они выказывают умеренность во всех отношениях. Но напрашивается вопрос: почему южане, по общему согласию, слабы, но тверды характером, тогда как северяне сильны, но мягки? Противоположное мнение высказывали Гиппократ и многие другие писатели, которые утверждали, что скифы и горцы, напоминающие скифов, были тверды, дики и с рождения переносили многие тяготы. Сопоставив эти противоречивые мнения историков и философов, мы будем верно оценивать историю и попробуем примирить Гиппократа с Александром, Ливием, Тацитом, Полибием, Плутархом и Цезарем, которые говорили, что франки и германцы не были упорны в работе, тогда как нам известно, что северяне усердно трудятся в холодном регионе, а в теплом — истекают потом. С этим согласуется мнение Агафия о германцах и Крантца о скандинавах, считавших, что эти народы развязывают войны зимой, но реже — летом. Наоборот, южане легко переносят жару, подходящую для их характера, хотя становятся энергичнее в холодном регионе и довольно вялы в теплом. И поэтому, как я слышал, испанки обычно называют немцев между собой “вялая рыба”. Но кельты и бельгийцы, когда они попадают в Италию или Прованс, подвергаются пытке москитами и паразитами, страдая до крайней степени из-за нежности своей кожи. Коренные жители благодаря своей выносливости не испытывают в сходных условиях никакого сильного раздражения.

Имеется достаточно высказываний о форме тела, из которых делается заключение о складе ума, и в результате вырабатывается верный взгляд на историю. Так как ум и тело властвуют в противоположных направлениях, то чем сильнее последнее, тем слабее первый, и чем сильнее человек в своем умственном развитии, тем физически слабее при условии, что функционируют все органы чувств. Ясно, что южане превосходят интеллектом, скифы — телом. Аристотель близок к этому выводу, замечая в VII книге “Политики”, что крепкие и энергичные люди наделены меньшим талантом, а их общественные дела не идут в правильном направлении²⁴. Южане, однако, имеют более чем достаточно мудрости, но недостаточно силы, которая необходима и для отражения нападений врагов, и для защиты граждан.

Третья группа людей состоит из тех, которые владеют прекрасным искусством повиноваться и командовать. Они способны подавить хитрость южан своей силой и противостоять атаке скифов мудростью. Из людей этого типа, как полагал Витрувий, должны отбираться солдаты, так как они не менее превосходны в находчивости, чем в силе.

Так как это верно, то я перехожу к другим мнениям. Еще одна историческая проблема ждет своего разрешения: почему готы, гунны, герулы и вандалы вторглись в Европу, Азию, Африку, но из-за недостатка ума не смогли удержать завоеванное? Те, кто воплощал планы мудрых людей, формировали нации, составляющие основу гражданского общества, и долгие годы имели власть над процветающими государствами; здесь на ум приходит образ, созданный поэтами, — Паллада, защищающая Ахилла. Поскольку скифы почти поголовно не любили грамоты, а южане — оружия, то они не могли изначально основать великую империю. В обеих этих сферах римляне достигли успеха, с большой скромностью и мудростью сочетая гимнастику с музыкой, как того и хотел Платон. Правда и то, что они унаследовали законы, интерес к письменности, гражданскую дисциплину от греков; морской науке они научились у финикийцев и сицилийцев. С другой стороны, опыт в военном деле они приобрели в ходе постоянных войн: сначала они научились у скифов использовать меч не только как рубящее, но и как колющее оружие; впоследствии переняли у испанцев умение пронзать врага мечом, как утверждает Полибий. Не следует удивляться, что они превзошли все народы славой своих подвигов, когда направили все усилия на развитие своих высочайших природных талантов. Но это Божья милость (или правильнее сказать — мудрость?), что южане наделены острым умом, а скифы сильнее физически, ведь если бы Он наградил лисьей хитростью людей диких и сильных, как буйволы, или великой силой и выдержкой пронырливых, как лисы, карфагенян, то люди могли бы использовать дар Божий для разрушения. “Нет ничего более жестокого, — сказал Аристотель, — чем вооруженная несправедливость”. Более того, он верил, что те, кого Он наделил средней силой, превосходят остальных гуманностью и справедливостью, чертами, которые он отнес к людям, проживающим в умеренном климате. “Почему, — спрашивает он, — люди, которые страдают от слишком сильного холода или жары, столь дикими?” Не потому ли, что лучший климат создает лучшие обычаи? В таком случае, почему все историки восхваляют невинность и справедливость скифов и проклинают обычаи южан? Здесь я ищу ответа в свидетельствах истории, чтобы не было разногласия между мудрецами. Так, тучные люди вовсе не злы, как верно решил Цезарь относительно Антония и Доллабела; что касается Брута и Кассия, то их пример показывает, что худых следует опасаться. Северяне — тучны, а южане — худощавы. То, что сказал Тацит о германцах, верно: “Этот народ не отличается хитростью и проницательностью; свобода пирушек вскрывает секреты сердца, а в своих мнениях о других они крайне непостоянны. Сегодня могут говорить одно, а завтра — другое”. Более того, в этом кроется одна из причин, почему короли и тираны и раньше, и в наши дни подбирали телохранителей среди фракийцев, скифов, германцев, киркассиан и гельветийцев, не скупясь на большое жалованье; и делают они это не потому, что не доверяют силе своих людей, как многие глупо полагают, а потому, что понимают, что крупные тела фракийцев

скрывают в себе минимальное количество хитрости и злобы и что им больше нравится роль солдата, чем правителя. Так почему же их называют жестокими и грубыми? Причина очевидна, ибо чем дальше человек от человеческой культуры, тем более он схож с животным, неспособным из-за недостатка разума сдерживать ярость и дурные склонности. Таким образом, оказалось, что северяне под влиянием вспыльчивости поступают жестоко. Фукидид называл фракийцев, которые ничего не боялись, “самым безжалостным народом”. Тацит так же сказал о германцах: “У них вошло в привычку убивать не сдерживая себя, из-за вспышки ярости, как убивают врага”. Так, венгры, когда убили Л. Гритти²⁵, облили свои плащи и копья его кровью, следуя своей национальной традиции. Британцы уничтожили в гражданской войне 12 из 40 королей, бесчисленное количество принцев (около сотни за тридцать лет), а после имели небольшую передышку благодаря внешним войнам. Если верить хроникам Джовио, то трансильванцы довели солдат до безумной жестокости в трехдневный срок. Это было сделано, чтобы люди могли со всей суровостью отомстить Георгу, лидеру ритеров, за то, что он посадил на кол несколько венгерских магнатов. В результате солдаты зубами рвали конечности еще дышащего лидера, поглощая его плоть. Затем, разрубив распотрошенного человека на кусочки, они подали его останки, приправленные плевками, пленникам. Жестокость Дракулы, принца Трансильвании, повсеместно признана чрезмерной²⁶. Я даже не буду приводить примеры неслыханной жестокости готов и гуннов, которую они проявляли не только по отношению к людям, но и к животным, городам, крепостям, могилам и гробницам римлян, срывая их до основания. Они не могли сдерживать свою ярость, как, впрочем, и другие свои наклонности. Тацит сказал о германцах: “Когда они трезвы, они играют в кости на серьезные вещи, их азарт в игре так велик, что при проигрыше они могут поставить на кон собственную свободу”. Следом идет жажда наживы, обуревающая как германцев, так и галлов. Прокопий с упреком отмечает, что жажда эта так велика, что за золото они готовы продать жизнь и за деньги развязать войну.

Южане не столько скупы, сколько бережливы и скаредны, с другой стороны, скифы — расточительны и жадны. Так как они знают свой недостаток, то они чрезвычайно подозрительны. Эта черта и прежде среди моих знакомых была известна достаточно хорошо. Хольстер рассказывал мне доподлинный факт: в Голландии было полно тех, кто подслушивает. Они пребывали в общественных местах, потому что природная подозрительность подогревала их желание знать. Трезвыми они предпочитают вступать в отношения с южанами, а когда чувствуют, что обмануты, то сами обманывают незнакомцев, но в конце концов применяют силу. По всеобщему мнению, они такие же вероломные, как и южане. Древние историки не располагали этими сведениями, потому что у них не было отношений со скифами. Позднее, покинув обычные места обитания, они [варвары] показали свое истинное лицо. После того как франки выделились из германских племен и заселили Галлию (поэтому

немцы часто бахвалятся тем, что французы имеют тевтонское происхождение), Прокопий, рассказывая о них [о франках], сделал такое замечание: “Этот народ быстрее всех предаст свою веру”, а Вописк сказал: “У франков считалось нормой посмеиваться над своей верой”. Верно писал Алкиатти, что немцы, подобно скорпиону, готовы ужалить сами себя. Эту поговорку по-французски следовало бы произносить с должными извинениями, чтобы наше рассуждение не повредило имени любой расы. Я размышляю не о какой-то характерной особенности, а о врожденной натуре каждого народа. Вернемся к жестокости. Этой чертой датчане и норвежцы в значительной мере превзошли немцев, от которых они вообще многим отличаются. Великое вероломство и жестокость людей по отношению к правителям или в среде самих правителей никогда не порождались такими взаимоотношениями, какие существовали между Христианом²⁷ и Густавом²⁸, между датчанами и шведами. Это те народы, которые мы называем норманнами и которые считаются ненадежными.

Но если из-за нехватки разума и мудрости северяне не могут управлять своими наклонностями и поэтому оцениваются другими как несдержанные, подозрительные и жестокие, то почему южане даже более жестоки и вероломны, чем они? Здесь я снова ищу решения в истории. Очевидно, что от природы южане имеют величайшие способности. Так, например, Колумелла²⁹ в третьем разделе первой книги заявил: “Хорошо известно, что карфагеняне очень сообразительный народ, ими сказано — поле должно покориться пахарю”. Про египтян, которые боролись против Цезаря, Гирций писал: “Это очень умные люди. Они так ловко копируют сделанное другими, что кажется, будто это те, другие, повторяют их работу”. Чуть позднее тот же автор добавил: “Египтяне сильно склонны к предательству”. Более того, кто не знает, как искусно и на протяжении долгого времени карфагеняне избегали власти римлян. Тем не менее они всегда проявляли ужасную жестокость в отношении врагов, что показали Пунические войны, а также битва, в которой финикийцы сражались против финикийцев, и когда Спендий выступил против карфагенян. Как сказал Полибий, “эта война по жестокости и всем видам преступлений превзошла все войны, о которых мы прежде знали”. Правда, вещи, рассказанные Полибием о жестокости карфагенян, показались бы смешными, если бы их сравнивать с историей Льва Африканского или с беспримерной жестокостью Мулей Хасана и его сыновей, которую те не так давно проявили к своим подданным, а потом и по отношению друг к другу. Но Мулей Хасан, лишенный трона, который раньше он сам захватил, изгнав своего отца, явился просителем к императору Карлу, униженный и ослепленный на оба глаза, зверски выжженные его братом.

Именно от карфагенян идут все эти казни: выдавливание глаз, разрывание конечностей, сдирание заживо кожи, медленное поджаривание и сажание на кол. Но колесование идет от германцев, это подтверждает написанное Мюнстером. От этих наказаний итальянцы, галлы, ис-

панцы, греки и даже азиаты часто с ужасом отворачивались и неохотно перенимали у других. До преторианского закона о казни, который тем не менее запретил телесные наказания, римляне казнили топором, лишая жизни через отрубание головы, позднее распространенным способом стало умаривание голодом, наконец, была разрешена пожизненная ссылка. Среди грехов традиционно использовался яд из болиголова [цикуты. — *М.Б.*]. Хийяне его разводили водой, чтобы смерть не была мучительной. Греки считали, что в самой смерти жестокости более чем достаточно, если, конечно, человек не был виновен в каких-то невиданных, ужасных преступлениях. Если кто-то склонен считать, что такая жестокость идет от порочного воспитания, как утверждает Полибий, то пусть внимательно рассмотрит природу южных американцев, которые окунают мальчиков в кровь убитого врага, затем сосут кровь убитого из вен и продолжают свой жуткий пир на растерзанных телах.

Итак, жестокость южан и скифов имеет мало общего, потому что последние впадают в ярость под влиянием импульса, а в мщении способны показать себя не только добродетельными, но и великодушными — они легко вспыхивают, но и легко успокаиваются. Южан не так просто разгневать, но, будучи рассерженными, они с трудом успокаиваются и атакуют врага с хитростью лисицы и упорным, но не явным неистовством. Поверженного врага они подвергают ужасным и болезненным пыткам. Такая свирепость в чем-то сродни деспотизму, который порочная система воспитания и дурные наклонности развивают в человеке, но в основном она [порочность] имеет своей причиной сумбуриность в чередовании настроений. Это, в свою очередь, идет от элементов, на которые неодинаково воздействуют внешние силы. В этом проявляется власть небесных тел над телом человеческим, что заключено в определенных элементах — кровь в теле, дух в крови, душа в духе, разум в душе. Хотя душа неподвластна материальности, тем не менее во многом на нее влияют внешние воздействия. Получается, что те, кто находится в самых отдаленных районах, более склонны к порокам. Как черная желчь с трудом удаляется из крови, подобно осадку из вина, так и болезни ума, причиной которых является воздействие черной желчи, с трудом излечиваются. В действительности южане насыщены черной желчью, которая опускается словно осадок на дно, когда настроение смягчается теплом солнца, или поднимается все выше и выше, влияя на эмоции, на внутреннее состояние так, что люди становятся неуправляемыми. Такими, говорят, были Аякс³⁰ и Марций Кориолан³¹. Последнего нельзя было ничем умиротворить до тех пор, пока он огнем и мечом не уничтожил границы между своей державой и союзными городами. Другой, когда не смог отомстить врагу, обернул свой гнев против овец и скота и порубил многих животных.

Легко составить мнение об истории, если мы знаем причину безумия. С одной стороны, ясно, что южане в большей степени, чем северяне, подвержены безумию. Кроме того, люди сходят с ума легче, чем животные. Лев Африканский писал, что в Африке многие люди пребыва-

ют в бредовом состоянии и что общественные институты там отделены от лишенных душевного равновесия. Подобных людей много и в Южной Испании. В Нижней Германии почти нет людей, которые страдали бы безумием от избытка черной желчи, но больше безумных от избытка крови — этот тип безумия простые люди называют болезнью святого Витта³², она выражается в экзальтации и бессмысленных танцах. Музыканты своей игрой на лире способны повлиять на больных: используя спокойные ритмы и определенные приемы, они постепенно завладевают вниманием танцующих и воздействуют на них, пока серьезность исполнения и ритм не успокоят сумасшедших. С другой стороны, те, кто населяет средние районы, впадают в безумие тогда, когда их начинает сжигать желтая желчь. Избыток ее приводит к увечьям и убийствам. Живущие вниз от Медведицы, поскольку у них обильны выделения [желчи], должны бороться с определенным видом слабоумия в старости, а точнее — с дремотой, которая является тем видом умственной слабости, который приводит к оцепенению и забывчивости. Хотя справедливо заметить, что сумасшествие встречается повсюду. Я называю безумием такое состояние, когда никакие обстоятельства не могут укротить природные склонности, главным образом это наблюдается у северян. Мудрого человека может охватить ярость, говорил Цицерон, но не безумие. Многие известные авторы объясняют этот факт крайне глупо, утверждая, что безумие является уделом грубых и простых людей. Все это лишь общие положения. Везде есть склонные к бреду, меланхоличные, обезумевшие и сонливые люди, так же как и везде есть мудрые, сильные и выдержанные — в одном месте больше, в другом меньше. Утверждения лекарей об излечении меланхолии и замечания Аристотеля о меланхолических людях касаются северян, и в свете этих сведений следует составлять свое мнение об истории. Многие вещи мы пропускаем, останавливая внимание лишь на том, что было упущено или недостаточно полно раскрывалось. К таковым относится тот факт, что южане особенно предаются всем плотским удовольствиям и вожделению, как утверждалось Гиппократом, тогда как скифы менее склонны к любви, потому что их красавицы чрезмерно холодны и унылы, а также потому, что из-за их увлечения верховой ездой они часто оказывались бесплодны. Поэтому они učinили суд над любовью. Они ненавидели ее и кастрировали себя. “Кастрацией” они называют перерезание вены, которая находится на голове за ушами, мы слышали, что некоторые люди практикуют это и в наши дни. Однако это голословное утверждение отрицается почти всеми историками.

Давайте применим наконец верное мерило для оценки истории, которое мы так долго искали, и уничтожим разногласия между философами и историками. Действительность подтверждает, что плодovitость готов, скифов и германцев такова, что они не только заселяют обширные безлюдные пространства, украшая леса севера большими городами, но еще и основывают поселения по всей Европе. Немцы заселяют земли над Дунаем, а скандинавы — даже у крайних границ Скифии. Ме-

фодий³³ и Павел Диакон сообщали, что их армии перемещаются по пространству, как пчелиные рои. Иордан³⁴ и Олаф называли север “мастерской, где делают людей”, потому что оттуда вышли готы, герулы, гунны, кимвры, лонгбарды, аланы, бургунды, норманны, пикардийцы, гелпиды, сабоны, славяне, свионы и руги. Кроме того, поскольку скифы теплы и полны влаги, то плодovitость у них самая высокая. Я не знаю, почему Гиппократ решил, что скифы более холодны внутри, сама природа показывает, что это ошибка. То, что природа дает тепла внутренностям зимой больше, чем летом (теплое дыхание из раскрывающегося рта показывает это), также влияет на людей, населяющих север. Значит, зимой люди более способны к зачатию и менее похотливы, как сказано у Аристотеля. Люди более похотливы летом (по причине раздражения, причиняемого желтой желчью, которая в это время наиболее обильно выделяется), но менее способны к деторождению. В этом проявляется величайшая мудрость Бога, ибо тем, кто имеет достаточную возможность порождать страсть, страсть не очень нужна, но тем, кому дано меньше похоти и любовного пыла, высший родитель — Природа дала больший стимул желаний. В противном случае они вовсе не желали бы умножать свой род или основывать общества. Та же Природа сделала так, что зимой мужчины, а летом женщины более склонны к похоти. Доктора считают, что не следует искать удовольствия ради него самого — это постыдно, но подобного рода удовольствие должно быть направлено на зачатие потомства, как это происходит у всех других живых существ, при этом в человеке постоянно присутствует желание наслаждаться союзом, для которого мы рождены. Страсть может закрепить союз на краткое время, как это происходит у других живых существ, но она не способна сохранить надолго любовь. Мне не кажется убедительным объяснение Гиппократом того, почему скифы менее способны к любви, тем, что они носят кожаные штаны и ездят верхом, тогда как, по свидетельству Аристотеля, приводившего и другие причины, люди, привыкшие ездить верхом, напротив, более похотливы. Эти факты дают возможность оценить мнение Цезаря³⁵, Волатеррания и Тацита, которые так высоко оценивали воздержанность германцев. Тацит говорит: “Молодые люди очень рано стремятся познать любовь, поэтому их юность не слишком затягивается, но девушки не торопятся”. Это не может определяться силой воли, ведь мы уже показали, что северяне от природы самые несдержанные в употреблении питья, еды, в играх и преступлениях. Именно сдержанный человек также воздержан и в половых отношениях, а не наоборот. Более того, нет причины для воздержания, когда нет похоти и страстей, ибо они не искушают, как нельзя сказать о ком-то, что он храбрый, если он не испытал опасности или мук тяжкого труда. Южане же, наделенные большей мудростью и силой разума, своим особым даром осознали, что они могли бы грешить совершенно свободно ради удовольствия. При этом упомянем, что власть над собой особенно трудна тогда, когда, окунаясь в похоть, человек предается ужасным излишествами. Известны случаи со-

вокупления людей и животных, я думаю, в этом причина того, что районы Африки породили столько чудовищ. Отсюда берет корни и та невероятная ревность южан и карфагенян, которую упоминает Лев и от которой совершенно свободны германцы. О последних Цезарь писал так: “Узнать женщину до двадцати пяти лет считается у них одной из главных целей, и это не скрывается”. Альтомер³⁶, Поджо и Мюнстер в описании Бадена³⁷ говорили, что немцы, так же как и иноземцы, купались совместно с чужими женами и это ни у кого не вызывало подозрений. Слово “ревность”, говорил Мюнстер, не имело места в их отношениях. Немец Иреникий³⁸ добавляет: “Этот обычай в наше время наблюдается повсеместно на морских курортах”. Цезарь также писал, что бритты имели по двенадцать общих жен и что братья сожительствовали с сестрами, а родители — с детьми. Итальянцы никогда не могли вынести такой образ жизни, много меньше замечены в этом испанцы, хотя они часто сходили с ума от любви и ревности. В действительности южане и карфагеняне думают, что смерть предпочтительнее измены. Хотя не стоит удивляться тому, что цари персов, карфагенян и евреев всегда имели великое множество жен, это подтверждают Диодор во II книге, Геродот в III книге и Иосиф в 17-м разделе IV книги. Скифы, напротив, имели ли они общих жен или собственных, жили, однако, с ними так, что приходится только дивиться рассказам о самых невероятных примерах воздержания, дошедших до нас и касающихся самих царей, у которых народ, как правило, перенимает обычаи. Тацит пишет, что, пожалуй, из всех варваров только германцы имели собственных жен. Волатерраний утверждал, что Казимир Польский³⁹, а также Вацлав⁴⁰, царь Богемии, всегда жили целомудренно, будучи холостяками. Император Генрих I⁴¹ не только воздерживался от обладания чужими женами, но даже навсегда отстранился от своей собственной.

Зачатию способствуют внутренний пыл и влага, а похоть определяется избыточным выделением желтой или черной желчи. В случае избытка желтой желчи похоть, вероятно, обусловлена повышенной раздражительностью, при избытке черной — похоть вызывается пенящимися элементами, которыми очень насыщен этот вид желчи. Я думаю, что Аристотель имел это в виду в том месте, где он писал о том, почему самые чувственные люди встречаются среди меланхоликов. Действительно подтверждено, что те, кто употребляет кислую и пенящуюся пищу, становятся более похотливыми, потому что такая еда приводит к избытку желчи. Возможно, по этой причине поэты изображают Венеру рожденной из пены морской. Среди всего животного мира только зайцы способны на любовь между самцами, которая, по мнению Варрона и Элия, вполне возможна и осуществима, но не может привести к зачатию, ибо только женские особи из всех живых существ могут забеременеть. Я думаю, что зайцы имеют такую склонность потому, что их организм перенасыщен черной желчью в сравнении с другими животными. Для нас неудивительно и то, что говорят о склонности к подобной страсти среди южан, изобилующих черной желчью. Птолемея пи-

сал, что по причине особой чувственности южан Венере поклоняются главным образом в Африке и что созвездие Скорпиона, которое имеет влияние на половые органы, преобладает в небе над этими областями. Вследствие обилия черной желчи южане страдают от проказы, которая по этой причине называется древними пунической болезнью, причем не из-за красноты, потому что южная проказа не вызывает покраснений, как отмечают Моисей и Плиний, а потому, что происходит она из районов Карфагена, отсюда также болезнь арабов, которая одними называется “лишай”, другими — “левка” или “кожная сыпь”. До времени правления Помпея Великого, по свидетельству Плиния, в Италии не видели прокаженных. Эта болезнь, как он писал, была характерна для Египта. Доказательством служит то, что Моисей, самый древний из всех правителей, издал множество законов о прокаженных, в то время как греки и римляне не предприняли здесь ничего. Конечно, Лев Африканский и Альварес согласны с этим: один ссылается на бесчисленное количество домов для прокаженных в обеих Мавританиях, а другой писал, что в Абиссинии они так смешались со здоровыми людьми, что казалось, будто все кругом больны. Наши современники оставили свидетельства, что Америка изобиловала прокаженными, или, как они говорят, людьми, страдающими неаполитанской болезнью. Эту болезнь Скалигер называл “индийской”, индийцы же называли ее “луа”. Она была завезена и в Европу и в Африку с островов и постепенно проникла наконец в Сирию и Скифию. То, что фактически одной из ее причин является избыток черной желчи, ясно из того факта, что те, кто обладает более меланхоличным настроением, с трудом вылечиваются от этой болезни. Преобладание черной желчи делает южан печальными, двигающимися с опущенными лицами, медленной походкой, погруженными в задумчивость; северяне же по причине избытка крови веселы и проворны. Теперь ясно, почему все историки утверждают, что южане склонны к величайшим грехам тела и разума. Причина очевидна — они изобилуют черной желчью. Если бы свойственная им меланхолия (мы знаем много ее видов), названная “опустошенностью”, могла бы быть сдержана, то они достигли бы замечательной силы ума и тела. Прежде всего они свободны от многочисленных видов болезней, происходящих по причине переизбытка, патологических выделений и плохой крови. В Африке лихорадки очень редки и легко переносятся южанами по причине отсутствия в них внутренней влажности и тепла. Однако перемежающаяся лихорадка с приступами в каждые три дня, свойственная подавленному состоянию, будучи однажды вылеченной, никогда не повторяется, сказал Гиппократ. На севере чем дальше удаляешься от среднего района, тем чаще встречаются изматывающие лихорадки, опухоли, припадки, конвульсии и слепота, причина этому — тяжелый климат и многочисленные выделения, которые незначительны у южан.

В районах с умеренным климатом паразиты не так активны благодаря частым перепадам температур. Хотя зима и лето всегда характеризуются крайностями, но для средней полосы характерна также и

быстрая смена весны и осени. Отсюда проистекают особенное нездоровье, малярии, кожные заболевания, нагноения, причину которых люди глупо, я бы даже сказал нечестиво, ищут в жизни святого Антония. Ведь он многими почитается в Италии и Нарбонской Галлии, ему возносятся горячие молитвы, перед ним испытывают больший страх, чем перед самим Господом. Ошибаются те, кто думает, что люди умеренной полосы, где нет крайних проявлений, имеют лучшее здоровье и более долгую жизнь. Природа южан приспособлена для жары, а северян — для холода. Те, кто проживает в средней полосе, хотя они и кажутся более сдержанными, тем не менее страдают и от жары и от холода, а более частые колебания воздуха, присущие этому региону, порождают болезни и преждевременную старость. Отсюда, я полагаю, проистекают столь несхожие мнения историков о продолжительности жизни. Аристотель думал, что она длиннее на юге, Плиний — на севере, Гален — в центральных районах, которые, по его мнению, были расположены в Средней Азии, где люди наделены высшей умеренностью. В действительности же даже в фантазиях невозможно предположить, чтобы галлы, скифы, египтяне или арабы проживали в этих местах. Хотя тот же Гиппократ писал, что наиболее богатые, наилучшие и прекраснейшие условия для жизни обнаружены в Азии, это мне кажется отчасти справедливым и отчасти ложным. Известно, что те, кто живет севернее умеренного пояса, выше ростом, и как мы показали, обладают более статной фигурой; Цезарь и Тацит оставили свидетельства о замечательно рослых германцах, а красоту галлов древние считали общеизвестной, из-за белого цвета кожи азиаты называли их молочно-белыми. Тертуллиан так же характеризовал галлов, однако создается впечатление, что британцы превосходят их. Гален не видел галлов, ибо даже Марк Аврелий не смог вынудить его поехать в те районы, где они проживали.

Кроме того, поскольку долголетие поддерживается внутренней теплотой и влажностью, то север более соответствует месту, где продолжительность жизни должна быть большей. Возможно, по этой причине Плиний думал, что гиперборийцы умели продлевать свою жизнь до глубокой старости. Действительно, известно, что в Британии люди бы жили до ста лет и дольше, если бы они не предавались излишествам в еде и выпивке. Рукописи древних и более поздних авторов свидетельствуют о том, что южане также живут достаточно долго, хотя и не имеют в избытке внутренней теплоты и влажности, да и количество выделений у них невелико. По общему мнению, все эти черты должны бы ускорять старость и приближать смерть. По наблюдению Феофраста⁴², чем раньше растение набирает рост, тем дольше оно цветет. Другие думают, что время жизни увеличивается в районах умеренного климата. В Италии и сейчас много людей, которым перевалило за сто. Плиний по переписи установил, что некоторые римляне жили до ста сорока лет. Человек, который сравнивает сведения, сообщаемые нашими историками, с древними, а мнения древних друг с другом, при этом дополнив

их знаниями о природной среде, может иметь справедливые суждения, касающиеся истории. Например, именно южане наслаждаются более долгой жизнью, особенно нумидийцы; что ж, это вполне вероятно, потому что есть рассказы о старых воронах, у которых почти совсем нет тела и еще меньше влажности, но проживают они время, равное четырем человеческим жизням. Более того, слоны, которые, по свидетельству Аристотеля и Юба, могут считаться долгожителями среди почти всех живых существ, тоже встречаются только на юге. То же касается пальмовых деревьев, которые цветут тысячи лет и которые не могут нигде расти, кроме как в южных регионах. Золото и алмазы, известные своей прочностью, чаще встречаются на юге, а на севере их почти нет. Гален ошибался, полагая, что жизнь продляется превосходной сдержанностью. Если бы это было так, то скалы сдержаннее растений, растения сдержаннее живых существ, слоны и олени сдержаннее людей, но это абсурд, кроме того, он также думал, что выдающийся талант определяется соответствующей умеренностью. Если признать, что разум превосходит тело и вспышки яркой гениальности порождал юг, а не север, то нет сомнений, что более способная часть населения мира проживает на юге и что среди южан больше добродетелей, чем среди скифов. Но и большие грехи встречаются там, где бы ни появились южане. Теперь нами может быть легко понято заключение из истории Ливия. После того как он подчеркнул добродетели Ганнибала, он сказал: «Великое множество добродетелей этого человека уравновешивалось чудовищными грехами: зверская жестокость, пуническое вероломство, способность на предательство, неуважение к святыням, отсутствие страха перед богами, пренебрежение к клятве, непочтительность». То, что написал Макиавелли, ошибочно — будто люди могут в конце концов впасть в крайний грех, приводя при этом пример Павла Балиони, тирана Перуджи, который мог без труда убить папу Юлия вместе с его охраной, но предпочел потерять власть и не совершить такого преступления. Ганнибал не поступил бы так. Тот же Макиавелли считал самыми грешными среди всех народов итальянцев, испанцев и галлов; известно его высказывание, где он в самых превосходных степенях превозносит справедливость и сообразительность немцев⁴³. В другом месте он набрасывается на них за вероломство, скупость и высокомерие. Эти противоречия возникли из-за пренебрежения обычаями и природой этого народа. Глупые и неотесанные люди в действительности не могут быть бесчестными, но, как сказал Платон, великие таланты обычно наделены великими добродетелями или великими пороками; так, плодородная, но невозделанная земля порождает много вредных сорняков, и, лишь обработанная должным образом, она становится действительно плодоносной. Но бесплодная земля, с другой стороны, не приносит ничего полезного, но на ней нет и сорняков — нет ничего, за исключением тяжкого труда на ней. Я выношу такое же суждение и в отношении талантов южан и скифов. В связи с этими доводами не является удивительным то, что почти все историки и поэты —

начиная с Эсхила и до наших современников — восхваляют большую честность скифов и нападают на хитроумных южан. “Древним обучаем среди германцев, — сказал Тацит, — является повсеместное превосходство силы над справедливыми законами”. Действительно, в те дни немцы почитали физическую силу и, как они говорят сами о себе, сейчас мало изменились к лучшему. С тех пор они жили в крайнем небрежении [к закону], и я не понимаю, почему их честность достойна таких пышных панегириков, ведь она не является существенным благом или сильным злом. На это можно посмотреть и с другой стороны: человек, которого ничто не ограничивает в его пороках, намеренно превозносит добродетели, которые он оценивает самой высокой ценой. Для любого человека есть только один прямой путь к добродетели, но вокруг него здесь и там появляются кривые дорожки, но даже те люди, которые показывают высшие примеры добра и зла, все-таки более склоняются ко злу и из-за этого своего влечения не могут без посторонней помощи удержаться от жестоких убийств и преступлений. Не всегда вознаграждается бессмертием побуждение людей к справедливости, но многие думают, что могут жить в высочайшей честности и станут совершенно счастливыми, если никогда не отведают плодов зла (без которых, однако, природа добра не может быть понята) и, подобно другим живым существам, будут жить в согласии со своей собственной природой. Мы видим, действительно, что скифы и горцы, воспитанные вне норм, наиболее подходят к этому типу людей. Вне всех этих сложностей остается вопрос: каким чувством справедливости руководствуются историки, которые нападают на суеверия, отсутствие набожности, магию, низкие вождения и жестокость греков, египтян, арабов и халдеев, совсем забывая о тех качествах этих народов, которые справедливо достойны восхваления? Благодаря этим народам, словно струя фонтана изпод земли, пробили себе путь письменность, важнейшие искусства, добродетели, гимнастика, философия, религия и, наконец, *humanitas*. Скифы не проявляли трудолюбия, как это делали народы средней полосы, но только южане наделены самыми выдающимися талантами, полученными ими от бессмертного Бога. Мера природной одаренности может быть лучше рассмотрена и конкретные исторические причины лучше поняты, если мы используем аналогию с человеческим телом, или с хорошо организованным государством, или с порядком небесных созвездий.

Давайте теоретически предположим, что определенные планеты расположены над этими тремя типами народов, идущими в том порядке, который мы предложили. Давайте Сатурн закрепим за южанами, Юпитер — за следующей группой, Марс — за северянами. Вернувшись назад по кругу, Венеру отдадим южанам (Солнце, как источник света, будет общим для всех), Меркурий достанется следующей группе, Луна — северянам. Из этой условной схемы нам будет проще понять постоянную власть природы, ибо халдеи считают, что власть Сатурна контролирует понимание, Юпитер руководит действиями, Марс направляет

производство. Кроме того, более понятным станет еврейский метод толкования природы. Иудеи называют Сатурн спокойным, и это, пожалуй, самое важное качество для размышлений. Юпитер они называют справедливым. Греки заимствовали эту идею у евреев (и это вошло в число прочих добрых дел). Они представляли себе, что справедливость исходила со стороны Юпитера, Марс они называли сильным и храбрым, поэтому халдеи и греки думали, что он покровительствует войне. Говорят, что Сатурн — холодный, Марс — теплый, Юпитер — наиболее сдержанный в сравнении с первыми двумя. Первый главенствует над знаниями и теми вещами, которые находят свое воплощение в уединенном размышлении и в поисках истины; второй — над мудростью, которая воплощена в душе, и над охватывающими все добродетелями; третий — над механическими искусствами и изобретениями, которые требуют умения и силы. Первый имеет отношение к разуму, второй — к рассуждениям, последний — к воображению. Южане с их непрерывной тягой к размышлению, находящиеся во власти черной желчи, были покровителями и руководителями высшего познания. Они выявили секреты природы, они открыли математические дисциплины, наконец, они первыми осознали природу и власть религии и небесных тел. Скифы, напротив, менее годны к размышлению, чему виной избыток в них крови и особые склонности (из-за которых разум настолько угнетен, что редко проясняется). В силу этого они правильно стали проявлять интерес к тем вещам, которые подвластны чувствам, упражняясь в ручных ремеслах и изобретениях. Поэтому от северян пришли так называемые механические изобретения — орудия войны, искусство литья, печатание и все, что связано с обработкой металла. Немец Агрикола⁴⁴ упрекал Аристотеля и Плиния в незнании всех этих вещей, в которых они, по его мнению, ничего не понимали. Не покажется удивительным и то, что южане часто обращались за помощью к северянам, которые благодаря небесному дару знали, как найти тайные жилы земли, а обнаружив их, они могли добраться до них. Кроме того, теми же сынами Марса с давних времен культивировалась военная дисциплина, и делалось это с невероятным азартом. Они испытывали оружие, выравнивали горы, отводили воду и много времени уделяли охоте или искусству строительства, казалось, что их собственный талант сокрыт в их руках. Это подтверждается высоким качеством предметов домашнего обихода и изготовленных ими орудий, которые сделаны так умело и изобретательно, что другие народы только дивятся и не могут воспроизвести ничего подобного. Возможно, это имел в виду Платон, когда сказал, что Марс и Вулкан открыли механические искусства. Тогда, если верить в созвездия и прислушиваться к мнениям звездочетов, тот, кто был рожден по гороскопу под Марсом, станет либо хорошим солдатом, либо умелым ремесленником.

Люди же среднего района не предназначены для познания тайных наук, как южане, или для ручных ремесел, как северяне, хотя они более склонны к устройству дел. Если кто-либо прочтет все рукописи истори-

ков, то придет к выводу, что именно у народов этой группы впервые появились государственные учреждения, законы, традиции и лучшие способы управления государством, от них также пошла торговля, занятия риторикой, логикой и, наконец, педагогика. Покровителями этих дисциплин считаются Юпитер, Меркурий. Рожденные под Юпитером или Меркурием или при обоих сразу считаются годными по своей природе к такого рода занятиям. Действительно, исторические повествования свидетельствуют о том, что великие империи всегда процветали в Азии, Греции, Италии, Верхней Германии, а эти места лежат между полюсом и экватором от 40-го до 50-го градуса, и именно из этих районов ведут свое происхождение величайшие правители, лучшие законодатели, самые беспристрастные судьи, мудрейшие правоведы, самые знающие и талантливые ораторы, умнейшие торговцы, наконец, самые знаменитые музыканты и драматические актеры. Ни одного правоведа не дала Африка, не много их вышло из Скифии, нет из этих мест ораторов, мало поэтов, еще меньше историков, совсем мало тех, кто преуспел в торговле, как это удается итальянцам, грекам, испанцам и азиатам.

Давайте сравним эти факты с историей, чтобы мы могли судить более верно о предмете в целом. Гален жаловался, что ни одного философа не пришло из Скифии, хотя было много из Греции. Он описал галлов, природу которых он открыл и знал, имея с ними постоянные контакты. Император Юлиан писал: “Кельты не одарили мир трудами по философии или по математическим дисциплинам, но они интересовались логикой и риторикой”. Значит, прав Ювенал: “Красноречивые галлы учили красноречию бриттов”⁴⁵. В действительности сама их религия дает тому свидетельство. “Галлы особо почитали бога Меркурия, — писал Цезарь, — у них существует много его образов, они считают его покровителем их мастерства; они приписывают ему большую силу в делах, приносящих богатство, и в ведении торговли”. Продолжительный опыт подтвердил эти исторические сюжеты, потому что нигде в мире нет такого количества правоведов, нигде гражданский закон не вводился с большим усердием.

Оккультные знания и математические дисциплины, действительно, не были созданы северянами. Южане, напротив, под воздействием черной желчи, вызывающей тягу к пространным размышлениям, сознательно уходят от руководства делами и ищут пустынного одиночества. Сила созерцания и размышления (которая евреями и мудрецами считается в некотором роде смертью) состоит в следующем: она обостряет ум и отделяет человека от его сущности. Когда человек достигает состояния отрешенности, то постепенно не только проникает в тайные секреты естественных вещей, но также наполняется высшим знанием дел божественных. Впоследствии, при помощи бессмертного Бога, он открывает трудные и прекрасные предметы людям несведущим. По этой причине тем, кто читал историю, не покажется странным, что самые талантливые философы, математики, пророки и, наконец, все религии мира должны проистекать из южных регионов, как из самого изобиль-

ного источника. При этом нельзя сказать, что высший разум не хочет наполнить человека Божественным духом, потому что Бог везде и во всем, подобно блеску солнца. Этот блеск лучше виден в чистой воде, нежели в мутной, подобно этому и Божественность ясно проступает в чистом разуме, а не в угнетенном, находящемся под воздействием телесных желаний и волнений вокруг себя. Тот, в чьем организме содержание крови избыточно, с большим трудом может отстраниться от земных дел, поэтому Гераклит справедливо назвал мудрых людей “жаждущими душами”. Но высказывание того же Гераклита о том, что высшей мудростью наделены люди, в организме которых избыток влаги и тепла, — абсурд, недостойный философа, потому что мы видим, что те живые существа, которые более холодны, они же более мудрые, и об этом писал еще Аристотель⁴⁶. Давайте возьмем в качестве иллюстрации очень умное животное — слона, чья кровь, как свидетельствует Плиний, является самой холодной⁴⁷.

Постольку факты именно таковы, то легко оценить, правда ли то, что сообщают историки о религии южан. В частности, Лев Африканский так описывает храмы: “В городе Фивы около 700 храмов, самый большой из которых имеет 1000 шагов в диаметре и 31 дверь. И день и ночь его освещают 900 факелов”. С этим можно сопоставить и то, что рассказал Альварес в истории абиссинцев о немислимых по величине храмах, о бесчисленных монахах, которых он видел вокруг этих храмов, причем это характерно не только для городов, но и для сельской местности. Он видел толпы монахов на базарах и в селениях, их даже призывают на военную службу, а сами правители следуют их образу жизни. Царь Негий или Иоанн Белул, например, жили как священники, облачались как священники и вели долгие беседы со священнослужителями о смысле символов веры. Кроме того, он рассказывал о постах верующих, которые просто невозможно сравнивать с нашими. Проверка этих сообщений показывает, что они, действительно, вполне вероятны. Многие [среди верующих] поддерживают жизнь, обходясь без хлеба, — похлебкой из чечевицы или овощей, приготовленной на простой воде и, конечно, невкусной; другие носят железную ленту, как пояс, на голом теле. Во время постов, которые соблюдают в течение всего года, многие проводят в бдениях всю ночь; некоторые из постящихся спят по горло в воде, есть и такие, которые бьют 24 часа, глядя на небеса. В определенные дни все бичуют себя прутьями или хлыстами. Те же, кто согрешил против веры или отказывается целовать крест, сжигаются в очистительном пламени. Они верят, что и счастливые, и несчастные события одинаково проистекают из желания одного всемогущего Бога. Такая вера очень удобна для защиты государства и счастливой жизни. Но глупость их при устройстве государственных дел и руководстве гражданами очевидна из того факта, что, даже если человек, совершивший проступок, выплатил положенный штраф, чем вполне удовлетворил жертву, бичевание обидчика все равно не прекращается. Более того, главного судью, который подобно канцлеру разбирает самые важные

дела, по приказу короля тоже могут запороть до смерти. Часто убийцу доставляют к родственникам убитого для распятия на кресте. Кроме того, все распоряжения передаются изустно, без документов или предписаний. Должники, если не могут уплатить штраф, отдаются в рабство кредиторам. От каждого требуется сдавать в общий котел овес или нечто подобное. У них нет постоянных поселений, крепостей, городов, люди кочуют по всей стране, правитель живет в шатре, хотя имеет очень ценную домашнюю утварь и значительное состояние. Они не пользуются бумагой, но вверяют отчеты о государственных делах тонко выделанному пергаменту. Подобные факты показывают, что народы такого типа малопригодны устраивать дела. Они даже менее приспособлены к этому, чем скифы, которые все решают силой оружия, как плебеи или дикие животные. Вот что писал Тацит о древних германцах: “Они ничего не делают, будь то общественные дела или личные, без оружия”. Сегодняшние историки подтверждают это мнение следующим образом: “Страдая от несправедливости, они редко прибегают к разумной мести, а лишь к мечу или грабёжам, которых они не стыдятся”. Более того, трудно сыскать что-либо более незаконное или варварское в сравнении с тем, что творится в Клагенфурте. Там если кто-то подозревается в краже, то сначала подвергается смертной казни, а затем над ним производят суд. Говорят, что этот обычай пришел от гуннов и готов, у которых также позаимствованы законы о поединках. Из всех видов несправедливости ничто не может быть более низко, чем то, что, когда человеку, слабому и беззащитному, нанесено оскорбление, он подвергается еще более презрительному к себе отношению со стороны окружающих, если не попытается выступить с оружием и не подвергнет свою жизнь опасности, при этом никому неважно, насколько силен его противник. Использование судебных поединков вызывает насмешливое отношение к скифам, которых можно сравнить только с животными, превосходящими их в силе. В целом же природа устроена таким образом, что скифы, у которых меньше разума, но больше силы, наделены добродетелью воинской славы, южане — склонностью к благочестию, жители средней полосы — мудростью. Хотя все готовы защищать государство любым способом, тем не менее одни привычно используют при этом силу, другие — богобоязненность, третьи чаще обращаются к законам и правовым решениям. Не покажется странным, что величие халифа или священника-исмаэлиты было так неоспоримо, что эти лица осуществляли полный контроль не только над законом и религией, но и над всей империей, ее арсеналами, всеми ее владениями, над свободой и рабством, наконец, им принадлежало право над жизнью и смертью каждого подданного. Но турки, в определенном смысле потомки скифов и мамелюков по расе, первыми порвали с их господством и изгнали их из древних владений. Возможно, поэтому говорят, что Сатурн был изгнан властью Юпитера. Это можно толковать следующим образом: раньше мудрые и благочестивые люди рождались королями во имя справедливого правосудия, тогда люди думали, что они [короли]

могут управлять единолично. Тем не менее долго так продолжаться не могло, потому что в те далекие времена большинство людей не были наделены богобоязненностью и совестью. Поэтому сложилось так, что мудрые, взяв власть в свои руки, стали управлять государством, самые религиозные и склонные к философствованиям обратились к жертвоприношениям и предались размышлениям, а простые люди занялись военным делом, сельским хозяйством и ручными ремеслами. Итак, мудрые люди основывают государство на молитвах и предостережениях, благоразумные — на правилах и законах, сильные — на власти и подчинении. Я думаю, что государственная власть основывается на законе, приказе и подчинении. Священники и мудрецы предостерегают, чиновники издают приказы, подчиненные их выполняют. Так, например, Анаксагор был советником Перикла, Платон — Диона, Исократ — Никия⁴⁸, Плутарх — Траяна, Полибий — Сципиона. Постепенно благоразумные указания мудрости и религиозная вера через магов передавались персам, через брахманов — индийцам, через предсказателей — грекам, через первосвященников — римлянам. Сами они не были способны управлять государственными делами. Этот факт привел Платон, когда взял на себя исполнение вверенной ему государственной службы, а он был очень умным человеком. Аристотель писал об Анаксагоре, талантливом ученом, который в своих страданиях утратил благоразумие и позволил себе умереть от голода и бедности, отвергая любые доходы. Нечто подобное случилось в недавнем прошлом также и с Гази. Филон очень высоко ценил Моисея, как единственного из смертных, кто был одновременно очень храбрым военачальником, благоразумным законодателем и святым пророком.

Теперь мы можем применить анализ, основанный на восприятии мирового государства как единого организма, согласно которому функции разных народов были бы разделены. Тогда мудрость досталась бы южанам, а благоразумие — народам, проживающим в средней полосе. Эту идею можно перенести и на части души, тогда ум будет предостерегать, разум — отдавать команды, а чувствам, как подчиненным, остается выполнять приказы, а в триединой власти души — животной, жизненной и природной — первая, конечно, дает движение и чувственность из мозга, вторая — жизненный настрой из сердца, третья — стимулирующие силы из внутренних органов. Я думаю, что нет лучшего способа понять природу отдельного человека или получить верное представление об истории каждого, чем путем сравнения этого микрокосма с великим человечеством, т. е. со всем миром. То, что предложил Платон в “Государстве”, мы применим по отношению к мировому государству, но несколько иначе⁴⁹. Он считал, что контроль должен находиться в руках попечителей, тех, кого он помещал в сферу деятельности разума, как Палланта⁵⁰ в крепость. Этим, очевидно, он хотел восстановить власть Сатурна, но тогда это высказывание, сейчас всеми восхваляемое, было понятно немногим: “Или королям следует быть философами, или философам королями”. Философия, однако, — бесконечные размышле-

ния о самых прекрасных вещах, — по мнению всех академиков, не имеет ничего общего с военными и гражданскими занятиями. Кроме того, солдат он поместил в сферу сердца, потому что именно там местонахождение гнева. Наконец, крестьян и ремесленников он отнес к печени, дабы они могли снабжать продуктами и всем необходимым государство. Все эти параллели будут завершены, потому что в свое время мы вернемся к ним. А сейчас давайте это учтем, коль скоро это относится к мировому государству и природе народов. Если возможно, то давайте поставим и сам [бренный] мир, как мы поставили человека, на подобающее место. В этом вопросе писатели имеют серьезные расхождения во мнениях. Гомер, Аристотель, Платон, Гален, Пифагор и Аверроэс размещают правую часть этого мира, которую они называют животной, на востоке, левую — на западе. Плиний и Варрон, напротив, помещают левую на востоке, а правую — на западе, следуя древней римской традиции. “В храмах по левую руку — восток, а по правую — запад”, — писал Варрон⁵¹. Он сравнивал храмы с небесными сферами, разделенными палочкой Авгура⁵². Этому следует и магометанская молитва. Однако Авгур поворачивался на восток, как писал Ливий в своей I книге: “Авгур обращался в сторону юга своей правой стороной, левой — на север”. С этим соглашается Давид в 13-м стихе 89-го Псалма: “Северный ветер и правая рука — Ты создал их”. Все толкователи, например халдеи, считают, что правая рука это и есть южная сторона. К этому можно добавить и то, что часто восток называют лицом; и если юг относится к правой стороне, то тогда лицо обращено к востоку, такое месторасположение, по обычаю, характерно при принесении клятвы. Но поскольку эти доводы не подтверждаются, то мы последуем Филону, согласие с которым высказывали Эмпедокл⁵³, Лукиан, Клеомед⁵⁴. Моисей повернул левую сторону святилища к югу, правую — к северу. Это является лучшим доводом, потому что движение Солнца направлено с востока на запад. Но поступь человека направлена вперед, а не назад или в стороны. Уместно вспомнить высказывание Лукана: “Удивительно, что тени от рощ не падают слева”⁵⁵. Для греков лучшим предзнаменованием было правостороннее, в то время как римляне, прорицая, напротив, думали, что счастливее левостороннее, как сообщали Плутарх и Плиний, и не потому, что Солнце встает слева, а потому, что левая сторона расположена к югу и эта часть мира превосходит все остальные по обилию растительности, металлов, драгоценных камней, человеческих умов, небесных тел; так, иудеи думали, что именно поэтому странствия Авраама были направлены в сторону юга. С другой стороны, Иезикииль говорил, что дурное распространяется с севера. Более того, как можно прочесть у Мирандолы, арабы и мавры считают, что злые демоны редки или вовсе отсутствуют на юге. И происходит это по причине избытка света, от которого, как считается, они исчезают; или по причине разреженности воздуха, который не может их выдержать. Здесь нет такого огромного числа демонов и ведьм, как на севере, если верить Саксону Грамматику и Олафу.

Теперь мы допустим, что северяне являются более сильными физически в сравнении с южанами. Но левая рука человека слабее, чем правая, как писал Макробий в 4-м разделе II книги “Сатурналий”⁵⁶. Плиний утверждал, что в утробе матери мальчики двигаются направо, девочки — налево, с чем соглашаются Варрон, Аристотель, Гиппократ. Артемидор⁵⁷ в своих толкованиях снов объясняет, что приснившийся правый глаз означает сына, левый — дочь, что если снятся зубы с правой стороны, то это к мужчинам-друзьям, слева — к женщинам. В общем, он говорит в XXVII книге, что правосторонние части, привидевшиеся во снах, должны относиться к событиям, связанным с мужчинами или юношами, левосторонние — с женщинами и стариками. Аристотель в 3-м и 9-м разделах IV книги, в 1-м разделе книги IV и в 15-м разделе книги I “Метафизики” называл правые части мужскими, а левые — женскими. Вдобавок правая рука и ступня больше, что в наше время сапожники хорошо знают, и эти части тела более активны, чем левые.

Выше мы писали, что скифы кровеобильны, а южане изобилуют черной желчью. Сейчас отметим, что справа находится печень, слева — селезенка; последняя является хранилищем черной желчи, а первая — крови. Мы уже указывали, что скифы несдержанны и яростны и что их охватывает чувство мести импульсивно, тогда как южане мстят только преднамеренно. Первая черта, конечно, более характерна для правой стороны, последняя — для левой. Тогда как черная желчь делает людей тихими, желчный пузырь — гневными, печень — вспыльчивыми. Результат наших наблюдений таков, что в мировом государстве скифов, как солдат и ремесленников, мы бы разместили справа; южан — слева; народы средней полосы, как чиновников, — в середине государства, в сердце, потому что сердце находится между мозгом и печенью, равно как и между печенью и селезенкой. Кроме того, Аристотель писал, что “природа создает определенных людей рабами и делает их тела более сильными, чтобы они могли справляться с тяжелой работой, других — слабыми, но не менее полезными для человеческого общества”. Меня не удивляет тот факт, что евреи, как и многие другие народы, думали, что правая рука превосходит левую. Это доказывают 109-й Псалом, 22, 25, 26-я главы Евангелия от Матфея, 12-я глава Евангелия от Марка, 7-я глава книги “Деяний”, 1-й и 10-й Псалмы из “Послания к иудеям”, 1-й Псалом из “Послания к эфесцам”, Гостензий⁵⁸, Джованни д’Андре⁵⁹, Панормитаний⁶⁰, Аристотель в главах 11, 13, 19 и 25-й XXXI и в 7-й главе XXXII книги и то, что Яков положил свою правую руку на голову Эфраиму, чтобы благословить. Балдий де Убальди⁶¹ в суждении о законе “О святых местах”, начиная с места “мы постановляем”, и Курций Старший в “Советах” в LXXIV главе высказали мнение, что “более почетное место у правой руки”. Плавт сказал в “Псевдоле”: “Все приказы выносятся под теми или иными знаками. Для моих легионов я ищу хороших знаков, самых надежных предзнаменований, которые соответствовали бы моему желанию”. Цицерон в III книге “Законов” писал, что “человек, имеющий в своей жизни хорошие предзнаменования, рано

или поздно может возвыситься над всеми”. Цицерон дал и более подробные объяснения: «Я знаю, что довольно часто мы называем “зловещими” предзнаменования, если они исходят справа, хотя в действительности это хорошие знаки. Безусловно, хорошим предзнаменованием мы считаем исходящее с правой стороны, а иноземцы — с левой»⁶². Можно привести и утверждение Варрона из V книги “Писем и вопросов”: “От места богов, когда вы смотрите на юг, слева находятся восточные земли, справа — западные. Я думаю, что это было сделано, чтобы мы могли руководствоваться более добрыми предзнаменованиями, исходящими скорее слева, чем справа”. Тем не менее многие римляне думали, что левая сторона дает плохие предзнаменования. Вергилий писал: “Южный ветер одинаково губителен и для садов, и для урожая, и для скота”⁶³. Цицерон говорил так: “Никто не упрекнет меня в зловещих предзнаменованиях, и я сам никого не обвиню в неудаче, кроме самого себя”. Часто обвиняют несчастного ворона из дуплистого дуба, который якобы накаркивает беду. Правое и левое, как мы видим, воспринимается разными народами по-разному, причина этого заключается в том, что евреи, следуя обычаю, распространенному среди многих народов, готовились к молитве таким образом, чтобы по правую руку был юг, по левую — север, тогда их лицо было обращено к Солнцу, которому люди издавна поклонялись, а значит — к востоку. Моисей завещал отправлять молитвы, обратившись лицом к востоку. Итак, расхождение во мнениях можно принять как очевидное, мы же считаем, что юг превосходит север, а правая рука человека соответствует северу.

Теперь обратимся к мнению Платона, с которым я не согласен. Он поместил солдат в сердце, судей — в мозг, простых людей — в печень. Я бы предпочел священников и ученых людей поместить в мозг, чиновников — в сердце, ремесленников и солдат, которые набраны из простых людей, — в печень, которая, пожалуй, и побуждает к деятельности. Макиавелли не считал, что лучших солдат следует набирать в Италии, но именно оттуда — лучшие полководцы, которые побеждают не силой, но мудростью. “От солдата требуется для службы сильное тело, а от генерала — голова”, — сказал Аммиан⁶⁴. На самом деле сражаться врукопашную с врагом не является делом полководца, как заметил Плутарх в жизнеописании Пелопида. Не дело судьи быть красноречивым оратором, но он должен знать законы и контролировать их исполнение. Кроме того, если Платон отдал верховную власть философам и мудрецам, которые, как мы показали на исторических примерах, более подходят для размышлений и при этом не способны к действию, то, следуя логике, он должен был бы разместить солдат в сердце. Но солдаты тщательно отбирались из крестьян, как свидетельствуют рассказы о древнеримском воспитании, или из ремесленников, как это принято в наши дни, потому что эти люди приучены к тяжелой работе. На самом деле Аристотель включил людей, разбирающихся в работе различных механизмов, и ремесленников в число плебса. Но до сегодняшнего дня скифы или немцы предпочитают всем занятиям военную службу за вы-

сокую плату. Для пополнения рядов армии лучшие солдаты отбирались из крестьян или плебса, т. е. среди тех, чьи способности проявлялись в ручной работе.

Если эти вещи соотнести с расположением небесных тел, то окажется, что они совершенно совместимы с ними. Если мы отнесем Сатурн к селезенке, Юпитер — к сердцу, то характеристики определенных нами частей тела соответствуют. Так, Марс с Луной соответствуют желчному пузырю и печени, оживляющим и вдохновляющим все тело, подобно тому как Земля оживляется Луной. Растущая Луна значительно укрепляет растения, воды и животных. По правде говоря, те, кто имеет Луну в гороскопе, очень сильны и здоровы. Внешне это люди, наиболее похожие на скифов. Вдобавок Цезарь оставил такие заметки о германцах: “Вся их жизнь состоит в охоте и в военных походах”. Какой другой народ может более подходить для покровительства Дианы или Марса? Заслуживает внимания и комментарий Плиния: “Гром и молния зарождаются в районах с умеренным климатом, а не в Скифии или в Эфиопии”. Подтверждение этого комментария мы получили от жителей средней полосы. Властителем грома и молнии, по мнению не только поэтов, но и естествоиспытателей, является Юпитер. Я не буду возражать, если кто-нибудь отнесет к сердцу Солнце, которое я сделал общим для всех, потому что оно расположено в центре планет или, согласно Копернику, в центре мира; оно имеет самую продолжительную жизнь и несет умеренное тепло, не полыхая, как Марс. Может быть, это качество и является общим для целого и одновременно для отдельных частей. Все это касается лишь народов средней полосы и не может быть применено к народам крайних зон.

Вернемся к нашему делению людей на три группы, которое может быть соотнесено с триединой Вселенной: интеллектуальной — охватывающей всеобщий разум, небесной — состоящей из звезд, естественной — где зарождается и умирает все сущее. С этим можно соотнести и триединый строй души (отметим, что только оскверненное неземным позором не поддается определению). Первая [сфера], судя по всему, обращает очищенный разум людей к Богу, вторая — направляет государства, последняя — занята формой и содержанием. Если дела обстоят именно таким образом, то всю человеческую расу можно разделить на три вида — скифы, южане и жители средней полосы. Эти три типа народов можно соотнести с тройственной характеристикой души — мудростью, предусмотрительностью и творческой одаренностью, что, в свою очередь, выражается в размышлении, действии и делании. Я думаю, что все эти три склонности могут быть легко соотнесены с разумом, мужественностью и похотливостью, проистекающими от работы мозга, сердца, печени и под воздействием небесных тел. Подобный подход может дать возможность сделать окончательные суждения относительно всеобщей истории.

Из откровений пророка Илии можно вывести, что периоду элементарного мира отводится 6000 лет: 2000 человечество провело в пости-

жении религии и мудрости и ревностно изучало движение небесных тел и всеобщую силу природы. В следующие 2000 лет люди были заняты основанием государств, разработкой законов и основанием новых поселений. В этот период господство от Сатурна перешло к Юпитеру, от южан к народам средней полосы. В первое тысячелетие после смерти Христа на свет появились различные ремесла и искусства, ранее неизвестные. Затем по миру прошла великая волна беспорядков и войн, когда языческая вера умерла окончательно, власть Юпитера ослабла, империи рушились под напором скифов, сынов Марса. Неожиданно орды готов, бургундов, герулов, франков, лангобардов, бриттонов, гуннов, вандалов, гепидов, турок, татар, московитов наводнили Европу и Азию. Одни теологи даже сейчас считают, что эти низшие народы находились во власти небесных тел, другие не находят никаких причин, побудивших к этому движению. Тем не менее через ощущения мы постигаем само бытие и все сущее, хотя наш разум не всегда открывает причины. Нам вполне доступно понять работы не только историков, но и философов и астрологов. Правы историки или нет, проверить довольно просто, что видно на примере некоторых оценок Птолемея: «Южные народы (например, азиаты) превосходят многих в замыслах и советах, они сильны и воинственны. Северяне — мудрые волшебники, усердные в божественных делах и очень справедливые». Эти слова или просто ложь, или мысли плохо выражены, в них что-то перепутано. То, что писал Плиний, еще более ошибочно, ведь он утверждал, что размер тел южан и северян одинаков, так как последние имеют более приподнятое настроение, а первые — большую силу внутреннего огня⁶⁵. Он ошибался не только в освещении истории, но и в самом ходе рассуждений. Масса вещей подобного рода встречается у Аристотеля, Гиппократы, Галена, Диодора, Геродота, Волатеррания и Сабелия. Примеры можно множить. Для нас же достаточно обозначить источники так, чтобы лучше и точнее определить, каким будет наше заключение о всеобщей истории всех народов.

Хотя историки часто повторяются, а зачастую и противоречат сами себе, все, кроме Иеремии, соглашаются в том, что галлы отличаются непостоянством. Это было написано Цезарем, подтверждено Тацитом и Требеллием⁶⁶, часто повторялось итальянцами и немцами, особенно Слейдамом в речи «Император Карл». Другие называют многие народы нестоящими: «Сирийцы, — утверждал Ливий, — азиаты и греки самые ненадежные из всех народов». Относительно скифов, с которыми у древних не было торговли, они не оставили никаких свидетельств. Ну а если историки называют легкомыслием ту живость и быстроту, с которыми жители средних районов организуют свои дела, тогда парфяне, которых писатели упрекают за этот грех, действительно непостоянны. Юлий Скалигер, веронец, писал о французах следующим образом: «Я убедился, что французы многосторонне воспитаны и легко находят решение при любом развитии событий. Они обладают пламенной душой и целенаправленной стремительностью, которая не дана ни одно-

му другому народу. И что бы ни привлекло их интерес, они успешно берутся за дело и достигают быстрого успеха. Они усердно занимаются торговлей, талантливы в литературе, успешны в военном деле, им свойственны честность и красноречие, из всех народов они являются самыми выдающимися в преданности, собранности и постоянстве". Это его свидетельство.

Скифы же подавляют тяжелым нравом, словно весом своих тел, тем более что силой ума они не блещут. Южане испытывают воздействие черной желчи, что сказывается в их самых ясных суждениях о величайших вещах, при этом быстрый шаг их души замедляется. Мы видим это у мавров и карфагенян, но не у испанцев, которые живут также в южной широте. Это проявляется в замедленности их речи, в плавных движениях, в ходьбе и во всех действиях, которые они привыкли делать будто по инерции. Испанцы же делают все так быстро, что они способны закончить дело до того, как французы начнут его планировать. Говорят, что они ходят так быстро, что другие думают, что они бегут, а не идут. В учении испанцы показывают не меньшую быстроту и легкость, чем в других действиях и делах. То, что южане открывают для себя длительным исследованием, они [испанцы] быстро схватывают и умело повторяют, так что Цезарь справедливо удивлялся их способностям. Необходимо рассмотреть действие черной желчи. Когда Гален оценивал влияние склонностей тела на душу, то он отнес благоразумие к действию черной желчи, радость — крови, мягкость — флегмы. Перемешанные в разных пропорциях, они дают самые различные варианты. Если те же самые склонности начинают переполнять человека, или сгорать в нем, или вырождаться, они темнеют и превращаются в свою противоположность. Таким образом, слишком избыточное количество желтой желчи ведет к безрассудству, а пыл ведет к безумию. Безудержность и излишняя торопливость, которая мешает планированию, приводят к тому, что французы считаются непостоянными. Но, когда постоянство оборачивается определенной непоследовательностью в словах и делах, я думаю, что это следует назвать чрезвычайной живостью, а не легкомыслием. И как бы мы над собой в этом ни подшучивали, скифы все равно перещеголяют нас.

Известно, что противоположности наделены обратными чертами. Итак, если южанин смуглый, то северянин должен быть белым, если последний — высокий, то первый должен быть низкорослым, последний — сильный, первый — слабый, последний — теплый и влажный, первый — холоден и сух, последний — волосат, первый — лыс, в первом случае — хриплый голос, в другом — чистый, здесь он боится тепла, там — холода, последний — счастлив, первый — печален. Последний живет в общине, первый — отшельником, последний — безрассуден, первый — застенчив, последний — сильно пьет, первый — пьет умеренно, последний — не заботится ни о себе, ни о других, первый стоит на страже традиций и склонен к церемониалу, последний — грубовато-наглый, первый — хитрый, последний — слишком расточительный,

первый — бережлив, последний — не отличается похотливостью, первый — крайне похотлив, последний — грязный, первый — нарядный, последний — правдивый, первый — лживый, последний — солдат, первый — священнослужитель, последний — ремесленник, первый — философ, последний — полагается на свои руки, первый — на голову, последний — выискивает жилы Земли, первый — исследует небеса. Если, по Плутарху, карфагеняне очень упорны, то как насчет скифов? Мы показали, что оба народа жестоки и вероломны, когда впадают в гнев, но мы привели этому различные причины. Однако, если мы имеем крайние проявления гнева и южане упорны в мести, а северяне импульсивны, следует ли из этого, что середина последовательна? Конечно, варвары, меньше сдерживаемые властью разума, больше похожи на зверей, которые сколь легко раздражаются, столь же легко и умиротворяются, беспричинно и резко меняя свое настроение. Так, дети и женщины быстро заводят друзей и столь же быстро покидают их, однако мужчины, руководствуясь рассудком, на это не способны. В человеческой расе чем талантливее человек, тем меньше он вовлечен в дружбу или ненависть, тем реже он придерживается крайних взглядов. Но, когда он все-таки впадает в этот соблазн, его трудно спасти от него. Когда я более пристально смотрю на южан, людей средней полосы и скифов, мне кажется, что в определенной мере они имеют поведение и нравы соответственно стариков, мужчин и юношей, хорошо выраженные в древней строке: “Молитвы — старости, планы — молодости, дела — зрелости”. Под стариками я подразумеваю тех, кто еще не дряхл. Скифы, конечно, как и положено молодым, теплы и сыры, южане — холодны и сухи, как приличествует старикам. Хотя условия жизни приводят к смешению типов. Аристотель написал Теодекту⁶⁷, что люди не умеют бороться с желаниями и похотью, а мы показали, что эти склонности зависят от работы печени и от веса. Аристотель добавил: “Юноши непостоянны и изменчивы, отвращение к привычному и желание нового охватывают их неожиданно”. И немного ниже: “Им свойственны желанья, но непродолжительные, честолюбивые, безрассудные, яростные, беспутные, расточительные, однако зачастую возникают и желанья отнюдь не безнравственные, но благонамеренные и честные, они порождались отсутствием многообразия”. Он характеризовал это все-таки как невежество и непоследовательность, а не как добродетель⁶⁸. К тому же он подметил, что они легковерны и часто тешат себя пустыми надеждами. Старики — наоборот. Люди же средних лет всем владеют в меру. Обо всем этом подробно пишет Аристотель. Характеристики возрастов человека очень хорошо подходят к трем видам народов, не только давая теоретическое подтверждение, но и являясь фактическими иллюстрациями. Что касается германцев, к которым так близки скифы, то чаще всего приводят как самые яркие доказательства методы, которыми те донимают галлов. Про древних германцев Тацит писал: “Этот народ не отличается хитростью и проницательностью; свобода пиршеск вскрывает секреты сердца, а в своих мнениях о других

они крайне непостоянны. Сегодня могут говорить одно, а завтра — другое. Должное отдается и вечеру и утру. Они советуются друг с другом, когда не знают, на что решиться, и принимают решение только тогда, когда уверены в его безошибочности". Такого его мнение.

Хотя существует бесчисленное количество примеров непостоянства скифов, самым ярким среди них, вероятно, является их отношение к религии, которую они приняли. Остготы и вестготы, выгнанные из своих домов Аттилой, умоляли Валенсия пожаловать им земли, обещая, что будут подчиняться законам Империи и примут христианство. После того как они добились удовлетворения своей просьбы, с невероятным вероломством они свергли Валенсия и заживо сожгли его. Когда готы пришли в Италию, они стали христианами, однако потом обратились в веру ариев. Гренландцы, что живут у полюса, в силу их изменчивого нрава, как писал Мюнстер, с готовностью приняли христианскую веру, однако впоследствии они снова вернулись к идолопоклонству. Турки, ветвь скифов, вскоре после вторжения в Азию были обращены в мусульманство. Татары приняли христианство добровольно, но вскоре изменили свою веру и стали поклоняться Магомету. Норманны, дикие и жестокие, хотя и захватили значительную часть Галлии, тем не менее быстро отказались от своих племенных верований и последовали вере покоренных. Скотты были одно время приверженцами идолопоклонства, но позднее приняли христианство, насажденное завоевателями, как сообщают Циглер и Мюнстер. Богемцы и саксонцы первыми отказались от римских обрядов, насколько они поступили мудро, я не берусь судить, да и к делу это не относится. Среди них были особенно достойные и эрудированные люди, которые выступали с разоблачениями серьезного невежества пап, но после проведенного диспута и основательного обсуждения этого вопроса в течение длительного времени они выбрали из всех возможных путей самый трудный. Плебс и крестьяне ничего во всем этом не понимали, но с готовностью приняли сторону своих вождей. Мгновенно вся Саксония сникла, согласились балтийские города, Дания, Норвегия, готская Швеция и те, кто ведет свое происхождение от шведских готов, — гельветы, вскоре в их число попали даже Британия и Шотландия. Долгое время сопротивление наблюдалось в Верхней Германии, оно распространилось частично и к северу, и до сих пор там не все отказались от старых обрядов. Галлия приняла решение с большими трудностями. Действительно, Слейден, который, подражая другим, жаловался на непостоянство галлов, признавался, что в течение девяти лет он жил в Галлии, где был свидетелем очень жестоких казней галлов, таких, как сожжение на костре. К несчастью, в последние сорок лет мы действительно выносили такие приговоры и приводили их в исполнение. Одни, охваченные религиозными побуждениями, думали, что, приветствуя такие казни, они выражали преданность Богу, другие избирали этот путь потому, что предпочитали поклонение Богу всем радостям, земным богатствам и даже самой жизни. В Германии упоминаний о сожжении на костре нет, если не считать Цезаря

Льва, жителя Баварии. Италия с трудом отказывалась от своих древних верований. Будь немцы преданно верны своей религии, они легко увлеклись бы ей и других. Но в метаниях от одного к другому они за короткий срок посеяли огромное количество мнений. Они следовали учениям не только Хасса и Лютера, но и анабаптистов, Лейдена, Цвингли, адамитов, вальденсов, интермистов и многих других.

Южане же, как азиаты, так и африканцы, не оставляли однажды выбранную религию ни под влиянием неземных чудес, не из-за силы оружия. Это восхитительное постоянство было присуще не только мужчинам, но и женщинам и детям, что довело короля Антиохеи до безумия. Он подверг семь еврейских мальчиков всем видам пытки с особенной жестокостью, но тем не менее не смог заставить их есть свинину. Более того, их мать добровольно настаивала на благородной смерти сыновей, чтобы избежать бесчестья. Безусловно, этот народ было невозможно заставить отречься от своего учения ни богатствами, ни насилием. Разбросанный по всему миру, он и теперь свято чтит свою религию, приобретенную три тысячи лет назад. Когда Магомет не смог добиться признания его учения ни чудесами, ни речами, то обратился к оружию и предложил рабам свободу, если те последуют за ним, таким образом, он достиг жестокостью того, чего не добился убеждениями.

Англичане жалуются на судьбу, хотя они и превосходят французов силой, как утверждает Коммин, но значительно уступают им в уме, итальянцы легко могут провести диких германцев (как писал Кардан), но ругают хитрых греков, греки — критян, а эти — египтян и карфагенян, подобно тому как евреи и египтяне жалуются на непостоянство греков, итальянцы считают непостоянными французов, французы — германцев. Мое собственное мнение таково: в делах и словах людей, как и во всех вещах, есть золотая середина, и имя ей — постоянство. Золотая середина означает среднее между непостоянством и упрямством. Бесконечное отстаивание одного мнения никогда не одобрялось мудрецами. Как в мореплавании, надо уметь искусно поддаться буре, особенно если вы не можете найти убежище. В такой ситуации считается верхом благоразумия отдаться на волю волн, как можно чаще менять расположение парусов; так и в человеческих делах (исключая Божественное вмешательство), которые очень разнообразны и противоречивы. Действительно, мудрый человек не считает бесчестным менять свое мнение. В общественных делах последовательность до тех пор действенна, пока в ее необходимости удастся убеждать ваших сограждан. А тот, кто упорствует в отстаивании своего мнения до конца, полагая, что недостойно отказаться от него, и стыдится признать поражение, как и тот, кто предпочитает уйти из жизни, нежели отказаться от своего тщательно сформулированного мнения, — такие люди живут без пользы для себя и своих сограждан, и они часто приводят к гибели государства. Платон и Ксенофонт — люди, которых мир считает первыми среди мудрецов, — разрешают судьям лгать во имя спасения государства.

Поскольку в каждом народе есть свои врожденные грехи, историю следует оценивать в соответствии с обычаями и традициями каждого народа, прежде чем вынести окончательный осуждающий приговор кому-либо. Хотя умеренность южан отнюдь не добродетель, как и пьянство скифов, за которое их так часто ругают, тем не менее эти качества не следует презирать, потому что южане из-за отсутствия внутреннего тепла не могут чрезмерно насыщаться едой и питьем, скифы же, с другой стороны, не способны легко воздержаться, даже если бы захотели, потому что они побуждаемы внутренним теплом и отсутствием силы духа. Однако безупречный образ жизни южан более подвергают упрекам, нежели скотское поведение скифов на пирах, когда бывает, что они уподобляются животным. Тацит писал о древних германцах: «Они разделяются с голодом без изысканности и приправ». И позже: «В каждом доме спуют дети, обнаженные и грязные, однако, вырастая, они приобретают те формы и размеры тела, которыми мы восхищаемся. Среди грязных лохмотьев и на столь же грязном полу они проводят все свое время». Когда чувство голода подступает к скифам, то они перерезают вены за ушами лошадей, сосут их кровь и угощаются мясом по традициям армии Тамерлана⁶⁹. Южане же чисты, нарядны и не выносят грязи. Это можно легко понять — ведь они пользуются бассейнами и ваннами не только во время жертвоприношений, но и в личной жизни. Это подчеркивалось не только древними и Ксенофонтom, но и Альваресом, который первым отметил, что среди персов считается неблагородным плевать на пол, а для абиссинцев считается ужасным грехом плевать в церкви. Афиняне указывали в свою очередь, что азиаты и египтяне невероятно чувствительны. Когда Марк Антоний, великий артист, был превзойден в этом отношении Клеопатрой, то он лишь посмеялся над собой и над римлянами, как над глупыми и неотесанными. Я не буду обсуждать обычай персов утверждать специальные награды для тех, кто изобрел новые удовольствия, как писал Феофраст. Грациозность и утонченные манеры персов очевидны и в том, как они держатся, а также в их движениях. Они достигли удивительного благозвучия в игре на лире, освоив манеру игры лидийцев. Скифы, однако, не любят сладкозвучной речи и очаровывающего стиля, как мы можем судить по их языку, изобилующему взрывными согласными, весьма резко звучащими без гласных. Они терпеть не могут лидийский лад и тренируют свой грубый голос, как писал Тацит. Воинственным криком они воспаляют свой дух; усиливая его звук своими щитами, поднесенными к губам, они добиваются того, чтобы голос звучал сильно и зычно. Они с радостью внимают трубам и барабанам и не питают интереса к лире. Действительно странно, что скифы любят жить общиной и любят многочисленные собрания, ведь древние называли их кочевниками, а в наши дни их скопления называют еще и ордами, это принято говорить о татарах, которые странствуют по равнинам в бесчисленном количестве. Южане ищут уединения, они предпочтут двигаться через лес, чем совершать переходы на виду у других. Нет необходимости описывать народы

средней полосы, ибо если поймешь крайности, то легко понять и середину. Например, скифы чаще используют дорический лад, южане — лидийский, скифы свирелеют от звуков дорического тона и возбуждают Марса воинственными песнями, как свидетельствуют поэты. Лидийский тон делает южан еще большими бездельниками. Дорический же лад, наполненный природной гармонией, направляет стремление души к доблести и чести. Дорический тон восхваляется Платоном и восторженно одобряется Аристотелем в рассуждениях о благополучии. Когда римляне стали христианами, дорическая форма была воспринята со столь большим желанием, что они решили выпустить предупреждение о наказаниях для тех, кто будет пользоваться в обрядах другим ладом. С другой стороны, спартанцы использовали флейту, а критяне — лютню не для того, чтобы сдерживать свой гнев, как писали Фукидид и Плутарх (согласно Платону и Аристотелю, это занятие было даровано людям в помощь для усмирения жажды мести), а чтобы удовлетворить собственную природу, так как в Европе нет народов, проживающих южнее, чем критяне и спартанцы. Исходя из действительно существующих характеристик севера, юга и среднего района можно составить целостное представление об обычаях народов, там проживающих. Только по равнинным местностям (именно с такими мы имеем дело), где нет значительных перепадов высот, трудно судить о странах востока и запада. Между тем не только ученые мужи, но и крестьяне и строители имеют надежные доказательства того, что в горных районах существуют большие различия между восточными и западными точками. Например, равнина, в которой расположен Турин, имеет много признаков более характерных для восточных районов, потому что к западу поднимаются Альпы, для Палестины характерны западные условия, восточнее ее расположены Гермияна и Ливан. Солнце достигает зенита у палестинцев раньше, чем у тавринов, почти на полтора часа, при этом солнечный свет своей мягкой теплотой очищает вредную уплотненность воздуха, и регион становится более умеренным. Более того, когда послеобеденное солнце опалает все кругом своим сильнейшим жаром, оно садится для восточного региона и встает для западного. Между тавринами и аллоброгами, которые живут в одной широте и долготе, также наблюдается большая разница. Это подтверждает наше объяснение, но в отношении равнинных мест нет точно определяемой причины, почему среднеазиатская Галатия отличается от италийской Кампании, хотя они расположены на одной широте. Однако длительные наблюдения подтверждают единодушное мнение евреев, греков и римлян о том, что восточная часть более умеренная и во многом лучше, чем западная. Исходя из этого, Иезикииль написал, что изображения божеств своим лицом повернуты на восток. Исайя тоже говорил, что справедливость приходит с востока. Известно и такое предостережение: «Смотри на восток и зри радость, нисходящую к тебе от Бога». Я использую эти свидетельства сознательно, более того, намеренно, поскольку понимаю, что они были даны правдивыми толкователями естественных природных явле-

ний. Римлянин Плиний в VII книге комментировал, что длительным наблюдением установлено, что море распространялось с востока на запад. Я это заметил в Нарбонской Галлии. Если бы было установлено обратное направление течения вод, то не сбылось бы предсказание о том, что в 1557 г. от Рождества Христова повсюду начнутся эпидемии. Аммиан от греков узнал, что, когда Селевкия была опустошена и было открыто святилище храма, закрытое некогда таинством халдеев, пришло бедствие в виде распространения неизлечимых болезней. Во времена Марцелла и Вера эти болезни широко распространились и вызывали высокую смертность по всей территории от самых границ Персии до Рейна, вплоть до земель галлов. Немногим позднее язва появилась к северу от Эфиопии и, говорят, уничтожила почти все население. Причина этому ясна — южный ветер дует из влажных районов севера, а теплота вызывает порчу.

Следует теперь рассмотреть влияние, которое оказывают различные ветры. Ветры, дующие с юга, теплы и влажны, с севера — холодны и сухи. Ветры же, дующие прямо по направлению север—юг, восток—запад, как правило, спокойны, они не создают изменений в атмосфере, которые возникают из-за ветров, дующих не по прямой. Когда солнце далеко от оси север—юг, сильных испарений не происходит, а на оси восток—запад более сильное тепло солнца возбуждает ветер, но сдерживает его силу, таким образом, ветров больше весной и осенью, чем зимой и летом. Самые сильные из всех ветров — юго-восточный и северо-восточный. Противоположные им ветры — это юго-западный и северо-западный. Северо-восточный ветер, конечно, холодный и очень сухой, юго-восточный — теплый и сырой, северо-западный — сухой и холодный. Замечено, что ветры, дующие по оси север—юг, или очень холодные, или очень теплые. Два ветра, дующие по оси восток—запад, очень умеренные; тот, что дует строго с востока, называется зефир. Однако зефир очень тих и дует редко или почти никогда, кроме как на закате солнца. Северо-восточный ветер очень целебен, он сильнее, чем зефир, особенно когда солнце покидает экватор. Более глубокая и тайная причина превосходства восточного района над западным полностью сокрыта от меня, потому что в действительности ничто там не встает и не заходит. Результаты, которые, однако, мы наблюдаем, очевидны и прекрасны. Границы восточного района, как я уже, кажется, говорил, проходят по Молуккским островам, а с запада — по Гестрийским островам. Получается ровно половина всей земли, так как меридианы этих островов отстоят друг от друга на 180 градусов. Другая часть земли, та, в которой расположена Америка, оказывается отделенной обширным пространством моря от каждой из этих крайностей, так что кажется, что именно она включает в себя линию, разделяющую восток и запад. Я обошел молчанием многочисленные проблемы, обсуждаемые магами, о природе демонов каждого района.

Теперь я коснусь только тех вещей, которые воздействуют на чувства. Самые ученые мужи Греции — Аристотель, Гиппократ, Гален и

Ктезий во многих трудах утверждали и подкрепляли соответствующими примерами то, что все лучшее и прекрасное скорее встречается в Азии, чем в Европе. Даже если они и часто ошибались, потому что не знали такого понятия, как широта местности, тем не менее сейчас, после того как стали известны широты, было открыто, что под одной и той же четвертью небес люди, которые живут на западе, щедро наделены силой тела, проживающие же на востоке — талантами. Кельты не раз вели очень многочисленные армии в Италию, Грецию и Азию, но итальянцы не рискнули нападать на Галлию до тех пор, пока власть их не достигла зенита под руководством Цезаря, когда галлы потерпели поражение в войнах с его армией. Цицерон и Агриппа⁷⁰ восхваляли Цезаря за то, что против него выступили народы все сокрушающие на своем пути, однако римляне смогли смело противостоять их атакам. После чего варвары не осмеливались их сердить. Кроме того, римляне так быстро захватили территории греков, что те даже не успели испытать всех лишений войны. Греки, которые, в свою очередь, проникли в самые укромные уголки Азии со своими армиями, вряд ли когда-нибудь вторглись бы в Италию, разве что при царе Пирре. Хотя он, потерпев поражение, искал спасения в трусливом бегстве так же, как и Ксеркс, который вел в Грецию такую огромную армию, что ее воины, утоляя жажду, осушили почти все реки. Но и Ксеркс был остановлен войсками греков и, к своему великому стыду, должен был уйти ни с чем. Катон достиг Мурен, а Цезарь — Помпеи, но войны их были развязаны против женоподобных народов. Это подтверждает замечание императора Юлиана: “Кельты и германцы — люди смелые, греки и римляне временами — воинственны, временами — спокойны, египтяне — более трудолюбивы и хитры, сирийцы отличаются быстрым и угодливым умом, они восприимчивы к воспитанию”. Немного позднее этот же автор заметил: “К чему говорить, что германцы не терпят рабства, хитрые южане стремятся к свободе, тогда как сирийцы, персы, парфяне и, наконец, все люди, живущие на востоке и юге, тихи и послушны?” Он написал обо всем этом в книгах против христианства, где точно определил власть востока и запада. Тацит писал также и о батавах, которые заняли самую западную часть Германии, были самыми свирепыми из всех и многих превосходили в доблести. Эти же сведения подтвердил и Плутарх в “Жизнеописании Мариа”. Действительно, они обращают на себя внимание своим могучим ростом, как и все, кто населяет холодные и болотистые места. Самые западные из галлов считаются и самыми воинственными, что первым отметил сам Цезарь. “Народы, наделенные лучшими качествами, — писал он, — приходят из Аквитании и Рутений”. Но необходимо заметить, что среди всех народов Европы самые западные — британцы и испанцы, и именно они самые активные.

Запад имеет большое сходство с севером, а восток — с югом. Это проявляется в природе не только живых существ, но и растительного мира, в каменных породах и металлах. Традиционно считается, что лучшее золото и драгоценные камни встречаются на юге и востоке, но дру-

гие драгоценные металлы — только на севере и западе. Скалигер осуждал Кардана за подобные оценки, потому что тот писал, ссылаясь на авторитеты других и не приводя серьезных доказательств. Однако еще до того, как это отмечал Кардан, Агрикола — отличный мастер и знаток металлов — подтвердил это утверждение вескими доказательствами. “Самый высококачественный золотой металл во всей Европе производится в испанской Беотии, представляющей собой самую южную часть всей Европы, — пишет он, — а также в Африке, в Эфиопии”. Этот же автор несколько позднее утверждал: “На востоке всей Африки наблюдается недостаток меди и ртути, железо довольно редко в Африке, чаще оно встречается в Кантабрии (самая северная часть Испании и при этом крайний запад Европы). Оно достаточно часто встречается во Франции и Германии”. И там же он продолжает: “Самое превосходное железо у шведов и остготов. Они называют его *osemutun*”. Более того, он написал, что близ Загау железо замечено на лугах на глубине двух футов, а глубже копать было нельзя из-за воды. Каждые 10 лет велась добыча, но запасы снова пополнялись естественным путем. Сейчас самые богатые запасы серы на земле на острове, названном испанцами Туле. Отсюда сера вывозится во всю Европу. Тот же автор сообщает, что сера встречается только в Германии, золотые россыпи — в Карпатах, где также в изобилии встречаются и другие металлы. Верно то, что отроги, богатые ископаемыми, ограничивают Германию на востоке и простираются к югу. Говорят, что в солнечной Капсе добывают 2000 золотых слитков. Железо труднее найти, поэтому, грабя города, турки прельщаются им больше, чем бронзой или оловом. Как на севере железо лежит почти на поверхности земли, так на юге золото встречается в полях и в чистых песках. Говорят, что в Дамуте, прилегающей к горам Бет, под Козерогом, золото находили после сильного дождя. Подобно тому как другие металлы рождаются под действием огня на севере, в Пиренеях, Кавеннах, Альпах, Карпатах, в горах Фракийской цепи, горе Пангея, Лаурии и на Кавказе, на юге золото рождается не пламенем огня, а силой небесных звезд и теплом солнца, причем даже на поверхности земли и в песке. Подобным образом жители юга и востока черпают свои жизненные силы за счет небесного тепла и силы звезд, а жители запада и севера поддерживаются своим собственным внутренним жаром.

Итак, возвращаясь от деталей к общему, я понял, что на севере — тепло и влажно, по другую сторону, как бы снаружи — сухо и холодно. Вместе с тем, когда внутри, на юге, сухо и холодно, снаружи — тепло и влажно. Однако заметим, что восток и запад имеют более умеренный климат. Это очевидно в более чистых натурах, где элементы более свободны от материальности. Когда воздух летом прогревается и сверху и снизу, то много воздуха собирается в средних районах. В это время года образуется самый крупный град, хотя зимой он никогда не выпадает. Подобным образом земля, сожженная сильным жаром солнца, удерживает в себе холод, а когда все снаружи окостенеет от холода, земля, напротив, хранит в себе тепло. Это можно видеть по родникам, которые

несут сохраненное тепло зимой и не замерзают, а летом кажутся очень холодными. Ввиду того что на севере практически вечный холод, вечное тепло существует там не только внутри самой земли, но внутри живых существ и растений. Как сказал Эмпедокл, “кажется, природа поместила тепло в холод, а холод в тепло. Так как необходимым условием развития растений и животных является тепло и влажность, то на севере очевидно изобилие лесов и живых существ”. Плиний сообщает, что в Германии полно изумительно глухих лесов. Более того, Витрувий оставил свидетельство, что самые высокие деревья на Апеннингах растут с северной стороны. Область на полюсе, названная Гренландией, носит такое название из-за покрывающей ее зелени и лесов. В Африке нет лесов, однако есть горы, которые имеют природу севера, как мы позднее объясним. Понемногу как деревья, так и люди становятся более мелкими, если продвигаться к югу. В Нарбонской Галлии есть дубы в два фута высотой, которые плодоносят, однако больше не растут.

Вдобавок на севере наблюдается изобилие всех металлов, кроме золота, а на юге ничего нет, если не считать очень высоких гор. Но сообщается, что в северных землях происходят извержения вулканов, которые приводят к большим пожарам (например, вулканы Химера, Везувий, Этна, Пик Teneriffe, Карпаты и Фул), и последняя из земель, расположенная на 70-м градусе, почти на всем своем протяжении сверкает вулканическими извержениями. Можно назвать и многие другие места, полыхающие постоянным пламенем, которые Олаф перечисляет в описании Готии. Пиренеи ведут свое название от огня. На широте дальше 30-го градуса от экватора вулканических извержений не отмечается. Здесь нет горячих гейзеров, таких, как в Италии, Галлии, Германии и далекой Гренландии. Я думаю, то, что Мирандола предвещал, ясно из его слов: “Тот, кто знает характер северного ветра, понимает, почему Бог будет судить мир огнем”. Это мнение уходит корнями в глубину веков. Оно поддерживалось не только Пико, но и Гераклитом, а также, по словам Плутарха, и предсказаниями иудеев, которые верят, что мир когда-нибудь погибнет в огне. Огонь не низвергнется с небес, как думал Магианий, а вырвется из-под земли. Более того, этот огонь должен распространяться с севера, а не с юга, потому что здесь обилие воды, а там увеличивается плотность земли, питающей огонь изнутри. Несмотря на то что человек, сравнивающий мир суши и мир воды, видит, какая часть земли скрыта водами, а какая — открыта, при этом площадь морей и суши окажется одинаковой, тем не менее территория, свободная от воды, простирается на север, если мы примем экватор за границу между севером и югом. Южнее экватора остается небольшая часть Африки и Америки. То, что земля, названная Южной, считается столь протяженной, требует уточнения, так как это далеко от правды.

Мы должны истолковать слова Ездры по-своему, не так, как древние; в противном случае то, что он написал, выглядит глупостью: Бог сотворил семь частей Земли, причем седьмую составляли воды. Мнение древних перипатетиков еще более нелепо, ибо они полагали, что суши

было в 10 раз меньше, чем воды. Иначе было бы неизбежным, чтобы земля (ничто, кроме ее поверхности, не может соприкасаться с центром Земли) оказалась погруженной в воду, если признать, что водная поверхность в семь раз больше суши, но мы знаем соотношение длины круга к его диаметру, и если исходить из этой пропорции, то центр суши был бы расположен в центре земного шара. Первое положение должно быть верным, так как около Магелланова пролива, недалеко от одного из полюсов, сфера Земли несколько вытянута. Замечательно подтверждено наблюдениями путешественников и опытом многих людей, что воды перемещаются с севера на юг с большой скоростью движения. Путешествуя по Британии и Ирландии, Кардан узнал этот факт от моряков и после сообщил об этом, но поскольку он не проник ни в причины явления, ни в рассуждения, то его справедливо упрекнул Юлий Скалигер за то, что он представил это своим собственным открытием.

Поскольку общая природа элементарного мира и мира человеческого требует прежде всего глубокого понимания, требуют осмысления и те факты, которые мы приводили (а именно: большая часть суши расположена к северу, воды — к югу, здесь внутри холодно и сухо, там — тепло и влажно). Давайте сравним наблюдения древних с нашими. Сперва заметим, что халдеи отнесли огненную стихию к Европе, а водную — к Африке. Теперь напомним, что южный ветер назван греками “ветром ливней” — Нотус. Южный ветер, действительно, теплый и влажный, а Борей — холодный и сухой. Является фактом, и здесь существует общее согласие, что течение воды направлено от Свейского моря через Кимбрийский Херсонес к Итию, а затем к французским и испанским берегам. Но Каспийское море какими-то внутренними и тайными проливами выходит в Понт и затем через Геллиспонт попадает в Средиземное. Далее большое стремительное течение внезапно проявляет себя, вновь появляясь около Геркулесовой горы (Абила), таким образом, оно возвращается на юг. Это доказывают моряки и торговцы, а география и гидрография также приводят нас к этим же выводам. Плиний, без разумного объяснения, относил появление сильных волн к действию не южного ветра, а северного, хотя вывод его представляется нелепым, так как ясно, что именно южный ветер будоражит водную гладь, вздымая волны против морских течений. Мы можем в качестве доказательства представить то, что некогда Диодор, не так давно Альварес и совсем недавно и наши современники, которые плавали в Африку, единодушно заявляют, что непрекращающийся дождь затопляет районы выше экватора и воды Нила выходят из берегов. Плиний во II книге подтвердил, что бесконечные дожди обеспечивают землю влагой даже жарким летом. Он не дал этому объяснения. Приведем последнее умозаключение, что к югу, где выпадает меньшее количество осадков, солнце ближе к земле, чем на севере, по всей широте эклиптики. Это, по-видимому, притягивает туда массы воды. Это также подкрепляет доказательство нашего мнения, делая его, на мой взгляд, достаточно убедительным, чтобы с ним могли согласиться и все остальные.

Согласно Аристотелю, лихорадки поражают людей гораздо чаще на юге, ведь чем дальше на юг, тем жарче лето. Что касается лихорадок, то причина заболевания ими очевидна и состоит в том, что закупориваются поры кожи людей и в результате этого зимой заболевания переносятся гораздо тяжелее, чем летом. Может показаться нелепым, но в Европе летом жара переносится людьми гораздо хуже, чем в Африке. Еще Аристотель указывал на это как на хорошо известное явление. Действительно, Альварес описал случай, когда эфиоп из Абиссинии умер от жары, едва корабль с папским легатом достиг Лузитании. К тому же испанцы в Галлии жалуются, что здесь они тяжелее переносят летнюю жару, чем в Испании. Более того, я узнал от Пурква — немца, проживающего в Тулузе, что в середине лета в районе Данцига, что на Балтике, жара была сильнее, чем в Тулузе. Я думаю, что по этой причине германцы, по свидетельству Тацита, делили свой год на зиму, весну и лето, без щедрой осени и даже названия ее не знали. Датчане, в свою очередь, знают только зиму и лето, подобно карфагенянам, которые не принимали во внимание весну и осень, как писал Лев Африканский. Причину северной жары можно найти в малой подвижности и тяжести воздуха. В Европе и Скифии полно рек, которые питают подземные воды и которые порождают болота и грязь. Отсюда летом поднимаются густые испарения. Это, как бы соединяясь с высокой температурой воздуха, приводит к более душной жаре, чем в Африке, где воздух разрежен из-за немногочисленности рек. Поскольку жар металла более силен, чем жар от дерева, а жар от дерева сильнее жара от соломы, то ясно, что в плотной среде горение более сильное, чем в разреженной. Поэтому тот, кто хочет как следует протопить баню, сбрызгивает печку водой таким образом, чтобы пар поднимался вверх и воздух становился тяжелым и мог дольше поддерживать жар. Это также может служить объяснением тому, что в дождливый летний день мы потеем больше и сильнее ощущаем жару, чем в ясный. Но мы отнюдь не говорим, что и внешне север теплее юга. В соответствии с природой севера внешние его характеристики — сухость и холод. Но когда дует южный ветер и происходит испарение, воздух задерживает тепло и дольше его сохраняет. С другой стороны, в Африке земля, камни и воды, когда они разогреты, усиливают жару сильнее, чем в Скифии, и это происходит из-за силы солнечных лучей. Как удачно было подмечено Аристотелем, “летом на севере вплоть до 60-го градуса наблюдается большее прогревание воздуха, чем на юге”. Эти факты справедливы тогда, когда речь идет об условиях жизни и обычаях народов, населяющих низкие равнинные места.

Теперь давайте рассмотрим характеристики различных областей — горных, болотистых, пустынных, ветренных и безветренных. Здесь также наблюдается разница между характерами людей с равнин и с гор, с юга и с севера, и почти то же отличие в темпераменте, если равнины не заболочены. Если крепчайший мороз на севере распространяется по равнинам, то на юге — по горам. В воздухе среднего района сила холо-

да обусловлена столкновениями с теплыми массами. Гиперборей, если можно так назвать сильный северный ветер, приносит жестокий холод, когда Луна на ущербе на пике Тенерифе, вершины которого являются самыми высокими среди всех. К подобному выводу легко прийти, если рассмотреть процесс образования града летом в среднем климатическом поясе. Зимой это вряд ли можно наблюдать, так как холод царит повсюду, то нет крайних явлений, причиной которых является и низкая температура. Мы можем утверждать, что неверно мнение Аверроэса о том, что растения и живые существа более сильны в горах, поскольку они ближе к небесам. Если бы это соответствовало истине, то горцы были бы богоподобны и одарены во всех отношениях, в то время как они считаются грубыми и неотесанными. Также неверно и мнение Гиппократата, что сезонные климатические изменения в горах порождают жестокость и гигантский рост людей, ибо мы хорошо знаем, что в северных районах достаточно воды, а в горах сухо, следовательно, горцы именно в силу этих причин должны быть выносливыми, сильными, долгожителями, совершенными внешне, подобно тому как горные птицы и стада горных животных превосходят животный мир заболоченных областей, а горные деревья крепче тех, что выросли в низине. Люди почти не строят поселений на гребнях гор, а селятся только на склонах. При этом известно, что та часть склона, которая обращена на север, более умеренная и воздух становится даже целебным выше 45-го градуса от полюса. Хотя на той же параллели южный склон имеет еще более целительные свойства. Но между южными и северными склонами существует огромная разница, о которой люди, путешествующие по горам, прекрасно знают. То, что мы говорили о среднем районе и обычаях народов, населяющих его, не распространяется на тех, кто живет в Альпах, Пиренеях, Кемено, Акрокеравнии, в большой горной гряде Балкан, Карпатах, горах Олимпа, горной гряде Таурус, горе Стелла, на Кавказе и на Памире. В горах часто встречается самый умеренный климатический пояс. Из числа северян также можно исключить жителей Атласских гор, арабских высокогорий, Беотийских гор, Ангеи, пика Тенерифе и Сьерра де Лионе, гор, которые Плиний назвал "колесницей Бога". Тем не менее горцы грубы, неотесанны, воинственны, они привыкли к тяжелой работе и вовсе не знают, что такое хитрость. Не только в горах севера, но и в Атласских горах, расположенных недалеко от тропиков, говорят, обитают крупные и сильные люди, каких мы часто можем встретить. Из их числа имели обыкновение набирать свои легионы мавританские и нумидийские правители. Удивительно то, что для живущих в горах совершенно невозможной задачей является смирить свою жестокость, им свойственно непоколебимое мужество, они также полагаются на свою природную силу или покровительство родного края, ибо всегда жили в великой свободе. Даже турецкий султан, как я слышал, вынужден был заплатить горцам 60 000 золотых монет, чтобы иметь возможность свободно наслаждаться равнинами Дамаска и Палестиной. Горцы Альп являются самыми свирепыми среди всех жителей

Италии. Все признавали, что без покровительства Марса невозможно достичь победы. Среди кого Густав набирал свои легионы, чтобы покорить Шведское королевство, если не из далекарлиан, которые жили в горах Швеции? А гелльветы? Поскольку они ведут свое происхождение от свессов, то они добивались освобождения не только для себя, но и для жителей прилегающих районов, задавленных тиранией. Они не раз наносили сокрушительные поражения австрийским князьям и устроили кровопролитную бойню германцам, когда силой захватили немалую часть Германской империи. Наконец, они так многого достигли силой оружия, что получили прозвище господ и цензоров князей. Исходя из вышесказанного, мы можем понять смысл слов Цицерона: “Горцы в Лигурии в соответствии со своей природой суровые и дикие, а жители побережья — очень коварные”. Я упускаю описание того, как горцы Киликии, Акрокеравния и Балкан вели бесконечные войны с турками, как долго они выдерживали и отражали их атаки во главе с караманами. Их натура противоположна живущим в болотистых местах. Мы можем свидетельствовать, что батавы и фризы, которые властвуют в устье Рейна, крупнее, чем другие германцы, проживающие в этом же районе. Из-за болот и низин бельгийцы выше, чем британцы, чья страна, как говорят, расположена в низменности, которая не заболочена, и почва там песчаная. Хуже всех тем, кто живет в болотистых и теплых местах, таких, как Египет или Нарбонская Галлия, вся покрытая болотами. Людей там поражают язва, водяная грыжа, сыпь и проказа — болезни, свойственные этой местности. Также здесь можно увидеть хилых людей и часто встречаются люди с неприятно бледными лицами. Румяный цвет лица обитателей региона — главное доказательство умеренного климата. Но засушливые районы, даже если они не очень теплы, тем не менее целебны. Испания, Нумидия, Персия, Халдея и Аравия плодородны и населены мускулистыми людьми, превосходящими в силе всех остальных. Когда Египет, Киренаика, Мавритания и Нарбонская Галлия оказались поражены белой проказой, прокаженные были по-прежнему редки в Испании, Нумидии, как писал Лев Африканский. Даже препятствие в виде одной-единственной реки обуславливает различия в природе народов. Когда у реки, отделяющей южан от северян, довольно большая протяженность (например, как у рек Дунай, Нигер, Таг, Эридан, Асоп), то общение и торговля между народами затруднены. Поэтому между этими народами часто вспыхивают междоусобицы. Южане, которые живут по реке Нигер, малорослы, слабы и очень черные, северяне, живущие на другом берегу, выше ростом, заметно сильнее и мертвенно-бледные. Неудивительно, что Платон благодарил судьбу за то, что он афинянин, а не уроженец Фив, хотя Афины и Фивы разделены только рекой Асоп и расстояние между ними не более 20 000 шагов, но афиняне обращены к югу, а жители Фив — к северу. Те, кто живет в южной части северных долин, подвергаются большему теплу, чем те, кому достался север в том же районе, так что последние имеют характер, близкий к скифам, тогда как первые — к южанам. По этой же

причине те, кто живет на южных склонах Карпат, загорелы, а на другой стороне — имеют бледные лица. По той же причине Гален советовал людям, которые были истощены, идти в район Табы, расположенный между Сорренто и Неаполем, где в долине, обращенной на юг, зима имеет климат весны.

От разницы в климате возникают расхождения и различия в природе тех, кто населяет Ретию, Коринф и Кroatию, и тех, кто происходит от истрийцев, иллирийцев, лангобардов, лигурийцев и тосканцев. Народы, которые окружены со всех сторон долинами, выше 55-й параллели от полюса, выдерживают очень сильную жару из-за избытка лучей и малозащищенного характера местности.

К тому же мы должны помнить о том, что потоки с гор несут много ила, что способствует высокому плодородию. Свидетельство древних о том, что в Мавритании и долине обоих Атласских хребтов зерно, брошенное в землю, давало стократный прирост, не кажется вымыслом. Позднее Лев Африканский признавался, что видел пятидесятикратный прирост. Плиний писал, что прокуратор Мавритании послал Августу колос, в котором было почти 400 зерен. Более невероятно рассказанное Страбонам о долинах гор Таурис, где гроздь винограда, по его словам, вырастала в два локтя длиной, а с фигового дерева собирали по 70 модиев⁷¹ плодов. Почти то же самое говорят о полях Дамаска, долинах гор Ливана. Иллюстрациями к этому служат также Лемнос, сельская местность Турина, золотые долины Пиренеев, Фессалийская долина, долина Седуни и Карпатские долины, которые столь пышно процветают в своем плодородии, таким образом, богатство долин с избытком возмещает бесплодие гор. Столь изобильные края побуждают местных жителей посвящать себя сельскому хозяйству, отказавшись от военных занятий, они предпочитают жить в мире, изнывая от наслаждения. Афиней в XII книге писал, что лидийцы и умбры пользовались дурной славой из-за их склонности к постыдным наслаждениям. Оба района находятся в равнинных областях, однако Проперций отмечал, что Митания расположена в более низменной ложбине⁷². Говорят, такие условия местности и порождают сибаритов, которые не замечают ни восхода, ни заката солнца и чьи наслаждения и роскошь описал Афиней. Алкиатти неверно прочитал слово “porcus” у Плутарха и Катутла, где они называли “porcus” умбров. Это даже более абсурдно, чем то, что у Плутарха в 10-м разделе II книги эпитет “пиршественный” он применил к *οὐβρῖκα* *δαίτας* относительно умбров. Тогда как речь идет о диких зверях, так как *οὐβρῖκα* и *οὐβρῖκαλα* являются детенышами животных, как считает Эсхилл, и это при том, что создания, рожденные от овцы и муфлона, называются римлянами умбрами⁷³.

Жители плодородных земель словно предназначены для роскоши, в противоположность тем, кто населяет бесплодные места. Последние — доблестные солдаты на войне, умелые работники, в условиях мира так же усердно занимающиеся торговлей. Это было причиной того, что бесплодная равнина Аттики заставила афинян изобрести искус-

ства. Известно, что праздное времяпрепровождение считалось у них грехом, это выделяло генуэзцев среди итальянцев и нюрнбергцев среди германцев. Жители долин счастливее своих соседей благодаря обилию продовольствия, тогда как другие счастливы своей одаренностью. Ледяная вода от тающих снегов часто стекает в ложбины и там застаивается, что способствует возникновению заболеваний, таких, как золотуха и пупочная грыжа, часто это случается на западе и севере. Население долины, что в районе Турина, страдает от золотухи, опухоли горла и от насморков. Эти люди становятся неуправляемы, и они не могут говорить, как и больные из Аквитании, тела которых опухают. Эти болезни тела возникают из-за воды. Поразив тело, они охватывают и душу. Как велики сила и власть воды, способной изменять обычаи, хорошо понимал Гиппократ. Достойны внимания свидетельства Плиния, что по рекам Геликона в Греции овцы — белые, по реке Аксий — черные, а на Ксанфе — коричневые. Это подтверждает и Витрувий. Однако и воздух, которым мы в основном и живы, порождает не меньше недостатков, если не больше. Хотя мы в общем-то упоминали об этом, мы, в частности, обнаружили, что ветреные места делают людей более свирепыми и непостоянными, а спокойные места, с другой стороны, делают людей добрее и более стойкими. Причина ясна: разум не может быть спокоен в месте, где человека швыряет туда-сюда. Доказательством этому может служить то, что нельзя размышлять в движении и суматохе, мысль развивается только в мозге, очищенном и освобожденном от эмоций, когда тело человека также спокойно. Чем мудрее человек, тем медленнее движения его тела и души. А безумие, однако, проявляется волнением и метаниями как тела, так и души. Итак, я думаю, что именно бесконечные порывы ветра и волн делают матросов жестокими и бесчеловечными. Вместе с тем, и это, возможно, известно, Фракия, Галлия, Колхида, Ливийская пустыня, Лузитания, Персия, Норвегия, Норик и Паннония, которые подвергаются воздействию ветров, населены более свирепыми и возбудимыми жителями, чем те территории в пределах той же зоны, где климат считается золотым. К последним относятся Ассирия, Средняя Азия, Италия, кроме Лигурии, и Египет. Верно и то, что население Херсонеса Таврического живет в действительно мягкой климатической зоне, хотя считаются людьми удивительно дикими, вероломными и жестокими, что, возможно, объясняется тем, что там дуют ветры свирепой, как нигде, силы. Очевидно, что в Галлии нет людей более подвижных, чем люди Нарбонна, Аквитании и Прованса, хотя земли эти находятся южнее остальных. Я думаю, что свирепость и возбужденность мозга вызываются юго-восточным ветром, который Плиний называет “атлантическим”, а обычное его название — “виолеттийский” или “знойный”. Он постоянно проносится через Галлию и схож отчасти с северо-западным ветром или юго-западным, который называют “пилой”, потому что он неистовее всех.

Большие изменения в характеры и обычаи людей вносит смешение народов. Ошибочно думать, что все скифы, рожденные в одном месте,

похожи, потому что каждому уголку Земли присущ только ему свойственный темперамент людей. Таково было мнение Гиппократу, но Эмпедокл и стоики, на мой взгляд, ближе к истине. Как писал Плутарх, они считали, что причиной разнообразия лиц являются образы, исходящие от души. Некоторые рождаются и живут словно дикие звери, потому что руководствуются не разумом, а только чувствами, как писал Плиний. Так, например, скифы в соответствии с их натурой любят простые наслаждения, они не отягощены разнообразием своих мыслей и имеют обыкновение воспроизводить в детях самих себя. Я, однако, склонен к другому объяснению. В Эфиопии, где, как мы уже говорили, сформировалась раса людей очень пронизательных и похотливых, никто заметно не отклоняется от местного типа. Все они низкорослые, кудрявые, черные, с приплюснутым носом, с толстыми руками, белозубые и черноглазые и зачастую с залысинами. Среди скифов тоже нет различий. Сам Гиппократ писал об этом, и Тацит дал такие же комментарии относительно германцев. В действительности мы обнаружили, что, чем дальше удаляться от средних районов, тем больше лица похожи одно на другое, в то же время в пределах одной зоны мы можем обнаружить различия в облике людей. Хотя в умеренной области цвет глаз у всех должен быть коричневато-желтый (так как все глаза этого вида происходят от смешения черного, голубого и желтого цвета глаз), в дополнение к ним мы встречаем глаза сероватого, голубовато-серого, черного, серовато-желтого цвета и бесконечные оттенки этих цветов. Есть люди с большим носом и с приплюснутым, кудрявые и черные, белые и с красноватым оттенком кожи, рыжебородые, румяные и бледные, низкорослые и гигантского роста. Такое положение вещей следует отнести к смешению народов, что обусловлено тем, что люди имеют обыкновение двигаться от крайних районов к среднему, как к району самого ровного климата. Бесчисленные орды скифов, готов, турок, татар селились в центральных областях. Никто, кроме вандалов, не переправлялся в Африку, откуда их изгнали, но произошло это много позже. Арабы и карфагеняне, т. е. те, кого в древности называли сарацинами, перенесли свои поселения из Африки в Европу и Азию и тоже осели в среднем районе. Никто не стремился поселиться в Скифии, хотя сами скифы завоевали Испанию, Италию и Грецию, в Галлии они были разгромлены. Впоследствии галлы освободили Италию и большую часть Испании от завоевателей. Так же и древние кельтские колонисты стремились обосноваться в средних районах, при этом никто не шел в Скифию и Эфиопию.

Поскольку мы видим, что новые формы развиваются от разных видов живых существ и растений, подтверждение чему мы находим в муле, пантере, гиене, волкодаве и жирафе, которые не похожи на своих родителей, мы можем сделать аналогичный вывод о типах людей. Волкодав, зачатый от волка, почти ничем не отличается от собаки, потому что волк есть не что иное, как лесная собака, это утверждает сам Варрон. Но мул заметно отличается от лошади и осла, а жираф — от верб-

люда и пантеры. И если бы скифы были скрещены с эфиопами, то нет сомнений, что в результате были бы произведены разнообразные и очень отличающиеся друг от друга типы людей. Афиной писал, что Птолемей Филадельфийский демонстрировал с помоста человека, который был двух цветов как лицом, так и телом, одна сторона была черная, а другая — белая. То же самое, я думаю, произошло, когда датчане, саксы и англы смешались с бриттами, первые стали более свирепыми, в то время как последние стали добрее. Бриттты, изгнанные из своих домов, поселились в Галлии, где они с трудом уладили свою необузданную храбрость и постепенно обрели свободу в среде галлов. Я думаю, что мы должны упомянуть и колонию саксонцев, которую Карл Великий утвердил среди бельгийцев, потому что саксонцы всегда очень храбро сражались за свою свободу. В отличие от растений, которые, будучи пересажены с родной почвы, быстро теряют свои исконные свойства и приспосабливаются к характеру той почвы, в которой выращиваются, люди не меняют так легко врожденных черт своей природы, изменения накапливаются на протяжении долгого периода. Галлы, захватившие самые плодородные земли Германии, как писал Цезарь, со временем изменили свои обычаи и нравы. Уже во времена Цезаря они жили в бедности и нужде, как и германцы, у них были та же пища и тот же образ жизни. Когда консул Миний собрался сражаться с галатами, которые имели репутацию доблестных воинов, то он воодушевлял римские легионы, которых приводило в трепет само имя врагов — галлы, он вселял веру в победу своей армии, сказав, что галлы давно перестали быть галлами, познали вкус удовольствий Азии и утратили свою свирепость из-за мягкости климата, так что не стоит их больше бояться. Верно сказал Кир со страниц сочинения Геродота: «Слабые мужчины рождены под спокойным небом». Действительно, турки постоянно осуждали дикие нравы скифов, если не считать того времени, когда турки с особенным рвением занимались развитием военного искусства, но, несмотря на это, были легко разбиты армиями татар и сарматов.

Теперь остается решить, насколько воспитание способно изменить характер человека. Сейчас воспитание имеет как бы две стороны — религиозную и нравственную. Нравственное воспитание может быть правильным или неправильным. Хотя, конечно, каждый обладает силой, достаточной, чтобы при необходимости побороть свой характер. Гиппократ думал, что все виды растений могут быть улучшены, но справедливо ли это предположение в отношении человеческого вида? Был ли род человеческий когда-либо столь необуздан и дик, что даже при наличии вождей не мог нащупать путей к гражданскому сообществу? Известны ли случаи, когда народ, однажды преуспевший в самых изысканных искусствах, но прекративший развивать гражданское сообщество, не впал бы потом в варварство и дикость? Хотя существует бесчисленное количество примеров, ни один настолько не впечатляет, как немцы, которые сами признаются, что когда-то находились не так далеко от уровня диких животных. Они бродили по болотам и лесам, словно ди-

кие животные, и из-за какого-то глубокого отвращения сторонились письменности. Тем не менее они сейчас настолько продвинулись, что в учтивости, кажется, превосшли персов, в военных делах — римлян, в религии — евреев, в философии — греков, в геометрии — египтян, в арифметике — финикийцев, в астрологии — халдеев, а в различных ремеслах они и вовсе превосшли все народы. Прав был Макиавелли, который мягко упрекал итальянцев — своих современников, что те, считая себя очень умными и образованными, приглашали тем не менее немцев измерять границы своих земель. Более того, когда папа Лев захотел внести поправки в календарь, то послал своих легатов в Германию, как когда-то Цезарь в сходной ситуации посылал своих людей в Египет. Когда арабы и карфагеняне со своим мягким и изысканным характером начали развивать военную науку, то потом это вылилось в захват ими власти в Азии и Африке. Подобно им массалийцы развивали гражданское искусство с таким успехом, что вообразили, будто они самые мудрые и справедливые, по откровенному свидетельству Цицерона. В отношении воспитания спартанцев историки рассказывают просто невероятные вещи, которым, однако, стоит доверять, так как свидетельства исходили из стана врагов. При этом теперь никто не может затмить римлян в их пренебрежении дисциплиной. Если раньше они превосходили все народы своей репутацией справедливых людей и славных воинов, то сейчас почти все народы превосшли их в этом. Я думаю, что природный характер римлян, а сейчас — итальянцев достоин высокой похвалы, но не сыскать такого безграничного природного дара, который не мог бы быть испорчен порочным воспитанием. Я не буду подробно останавливаться на вещах общедоступных, которые каждый может узнать из тех же источников, что и я. Поскольку наши предки находили красивой удлиненную форму лиц, то мастера косметики действительно могли сделать так, что лица выглядели очень длинными. Это можно видеть в древних статуях и картинах. У жителей Западной Мидии лоб очень широкий и нос огромного размера. В книгах мы можем найти подтверждение, что это достигалось ими усилиями умелых косметологов. Синесий сообщал⁷⁴, что видел в Африке женщину, искусно принявшую форму тела муравья, ее вид доставлял удовольствие любому, кто обращал на нее свой взор. К сожалению, сейчас стиль одеваться, который предпочитают женщины, чтобы сделать очертания фигуры более соблазнительными, сводится к ношению нашей молодежью темных одеяний. Скрывая в темном свои формы, они кажутся истощенными. Но если влияние условий, обычаев или воспитания так велико в природных и человеческих делах, что привычки, постепенно развиваясь, приобретают силу натуры, то насколько это сильнее в делах Божественных? Мы видим, что сила и влияние религии таковы, что способны изменить обычаи и испорченный характер людей, хотя вряд ли возможно, чтобы черты нашего изначального характера были полностью стерты. Немцы, например, достигли определенным трудом знания всех великих искусств, но, по мнению многих, им по-прежнему недостает

воспитанности, красоты, порядка и системы, т. е. всего того, о чем мы знаем из рукописей греков и римлян. Казалось, с ростом тел германцев увеличивался и объем их книг. Много написал Мускулий⁷⁵, Мартин и Эразм написали больше, чем простой человек мог прочесть за всю жизнь. Южанам подобное многословие несвойственно. В нескольких строчках они способны охватить секреты всего Божественного и природного. Как слабость своих тел они восполняют силой ума, так и краткость их книг прекращается максимумом их пользы.

Последнее, что следует сделать, — это опровергнуть ошибки Птолемея и тех, проецируя определенные части Зодиака и тройственной стихии на соответствующие части земли, пытается вывести из этого характер народов. Они говорят, что Европа, расположенная между западом и севером, находится под влиянием первой стихии — огненной, где преобладающую силу имеют созвездия Льва, Овна, Стрельца и планеты Юпитер и Марс. Азиаты и скифы, живущие между севером и востоком, находятся под влиянием воздушной стихии и созвездий Близнецов, Весов, Водолея, под пересечением лучей Юпитера и Сатурна. Африка — между западом и югом, под влиянием водной стихии и созвездий Рака, Скорпиона и Рыб, а также планет Марс, Венера и Меркурий. Южная Азия расположена между югом и востоком, на нее воздействуют земная стихия и созвездия Тельца, Девы, Козерога, планеты Венера и Сатурн. Все эти вещи находятся в прямом противоречии не только с моими предыдущими рассуждениями, но даже с самой природой и историей. Начало ошибки идет от незнания местности и географии, погрешности древних были так велики, что некоторые из них считали, что Океан — это река, а Испания — город. Много подобных ошибок допустил и сам Птолемей, который обучал других. И это хорошо понимают теперь даже люди, весьма мало сведущие в такого рода вещах. Незнание законов небесного движения увеличивало заблуждения, хотя халдеи провели 15 000 лет за этими наблюдениями, как можно понять из священной истории и свидетельств, которые приводил Птолемей. Они не могли даже понять движение восьмого круга, а Птолемей не мог наблюдать колебаний. Однако эти вещи понемногу стали известны от арабов, испанцев и германцев. Что касается факта, отмеченного Цицероном, что халдеи говорят, будто в целом они провели 470 000 лет за составлением гороскопов для каждого новорожденного и проверкой его по результатам жизни, то это неверно. Легкомысленность этой выдумки, которая сама себя опровергает, не требует обсуждения, потому что если бы это было правдой, то они бы знали о тех вещах, которые наблюдали и постигали мы. Более того, сведения, которые они дали нам о знаках Зодиака недоказуемы, так как все части Зодиака и соответствующие им символы меняли место в ходе их наблюдения. Так, первая звезда Овна, которая была расположена в первой доли этого созвездия за 6000 лет до Птолемея, сейчас достигла двадцать восьмой доли. Значит, со времен наблюдений халдеев она прошла все созвездие и даже начала заново свой путь. Плеяда, которая в то время находилась в

голове созвездия Тельца, сейчас в созвездии Близнецов. Звезда Регул, пребывавшая тогда в Раке, сейчас прошла двадцатую долю Льва. Но что общего между Овном и Рыбами, Львом и Девой, Тельцом и Водолеем? Что общего между стихиями огня и воды? Огненные звезды перешли в водный сегмент неба. Если мы изобретем девятый круг, в котором нуждаемся, то в нем не будет звезд. Этого учение о тройственности не выдержит. Но давайте вернемся к Птолемею. Что может быть нелепее и недостойнее великого человека (если действительно он является автором этой книги), чем назвать финикийцев и халдеев простыми народами, наблюдавшими за звездами, только потому, что они находились под влиянием созвездия Льва и Солнца? Он же подчинил Вавилон, Ассирию и Месопотамию созвездию Девы и Меркурию, признав далее, что халдеи все-таки были любителями наук. Более того, он назвал евреев, сирийцев и идуменцев наглыми и нечестивыми потому лишь, что они раболепно подчинены Овну, Скорпиону и Марсу. По единодушному согласию всех историков, сирийцы послушны и склонны к рабству, евреи, кажется, рождены для религии. Никто не мог бы сравниться с уступчивостью идуменцев, если бы в их армиях не было горцев. На эту мысль Цицерона натолкнул урок Помпеи. “Он думал, — сказал Цицерон, — что будет иметь дело только с сирийцами и вождем набатеев”. Теории Птолемея касались и месторасположения народов, исходя из них он считал, что сирийцы и идуменцы проживают севернее по отношению к египтянам. Но среди них были и жители гор. Кардан, комментатор этой книги, поскольку знал, что созвездия изменили свои места во времена Птолемея до настоящего времени, заявлял, что нелепо утверждать, будто испанцы, бретонцы и норманны стали жадными и вероломными под влиянием звезд, и что Птолемей ошибочно думал, что произошло это тогда, когда они были подчинены Скорпиону, а в те времена, когда над ними располагалось созвездие Стрельца, они были верными и искренними. Я отвечу ему тем, что приведу слова Аппиана о Кассии: когда его армия была почти уничтожена парфянами и Кассий пытался спасти оставшихся в живых, халдей предупредил его, что необходимо дожидаться того момента, когда Луна достигнет Стрельца, а Скорпион переместится ниже, тогда Кассий ответил: “Я больше боюсь стрелка с луком, чем скорпиона”. Именно стрелы норманнов и британцев, а не жало скорпиона навредили нам, когда они вторглись в Галлию, истощенную внутренними распрями, уничтожив нашу армию своими стрелами. Но если и к учению Кардана относиться серьезно, то тогда было бы необходимо изменить фактическую природу вещей или пренебречь ею. Тогда характеристики юга мы должны перенести и на северные районы, следовательно, там вместо смелых германцев должны были бы рождаться мягкие египтяне, а африканцы должны быть преисполнены воинственности вместо свойственной им робости. Но если Кардан думал, что звезды изменили свое влияние, потому что положение созвездий стало другим, то что делать Птолемею, выводами которого так многие восхищались? И что остается самому Кардану, кото-

рый выдавал высказывания древних за свои собственные? Кроме того, вот еще один из многих примеров. Слейден в “Священной истории” писал, что император Карл V был провозглашен императором в день своего рождения, в этот же календарный срок он взял в плен Франциска, короля Галлии, и под теми же звездами объединил под своей властью всю Германию. В своем гороскопе он имел созвездие Козерога, как сообщал Кардан. Под этим же знаком родился Марк Антоний, который именно поэтому чеканил монету с изображением счастливого созвездия Козерога. Ссылаясь на эти факты, созвездие Козерога называют “тираном Запада”. Однако в толковании этого эпизода все ошибались. Кардан писал, что под этим созвездием родились Карл Бурбон, Козимо Медичи, Селим, правитель Турции, каждый появился на свет за семь дней перед календами сентября. В августе Август захватил Марка Антония и в августе же разгромили короля персов Исмаила. Сейчас очевидно, что со времени жизни Августа до времени Селима и Карла V все созвездия изменили свои места, сдвинувшись на семнадцать степеней. Козерог сохранял ту же силу, так как и Август, и Карл V, и Козимо Медичи достигли верховенства каждый на девятнадцатом году своей жизни. Следовательно, это соответствует точке зрения тех, кто думает, что сила небесных тел и обычаи народов находятся под воздействием системы тройственностей, потому что природа народов не менялась, хотя созвездия меняли свое положение. Хотя мы несколько прояснили вопрос, но будет еще проще и понятнее, если величайшие созвездия (я опускаю низшие) времен Птолемея или Цезаря сопоставить с историческими событиями. Ничто в истории так хорошо не изучено, как войны. Говорят, что Марс преобладает в Скорпионе, а высшие планеты как раз собирались в этом созвездии, когда пламя гражданской войны между Помпеем и Цезарем поглотило мир. В Европе, которую Птолемей подчинил Овну, произошла смена империй и государственности, Африка, по его мнению, находилась под влиянием созвездий Скорпиона, Рыб и Рака. В 1030 г. такое же соединение планет произошло в Скорпионе, когда арабы оставили пустыни Аравии, наводнили своими армиями почти весь мир, принесли новые законы, уничтожили религию и разрушили Персидскую империю. Это привело почти к полному забвению греческого, латинского и персидского языков в Азии и Африке. Резкие изменения произошли к тому же в Южной Азии, а этот регион подчинен Тельцу, Деве и Козерогу. То же соединение звезд произошло в 1484 г., когда неожиданно Италия, покоившаяся в долгом мире, была внезапно разорена своими же армиями, а потом галльскими и испанскими. Эти военные бедствия распространились на западные острова и Новый Свет. Но потом неслыханный мор от болезни, занесенной испанцами, начал опустошать всю Европу. Таким образом, величайшие изменения, которые звезды предсказывали Африке, в действительности произошли в Европе и Америке. В 73 г. от Рождества Христова те же планеты снова встретились в Стрельце, и именно тогда Гальба, Вителлий и Веспасиан изводили Римскую империю. Нигде не велось тогда более

серьезных войн, чем в Палестине, и нигде не было большего кровопролития, чем у евреев, которые, по мнению Птолемея, находились под влиянием Скорпиона. Когда в 430 г. от Рождества Христова планеты вновь встретились в Водолее, неожиданно орды готов, хлынувшие в Европу из крайних северных районов, разорили Римскую империю. В Восточной Азии все было спокойно, хотя именно ее Птолемей связывал с Водолеем. Снова в том же созвездии Водолея планеты сошлись в 1373 г. Германия испытала тогда великое потрясение, Апулия подверглась войне, и отвратительная чума начала распространяться с востока на запад, разоряя Европу, которая тогда ничего общего не имела с Водолеем, как утверждали эти ученые мужи. Такая же встреча планет произошла в 312 г. в созвездии Козерога, которое они отдали Южной Азии. Там произошла бойня, которая перемолола императора с его римскими легионами, когда император Константин захватил власть силой оружия против воли Сената и римлян. Он отменил законы Римской империи и за короткий срок расшатал основы государства. И все это произошло в Европе, которая, если верить Птолемею, не подвержена влиянию созвездий Козерога или Рыб. В этом знаке, однако, великое соединение произошло в 1464 г. В это время деспотии и гражданские войны охватили всю Европу. Эдуард III убил Генриха, короля Англии, правитель татар был изгнан из своего королевства взбунтовавшимся народом и бежал, в прусских городах плелись заговоры, император Фридрих был осажден своим народом в Вене, Людовику XI, королю Галлии, серьезно угрожали заговоры принцев крови, во Флоренции наблюдались большие волнения, города Саксонии развязали войну с герцогом Брауншвейгским, возвысившаяся Албания, порвала с турками и разгромила их в большом кровопролитном сражении. Хотя ничего подобного в Африке не наблюдалось. Это же соединение произошло в Рыбах в 1524 г., когда Галлия была взбудоражена гражданскими распрями, а вся Германия сотрясалась от схваток знати и народа. Король Галлии сам был захвачен в плен⁷⁶, а немного позднее Рим был взят испанцами, а Родос — турками. Потом было великое наводнение, которое, как предсказывали, затопит весь мир. А о происходящем в Африке я что-то ничего не слышал. Но можно бесконечно приводить подобные примеры. Противоречивость выводов Птолемея вскрыли реальные события и войны. Наблюдения или математические расчеты показывают, какие постоянные величины оказывают большое влияние на каждый регион Земли. Но ничего определенного невозможно сказать о действительных явлениях, если исходить из принципов Птолемея и Кардана. Хотя я не сомневаюсь, что располагая мы результатами более продолжительных наблюдений, то, возможно, более точная картина предстала бы нашему взору. Например, как свидетельствует Полибий, 160-я Олимпиада совпала с большими переменами в мире. В тот период младший Филипп пришел к власти в Македонии, Антиох — в Средней Азии, Птолемей Филопатор — в Египте, Ганнибал — в Карфагене, Ликург Младший — в Спарте. Это было время крупных войн между римлянами и карфаге-

нянами, антиохийцами и Птолемеем, ахейцами в союзе с Филиппом против спартанцев и этолийцев. К тому же у Диодора и Юстина мы прочтем, что восстания рабов в то время прокатились по Сицилии, Греции и Азии. Предводитель беглых рабов вторгся в Италию со своей разбойнической армией в то время, когда пираты стали хозяйничать в Средиземном море. А в тот период, когда Магомет пообещал свободу рабам, христиане также даровали им свободу, так что следов рабства почти не осталось. С другой стороны, тирании распространились повсюду почти в то же время, когда великий Магомет нанес поражение двум императорам и четырем королям. Людовик XI первым правил через серваж, Христиан навязал шведам ужасную тиранию, Задамах — татарам, Эдуард III, когда был убит король, — англичанам, Киркасский Мамелюк — египтянам, Юсуп Хасан — персам, Пандульфо — народу Сиены, Валори — флорентийцам, Сфорца — миланцам, Бонтиволио — жителям Болонии, Балиони — перуджийцам.

Нам осталось еще сделать вывод о пользе записей и порядка. Некоторые времена рождают большое количество мудрецов. Были времена, когда память об изящном письме стала угасать, но затем появились те, кто снова вернул ее к жизни. Платон, Аристотель, Ксенократ⁷⁷, Тимей, Архит⁷⁸, Исократ и бесчисленное количество ораторов и поэтов творили в одно и то же время. После долгого перерыва появились Хриспп, Карнеад, Диоген-стоик и Агесилай. Варрон, Цицерон, Ливий, Салюстий также были почти современниками. Далее стали знамениты Вергилий, Овидий и Витрувий, а недавно Валла, Фичино, Гацци, Виссарион и Мирандола преуспели в одночасье. Если кто-либо, собрав свидетельства о памятных делах [былого], сравнит их с великими делами современности и установит взаимосвязь между регионами и сменявшимися друг друга государствами, то ему откроются многочисленные знания об обычаях и характере народов, а это позволит ему сделать более надежные и верные заключения о каждом виде истории.

ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ

История по большей части имеет дело с государством и с изменениями, происходящими в нем, поэтому для достижения понимания предмета мы должны коротко объяснить причины зарождения, развития и гибели государств, особенно потому, что нет ничего более плодотворного и полезного во всей истории. Многие вещи выглядят очень ценными для познания природы души и являются превосходным материалом для установления моральных правил каждого человека. Но знания, почерпнутые из чтения истории, о появлении городов, их росте, созревании политических форм, разложении и гибели также очень необходимы, причем не только для отдельных людей, но и для всех и для каждого. Так, Аристотель думал, что не может быть ничего более нужного для установления и сохранения сообществ людей, чем знание науки об управлении государством. Но даже в обсуждении этого предмета мнения великих столь различаются и расходятся, что на нем стоит остановиться особо, так как за многие столетия не нашлось до сегодняшнего дня никого, кто бы объяснил, что является лучшей формой государства. Платон думал, что наука управления государством не настолько сложна, чтобы никто не смог ее понять, поэтому он защищал метод строгого определения законов и утверждения на их основе надежных форм управления. Если мудрый человек, собирающий все традиции всех народов и их законы, возьмет на себя труд сопоставить их, то из них он способен вывести лучший образец государства¹. Аристотель, Полибий, Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Дион и Тацит, видимо, следуя этому плану, настолько далеко продвинулись, насколько могли, но даже они не достигли цели. Следуя Аристотелю, Полибий, Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Дион и Тацит (я опускаю тех, чьи работы утрачены) оставили много разнообразных и важных идей о государстве, рассыпанных в их книгах. Макиавелли также написал много полезного об управлении. Мы должны помнить о том, что после вторжения варваров многое кануло в Лету. Высказывания Макиавелли являются вершиной государственной мысли, и в них я не могу найти ничего, что вызывало бы сомнение. Тем не менее я намереваюсь писать более полно, с большей пользой и с величайшим уважением к истине. Макиавелли соединил в себе знание произведений древних философов и историков с практическим опытом. Но Джовио считал, что государственной деятельностью Макиавелли занимался исключительно для собственной выгоды и что это его недостаток. Следуя ему, Патрици², Т. Мор, Робер Бретонский³,

Джаримберто⁴ написали серьезные и многословные трактаты о становлении традиций, сдерживающих людей, о просвещенном государе и основных законах, но они оставили довольно скупые замечания о развитии государства. В их трудах нет ничего об изменениях в управлении, и они даже не упоминали о таких вещах, как планы и тайные замыслы правителей, как их называл Аристотель, или тайны империи, по определению Тацита. Другие устремляют свои взгляды дальше, так как через историю можно построить те идеальные типы управления, которые так и не стали основой ни одного государства. Я исключаю Контарини⁵, который не только разделял всеобщее восхищение в отношении типа управления Венецианской республикой, оценивая этот опыт как наиболее удачный, но даже предлагал его как образец для подражания. Этими людьми исчерпывается список авторов, произведения которых посвящены государству.

Но даже если они писали о предмете так, как должно, я никогда не буду рассматривать их метод как единственный способ понимания этого материала, заслуживающий внимания. Как велик этот материал, если даже обращение к нему стольких писателей отнюдь не исчерпало темы. На этот счет мне кажется полезным для метода, которому я намереваюсь следовать, изучить споры философов и историков о государстве и сравнить империи древности с государствами наших дней. Когда материал должным образом будет изложен на бумаге, тогда всеобщая история государств предстанет в более ясном свете. Мы извлечем из дискуссии несомненную пользу, если сможем легко понять, что законы необходимы и при монархии, и при народных формах правления, и при аристократических (законы являются столь же разнообразными, как и формы правления). Но что может быть важнее наступления на авторитеты в споре и подтверждения написанного ими необходимыми доказательствами. Основой в этом споре станут определения гражданина, города, государства, высшей власти и суда, данные Аристотелем. Затем нам кажется необходимым выразить и обосновать наше мнение по каждой из существующих точек зрения и опровергнуть ошибочные оценки смешанной формы управления государством. Мы, в свою очередь, намерены обсудить три типа управления, потом коснемся изменений в империях и, наконец, поговорим о лучшей форме управления.

Кто является гражданином?

Аристотель определил гражданина как лицо, наделенное избирательными правами, которое может участвовать в судебных разбирательствах и нести службу. Но это определение, как признал сам Аристотель, подходит только к народным формам правления⁶. Но поскольку в любом определении мы должны стремиться к всеобщности, то, следовательно, в соответствии с идеей Аристотеля, никто не может быть гражданином, если он не родился в Афинах во времена Перикла. Ибо все другие могут быть изгоями или чужаками в своих собственных городах, могут быть лишены почестей, юридических прав и участия в об-

щественных советах. Но как же быть с императором Антонием, который издал указ о том, что все свободные люди в пределах Римской империи могут быть римскими гражданами? Если следовать Аристотелю, многие римляне оказались бы чужаками, потому что им было бы отказано в общих гражданских правах. Поскольку такое положение абсурдно, то и все вытекающие из него следствия должны представляться также абсурдными. Это определение Аристотеля привело к ошибкам Контарини, Джаримберто, Сигония и многих других. Нет сомнения в том, что во многих странах следование определению Аристотеля послужило отличным предлогом для развязывания гражданских войн. Но такое определение гражданина, необдуманно приведенное Аристотелем, не подходит даже для народного государства. Ведь даже в Афинах, где власть была наиболее демократичной, четвертое сословие, слабейшее и беднейшее, но составлявшее большую часть населения, согласно закону Солона, держалось в стороне от почестей, участия в деятельности Сената, вдали от всякой службы, как свидетельствует Плутарх, который определил магистрата как одного из тех, кто пользовался властью, вершил правосудие и имел избирательные права. Говорят, что магистрат — это человек, который выполняет и служебные обязанности, и обязанности гражданина, который имеет право быть избранным⁷, в то время как просто гражданин занимает определенное место в обществе и обладает некоторыми правами. Но разве могут быть точные доказательства того, кого можно называть магистратом, в государстве, где всего несколько должностных лиц допускались в Сенат? Всегда и везде Сенат испытывал недостаток суверенитета и юрисдикции, и часто те вещи, которые им принимались, не становились действительными до тех пор, пока они не были приняты всем народом, или большинством, или государем, в чем мы сможем убедиться позднее. Но стоит ли спорить, когда сам Аристотель в своей последней книге внес в список магистратов так много лиц, не имевших ни власти, ни юрисдикции и, наконец, никаких прав в Сенате? Действительно, когда он назвал государство машиной правосудия и гражданским телом, то все-таки основой он считал все население, представляющее собой людей без прав и службы, тогда как государство могло быть только машиной граждан и магистратов. Но если множество людей собрать в одном месте, лишив их законов и управления, не обеспечив никакой защиты общественных интересов, где каждый будет обустраивать свои личные дела при отсутствии наказаний, которые удерживают безнравственных, и без наград, которые воздаются примерным, то в чем это сообщество может походить на государство? При таких условиях это сообщество не должно, конечно, называться городом-государством, но только анархией или чем-либо другим, отличающимся от гражданского общества, так как люди подобного сорта не подчиняются государству и, как сказал Гомер, закону⁸. Действительно, Аристотель никогда не определял высший авторитет, который он сам назвал верховной властью⁹, призванной воплощать величественность и являющейся определяющим условием существования го-

сударства. Но мы не думаем, что он был намерен детально описать ее, когда точно определил три, и не больше, функции правительства¹⁰. Первая — собирать Совет, вторая — назначать чиновников, последняя — отправлять правосудие. Но власть, которая называется высшей, должна быть такова, чтобы она держалась не только авторитетом суда, иначе она не является высшей (если речь не идет о том, что какой-либо человек или государь становится бесконтрольным). Более того, человек, наделенный суверенитетом, если это не сделано временно, может вовсе и не занимать официальный пост, но быть государем, выше которого нет суверенитета. Поэтому среди этих трех функций нет ни одной, в которой бы высшее величие власти могло быть отражено, исключая деятельность магистратов, контроль за которой принадлежит государю, или народу, или большинству, в соответствии с типом государства. Ярким атрибутом верховной власти является право утверждения и отмены законов, объявление войны и мира, принятие окончательного решения по спорным вопросам, наконец, власть над жизнью и смертью, право миловать и награждать. Но если мы допустим, что Аристотель хотел определить не суверенитет, а только порядок управления государством, то тогда мы должны допустить, что он никогда не определял суверенитет или тип правления, приемлемый для всех, потому что форма управления государством определяется положением и носителем верховной власти.

Пока государство действительно сильно, власть продолжает укрепляться, возможно даже, что она находит свое краткое и сжатое выражение в решениях, приказах и наказаниях. Здесь нет четвертой функции. Три упомянутые охватывают все функции государства — военные и гражданские дела, почести¹¹. Например, Сенат решает вопрос о войне, государь утверждает это решение, солдаты выполняют его приказ. В судебных разбирательствах на отдельных судей и защитников возлагается принятие решений, чиновники отдают приказы, а общественные службы должны их выполнять. Эти вещи часто возлагаются на одного и того же человека. Так, судебные декреты и оглашаемые эдикты, эти объявления, которые римляне называли “приказами”, не несли в себе всей силы высшей власти, потому что столь низкий уровень решений и наказаний не исчерпывает всего правительственного правосудия. Теперь позвольте нам привести доводы, которые являются более убедительными, чем те, что приводились раньше. Полагая, что семья является точным подобием государства, тем не менее я считаю, что опыт семьи не может распространяться на опыт одного человека, подобно тому как государство не может развиваться в рамках одной семьи или даже гильдии. Но если группу из нескольких человек собрать под одной крышей, то каждый не сможет командовать каждым. Или один будет командовать всеми или несколькими отдельными людьми, или вся группа будет определять действия нескольких человек. Семья или община не может сохраняться в течение длительного времени исключительно тем, что их объединяет только внутренняя связь. С другой стороны, ес-

ли несколько человек связываются вместе личным авторитетом одного или его внутренней властью, например муж, его жена, дети, слуги или несколько компаньонов, они образуют семью или гильдию. Наличия трех человек уже достаточно, чтобы составить гильдию. Об этом писал Нератий Приск¹² под заголовком “О применяемых отношениях”. Ульпиан определил в части “Отречение” под заголовком “О существующих отношениях”, что в семье три ребенка и их мать могут подчиняться власти отца семейства. С этим согласен и Апулей¹³, который писал, что пятнадцать человек образовали поселение — это пять гильдий, или три семьи. Каждая семья имеет в составе пять человек, а гильдия — три. Затем три или более семьи, или пять и более гильдий, образуют государство, если они соединяются вместе законной властью авторитета. Если, с другой стороны, семьи или сородичи отделяются от других и не могут контролироваться какой-либо верховной властью, тогда вся эта группа будет являться анархичным сообществом, но не государством. Совершенно не важно, проживает ли семья в одном доме или в разных местах. Ведь говорят, что если отец живет отдельно от детей и слуг или они, в свою очередь, отделены друг от друга, то всегда во власти отца собрать семью под одной крышей, воспользовавшись своей законной, но ограниченной властью. Я говорю “ограниченной”, так как главным образом семья отличается от государства тем, что последнее имеет окончательный общественный авторитет, собственные законы, создает условия для применения их в действии. Поэтому до сих пор это управление осуществляется над многими семьями, даже если они проживают на разных территориях, при условии, что они находятся под защитой этой же (государственной) суверенной власти: или только один управляет всеми, или все — каждым, или несколько — всеми. Из этого следует то, что государство есть не что иное, как группа семей или родственников, подчиненных одной власти. Гражданином же является тот, кто пользуется общими правами и защитой власти. Цицерон определил государство как группу людей, объединенных для достижения жизненного блага, которое и является высшей целью, но не как власть или магистратуры¹⁴. Это определение равно применимо к объединению и пифагорейцев и людей, которые объединяются вместе для достижения жизненного блага, но тогда произойдет большая путаница в определении государства и простого объединения людей. Кроме того, семьи вилланов не хуже семей богатых до тех пор, пока остаются людьми, так же как и богатые.

Необходимо дать и общий обзор, касающийся правления. Кто сомневается в том, что любая великая империя выросла как противовес анархии, в борьбе с разрушительными силами? Определение государства, предложенное нами, применимо к древним городам и территориям, удаленным друг от друга, которые, однако, могут входить в состав одного государства при условии, что они контролируются одной властью. Теория государства не предусматривает каких-либо территориальных ограничений или обусловленностей, связанных с протяженностью гра-

ниц. Сравним и убедимся в том, что муравей такое же живое существо, как и слон, пока каждый из них способен пребывать в движении и воспринимать окружающее. Поэтому Рагуза или Женева, власть которых простирается лишь на то, что находится внутри городских стен, имеют не меньше прав называться государством, чем империя татар, границы которой определить так же сложно, как, например, и пределы солнечного света. Абсурдны слова Аристотеля о том, что большая группа людей, например проживающих в Вавилоне, может быть названа народом, но не государством. Однако один и тот же народ может проживать на территории разных государств, подчиняясь разным законам. Вавилон тоже знал разную власть, но власть, со всеми ее институтами и законами, ограничивалась его стенами. Что же тогда называть государством, если не Вавилон? Определение власти, которое в другом месте дал Цицерон, выглядит еще более путаным — это некоторый союз, основанный на всеобщем одобрении законов, направленных на достижение общего блага. Если мы допустим правоту его слов, то все равно явно недостаточно, чтобы граждане только признавали власть, если в то же время они не будут ограничены законом. Но глупо утверждать, что империя турок, которая включала народы, проживающие вместе, но не подчиненные общей системе единого закона, не была государством, пока народы удерживались в одном государстве при помощи силы и власти. Но это не могло продолжаться долго, должна была возникнуть новая форма управления или, в противном случае, наступила бы анархия. Из этого следует, что государство определяется одной или несколькими властями: властью города-государства, правительством, законом. Но город тогда может претендовать на название “государство”, когда он окружает своих граждан не только правительством и законами, но и многочисленными крепостными стенами. Поэтому зачастую в город-государство входит и ближайшая сельская округа, иногда государством могут считаться города и крепости, объединяемые общим законодательством, государственным положением или окрест лежащими сеньориальными землями, включающими несколько городов-государств, наконец, известно государство, подобное классическому, включающему в себя все эти варианты. Вся гельветийская *civitas* делится на *четыре* кантона. Цицерон написал, что город Тускул входил в сферу римского гражданства. Бартоло¹⁵ разошелся с ним в мнениях в главе “Относительно смысла дел и слов” в части, касающейся названия городов, он определил *municipes* (гражданин муниципального города) как категорию граждан, не подтвердив этого какими-либо доказательствами или авторитетами.

Еще Цензориний в Аппиановой “Ливийской войне”¹⁶ ответил послан карфагенян, что он, вероятно, разрушит город Карфаген, но пощадит город-государство и граждан, признающих его закон, это было обещано римлянами. Ведь город-государство состоит не только из стен и земли. Кроме того, так как сообщество людей, проживающих в сельской местности, является более закрытым, чем то же сообщество в го-

роде, то в целом город-государство объединен и родственными связями. Город-государство дает своим гражданам не только общее правительство, систему правосудия, законодательство и государственные институты, но также и непосредственно город, город сам по себе, его защиту, торговые места, храмы, общественные здания, улицы, амфитеатры, жертвенники, многочисленных друзей и возможности удовлетворить свои интересы. После распада империи римлян варвары восприняли их государственность и законы, но также сохранили и свои исконные законы. Пришельцы стали гражданами с тем же именем и правами, что и другие жители, имеющие исконные гражданские права и проживающие в римских провинциях. Однако статус последних был выше, и было бы правильнее их называть квириты. Именно поэтому хорошо известный Скавр, дядя Цицерона, который предпочитал жить в Арпине, а не в Риме, сказал на этот счет: "Цицерон хотел бы жить в величайшем государстве, где смелость и доблесть ценятся одинаково и в столице и в провинции". Его племянник-оратор получил не только признание в столице, но и дом, и 50 000 золотых монет. Его противники никогда не называли его *povus homo*, или иноземец. Хотя он действительно был *povus homo*, потому что первым в своей семье достиг таких почестей. Его сын мог считаться *nobilis*, потому что имел отца, который был *povus homo*¹⁷. Позднее его презрительно называли пришельцем, потому что он родился в Арпине, а не в Риме. Из этого следует, что гражданам римлянами давались различные названия, уроженцы города имели лучшие позиции, чем граждане колоний. На первых распространялись также традиции, законы и привилегии, даже если они не были жителями тех областей или города, которые пользовались уважением и куда допускались только свободные. Но было время, когда муниципалитеты обладали таким же правовым статусом, что и колонии, за счет бессилия народа и упадка рода римлян. Специальное определение юридических прав колоний было сделано муниципалитетом во времена Тиберия. Тогда колонии смогли отвергнуть эти права и предпочли пользоваться своими собственными законами и традициями, но не римскими, как писал Геллий. Но в действительности они были гражданами государства, а не собственно города. Помня об этом, мы должны толковать закон Юлиана, при помощи которого в ходе гражданской войны римляне добились гражданства для всех жителей других городов, расположенных на подвластных им территориях. Не совсем верно то, что они не были гражданами раньше, но верно то, что они не пользовались в полном объеме правами и почестями. Потом постепенно это право было распространено на всех жителей Италии. Затем жители колоний, о чем Ульпиан рассказал в главе об обложении налогами, получили права римлян. Согласно списку Плиния, оставшееся население было данниками, но некоторые уступки делались и для этой группы. К другой группе принадлежали свободные, добродетельно опекаемые собственным правительством. К этой группе относились альбы, мельды, битуригии, сантоны, тарбеллы, арверны, нервии, верунии¹⁸. К гражданам относились все греки,

спартанцы, афиняне, а потом, благодаря благосклонности Нерона, даже ахейцы. Другая часть была свободна или федеративна и пользовалась привилегированными правами гражданства. К этой группе относились жители Массалии, эдуи и карнуги¹⁹, хотя реально они не были гражданами, но, проживая недалеко от Рима и (находясь) под римской властью, они пользовались несколько ограниченным правом свободы и освобождения от налогов. “Жителям Афин, Родоса и многих других известных городов Рим возвращал их свободу и законы без какого-либо ущемления при условии, что город соглашался выплачивать дань евнухам М. Антония”, — говорит Сенека²⁰.

Во введении к VI книге Плиний разъясняя своему египетскому другу принципы гражданства, делает это на примере обеих Александрий и Рима. Кроме того, Ливий в XXIV книге написал: “Колонистами считались жители Путеолы, Салерно и Буксента”. Когда они самочинно распространяли на себя гражданские права, то им был объявлен приговор Сената, запрещающий это. Спор завязался вокруг избирательного права и вокруг почестей, ведь ничего более значительного и более ценного нельзя дать гражданам. Но в решении Сената однозначно не оговаривалось, что они не являются гражданами, иначе в противном случае они должны бы были быть признаны иностранцами. Даже Бозций признавал, что, согласно Цицерону, римские граждане допускали умеренное принижение статуса переселенцев в провинции, когда имели там сильную власть. В этих обстоятельствах они часто теряли свое гражданство, избирательное право, потому что меняли место жительства, отстранялись от участия в священных церемониях, так как переставали быть членами общины. Однако муниципии и провинции постепенно добились распространения на них права почестей, права на определенные служебные места, на социальные привилегии, права наделения законодательными обязанностями, права формального владения общественной собственностью, заключения браков между людьми различных национальностей, однако одни группы получили больше, чем другие. У ряда писателей, и в частности у Ливия, гражданами назывались те люди, которые обладали муниципальными правами, или правами римлян, или правами жителей провинций, или правами жителей территорий, подчиненных римским провинциям, или правами итальянцев, среди которых также можно выделить два типа — в самой Италии и в провинциях, все это следует из текста под названием “О переписях”.

Но если слово “гражданин” одно для всех, то само его наполнение является относительным, потому что измеряется почестями, избирательными правами, участием в советах, в принятии законодательных решений и освобождением от налогов. Особенно после того, как закон Юстиниана²¹ установил гражданский статус для всех, проживающих в данной местности. Вдобавок закон Антонина Благочестивого о положении человека содержал такие слова: “Те, кто живет в римском мире, являются римскими гражданами”. Он пожаловал гражданство не только ближайшим, но и всем провинциям. Но он не уравнил, как многие

ошибочно полагают, итальянские провинции с префектурами Италии, или префектуры Италии с муниципиями, или итальянские муниципии с римскими, или римские муниципии с римскими провинциями, или жителей римских провинций с квиритами, или квиритов с римлянами. Однако почему же правоведам, которые проявляют великое усердие, так трудно определить права римлян, права итальянцев и права жителей муниципий? Сцевола, Папиниан, Павел, Гермоген, Марцелл и Модестин жили уже после Антонина Благочестивого, который обнародовал этот закон. Панвинио ошибся, когда решил, что этот закон был принят Каракаллой, как он писал в LXXVIII главе своего сочинения. Более того, утверждение Диона о том, что Север пожаловал александрийцам право называться сенаторами, может быть ложью. Почему принято считать, что гражданство было пожаловано законом Юлиана жителям других соседних провинций, если к тому времени они уже добились свободы и покровительства власти? Почему для того, чтобы добиться гражданства, они вели столь длительные войны? Причиной, конечно, является то, что они добивались права голоса в собраниях и почестей. То есть того, что называлось правами римского гражданина. Им позволялось требовать расширения прав даже без права голоса, вместе с тем они пользовались некоторыми частными законами римлян, которые на других никак не распространялись, так, они даже были свободны от дани. Правоведы объясняют различные права различных групп. Дискуссии по этому поводу могут быть весьма длительными. По закону Антонина все люди, которые могли называть себя урожденными римлянами, даже в провинциях попадали в категорию *pobilitas*, об этом Юстиниан писал, отмечая, что [местные] должностные лица имели право вершить над ними суд до тех пор, пока подсудимые не апеллировали к верховной власти, которая могла возратить им свободу и восстановить в правах. Случай, когда святой Павел, отец которого купил гражданство, обратился с просьбой к императору о милости, отличался от случая с Фестом, на подобную просьбу которого Агриппа сказал: “Можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решил правитель послать его к кесарю”²². Плиний Младший, писавший Траяну о христианах, рассказывал: “Те, кто были гражданами, как я определил, были отправлены в город”²³. Не только в Римской республике, но повсюду мы обнаруживаем эти различия в правах граждан. Внутри этих групп римляне делились на патрициев, всадников (звание ниже баронета) и плебс. Древние египтяне подразделялись на духовенство, солдат и ремесленников. Диодор писал: “Среди наших предков были друиды, воины и крестьяне. Сегодня мы выделяем духовенство, нобилиев и плебс”. Среди венецианцев выделяются нобилии, граждане и плебс, среди флорентийцев — нобилии, народ и плебс, народ в целом подразделяется на три группы — более могущественные, обычные и приниженные. Платон выделил стражников, солдат и крестьян. Каждая группа в любом обществе отличается от другой правилами поведения, отношением к закону, служебным положением, избира-

тельными правами, привилегиями, почестями, статусом, налоговыми льготами и по другим позициям. И вместе с тем все они являются гражданами государства, подобно различным частям одного тела. Святой Павел справедливо сказал: “Будет ли ступня утверждать, что раз у нее нет глаз, то она не часть тела?”

Конечно, совершенной глупостью должны выглядеть слова Аристотеля о том, что различные категории граждан могут быть частично гражданами, частично иностранцами²⁴. Суть вещи и ее название должны соответствовать друг другу. Но то, что сказал Цицерон, кажется нам еще более неясным: “Ни один человек не может быть гражданином своего собственного государства и римского государства одновременно. Хотя среди греков это допускалось”²⁵. Я думаю, что система двойного гражданства распространяется на всех, Цицерон же высказывался за это только в отношении почетных граждан. В своей речи, обращенной к Корнелию Косноязычному, он сказал: “В прежние времена многие римские граждане, не подверженные ни гонениям, ни притеснениям, оставляли свои владения по своей собственной воле и отправлялись в другие города”²⁶. И немного позже: “О, замечательные законы, по которым ни один из нас не имеет права получить более чем одно гражданство: претендуя на второе, любой мог лишиться и своего собственного и поэтому должен был даже без особой охоты оставаться в своем первоначальном гражданстве”²⁷. Гермоген трактовал это во фрагменте под заголовком “Муниципальный закон”, уточнив, что, действительно, каждый может быть гражданином одного государства и только почетные граждане — двух²⁸. Однако должно быть признано, что определенный человек может быть лишен гражданства один или даже несколько раз властями или постановлениями, зачастую противоречащими друг другу. Что тут поделаешь, если один приказал, а другой отменил этот приказ? Ульпиан писал, что по “Муниципальному закону” свободный человек может быть признан гражданином двумя правительствами. Это касается случая, когда одно государство находится под властью другого, (как некогда префектуры, провинции, муниципии были под римским управлением) и каждый человек должен повиноваться законам своего государства и вместе с тем трепетать перед величием Римской империи. Кроме того, все объединялись в пределах законов общины, охраняющих достоинство государства, в соответствии с древним законом Солонна, который заканчивался разделом “Об общинах”. Более того, я вижу, что наиболее характерное для римлян принималось и всеми другими народами, и когда они отказывались от своего собственного гражданства, то могли совершенно спокойно и безо всякого нарушения закона принять иное гражданство, это допускалось. Я исключая англичан, которые не одобряли самовольной, без предписания, перемены места жительства, как я узнал это от самого графа Рутландского, известного не только богатством и склонностью к расточительству своего рода, но и его доблестями. Чтобы стать бенефициарием или вассалом, достаточно было родиться в этом статусе, но если кто-либо желал передать свое

благородное происхождение другому, то требовалось согласие как высшего, так и низшего лица. Поэтому [в Англии] для того, чтобы стать гражданином, достаточно было принять власть того, на чьей территории ты родился (кандидат принимался, если не было открытых противоречий). Или если по какой-то причине человек решил сменить место жительства, то он должен в новых краях принять местную власть и подчиниться ей, и только после этого его назовут гражданином. При выполнении этих условий он уже не может впредь возвратиться под сень старого закона, так как становится иностранцем и чужаком для своей родины. Как я припоминаю, подобное постановление было принято и Парижской судебной палатой. Можно вспомнить и случай Манцина²⁹, который сдался врагам, но не признал их власть; судья решил, что, по справедливости, он не перестал быть гражданином, хотя трибун требовал иного решения и считал, что тот должен быть удален из Сената как иноземец.

Далее, мы отличаем иностранцев от граждан главным образом по тому признаку, что последние никогда не оспаривают власть отечества, в их число входят и те, кто подчинялись ей под давлением и не являются гражданами по праву рождения, но первые не принимают власть того места, где были рождены, и не готовы подчиняться другой. Это отторжение приводило к тому, что они оказывались то союзниками, то врагами, а то принимали нейтральную сторону. Аппиан писал, что был свидетелем того, как посланники многих народов пришли в Рим, чтобы заявить свой отказ впредь подчиняться Риму, но римляне не захотели даже их выслушать. Хотя закон предписывал относиться одинаково и к иностранцам и к гражданам, что соответствовало договору, который существовал среди народов, [населявших империю], и по которому многие вещи объявлялись общедоступными, например жилые районы в городе, религиозные обряды, торговые места, дороги и театры. Власть не подвергала преследованиям тех, кто не был замешан в преступлении или в заговоре. Иностранцам, как не вполне надежным, не доверяли службы, за исключением тех постов, с которыми их могла связать судьба, как писали правоведы. Венецианцы требовали, чтобы иноземцы жили в городе не менее четырнадцати лет, прежде чем стать гражданами, до истечения этого срока они не имели почестей, были лишены общества своих соседей и защиты власти. Непреложным фактом является то, что люди, которые признают власть места рождения, являются гражданами, даже если они рождены от родителей-иностранцев. Это следует из сравнения традиций и институтов всех народов. Немцы в отличие от венецианцев допускали значительные послабления, так как они распространяли почести на иностранцев. Древние римляне и афиняне, также заметно отличаясь от венецианцев, оговаривали, что граждане должны быть рождены родителями, которые уже являются гражданами, о чем Плутарх говорил в жизнеописании Перикла. Позднее был обнародован закон: "Только тот, у кого оба родителя афиняне, является афинянином". На страницах своих произведений Ливий оспаривает пра-

ва тех, кто был рожден от родителей-иностранцев и является гражданином в той же степени, как и те, кто рожден от римского гражданина и спартанской женщины. Тот, кто рожден от иностранных родителей, уравнивается в правах с теми, кто рожден от полноправных граждан. Человек, даже если он был рожден незаконно во Франции, охраняется законами не только на нашей территории, но и в Британии и в Турции. Видимо, существует важная и серьезная необходимость того, чтобы на случай угрозы войны законами всех народов иностранцы лишались гражданства, несмотря на то что как раз для ведения войны требуются граждане. Короли абиссинцев и московитов, однако, говорят, использовали для защиты своего отечества иностранцев, чем нарушали их волю и волю тех, с кем воевали. Поэтому иностранцы спокойно помогали врагам. Но эти вещи мы более подробно обсудим в книге “*De decretis*”³⁰.

Из всего этого становится ясно, что определение “гражданин”, сроспело данное Аристотелем и принятое Контарини, Сигонием, Джаримберто и Содерини³¹, не выдерживает никакой критики. Но чтобы устранить двусмысленность, мы можем спросить, могли ли федеративные правительства создавать на замкнутой территории отдельно взятого государства новые государства? Например, города-государства шведов и города Балтии. Муцием³² и многими другими часто приводится пример, когда гельветы, объединенные в закрытый союз, имели, кроме того, свои замкнутые общества, такие, как город Баден, и служебные места для своих чиновников в многочисленных учреждениях. Но там никто не проводил каких-либо полезных изменений, не соблюдал свято-сти договоров, не учитывал прав породненных узами брака или взаимного влечения, наконец, ничего не предпринималось для укрепления дружеских обязательств. Совершенно иначе обстояло дело в королевстве Галлия и в Испании, которые как раз, наоборот, внешне поддерживали все эти вещи, но по сути шли той же дорогой. Но это не является убедительным примером, даже если они пользовались теми же законами, что действовали во времена римлян, которые переняли их, в свою очередь, у греков. Наконец, это не может быть истиной в тех случаях, когда они [государства] имели столь тесный союз между собой, что совместно выступали против врагов и шли друг к другу с добром, как друзья, это не редкость среди правителей, способных на акт верности и сочувственного понимания.

Теперь осталось коснуться вопросов, связанных с общим контролем и централизацией власти, т. е. коснуться той сферы, к которой я и сам имел отношение. Тринадцать гельветийских городов-государств, три рейнских и семь балтийских областей заключили полноправный союз, условившись, что одни не будут вредить другим, а в случае общей опасности будут совместно бороться против врагов, однако они не создали общих органов власти и не достигли полного объединения. Семь амфикионов были союзом по типу трех этолийских, двенадцати ионических, которые настолько часто собирали общие собрания и советовались друг с другом, что смогли значительно расширить свои террито-

рии и разбили врагов. При этом каждый из этих городов-государств наделялся своим суверенным правом. Так, например, город-государство гельветов отграничился декретами от других настолько, насколько добровольно соглашались, путем дружеских переговоров. В доминионе же, объединенном единой властью, часто происходит так, что большинство связывает всех. Другое мнение запрашивается относительно сорока семи городов-государств римлян, двенадцати городов-государств ахейцев и такого же числа этрусских городов, а также германских имперских городов и княжеств, которые составляли единое государство, потому что они располагались на территории одной империи и находились под единой властью императора. Ахейцы, римляне и этрусски избирали исполнительную власть ежегодно (позднее, однако, они увеличили срок ее полномочий), немцы — пожизненно. Два Филиппа, Антигон, короли македонян были избраны вождями ахейцев, как писали Плутарх и Полибий, а Сервий Туллий и Тарквиний стали таким образом вождями римлян, Кориолан — вольсков, как писал Дионисий. Испанские и франкские короли тем же способом становились германскими императорами. Но свебский союз, который существовал на протяжении сорока лет, и союз балтийских городов отличались от гельветийского только в том плане, что были созданы позднее и собирались только в определенные периоды, и тем не менее они обеспечили могущество Германской империи. Но решения собраний и советов воспринимаются как священные в тех городах-государствах, где не только ценится дружба, но даже приносится присяга личной верности. При этом не предусматривается какая-либо другая ответственность и не может быть какой-либо другой воли или приказа, допустимых при сеньориальных отношениях. Подобный тип отношений связан с властью австрийского государя. В Германии, как нигде, очень большое значение придается обязательствам верности герцогу или графу, что характерно и для другого типа отношений, схожих с вассальной зависимостью. И это действительно реальность, так как древние римляне говорили, что договор несет в себе силу римского народа. Муций начинал главу “О пленных” словами: “Я непоколебим”. То же подтверждает и Цицерон в речи “В защиту косноязычных”. Он говорит, что сила союза имеет столь большое значение, что инициатор его создания самим союзом может быть ослаблен. Город-государство может объединиться с другим городом-государством на основе дружбы, общих собраний, советов, соглашений или в целях совместной обороны, как писал М. Туллий. Кроме того, деятельность учреждений, о которых мы упоминали, была поддержана более вескими доводами императоров и королей. Когда третья сторона объявила войну жителям Цюриха, ибо те имели договор с австрийцами, то они приняли это как должное, потому что третья сторона напала на союзников. Хотя никто не сомневается, что австрийцы были общими врагами гельветийцев и, более того, стояли во главе вражеского стана. По этой причине война против Цюриха не закончилась до тех пор, пока епископы Базеля не вынудили правитель-

ство расторгнуть союз с австрийцами, которые вели двойную игру с другими союзниками Цюриха. Цюрихцев сковывали не приказы друзей, но их собственные обязательства. Некоторым доказательством выгоды следования этому принципу может служить то, что в случае победы земли побежденных отбирались. Города-государства, входящие в союз, утверждали, что завоеванные трофеи должны делиться поровну. Но Франциск, король Франции, который был выбран судьей, решил, что трофеи, захваченные его собственными армиями, а не союзниками, должны принадлежать тем, кто их добыл, в этом он следовал советам Муция. Еще один пример: когда жители Кларос поспешно отреклись от своей древней религии, то большинство союзников восприняли это неодобрительно, и в результате в их среде вспыхнули противоречия. Некоторые отрицали, что народ имел право нарушать договор, заключенный для ведения святой войны, — договор, который торжественно закрепили клятвой не принимать чужой веры. Обращение в новую религию показало, что даже такой акт не может направлять народ, равно как и будущие поколения, против Священного закона. В действительности видно, что этот факт привел к совершенно неоправданной войне, потому что союзники не смогли договориться по совету мудрых людей придерживаться принципа, согласно которому каждый будет исповедовать выбранную религию и подчиняться своему собственному правительству. Этот принцип всегда должен строго соблюдаться, когда величайшие принцы и короли заключают подобные тайные соглашения о дружбе и союзе друг с другом, — соглашения, предусматривающие, что они имеют общих друзей и общих врагов и должны содействовать друг другу и полагаться на обоюдную помощь и поддержку, направленные против любых нападающих без исключения. Поэтому не разрешается вступать в союз с кем-либо или в дружеские отношения до тех пор, пока обе договаривающиеся стороны не дадут на это твердого согласия. Но этим же союзом они свяжут и обязуют себя, свой народ и своих потомков. К таковым относятся союзы, которые заключили Филипп и Людовик XI. Но еще более святым являлось соглашение, заключенное между Карлом V, королем Франции, и Генрихом, сюзереном Кастилии, по которому последний признал Карла как своего высочайшего сеньора. Этот договор, основывающийся на всей ранней истории франков, подготовленный с использованием оригинальных источников, был показан мне Карлом Левузином, моим коллегой, человеком, известным своей эрудицией и основательностью.

Конечно, союзы различных городов-государств, обмен товарами, общие права, законы, религия не делают каждое государство сильнее, но объединение в союз — делает. Союз скрепляется определенной властью. Поэтому король Испании, имея в провинциях доминионы значительных размеров, удаленные на большие расстояния, разрешал отдельным провинциям содержать большое количество городов-государств, которые отличались друг от друга законами и традициями. Ка-

ждый город-государство имеет определенное число деревень, крепостей и поселений, которые подчиняются основному закону, но нет города, который не имел бы своих индивидуальных отличий (исключая области, которые относятся к общине), вовсе не обязательных для других. Даже законы истории являются общими для всех, объединенных под властью одного правителя, организующего большие массы людей, различающихся языком, традициями и религиями. Более того, все королевства всех народов, все империи, тирании и государства соединяются вместе не чем иным, как властью разума и всеобщими природными законами. Из этого следует, что сам мир подобен городу-государству и что все люди объединены, как это задано единой властью закона, ибо они понимают, что в жилах каждого течет кровь и все вместе, и каждый в отдельности подчинены единой опеке разума. Но с незапамятных времен пределы разума неоднократно нарушались, и, действительно, история ни одного государства не должна быть забыта. Поэтому правители, опираются ли они на свои армии, или на силу договора, или на всеобщую добрую волю, — все они ищут законного решения дел, касающихся внешней политики королевства.

Кто такой магистрат?

Имея определение “гражданин”, позвольте нам также определить понятие “магистрат”, ибо именно его фигура является значимой в структуре города-государства. Человека, исполняющего обязанности магистрата, Аристотель описывал как личность авторитетную, справедливую, имеющую совещательный голос, а в заключение он пишет, что все функции государства содержатся в слове “магистрат”. По этой причине почти никто не может быть магистратом, потому что людей, которые соединяют в своей службе право совета, юрисдикцию и власть, всего несколько. Это выглядит довольно глупо, потому что все те, кто несет общественную службу, могут подойти под определение “магистрат”. Из этого следует, что писцы, слуги, советники, общественные служащие, даже палачи могут быть названы магистратами — все те, кого формально, возможно, было бы правильнее называть служащими. Слово “магистрат”, однако, подразумевает власть и авторитет, которые принадлежат этому лицу, поэтому магистрата называют “мастером людей”. Этот предмет был причиной серьезного спора между Эсхиллом и Демосфеном. Так, Эсхилл говорит, что *τεχνοποιός* это мастер. Демосфен отрицал это, он называл эту должность определенным общественным поручением или службой. Кроме того, он определил магистрата как человека, обладающего властью. Эти вещи были более подробно освещены нами в книге “Империя”. Позвольте нам назвать магистратом человека, который обладает частью общественного авторитета. Я подчеркиваю — общественного, который отличается от авторитета отца или рабовладельца. Далее, приказ магистрата не является чем-либо большим, чем распоряжение, в то время как приказ правителя — это решение. Однако авторитет подтверждается как минимум правом налагать

арест. Согласно написанному Варроном и Ульпианом, тот, кто лишен права арестовывать, имеет недостаточные власть и авторитет. И поэтому в городах-государствах магистрат мог взять под арест при необходимости даже тех, кто имеет право не являться по вызову в суд, подобно трибунам плебса. Впрочем, магистраты злоупотребляли своей властью и часто последние вызывались в суд. Среди венецианцев триумвиры и адвокаты могли быть арестованы по обвинениям в преступлении, хотя их также не имели права вызывать в суд. Среди нас право производить арест предоставляется не только магистратам, но даже тем, кого принято называть “комиссарами крепостей”, хотя те не могут нести службу магистрата. Тот, кто имеет больший авторитет, может всегда вызывать [провинившегося] и налагать наказания, в соответствии со своими властными полномочиями, для поддержания правопорядка, который иначе может превратиться в пустой звук. Право взимания штрафов предоставлялось даже тем юристам, которые имели более ограниченные полномочия, чем магистраты. Сфера их действий ограничивалась торговлей. Далее, более серьезное наказание, чем штраф, представляла собой порка, даже допускалось использование для ограниченного круга лиц пыток. Вершиной правовых полномочий магистрата является власть над правом шпaги. В последнем случае магистраты и прокуроры располагают серьезным авторитетом, так как магистру не может быть дано ничего более великого до тех пор, пока он не возвысится до монарха, с его властью над жизнью и смертью. Власть помилования выражается в проявлении величайшего милосердия или жестокости вопреки законам, однако это прерогатива тех, кто является носителем верховной власти в государстве. Но авторитет магистратов основан на высочайших и законных ограничениях. Эти действия часто не укладываются в рамки судопроизводства. Последнее основывается на законах, тогда как власть авторитета может проявляться в декретах или эдиктах. Поэтому мы видим, что личная справедливость — это власть, выраженная в юридических декретах и решениях. Магистраты сами приказывают и наказывают в пределах той компетенции, в которой им дозволено вершить правосудие. Среди нас высшим считается декрет, исходящий непосредственно от верховной власти. Варрон отнес к компетенции одних юристов право ареста и вызова в суд, других — только право привлечения к суду и задержания, иным же он не оставил ни того ни другого. Из этого видно, что он не наделял правами магистрата тех, кто испытывал недостаток власти для [издания] приказов, например эдилов и квесторов. Я думаю, что этот вывод сделан исходя из общепринятого неправильно определения. Кто же будет называть магистратом человека, которому недостает реальной силы и он не может отдать приказ? Хотя этот человек, действительно, может иметь службу и привилегии, но он не наделен авторитетом. Карл Сигоний и Николя де Гручи³³ ошибались, когда, следуя Фесту, полагали, что власть дается через получение должностных мест, но не через авторитет. Такие проблемы не могут быть решены грамматиками, но только правоведами, которые наделяют

власть авторитетом и иногда даже делают ее более сильной. Слово “власть” в устах Павла легиста имеет в основном значение авторитета. Но проконсул является магистратом, и он имеет довольно широкие полномочия (из этого Ульпиан вывел определение “служащий” и сам стал единственным среди всех магистратом, не подлежащим назначению и имеющим всеобщий авторитет). Он определяет власть праведов в статье под заголовком “О юрисдикции”. Текст начинается со слов: “Авторитет”³⁴. В сочинении Лампридия император Александр утверждал: “Я не буду терпеть торговцев властью”. Поэтому, когда эта позиция была выражена в словах эдикта, предписавшего не привлекать к суду консулов, преторов и других, имеющих авторитет или власть, это же положение распространилось и на провинциальных судей. Иначе если то, что говорят, правда, то в суд не могут быть вызваны эдилы и квесторы. Но это противоречит тому, что пишут Варрон и Валерий Максим и что доказываются примерами. Из-за такого отсутствия власти и авторитета через эдилов реализовывалась часть преторианской юрисдикции, как мы узнали из кодекса Юстиниана. Ложь также то, что цензоры имеют власть, но испытывают недостаток авторитета, как писал Сигоний. Что касается их, то они имели право вызова в суд и право ареста, согласно свидетельству Варрона. А ведь эти вещи являются атрибутами власти. К тому же на основе какого же права цензоры могли обнародовать эдикты (так римляне называли судебные решения), о чем в 43-й главе XI книги пишет Ливий и во II книге Зонара? На основе какого права они могли участвовать в выборе сенаторов и королей, если сами подчинялись им? Каким правом пользуются короли, приказывая гражданам и цензорам брать на себя ответственность, созывая Сенат, ведя весь народ к выполнению обязанностей до тех пор, пока они [короли] имеют авторитет, выражаемый в высшем праве вызова в суд и ареста? Варрон в V книге “Латинский язык” отрицал, что последнее дозволялось цензору, консулу, интеррексу и диктатору. Сейчас, действительно, глупым кажется то, что трибуны плебса, которых называли младшими магистрами, обладали достаточным авторитетом. Но даже цензоры, большие магистры, творившие суд при величайших предзнаменованиях, могли лишиться авторитета.

Аристотель каждый раз, когда давал определение магистрата, считал, что это человек, который может выносить решение в суде и собирать Совет, но это не обеспечивает авторитета. Тому, кто заседал в Совете государства, действительно, было дано право декретировать, но не приказывать. И светские судьи, и священный суд имели право издавать декреты, но не могли приказывать. На деле они не имели права призывать к ответу или арестовывать. “Священники, — говорил Цицерон Аттику, — являются жрецами религии, сенаторы — закона”. Но Сенат не мог исполнять то, что содержалось в его декретах, как нам становится ясно из Дионисия. Может быть, священное имеет какой-либо авторитет для всех или только для вызванных в суд? Хотя Ливий и Валерий свидетельствуют, что преторы приводили в исполнение свои решения в

делах о кровосмешении, о монахах, о затушенных очагах. Но ведь священники не имеют права вызывать в суд, хотя они задают каждый вопрос от имени судьи или сам судья выполняет свои основные обязанности. “С давних пор нам запрещено казнить (хотя говорят, что это глупо) кого-либо”. Эти слова принадлежат евреям, от которых и были заимствованы все функции власти. Когда Иудея была сокращена до размеров провинции за сорок лет до второго разрушения храма, как писал один раввин, судебное решение определялось не законом Моисея, а скорее тем, что родственники подсудимого по отцу выносили основной обвинительный приговор злодеям и проводили основные судебные разбирательства. Об этом можно узнать из книг иудеев, а также из комментариев Иеремии. Правитель халдеев считал, что этот [судебный обычай] необходимо записать. Обычные суды иудеев в городах имели обычную власть наказания рабов. Ульпиан писал в главе “О юриспруденции”: “Однажды магистраты публично ответили Понтию Пилату, правителю Иудеи, что он не допускается на их заседания, когда решаются вопросы о вынесении смертной казни кому-либо”. Из всего этого становится ясно, что разделение общественных функций, предложенное нами в III главе, является столь же истинным, сколь и необходимым.

Что такое верховная власть (суверенитет)?

Позвольте нам перейти к обсуждению вопроса о суверенитете, который определяет власть государства, ее тип. Аристотель называет это $\gamma\acute{o}$ $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\upsilon$ $\rho\omicron\lambda\acute{\iota}\tau\epsilon\upsilon\iota\alpha$ или $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\alpha$ $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\eta}$, итальянцы — сеньория, мы — суверенитет (*summa regum* или *summa imperio*). Когда это будет понято, многие неясные и трудные вопросы о государстве будут прояснены. Однако этот вопрос уже был освещен Аристотелем и теми, кто писал об управлении. Я привык думать, что *summa imperio* определялась каждым как власть, представленная магистратами, или как право наказывать и вознаграждать. Обычно по желанию или согласно приказам самих магистратов. Для этого необходимо, чтобы власть магистратов была соединена с верховной властью правителя, что совершенно глупо. Кроме того, более чем опасно передавать всю власть в государстве магистрату, как Содерини хотел показать и как об этом написано в книге Гвиччардини. Когда флорентийцы допустили подобное, то их государство погибло. Иначе дело обстояло среди наших предков и среди ассирийцев. В старейшие времена майордомы³⁵ стали фактическими правителями. Они контролировали власть правительства и тем самым посягали на королевский авторитет. Кроме того, если власть принадлежит в государстве магистрату, то оно не может быть хорошо организованным.

Теперь, сравнивая аргументы Аристотеля, Полибия, Дионисия и правоведов, а их мнения сопоставляя со всеобщей историей, я вижу, что верховная власть заключается в пяти функциях. Первая, и это принципиально, сводится к назначению магистратов и определению служебных обязанностей для каждого. Вторая — принятие, отмена и обнару-

дование законов. Третья — объявление войны и заключение мира. Четвертая — высшая судебная инстанция для всех магистратов и граждан. Последняя функция — право карать и миловать в тех случаях, когда сам закон не предоставляет возможности для помилования или смягчения наказания. Этими функциями в хорошо организованном государстве никогда не наделяются магистраты, потому что в вопросах жизни и смерти не должно быть давления необходимости или случая. Если магистрат издает постановление об этих вещах, то право его утверждения может принадлежать правителям или народу, в зависимости от типа государства. Это служит доказательством того, что данная сфера является священной только для правителей. По мнению правоведов, магистратам приписываются многие функции, например власть устанавливать налоги, определять обязанности и чеканить монету. Но в действительности, как правило, это права правителя, хотя к решению этих вопросов в прежние времена и даже в наши дни часто допускались магистраты. Однако эту проблему я более полно обсуждал в книге “*De iurio imperio*”, в главе о правах верховной власти. Кроме того, когда в демократических или аристократических государствах народ или большинство делят власть с верховным правителем, то результатом является то, что все наиболее важные пункты властных полномочий соответственно принадлежат народу. Чтобы это стало более понятным, проблема должна быть объяснена более подробно. Ее тщательно обсуждали правоведы, но не пришли к единому решению. Может ли магистрат иметь неограниченную власть, или это является прерогативой только правителя? Решение проблемы нашел Генрих VII, когда в Болонии, будучи избран арбитром между Лотарем и Азо, он обещал справедливость и решил, что неограниченная власть принадлежит только правителю. Из этого следовал вывод, что Лотарь прав, а Азо не прав. Все остальные, исключая Алкиатти и Дюмулена, пишут, что правда была на стороне Азо. Но при оценке решения этой проблемы следует исходить из посылки, что оно могло быть воспринято предвзято. “Неограниченная власть” лежит на одном уровне с властью, как это объясняется самим Ульпианом. Этот пункт, однако, должен быть проверен авторитетом магистрата, которым его наделил правитель. Итак, что касается объявления войны или заключения мира, утверждения состава судов или обнародования новых законов, раздачи наград или наказаний, можно ли считать эти функции особенной прерогативой правителя, или они могут частично перекладываться на магистратов? Все склоняются к последнему мнению. Лотарь принял решение о службе человека, которому дана юрисдикция, на основании этого магистраты действуют в интересах общественной справедливости, однако в рамках определенных ограничений. Часто и совершенно справедливо их называют исполнителями и администраторами в суде. В отношении этого Аккурций написал³⁶, что суд олицетворяет власть правительства, но что исполнение решений суда обеспечивается властью других. Так к слову закона, которое производилось претором, добавлялось то, что основывалось на его собствен-

ном авторитете или на высочайшем авторитете правителя. Азо объяснил это как нечто, имеющее прямое отношение только к самому суду. Префект Египта говорил, что даже если оставить в стороне авторитет, то у него имелось достаточно важных доказательств власти. Это мнение часто легкомысленно приводится некоторыми комментаторами, которые не только не ответили на вопрос, но еще больше его запутали. Не только эта проблема, но и бесчисленные вопросы трактовки законодательства обременены величайшими ошибками потому, что до сегодняшнего дня никто из комментаторов не объяснил, в чем различие между действием закона и судебным разбирательством. Вся эта бесчисленная череда писателей не явила ни одного, кто показал бы, что же такое установленный законом процесс, поэтому я надеюсь, не впадая в длительные объяснения, сделать это очевидным и показать, что сила и власть присутствуют в каждой из моих теорий. Сейчас в этом вопросе можно выделить только то, что существует два основных вида всеобщего права — закон и справедливость, на чем и базируется установленный законом процесс судопроизводства. Отношение закона к его исполнению является таковым, что справедливость в действиях магистрата гарантирована. Папиниан, Ульпиан и древние правоведы верили в то, что суд не может осуществлять никакие иные функции, кроме тех, которые продиктованы законом. Сам суд является незначительным процессом, обеспеченным законом. Само разбирательство должно подчиняться не желаниям членов суда, но только самому закону. Любому гарантировалась справедливая защита его интересов и его собственных прав, которые не могли перейти к другому. Преторы и судьи общественного суда (этот пример приведен Папинианом) могут, не ссылаясь на авторитет других или на авторитет суда, уменьшить суровость или мягкость закона, но при этом они должны выразить свое отношение, обнародовав свое мнение в устной форме или письменно: A.C. или N.L. — я освобождаю или я приговариваю. Этот подход никто не поддержал, потому что приговор должен быть подтвержден приказом, ведь репутация, жизнь и, наконец, судьба гражданина не должны зависеть лишь от судейской воли, над ним властен только закон. С другой стороны, гражданские дела, поскольку они не менее ответственны, не могут быть полностью охвачены законом и [им пренебрежены], потому что их число бесконечно. Они оказались обойденными вниманием преторов городов и провинций, потому что в житейской практике не было установлено непрерывных границ законодательного процесса. Многие вопросы решались на основе собственного чувства справедливости и благочестия, без обращения к закону, иногда даже вопреки ему, или суду, или точке зрения магистратов. Наконец, судьи могут обнародовать постановления, вносить в них поправки, изменения, усовершенствования или делать законы более суровыми по своему собственному усмотрению. Кроме того, мне кажется верным определение, которое дал Бартоло судье, назвав его “nobile” и включив в его обязанности проведение судебного разбирательства на основе закона при работе за жалованье. Это положение

немногим отличается от рабского, только судья — раб закона. Магистраты приводят закон в действие, выступая защитниками правил судебного процесса, и их посылали в города, если преторы не владели установленным законом процессом или даже если они ограничивали стороны в гражданском процессе. Не совсем верно, ссылаясь на то, что магистрат, следуя воле закона, тем не менее выполняет функции судьи в полном объеме, называть его менее правдивым и справедливым. Он является тем, кто в пределах своей компетенции имеет авторитет, или полномочия, или что-нибудь в этом роде, основываясь исключительно на своей собственной воле, которую он вправе применять к другим, как об этом написал Ульпиан в части “О юрисдикции”: “Действуя в согласии с обычаем наших предков”. Но человек, имеющий определенное предписание, не может сообщить факт, доверенный лично ему, кому-либо другому, как это бывало в действительности. В этом случае он может быть обвинен в преступлении, подобном воровству. Это касается не только отдельного гражданина, но также и магистрата, который получил юрисдикционную доверенность от другого лица. В отрывке под заголовком “Относительно службы человека, которому предоставляется юрисдикция” Юлиан написал, “что магистрат может иметь полномочия от кого-то, т. е. не его собственную [юрисдикцию], а кем-либо ему переданную”. На протяжении долгого времени судьям разрешались многие вещи под вывеской закона и многие частные прецеденты включались в общий закон. Теперь же ясно, что они [судьи] руководствуются своим собственным правом, когда соглашаются на какую-то особенную службу для себя, все остальное принадлежит закону или тем, кто уполномочен им. Из этого можно понять, что преторы не имели неограниченного авторитета над общественными магистратами или полной власти наказывать, но были наделены ограниченным правом наказания в пределах действия закона и согласно понятиям о справедливости, подобно тому ликтору, обращаясь к которому Брут сказал: “Действие ликтора согласуется с законом”. Кроме того, человек, который имеет чрезвычайную компетенцию в разбирательстве тяжчайших преступлений, по собственной воле затрудняется не ограничениями в применении строжайшего или унижительного наказания, а только предусмотрительностью и опасениями, что он нарушит традиции, как писал Ульпиан в главе “О наказаниях”, начинающейся со слов: “Сегодня...”. По этой причине он обладает властью наказания — правом шпаги. Таким же образом римские консулы при рассмотрении дел, связанных с армией, имели власть объявлять войну по праву своего служебного долга, потому что они могли вести наступление на врага или атаковать его, а также руководить системой снабжения или воинской дисциплиной. Следовательно, консулы могли отказаться от договора или заключить договор с самнитами и нуманийцами без всяких на то приказов. Поэтому, когда гальветийцы заключили союз с трамулийцами и армии обменялись заложниками, заключившие это соглашение должны были бы заплатить своими головами, если бы правители его не утвердили. Ибо толь-

ко правителю принадлежало право объявления войны, равно как и заключения мира. Поэтому Катон полагал, что Цезарь обязан был окружить галлов, поскольку он объявил им войну, воспользовавшись своим собственным авторитетом. Когда военачальник получал власть утверждения мирного договора или объявления войны в рамках определенных законов и условий, то эти полномочия являлись исключительными, и он не мог превысить предоставленную ему власть или передать ее другому. Он не имел этого права по своему служебному положению и авторитету, но имел право проявлять инициативу в строго ограниченных рамках. С другой стороны, диктатор имел право объявления мира и войны, право над жизнью и смертью и контроля над всей страной на основе авторитета своего собственного положения, но право это принадлежало ему временно, пока он был диктатором государства. Его прерогативой была не собственно служба, но лишь попечительство. Авторитет магистрата является особенным, но он в своем распоряжении никогда не имел каких-либо постов или почестей, которыми он мог наделять других или оставлять за собой, ответственность лежала на нем до тех пор, пока не истек срок его службы или пока его не лишал полномочий тот, кто их ему предоставлял. Это имел в виду Ульпиан, когда сказал: "Я оставлю службу, если только единожды возьму мзду". Это помешало Алкиатти. Более того, когда умирает правитель или человек, который представлял верховную власть, то управление государством поручается магистрату или отдельному человеку, облеченному властью закона. Действие закона отменялось, если он был принят до закрпления властных полномочий. Хотя высшая власть должна передаваться по наследству, как вещи, я, однако, касаюсь этих проблем более полно в определенном месте. Этот материал подробно обсуждается мной в книге "De império". Более трудным представляется вопрос о том, нуждаются ли сенаторские постановления в санкции правителя или тех, кто имеет высший авторитет в государстве. Это совершенно необходимо, потому что правитель является главой Сената (Государственного совета), и поэтому все постановления должны быть утверждены правителем. В каких-либо исключительных случаях они вообще могут не иметь никакой силы, потому что тогда сам правитель отдает приказы. С другой стороны, Сенат не имеет ни авторитета, ни юрисдикции, если уступает правителю или народу право утверждения актов Сената. Если и есть кто-либо более ответственный или более причастный к верховной власти, то обычно ссылаются на правителя. Мы тоже имеем этот закон, но в народном государстве или при правлении аристократии он не может быть выражен настолько явно, потому что ни народ, ни правящее большинство не могут взять на себя даже часть руководства государством или всю ответственность за него. Если они и могли бы сделать это, то подобный путь оказался бы весьма опасным, потому что материалы наиболее секретных решений Государственного совета становились бы доступны толпе, но без ее должного понимания эти решения невозможно было бы утвердить. Это подтвердил Дионисий во II

книге: “Даже Сенат римлян не являлся высшим арбитром в вопросах, которые он решал, но один лишь народ”. Подобные же выражения часто попадаются на страницах книг Ливия, например: “Сенат решил”, но “народ приказал”. Описывая власть Сципиона Африканского, он говорит: “Все правительство города-государства лежит ниже тени Сципиона, его явное одобрение заменяет решения Сената и приказы народа”. Но Цицерон сказал: “Никто не может получить статус неприкосновенности до тех пор, пока плебс или народ не прикажет”. Поэтому консулы Сената избирались ежегодно. Катон, который, в свою очередь, опирался на VII книгу Дионисия, приводит противоположную ситуацию, которая точно имела место среди афинян, как написал Демосфен в своей речи “Против аристократов”, у них решения не учитывали мнения народа или плебса. То же самое [правило] действовало среди магистратов и в отношении их постановлений. Магистры имели право выносить высшие приговоры лихтерского штрафа после *Lex Aeterna*, в соответствии с которым вынесение приговора или наложение высшего штрафа стало прерогативой суда плебса. Это упоминается у Ливия, в его XXV книге, и неоднократно у Валерия. Если существует особая ответственность только народа в одобрении законодательства, то никогда не говорят о приказах магистратов или решениях Сената как о законах, имевших противоречия в вынесении решений о наказании или помиловании, о применении силы и власти. Носителю верховной власти присягали не только магистраты, но и все население, как пишет Аппиан в I книге “Гражданских войн”³⁷. Как следует из XII таблиц и священных законов, никто не может исполнить свое решение, если его не поддерживает народ, так как лидеры собрания не могут принизить общественную справедливость или постановления муниципальных законов, муниципальные законы не могут противоречить законам города-государства, законы города-государства — законам империи, подобно этому и отдельные граждане не могут быть унижены властью магистратов, или магистраты — властью Сената, или власть Сената — властью плебса, или власть плебса — силой народа, пока он является высшим авторитетом и правление остается в его руках, а также пока не начнется опасное распространение власти консулов на толпу, хотя это может быть необходимо в случае, когда все решения Сената должны утверждаться народом. Сенат должен получить гарантии от народа, что он будет иметь отношение к управлению государством, за исключением права утверждения состава судов, провозглашения законов, заключения мира и объявления войны, вынесения смертных приговоров и права высшей апелляционной власти. Это должно показать силу верховной власти народа, носителем которой он является. Это с очевидностью следует из речи консула М. Валерия, советовавшего с Дионисием, а также из мнения Полибия, высказанного им в отношении приказа Сенату, по которому он не мог злоупотреблять своей властью. Трибунам плебса было разрешено выдвигать обвинения против консулов Сената. И хотя, когда шло обсуждение в Сенате, приглашенные трибуны

допускались только до дверей, однако старший консул не имел права вручить три таблички с буквами “А.”, “С.”, “N.L.” — одобряю, осуждаю, воздерживаюсь. В более поздние времена они допускались до входа в Сенат.

Еще раз подчеркнем, что власть, которой обладали Сенат и магистраты, значительно отличалась от верховной. Иными словами, должно быть признано, что верховной властью облакаются те, кто принял ее от других. Если то, что утверждал Полибий, кажется глупостью, то глупостью должно выглядеть и то, что верховная власть частично была у народа, частично — у Сената, частично — у Совета. Далее, он думал, что форма правления должна быть смешанной — аристократия, монархия и демократия в одном государстве в одно время. Это мнение разделяли Дионисий и Цицерон, затем его поддержали Макиавелли, Контарини, Т. Мор, Джаримберто, Мануций³⁸. Мы должны опровергнуть их в споре, так как предмет этого спора является краеугольным камнем в понимании истории государства. Когда флорентийцы озлобленно оспаривали право восстановления свободы людей, то это не выглядело мудро и было действительно опасно в силу угрозы распространения секретов государства среди толпы. В результате было решено, что они изолируют отбросы плебса, которые по закону не могут нести службу. Но законы должны устанавливаться народом, и магистраты также должны избираться народом. Все остальное могут регулировать Сенат и народные магистраты. Об этом писал Гвиччардини. Из этого должно быть ясно, что право верховной власти проявляется главным образом в символах верховной власти. Более того, в каждом государстве каждый гражданин должен бы знать, кто может назначать полномочного судью, кто может лишать его полномочий, кто может издавать или отменять законы — каждый ли гражданин, или небольшая часть граждан, или весь народ. Когда это устанавливается, то легко определяется и тип управления государством. Четвертого типа не существует, потому что отнюдь не добродетель или порок определяет тип государства, а точнее, государственного управления. И при несправедливом правителе, и при достойном монархическом государстве остается только монархией. Эти же вещи справедливы и относительно олигархии или же демократии, которые, поскольку они не имеют верховного правителя, выбирают магистратов, передавая им функции верховной власти, и уже форма управления зависит только от них. Теперь мы должны охарактеризовать форму каждого оптимата и народной власти (позвольте нам использовать те слова, ставшие терминами, которые существовали и раньше; мы не будем что-то искусственно придумывать, поэтому используем привычные названия: аристократия, олигархия, демократия, охлократия, согласно типу добродетели и порока). Прерогативой верховной власти, кроме утверждения состава магистратур, является право объявлять войну и заключать мир, право над жизнью и смертью. Более того, все доказывает, что подобное распределение полномочий правомерно не только при монархии, но и при правлении оптиматов и в народном государстве. Из мно-

гочисленных правителей, которые не имели права обращаться к Сенату или к преторианским префектам, многие обращались к обычному праву, однако это было разрешено в самых исключительных случаях, когда просьба по поводу апелляции, которую Аркадий назвал “мольбой”, поступала непосредственно к правителю или к народу. Апелляции подавались тогда, когда случался прецедент необыкновенного характера или определялась неспособность человека своими требованиями воздействовать на власть. Но не будем прибегать к современным примерам, а воспользуемся историей афинян, римлян, венецианцев для того, чтобы показать, что они знали о смешанном типе римского государства, и продемонстрировать ложность этих знаний.

Государство римлян

Итак, я думаю, что тип управления государством римлян в эпоху Полибия и в более поздние времена Дионисия и Цицерона был полностью народным. Еще когда их города имели королевское управление, первый закон об управлении, предложенный Брутом народу, предполагал ежегодные собрания консулов, которые должны были избираться народом. Это записано у Ливия и Дионисия. Это служит доказательством того, что все консульское достоинство находилось в зависимости от народа и испрашивалось у него. И хотя они говорят, что подобное устройство было сходно с королевством, это, однако, является ложью, как если бы кто-нибудь стал утверждать, что при римских императорах преторианский префект имел королевскую власть, или власть турецкого султана, или даже майордома дворца при королях Франции, только потому, что они сами, без помощи руководителя, управляли всеми наиболее важными делами государства. Эти люди, действительно, имели власть не только большую, чем консулы, а пожизненную. Хотя как не считать глупостью то, что королевская власть может подчиняться силе солдатских штыков, но еще большая глупость то, что ею руководят консулы. Я возвращаюсь к Сенату, в котором многие находили подобие аристократического правления, ибо каждый в Сенате имел все права и авторитет от народа. Действительно, выбор сенаторов происходил по воле и приказу народа. “Наши предки, — писал Цицерон, — выбирали магистратов каждый год, таким образом они могли формировать постоянное государственное управление. Они выбирались на общем собрании народом, как все, и допуск к этому высочайшему праву оставался доступным для любого гражданина, и каждый мог здесь испытать себя”. Позднее, если следовать работам древних, через *Leges tribuniciae* было приказано кесарям выбирать из каждого слоя лучшего человека согласно с центуриями, как мы читаем об этом у Феста. Кроме того, цензоры, подобно другим магистратам, избирались народом. Где же проявлялась власть Сената? Если и может быть что-либо подобное, то это должно происходить в королевстве, где консул утверждается правителем и имеет власть, равную той, которая была у римского Сената. Но в приравнивании объединенной власти народа и власти Сената к

власти правителя проявляется не только глупость, но и основная ошибка. Это решение должно быть вынесено в отношении Сената Рима, в котором, как писали многие авторы, власть разделялась с народом. Они объединили ремесленников с рабами и с наместниками в управлении доминионами. Но мы утверждаем, что вся власть Сената и магистратов имела своим источником авторитет и волю народа, что является достаточным доказательством того, что тип государства был полностью народным. Валерий, современник Брута, однако, раньше приводил второй закон, который Ливий называл уникальным оплотом римской свободы. В первой его части оговаривалось, что возможно свободное обращение всех магистратов к народу, во второй его части — что магистраты не могут наказывать или бичевать римского гражданина по просьбе определенного лица, чтобы узнать что-либо от него. Магистрат имел авторитет до тех пор, пока он [авторитет] давался ему народом, поэтому основное наказание становилось второстепенным. С этой точкой зрения все соглашались — и Ливий, и Дионисий, и Валерий, и Плутарх, и Помпоний. Закон о помиловании так часто нарушался, что он три раза выносился в отношении одной обвиняемой фамилии, как писал Валерий. Теперь скажите, где же все-таки проявляется аристократическая власть Сената? Где аристократическая власть консулов, которые не могут гражданина наказать или оштрафовать без страха перед апелляцией? Тот факт, что война не могла быть объявлена без согласия народа, столь хорошо известен, что не нуждается в подтверждении. Во времена королей это было объявлено Рабским законом, как писал Дионисий, но довольно часто применялось уже после окончания их борьбы. В IV книге Ливий говорит, что был спорным вопрос о том, может ли война объявляться народным согласием, или для этого достаточно решения Совета. Трибуны настаивали на своей точке зрения, что они выступают против объявления мобилизации, если Квинкций не будет представлять народ. Все центурии поддержали это. Таким образом, по Ацилийскому закону была объявлена война Антиоху. Более того, вопросы о поражении в правах, освобождении и изгнании (мы уже говорили о смертной казни) обсуждались народом. Из закона *Portia tribunicia*, проводимого как Валерием, так и Аппулеем — консулами в 454 г. до Рождества Христова (Сигоний ошибался, когда писал, что это было предложено цензором Катонном), следует, что не позволялось прибегать к телесным наказаниям палками, если наказанию подвергался гражданин. Некоторое время спустя это было торжественно подтверждено законами Гракхов, в которых был дополнен перечень наказаний за измену. Полибий говорит, “что если кто-либо принимает всерьез власть народа, то ему кажется, что государство имеет полностью народную форму управления, но если он обратит внимание на Сенат — то он будет считать, что носителями авторитетов являются оптиматы, потому что они занимают главенствующее положение в общественном Совете, контролируют казну, назначают и отменяют посольства, в их компетенции разоблачение заговоров, измен и выявление случаев отравлений”. Сделав такой вывод, он

ошибался во многих вопросах, потому что все объяснял властью народа, которую, подобно всем грекам, он отождествлял с властью плебса, впадая в серьезное заблуждение. Кроме того, он недооценил величайшую власть Сената и упустил ту сторону деятельности, которая, действительно, не могла быть выполнена без участия народа. На деле он подчеркнул особенную функцию Сената. Сенат реально имел большую власть, чем сенатский Совет. “Возложите заботы на консулов”, четвертый консул появлялся, принося клятву, в периоды кризиса государства, это были Спурий, Мела, Гракх, Сатурнин, Цезарь, которые всегда имели власть стать диктаторами, но только в критических ситуациях. Смуты обычно объявлялись консулами, и диктатор назначался по решению Сената, когда этого требовало дело. Этой системой, говорит Дионисий, Сенат обманывал плебс. Но этот секрет государства трибуны легко открыли и ввели замечательный закон, которым на длительное время запретили создавать подобную службу безопасности. Поэтому Фест назвал данный закон принятием мер против возможности установить диктатуру. Более того, говорит Плутарх, плебс сохранил свою власть и помог гражданскому правлению проявить свою власть в отношении диктатора. В противовес диктатору Фабию Максиму, когда тот потребовал наказания для лидера солдат Минуция, трибунал решил, что Минуций не будет привлечен к ответственности, в этом случае диктатор был уравнен во власти с народом. Мы считаем, что свидетельства Полибия о главных судебных разбирательствах по Портианскому, Валерианскому и Семпронийскому законам были ошибочными. Ливий цитировал сенатора, который написал: “Если народ не расположен к принятию чего-либо, то я не знаю, каким образом может действовать Совет Кампании³⁹, который тоже состоит из римских граждан”. Но поскольку в это время Кампания находилась под протекторатом Ганнибала, то ее граждане были обвинены в величайшем из преступлений — преступлении измены. Некоторые могут спросить, почему так много граждан было наказано Сенатом, даже больше, чем магистратами, хотя народ не давал на то своего согласия? Примеров этому множество, но ни один не получил столь широкой известности, как случай в армии, которая выбрала своим командиром простого писаря, когда военачальник Юбелий умер недалеко от Регия. Сенат, говорит Валерий, вел дела так плохо, что отозвав солдат из города, осудив их на смерть. Каждый день обезглавливали по сорок человек, многих из них бичевали, казненных запрещалось хоронить или оплакивать⁴⁰. Трибун плебса М. Фульвий⁴¹ напрасно кричал, что обычаи его предков оскверняются и что священные законы опозорены Сенатом. В другом случае Аппий⁴², консул и командующий наступающей армией, будучи крайне несведущ в военной дисциплине, вознаградил центурионов и даже простых солдат такой платой за свободу, как двойная смерть, причем это произошло не в лагере, где военачальники иногда допускали это, а в окруженном городе. Что же касается оставшегося большинства, то он приказал, чтобы каждый десятый человек понес наказание. Сенат поступал со многими по прави-

лам, просто противоречащим священным законам, что происходило еще до закона Корнелия. В этом ключе мы должны рассматривать некоторые правовые решения: нам надлежит рассматривать не то, что действительно происходило в Риме, но то, что должно было быть сделано. Мы будем судить о типе государства не по злоупотреблениям, допущенным существовавшими тогда институтами, а из предписанной этим институтам деятельности. Управляющие общественными тюрьмами, чья юрисдикция была ограничена сферой рабов и пленников закона, приговаривали к высшей мере наказания не только граждан, но даже магистратов и чиновников, если тех заключали в тюрьму, как это можно увидеть на страницах произведений Валерия Максима. Также некоторые обвинялись ими в преступлении против народа (*stīpen majestatis* — закон об умалении авторитета — *М.Б.*), как, например, Клодий⁴³ обвинил Цицерона в измене раньше, чем это сделал народ, и поэтому он вынес приговор о высшем наказании заговорщиков без согласия народа. Однако обвинение было снято с Цицерона, потому что суд состоялся без участия народа. Эти противоречия являются причиной борьбы плебса против патрициев, магистратов и всех тех, кто использует свою власть вопреки закону.

Большой, но все-таки еще ограниченный авторитет оставался за магистратами и Сенатом, но в плебсе сосредоточивалась величайшая власть над всеми. И никто из принимавших во внимание этот факт не мог сомневаться, что сила и верховная власть государства заключены в народе. И сам народ, как конечный судья и арбитр, рассудил этот спор между плебсом и патрициями. Когда Сенат осудил своеволие плебса и плебс восстал против Сената, то не было никакого средства успокоить мятеж до тех пор, пока консулы или сенаторы не обратились публично к народу, испрашивая его волю. Это можно пронаблюдать в трех случаях неповиновения плебса, но особенно в том затянувшемся споре, когда патриции упорно с презрением отрицали плебисцит, а плебс — сенаторский Совет. Валерий и Гораций, консулы, оба называемые народными, как мы можем прочитать у Дионисия, сначала в центуриальных комициях ввели закон о том, что плебисцит должен быть связан с Сенатом. И лишь тогда беда утихла, но мало-помалу Сенат начал пренебрегать плебисцитом. Трибуны бушевали. Они требовали Сенат к ответу. Через сто десять лет после этого, когда Филипп стал диктатором, он раньше народа принял решение, которое заключалось в том, что плебисцит должен иметь силу закона, не иначе, “как только народом будет дан приказ”. Но, правда, в одном разделе оговаривалось, что законы не могут быть представлены в центуриальную комицию до тех пор, пока Сенат их не обсудит. Но раньше законы принимались плебсом, без совета с Сенатом, в этой связи возмущенные патриции доказывали многократные нарушения плебисцита. Это происходило до тех пор, пока диктатор Гортензий, спустя пятьдесят лет, не нашел для народа убедительного оправдания. Итак, вернемся к позору Римской империи, который заключался в том, что плебс — эти бедные и нищие толпы — имел

власть приказывать и решать, каким должен быть закон, на основе которого гражданам предписывалось соблюдать справедливость, как если бы сам народ приказывал это. Плебс даже добился права избирать всех судей и священников, исключая консула, преторов и цензоров. Кроме того, плебс добился контроля над общественным судом, участия в рассмотрении основных преступлений и закрепил за собой право окончательного решения вопроса о прекращении войны, объявленной всем народом. Впоследствии плебс, подстрекаемый трибунами, захватил и другие права. Трибуны довольно часто от имени плебса объявляли войну, например Сульпиций, Манилий⁴⁴. К тому же трибуны принимали законы раньше плебса, например Габинианский закон, что было вопреки традициям предков. Они отправляли в изгнание лучших людей вопреки священным законам. Из этого следует, что высший авторитет в государстве переходил от народа к плебсу — от олигархов и демоса к отбросам общества. И это происходило в период, когда Гракхи, затем Друз, потом Сатурнин и Сульпиций, трибуны плебса, затопили город своей кровью и кровью своих сограждан. Если попробовать выделить высшую власть в государстве, то она заключается в пяти [цензовых] категориях (шестая [неимущие граждане] имеет другой ранг), или в плебсе, или во всех гражданах, за исключением патрициев, неразборчиво выбиравших тридцать пять трибунов, и тогда станет ясно, что государство было по своему типу народным. Действительно, Сенат получал свою власть и авторитет от народа и ничего не мог сделать без его приказа или согласия. Решения Сената должны были провозглашаться от имени народа. Но есть ли различия с правовой точки зрения, если приказывает сам народ или когда это делают от его имени? Еще глупее выглядит попытка применить характеристику такой власти к одному человеку. Что такое власть короля, когда в действительности более полновластны трибуны? То, что Карл Сигоний написал о магистратах, неправда. А именно то, что консулы совместно могут обойтись без какого-либо магистрата, но ни один магистрат не может быть вызван на собрание в отсутствие консулов. Что может быть более частым, чем оппозиция трибунов в отношении консулов? Ливий написал в XLIV книге, что собственность Тиберия Гракха, консула и цензора, была конфискована трибунами плебса, потому что он не повиновался требованиям трибуна в отношении уплаты штрафов и исполнения обязательств. Этот человек обвинил Клавдия, который также был цензором, в том, что тот отклонил вызов в собрание в его отсутствие. Л. Флавий, также трибун, приказал консулу Метеллу стать во главе Сената в отсутствие всех остальных. Нечто иное приказал Аппий, о чем можно прочитать у Ливия в IX книге. Этот автор во II книге пишет: “Трибун послал своего человека к консулу, а консул — ликтора, забыв о том, что последний был частным лицом, не наделенным ни властными, ни служебными полномочиями”. Еще пример: трибун плебса Друз попросил Филиппа, который был консулом, объяснить причину его отсутствия и, не удовлетворенный ответом, бросил его в тюрьму, как написал Флор в 35-й главе.

С другой стороны, считалось серьезным преступлением насильственно касаться священного тела трибуна. И вместе с тем Вектий был безнаказанно убит за то, что он не поднялся в знак приветствия трибуна. Наконец, их власть была столь могущественной, что они одним своим вмешательством могли останавливать действие не только актов Сената, но также актов судей и их коллег, а также самого плебса. Никакого улучшения не могло наступить до тех пор, пока сам плебс торжественно не уничтожит право голоса, не основанное на его авторитете. Доказательством является случай с М. Октавием, трибуном плебса, который, как мы можем прочесть у Плутарха, единственный проголосовал против всех трибунов; показательно также поведение Тиберия Гракха при рассмотрении Аграрного закона. В случае с Октавием постановление не могло быть принято раньше из-за отсутствия авторитета, данного Октавию голосованием плебса. Наконец, даже когда был назначен диктатор, трибуны сохраняли свою власть, хотя другие магистраты слагали свои полномочия. Теперь видно, что консулы не имели власти, подобной королевской, однако она была бы намного большей у трибунов, чем у кого-либо, если бы не одно обстоятельство, которое так часто приводит Контарини, — это отсутствие внешних атрибутов королевской власти. Поскольку консулы всегда избирались в столице и на общем собрании народа, то они не имели даже пучка прутьев, как у ликторов, они не могли распоряжаться ликторами, не имели места в курии, у них не было права вызова в суд и реальных полномочий. Поэтому, согласно Плутарху и II книге Ливия, отрицалось, что они могли быть магистратами. Но это возможно было отрицать, пока собственность всех граждан, их судьба, свобода, жизнь, состояние государства, провинций, доминионов, принятие законов, заключение союзов, наконец, авторитет магистратов и преторов, да и самого Сената не зависели от воли народа. Кто после этого будет продолжать отрицать, что государство было народное? Строй афинян был более народным, чем строй римлян, но и афинское и римское государства никогда не были народными в полном смысле этого слова.

Все это я подверг столь подробно рассмотрению, чтобы опровергнуть мнения Полибия, Цицерона, Дионисия о смешанных типах государства и для защиты своего собственного взгляда. Я не буду настаивать на правильности или ошибочности своих воззрений, поэтому каждый волен делать выводы сам. Сейчас не время опровергать аргументы Макиавелли, Контарини, Сигония, Мануция и других, кто имел схожую позицию. Они восприняли из наблюдений Полибия и Дионисия, что государство спартанцев так же хорошо, как и государство римлян, и что даже Венецианская республика имела смешанный тип управления, определенный наложением трех типов управления, которые я упоминал. Что касается спартанцев, то аристотелевские взгляды послужили толчком для появления ошибочного мнения о том, что спартанский тип государства также был смешанным. И все лишь потому, что Аристотель пересказал мнение многих, полагавших, что этот тип был частично на-

родным, частично аристократическим, частично монархическим. Он привел [эти мнения], не подтверждая и не опровергая [их]. Однако, приступив к обсуждению, он в конце концов провозгласил только три типа государства. Значит, относительно его взглядов нет вопросов, потому что, он писал, располагая обширным и хорошо обдуманым материалом. Но если кто-либо захочет понять тип спартанского государства, то он должен читать не Аристотеля, которого обошел молчанием Плутарх, не Ксенофонта, который судил только о традициях, не самого Плутарха, но прежде всего того, кто, обращаясь к спартамцам, изучил наследие древних авторов по спартанским делам столь хорошо, что сможет описать историю предмета наилучшим образом и более правдиво.

Сравнение государств афинян, венецианцев и римлян

Известно, что когда королевская власть была уничтожена, то Ликург создал Сенат из двадцати восьми человек, к которому добавил двух королей. Согласно этому установлению, Сенат, состоящий из тридцати человек, мог решать все дела, которые относились к государству, затем Сенат же утверждал решения. Ликург не создал каких-либо дополнительных государственных институтов, не назначил каких-либо магистратов, за исключением лидеров, возглавивших объединения молодых людей. Дионисий во II книге приводит факт, что Ликург позволил народу издавать законы, избирать магистратов, объявлять войну и заключать мир. Из этого описания ясно, что государство Ликурга было полностью народным. Но с тех пор как, по словам Плутарха, народ стал отказываться утверждать многие законы Сената, Феопомп⁴⁵ и Полидор, короли, правившие сто и тридцать лет спустя после смерти Ликурга, лишили народ верховной власти, передав ее Сенату, сделав это по совету мудрецов, которые говорили, что народ не знает раскаяния и власть у него должна быть отобрана. Они хотели, чтобы пять эфоров избирались Сенатом на срок один год, чтобы они наблюдали за деятельностью королей и Сената, чтобы не допустить сползания к тирании. Короли не имеют власти вне пределов влияния своего титула. Макиавелли и многие другие не заблуждались, когда утверждали, что может быть только один король. Если же королевская власть, которая может принадлежать только одному человеку, разделяется с другим лицом, то, значит, она может принадлежать многим. Ибо является фактом, что при переходе от народной власти к власти оптиматов в случае отсутствия правления в конечном итоге власть остается у народа. Было очень правильно, что смерть оптимата давала возможность кандидатам на его пост шанс для выдвижения. Каждый мог получить одобрение в соответствии со своей славой. Магистраты, которые пользовались неприкосновенностью, выбирали в сенаторы человека, подтвердившего свой авторитет самым широким одобрением. Но это делалось не через избирательную систему, не голосованием и, наконец, не при помощи системы комиций. Оптиматы выбирали для службы в течение одного года пять эфоров, которые и были высшими судьями.

Народ отдавал первенство королям, но короли — эфорам. Эти официальные лица налагали штрафы на граждан и короля самопроизвольно и имели юрисдикцию над всеми судами, исключая особые случаи, о которых можно прочитать у Ксенофонта. Более того, король Агис, который посягнул на народные традиции и попытался восстановить законы Ликурга, был выпущен ими из тюрьмы, но предварительно наказан. В отношении Спарты часто выносятся обвинения в главном преступлении — преступлении против царей, которых не раз отправляли в ссылку, как свидетельствует Плутарх в жизнеописании Клеомена. Если Полибий и Дионисий применяли к подобному положению название “королевская власть”, то как относиться к преступлениям, которые допускались римским и афинским народом по отношению даже к консулам, или к тому, что королевской властью они наделяли эфоров, которые возносили себя так высоко, что когда человека посвящали в службу, то они приказывали всем гражданам: “Брейте усы”. Как писал Аристотель, не было случая, чтобы граждане внутренне соглашались с тем, что указы должны исполняться.

Из этого понятно, что современные авторы защищались надежным авторитетом Полибия и Дионисия, мне же обращение к ним необходимо для того, чтобы показать сомнительность некоторых нынешних авторитетов. К тому же мое мнение также имеет серьезную поддержку — Фукидид, Ксенофонт, Аристотель и Плутарх, которые единогласно подтверждают, что афиняне вели многочисленные войны со спартамцами на протяжении более чем тридцати лет именно для того, чтобы иметь возможность сохранить народное государство в Афинах, другие [спартанцы] — чтобы изменить форму правления в государстве афинян. В действительности когда афиняне были подчинены, то спартанцы свергли народное правление и установили свой контроль над тридцатью правителями, назвав последних тиранами. Демосфен ясно выразил это в своей речи: “Сенаторы являются хозяевами среди спартанцев, но народ — среди афинян”. Этот взгляд более справедлив, чем мнения Полибия, Дионисия, Контарини и Макиавелли, с которыми согласны так многие писатели, признанные авторитетами. Они заявили, что неверно утверждение, что тип спартанского государства был аристократическим. Аристотель был прав, определив три основных типа государства, но многие в этой области заблуждались. Типов управления государством не может быть более трех, как я говорил и раньше, поскольку те многочисленные различия, которые есть в обществе, как правило, не характеризуют тип государства. Не важно, являются ли правители хорошими или плохими, ибо безнравственный человек является не меньшим гражданином, чем хороший человек, а самый лучший человек может быть наихудшим гражданином, если взять способ его существования в целом, со всеми его поисками одиночества, поддерживаемыми небесной опекой. Далее, должен ли лидер быть одиночкой, или их должно быть несколько, или, может, наилучшим является правящее меньшинство? Один тип власти может быть более демократичным, чем дру-

гой, но, однако, оба они являются народными. Позволив себе взять подобное за основу нашей дискуссии, мы можем сделать вывод, что были периоды, когда среди венецианцев один конкретный человек обладал верховной властью или когда этой же властью наделялась меньшая часть граждан, или все, или оставшаяся часть большинства, т. е. это была и монархия, и аристократия, и демократия. Из написанного Контарини, Сабелием, Бембо становится ясно, что Венеция в своей ранней истории была народным государством. С течением времени власть переместилась в сторону оптиматов. Если государство римлян было народным, как мы это показывали раньше, если афинское правление также было народным, то несомненно, что правительство афинян формально также контролировалось народом. Основной закон народного государства является предельно важным для всех. Плутарх пишет, что он был привнесён от Солона и был очень схож с первым законоуложением, которое Брут, первый консул, ввел и которое Валерий трижды дополнял, что и стало руководством, обращенным магистратами к народу. Сам Контарини свидетельствует, что эта же идея (народного государства) была оформлена в законе и очень рано стала достоянием истории Венеции, когда это государство пошло на “Соглашение в лагунах”. Более того, он пишет, что венецианцы создали свое государство во времена Карла, хотя не исключено, что они имели более своеобразные формы правления в более ранний период, когда они еще только расселились среди гор и утесов. Однако о ранних периодах нет никаких сведений, что следует из хроник о выборах дождей, или сенаторов, или магистратов. Формально каждый кантон имел собственный закон и свое правительство, независимое от других. Поэтому Мануций ошибался, когда утверждал, что Венецианская республика процветала в течение 1120 лет, не меняя форму правления. Джовио сказал точнее — 800 лет. Донато Джиданноти, гражданин Венеции, который написал наиболее правдиво о венецианском государстве, соглашается с ним. Нам не важно знать, когда каждый город был основан, но важно — когда было основано государство или когда оно приходило в упадок, при каком правлении. Когда государство сосредоточено в границах одного города таким образом, что закон об апелляции, содержащий в себе сущность народной власти, представлялся на рассмотрение не оптиматам или патрициям, которых еще и не существовало как отдельной группы, но народу как единому целому, граждане тогда принимали решение, собираясь вместе в одно время. Контарини отрицал наличие каких-либо различий между патрициями и плебеями, потому что все считались гражданами на равном основании и участвовали в формировании своего народного правительства. Веспучий у Гвиччардини приводит пример города Венеции в речи, которую он произнес во Флоренции для защиты аристократической формы управления в дискуссии об изменениях в правлении флорентийцев. Содерини, однако, защищал народную форму правления флорентийцев и утверждал, что те, кто управлял Венецией, ошибочно назывались “патрициями”, потому что они были всего лишь гражданами, тогда как все ос-

тальные были иностранцами. В дополнение к этому я сошлюсь на Донато Джинноти, гражданина Венеции, адресовав читателя к его полезной книге, которую он написал о Венецианском государстве. Он утверждает, что слово “знатный” никогда не использовалось в документах венецианцев до 1175 г. Действительно, если сами венецианцы признавали это, то очевидно, что государство было народным, потому что объединяло всех граждан, исключая иностранцев, имело власть над правом помилования, давало всем службу и уважение и, наконец, решало то, что должно регулироваться законом, как свидетельствует Контарини. С другой стороны, это государство имело власть в вопросах войны и мира, жизни и смерти, в чем мы можем убедиться, читая Бембо. Он же упоминает о войнах, направленных против папы Юлиана и Людовика, короля Франции, которые начались с того, что народ своим голосованием обязал правительство развязать войну. Этому отнюдь не противоречит то, что иногда войны объявлялись Сенатом без согласования и совета с народом, что было особенно распространено среди римлян, а также афинян. Хотя апелляции к децемвирам и Совету сорока были редкими, им как бы не было предоставлено право окончательного решения, но довольно часто эти обращения были последним средством, если преступление не получало возмездия. Иногда серьезные преступления доводились до суда народа, когда этого требовала гражданская необходимость или жестокость преступления. Это может быть проиллюстрировано отрывком из Бембо, где речь идет о слугах Антония Гримани, который, несмотря на великолепие и власть своего рода, был судим и приговорен к изгнанию. Если судьи выносят приговор без права апелляции, то они делают это не потому, что им дано право над смертью и жизнью, а потому, что они ограничены законом и не могут помиловать тех, кто заслуживает смерти. Право помилования является прерогативой короля, или народа, или оптиматов, мягкость которых может противоречить законам при их точном исполнении. Цицерон, защищая Лигария от Цезаря, сказал: “До решения суда никто не имеет права применять наказание”, — и, обращаясь к судьям, продолжал: — “О, уважаемые судьи, простите его, даже если он ошибся, потому что его действия были бы точно такими же, даже если бы это касалось его родителей. Никогда раньше, о великий суд, он не делал этого и не планировал это, все свидетельства являются ложными, а обвинения — выдуманными”. Но если децемвиры или Совет сорока стараются избежать своих обязанностей, то их тоже могут привлечь к ответственности, когда истечет срок их службы.

Кроме того, мы видим, что признаками силы государства являются общие нормы поведения венецианского народа, т. е. так называемое всеобщее гражданство. Все остальные дела решаются Советом десяти. Но если появляется серьезная необходимость, то они вызывают еще шестнадцать, в качестве советников, но если даже в таком составе они не могут прийти к общему решению или в деле обнаруживаются новые спорные стороны, то они собирают Сенат. Если дело касается Сената

или могущества государства, то обсуждение выносится на народ, как это делалось среди карфагян (свидетельство этому оставил Аристотель, и, по его описанию, обсуждение было народным). Теперь, если шестнадцать судей выбираются большинством, или всенародными выборами, или обоими способами сразу (к которым я бы добавил два вида проявления королевской власти, когда все чиновники или некоторые из них назначаются одним человеком), не существует большего доказательства народной власти, показанной Аристотелем, чем то, что все судьи выбираются всеми гражданами, как это принято среди венецианцев. В этом множестве лиц, именующих себя гражданами, о чем я упоминал (согласно Контарини и Сигонию, остальные считаются иностранцами, но не гражданами), существовало полное право обладания властью для всех независимо от наличия собственности, знатности, образованности или авторитета. Среди афинян, о которых говорят, что они имели самое народное по сравнению с другими государством, считалось необходимым вступление в четвертую категорию, которая значительно превосходила другие категории численностью; иным способом человек не имел возможности достигнуть прав и почестей, полагающихся по закону Солона, и так было до тех пор, пока Аристид не отменил это. Более того, большинство, которое не делает уступок превосходству или величию, считалось с выборами, путем которых среди венецианцев распределялись все значительные посты. Ничто, однако, не может считаться более демократичным, чем тот факт, что было разрешено выбирать большинство судей. Противоположная ситуация наблюдалась среди спартанцев, государство которых Контарини находил сходным со своим. Он [Контарини] совершенно не считался с мнением большинства. Поскольку эти вещи очевидны, то я не понимаю, почему Контарини полагал, будто Венецианская республика является смешанным типом правления. Об этом, по его мнению, свидетельствовали большие народные собрания, деятельность Сената, который выражал волю аристократии, и правление дожа, который как бы представлял королевскую власть. Но кто, если не народ, определял допустимый срок правления дожа в один год? Кроме того, дож не имел права отдать приказ о помиловании или аресте кого-либо. Разве этого недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что он мог быть лишен права командовать армией и даже лишен власти? Они также использовали Совет десяти, как сокровищницу опыта и хранителя свободы, именно через Совет десяти они вынесли высшую меру наказания дожу Валори. Но изображения дожа чеканятся на монетах, для его полномочий характерны особые черты, по поводу чего Контарини не устает повторять, что власть дожа похожа на королевскую власть, но никогда ею не была. То же самое может быть сказано почти обо всех римских консулах и афинских архонтах. Следуя заданному направлению рассуждений, мы можем сказать, что в Афинах королевская власть основывалась на народном авторитете. Мы должны сделать некоторые замечания и в отношении пурпурного облачения и победного золота короны, равно как и скипетра и диадемы, запрещенных

властями венецианцев для ношения. Но даже если бы все эти атрибуты власти были разрешены, если пристальнее взглянуть на сходство и подобие дожа с королем, то и тогда сходство обнаружилось бы только во внешних регалиях, но не во властных полномочиях. Если последнее представляется глупостью, то это надо обосновать. Я уверен, что здесь совершается ошибка, подобная той, которую делают неопытные актеры, украшая Деву Марию золотым облачением и роскошной диадемой, хотя ее описывают облаченной в скромные ветхие одежды. Поскольку Контарини полагал, что только те, кого он называл “патрициями”, считались гражданами, а все остальные были иностранцами, следуя аристотелевскому определению понятия “гражданин”, то мы должны на этом основании называть венецианское государство народным. Из этой же посылки исходит в своих доказательствах Содерини, когда утверждает, что в большом совете граждан принцип народной власти соблюдается. Тем не менее большинство граждан не принимали такого определения этого типа государства, поэтому мы должны обратить внимание на то, все ли граждане участвовали в формировании и реализации власти. С другой стороны, афинское государство не могло называться народным даже во времена Перикла, когда оно считалось наиболее полномочным, но именно тогда более 14 040 человек, если хотя бы один из родителей не был гражданином, исключались Перикловым цензом из категории граждан, пользующихся избирательным правом, и еще 5000 граждан лишились гражданства, потому что были проданы за долги. Об этом рассказывал Плутарх в жизнеописании Перикла. Позднее, после того как среди афинян количество граждан по рождению увеличилось, ценз определил как граждан 12 000 человек, 10 000 человек как иностранцев и 400 000 как рабов. Демосфен в своей речи “Против Аристогитона”⁴⁶ заметил, что 12 000 граждан в его время были афинянами, иностранцев он не учитывал. Но Динарх⁴⁷, в противоположность Демосфену, говорит, что право законных выборщиков гарантировалось 15 000 граждан. Теперь трудно понять, почему люди, имеющие в своих трудах столько противоречий, считались авторитетам. Демосфен в своей речи “Об организации государства” писал, что ораторы являются настоящими лидерами государства, им подчиняются даже генералы. Около 300 граждан могли быть избраны. Остальные следовали решениям этих 300. Хотя при таком большом количестве иностранцев и рабов всего несколько человек имели авторитет, все равно с общего согласия государство стало называться народным. Кто будет отрицать правильность таких рассуждений, что венецианское государство считается народным, потому что в нем насчитывается около 5000 или чуть меньше граждан, имеющих все возможные почести? Аристотель справедливо не допускал, что город-государство мог включать в себя более 10 000 граждан. Платон называет пределом [численности граждан] число 5040⁴⁸, а также множество чисел, имеющих в делителе 49⁴⁹. Он считал, что умерщвление новорожденных могло иметь место в спартанском государстве и что они могли убивать не только больных детей, но

и нормальных, если с их рождением превышалась определенная численность населения.

Однако позвольте нам, в надежде доставить вам некоторое удовольствие, сравнив, прибегая к более убедительным аргументам, формы правления афинян, венецианцев и римлян, с тем чтобы мы могли признать, что их государства были народными (в этом они не имеют ничего общего со спартанцами). Когда я говорю о форме римского государства, то я заведомо считаю народной определенную систему, при которой народ имеет действительную, а не фиктивную власть, как это было в ранние дни при королях, которые отдали народу право высшего решения вопросов о войне, мире, суде, помиловании, о чем свидетельствует Дионисий в IV книге. Хотя в действительности короли сами по собственному разумению и воле решали эти вопросы. Также и Август, когда пришел к власти, сохранял подобие комиций, но законы он принимал раньше народа и на деле являлся единственным судьей. Общеизвестен и неоспорим факт, что собрание народа имеет верховную власть. Но таковая власть имеет отличия. Например, венецианский народ контролировал только те вещи, которые, как мы упоминали, принадлежали к юрисдикции верховной власти, остальные — решались Сенатом, магистратами. Редким было принятие обращения к народу, еще более редкими — споры о начале войны и уж совсем редкими — о принятии или отмене законов. Если когда и созывался народ, то почти всегда для выбора магистратов. Римский плебс, однако, был окончательным авторитетом даже в делах выборных магистратов, которым на деле не принадлежало могущество государства. Почти повсюду народ назначал магистратов. С другой стороны, афинский народ в дополнение к решениям о законах, союзах, войнах также занимался религией, посольствами, планами, работой Сената и даже принимал решения по пустяковым вопросам, чаще, чем это требовалось. В ранний период, действительно, горожане были вынуждены посещать общественные собрания под страхом наказания штрафом, как можно прочесть у Поллукса⁵⁰. В результате правления Перикла значительно уменьшилась власть Ареопага и усилилась власть народа. Потому что Перикл вознаграждал народ за участие в народных собраниях. Было довольно плохо то, что граждане определяли свою волю и принимали решения путем поднятия рук (как и сейчас делают гельветийские горцы), когда слабых заставляли голосовать кулаками более сильные, и это было самым убедительным их аргументом. Исключение составляли ostracism (изгнание из общества — *М.Б.*) и получение гражданства, как свидетельствует Демосфен в своей речи “Против Неэры”. Хуже всего, когда народ бесконтрольно представлял к наградам и даровал гражданство, раздавал щедроты, короны, первые места, постановления и еду на площадях, об этом Демосфен написал в своей речи “Против жителей Лепты”⁵¹. Все это в результате доставалось самым бесстыдным, но проходило мимо самых честных. Это было даже более глупо, чем то, что при выборе магистратов опирались на большинство, потому что эта власть была в большей степени

игрой на удачу, чем демократией, так как власть гарантировалась согласием большинства, но не всем народом. Римский путь был лучше, потому что у них все выборы всех магистратов проводились на основе гарантированного независимого права голоса, согласно закону Кассия и Папирия, который не был поддержан Цицероном, чему я очень удивляюсь. Хотя представленное всему народу право голоса привело к длительной ненависти и борьбе. Народу, однако, полезно давать вознаграждения, хотя мы видим, что римляне не признавали более высокой награды, чем слава. Это действительно правда, что среди венецианцев было принято предоставлять права гражданства иностранцам, заслужившим похвалу государства. Отличившиеся перед государством могли получить гражданство, почести, службу и статус. Но Сенат римлян отличался от Сената венецианцев, афинян, генуэзцев, рагузанцев, как и почти всех городов-государств, которые контролировались властью оптиматов, организованной таким образом, что последние имели власть пожизненную, а первые — сроком на один год. Платоновский Сенат всегда избирался ежегодно. Среди венецианцев Сенат имел очень большую власть, среди римлян — довольно умеренную, среди афинян — совсем незначительную, и, чем больший авторитет давался народу, тем заметнее ослаблялась власть Сената. В более поздние времена решение Сената могло быть приостановлено речью одного протестующего трибуна. Многие комментаторы римского права ошибаются, когда относят к Сенату право приостановки действия закона. До правления Тиберия это было не дозволено. Тиберий передал от народа Сенату эту функцию комиций, которую Август вернул народу, поставив его полномочия сразу после своих. Он использовал этот шаг для того, чтобы утверждать законы, которые он сам уже определил. Кроме того, он решил предоставить народу право выбора на половину служебных мест, распространив это правило на половину провинций, хотя кандидатов всегда предлагал сам. Тацит во II книге, Дион в LIII книге рассказали, что комиции были преобразованы в Сенат. Это означало, что права, в принципе предоставленные народу, затем были переданы Сенату. С этого времени решения совета Сената стали иметь силу закона. Законы, однако, готовились правителями и только затем утверждались, это можно пронаблюдать в речах императоров Марка, Адриана, Севера, которые мы имеем в Пандектах. Но здесь мы обсуждаем демократический период и власть трибунов. Среди венецианцев трибунов не было, поэтому и не было бесстыдных ораторов, которые отваживались бы управлять народной волей, приобретать то, что хотели. Сенат приказывает то, что может приказывать своим могуществом и император, исключая народ Афин или Рима, как писали Плутарх и Демосфен в своей речи “Против Андрокция”. Демосфен обвинил Андрокция, потому что тот принял закон раньше народа и без одобрения Сената. Этому обвинению Андрокций противопоставил существующую традицию, согласно которой он имел выбор в этой ситуации. Однако заключительной частью закона, которую можно назвать худшей, им позволялось принимать некоторые меры раньше

римского плебса и без согласия Сената. Венецианцы очень справедливо решили, что ни одно дело не может быть отдано на рассмотрение народу или в Сенат без обсуждения в Совете шестнадцати или, по Аристотелю, в Совете старейшин. С другой стороны, здесь есть один общий аспект. До тех пор пока государство развивалось свободно, ни у афинян, ни у римлян Сенат не касался суда, при условии что разбирательство не носит чрезвычайного характера или жестокость преступления не требует меры наказания сверх обычной. Но когда афинский Сенат имел экстраординарные функции, он и тогда не имел права налагать штраф выше 500 драхм, как Демосфен пишет об этом в речи «Против Эргоса». Если происходило что-либо серьезное, то это должно было обсуждаться и приниматься всем венецианским народом. Советы десяти и сорока, которые греки называли *εἰσάγγελαι*⁵, имели специальную компетенцию общественного суда, даже афинский Сенат имел дополнительные функции, позволявшие удалить человека по воле народа в целях его собственной защиты. Среди римлян цензоры имели определенную власть, среди венецианцев подобной властью обладал Совет десяти. Среди венецианцев и афинян были магистраты, которые имели много общего, но совсем не были похожи на римлян, исполнявших те же функции. Известно, что в Риме было совсем немного магистратов, но Афины имели их очень много. С другой стороны, Совет пятисот был ниже Ареопага и имел власть, равную власти венецианского Совета десяти. Но было различие, которое заключалось в том, что нечто, существовавшее короткое время, предопределяло жизнь в дальнейшем, становясь традицией. Афиняне были первыми, кто в законе возвысился над королями, затем Солоном была проведена проверка хранилища законов с целью поиска и упорядочения всех материалов, как об этом писал Плутарх. Но так как Перикл разрушил власть Ареопага, то не осталось власти на более низком уровне, чем власть Десяти, еще более ущемленная созданием Совета сорока, а потом — семи и шестнадцати. Затем создается коллегия из девяти архонтов, которая является некоторой аналогией коллегии семи у венецианцев. Против этого была создана коллегия сорока, которая имела значительную силу, и введены сорок эфоров, которые могли быть сравнимы с сорока уголовными судьями венецианцев. Но эти эфоры имели юрисдикцию только в случае нечаянного убийства, как мы можем прочесть у Поллуksа и Павсания в его описаниях Аттики, где подробно объясняются все типы судов. К судебной ответственности привлекались не только граждане и иностранцы, но даже животные и птицы, а также неодушевленные предметы. Это было обычным среди греков. Плутарх написал в жизнеописании Тимолеонта, что после Дионисия Младшего и Гикета управление городом стало похожим на систему карфагенян⁵². Основным наказанием было взыскание со статуй диктаторов и тиранов, так как считалось, что таким образом наказывают самих тиранов. Было почти 220 магистратов, избравшихся ежегодно большинством из всего народа. Они занимали свой пост около шестидесяти лет жизни, по Поллуksу, или около пяти-

десяти лет, как говорит Суидий, или столько лет, сколько раз их переизбирали. Это может быть сравнимо с системой венецианцев, когда восемьдесят человек избирались для разбора гражданских случаев, из которых сорок занимались разбором случаев между иностранцами и гражданами. Архонт заслушивал судей граждан, полимах — судей иностранцев. Два претора, городской и иностранный, вместе с сотней людей выполняли эту службу среди римлян. Во главе их было десять человек, выступавших в суде в интересах претора. Преторы, наделенные сенаторскими и воинскими функциями, председательствовали в общественных судах в специальных судебных куриях. Аврелианским законом к ним были добавлены трибуны казны. Есть еще один момент, может быть и недостойный нашего внимания (кое-что, что ввело в заблуждение Бюэ и многих других), и касается он того, что хотя Сенат и не определял судебных дел, не рассматривал законы или обращения, однако со времени изгнания короля до времени Семпронийского закона сенаторы отбирали у криминальных судей и квесторов отцеубийц. Но есть еще одна вещь, которая полностью касалась деятельности Сената: весьма примечательно, что люди сенаторского ранга отбирались большинством для вынесения приговоров в судах. Среди афинян Совет десяти филархов или старейшин родов, по некоторым утверждениям, был точной копией коллегии шестерых, разбиравшей судебные дела среди венецианцев, и филархи афинян были подобны префектам гильдий среди венецианцев или старшинам курии среди римлян. Служащие такого ранга почти всегда имели право ареста. Напротив, демархи афинян были похожи на трибунов плебса только именем, но не властью. Президенты, архонты, суперинтенданты Сената, собрания, судебные заседания — все это имело некоторое подобие в различных венецианских гильдиях. Римские консулы председательствовали в Сенате, считавшемся единственным высшим судьей⁵³ над народом, трибуны стояли над плебсом, а в судебном заседании главная роль принадлежала эдилам (довольно редко), или главному магистрату, или претору. Среди афинян, однако, было одиннадцать человек, которых называли “стражи закона”, по Поллуксу, они представляли собой почти то же самое, что и триумвиры среди римлян. Намного меньше судей было среди венецианцев, хотя римляне и афиняне их вовсе не имели. Впрочем, были служащие, подобные торговым судьям по коммерческим делам. Эти факты могут быть прослежены по Контарини. Среди венецианцев есть вид магистрата, который называется триумвир-адвокат. Он имел право обвинять и арестовывать преступников. Поэтому как среди римлян, так и среди греков никто не мог быть обвинен без доказательств.

В нашей стране есть некоторые вещи, схожие с их правилами, например вызов трех свидетелей во всех категориях судов. *Logistae* афинян почти сравниваются по многим параметрам с синдиками венецианцев, так как каждый решает вопросы в соответствии со своими служебными обязанностями. Основанием в этом [в определении круга служеб-

ных обязанностей] является знание законов, которое приобреталось раньше, чем судья официально начинал действовать; в ходе разбирательства он мог обращаться [по спорным или незнакомым вопросам] к муниципальным судьям. Судьи другой категории, которые брали под контроль казну, были как у афинян, так и среди венецианцев. Численность префектов налогов и казначеев у венецианцев была весьма велика, что соответствовало большому количеству пошлин и налогов. Среди них были префект налогов, займов, хранители казны и городские квесторы, имевшие дело с деньгами. У афинян были хранители сокровищ Паллады, хранители муниципальной казны или драгоценностей, синдикки, которые собирали священные деньги для выплат жалований, хранители казны Игр, военной казны, казны товаров для продажи, регистраторы товаров, ревизоры-контролеры. Но самой важной среди прочих была казна народа. Судьи, отвечающие за продовольственное снабжение, всегда были более многочисленны среди венецианцев и римлян. Позднее эти функции возлагались на одного префекта продовольственного снабжения или на двух эдилов. С другой стороны, к служащим рынка были добавлены многочисленные контролеры зерна, пятнадцать контролеров мер и весов, контролеры торговцев. К тому же среди венецианцев было много уполномоченных по охране общественного здоровья, супервизоров денежного обращения, дорожных комиссаров, командующих флотом, прокураторов святого Марка, которые заботились о сиротах и вдовах. Среди афинян имелось бесконечное множество ответственных лиц, заботившихся о безопасности граждан и благоустройстве города. Аристотель назвал их “городскими стражами”. Но существовали также комиссары водных запасов, укреплений и общественных работ. Кроме того, стражи закона контролировали церемонии, суперинтенданты — традиции, винные инспекторы организовывали пиры, специальные магистраты выявляли нарушения в школах, хореги инспектировали хоры, генекосмы следили за поведением женщин. На специальных общественных служащих возлагались конкретные общественные задачи и административные обязанности. Рекрутские офицеры отделяли граждан от иностранцев. Послы направлялись к союзным или иностранным народам. Выше всех я поставил бы военных служащих, старшин, кавалерийских генералов, капитанов и командующих. Во главе я поставил бы также и преторов, которые становились все более многочисленными среди римлян по мере того, как возрастал интерес к религии и военным занятиям. Среди афинян я не нашел провинциальных служащих, так как их союзы имели своих собственных магистратов, но право помилования было юрисдикцией только афинских магистратов, как мы читаем у Ксенофонта. Так было заведено и среди венецианцев и римлян. Они также имели провинциальных судей. У римлян их было три вида: правитель (губернатор), депутат (заместитель) и казначей. Ульпиан включает также в число правителей преторов, проконсулов и проквесторов. Если провинция имела обширную территорию, то добавлялись еще и депутаты. Венецианцы предпочита-

ли назначать четырех магистратов: претор городских занятий, военный префект, хранитель цитадели, казначей. Такова была структура власти всех наиболее известных государств демократического типа, за исключением карфагенян, традиционное устройство которых весьма невнятно прописано на страницах сочинений Аристотеля, Полибия и Ливия.

Из этих фактов ясно следует, что венецианское государство, формально оставаясь народным, мало-помалу стало изменяться в сторону аристократического правления. Так как большинство граждан и плебса были заняты ремеслом, то они были готовы отойти от управления делами, а иностранцы и союзные посланники не допускались к управлению, если право участия в правительстве не давалось как награда за особые заслуги перед государством. Иностранцу гражданские права предоставлялись с большой неохотой. Постепенно старые фамилии стали исчезать, древние роды становились малочисленными. Во время Генуэзской войны⁵⁴ даже тридцати иностранцам не предоставили прав, и это при том, что город очень нуждался в преданных воинах и испытывал сильнейшую нужду. Число граждан среди афинян увеличилось, когда всем временно проживающим и свободным было даровано право гражданства. Римляне со своей стороны принимали в число граждан всех свободных, за небольшим исключением, поэтому латиняне стремились продать своих детей в рабство именно к римлянам, чтобы те после освобождения смогли достичь права почестей, — так утверждает авторитет Дионисия. Позже в результате общественной борьбы римляне предоставили гражданство всем итальянцам, позднее — всем иностранцам и, наконец, всем, проживающим на территории Римской империи. Неимущих и плебеев среди венецианцев так же много, как знатных и богатых, но, будучи суверенной личностью, каждый из них является в высшей степени гражданином, как, например, любой магистрат, но они различаются в праве на почести и в праве на участие в правительстве. Сейчас мне следует вернуться назад, к тому месту, откуда я начал свои рассуждения. Любой венецианский гражданин мог быть канцлером (хотя это допускалось только через голосование, причем не большинства) или даже секретарем, и тогда он мог бы возвыситься над гражданством, потому что имел уникальный и редкий пост, который пожизненно получали только несколько человек. Но венецианцы зорко следили за тем, чтобы он прежде всего оставался гражданином. Люди, оставшиеся за пределами прав, были иностранцами. Среди афинян, если довериться их писателям, было 20 000 граждан, которые держали в своих руках часть власти, а также 10 000 иностранцев и рожденных от иностранцев, которые были отрешены от почестей и голосования и не могли претендовать на звание гражданина. Но поскольку они получали свободу, покровительство правительства, равенство со всеми перед законом, постоянное место жительства, то они могли быть востребованы другим правительством и при другой форме государственности, ибо они получали право считать родиной землю, на которой родились. Таким образом, в действительности могло быть 30 000 граждан, из которых 12 000

составляли основу народного правления. В государствах этого типа не обязательно, чтобы все граждане поддерживали правление, но — только их большая часть, так как говорят, что если довольно большинство, то довольны все. С другой стороны, когда правит меньшая часть граждан и то, что принято несколькими гражданами, должно уважаться как закон, то власть является аристократической. Но до каких пор мы действительно будем основываться на принятой трактовке, по которой выходит, что правительство не является аристократическим до тех пор, пока лучшие люди не встанут в его главе? Однако такой подход не позволит назвать аристократическими государства венецианцев, рагузан, генуэзцев, жителей Лукки и германцев, где всего несколько человек имели контроль в своих руках, да и вообще в наше время возникновение аристократических государств исключено. Коррупция может появиться в любом государстве, где нобилии или богатые люди сосредоточили в своих руках политическую власть, не располагая ни уважением окружающих, ни личной добродетелью, ни соответствующим образованием. И только иногда лучшие или наиболее проникательные являются группой, поднявшейся над бедностью и незнатностью происхождения. Эта теория ведет к полной глупости. Кроме того, позвольте нам использовать народное выражение и определить власть оптиматов как правление нескольких, а этих нескольких определить как меньшую часть граждан: кажется, что только двое или трое триумвиров (это число 2 непонятно для правоведов, как они сами признаются), как при Августе, так и при Антонии и Леониде представляли собой государство и управляли действием основных законов. Эта система управления постепенно уступала место трем монархам, потом — двум и, наконец, одному. Или могло быть, что управляли не трое, а несколько человек, и это самым замечательным образом сказывалось на добродетели, — так было среди евреев до времен королей, среди спартанцев в период после королей или среди фесалийцев до Александра. Были случаи, когда правили очень немногие, причем очень грешные, — так было среди мегарийцев и среди афинян при третьей тирании, среди римлян при децемвирах, среди перуджийцев, среди сиенцев после изгнания патрициев. Если же нобилии правят в широком представительстве, как, например, было принято среди римлян, когда патриции действительно распоряжались властью еще до утверждения трибунов, то народный тип по сути становился не более чем фикцией. Такая форма правления была распространена как среди жителей города Книд⁵⁵, венецианцев, рогузан, так и у жителей Лукки и Нюрнберга. Правителями могут быть и несколько богатых граждан, как это было у родосцев, в Фивах и у генуэзцев, когда власть была отобрана у народа. Но число вариантов бесконечно: среди фарсалийцев таких лиц было 12, среди спартанцев — 30, среди евреев — 71, среди немцев — 200 или более 300, почти столько же правителей выдвигали жители Рагузы и Лукки. Древние жители Массалии имели 600 представителей власти, чему Валерий Максим привел доказательства. Среди генуэзцев на сегодняшний день их около 1500. В Венеции ко-

личество оптиматов соотносится с числом влиятельнейших семей. Если предложенные оптиматы отрицались выборами или большинством, то это было все-таки лучше, чем то, что если бы каждый сотый человек согласно геометрической пропорции⁵⁶ получал власть. Расчеты по геометрической пропорции лучше соответствуют власти оптиматов, точный геометрический расчет также является основой королевства. Арифметическая пропорция⁵⁷ подходит для народного государства. На 10 000 граждан должно приходиться 100 оптиматов. Таковы геометрические расчеты, из которых выводятся значения пропорции между 100 и 10 000, так, для 12 000 оптимальное число оптиматов 200. Ликург всегда имел правительство из 1000-и человек, что соответствовало тому, что от 5000 спартанцев и 30 000 перизков он взял только 30 [представителей]. При избрании в Сенат нескольких человек учитывалось желание оптиматов. Платон впадал в другую крайность, когда отбирал каждого тридцатого человека для ежегодных выборов в Сенат. От 5040 человек выбиралось 180, как я думаю, в соответствии с традиционной практикой. Ромул привлекал к участию в органах управления каждого тридцатого человека, и таким образом получалось, что 100 сенаторов, которых он допускал к управлению своим городом, избирались от 3000 граждан. Но в других провинциях к управлению привлекался каждый десятый человек, как свидетельствует правовед в отрывке “Опека” под заголовком “Об отношении к значению слов”. Моисей, однако, считал, что из 10 000 он должен выбрать только священное меньшинство. От 622 000 человек избирались 12, причем моложе пятидесяти пяти лет, достаточно дееспособных, чтобы поддержать армию. Он вменил обязанности сенаторов 71 человеку. Этот расчет вполне согласуется с нашим, если мы будем учитывать, что около 100 000 были несовершеннолетними. Я не считаю рабов, стариков и женщин, за счет которых численность может быть удвоена. Численность населения получается такой высокой потому, что женщин всегда было не меньше, чем мужчин, доказательством чему служит название города — Афины. Однако меня удивляет то, что этой системой выборов пренебрегали Платон и Аристотель, хотя они ограничивали численность граждан, которая с течением времени изменялась — то уменьшаясь, то увеличиваясь. Дионисий написал, что согласно первой переписи при Ромуле, в Риме было 300 граждан, согласно второй, при Сервии — 8000, согласно пятой — 130 000, седьмой — 110 000, восьмой — 100 000 плюс еще 3000 граждан, исключая рабов, женщин, слуг, торговцев. Если учитывать этих последних, то, как утверждал Дионисий, число увеличивается в три раза. Более того, численность населения раньше оценивалась и по отдельным годам. Потому что когда рождался ребенок, то вывешивалась монета к Juno Lucina⁵⁸, когда же кто-либо умирал — к Venus Libitina⁵⁹. Это происходило согласно закону о рабах. При аристократическом правлении меньшинства один человек может являться и оптиматом и сенатором, как это наблюдалось среди спартанцев, фесалийцев и евреев. Это, пожалуй, все о народном и аристократическом государствах.

Форма монархии

Сейчас мы должны обсудить вопрос о монархии, хотя эта форма правления может быть даже не одного вида, а включать несколько вариантов. Пять из них определены Аристотелем⁶⁰. Не будем слишком строго опровергать его, пусть каждый читатель решает сам. Я называю монархией государство, в котором верховной властью наделен один человек, в результате чего получается либо полновластие, либо безвластие. Последнее называется тиранией, первое — королевством. И лишь в одном случае целью правителя является честь, во всех остальных — эгоистическое удовольствие. По определению Аристотеля⁶¹, король становится тираном, когда его управление, и без того не отличающееся мягкостью, противоположно желаниям народа. Но это неверная оценка, потому что при такой системе не нужен король. Сам Моисей, наиболее мудрый и справедливый правитель, может быть заклеен как величайший тиран, потому что он приказывал и запрещал своему народу почти все, действуя против его воли. Но, во всяком случае это была народная власть, а не королевская, предусматривающая, что королевством управляет король, согласуясь с пользой народа, и в этом случае управление зависит от народа. Более того, Аристотель, выдвигая это определение, вынужден был признать, что никогда не было в полной мере совершенных форм королевской власти. Далее, один тиран может быть более несправедлив, чем другой, но всех их объединяют творимые ими преступления и насилия. Королевская власть, при которой король правит полновластно, бывает двух видов: когда властителя не сдерживает государственное законодательство и когда его действия ограничиваются только им самим. В первом случае король, не опираясь на систему законов, тем не менее управляет империей совершенно справедливо, авторитетом королевской власти. Таковы были правители древних греков. Говорят, до времени Ликурга, раньше каких-либо других законов должен был учреждаться основной. Так, даже древние помнили правление королей в Италии. В это время ни короли, ни отдельные граждане не обращались к слову закона, но целое государство зависело только от воли правителя. Как писал Полибий, латиняне имели королевское правление, без опоры на определенную систему каких-либо законов. Иосиф заключил, что Моисей был самым древним законодателем из всех, потому что Гомер, например, никогда в своих обширных трудах не использовал слово “закон”. Хотя известны более ранние статуты, учрежденные, однако, отдельными гражданами, но не королями, как известно и то, что позже правители уже не хотели ограничиваться этими отношениями. Действительно трудно объяснить, когда короли управляют из города через консулов и считают допустимым несколько ограничивать свой авторитет и власть. Это есть и всегда было; и неразрешим долговременный и серьезный спор между полновластием и слабостью, которая неизбежно приводит империи к бедственным руинам. Полновластие тяготеет к власти определенной и не сдерживаемой законами. Слабое государство тяготеет к правителю, ограниченному каким-

либо законом. Теренций Арса — трибун плебса — предложил народу, что законы должны формироваться консулами таким образом, чтобы народ не зависел от капризов власть предержащих. Этот законопроект, говорит Дионисий, опротестовывался консулами в течение шести лет, но в конце концов был поддержан. Однако для составления кодекса были выбраны децемвиры. Для того чтобы поддерживать на плаву корабль закона, нужно полностью отделять дела, направленные на укрепление власти короля, который сам по себе является носителем авторитета, от законов, исходящих от предшествующих королей, Сената или народа. Не является доказательством начинающегося ниспровержения государства великий аргумент Платона, что магистрат имел верховенство над законом, а не закон над магистратом. Реальной опасностью для короля являются выборы, потому что они — законное ограничение его власти, но ведь он управляет всем и вся кивком головы и своим волеизъявлением. Эта проблема получила серьезное рассмотрение у Аристотеля в том отрывке, где он исследует, что является более правильным — предоставить авторитет одному человеку или закону. Хотя он утверждает, что хорошо, когда один честный и добродетельный человек берет на себя управление⁶², если только того требуют интересы государства, позже, возвращаясь к этой проблеме, он комментирует ее так: “Власть, данная Богом, может быть дана и законом, но когда она дана человеку, то может родиться чудовище”, потому что человек под влиянием эмоций может поддаться искушению и отказаться от справедливости⁶³. Пока закон нуждается в толкованиях и зависит от мнений, меняющихся в соответствии с обстоятельствами места, времени, то причина изменения законов не может быть понята во множестве случаев. Он полагал, что каждый должен действовать в границах, очерченных законом. Оставшиеся проблемы должны решаться по справедливости и согласуясь с совестью людей. Если это истина, то руководствоваться ею должны не правители или те, кто насаждает высшую власть в государстве, а магистраты. Тот, кто принимает законы, должен быть выше того, чтобы брать на себя заботу отменять их, или объявлять недействительными, или дополнять их и корректировать в силу изменившихся обстоятельств, а то и признавать устаревшими. Но все это недопустимо, если человек, занимающийся законотворчеством, не придерживается законности. Поэтому Демосфен настоял на отклонении закона жителей Лепты, при помощи которого можно было свергнуть и уничтожить существующую форму правления. Лептийцы принесли народу клятву, которой нарушили закон, пообещав привести к правлению кого-либо из народа, кто мог бы своим бездействием потворствовать преступлениям верховной власти. Но когда римляне приняли решение именем священного закона, что независимо от закона для любого может исходить угроза, то они прибавили: “Исключая центуриальные комиции”, иначе говоря, народ не должен был иметь права отменять свои собственные решения, что просто глупо. Потому что никто не может объявить закон ради закона, не оставив права отказаться от него. Заголовок “О законе”

начинается словами: “Если кто-либо первый...”, а заголовок “О сроках [сбора] налогов” открывается следующими словами: “Титом...”. За этим кроются определенные причины, иначе, почему сначала Август, а потом и Веспасиан, имея законно полученное право управления империей, проводили свои решения через Сенат, но в этом отношении, однако, в империи часто практиковался обман.

Действительно, замечательно предполагать, что человек, который издает законы, должен быть над законом, это обстоятельство мы должны иметь в виду. Но тем не менее если решение принято и одобрено общим согласием каждого, то как это возможно, чтобы правитель перестал придерживаться закона, который он сам издал? По этому поводу был обнародован трибунский закон Корнелия, предусматривающий, что преторы ограничиваются своими собственными эдиктами и что они уже не могут вновь пересматривать узаконенные ими раньше отношения, хотя они должны смириться с тем, что им придется издавать законы, явно противоположные тем, которые они однажды уже объявили, как писал Асконий. Это и есть причина того, что обращение преторов через свой эдикт шло параллельно с обращением к правителю или к народу с рекомендацией принять закон. Если справедливо то, что человек должен придерживаться любого решения в отношении его, принятого другими, то намного справедливее то, что правитель или народ может придерживаться своих собственных законов. Это обстоятельство римский народ использовал для присяги в судопроизводстве, когда народ приказывал, как можно прочесть в V книге Аппиана. Протест по этому поводу выразил Метелл Нумидийский⁶⁴, которому не нравились Земельные⁶⁵ законы, и он не хотел им присягать, за что и был отправлен в ссылку. До тех пор пока люди сдерживались своим собственным законом, пока они, признавая его справедливость, не требовали его отмены, правители тоже сдерживались. Но правитель прибегает к софистике, используя ее против народа, когда говорит, что он сам свободен от законов, потому что не только стоит над законом, но и не видит способа, которым бы законы ограничивали его. Но если даже имеются более серьезные основания, чем просто желание кого-либо, то и они все-таки должны иметь силу закона. Эти воззрения Помпония и Ульпиана представляли собой нечто большее, чем материал, пригодный для правоведов. Павел провел исследование статуса государственного деятеля. “Позор для правителя присваивать себе что-либо из еще не доставшего ему завещания, и могущественному правителю приличествует покровительствовать законам, которые он считает действующими”. В этот период Александр Север⁶⁶ первым подтвердил это в своем рескрипте⁶⁷. Далее Феодосий и Валентиниан в королевской речи ясно высказали, что они осознают свою ограниченность законом. Они говорили: “Решение, достойное королевской власти, — признать, что сам правитель ограничен законами. Действительно наш собственный авторитет зависит от силы справедливости, и действительно есть необходимость для правительства обеспечить подчинение короны закону”. Язык на-

стоящего эдикта не позволяет рассматривать его таким образом, чтобы допустить, что этот закон проводился для всех; для правителей Турции, персов, скифов, британцев или абиссинцев он не имел никакого значения. Даже не все папы римские признавали себя ограниченными какими-либо законами, и, по их собственным словам, они никогда не связывали себе руки. Более того, когда они говорят, что являются творцами законов и хозяевами всех вещей, то они уподобляются королям, которых Аристотель называл “благородными” и которые, подобно отцам семейства, готовы покровительствовать государству, как если бы оно было их собственным имуществом. Не противоречит ни природе, ни закону нации то, что правитель может быть творцом всех уложений и законов в государстве, от него же требуется своевременно защищать свое государство своими армиями, как он защищал бы своих детей ценой собственной жизни, потому что законом нации отец семьи является хозяином не только богатств, добытых им самим, но также тех, которые приобрели его слуги, равно как и самих его слуг. Это есть правитель первого типа. Второй тип относится к категории, связанной законами, которым подчиняются не только служащие и частные граждане, но все. К такой категории принадлежат, например, афинские правители, за некоторым исключением, и карфагенские, которые торжественно приносили клятву, отправляя священный ритуал, и повторяли слова, сформулированные священниками и знатью королевства. Они связывали себя бременем управления государством в соответствии с законами страны и общественным благом. Коронационная клятва наших королей действительно кажется мне сильно изменившейся не только по красоте слога и древности слов, — оказалось утраченным нечто в содержании и благородстве мысли. Это имеет большое значение особенно в том, что раньше священники наставляли правителя от имени бессмертного Бога, так что он мог провозглашать полноправный закон и гарантировать справедливость всем сословиям, а также, насколько позволяло его положение, быть верховным судьей как в государственных делах, так и в церковных. По имеющейся присяге, он не мог нарушить свою веру или если и мог, то не был склонен делать это, клятва для него была столь же важна, как и для каждого гражданина, и он руководствовался этими же общегражданскими законами. Более того, он не мог нарушать законы, особенно касающиеся его королевства, не мог изменить какую-либо традицию народа или какие-либо древние установления без согласия трех сословий. Однако, когда возникли серьезные разногласия, последним актом спора между королем и народом Нарбона стало обсуждение, где рассматривали взаимные претензии, основанные на предписаниях. Спор прерывался неоднократно, но решение в конце концов осталось за королем, который был в определенном смысле лъстецом и крючкотвором.

Из этих примеров, я думаю, становится ясно, что Аристотель ошибался в том, что короли, воля которых ограничивается законом, не являются королями. И уж, конечно, если кто и имел верховную власть,

так это короли. В противном случае получается, что и римский народ не имел верховной власти в государстве, потому что ограничивался законами, которым приносилась клятва. Комментаторы-правоведы принесли много вреда, когда утвердили сказанное Ульпианом и Помпонием о римском правлении (они не только освободили Рим от законов, но даже сказали, что воля [правителя] и есть закон), применив эту формулу ко всем правителям. Более основательными выглядят факты, что Ясон⁶⁸ объяснял деятельность Людовика XII как главы законодательства. Это ярко демонстрирует Азо в своем утверждении, что все вещи являются собственностью правителя. Подобное толкование нарушает не только традиции и законы этого королевства, но почти все эдикты и решения советов всех королей и правоведов. Ведь если граждане лишены права собственности, то никакие гражданские действия невозможны. “Но королям, — говорил Сенека, — принадлежит власть над всеми вещами, тогда как гражданам — над собственным имуществом”⁶⁹. И немного позднее он добавляет: “Все под властью добродетельного государя. Король поддерживает порядок своим авторитетом, в то время как граждане имеют право пользоваться владениями как личной собственностью”⁷⁰. Все вещи в государстве принадлежат кесарю правом его авторитета, но собственность передается правом наследования. Более того, позвольте показать некоторые различия между королями, управляющими справедливо. Различия эти заключаются в том, что одни ограничивают себя определенными законами королевства, другие всецело свободны. Еще одно различие заключается в том, что одни избираются, а другие получают власть по праву рождения, происходя из королевского рода. Последний тип королевства Аристотель назвал иностранным, когда правители следовали непрерывному праву наследования. В отношении тех, кто выбирается: некоторые избираются пожизненно, другие — на короткое время. Dictator — это название использовалось римлянами, archus — фесалийцами, aezymnetes — жителями Митилены, archon — афинянами, при демократическом устройстве государства balia — флорентийцами, и в этом случае правительство состояло из многих людей. Такой властитель имел право высшего контроля над войной и миром, право наказывать и награждать. Те, кто получал пожизненную власть от оптимата или плебса, назывались Аристотелем королями. “Люди этого типа, — писал он, — жили в героическое время, когда наиболее справедливый и проницательный человек избирался всеобщим собранием и наделялся правом быть пожизненным вождем, поддерживать справедливость и толковать священные вещи”. Такие люди избирались древними римлянами и нашими предками — франками, а также арабами, скифами, датчанами, норвежцами, поляками, венграми. Пяст, внешне человек нескладный, был выбран королем Польши в 800 г. от Рождества Христова. От него происходят другие короли вплоть до Ягайло, от чьего корня пошел род Сигизмунда, современного правителя. Не в столь отдаленные времена Матиаш Корвин⁷¹ был выбран королем Венгрии, а Густав⁷² был избран королем шведов на всю

жизнь. Выборы у венгров назывались *saġ* и происходили в районе Песта, где формировалась и армия. Правителей Египта выбирали из математиков, преторианских стражников выбирали таким же способом, как выбирались цари карфагенян и мавров, когда они вступали в свои полномочия по окончании периода межвластия, кесарь желал быть облеченным властью Августа. К следующему виду королей Аристотель относил военных вождей. Он приводит в пример королей Спарты, но это не удовлетворяло им же самим выдвинутым требованиям, потому что эти короли не были полновластными: они не могли объявить войну или заключить мир, как мы и должны бесспорно согласиться с этим. Но Аристотель, я думаю, был введен в заблуждение простым названием — “король”, которое сохранилось со времен Ликурга, когда король брал в свои руки власть, чтобы не расстраивалось государство. И командиры солдат мало что значили в королевстве, подобно наследственному стягу, все еще почитаемому среди гетуэцев, которые, однако, не были включены в списки королевских советников. То же самое касается вождей фиванцев, ахейцев, жителей Лукки, рагузанцев и древних галлов, которых описал Цезарь, там также проходили ежегодные выборы официальных лиц.

Тип управления германского государства

Существуют некоторые опасения в отношении императоров германцев. В самом начале, когда род Каролингов увял, была введена выборная система. Конечно, они имели королевскую власть, если говорить о Генрихе Птицелове⁷³, Оттоне⁷⁴ и др. Приведем несколько примеров, касающихся Рудольфа⁷⁵. Он полностью лишился всего, потому что королевская власть была им потеряна. В результате того, что новые правители стремились более к почестям, нежели к порядку и контролю, было признано, что они должны избираться, а не наследовать власть. Таким образом, перемена в аристократическом правлении вступила в силу, поскольку верховная власть императора была передана местным правителям и оптиматам. Это может быть видно из Золотой буллы Карла IV⁷⁶. Правда, что за императором оставалось право быть главнокомандующим на войне, но некоторое время спустя императоры уже не могли ни выпускать законы, ни объявлять войну, ни назначать магистратов или собирать налоги. Действительно, король имел императорское достоинство прежде всего в силу собственного авторитета, иногда — в силу традиции, а также из-за сбора налогов. Среди императоров были и такие, кто не имел ничего: ни права выбора главы высшей судебной инстанции, ни влияния на членов императорского Совета, который состоял из 24 человек и одного магистрата, являющихся властью в империи. Император не мог сделать кого-либо правителем, хотя все правительство среди нас обычно назначается королем, среди них [у немцев] император же выбирался знатью, и знать в конечном итоге могла лишиться его власти. Так, вскоре после смерти Карла IV его сын был свергнут с престола.

Известна жалоба Юлиана Пфлюга⁷⁷, немецкого епископа, что императоры, которые должны управлять князьями и народом, сами иногда попадают в зависимость от тех, кем они призваны управлять. Более того, князья имеют больше власти над гражданами, чем сам император. Кроме того, князья объединяются при выборах с герцогами, крупнейшими землевладельцами, маркграфами, ландграфами, виконтами, епископами и представителями городов. Они объявляют законы империи, отменяют и вводят налоги и пошлины, начинают войны, формируют армии, назначают посольства, утверждают договоры. Но система голосования была основана на тройном сословном делении общества. Первое сословие представляло семь выборщиков, второе — имперских князей, третье — представителей городов. Поэтому если два сословия, например избиратели и князья или князья и города, приходили к соглашению, то третья сторона не имела влияния на власть. Это достойно внимания, потому что система сословий не может считаться одинаково справедливой для всех. Этот институт не является настолько старым, как может показаться на примере графства Бургундии, созданного Филиппом во время правления Карла IV⁷⁸ на основе голосования выборщиков. В деле, необходимость решения которого требует согласия князей или городов империи, все они должны иметь право голосовать. Не является аргументом то, что князья имеют контроль над своим народом (хотя контроль ограничивается имперскими законами), потому что они получили когда-то от императоров свою жизнь, судьбу, земли и все полномочия власти. Однако были доказательства того, что серьезные споры правителей и городов-государств разбирались в судах, где выяснялись причины ссор, происходивших в каждом сословии, или при императорском дворе, если дело касалось ущерба более 12 крон. Раньше это было распространено повсюду, о чем ясно и просто говорит Золотая булла. Поскольку правители оказывались как бы исключительно выходцами из аристократического сословия, то они [правители] были опорой церкви, распоряжались среди знати, почти никогда — среди плебса, как писал Юлиан Пфлюг. Имперские города (их было около 70) имели частичную свободу, определенным образом в некоторых вопросах они были подвластны князьям, но иногда они даже использовали свои собственные законы и устанавливали правление оптиматов. Это может быть понято на примере государства Нюрнберг, которое справедливо считалось величайшим среди всех и славилось своей организацией.

Государство Нюрнберг

В Нюрнберге имеется около 300 оптиматов (число неточное), и все они, как пишет Конрад Цельтис⁷⁹, выбирались из 28 патрицианских семей. Ремесленники и торговцы, получая избирательное право, тем не менее никакого участия в управлении не принимали, в противоположность другим немецким народам. Эти люди [оптиматы] сосредоточивали в своих руках всю верховную власть государства. Из их числа выби-

рались цензоры или члены Сената. Когда избирался новый состав, прежние магистраты снимали свои полномочия. В Сенат обычно избирались 26 человек, которые из своего числа обычно выдвигали восемь основных членов. Были и другие служащие, например 13 человек сенаторского ранга, которые назывались “земельными магнатами”, и семь человек бургомистров, обладавших властью, почти равной власти венецианских децемвиров. Выбирали также пять человек, которые были правомочны вершить суд над ворами и разбирать дела, связанные с другим материальным ущербом, причинением насилия; избирались также люди для рассмотрения гражданских дел, причем вели их они вместе с правоведами, другие дела рассматривались Сенатом. Следующими идут семь человек — капитаны, знатоки ратных дел, судьи для ведения дел крестьян, два казначея высшего ранга, члены комиссии продовольственных запасов, охрана триумвиров, которые имели функции прокураторов и власть, равную власти прокураторов святого Марка среди венецианцев, и, наконец, члены многочисленных комиссий и корпораций. Это была именно та форма республики, которой другие государства скрыто подражали, хотя некоторые имели народное правление.

Из вышесказанного может быть понято, что люди серьезно ошибаются, думая, что императоры германцев имели верховную власть, потому, что Карл IV в Золотой булле (которая, кстати, была частично со временем изменена) назвал князьями и избирателями виночерпиев, дворецких, поваров, охранников, конюших. Они действительно имели всю власть, т. е. никакой. Не лучшим является и то доказательство, что императора провозглашали только после того, как он заручался доверием избирателей. Он не располагал властью над государственной казной, но имел, однако, трех казначеев: одного — в Страсбурге, второго — в Любеке, третьего — в Аугсбурге, где они и охраняли его доходы.

Государство ахейцев

Вышеописанная форма правления напоминает государство ахейцев, которое первоначально состояло из 12 городов. Они жили под управлением тиранов от Ореста до Огига⁸⁰ при королевской власти, после убийства тирана ахейцы утвердили правительство оптиматов. Затем их внутренний мир был нарушен непрерывной борьбой между Деметрием и Антигоном⁸¹. Вновь была установлена тирания. В очередной раз этот народ встал на путь освобождения, когда Пирр ввел свои армии в Италию⁸². Затем Исей, тиран жителей Керавн, опасаясь за свою собственную безопасность, добровольно отказался от управления городом. Вслед за этим были добровольно присоединены Кариния, Леонт⁸³ и Пеллена⁸⁴. Наконец, соседние города, изгнав своих тиранов, также вступили в союз. В их число входили аргивяне, сикионцы, жители Аркадии, Коринфа, Лакедемона и всего Пелопоннеса. Для них вхождение в этот союз стало возможно благодаря тому авторитету, который был приобретен в ходе разрешения многочисленных споров греков, когда они продемонстрировали свою доблесть и добродетели. Когда движение пи-

фагорейцев в Италии было подавлено, за этим последовали серьезные волнения в государстве, но в конце концов возобладала мудрость и во главе ахейцев встали способные лидеры, хотя армия и прочие средства афинян и латинян были намного мощнее и полновеснее. Наконец, через заключение союзов и соглашений ахейцы приобрели так много новых территорий, так много городов было присоединено на добровольной основе, что это выглядит почти невероятно и тем не менее является правдой, и, как об этом писал Полибий, весь Пелопоннес воспринял их систему мер и весов, их монеты, магистратуры, совет, религию и форму управления. С тех пор богатое приобретение увеличивалось, расширялось и охватило многие города-государства, и в результате почти все недостающие части были включены в существующую систему. Еще более восхитительно то, что при помощи своей доблести они достигли так многого, что не только казались врагу непобедимой страной, но также были названы местом, где рождаются цензоры и тираны (подобное пишется о шведах). Их не могли завоевать римляне до тех пор, пока их внутренний мир не был разрушен самим народом.

Подобно германцам, они собирали ежегодные ассамблеи, но все они выбирали военачальников на год, германцы же выбирали своих вождей пожизненно. Из этого понятно, почему их военные вожди ошибочно называются Аристотелем королями. Человек называется королем в том случае, если в его руках сосредоточена власть принятия законов, назначения магистратов, объявления войны и заключения мира, дарования помилования. Если это отсутствует, то название “король” явно не подходит. Монархия содержит в себе некоторые другие вещи, которые мы наблюдаем в аристократических формах правления.

Виды монархий

После правителя высшей властью обладает Сенат, который среди нас обычно называется Тайным советом, среди испанцев — Королевским советом, среди турок — Священным советом. В дополнение к этому повсюду имеется еще один Сенат, который испанцы называют секретным, а мы — внутренним советом. Он состоит из четырех-пяти человек, которые находятся в дружеских отношениях с правительством и имеют дело с секретами империи. Среди венецианцев это была коллегия децемвиров, среди испанцев — Королевский совет, состоявший обычно из двенадцати человек, которые имели полномочия обсуждать с правителем законы, вопросы войны и мира, условия жизни всего государства, как пишет об этом Альфонсо Улло⁸⁵. Другим советом является орган, который занимается внутренними делами. Это четыре или пять человек, которые контролируют власть знати, торговые компании, военные походы. Еще одним, пятым органом власти является инквизиция, где принимаются к рассмотрению религиозные дела. Шестой обычно включает в себя военачальников и высшую знать, он ограничивается военными делами. Среди поляков есть два совета: первый — более избранный, второй — более широкий или большой. В эти советы

допускаются епископы и военачальники, коменданты крепостей или те, кто несет основную службу, как об этом сообщает Жан Сарий, польский писатель. Среди англичан избирался Сенат, в который входило около сорока человек и который был утвержден Эдуардом II⁸⁶, он формировался из тех, кто обладал высоким авторитетом и уже доказал свою проницательность. Епископ Кентерберийский Роберт⁸⁷ выдвинул совету требование уничтожить тиранию правителя. Турки, говорят, имеют правительственный Сенат, состоящий из четырех пашей и двух кадилесков, а также восьми бейлербеев. В нашем обществе принцы королевской крови допускаются в совет, так же как и крупнейшие магистраты, например канцлер, коннетабль, министр торговли, королевский библиотекарь, маршалы, адмиралы и великие военачальники. Остальные избираются волей правителя, как, например, кардиналы, епископы, некоторые служащие казначейства, президент парламента и другие служащие, которые выдвигаются в соответствии с их заслугами в международных делах и богатым опытом в управлении государственными делами.

За консулом, по степени важности, следуют коннетабль и канцлер, эти фигуры почти во всех монархиях выполняют одинаковые функции. Формально при римских королях считалось, что они влияют на законы с таким же успехом, как и на армию: при диктаторе — командующий армией, при императорах — командир охраны. Далее этот же служака становился хорошим сенатором, храбрым генералом и красноречивым оратором, в соответствии с требованиями времени. Такими были Фемистокл, Аристид, Перикл, Фалерон⁸⁸, Демосфен, Катон, Цезарь, Брут, Антоний и бесконечная череда других. Так под влиянием многочисленных законов происходило становление государства. Система военной и городской администрации была разделена, повсюду была принята двойная система служащих: одна — для мирного времени, другая — для военного. Тот же самый человек, который как в нашей стране, так и среди испанцев и британцев назывался майордомом дворца, в другое время назывался комендантом или коннетаблем. Среди карфагенян он именовался *mupafidus*, Джовио назвал его не точно — *niphates*, это же название Лев Африканский использовал для обозначения человека этого ранга в султанатах. Среди турок он известен как *визирь*, что соответствует нашему главе собрания, среди абиссинцев — *betudeta*, что означает “слуга”. Авторитет этих людей всегда был велик, а должность считалась и более почетной, чем у гражданских служащих — чиновников, потому что безопасность государства и внутренний порядок зависели от боеготовности армии, а основой издаваемых декретов и приказов является военная администрация, которая исполняет приказы.

Функции канцлера тоже почти одни и те же повсюду — быть толкователем правосудия и законов, а также хранителем священной печати. Макиавелли глупо наделял канцлера Галлии неограниченной властью над жизнью и смертью граждан. Официальное лицо, выполняющее те же функции, что и канцлер, среди абиссинцев называется главой

правосудия, как свидетельствует Альварес. Среди турок это кадилеск, а среди магистратов — лидер, если сказать по-европейски. Эти лица присваивали себе первенство над пашой. Они имели также контроль над магистратами и вынесением окончательных решений в судах. Человек, который является муфтием или главой священников, действительно решает, как трактовать священный закон таким образом, чтобы никто не смог себе даже представить закон, который выше и значительнее религии. В военную годину, как и в мирные времена, чиновники подчиняются главе священнослужителей. Эти люди среди персов называются сатрапами, среди римлян — правителями, среди турок — белербейями, а среди германцев, британцев и галлов они называются герцогами, а также графами, и являются сейчас правителями провинций. Те, кого турки называют *sangiachi*, также отличаются от наших сенешалей.

Мы дали определение тому, что есть гражданни, республика, город-государство, магистрат, верховная власть. Теперь мы должны обсудить форму государства и показать, что форм государственного устройства не более чем три. А сейчас позвольте нам обсудить изменения, которые происходят внутри самого государства.

Изменения в государстве

В движении от зарождения общества к той форме, которая утвердилась сейчас среди всех народов и продолжает развиваться, мы можем найти бесконечное множество различий и изменений. Наиболее древними из всех являются сообщества во главе с мужчинами, состоящие из членов их семей, такие сообщества основывались на сходстве души, тела и судеб. Затем появляется особое отношение к детям, складываются родственные отношения между братьями, затем среди родственников по мужской линии и членов одного рода. А когда уже все сообщество не могло жить под одной крышей, тогда отпадали определенные группы, которые уходили в другие дома, где они жили уже своими интересами и имели собственные владения. Затем в результате новых связей и новых брачных союзов родственные отношения по мужской линии стали перерастать в отношения в кругу малой семьи. Далее следуют, как мы видим, объединения, основанные на браках между людьми разных национальностей, следующая группа объединяет друзей и основана на их различиях. Потом соседские общины, когда соседи, имеющие потомков, часто встречаются по разным поводам, строят свои дома отдельно друг от друга, но селятся кучно. С этого времени стали появляться фратрии и сельские общины, которые во время посевного периода пользовались водой из одного источника. Со временем население так увеличилось в численности, что люди не могли себя чувствовать в безопасности от чужестранцев, которые бродили повсюду в огромном множестве, как об этом можно прочесть на страницах Фукидида. Когда чужеземцы отвоевывали для себя землю, согнав с нее коренных жителей, то сами начинали заниматься ее возделыванием и строительством зданий. Пришельцы окружали поселения стенами, которые называли укреплениями,

а поскольку они располагали своей защитой, то надеялись, что при помощи военной добычи они смогут жить более благоустроенно. Сила и могущество предназначались для сдерживания врага, организации снабжения и командования. Более того, так как ров или земляное укрепление не обеспечивали надежной защиты, то, во-первых, они защищали город укреплениями, чему есть свидетельства. Затем вокруг города возводились фортификации, которые латинянами назывались *urbus*, как писал Фест. Иногда эти сооружения представляли собой сферы (*orbis*), согласно Варрону, потому что глубокие рвы, окружавшие город, шли вдоль стен и замыкались в круг. Греки называли это *astu*, немцы — *burg*, и те и другие исходили из значения “безопасной цитадели”. Но затем возросшая численность граждан потребовала расширения городских укреплений. По мнению Тацита, это не относилось к римлянам, которые на отвоёванной у врагов земле основывали римские колонии. Колонии были рассеяны по огромным пространствам, но в них существовали те же традиции, что и в главном городе. К колонии относились так же, как и к основному городу. “Гражданин” (*civis*), я думаю, является тем же самым, что и *quivis* (у древних не было буквы *q*), потому что каждый *quivis* пользовался теми же законами, что и все остальные.

Мало-помалу дружба объединяла человечество в союз, расширив его связи от одного дома до нескольких семей, деревень, городов, поселений и целых народов, и процесс этот шел до тех пор, пока не охватил весь человеческий род, и это поддерживалось всеми. Основные общественные группировки имели и свои собственные принципы жизни. Человек действует по своей воле, исходя из своей стадной природы или из той неоспоримой необходимости, что заставляет его осваивать новые, часто общие с другими места, целью чего является потребность сделать свою жизнь более приятной и удобной. Это доказывает и то, что изначальный интерес, толкающий друг к другу мужчину и женщину, постепенно убывает, и отношения между людьми строятся на более широкой основе. Далее, природа приводит в порядок то, что требуется привести в порядок. Собственность, которой никто ни с кем не хочет делиться, для каждого является тем, что он любит больше, чем хочет, и больше самого себя; [собственность] является поистине всем. Самой природой не заложено желание сообщать использовать вещи. Даже при прочной дружбе недопустимо вмешиваться в сферу владений другого. Потому что уж таково свойство товара, что его становится тем меньше, чем больше людей им владеет. Но дружба подобна свету Солнца, тем более что сиянием ее наслаждается большинство людей. По этой причине природа не допускает, чтобы братья женились на сестрах, а родители на детях. И общественная мораль многих народов этого не допускает. Даже среди самых диких и неистовых жителей Америки, говорят, это соблюдается без всяких нарушений. Поэтому семейные объединения расширились до размеров политических сообществ и дружба, которая использовалась для объединения лишь нескольких домов, со временем расширилась и распространилась на соседние регионы, как свидетель-

ствует Август. Он не так уж далек от истины, и это подтверждается тем, что папа Иннокентий⁸⁹ (в предпоследней главе “Об отношениях”) решил брак родственников только в четвертом колене, ссылаясь на опасность смешения жидкостей в организме человека. Это не должно казаться чем-то особенным, потому что не каждый, как кажется Платону, должен был понимать значение расширения этих отношений. Сам же он в V книге “Государства” отрицал только браки отцов и детей, но принимал все остальные. Но то удобство, которое люди получали от совместного существования, вскоре было испорчено ссорами, и в результате сильные, конечно, подавили слабых, и это, увы, человеческая склонность, отнесенная Варроном ко всей универсальной природе. Тот, кто может, требует больше, подобно тому как большая рыба поедает маленькую, а ястребы убивают более мелких птиц. Тот, кто отличается слабостью и хилостью, избегает здоровых и сильных, а некоторые почитают за высшую справедливость не допустить угрозы оскорбления. Таким образом, может возникнуть два вида государства. Первый утверждается силой, а второй — справедливостью. Ко второму типу относятся королевство, аристократия и демократия, к первому — тирания, олигархия и охлократия. Последнюю Цицерон, испытывая иногда недостаток латинских слов, называл также тиранией. Но так как империи, в которых побеждает тирания, не могут удерживаться без справедливости, то тираны сами начали культивировать эту добродетель, не для себя, конечно, но для народа. По этой причине выросла роль правосудия. Далее, люди, выделив из своей среды наиболее пронизательного и справедливого гражданина, стали охранять его, не жалея живота своего, следя, чтобы он не пострадал, ибо теперь их благополучие зависело от него. Он же должен был управлять гражданами справедливо. Из этого становится ясно, что, если мы, не сделав выводов из уроков истории, пожелаем полностью освободить каждого, наделив его полномочиями, без законов и авторитета, мы все равно придем к необходимости участия отдельных граждан в судьбе каждого. И первый вид государства был учрежден под властью одного человека, имевшего право называться справедливым, потому что он создал то, что люди могли использовать как правосудие (по словам Демосфена, начало этому было положено афинянами, а Геродот отдал пальму первенства мидийцам). Для более точного доказательства нашей правоты мы обращаемся к страницам Гомера и Гесиода, где справедливыми часто называются короли, князья, правители, они же часто называются “лучшими пастухами” или “пастырями народа”. Эти слова не несут в себе ничего властного и возвышающего, но прежде всего заботу об управлении и справедливости в отправлении правосудия. Так, Аммиан Марцеллин в книге XXIX описал домен, т. е. владение, как не что иное, как заботу о безопасности других. Платон в книге V “Государства” пишет: “Справедливость и правосудие есть в буквальном смысле следование добру, употребление силы и власти на пользу людей”⁹⁰. Давно, в былые времена, еще задолго до Гомера, Миноса и Эака,⁹¹ люди, управлявшие империя-

ми, назывались просто магистратами. Также и у евреев семь человек, которые управляли общественными делами, тоже назывались просто магистратами. Когда короли были изгнаны, тогда, говорят, консулы начали считаться просто магистратами. Свидетельства этому можно встретить на страницах Ливия и Варрона, которые считали, что право выбора консулов имеет каждый [гражданин]. Кроме того, “все граждане должны являться в суд в ответ на вызов”. Это не должно казаться более сильным, чем августейшее воздаяние справедливости, настолько прилежное, что каждому, когда тот болел, он [кесарь] давал разрешение на полную свободу. Другой кесарь также придавал большое значение всем, даже самым пустячным, делам. Даже сейчас, когда наши короли проходят обряд коронации, первое, в чем они клянутся, это в том, что они обеспечат беспристрастность правосудия, и это кажется главным в процедуре их посвящения. В обществе, организованном по типу монархии, гарантировалось беспристрастие в применении законов, что базировалось на справедливости короля или же на его несправедливости, последнее случалось, когда человек, наделенный полновластными полномочиями, окружал себя бандой разбойников и склонял наиболее слабых к рабству, как Моисей писал о великих гигантах и Нимроде⁹², который основал свою власть на рабстве. Но тем не менее так они могли сохранить власть, которая была основана и приобреталась через преступления. Это свидетельство необходимо для беспристрастной оценки. Все писатели, обращавшиеся к истории, сходятся на том, что вначале не было попытки утвердить правление оптиматов, самое меньшее, к чему прилагались усилия, — это утвердить правление народа. Кроме того, короли избирались из одного рода, потому что те, кто имел наибольшую власть, оставляли ее детям. Тем, кто заслужил уважение благодаря своей справедливости, поклонялись не только при жизни, но также после смерти, и их дети должны были стать королями народа, потому что всем казалось, что они должны быть похожи на своих родителей. Но когда власть начинает руководствоваться выгодой и жадностью, а не справедливостью, то происходят неизбежные изменения — королевства сползают к тирании. Следовательно, едва начинаются споры за полновластие, это оборачивается тем, что слабые подвергаются угнетению и страдают по вине тех, кто должен был им покровительствовать. Поэтому нередко случается так, что более полновластные формы уничтожаются и опрокидываются автократией, причиной чему служат жестокость и похоть того или иного правителя. Поэтому жестокое правление Фалариса⁹³, Ферамена⁹⁴, Калигулы, Нерона, Домициана, Коммода⁹⁵ и Сфорца — тирана Милана — в конце концов было опрокинуто. Но более весомой, чем жестокость, причиной уничтожения тиранов была похоть, потому что жестокость держит граждан в повиновении и вызывает страх, похоть же вызывает презрение, человек, который не может управлять своими желаниями, не должен допускаться к власти. Александр Медичи, тиран Флоренции, был убит за попытку совершить прелюбодеяние с чужой женой, а Писистрат был убит Гармодием, чью

сестру обесчестил. По этой же причине свою власть потеряли Алозий, Родерик, короли Испании, Сарданапал, Гелиогибал, Аппий Клавдий и многие другие. Под влиянием ненависти к деспотам авторитет переходил к вождю заговорщиков. Поэтому Арбакт, воспользовавшись отсутствием Сарданапала, захватил королевство ассирийцев, Брут взял консульство и встал во главе армии, Людовик Гонзага получил командование над мантуанцами после того, как он убил тирана Бонаколзи. Более того, опыт учит нас, что самые справедливые принцы приходят на смену наиболее жестоким правителям. Их судьба ужаснее других, потому что они думают, что главная опасность — стать на путь своих предшественников. Поэтому Гальба⁹⁶, самый добрый и справедливый правитель, пришел на смену Нерону, Нерв — Домициану, Александр — Гелиогибалу, Пертинакс⁹⁷ — Коммоду, Гордиан⁹⁸ — Максимино. Но постепенно укоренившиеся привычки брали верх, и следующий правитель вновь скатывался к чрезмерному пороку.

Эти непрерывные изменения характерны для всех монархов, которые когда-либо существовали. Первым об этом написал Платон, а затем Полибий и Цицерон высказали свои соображения о необходимости и закономерности перехода от демократического управления к правлению оптиматов, но эту мысль нельзя назвать верной. В отношении скифов, южан или азиатов, живущих за Евфратом, или даже об американцах ничего не написано об аристократической или народной форме правления. В среднем регионе, преимущественно на западе, я вижу только демократии или аристократии. В конце своего развития они, за редким исключением, превращаются в ограниченные монархии, созвучные природе. Первыми прошли этот путь критяне, затем афиняне и спартанцы, во всей Греции была принята форма демократического или аристократического правления. Этим путем последовали сицилийцы, затем итальянцы, галлы, испанцы, наконец, немцы и шведы. И мне кажется, что этому есть своя причина, которая заключается в том, что люди среднего региона рождаются для руководства делами, как мы уже писали об этом в предыдущей главе, и все здесь считают себя пригодными к управлению. Еще более яркий пример — народы запада, которые не могут легко переносить тиранию, потому что они отличаются от восточных независимостью духа. По этой причине они вынуждают и самих королей повиноваться законам (ничто не может быть священнее этого требования), в противном случае они отстраняют тиранов от правления, лишают их власти и устанавливают народное правление или власть оптиматов. Это является столь ясным для читателей исторических сочинений, что не нуждается в пояснениях.

Два вида изменений в государстве

Изменения в правлении бывают внешними и внутренними. Между ними необходимо установить некоторое различие. Внутренние изменения могут производиться как своими, так и иноземцами. Последний случай имеет место, когда государство согласно уступить власть другому

мирным путем, например миланцы, освободившись от германской власти, призвали Карла из Анжуйской династии возглавить их государство. Они добровольно подчинились его власти, хотя он и не прилагал к этому серьезных усилий. Мамлюки, убив нескольких султанов, установили контроль над Египтом и неохотно выбрали правителем принца Карамани. Жители Фив, так же, как и фокианцы, основав колонию, уступили управление города чужеземцу. Но они имели для этого основания: он сохранил их законы, что согласовывалось с их намерениями. Но это редко случается, потому что власть чужеземца обычно воспринимается с трудом. Однако часто случается, что завоеванные должны подчиниться власти завоевателя. Так, народное управление афинян насильственно было заменено на аристократическое спартанским вождем Лисандром, который всех держал под своей единоличной властью.

Похоже, что внешние изменения также могут иметь два вида: первое — вводимое без какого-либо насилия над всеми, второе — устанавливаемое силой. Последнее без особых усилий может отклоняться от справедливых установлений к несправедливости, потому что природа людей такова, что они имеют постоянную склонность скатываться к порокам. Что может быть замечательнее, чем правление Нерона в первые пять лет? Что может быть более божественным и священным, чем молодость Солона? Что снижало большую известность, чем ранний период правления Калигулы? Но, с другой стороны, чем же оборачиваются нелепые заблуждения людей? Когда человек скатывается до нижней границы порока, то его невозможно вернуть назад без величайшего усилия. Более того, замечено, что королевство почти всегда плавно, без насилия переходит в тиранию, аристократия — в олигархию, демократия — в охлократию. Но переход от тирании к народной форме правления всегда насильственный, так как тиранов убивают. Если этот человек [тиран] умирает, не оставив наследника, что часто случается, то оптиматы обычно берут власть и контроль в свои руки, однако, опасаясь народного правления, они снова переходят к тирании. Поначалу оптиматы руководят государством с величайшей справедливостью и не допуская ошибок. В начале своей власти они правят совершенно превосходно. Но среди оптиматов всегда найдется тот, кто сумеет извлечь пользу из друзей, использовать покровительство, богатство или славу ратных дел, чтобы стать выше и в магистрате и в командовании. Из этого и рождается олигархия, которую Цицерон переводит как “фракция”, потому что меньшинство пагубно посягает на богатство и почести многих. При данных обстоятельствах среди полновластных граждан вспыхивает восстание, и они идут на заговор или убийство раньше, чем плебс, чувствующий отвращение к власти зла, успеет атаковать и уничтожить тех, кто поссорился между собой. Когда восставшие опрокидывают правительство, устанавливается народное правление. Народ, возвративший себе свою свободу, дает себя убаюкать речами своих ораторов еще до того, как воспользуется свободой, которую он завоевал. В целом случается, что плебс бессознательно устремляется от убийства

тиранов к другой крайности, т. е. к народной власти. В определенной степени природой заложено то, что никто насильно и беззастенчиво не повинуются насилию даже тогда, когда приказы являются справедливыми. Все хотят быть лидерами, но никто не хочет повиноваться. Кроме того, когда учреждается новая форма государства, народ предпочитает, чтобы авторитет испрашивался у него, в результате чего отдельные люди, прежде всего простые граждане, а затем уже магистраты, вынуждены уступать желаниям целой толпы или группы. Более того, почти всегда случается так, что после одержания победы над врагом олигархическая и аристократическая формы правления растворяются в народном государстве, которое, в свою очередь, уступает охлократии. В противоположность этому власть может передаваться народом оптиматам. Например, когда римляне выиграли войну против Тарента, служебные места были предложены плебсу. Но в ходе Пунической войны, когда Ганнибал ужаснул Италию своим неоспоримым могуществом, трибуны были безвластны. Когда же он был разбит, как и Антиох Великий, трибуны взорвались и плебс начал требовать землю. Афиняне также не утверждали народного правления до тех пор, пока персы не были побеждены при Саламине. Однако когда они сами были разбиты при Сиракузах, то власть перешла к 400 оптиматам. И напротив, сиракузцы вырвали из своей собственной победы демократическое государство, как свидетельствует Диодор. Причина очевидна: плебс, подобно дикому зверю, благодушен в состоянии сытости и покоя, однако при опасных событиях он возбуждается и внезапно свергает власть, действуя по обстоятельствам. Но оптиматы в ситуации, близкой к опасности, берут кормило правления на себя, действуя как в бурю. Далее, когда народ стремительно и бездумно приходит к управлению делами, ораторам легко взять под контроль мысли необразованного плебса и увести его прочь от объективно сложившегося положения вещей, неприемлемого для ораторов. Пришедший к власти таким путем человек (в ораторских душах отсутствует жажда восстания, к нему способны только активные деятельные умы и люди значительных способностей) ублажал плебс на пирах, одаривал его щедрыми дарами и развлекал зрелищами, потому что он достиг почестей и власти не через собственное достоинство. Если кто и попытается вмешаться, то его репутация будет испорчена подношениями или обвинениями в ложном преступлении, в результате он будет вынужден отказаться от своего собственного имени и умереть. Коринфяне отвели эту роль Гермодору, афиняне — Аристиду и Фукидиду, римляне — Камиллу, Рутилию, Метеллу и Цицерону. Когда эти люди имели власть, то народ, подобно покоренному герою, ценил триумф их доблести. Они расширили почести и чиновничий аппарат в пользу собственных обвинителей, которые после них еще в течение долгого времени наслаждались удовольствиями доставшегося им не по праву авторитета, обставив свою власть большим количеством охраны и такой роскошью, что лишить их власти не представлялось возможным. Но при народной форме правления почти всегда случалось, что народ получал

в качестве тиранов людей, которым он сам вверял себя и свое государство. Таким образом, коринфяне терпели тирана Кипсела, сиракузцы — Дионисия, афиняне — Писистрата, жители города Леонтины — Панетия, аргивяне — Фидония, агригентийцы — Филарида, римляне — Цезаря, жители Лукки — Каструччо, пизанцы — Фаджиолу, миланцы — Сфорца, сиенцы — Пандульфо, флорентийцы — герцога Афинского. И это естественно, что они смогли легко сохранить власть, отобранную у народа, введя отвратительные хитрости тирании. И это было понятно многим, что само по себе является полезным, кроме того, тирания не охраняла интересы народа. Во-первых, они [тираны] использовали своих приверженцев и даже иностранцев в качестве телохранителей, пренебрегали оборонными работами, захватывали цитадели, убивали наиболее смелых людей, сокращали власть тех, кто еще сохранял полновластие, возвышались над всеми, подобно высокому маку. Они раздавали почести и награды чужеземцам, разгоняли объединения и собрания, они разрушали узы дружбы среди горожан, тайно разжигали ссоры между нобилиями и плебсом, и, конечно, они пополняли сокровищницу за счет преступлений и убийств. Расставив повсюду доносчиков и шпионов, они поощряли погоню за почестями, плебс держали же занятым на строительстве роскошных покоев. Наконец, имея доступ к людям, искусственным в битвах, они предпринимали войны ради добычи денег и широко использовали для этого наемников. Они претендовали на функции раздачи наград или объявления мирных переговоров, придумывали новые должности и почести и выплачивали такие вознаграждения, чтобы иметь в своем распоряжении как можно больше людей, назначенных самолично. Воры и безнравственные люди, они тем не менее выдвигали обвинения против общественных служб, чтобы те своей деятельностью не мешали им сосать богатства и кровь народа. Они в течение длительного времени обескровливали народ, и приходилось постепенно подходить к тому, чтобы привлечь этих воров к серьезному наказанию. По наблюдениям многих, ничто не является более меланхоличным, чем простодушный плебс, с восторгом принимающий наказания и аплодирующий справедливости тирана. И это является самым прискорбным, потому что тиран скрывает свои импульсы под притворным благочестием и прикидывается почитающим храмы богов, потому что, по его выражению, он стремится придерживаться привычных и общепринятых добродетелей. Все эти вещи полностью укладываются в два основных секрета государства: первый состоит в том, что тиран может получить от народа власть, как вредящую самому народу, второй — что он может даже спровоцировать желание отдать власть. Он берет власть над богатствами людей, действуя и оружием и покровительством. Но власть тиранов обязательно приводит к уменьшению запасов и ущемлению благополучия народа, а главное — к уничтожению других членов государства, о чем говорил Адриан в своей беседе о сокровищах. Когда раздражение нарастает, то тиран сам подогревает стремление к разрушению, тайно сея враждебность и разногласия. Таким образом,

граждане начинают не доверять друг другу, поэтому они уже не могут создать какую-либо организованную тайную оппозицию. Наконец, тиран ведет себя так, что народ не может предпринимать что-либо самостоятельно и с радостью повинуется вождениям тирана. Но появляется страх перед вечностью этой власти, говорит Цицерон. Однако тирания не может быть вечной. Тирания может быть опрокинута внутренней силой, так как все боятся и ненавидят одного человека, а он, в свою очередь, боится и ненавидит всех и каждого. Но кто бы ни убил тирана, он [тот, кто свергнет тирана] достигнет величайшей известности и славы. Несколько облегчает положение то, что сначала он прибегает к силе для блага граждан, которые с величайшей покорностью вынуждены терпеть даже нежеланный сговор с врагами своей страны ради свержения одного тирана. Поэтому столь молниеносно Арат и Тимолеонт уничтожили столь бесчисленных деспотов, полностью свергли тиранию, которой хвастался Дионисий, имея твердую уверенность, что звенья разорванной ими цепочки позже уже нельзя будет восстановить, по мнению Диона. Некоторое время спустя Людовико Сфорца был предан самим народом, которому он так доверял, и был с позором лишен власти.

Но это является крайней необходимостью государства — пройти через внутренние слабости и испытать на себе внешнюю силу. Некоторые вещи так созданы природой, что кажется, они никогда не могут умереть или исчезнуть, тогда как другие устроены столь скверно, что они могут быть рассеяны легким дуновением; то же самое и в случае с государством — лучшие не могут устоять на самых ранних этапах, становясь легкой жертвой внутренней силы, которая действительно только с трудом может быть опрокинута. Даже те, кто занимается для управления общественными делами, должны быть предостережены, что устранение древнего института рабства из государственной системы и феоды порождают лишенных веры новобранцев для восстания, которого не знала древность. Действительно, на страхе держалась вера в то, что рабы не должны быть освобождены, иначе они станут угрожать государству, так как было известно, что они принесли большое расстройство в города-государства тирийцев, сицилийцев и римлян. После уничтожения тирании расширяется свобода рабов и соответственно подрывается власть хозяев. Особенно во времена Тиберия, который предложил храмы для убежища рабов; у коринфян этому служил храм Дианы, у афинян — могила Тезея, у жителей Кирен — статуя Птолемея. Затем, во времена Адриана, право вынесения основного наказания было передано хозяевам рабов, а когда тирания рушится, то рабовладельцы начинают бояться, как бы их рабы не обвинили их самих в измене раньше тирана. Потом была дарована христианская свобода, согласно которой ни один человек не может себе позволить обращаться с рабом, как с диким животным, посаженным на цепь и обязанным выполнять определенную службу. Зачастую таких взглядов придерживались потому, что христиане боялись рабства из-за своей собственной религии, опасаясь

снова скатиться во власть язычества, поэтому они постоянно стремились освободить рабов. Так как эти вещи очевидны, то они не нуждаются в дальнейшем доказательстве.

История далекой древности должна быть разобрана более подробно, хотя сейчас нет рабства и мы не можем точно знать, когда оно прекратило свое существование, некоторые изменения в государстве могут помочь охарактеризовать этот институт. Положения о рабстве мы обнаруживаем и в законах Каролингов, и у Людовика Благочестивого, и у Лотаря, и в своде законов ломбардцев. Существуют также законы о рабстве и о вольноотпущенниках у короля Сицилии, и у императора Неаполитанского королевства Фридриха II. Фридрих стал германским королем в 1212 г. Имеются декреты пап Александра III, Урбана III и Иннокентия III о браках среди рабов. Александр был выбран папой в 1158 г., Урбан — а 1185-м и Иннокентий — в 1198-м. Известно, что рабство не существовало после правления Фридриха. Бартоло в сочинении “О пленных” под заголовком, начинающимся со слов: “Враги...”⁹⁹, свидетельствует, что в его время не было рабов в течение долгого периода. Кроме того, людьми никогда не торговали при христианских обычаях. Но он (Бартоло) процветал в 1309 г. Панормитаний отмечал, что это [его свидетельство] имеет ценное значение.

С другой стороны, мы не должны упустить то, что в летописях двора, как я читал, декретом Сената запрещалось присоединять чужие земли к своему поместью или освобождать рабов, даже с согласия их хозяина. Декрет относится к 1272 г. Напомню, что при Аврелия война рабов уже серьезно подорвала Италию, и это было в год милости 781-й. Мне кажется вероятным, что христиане, следовавшие примеру арабов, уничтожили рабство потому, что еще Мухаммед или, позже, Омар¹⁰⁰, освободили всех рабов своего вероисповедания. Этот опыт показывал серьезные недостатки в христианских государствах. И это легко читается в “Законах о рабах”, в книге 2, главе VII. Когда было предоставлено разрешение на освобождение рабов, то последовала плачевная волна обнищания и разорений, что обычно влекло за собой гибель государства. Все это породило грабежи, воровство, кровопролитие и торговлю нищими. Правительства и общины были очень раздражены различиями в религии, хотя формально культ был один для всех, исключая иудеев. Следовательно, были неизбежны большие изменения в правлении. Многие считали возможным вторгаться в чужие государства исключительно под религиозным предлогом: так поступали, например, арабы, персы, мавры, этого не чурались и римские папы. Евреи взяли под свой контроль Мавританское королевство, где раньше хозяйничали мавры, подобно тому, как Исмаил получил обратно королевство персов, а именно кросноречием и религиозными претензиями. Карл V попробовал использовать этот прием в Германии, а известный всем человек — среди нас. Римские папы покорили своей власти не только город, но и Латинскую и Пицентийскую провинции, Умбрию, Фламинию и Эмилию, с большей частью Этрурии. Но они не ограничились этим и попы-

тались вмешиваться в дела Сицилии, Неаполитанского королевства, Арагона и Англии, в конце концов они потребовали дань с этих государств. Не без удивления я читал о протяженности и характере папских владений римской церкви. Поражало все: и какие бенефиции или земельные владения она имеет, и какие дани взимает с королей, и какие обещания даются папам теми же самыми королями, о которых я уже упоминал. Шарль де Ламот, мой коллега, усердный антиквар и отличный комментатор, показал мне этот важный материал, скопированный с оригиналов в Ватикане. Кроме того, Готфрид Бульонский получил обе Сирии, которые он же и завоевал, как бенефиций от римских пап¹⁰¹. В этом отношении он кажется последователем правителей Африки, получавших королевства, империи, жизнь и все свои удачи, всю свою судьбу от высших священников — измаэлитов.

Изменения в государстве, находящиеся в соотношении с цифрами

Разобрав главные темы, давайте теперь рассмотрим, могут ли быть просчитаны изменения в верховной власти с точки зрения пифагорейских чисел¹⁰². Тот факт, что Платон определяет изменения и крушения государств на основе математических последовательностей, кажется мне совершенно нелепым. Ибо хотя бессмертный Бог обустроил все предметы по числам, разрядам и согласно изумительной мере, но это не должно быть отнесено только к влиянию судьбы, но к Божественному Величию, которое само по себе, как писал Августин, является неизбежностью или не должно существовать вообще. Поэтому, когда Аристотель определяет все вещи по вторичным основаниям, он высмеивает числа Платона в V книге¹⁰³. Нет ничего лучшего или более тщательно исследованного у Аристотеля во всей дискуссии, чем это. Он выдвигает многие причины изменений, которые кажутся мне всецело подчиненными нескольким ведущим причинам. А причины эти следующие: несправедливость, стремление к почестям, страх, презрение, чрезмерное богатство немногих и ужасающая бедность большинства. Я опускаю все эти предметы, потому что они подробно им рассмотрены. Но после того, как Платон в том “Государстве”, которое он приписывает Сократу, равно как и себе, вообразил, что он использовал [в устройстве идеального государства] все возможные способы, чтобы никто не мог причинить вреда другому или презирать другого или не разрушил государства ради денег или почестей, наконец, [он] убрал из государственной организации самые древние болезни [государственного] устройства, ведущие к богатству и бедности; если мы допустим, что существует нечто, устроенное так, что лучше и не представишь, то тогда даже предметы, обсуждаемые Аристотелем, не могут разрушить [идеальное] государство. При этом даже если кто-нибудь ощутит конец по причине своих лет, говорил Сократ, то это является общей природой всех вещей. Мне, однако, интересно, почему Платон, который считал, что мир будет вечен благодаря Божественной добродетели, в то время как всюду считали, что он погибнет вследствие своей собственной слабости и упадка, не сделал такого же вывода относительно

но лучшего типа государства. Комментаторы Платона сообщают, что гибель государства случится тогда, когда распадется гармония чисел. В этом случае если государство пришло к упадку по причине внутренней слабости или потери равновесия, то оно не представляло собой лучшую форму государства, которую имел в виду Сократ. Тогда [утверждение], что это [государство] имело в своей основе математическую природу, будет казаться нелепым. Ведь если числа не соотносятся друг с другом гармонично, то возникает неустранимое противоречие, очевидное в звучании струн, когда они при ударе издают невыносимое дребезжание и звуки, которые, не сочетаясь друг с другом, как говорится, режут ухо. Однако когда симфония звуков воспринимается как гармоничная, то очевидно, что она [симфония звуков] имеет в основании правильные числовые пропорции и в этом случае не может быть никакого диссонанса. Государство таким же образом [через правильные числовые пропорции] приходит в состояние равновесия и смягчается в постоянно доставляющем радость согласии; где нет несогласия, там нет диссонанса и, в соответствии с [моим] предположением, не может быть, поэтому я не вижу, каким образом подобное [государство] могло бы разрушиться. Вследствие этого Форестер¹⁰⁴ не прав, когда доказывает, что Платон имел в виду, что в его государстве, которое он предлагает для подражания, хорошо устроенном вначале, со временем мало-помалу стали возникать раздоры, так как соразмерность чисел, которая существовала поначалу, в определенный момент нарушается. Он думает, это происходит вследствие того, что нарушается соотношение 4 к 3, но в его рассуждениях так много ошибок, что никто не может сказать, насколько они верны. Во-первых, очевидно, что он связывает гармонические средние числа соотношением 3 к 4, тогда как они должны быть соединены даже с нечетными [числами] соотношением 2 к 3, как показывает сама природа тесного союза числа (пифагорейское число тесного союза — 6).

Таким образом, первой и наиболее сладкозвучной гармонией всего, если не считать [гармонии] целого, является та, которая называется *sesquialtera*, или отношение 2 к 3, где цифры соединяются без какого-либо промежуточного действия. Соответственно 4 и 9 совершенно не согласуются, так как без среднего числа они не могут смешаться, но 6 хорошо соединяется с обоими в равном соотношении и с каждым приятно гармонирует. Таким же образом 8 соединяется с 27 в том же соотношении, в котором соединены первые, если два промежуточных числа, каковые есть 12 и 18, посредничают. Если вы будете продвигаться к бесконечности этим путем, то несогласия не будет.

То же самое в *sesquiteria* соотносятся 3 к 4. В действительности это соотношение не так гармонично, как он представлял, потому что ни древние, ни наши современники не могли перенести [музыкального интервала, основанного на] соотношении 3 к 5. Однако этот интервал будет сохранять свою привлекательность, если, как с вышеупомянутым, мы поищем промежуточные числа. Что может быть более неподходящим, чем сделать соотношение 3 к 4 таким же, как соотношение 27 к 64.

Давайте по этой причине установим истинные средние числа между обоими — 36 и 48. Отношение каждого ближайшего числа к другому будет таким же, как отношение 3 к 4. Более того, эта гармония будет постоянной, даже если вы будете идти к бесконечности. Если мы возьмем 243 и 1024, то в брачном числе (число брака) — в соотношении 2 к 3, при соединении они дадут несогласие, как 27 и 64. Но если вы вставите среднее число, например 324, 432, 576, 768, то каждое ближайшее будет подходить и гармонизировать со своим соседом так же хорошо, как 3 к 4, потому что во всех случаях соотношение является *sesquitercian*. Форрестер сильно ошибался также и в том, что он следует мнению других и делает великим числом Платона 12 в кубе. Если бы это было действительно так, то почему Платон считал, что одна часть должна быть длиннее другой? Многие потерпели крушение на этом. Но поскольку ничто не кажется более темным и трудным, чем числа Платона, то я ничего не буду утверждать опрометчиво, коснусь только того, что касается изменений в государствах. Платон хотел, чтобы государство, как бы хорошо оно не было устроено, проявляло в определенный период времени признаки кризиса, возникшие или вследствие внутренних несовершенств, или вследствие воздействия внешней силы. Напомню, что алмаз и золото в принципе могут быть разрушены, но они созданы природой с такой силой и превосходством, что, несомненно, не могут быть разрушены по причинам, исходящим изнутри себя самих. Это очевидно из первых законов [законов природы]. Итак, они могут уступить внешним силам, например вследствие длительного применения огня или хризолиновой воды они понемногу испарятся или распадутся.

Примечательно, что вплоть до настоящего времени, начиная с академиков, как греков, так и римлян, никто не показал на примере какого-либо государства власть и значительность чисел, которые относятся к типу управления государством. Это особенно примечательно, так как касается не только типа управления, но также роста, изменений и гибели государств. Позиции эпикурейцев усилились, когда они признали, что дела человеческие управляются не опрометчивостью или случаем, но величием и промыслом Всемогущего Бога.

Давайте кратко рассмотрим то, что было опущено другими или, возможно, намеренно не принято [ими] во внимание. Нам может быть позволено рассмотреть первое: 6 — превосходное число, воздействует на женщин, 7 — на мужчин. Очень опасны для обоих те болезни, которые приходятся на 7-й и 9-й периоды. Во всей природе эти числа имеют большую власть. Каждый 7-й год, говорил Сенека, откладывает свой отпечаток на возраст. Однако он склонен прилагать это к мужчинам. Не без удивления я заметил, что в разных случаях изменения в государствах случаются в годы, также получившиеся от произведения 7 и 9, или при возведении 7 и 9 в квадрат и при умножении [этих квадратов], или в совершенных числах и в сферических числах. Никто из тщательно рассматривавших этот предмет не сомневается в том, что смерть мужчин случается в годы, значения которых основаны на умножении на

7 или 9: 14, 18, 21, 27, 28, 35, 36, 42, 45, 49, 56. Но если год совпадает с произведением 7 на 9, то, по мнению всех древних, он является наиболее опасным. Так, Август в одном из своих писем поздравляет своих друзей с тем, что он безопасно прожил 63-й год, который он сам назвал фатальным для всех старых мужчин. Следующий — 70-й, когда Петрарка умер в свой день рождения. На 72-м умер Эпикур, который так тщательно заботился о своем здоровье. Затем следует 77-й, которого Август достиг, а Фридрих III им закончил свою жизнь. Последний правил в течение 53 лет, первый — 56. И тот и другой умерли на 19-й день августа. Следующий — квадрат 9, который равен 81, в этом возрасте умер Платон, и это был тот же день года, когда он впервые увидел свет. Давид не выходит за пределы этого числа, когда описывает жизнь мужчины. Не многие достигают 84-го года, который складывается из 12 раз по 7. Феофраст завершил свой путь в этом возрасте, когда он умирал, то жаловался, что природа отвела ему столь краткий промежуток жизни, тогда как вброду — долгий. Также в этом возрасте умерли папы Павел III и Павел IV. Но есть и такие, которые достигли 90 лет, т. е. 10 раз по 9, как Франческо Филельфо. Апостол Иоанн жил 99 лет, как свидетельствует история. Святой Иероним прожил 91 год, что составляет 13 седмиц. Более того, те самые люди, которые жили долго, чему мы имеем свидетельства в наших книгах и рукописях, почти все завершили жизнь в годы, полученные умножением через 7 или 9. Ломах жил 777 лет, Мафусаил достиг 970 (так!), Авраам — 175 (таким образом, он завершил 25 периодов по 7 лет), Иаков — 147 (т. е. 21 по 7 лет), Исаак — 180 (т. е. 20 периодов по 9 лет), и хотя насильственная смерть может иногда наступать вследствие заключения преступных союзов, чаще, покуда природа находится под контролем Божественной воли, она выпадает на группы чисел, образованных от 7 или 9. Ибо многие люди умерли на 63-м году жизни: Аристотель, Хрисипп, Боккаччо, святой Бернар, Эразм, Лютер, Меланхтон, Сильвий, Якоб Штурм, Николай Кузанский, Т. Линакер — все они были поражены болезнью. В том же возрасте был убит Цицерон. В 72 года папа Александр выпил яд. Исократ уморил себя голодом в 99 лет, когда узнал о битве при Херонее. Плиний задохнулся в 56, Цезарь был убит, Эколампидий умер от горя на 49-м году, Аттик умер вследствие воздержания от еды в 77 лет.

Теперь давайте применим подобный же способ к периодам изменений в государствах, но в этом случае мы будем прослеживать квадрат 7 или 9, или давайте умножать куб или квадрат одного на корень из другого, или будем использовать 7 как совершенное число, или, в конце концов, попытаемся включить сферические и сильные кубы внутри великого числа¹⁰⁵. В конечном счете [мы остановимся на значениях] квадрата и куба 12, который академики называют великим числом Платона. Квадрат 7 и квадрат 9, конечно, 49 и 81, кубы — 343 и 729. Квадрат 7, умноженный на 9, дает 441, и квадрат 9, умноженный на 7, — 567. Совершенное число — 496, 6 и 29 — меньшие части совершенного числа, оставшееся от совершенного числа превышает 8100, и они слишком

велики для того, чтобы использоваться в вопросе о государствах. Квадрат 12 — 144, а куб — 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре — 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, в множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных или нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона. Меланхтон, Функ и все ученые мужи следуют ему. Но мы можем пойти дальше и глубже, чем от Нина, от которого Диодор, Геродот, Ктесий, Трог и Юстин начали свой отсчет, так как он первым [учредил] форму правления и основал Вавилон. Более точно было бы говорить, что существовала единая монархия ассирийцев и персов, чем будто бы существовали две различные монархии, в ином случае мы должны выделить царства халдеев, мидян, парфян из ассирийско-персидской монархии и предположить, что обитатели этих областей никогда не были подданными. Но Александр действительно создал новую монархию, когда, будучи, конечно, чужестранцем, он переселил целый народ из Европы в Азию, разбив армию Дария и в конечном итоге изменив обычаи и законы. Но это будет рассмотрено в надлежащем месте. От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет. Иосиф дает на 200 лет больше, другие — существенно меньше. Я склонен думать, как из правды истории, так и из значимости самого великого числа, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат должен быть не меньше и не больше, чем куб 12. В то же самое время египтяне освободились от царя Ассирии, скифы завоевали Малую Азию, сыновья Писистрата были изгнаны из Афин, а Тарквиний был изгнан римлянами. “Семь дней” Даниила должны рассматриваться в этом свете. Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно [времени] рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным среди всех древних, относит это к 3993 г. Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет 6 по многим причинам, которые я вполне одобряю, так как получается число 3999, результат квадрата 7 и 9^{106} , самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали. По этой системе смерть Христа приходится на 4000 г. от Творения. Обратимся к 70 седмицам Даниила, которые заняли 490 лет. Если мы начнем от 7-го года [правления] Дария Длиннорукого, так как Ездра [именно на 7-й год] был послан в Иерусалим для основания города, то 6-й год [является последним завершенным] до времени седмиц; сумма 6 — единственного совершенного простого числа и 70 седмиц,

т. е. 7 раз по 70 лет (так как Писание берет день за год), образует другое совершенное число — 496, которое странным образом совпадает с изменениями в управлении. Уяснив это, мы уже не будем путаться в неопределенных догадках и сможем собрать вместе примеры из консульских фаст римлян, так как не может быть ничего более надежного. От основания города до года, когда Юлий Октавиан победил Антония у Акция, был провозглашен Сенатом первым Августом и ему было предложено управление миром, прошло 729 лет, куб 9. От Августа до Августула, который был назван последним римским императором в фастах (так как он был свергнут Одоакром, королем готов), прошло 496 лет, совершенное число. От основания города до разрушения Империи число лет [содержит] квадрат 7 и [сумму 70] целых седмиц, т. е. 1225. У Цензориния процитирован Варрон, утверждавший, что он слышал Вектия, выдающегося авгура, предсказывающего, что если римское государство безопасно пройдет через 120-летний рубеж, то оно просуществует 1200 лет. Я установил именно такое же число лет от Нина до Арбакта, первого царя мидян. Функ добавляет еще три года, другие — меньше. Но это кажется замечательным, что не только от Августа до Августула, но также от времени, когда цари были изгнаны из города, до диктатуры Цезаря снова появляется то же число лет — 496. И не только здесь, но от Константина Великого до [года правления] Карла Великого, когда он первым [среди франкских королей] был провозглашен императором в Риме, даже Панвинию, наиболее усердным исследователем римской древности, который хотя и имел большой интерес к истории, но ничего не понимал в числах, все-таки насчитано 496 лет. От основания Альбы до ее покорения Гостилием так же точно прошло 496 лет. В добавление [приведу] взятый из Саула факт: от первого царя иудеев до Завоевания было насчитано 496 лет, Генебрард¹⁰⁷ прибавляет [к этому числу] 3 года, и Гарц¹⁰⁸ — даже 10, талмудисты же [от 496] вычитают почти 100 лет, но их мнение ничем не подкреплено. От Возвращения народа и второго строительства Храма до года, когда Ирод был поставлен Сенатом на царство, прошло 496 лет; между Арбактом, первым царем мидян, и Александром Великим прошел тот же период. В самом деле, Македонское царство существовало такое же число лет от Карнея, первого царя, до смерти Александра, хотя Фара отнимает [от 496] 8 лет, другие же добавляют 12, я склонен думать, что истина посередине. Относительно галльского государства нам предстоит обнаружить еще больше доказательств изменений, находящихся в соотношении с этим числом [496]. Оно состоит из числа Даниила¹⁰⁹, которое становится совершенным путем добавления совершенного числа 6. Далее, оно одно внутри великого числа¹¹⁰ образуется из девяток и семерок, если целое берется из обоих множителей¹¹¹. Это число совпадает с тем, что отмечали древние, когда говорили, что цикл империй — 500 лет. Но у них не было никакого опыта в подобных расчетах, так как число 500 неприложимо к циклам в человеческих делах или делах природы. По правде говоря, оно и не совершенное, не квадрат, не куб, не сфериче-

ское, не сложенное из 7 и 9, не произведено из корней или квадратов этих чисел. Если кто-либо довольно тщательно рассмотрит гражданские войны римлян, сецессии плебса, внутреннюю борьбу, он обнаружит, что число лет состоит из семерок, или из девяток, или из того и другого. От основания города до изгнания царей насчитывается 243 года, от изгнания до отцеубийства — 468, от изгнания до первой сецессии¹¹² плебса на Священную Гору — 18 лет, до второй — 63, до третьей — 225, до мятежа Гракхов — 378, от мятежа до гражданской войны Мария — 45, следовательно, до войны Цезаря — 7, от отцеубийства до гражданской войны на Сицилии — 7, следовательно, до последней гражданской войны, Акцийской, — 7. Все эти числа образуются при использовании целых девяток и семерок или из обеих. Более того, сам город был взят через 364 года после его основания, это число очевидно создано из целых семерок. От основания города до поражения при Каннах 539 лет, которое [число] образовано из 77, взятых 7 раз. К этому времени Римская империя была почти разрушена. От поражения при Каннах до поражения при Барии — 224 года. Оба числа — из целых семерок, и оба поражения произошли во второй день августа. Известно, что Лисандр сравнял с землей стены Афин на 77-й год после победы при Саламине. Плутарх добавляет в жизнеописании Лисандра¹¹³, что оба [эти события] произошли на 6-й день месяца Munichion. И также в год нашего Спасителя 707-й на 7-й год правления короля Родерика, мавры вторглись в Испанию, через 717 лет после этого они были выдворены, как мы можем прочитать у самого Тарафы, испанского писателя. Что касается куба 7, также имеется много примеров. Это число было избрано Моисеем для учреждения великого праздника¹¹⁴. От победы иудеев над Аманом с помощью Эсфири до победы над Антиохом прошло 343 года, и та и другая победа были одержаны на 13-й день 12-го месяца, который иудеи называют Адар. По этому случаю евреи воздают этому дню великие почести. То же число лет прошло от времени, когда Август один установил контроль, до того времени, когда Константин Великий достиг господства. Царство персов от Кира до Александра продержалось 210 лет — число, которое сформировано из 30 целых семерок. Лангобарды управляли такое же число лет, хотя Павел Диакон добавляет еще три года, которые остались до убийства Дезидерия. Так же долго англичане держали Кале. Цари Сирии и Малой Азии от Нина, первого царя, до Филиппа, последнего, управляли то же число лет. От Исхода евреев из Египта до падения храма и государства насчитывается 900 лет — число, являющееся результатом умножения 9 на одну сотню. Это не больше, чем от Эврисфена, первого царя спартанцев, до тирана Набиса, которого Филопомен отстранил от власти до того, как тот совершенно изменил тип управления Лаконией. Законы Ликурга были отменены 567 лет спустя после того, как они были провозглашены, и спартанцев заставили принять обычаи ахейцев. Число получилось умножением квадрата 9 на 7. Но Птолеми от Сотера до Августа, который придал Египту форму провинции, правили 294 года, а число это состоит из це-

лых семерок [взятых 42 раза]. Государство евреев находилось в упадке 70 лет, то же число лет афиняне держали контроль над Грецией, как писал Аппиан. Готы от Теодориха, своего первого короля, до Аттилы правили 77 лет, как писал в своих фастах Панвинио. Спартанцы 12 лет командовали всей Грецией, Аппиан здесь авторитет. Примеры [с числом 12] я завершу Александром Великим, который пришел к власти за 6 лет до смерти Дария и то же число лет правил после того, как Дарий был убит. После этого блеск его империи померк так же внезапно, как меркнет вспышка [молнии].

Но не будем ограничивать себя древней историей, давайте используем отечественные примеры и сделаем столь же тщательное сравнение хронологии Жана дю Тилле с фастами. Галлия подчинялась римлянам от окончательной победы Цезаря над галлами до времени маркоманов, когда вожди франков, полагаясь на силу своих воинов, отказались платить подать правителю Валентиниану в 441 г., число, которое образованно из квадрата 7, умноженного на 9, затем до [начала правления] Варамунда [прошло] 9 лет, до конца же его правления [прошло количество лет, равное] 9, взятых три раза. Но со времени, когда он был назван герцогом, до Пипина, который как майордом узурпировал власть и сверг короля Хильдерика, [минуло] 343 года, [значение] куба 7. От убийства Сиагрия, последнего римлянина, управлявшего Галлией, до Капета, галла по происхождению, хотя немцы отрицают это, и анжуйца по рождению, который отнял власть у первых франкских королей, количество лет представляет совершенное число 496. От Варамунда до Капета прошло 567 лет, это число получается через квадрат 9, помноженный на 7. И вновь от Варамунда до Гуго Великого и от последнего до изгнания Людовика IV знатью и его пленения насчитывается 512 лет — чистый куб. От измены Карла Бурбона и пленения [короля] до Франциска и его времени прошло в квадрате дважды по 12, т. е. 567 лет¹¹⁵. То же число насчитывается от [первого] Капета до той проклятой и ужасной войны, которая недавно пролила кровь граждан. И не больше и не меньше [прошло лет] от пленения Карла, герцога Лотарингского (Капетом устраненного от законной линии наследования и заключенного в Орлеане), до другого Карла Лотарингского, который, когда он достиг королевской власти, отправил потомка Капета в Орлеан, в обоих случаях Орлеан был дьявольским предвестником для рода лотарингцев. От Карла Простоватого, которого задержали как пленника, когда он самовольно вступил в Перонну, до Людовика, последнего простака для всех, который добровольно и совершенно бездумно также удалился в Перонну и был захвачен графом Карлом, мы имеем 540 лет — число, состоящее из целых девяток. И вновь от Капета до памятного похода Карла VIII в Италию насчитывается 496 лет — полное и совершенное число. От падения королевства ломбардцев и до завоевания этой области Карлом Великим, от [завоевания лангобардов Карлом Великим] до сходного похода и покорения Ломбардии Людовиком XII насчитываем 729 лет — чистый куб 9. В это время у венецианцев не

было стабильного правительства, но они получили свободу по соглашению между Никифором и Карлом Великим. И вследствие этого государство венецианцев существовало еще 729 лет, когда император Максимилиан, Людовик XII, король Фердинанд, папа Юлий II планировали разрушить это государство и когда оно было почти уничтожено; кроме того, турецкий султанат и даже сама судьба вступили в сговор со столь многочисленными и столь великими врагами. Городу, внезапно загоревшемуся от серного порошка, грозила большая беда, нескончаемые запасы золота были погружены на суда и потеряны в кораблекрушении. В самом деле, в это время венецианцы показали меру своих возможностей и мудрости. Также стоит отметить, что от Готфрида, который в знаменитой победе разбил персов и освободил Сирию от рабства, до последнего Балдуина, который был захвачен Саладином, минуло 90 лет — число, состоящее из целых девяток. Далее, 56 лет — от Балдуина до Палеологов — галлы удерживали контроль над греками; папский престол, однако, управлял там 70 лет. Каждое число состоит из целых семерок.

Однако я никогда не закончу, если буду и дальше приводить примеры, число которых действительно бесконечно. Но даже благодаря тем примерам, которые я дал для имеющих досуг [людей], через беспристрастные и точные факты истории возможно куда точнее обосновать изменения в государствах и более достоверно и ясно предвидеть то, что произойдет (хотя это известно одному Богу), чем при помощи пустяковых и ошибочных догадок Кардана. Он думает, что каждая великая империя зависит от [местоположения] звезд Гелики или Большой Медведицы. Когда она находилась вертикально над поднимающимся Римом, то принесла власть туда, затем — Византии, после чего — Галлии, теперь [эта звезда] перемещается к Германии. Эти соображения так же правдивы, как правда то, что он написал о себе в своей автобиографии. Он утверждает, что никогда не лжет, и это кажется ему значительным, хотя хороший человек должен превзойти себя, как объясняет Нигидий¹¹⁶, и признаться во лжи, зная, что повторяет неправду. Честный человек должен заботиться о том, чтобы никакая ложь не смогла укрыться от него; упоминаемый же мной автор верит, что он не лжет, когда помимо своей воли повторяет то, что ошибочно. Но что же тогда является ложью для человека, имеющего даже скромный опыт в том искусстве, которое Кардан преподает (или в котором он считает себя знатоком)? Он понимает, что эта звезда вертикально расположена над бесчисленным количеством народов и городов, но все-таки добавляет, что условием возвышения города является время совпадения зенита Солнца и [вертикального расположения] этой звезды. В одно и то же время он утверждает, что эта власть [небесных светил] распространяется на всех людей, [живущих на] одной параллели, и говорит, что возвышение возможно только в каком-то конкретном месте. Он думает, что таким образом можно обмануть наиболее осторожных. Известно, что звезда, о которой идет речь, на 54 градуса удалена от экватора и (ее движение)

ограничено арктическим кругом, поэтому никакие причины не влияют на ее отклонение, которое всегда составляет 12 градусов от [небесной] оси над городом, из этого ясно, что она не может иметь строго вертикальное положение. Давайте покажем и то, что она не только не может быть в зените, но не может вообще совпадать с Солнцем, так как необходимо учитывать [определенные поправки] в соответствии с долготой и меридианным временем. Более того, ошибка может идти от Варрона, который, как писал Плутарх, приказал Фирмию¹¹⁷, известному астрологу, установить, если возможно, день и час рождения города и его основателя. Он [Фирмиец] путем прилежного изучения звезд обнаружил, что основание города произошло на 3-й год 6-й Олимпиады, с чем согласились Дионисий и Варрон или на 11-й день до календ мая, который называется днем Палилии¹¹⁸ в месяце апреле, около трех часов пополудни, когда Юпитер находился в созвездии Рыб, Сатурн, Венера, Марс — в Скорпионе, Солнце пересекло созвездие Тельца, а Луна была в Весах; Ромулу же шел 18-й год. Плутарх узнал это от Антимаха Лирика из Колофона¹¹⁹. Они никогда не упоминали Большую Медведицу. В то время это астральное тело располагалось в созвездии Льва, что соответствовало 18 градусам 56 минутам, как ясно следует из таблиц Коперника и его наиболее точных расчетов законов движения. Но сегодня это созвездие — в Деве, 20 градусов 50 минут. Отсюда интересно, как это могло случиться, что созвездие стояло вертикально поднимающемуся Риму, когда 12-я часть Близнецов была в зените? С этой точки зрения 18-я часть Льва удалена на 54 градуса. Как можно говорить даже о минимальном соединении с Солнцем, которое пересекает Тельца в то время, как последняя звезда Медведицы пересекает Льва? Она тогда удалена на 90 градусов по долготе и на 45 градусов по широте от любого соединения с Солнцем. Для Кардана еще более бессмысленно говорить, что высокая звезда [Полярная звезда] была вертикально расположена над Византием, когда к нему от римлян перешло господство, так как Византий был основан до того, как был рожден Ромул, как это ясно из Полибия. Еще более абсурдно, когда он перепрыгивает от греков к следующей точке — Галлии, затем — в Германию, противоположно природе направления движения и склонения этого созвездия. Подобные заключения кажутся более стоящими улыбки, чем опровержения. Почему скандинавы и ливонцы, только над местами проживания которых [расположен] не только хвост, но и вся Медведица, причем перпендикулярно над ними, — почему они благодаря этому никогда не получали какой-либо власти, а, напротив, были совершенно беззащитны перед атаками и домогательствами их соседей? Или если перпендикулярное [расположение] звезд [над определенными местами] дает превосходство, то почему же [это не распространяется на те созвездия], которые древними названы алмазными и королевскими, — Регул, Гиаду, Плеяду, Антарис? Почему же не на те 15, которые сам Кардан называет королевскими? Почему же Спика (Колос), Лира, Арктур, да на самом деле почти все планеты перпендикулярно [расположенные] над одной толь-

ко Африкой, не дают власть проживающим там [народам]? Более того, африканцы всегда были покоряемы легионами из Европы и Азии.

Коперник имел другую теорию, так как он решил, что все изменения империй были связаны с расположением по отношению к центру небольшого эксцентрического круга и его движением, как писали его ученики. Более того, этот небольшой круг не влияет на Солнце, которое он представлял неподвижным, но его силе подвержена Земля, которую он представлял в движении. Но ни один еще не проявлял такое отсутствие знания, как те, что считали, что любая сила, исходящая из центра небесных кругов, меньше, чем исходящая от Земли, и Коперник не позаботился описать эти [явления], а последователи выдали его рассуждения за установленный факт. Вследствие того, что эти предметы являются ложными с точки зрения истории, и того, что ни движение эксцентрических кругов, ни [движение] Солнца не являются значительными для изменений империй, должно полагать, что все эти вещи зависят от бессмертного Бога. Или если мы хотим искать причины изменений внутри любого владения во второстепенном, то можно рассуждать о свойствах хорошо известных созвездий, о которых мы писали в предыдущей главе, но Бог использует звезды как свои инструменты. Хотя древние не могли судить об этом вследствие неизученности движения небесных тел, их последователи, с другой стороны, пренебрегли этим. Ни одна система не кажется мне более простой, чем та, что основывает циклы (которые Птолемей называл “эпохами” и Альфонс — “эрами”, т. е. “корнями” — по-испански) на числах, беря за начало возникновение каждой отдельной империи, подобно тому как во время лихорадки мы имеем обычаи предсказывать здоровье или смерть по решающим дням, ведь, если некоторые заболевают в разное время, один и тот же день может быть благоприятным для здоровья одних, тогда как для других это может означать конец (но иногда сила звезд и их губительное влияние таковы, что независимо от дней это влияет на нескольких [человек] в один момент). Империи, как писал Полибий, борются со своими собственными болезнями, поэтому иногда они гибнут под воздействием внешних сил, а иногда конец соответствует их природе, определенной ясным рядом решающих чисел. Я не то что опровергаю написанное Аристотелем в V книге “Политики” и в конце “Метафизики” о том, что числа вообще не имеют никакого значения, [но задаю вопросы], почему у мужчин возможно излечение золотухи, если заболевание выпадает на возраст кратный 7? Почему ребенок, рожденный на 7-й и 9-й месяце, живет, а на 8-м — никогда? Почему 7 планет и 9 сфер? Почему длина кишок в животе равна соотношению 7 к размеру роста человека? Амбуаз Паре, королевский хирург, сообщил мне этот факт. Почему 7-й день голодовки фатален? Плиний писал, что это установлено на основании длительного опыта. Почему чудесных изменений Луны 7? Почему 7 нот? Почему соловей 7 дней и ночей безостановочно повторяет 9 мелодий песен? Об этом чуде мне сообщил Жак Бойер, президент парламента Бретани, человек доблестной природы и очень обширных знаний в свободных искусствах. Почему, в конце

концов, состоящие из семи частей приливы и отливы Эврипа¹²⁰ довели Аристотеля до безумия, как некоторые сообщают, или до падения в него вниз головой, согласно другим? Аристотель не охватил Эврипа, но Эврип охватил Аристотеля. Моисей, очень мудрый человек, и пророки помещали почти все пророчества внутрь цифр, состоящих из произведения 7. Они провозглашали праздники на 7-й день, 7-неделю и 7-й месяц. На 7-й день земля распахивалась под пар и освобождались рабы, а после каждого 49-го года (7 раз по 7) наступал великий праздник, прощались долги и поля возвращались их прежним хозяевам. Следовательно, число 7 считается у иудеев сакральным.

Эти соображения показывают, что человеческие дела не происходят случайно или беспорядочно, как этим [открытием] гордятся эпикурейцы (!), или согласно воле безжалостного рока, как говорят стоики, но по Божественной мудрости. Даже если мудрость устраивает все предметы в восхитительном порядке, числе, гармонии и форме, тем не менее все изменяется Богом или по желанию, иногда произвольно; как Исая¹²¹ писал о Иезекииле, Бог продлил его жизнь, когда тот молил его, и показал Солнце, идущее вспять. Но иногда сказано, что время спешит: в Священном писании, по причине наказания за грехи или прощения, как Павел писал о пророчестве Илии. Для испытания пусть будут воды потоков, которые смыкаются скорее по желанию Бога, чем по порядку природы, и великое число может быть надлежащим образом завершено в год 1656-й от Сотворения. Если к этому числу добавить восьмью девятку, т. е. 72, результатом будет куб великих 12. Но человек может понять, что Бог не связан никакими числами, никакой необходимостью, он освобожден от законов природы не по решению Сената или народа, но только по Его собственной воле. Ибо, после того как Он сам установил законы природы и получил власть не от кого-либо, а от себя самого, ясно, что Он должен быть свободен от Его законов и в различное время может принимать различные решения относительно одного и того же предмета.

Амвросий писал: преступления безнравственных [людей] не всегда наказываются на Земле, хотя они и считают, что в будущем не будут наказаны [за зло] и что нет воздаяния за добро, грешникам воздастся за их грехи, как бы они ни хвастали, что Бог не наказывает за жестокость. Мы же должны прийти к точному заключению о том, что хорошо и дурно в людях, как бы нас насильно ни заставляли видеть то или иное в наших судьбах. Я обратился к этому в связи с некоторыми изменениями в государственном управлении с точки зрения философии, с размышлениями по этому поводу, а также в связи с тем, что мы сами по воле судьбы, которая часто меняет жизнь великих, можем переживать на себе изменения в государственном управлении. Когда Помпей бежал после поражения при Фарсальской битве, горько оплакивая падение государства, его ничто не могло успокоить кроме речи философа Секунда, который убедил его, что точный срок жизни государства был определен бессмертным Богом.

Изменения в Римской империи

Идя от исторических фактов, мы можем показать наш собственный взгляд на чередование и последовательность форм государств, которые само время сделало наиболее известными; в соответствии с тем, что мы увидим в свете обеих истин, можно понять, что простирается в будущем. Пожалуй, самый заметный след в истории оставили римляне, длительное время процветавшие при королях, затем — при тирании Тарквиния. Когда все эти правители были свергнуты, то установилась власть оптиматов и патрициев, часто осуществлявшаяся против желания плебса, потом власть перешла к децемвирам. Когда они потерпели поражение и были уничтожены, народ в течение некоторого времени управлял полновластно и осторожно, хотя власть находилась в руках людей, стремящихся к коренным изменениям. Вслед за этим победила охлократия или даже скорее анархия плебса, буйствовавшего в период от восстания Гракха до времен правления Мария и Суллы, которые осквернили город ужасным кровопролитием. Наконец, в 36 г. наступил следующий этап, который в основном связывают с Цезарем и Помпеем, и хотя они были выше Корнелия, но лишь осуществляли контроль, полновластным же являлся только один Август. После него государством управляли замечательные правители, но вскоре власть захватили тираны. Окончательная потеря государственного авторитета была связана с тем, что император Константин перенес в Византию место заседаний Сената и императорскую резиденцию, в конце своей истории империя попала под власть готов, греков, франков, германцев, испанцев и подчинилась иноземной власти и требованиям времени.

Изменения в афинском государстве

Афиняне часто подвергались различным напастьм; когда Кекроп мужественно отстоял 12 городов Аттики от нападения врагов, то он, согласно свидетельствам, мог получить королевскую власть. Основанная им монархия, как принято считать, существовала за 800 лет до времен Эхила. После смерти Эхила, который участвовал в правлении на протяжении всей своей жизни, оптиматы присвоили себе власть магистратов со сроком действия на 10 лет, и их правление имело сходство с диктатурой, хотя в том случае, если магистрат превышал свои полномочия, срок его правления мог быть сокращен до года. Креон первым был избран магистратом на год, его власть была подобна власти тех, кого греки называли “архонт”, а римляне — “судья”. Эта должность существовала еще до Писистрата, о его манере правления пишет Дионисий, который получил защиту и покровительство на всю свою жизнь от Алемонида и стал преемником его власти. Затем сыновья Писистрата Гиппарх и Гиппий удерживали свою власть посредством силы в течение 70 лет, как свидетельствует Аристотель, пока не были убиты, другие умирали своей смертью. Народная же власть впервые была установлена Солоном, правление которого было полновластным и справедливым даже в отношении пятого сословия, которое состояло из низших слоев

плебса и значительной части народа, имело права и участвовало в политической деятельности органов управления, учрежденных Солоном. Аристид был первым, кто настоял на отмене этого закона, затем Перикл заменил народную форму управления охлократией и, наконец, изъял или, точнее, лишил власти Ареопаг, который не мог гарантировать безопасность и достоинство государства. После этого он перенес в среду беднейшего плебса выборы всех магистратов, консулов и изменил целиком форму управления государством. Изменения в системе наказаний и денежные пособия использовались как приманка для овладения властью. После его смерти, когда Алкивиад был изгнан и Никий¹²² со своей армией разбит, контроль вновь перешел к 400 оптиматам, хотя несколько позднее сторонники Фрасилла¹²³ возвратили власть народу. Наконец, когда флот был разбит в битве при Эгоспотамах¹²⁴, афиняне, как и их союзники, попали под контроль спартанцев, которые повсюду утвердили аристократические формы правления вместо народных. В итоге было выбрано 30 оптиматов, которые, однако, немедленно стали вздорными тиранами. Со временем их власть была сокрушена, а сами они были убиты Фрасибулом¹²⁵, тогда верховная власть снова возвратилась к народу и оставалась у него до тех пор, пока Антипатр в ходе Латинской войны не передал народную власть нескольким оптиматам, чтобы те выполняли его волю. Но через 14 лет Деметрий Полиоркет изгнал Деметрия Фалерского и под предлогом освобождения народа установил тиранию. Но и он вскоре был пленен своими врагами, тогда афиняне вновь обрели свободу, которой пользовались до времен Суллы. Этот человек осадил город, потому что был союзником Митридата. Он захватил его, будучи грозно настроенным, и встретил как на улицах, так и в домах столь ожесточенное сопротивление его жителей, что реки крови, говорят, заполнили весь город. Потом афиняне с необыкновенным изяществом, как написал Плиний, вернули себе потерянное, но попали в рабство похоти тиранов и магистратов и ни в чем не имели свободы, им принадлежала лишь их собственная тень. Верно подметил Аппиан, что афиняне держали контроль над Грецией 70 лет, хотя Демосфен в третьей книге "Олифяне" написал, что они держали лидерство только 45 лет.

Изменения в спартанском государстве

Спартанское государство имело направленность своего движения от королевской власти (которая держалась около 300 лет, от Эврисфена до Ликурга) к тирании, после того как Лигург на очень непродолжительный срок установил народную власть, как свидетельствует Плутарх и как мы отмечали раньше. Через 24 года Теопомп и Полидор прочно установили правление оптиматов, и при этой форме правления спартанское государство процветало на протяжении 576 лет, до времени тирана Набиса, через которого владениями Спарты управляли ахейцы от имени Филопемена. Трудности жизни, связанные с системой Ликурга, привели спартанцев под управление ахейцев. В дальнейшем они оба

(Набис и Филопемен) каждый в свое время были разгромлены римлянами и оба уступили власти Рима.

Доподлинно известно, что человек, вырабатывающий метод, не может вникать во все детали; так как задачей его является обобщение, то он не может показывать на пальцах, как происходили события. Но от всеобщего мы можем обратиться к источникам и рассмотреть менее известные государства, такие, как Фивы, Коринф, Мессения, Сицилийское государство, Сикион, государства аргиев, критян, Коркира, проследив изменения, которые ясно описал Павсаний, это будет полезно для тех, кто хочет исследовать их более полно. Сейчас для того, чтобы сделать материал ясным, мы должны показать незатейливые превращения общественных дел в Италии.

Изменения в Западной империи

После того как были разгромлены ломбардцы, к королевству галлов была присоединена часть Италии, другие ее земли вошли в состав Германии, Саксонии, Паннонии и значительная их часть — в состав Испании. Карлу, старшему, была отдана Франция, Лотарингскому досталась главная часть империи, Италия, и та часть, которая потом стала называться Лотарингией, Пипину — Аквитания, Людовику — Германия. Раздел был произведен таким образом, что ни один не находился в зависимости от другого. Потом в результате различных войн Германия и Италия стали считаться одной областью, и так было до тех пор, пока род Карла Великого не пресекся, тогда князья Германии стали выбирать королей всеобщим одобрением. Управление Италией и Испанией осуществлялось через королевских легатов и викариев, Германией короли управляли сами, но со временем они выродились в тиранов. Немцы, избавленные от рабской зависимости, выбрали аристократическую форму правления, гельветы имели народное правление, итальянцы ссорами пап и императоров были разделены на партии гибеллинов и гвельфов, некоторые выбрали в правители королей, другие — тиранов, отбор которых велся как среди ставленников пап, так и среди наследников императоров, остальные покровительствовали народным и аристократическим режимам. Папа Урбан отдал Галлии королевства Неаполь и Сицилию, тогда Людовик преподнес города как подарок римской церкви, ее иерархам. Другие, измученные иноземным засильем, предпочли подчиниться власти сильного внутреннего авторитета, поэтому последовали попытки семьи из Анжера захватить Милан и большую часть Ломбардии, Делла Скала получил Верону, Буонакольси — Мантую, когда же они были выбиты родом герцога Гонзага, то в Болонии обосновались Бентиволио, в Фиенце — Манфреды, в Римини — Малатеста, в Перуджи — Балиони, в Модене — Д'Эсте, в Урбино — Монтефельтро и в Милане — Сфорца. Папы получили Пицентийскую провинцию, Умбрию, Эмилию, Латинскую область и большую часть Этрурии. Между тем венецианцы, которым даровал свободу Карл Великий, отвоевали у других сначала Истрию, затем Либурнию (я не считаю островов),

потом постепенно Падую, Верону, Бергамо и Равенну. Флорентийцы добились своего освобождения от германцев, подчинив пизанцев, Ареццо и население других соседних городов. Жители Лукки, сиенцы, генуэзцы добились независимости в этот же период. Многие города, изменявшие свои формы правления от монархий до тираний или правления оптиматов, были разделены политическими границами. В них вновь и вновь вспыхивали разногласия, заканчивающиеся установлением народного правления или полной анархией. Ни одна часть мира не знала столько изменений в формах правления.

Наконец все государства, сведения о которых дошли до нас в каких-либо описаниях, снова стали монархиями, исключая венецианцев, жителей Лукки, генуэзцев, рагузан, гельветов и германцев. Раньше мы уже говорили о венецианцах и германцах. Позвольте нам теперь кратко охарактеризовать формы правления и изменения в них у других народов.

Форма государственности и изменения в правлении гельветов

Гельветы долгое время находились под ярмом власти императорских наследников, священников и Габсбургов, которые позднее стали герцогами Австрийскими. В 1315 г. они установили правление, близкое к тирании. Сначала им подчинился Унтервальден, потом — Люцерн, Цюрих, Берн, а затем им покорился даже Базель. И хотя союз не был столь силен, позднее к нему все-таки присоединились жители Тикина, валансийцы, ретианцы, население Зиттена, Сант-Галля, Мюльхаузена и Роттвайльда, наконец, женеvцы. Эти города, как мы уже указывали, были разделены политическими границами, хотя все имели народный тип управления. Из множества названных кантонов пять малых, однако, имели необычную форму правления, даже более народную, чем в Берне, Цюрихе, Базеле и тех городах, что освободились от власти германцев. Они действительно голосовали старым добрым методом — поднятием руки, для чего народ собирался в одном месте, в одно время. Ежегодные выборы магистратов являются всеобщими, иногда по воле народа, когда избранный хорошо выполняет свою службу, ее срок продлевается на два-три года. Множество кантонов имеют одного высшего магистрата, который называется просто “человек”. К государственной службе привлекаются канцлер, казначей, а также сборщик налогов и 12 консулов. Эти 15 человек вместе берут на себя заботу обо всем гражданском и военном управлении. Более того, провинциальные служащие и магистраты муниципалитетов имеют право обращаться с апелляциями именно к этим 15 лицам. Жители Берна выбирают высшего магистрата, население Базеля и почти все остальные выбирают бургомистров, исключение здесь представляет Женева, где принято выбирать человека, которому вручается исключительная власть синдика. Многие люди думают, что базельцы, чья власть охватывает обширную территорию (они имеют около 40 городов), так же как и народ Базеля, Цюриха, Женеvы и тех городов, которые освободились от власти германцев, или 400 других городов, подчиняются Совету государства. Но это —

ошибочное мнение, декреты, особенно если они касаются вопросов управления, вступают в силу только после того, как народ их утвердит. Утверждение производится на специально созданных собраниях коллегий и корпораций ремесленников, которые имеют общее название "schaffae", там же избирают человека, который их возглавляет. Затем синдик и трибун каждого совета передают решения народа большому Совету. Почти везде имеется три консула, в Базеле — даже четыре, потому что там главным считается защита государства. Поскольку консулы держат под контролем все дела, то ничто не может быть более трагичным для народа, чем бесправие консула или неспособность более высокого консула решать дела за нижестоящего консула. И в наши дни народные законы имеют там наибольшую силу; согласно народному решению, они не могут быть изменены и не могут быть безнаказанно нарушены.

Аристотель описал пять видов королевского правления, и из этого ясно — ничто не является более опасным, чем желание народа иметь высшую власть над законом и его нежелание уважать закон, как написал Ксенофонт об афинянах. На наш взгляд, ничто не может быть более правильным и похвальным, чем то, что грубый плебс ограничивается рамками законодательных актов. Поэтому неудивительно, что гельветы в течение 240 лет поражали всех своими делами. Народная власть у них сохранялась благодаря двум удачным инструментам — справедливым законам и частоте общественных собраний. Нобилии, которые неоднократно опрокидывали народное государство мегарийцев, римлян, флорентийцев, сиенцев, генуэзцев, почти отсутствовали среди гельветов, а если и встречались, то долгое время избегали гнева плебса, а поскольку они были относительно немногочисленны, то часто отрекались от знатности и смешивались с полновластным плебсом. В большинстве своем они не достигали высших служебных постов, которыми пользовались мясники и сапожники. Таким образом, не только угроза ссор и нарастающая злоба сдерживали банкиров, число которых было значительно в гильдиях, но вдобавок и объединение в союзы горожан, почти не верящих в существование доброй воли в государстве, хотя действия на основе доброй воли являются целью всех человеческих законов. Когда бернцы, жители Цюриха и Базеля изменили свою религию, то потребовали и отмены этих собраний, но не добились последнего. Жители Женевы, которые являются менее демократичными, не утвердили у себя подобных обычаев. Они не устраивают общих пирушек, исключая священные трапезы, которые проводят каждые три месяца. Действительно, они полагают, что обилие бутылок, выпитых гельветами, враждебно не только частным или общественным делам, но и добродетели и вере. И те и другие имеют реальные причины, побуждающие их следовать своему мнению, они не воспринимают авторитеты и примеры великих людей. Гельветы живут без ссор и разногласий, в то время как женевцы заняты тайными интригами с целью назначения на службу, при этом ими движет страх, а не любовь. Однако ничто, созданное стра-

хом, не может быть продолжительным и прочным. В качестве доказательства мы приведем тот мощный заговор, который несколько лет назад чуть не сокрушил государство. Может быть, мягкости горожан, неэффективность иноземной власти потворствовали возможности организовать заговор. У женеццев есть похвальная традиция — они верят, что ничто в мире не способствует так процветанию государства, сила которого не в богатстве или величии империи, но в добродетели и превосходстве, как контроль духовенства. Лишь нечто величайшее и более близкое к священному пригодно для сдерживания человеческих грехов и пороков, которые не могут быть исправлены ни человеческими законами, ни судом. На самом деле, в принуждении через совесть используются пример и власть Христа: сначала принуждение применяется открыто, потом воздействие становится менее заметным и, наконец, если вы все-таки не повинуетесь, то можете быть отлучены от церкви, после чего следует наказание через суд. Сенека считает смехотворным принуждение к добру через закон, нечто подобное можно сказать о многих вещах, в отношении которых никогда не может быть применен закон. Порядок в этом городе поддерживается без применения силы и без шума, поскольку поручено это тем лицам, которые заслуживают высших похвал своими собственными добродетелями, поэтому в этом городе нет ни наказаний, ни пьяниц, ни нищих, ни бездельников.

Формы государственности и изменения в правлении генуэзцев

Генуэзцы были известны благодаря своей власти на морях и славе их дел еще до того, как они почти победили венецианцев и стали контролировать их владения и даже их собственный город. И даже когда они были разбиты венецианцами, то приняли капитуляцию добровольно, подчинившись сначала Карлу VI, королю Галлии, а затем правителям герцогам Миланским. В те времена, когда вследствие заговоров государство было разделено, плебс, подняв смуту в армии, изгнал всех патрициев. Было выбрано восемь трибунов плебса. Они разогнали французский гарнизон, штурмом отбили назад цитадель и сами выбрали дожа. Позднее Людовик XII казнил его, захватив город и жестоко наказав граждан. Но когда Ломбардия подчинилась императору Карлу V, то Андре Дори ради Карла покинул Галлию и, подобно Арату¹²⁶ или Ликургу, создал государство, свободное от всех ужасов войны и тирании и имеющее лучшие законы и институты. Правительство, которое раньше было народным, а еще раньше — плебейским, он переменял на аристократическое, где власть основывалась на древности рода, богатстве и великолепии. Он выделил 28 семей, стерев имена тех заговорщиков, которые раскалывали государство. В подкрепление этому он издал закон, согласно которому каждые десять лет оптиматы должны были выбираться плебсом, причем непременно из тех, кто отличается своим добродетельным образом жизни и богатством. Но этот закон, как я узнал от генуэзцев, устарел, и число допущенных к власти возросло. Коллегия оптиматов расширена за счет 400 граждан, которые осуществляют

верховную власть, потому что оптиматы, общей численностью 1200 человек, управляют по очереди. Общее число горожан составляет около 80 000 человек, хотя этого точно я не могу утверждать. Затем оптиматы были наделены суверенитетом, т. е. правом издавать законы, объявлять войну и мир, правом высшего помилования, правом выбора всех магистратов, особенно Сената, срок пребывания в котором ограничивался одним годом.

Власть дожа, которая раньше давалась пожизненно, теперь ограничивается двумя годами, и число его охраны увеличено за счет 500 германских наемников. За дожем закреплено единоличное право созывать оптиматов и Сенат. Когда истекает срок его полномочий, то он может продолжать свою службу в качестве прокуратора (они имеют высший авторитет в выборном совете государства), далее, как синдик, он может принести клятву в своей честности и неподкупности. Я пропущу действительную сложную систему выборов дожа, заметив только, что система выборов такова, что никто, кроме тех, кто обладает высшей честностью и знатностью рода, не мог быть выбран на этот пост (хотя формально по старым законам на эту должность должны были избираться только плебеи, но это уже давно не выполняется). К этому человеку на полгода прибавляются еще восемь человек, которые наделены той же властью, что и Совет семи среди венецианцев, и пять синдиков, имеющих такой же авторитет, как и Совет десяти среди венецианцев. Они берут на себя всю заботу о государстве.

Следующим является магистрат, которого они называют “подеста”, осуществляющий верховную юрисдикцию. Этот человек обычно избирается из числа тех, кто приглашен из других государств, он должен иметь трех помощников для подходящей замены. Чрезвычайно важные дела он имеет право передать на рассмотрение Сената. Вдобавок есть семь человек, которые исполняют свои обязанности три месяца и которых называют экстраординарными, потому что они имеют право назначения опекунов. Более того, для рассмотрения гражданских дел имеется пять человек, тоже из числа иностранцев, срок службы которых ограничивается двумя годами. Они повсеместно известны как “суд”, наконец, имеются цензоры, которые контролируют старшин гильдий, чтобы те не допускали злоупотреблений в ремесле и торговле, следили за мерами и весами. Военачальники — 40 капитанов — переизбираются из года в год и, конечно, выбирают одного главнокомандующего. Охрана казны передается банку святого Георгия, что особенно приветствуется сотней человек и восемью банкирами, хотя замечательное богатство и доблесть города зиждутся на традиции взимания платы с общественных владений и ломбардов.

Форма правления жителей Лукки

Правление в Лукке также находится в руках оптиматов. Хотя 34 000 человек не так давно были объединены под властью этого города, 2000 из них осуществляют правление. Ежегодно избираемые коллегии, одна-

ко, состоят из шести оптиматов, и высшая власть в государстве находится в их руках. Десять человек с властными полномочиями на трехлетний период отбираются выборщиками, которых принято называть “раздражителями” и главное преступление которых оставить город [без своего попечительства]. Они также выбирают Сенат из 18 человек, а те вместе с децемвирами держат совет о делах государства. Следующие, низшие должностные лица заботятся о работе трех человек — судьи и двух ассессоров, все они иностранцы. Один из помощников возглавляет службу общественных наказаний, другой разбирает частные дела. Кроме того, девять судей, тоже из иностранцев, а значит, способные судить непредвзято, ведут судебные дела торговцев. Затем идут комиссары земель, казны и продовольствия. Кроме того, восемь человек осуществляют контроль над иноземцами. Наконец, имеется шесть казначеев и такое же количество капитанов армии. Но никто не является более уважаемым, чем цензоры, полномочия которых позволяют наказывать трехлетней ссылкой людей безнравственных, равно как и прощать провинившихся, которых часто прощают, согласно решению главного консула. На даже жители Лукки и Генуи не являются полностью свободными, потому что их свобода оплачивается данью королю Испании. Генуэзцы, формально сохраняя владение над многими островами, тем не менее платят туркам 30 000 золотых крон, венецианцы платят 12 000, рагузанцы — 13 000, что позволяет им быть свободными от поборов и налогов. Но постепенно острова, за исключением лишь нескольких, попали под власть турок.

Государство рагузан

Правительство рагузан всегда состояло из оптиматов. Коллегии нобилей формировались из представителей 24 древнейших родов. Но, как и у венецианцев, все избранные служат один и тот же срок. Сенат из 60 человек избирается ими, следующими по значимости являются десять человек, на которых распространяется власть главы города-государства. Затем следуют пять человек, имеющих почти такую же власть, как Совет десяти у венецианцев, затем шесть человек консульского ранга, судей, разбирающих гражданские дела, пять человек для разбора уголовных дел, от которых прошения подаются в курию, состоящую из 30 человек. Имеется шесть человек для службы в ночное время. Другие назначенные имеют власть командовать, подобно триумвирату, которому поручено заботиться о сокровищнице, среди них четыре квестора, два ответственных лица монетного двора, комиссары города и, наконец, капитан цитадели, который меняется на посту ежедневно. Только однажды, как и в случае с афинянами, глава Сената использовал ключи от цитадели и сокровищницы. В своей системе управления они имеют много общего с венецианцами, но есть и значительные различия, например то, что в целях сохранения власти они заручаются поддержкой военной охраны из паннонийцев, подобно тому как генуэзцы набирают охрану из швейцарцев и германцев. Но из всех государств, ко-

торые сейчас существуют, еще ни одно не производило так много изменений в государственном строе, как республика Флоренция, причем за столь короткий срок — с 331 г.

Мне кажется очень полезным рассказать кратко то, что я узнал как от самих флорентийцев, так и от их историка Поджо; я обращался также к трудам Макиавелли, Антонини и Гвиччардини. На примере истории этого государства мы сможем составить более точное и правдивое мнение о самой лучшей форме правления.

Форма правления и изменения во флорентийском государстве

В тот период, когда папы и императоры погрязли в ссорах за контроль над Италией, флорентийцы в 1215 г. предпочли свой путь к свободе и на собрании народа выбрали 15 магистратов, которых назвали “сеньоры”, а также еще двух судей — одного местного, другого чужеземца, сроком на один год. Но едва они передали этой группе власть, вдруг внезапно вспыхнули разногласия, вследствие чего власть у вновь избранных должностных лиц была отобрана, и флорентийцы выбрали 36 человек для утверждения правительства. Были созданы гильдии ремесленников, а их магистраты выбирались подобно трибунам. Это происходило в тот период, когда наиболее могущественные люди покровительствовали партии гибеллинов. Дальше управляли гибеллины, и граждане выбирали двенадцать человек, которых называли “добрыми людьми”, полагая, что если изменить название, то также изменятся и традиции. Затем они избрали 80 сенаторов в состав государственного совета, но право вершить дела всего государства они предоставили 180 оптиматам, которые имели высшую власть над судом и законом. Флорентийцы находились под этим видом правления почти тридцать лет. Позднее эта форма правления выродилась в олигархию, а нобилии стали вздорными, и тогда право принятия решений снова перешло к народу. Затем, избрав триумвиров, которых они назвали “*priggi*”, во главе со знаменосцем, которому было даровано право преторианской защиты государства, вдобавок они создали ополчение из горожан и сельских жителей, чтобы не быть сломленными врагами. Пока главный знаменосец выбирался из народной среды, он предостерегал нобилиев от погоны за почестями и борьбы за должности. Потом среди нобилиев возникли серьезные разногласия и народ был разделен принадлежностью к разным партиям, в результате общество в течение длительного времени раздиралось гражданскими мятежами. Однако общим согласием они решили обратиться к папе римскому с просьбой поставить над ними человека королевского рода, которому все стали бы повиноваться. Откликнувшись на эту просьбу, он послал во Флоренцию Карла Французского, короля Сицилии, который в это время был в Риме. Карл быстро подавил смуту и обратился к изгнанникам и к тем, кто был вынужден уехать под давлением обстоятельств гражданской войны, с просьбой возвратиться. Но, призванный своим собственным народом, он оставил город, еще не полностью успокоившийся. После чего последова-

ли даже более серьезные, чем это было раньше, смуты и кровопролития, захватившие даже жителей Лукки и втянувшие их в бедствия их соседей, многие бросились вон из города и скрывались до тех пор, пока не улеглись беспорядки. Но покоя так и не настало до той поры, пока внутренние распри не были подавлены внешней войной.

Поэтому в 1304 г. они изменили форму правления: вместо одного знаменосца они ввели трех, которых стали называть “*priggi*”, наделив их большой, почти диктаторской, властью. На общем собрании всех граждан была утверждена система выборов, которую используют и сейчас; они выдвигают определенных граждан, которые подходят для несения службы и почестей, затем бросают записки с их именами в небольшие ящики или в сумки, так что год за годом имена избранных определяются большинством. Этот одобренный список меняется каждые десять лет, иногда — чаще. Большинство голосов они выбирают десять человек, которые возглавляют государство в течение двух месяцев вместе со знаменосцами, срок службы которых составляет один год. На общем совете они выбирали Сенат из 250 человек: часть — из народа, часть — из нобилиев. Коллегия оптиматов состояла из 300 граждан. Но даже с этой формой управления флорентийцы не смогли прожить достаточно долго из-за гражданских разногласий и “внутренних болезней”. Поэтому общим согласием они пригласили герцога Афинского¹²⁷, позже он как капитан потерпел поражение и был убит англичанами в битве при Пуатье. Ему предоставлялась годовая власть, но плебс, проявивший упорство, приказал ему быть пожизненным правителем. Он назначил потом еще 300 человек от себя для сохранения контроля над правительством. Держался он крайне надменно, что немало способствовало тому, что он сохранял правление всего в течение десяти месяцев. Он был изгнан жителями города, причем единодушно, за этим начались преследования и убийства его сторонников. Снова был учрежден знаменосец и избраны восемь человек, все они были из трибунов народа или старшин гильдий. Были восстановлены в своих правах нобилии, с сохранением всех почестей. Затем полновластная группировка нобилиев начала притеснять народ и плебс. Низший слой, равно как и более ответственные люди, жаловался, что хотя они и разрушили тиранию одного человека, но теперь меньшинство захватило контроль над всем государством. Разногласия приобрели такой размах, что нобилии были большей частью убиты; кто уцелел, был отправлен в ссылку. Другие сдались народу, и им навсегда был запрещен доступ к почестям и власти.

Затем с утверждением в 1354 г. строгого народного управления, когда нобилии уже не могли быть причиной разногласий, народ начал бороться за власть между собой, то Буондельмонте боролся с Уберти, то с Донати и Черки — все патриции. Они своей борьбой подрывали государство, и так длилось до тех пор, пока патриции не были изгнаны народной партией. Вслед за этим люди из народа восстановили группировки гвельфов и гибеллинов¹²⁸. И снова последовали кровопролития и ссылки. Все это длилось до тех пор, пока ремесленный люд не собрал-

ся в народное ополчение и пока не был разгромлен и опустошен дом каждого богача. Народная власть таким образом была уничтожена, и установилась охлократия мятежного плебса или, в какой-то степени, анархия. В течение трех лет разбойники, воры и убийцы хозяйничали в городе и его пригородах. Настойчиво и свирепо бунтующий плебс безжалостно боролся в гражданской войне против самого себя, оставшись без всякого контроля. Наконец все утомились и пресытились, после чего было объявлено всеобщее прощение и в соответствии со старой системой были выбраны магистраты, и двадцать лет общество обходилось без гражданских войн. В течение этого времени люди не боролись за правительственные посты, но брались строить то, что было необходимо, и правили справедливо. Но все-таки люди по-разному относились к воцарившемуся покою и к тем, кто его обеспечивал. Поэтому нашлись причины, по которым сочли возможным осудить Козимо Медичи, которого называли “отцом страны”. Но позднее этот человек все-таки был отозван из ссылки под угрозой гражданской войны и большую часть его врагов выдворили за пределы государства.

За это время семья Медичи приобрела высшую власть в государстве, однако она управляла без полного суверенитета до тех пор, пока не привлекла на свою сторону мудрых и умелых людей, с помощью которых магистраты и все государство полностью подчинились Медичи.

Но потом, когда Козимо, который держал в руках кормило власти, умер, общество снова вступило в полосу убийств и беспорядков, и так продолжалось до тех пор, пока бунтовщики не были подавлены и Медичи вновь не возвратили свой авторитет. Они удерживали его почти тридцать лет, хотя патриции, пойдя на измену, организовали заговор и убили Джулиано Медичи, серьезно ранив при этом его брата Лоренцо. В результате предводители заговорщиков были казнены или отправлены в ссылку. Однако бунтовщики не смирились и обратились к папе Сиксту и к Альфонсо с просьбой снарядить армию с целью подавления враждебных отечеству сил, так как сосланные не могли претендовать на власть. Наконец, когда государство после серьезной войны успокоилось, утвердили Сенат из семидесяти человек, который руководил Советами общественных дел до Пьеро Медичи после смерти его брата. Его не удовлетворяли властные полномочия, которые он имел, и он предпринял попытку сделать себя королем. Из-за этого произошло восстание куда более грандиозное, чем все предыдущие. Восстание длилось до тех пор, пока наиболее полновластные граждане не выбрали человека для управления городом. В конце концов произошло то, что в 1494 г. плебс снова пришел в беспорядочное движение, подобно стаду без пастуха, боящемуся и людей, и диких зверей. Так написал Макиавелли. Наконец народ неохотно пошел на созыв Сената, который долгое время занимался перебранками по поводу выбора формы правления, в результате большинство предпочло правление оптиматов, другая, и тоже немалая, часть — народа. Затем под влиянием выступлений перед беспорядочной толпой Савонаролы и Содерини была выбрана

народная форма управления, с условием, что высший судья в государстве, который назывался “гонфалоньером”¹²⁹, будет получать службу пожизненно и что впредь никто не будет будоражить народ (отбросы плебса исключались) призывами и молитвами, специально оговаривалось, что не будет никаких отступлений от законов, решений магистратов и что будет исключена трата общественных денег. Некоторое время спустя, угнетенные властью Содерини, а позднее Валори, флорентийцы снова восстали и силой оружия поставили вполне полновластное правительство под контроль, убив самого Валори, хотя он и был магистратом и высшим должностным лицом. Его убили в тот момент, когда он попытался удержать толпу обращением к народу. В 1512 г. флорентийцы снова ввели высшую судебную должность сроком на один год и выбрали в Сенат 80 человек со сроком полномочий шесть месяцев. Позднее папа Лев из рода Медичи, притворившись, что хочет восстановить ту форму власти, которая существовала до 1494 г., передал народную власть пятидесяти лицам, известным как бальи, дав им пожизненную службу, затем он разрушил систему народовластия. Однако когда папа Климент, тоже из рода Медичи, был пленен, то система правления возвратилась к своей прежней форме. Наконец власть над флорентийцами, ненадежно находящаяся в руках одного человека, силой армий императора Карла была передана Александру Медичи, охраняемому войсками. Подражая Клеарху, тирану Гераклеи, Медичи истребил, объявил вне закона и выслал из города всех наиболее полновластных вождей и своих личных врагов. В свою очередь он был убит Лоренцо Медичи и наследником власти стал Козимо, который с невероятным талантом избежал повторения заговоров. Величайший изъян этого государства заключается в том, что народную власть предпочли власти оптиматов, а также в том, что контроль за всем государством был предоставлен знаменосцам и восьмидесяти лицам, избираемым на службу каждые два месяца. Сенат не имел какой-либо власти, ибо он функционировал лишь в кризисные моменты, а затем становился почти безвластным. Все это было подобно телу, лишенному головы. Для безопасности государства сохранялся Сенат. Шестнадцать человек — старшины гильдий и ремесленников, — подобно трибунам плебса, непосредственно противостояли большим магистратам таким образом, что это можно было бы рассматривать как угрозу привести страну в вечное движение смуты. Наконец они допустили к почестям большинство, как представителей плебса, так и тех, кто был рожден в городе от родителей-иностранцев. В результате этого правительство стало более народным.

Но позвольте нам от рассмотрения стран чужеземных перейти к своей собственной стране.

Формы правления и изменения в них в Галльском королевстве

Прежде всего отметим, что наши предки долгое время процветали при королях, как об этом свидетельствуют Цезарь в книге VI и Ливий в книге V. В те времена они завоевали почти всю Европу и Среднюю

Азию силой собственных армий. Образовали четыре провинции, основали многочисленные города и даже сохранили исконные названия завоеванных земель кельтов и галлов. Отсюда — Кельтиберия, Кельтоскифия, Португалия, Галлатия, Галлия Трансильванская, Галлия Британская. Однако первенство в названиях многих регионов присвоили себе бойи и гельветы, которых Тацит называет галлами. Но я пропускаю рассуждения об этом предмете, потому что это уже описано другими.

Форма управления массалийцев

Однако когда короли управляют вяло, то оптиматы берут над ними верх. Это видно на примере жителей Массалии, которые управляли землями от Фокеи до Кельтского побережья и во главе государства которых стояло 600 оптиматов. Из их числа каждый год выбирались пятнадцать магистратов, из которых три высших ведущих лица имели верховную власть, как свидетельствует Страбон. Следуя их примеру, многие народы разделили все население на три категории, что соответствует природе и находится в гармонии с формой сочетания разума, гнева и вождения. При этом жрецы были освобождены от воинской повинности, они были также свободны от всех налогов, как писал Цезарь. Они контролировали гражданскую власть, религиозные дела, законы и выносили окончательное решение по апелляциям. Рыцари вместе с вассалами и охраной брали на себя заботу о военных делах; их командование обеспечивало суверенитет всего государства. Но говорят, что мудрость жрецов была общепризнанной, а их могущество и сила власти столь неоспоримы, что когда они проводили ежегодные собрания, то принуждали всех лидеров государства выполнять свои решения, принимать эдикты без применения физической силы. Каждый при этом выполнял свою задачу, повинувшись исключительно религиозному страху, а отлучение от церкви использовалось как самое действенное из всех наказаний. Из этого мы можем понять, насколько велико было благоговение перед древней религией, как свидетельствует Цезарь. Где существует страх перед священной волей, там должны процветать благочестие, справедливость и всевозможные добродетели. Я не касаюсь здесь весьма возвышенного знания небесных и природных вещей, что единодушно признается за ними всеми писателями. Но я касаюсь только государственности.

Если из факта, что среди кельтов существовали два наиболее полновластных племени — эдуев и арверн, делается вывод, что их государство было аристократией, то давайте помнить о том, что в некоторых бельгийских городах использовали собрания оптиматов и ограничивались ими в управлении и в принятии законов, хотя не было недостатка в вождях кланов. Более того, почти все города имели свою аристократию, это более свойственно и городам Германии, которые ограничивались законами государства. Если кто-либо пытался утвердить тиранию, то традиционным наказанием за это являлось принудительное самоубийство. Обвиненный в попытке установления тирании Оргеториг избежал этого наказания, но все-таки совершил самоубийство, как сам

Цезарь пишет об этом. Конечно, каждый человек управлял своей семьей и имел право распоряжаться жизнью не только рабов, но также и своей жены и детей, как свидетельствовал сам Цезарь. Юстиниан вдобавок ко всем другим своим ошибкам заблуждался, утверждая в главе об отцовской власти, что ни один народ не имел над своими сыновьями такой власти, какую имели римляне, однако из Аристотеля и Моисеева Закона видно, что эта традиция является общей и для персов, и для иудеев. Древние понимали, что любовь родителей к своим детям, сыновьям, была так велика, что, даже если они очень хотели злоупотребить своей властью, то не могли сделать это. Более того, ничто не может быть более прочной основой добродетели и благодарности детей родителям, чем эта патриархальная власть. Но то, что отдельные города имели аристократическую форму управления, можно вывести из факта, что плебс имел доступ к почестям и к участию в советах и что высший магистрат каждый год выбирался без большого соперничества. Когда Цезарь узнал об этом от местных жителей, то он сказал: “Стало семейной традицией сеять раздор в Галлии. Старой традицией является и то, что плебс в расприх ищет защиты от несправедливости у правителей. В наше время плебс стал более презираемым, и, действительно, эта группа воспринимается как недалеко отстоящая от рабов, и сейчас она исключена из всех общественных советов”. Это свидетельство Цезаря подобно разглашению секрета древней империи, но меня удивляет его мнение о том, что те группировки, которые разрушают государственность, делают это благодаря слепому возмущению плебса. Конечно, я признаю, что аристократический совет — инструмент нужный и справедливый, потому что в него могут быть выбраны магистратами люди, имеющие различные мнения, хотя они и грабят общественное богатство подобно тому, как домашняя прислуга, нанятая, чтобы служить, всегда готова разграбить хозяйское добро. Но взаимная ненависть и наличие взаимоисключающих интересов вынуждают их разоблачать свои собственные преступления. Таким образом, и плебс получает своеобразную защиту от злоупотреблений магистратов, когда те ссорятся между собой. С другой стороны, вражда среди правящих группировок не может не оборачиваться страданием для народа, для плебса. За любую несправедливость правителей, как сказал поэт, ахейцы платят штраф. Если появится правитель, имеющий выдающуюся власть, который сможет лишить противников всяческого покровительства, если он захочет защитить одних от опасности, исходящей от других, то он должен остерегаться, что спровоцирует выступление, подобное выступлению ланкастерской партии против Йорков, последними, как мы знаем, этот правитель был низвергнут и убит в тюрьме. Но я не хочу опротестовывать мнение Цезаря, я только утверждаю, что падение каждого государства неизбежно берет свое начало в ссорах правителей. Это настолько очевидно для всех, что не нуждается в примерах. Цезарь оставил такое свидетельство о наших предках: правители из эдилов повергли в руины государство, тогда одни призвали войска из Германии, а другие обрати-

лись к римским воинам. Наконец страна, сломленная длительной войной с Цезарем, сдалась римлянам, но при условии, что большая часть городов сохранил свою собственную систему правосудия и свободу, как написал Помпей в VII книге. Четыреста лет спустя, когда римляне, кельты и венгры захватили всю Галлию, они утвердили там нашу форму королевской власти, когда больше ценится воинская доблесть, чем заслуги в гражданских делах. Но с военной точки зрения это действительно было свидетельством того, что Галлия под руководством Карла Великого захватила большую часть Германии, Паннонию, Саксонию, Италию, часть Испании, распространив свою власть до границ самой Греции. Они правили в течение 80 лет, в этот период Сирия и Кипр освободились от наиболее жестокого рабства и разрушили государство ломбардцев. Они отдали римским папам добрую часть Италии как подарок, а венецианцам уступили Крит и Пелопоннес, когда вторглись в государство греков, над которым держали контроль в течение 50 лет. Эти факты, конечно, являются доказательством большой военной доблести.

Но что касается гражданской стороны дела, то вряд ли найдется много доказательств того, что иностранные короли и принцы, от окраин Германии до Италии и островов Испании, стояли бы благодарной толпой перед парламентом Галлии, как если бы это был священный престол Справедливости. Например, в 1244 г. император Фридрих II затеял с парламентом Галлии спор, который до этого он вел с Иннокентием IV¹³⁰, о Неаполитанском королевстве. В 1312 г. граф Нимур возбуждал в парламенте дело против Карла Валуа из-за графства, не дожидаясь распространения его власти в этих землях, и поразил его в суде. В 1320 г. Филипп, герцог Тарентский, также выиграл свое дело против герцога Бургундского в парламенте, когда речь шла о расходах и убытках при возвращении земель греков. Кроме того, в другом суде этот человек был оштрафован. В 1342 г. по обоюдному соглашению герцог Лоррейн и Ги де Шатильон, муж его законной сестры, получили решение парламента относительно разделения фамильных владений. Более того, когда дофин и граф Савойский поссорились из-за маркизы Салюццо, они оба добровольно отправились в суд графства, чтобы там решить это дело. Но граф дважды потерпел поражение в этом судебном процессе, и, наконец, в 1400 г. суд обязал его возвратить все земли. После этого полновластные жители Камбрэ, свободные люди, которые свидетельствовали в суде, постоянно появлялись при дворе, чтобы показать, что они согласны с решением суда парламента. Это решение вступило в силу в 1403 г. Но этот случай не является более известным примером, чем факты, связанные с тем, что короли Кастилии и Португалии после заключения договора между собой решили, что они не будут утверждать его в парламентах из-за царящей там волокиты; договоры бесконечно бы следовали из одной инстанции в другую. Кроме того, король, как и другие частные лица, подпадал под силу законов и декретов государства.

Принято считать, что наиболее древним законом королевства был Салический закон. Это может быть видно из того, что согласно этому закону женщины устранялись от права наследования трона, хотя это сомнительно, потому что такое положение могло быть утверждено или не утверждено. Однако путаницу, возможно, внесли многочисленные юристы, и Балдуин среди них, которые по глупости неверно интерпретировали Салический закон, зачастую смешивая право наследования с могуществом государства, так что вопросы наследования обсуждались наряду с правом на добычу, имущественными правами и правом собственности. Более того, такое положение не является особенностью конкретного королевства, известно, что и ассирийцы, и персы, и евреи, и египтяне, и греки, и карфагеняне, и германцы, и скифы, и абиссинцы допускали женщин к власти. Не так давно кастильцы поставили над собой Изабеллу, мантуанцы — Матильду, неаполитанцы допустили к власти двух Жанн, а норвежцы — Маргариту. Затем наваррцы и лотарингцы также наделили суверенитетом женщин. Конечно, история Родерика определенно начиналась с того, что древние законы спартанцев запрещали отдавать власть женщине. Кроме того, серьезные жалобы часто поступали от народа, потому что бахвальство и капризы фаворитов Изабеллы обретали силу закона, свидетельства чему мы найдем даже у Гвиччардини. Наконец, британцы, которые с ранних времен питали отвращение к власти женщин, недавно позволили воцариться Марии и ее сестре, вследствие чего были не только попораны священные законы, которые определяют подчиненность женщины власти мужчины, но даже нарушены законы природы, именно мужчинам дававшие власть править, судить, держать совет и сражаться, не допуская при этом женщину к делам. При этом пренебрегают не только законами природы, но и национальными традициями, которые также никогда не допускали женщину к власти. Зиновия, конечно, заняла Пальмиру при поддержке тридцати тиранов, но власть досталась ей на короткое время, потом она попала под власть Аврелия. Ирина в монастыре сама признала власть Никифора, когда тот ее захватил. Томирис, Семирамида и Фалестрия управляли от имени своих сыновей.

Власть правителя также ограничивал Земельный закон, который запрещал отчуждение общественного владения без согласия штатов. Королевский прокурор мог нуждаться в отчуждении земель, но не мог практически сделать это, пока со смертью короля он не получал пожизненного права наследования этих земель. В другой статье Земельного закона правителю запрещалось требовать для себя какие-либо общественные земли, земли иноземцев, а также осужденных персон, если они тайно не прикреплялись к королевскому домену, чтобы соблазнить его пагубной приманкой, потому что велико было искушение присвоить себе частные владения граждан, и это определяло готовность правителя к жестокости и грабежу. Но в Галлии в большинстве случаев добро осужденных оставалось их законным наследникам. Но были случаи, когда правители требовали отдать имущество осужденных в общественную

казну или включить в финансовые доходы, как было обусловлено в законе, принятом Франциском I Валуа. Из всех законов королевства, однако, не было более священного, чем тот, который отрицал какую-либо силу правителей, если те находились на чьем-либо попечении. Справедливо и безусловно правдиво, что именно здесь кроется причина того, что многие свергаются магистратами и превосходство в положении не является гарантией от безнравственности. Правитель ничего не может сделать против закона. Действительно, когда Генрих, отец нынешнего короля, приказал, чтобы итальянский слуга был брошен в тюрьму без предъявления каких-либо обвинений, судьи освободили арестованного и предостерегли короля, сказав, что обнаружат приказ, осуждающий его самого, потому что он обвинил человека в серьезном преступлении, отказавшись объявлять об этом публично. Судьи так и не согласились приговорить обвиняемого, хотя лучший из королей благородно и торжественно поклялся, что этот человек совершил преступление по отношению к нему. Заключенный был освобожден судьями и выпущен из тюрьмы, потому что они не поверили клятве короля. Но потом по приказу короля ночью человек этот был утоплен в Сене, и сделано это было таким образом, чтобы столь необычное происшествие не показалось народу подозрительным. Однако правоведы считали, что король может судить согласно своей совести, что можно обнаружить в документе, озаглавленном “Относительно службы управляющего”, начинающемся словами: “Запрещается”, под грифом “Правда”¹³¹. И папа Павел III, разделявший эту идею, наказал смертью хорошо известного человека, который поведаль ему на исповеди, когда папа был еще кардиналом, что повинен в убийстве.

Но высшие придворные не имели уважения к законам, исключая те, которые они одобрили своим собственным решением, и настаивали, что не могут быть принуждены к этому. Кроме того, поскольку обычай устаревает, то мы постепенно начинаем считаться с прецедентами. О, как достойна подражания добродетель наших предков! Они предпочитали скорее отказаться от жизни, чем от собственного мнения, тогда как их потомки согласятся с потерей и репутации, и государства, но только не тепленького местечка. Людовик XI¹³² (который первым, говорят, вернул полновластие королям) пообещал распотать парламент Парижа, если он не утвердит закон, подписанный им. Сторонники короля, осознавая неизбежность происходящего, предстали перед ним в пурпурных одеждах. Король спросил: “По какой причине вы противоречите мне?” Ла Вакрюю ответил: “Мы надеемся, что смерть избавит нас от утверждения чудовищных законов”. Король, глубоко встревоженный речью президента и отметивший стойкость магистратов, воспринял это по-королевски. Закон, который первоначально был предложен для утверждения, он приказал уничтожить в присутствии президента, поклявшись, что впредь ничего не будет утверждать, исключая то, чего требовала справедливость. Парламент предписал его отцу, Карлу VII, вырубить лес в окрестностях столицы и продать его декретом короля по на-

значенной цене; король выполнил это приказание. Другим законом, также принятым на основании ранее существовавших норм, король перед вступлением на престол оговаривает свое право лишения службы и почестей любого человека, даже если нет состава преступления, и право делать это без судебного разбирательства, потому что при назначении королем на должность частного лица действует старая формула: "...так долго, пока это будет угодно королю". Этот закон поддерживается на протяжении долгого срока и должен стать традицией. Хотя ежегодная клятва, которую магистраты приносят 12 ноября, ясно показывает, что их полномочия действовали в течение одного года, о чем также свидетельствует Бюде. Де Фер, равно как и многие другие великие люди нашего времени, полагал, что система ежегодного подтверждения полномочий должна быть возобновлена. Но Людовик XI обнародовал закон о пожизненных службах, согласно которому ни одна служба не может быть прервана или отобрана, иначе, как в случае смерти, добровольной отставки или публичного суда. С другой стороны, однажды Генрих с коннетаблем пришел в парламент и попытался силой протолкнуть закон, который палата не одобряла, он заявил, что палата парламента, возбуждаемая речами неизвестно кого, вообще не могла быть признана дееспособной, если бы он сам не дал на то разрешения, потому что юрисдикция магистратов давалась им самим на один год 12 ноября.

Действительно, может быть, это мудро, давать пожизненный статус, а возможно, правильное давать полномочия на ограниченный срок, конечно, я не отважусь вынести окончательное решение, пока что это определяется силой необходимости. Но я верю, что под покровительством народной или аристократической власти служба должна даваться на короткий срок, и это показано у Аристотеля. Но я не думаю, что в королевстве может преобладать такая система назначений. На что могут отважиться магистраты против желания правителя, пребывая в постоянном страхе, что они будут лишены своего положения? Кто сможет отличить слабость от раболепия? Кто сможет защитить интересы народа, если магистраты, управляемые извне, сами должны подчиняться решениям власти? Кроме того, власть магистратов становится намного слабее, когда она дается только на короткое время, и мы не склонны повиноваться людям и с готовностью выполнять их приказы, если видим в них лишь простых граждан в повседневной жизни, ведь они действительно спустя некоторое время снова становятся частными лицами. Но если народ понимает, что человек, сосредоточивший в своих руках власть, не может управлять исходя лишь из злокозненных побуждений, потому что каждый неизбежно страшится зла безнравственности, тогда он почитается правителем, а правитель становится действительно хорошим человеком не только потому, что чувство стыда сильнее его, но и потому, что перед ним всегда маячит угроза расстаться со своей репутацией, как бы ни были защищены его жизнь, корона и судьба. Действительно, всегда найдутся цензоры и судьи всех его действий. Кроме того,

Александр, наделенный серьезным авторитетом, выглядел просто ребенком, когда поверил в заголовок “О вещах занятных...”, начинающийся словами “Императорский” (т. е. величественный)¹³³. Он сказал, что служба частным лицам дается на основании формулы: “...так долго, пока это будет угодно королю”, — и эта формула имеет силу вечности¹³⁴. Он думал, что это придало бы силу статье “Об освобождении”, начинающейся фразой: “Те, кто опытен в законе”, и статью “О вещах занятных...”, начинающейся словами: “Этого достаточно”¹³⁵. Но не рассуждения об этих статьях являются нашей целью. Хотя они имеют сильный вес и важность для сохранения тайн королевства и подтверждения того непреложного факта, что королевская власть является сильно ограниченной, когда магистратам гарантируются пожизненные почести, и вряд ли кому-либо удастся открыть более действенный механизм для сдерживания тирании правителя. С другой стороны, многократные перестановки среди лиц, служащих принцу, как ничто иное усиливают саму эту власть, как написал Аристотель, а неуклонное ее усиление может привести к тирании. Однако власть в этом случае более дееспособна, более стабильна; это судьба, как писал о короле Теопомп, что власть гарантировалась эфорам.

Те, кто злым искусством думает усилить авторитет владыки, ошибаются, так как этим они только расшатывают королевство и власть короля. Очень важным для государства было решение императора Феодосия о том, что королевская власть должна подчиняться законам. Макиавелли ошибался, когда думал, что наш король полностью распоряжается казной. Он имеет денежное содержание, установленное законом. Если он без разрешения парламента обращается к казне, то ему не повинуются, и казначеи не дают денежных сумм в кредит, если нет какой-либо необходимости. 1 сентября 1492 г. король Карл VIII обнародовал закон, гарантирующий, что старшие и богатейшие из принцев становятся дееспособными только после оформления всех финансовых документов. Даже маленькие пожертвования невозможны, если их запрещает казначей. Я скопировал этот закон с оригинала, который является неприкосновенным. Особая добродетель монарха состоит в том, что его власть является гарантом всех вознаграждений в государстве. Кроме того, он не может отменить приговор или изменить меру наказания, потому что оставляет эту неприятную обязанность магистратам. Благодаря этому он пользуется значительной любовью всех, ни у кого не вызывая ненависти, а его подданные, приговариваемые судьями, не имеют причин на него сердиться, потому что не он выносит приговор. Каждый спорный вопрос разрешается судом. Но если кто-либо рассчитывает только на свою власть, то ему не добиться авторитета. Правители провинций и полицейские чины помогают правителю осуществлять свою власть, используя даже силу оружия, и каждый готов бросить армию против одного человека. Противоположное случилось с немцами, среди которых решения императорской курии почти не имеют силы, если их не поддерживают полновластные люди. Причина этого состоит в том,

что, как правило, во главе государств, опирающихся на силу, стоят правители, неопытные в обращении с армией и полицией, они сами их боются и не могут осуществлять свои решения. Ничто не является более труднодостижимым, чем утверждение хорошего и полезного среди нас. Часто высшие судьи привлекаются из третьих государств, и они заставляют нобилиев и наиболее полновластных людей выполнять императорские декреты, благодаря чему сохраняется невероятная гармония между высшим и властным. Те, кто пытался опрокинуть достоинство этих судей, повергали государство в руины, потому что в них заключалась безопасность гражданского порядка, законов, обычаев и всего государства. Существует семь судов такого вида, высочайший состоит из 140 судей, и его решения не подлежат апелляции. Никто не может умалять власть правителя, если не имеется высшего превосходства. Другой составной частью государства является патронаж нобилиев. Почти во всех городах Греции неимущие и плебс угнетались патрициями и часто патриции угнетались взбунтовавшимся плебсом. И эти две группы пребывали в вечных распрях. Выражением святой воли являлись законы, которые объявлялись нобилиями, и, пока они оберегались от изменений, государственность была непоколебимой. Здесь ключ к тому, почему государства существовали так долго, если народ использовал законы. Но тут мы оказываемся в некотором выигрыше, потому что среди нашего нобилитета, так же как и среди британцев, принято большую часть наследства и пожизненное престолонаследие отдавать перворожденным. Старшие сыновья сохраняют древние владения, следя, чтобы территория не была разделена между многими и раздроблена, ибо если бы это произошло, то слава дворянского рода, носителя воинской доблести, могла погибнуть. Ликург первым ввел среди спартанцев такую систему наследования, позже ее подтвердил Платон в “Государстве” и “Законах”. Но позднее наследственная часть была ограничена 5040 марками, тогда как прежняя составляла 9000, более точной и определенной цифры мы не имеем. Мы храним традицию наших предков, которой твердо придерживаются одни лишь немцы и которая заключается в том, что женщина должна всегда держаться в отдалении от землевладения; даже если перворожденной является женщина, следующий за ней наследник-мужчина должен получить всю землю по Салическому закону (из древнего закона Бордо следует, что это является обращением к 5000 человек от имени того, кто первым записал Салический закон). Я не касаюсь законов Ликурга или Платона о наследовании. Когда же первый из Капетингов предоставил управление провинциями герцогам и графам, то он создал удобный прецедент для закона. Позднее родители охотно принимали женское наследование, чтобы присоединить к своим владениям древние земли. Если мнение Джовио представляет для кого-то авторитет, то укажем, что главная ошибка в его нелепых нападках на Галлию состояла в том, что он думал, что королями наследуется некое божество духа. Что из того, что он считал Англию незащищенной в период, когда существовала система переходящего тро-

на или когда он оставался пустым? Сам он достоин великого презрения, потому что за всю свою жизнь не достиг даже ранга консула, что показывает более чем рабскую степень его мастерства. Не только короли персов и турок, но также и наиболее надменные халифы арабов питали отвращение к такому низкопоклонству. Это есть, более того, всегда было (о, что от меня останется вечности!), такая симпатия и гармония между правителем и галльским народом, что ни один народ никогда не окружал короля большей благодарностью, равно как и король свой народ большей любовью. Более того, каким божеством является король и какой свободой обладает народ, может быть понятно из того, что не так давно Людовик XII объявил о возобновлении показа на сцене древних комедий, где каждый недостаток правителя шуточно комментировался. Тогда как повсюду, особенно в Венеции, это всегда было серьезным преступлением. Но он не желал оберегать себя, так как считал, что правитель не может иным путем обрести уверенность и смелость в своей политике. О замечательный король, достойный управлять миром! Полагаясь лишь на честность и невинность собственной жизни, он не боялся осуждения со стороны злых и безнравственных людей. Правда, до правления Генриха мы никогда не использовали слово “величество” в отношении короля. Я упоминаю это, потому что многие наши традиции и особенности правления неправильно описываются итальянцами и другими чужеземцами. И пусть это выглядит невероятным, но правда, что ни один наш король не был убит в результате заговора подданных. Один был убит убийцами, подосланными женой-прелюбодейкой. Даже Карл Простоватый, плененный Г. Вермондуа, хотя и был самым серьезным его врагом, не был умерщвлен через насилие, но умер по причине болезни и старости. Хотя сын его Людовик и был убит. Косвенным доказательством силы государства является то, что было показано недавно в религиозных войнах, которые всколыхнули всю Галлию. Хотя лидеры партий и опустошили все вокруг огнем и пролили кровь, но страна не погибла. Затем вся эта вакханалия поражений и побед была в короткое время прекращена эдиктом лучшего из королей подобно тому, как улей пчел может быть усмирен горстью пыли. Король забыл все оскорбления, добродетель столь высокой пробы является врожденной в династии Валуа. Это отнюдь не новая традиция, ибо с ней считались даже старейшие. Карл VII ограбил свое королевство и всегда выносил недостойные приговоры в суде Парижа. Однако, усилив свои позиции подписанием мира в Аррасе, он завоевал Англию и поставил ее под свой контроль. Многие думают, что он был отмщен своими собственными бедами, но его не коснулась месть и он был близок к мягкости Цезаря, когда по-королевски принял представителей парламента и жителей Парижа. Не способствует поддержанию государства непреклонная месть правителей, не замечающих собственных ошибок. Действительно, обнаруживается, что нет королевства, которое долго бы процветало с подобными способами управления, исключая только ассирийцев. Почти 1200 лет насчитывает история нашего королевства, кото-

рое, взяв свое начало от рода Варамунда, Меровингов, Карла Великого, дошло наконец до династии Капетингов. Однако оно не может быть опорокинуто ни гражданской, ни внешней войной. Такое государство, как Египет, если верить Иосифу, отважно пересекло тысячелетний рубеж своей истории. Я пренебрегаю многими баснями об ассирийцах и египтянах, да и трудно ли было тогда сохранять и удерживать под контролем государство, когда не было врагов, посягавших на его власть. Мы знаем государства, ограниченные городскими стенами, которые имеют право считаться очень старыми. Это государства лидийцев, аргиев, коринфян, спартанцев и афинян. Плутарх в жизнеописании Тезея и Диодора писал, что многое из дошедшего до нас в большей части выдумка. И даже если это было правдой, то те государства, которые действительно имели богатую историю, все равно не существовали более 800 лет.

Изменения в государстве халдеев

Известно, что халдеи жили спокойно в течение 244 лет после Потопа, и это правда. Катон в “Происхождении”, если он действительно является автором этой книги, называет этот период “золотым”. Затем Нин¹³⁶ со своими армиями захватил Среднюю Азию, после этого царствовали 37 королей, они правили в течение 1220 лет, вплоть до нападения Сарданапала. Его империя пала перед напором префектов Арбакта¹³⁷ и Бела, после чего королевство было разделено на две части, но и они раздирались междоусобицами мидийцев и ассирийцев, продолжавшимися почти 300 лет, пока персы не установили свой контроль. Персы удерживали свою власть до прихода Александра, который увеличил империю персов, расширив ее границы от Индии до Геллеспонта. После смерти Александра империя вновь разделилась, Селевк захватил Большую Азию, Птолемей — Египет, Антипатр — Македонию, Лисимах — Фракию. Затем, разоренная серьезными войнами и огнем неутихающей борьбы, эта страна спустя 200 лет попала под власть римлян. Средняя Азия сдалась парфянам 172 года спустя после смерти Александра, их королевство процветало в течение 500 лет, от Арсака до Артабана, и приобрело великий авторитет благодаря доблести в ратных делах. В это время Артаксеркс Перс, убивший Артабана, захватил трон, и он принадлежал персам более 400 лет, до прихода Омара, правителя арабов, наводнившего своими армиями Персию и Сирию.

Изменения в государстве греков

Позвольте нам рассмотреть другие государства, расположив их в естественном порядке важности. Начнем с Юстиниана, который, отвоевав Африку у вандалов и Италию у готов, отбил атаки парфян и восстановил достоинство империи, благодаря чему сам приобрел высший авторитет доблестного воина и мудрого правителя. Оставив Испанию готам, Галлию — галлам, Британию — англам, он установил границы греческого государства по Дунаю, Альпам, Евфрату вплоть до побережья Африки. В этих границах государство процветало почти 120 лет. Во

времена правления Константина арабы отняли у римлян Египет, Сирию и Килликию, а потом и Африку. Они основали свои колонии даже в Италии. С другой стороны, славяне захватили Паннонию и Иллирию, чуть раньше ломбарды утвердились в земле инсбров и захватили лучшие земли в Италии. Таким образом, войны за государство греков продолжались. Известны случаи, когда один правитель выбирался солдатами, а другой — Сенатом. Леонид отправил молодого Юстиниана в изгнание, Абсимарий заточил Леонида в тюрьму, потом отрезал ему нос. Юстиниан восстановил свое правление при помощи варваров и выдворил своих противников за пределы государства. Филиппик унаследовал власть, но и он с ужасной жестокостью был ослеплен Артемием. Те времена не знали правителя, который смог бы долго удерживать власть. Некоторое время спустя Тиберий, избранный императором, был убит Львом, еще большую жестокость проявил Константин IV, который после завоевания Константинополя ослепил своего единственного сына. Но Константина самого подстерегала грозная опасность со стороны болгар, и он умер в жалком состоянии. Затем власть была взята Ириной, которая, договорившись о браке с Карлом Великим, ослепила после этого своего сына, однако Никифор отправил ее в монастырь. Этот человек создал новую империю, но потом тоже был убит булгарами. Ему наследовали два Михаила, из которых последний был жестоко убит Василием. Тем временем государство греков было более менее восстановлено в своих размерах, получило Иллирию и Италию, греки и арабы заняли лучшие земли Азии. Но сами правители греков были обеспокоены внутренними раздорами и гражданскими войнами, и так продолжалось до тех пор, пока государство не было захвачено армией Франции, которой удалось сохранять контроль почти 56 лет, затем власть снова перешла в руки греков. Но так как Палеологи и Кантакузины поссорились, то были призваны турки с их азиатским умением воевать, которые постепенно захватили власть над империей греков.

Изменения в арабском государстве

Государственное управление арабов было также разрушено, когда турки со своими армиями вторглись в Европу. Когда приблизительно в 650 г. арабы освободились от греков, то они за короткое время захватили Сирию, Египет, Персию, Африку и даже, получив контроль над морскими путями, покорили Испанию, Крит, Сицилию, Пелопоннес и часть Италии. Они действовали с такой скоростью и столь успешно, что казалось, что многие регионы им покоряются еще до того, как они успевали пересечь их границы. Хотя история арабов является ложной и изобилует баснями, которые наши современники успешно переписывают, многое известно из достоверных источников — Льва Африканского и Вилгельма, епископа Тира, который проверял надежность их древностей и проникал в глубь страны. Он написал, что в мире, пожалуй, не было древнее государства, исключая Римскую империю, столь же великого. Высшие жрецы, которых называли халифами, имели много вла-

сти благодаря единой для всех религии, при этом они справедливо управляли при помощи законов — и человеческих и священных. Халифам как богам подчинялись и военачальники и армии, все другие чиновники государства были обязаны им жизнью, чином, судьбой и, наконец, властью. Но когда между ними возникли религиозные споры по поводу убийства Али, то египетские правители, воспользовавшись этим, втянули их в серьезные войны за Багдад и Дамаск. Затем, благодаря галлам, они были отброшены к окраинам Испании, потом — в Италию, на Кипр и в Сирию. Наконец, теснимые персами, татарами и турками, они собрали свои силы в Египте и Африке, что произошло около 1100 г. Тунисские короли управляют королевством от первого вторжения арабов в Африку до нашего времени, что составляет период в 900 лет, но это со слов муллы Хасана, который хвастался в присутствии папы Павла. Султаны держали свою власть над Египтом 336 лет — от Саладина до Тумана Бея, которого Селим, правитель Турции, казнил. Но тунисские короли развязали столь сильное и кровопролитное соперничество с маврами, что в конечном итоге они были сломлены силой испанцев и турок, а потом и среди мавров начались междоусобицы. Сейчас же арабы уже привыкли быть покорными.

Изменения в государстве турок

Примерно в то же время, когда Саладин захватил Египет, почти развалились другие наиболее полновластные государства — государство татар и империя турок. Айтон написал, что Чингисхан, правитель татар, которых некоторые называли скифами, расширил свою империю вплоть до Средней Азии. В это же время заявили о себе и турки, часть которых приняла религию арабов и осела в Средней Азии. Разногласия между арабами и греками достигли такой силы, что Селим захватил обширную территорию, в которую входили большая часть Каппадокии и земли вверх от нее. Это произошло в 1104 г. Селим был прародителем сегодняшнего султана. Турки не только победили греков, арабов, но и захватили также все провинции от Дуная до Днепра, населенные более жестокими народами, обе Паннонии и Иллирию, хотя в это же время они были вовлечены в большие войны с персами, христианами и татарами. Но так как истории турецкого государства посвящено очень много книг, то для меня будет достаточно уточнить некоторые факты этой истории. Наиболее значительные события уже описаны многими писателями. Иоханн Гураут, советник тайного совета, и Людовик Мартин — оба известные в дипломатической деятельности и в вопросах государственного устройства люди — говорили мне, что все земли, за исключением нескольких участков, принадлежали воинам, которых они сами называли “тимариты”¹³⁸, как я думаю от греческого $\gamma\acute{o} \tau\mu\acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon\alpha$. Остальные являются налогоплательщиками и обязаны платить воинам налоги за пользование полями и налоговую ренту за землю, сданную им в аренду на десять лет. Когда тимарит умирает, тогда несение военной службы может быть передано другому человеку по решению правите-

ля вместе с бенефицием. Если объявлялась война, то всегда набирались бесплатные солдаты. Даже в семи преторианских легионах, оплачивавшихся из общественной казны, солдаты отбирались в зависимости от размера налога. Эта система делает государство непобедимым. Карл V использовал этот закон в Индии, собирая только налог подушной подати, вследствие чего бесконечные потоки золота текли в казну.

Изменения в государстве поляков

Между тем поляки добились политической независимости от германцев и успешно управляли королевством, основанным их вождем Пястом в 800 г. От более раннего периода до нас дошли только крайне неопределенные сведения, которые могли бы быть использованы как достоверный материал для истории. Дела поляков хорошо известны, однако лишь в том смысле, что они в течение длительного времени вели серьезные войны с турками, германцами и русскими. Им удалось сохранить подлинный престиж своего государства, отторгнуть Пруссию у германцев, даже сейчас им определенно удастся противопоставить свою мужественность изобретательности турок.

Кроме того, их королевство значительно увеличилось в размерах, когда по мужской линии стал процветать род Пястов. Это приходится на время правления Ягайло, короля Литвы, который, приняв христианскую религию, в 1386 г. женился на Ядвиге, королеве Польши. Этот союз принес роду Ягайло королевский трон на законных основаниях. Последним представителем этого рода является государь, управляющий сейчас, а именно Сигизмунд. Марк Брандербургский и граф Трансильванский ведут свое происхождение по другой линии, от жен Ягелонов.

Изменения в государствах Дании и Швеции

В то самое время, когда Пяст утвердился в Польше, Карл Великий установил свою власть в Галлии, а Никифор в Греции, Харальд основал королевство Дания. Оно было основано в равной степени как на силе, так и на законе, и от него до Нуба монархия существовала на протяжении 140 лет. Генрих Птицелов, император германцев, сократил это королевство до размеров провинции. Когда позднее датчане отделились от империи, их земли снова были завоеваны Оттоном, но они восстали под предводительством своего короля Вальдемара, который находился под большим влиянием своего брата. От Вальдемара королевство продержалось на правах престолонаследия в течение 211 лет до Маргариты, которая управляла землями Дании, Швеции, Норвегии и вдобавок герцогством Померания. Через 35 лет Энгельбрехт, выступивший против датчан, вторгся в королевство Швеция, которое он потом покинул вследствие гражданской войны между его жителями. Это триединое владение (Дания, Швеция, Бавария) повиновалось одному человеку. После Энгельбрехта был выбран Христиан, и его наследники имеют там власть до настоящего времени. Еще не так давно Густав отобрал у Христиана II королевство Швеция при помощи оружия, что

открыло череду кровопролитных войн между датчанами и шведами, даже сейчас там неспокойно. Эрик, король Швеции, был взят в плен своими собственными подданными и лишен власти в результате заговора его младшего брата и жителей Стокгольма. Это случилось в тот же день (факт, достойный записи), когда король Карл IX был почти разбит армией своего народа, и было это 28 сентября 1567 г. Более того, то, что я узнал от шведа Гостера, также заслуживает внимания историка, оказывается, правитель имел право выбирать, кого из детей он хотел бы назвать наследником. Эта уже описанная ранее традиция является общей для поляков, литовцев, венгров и абиссинцев. Правда и то, что правительства поляков и датчан могут быть названы аристократическими, так как в этих странах нобилии имели право объявлять законы, войну и мир, формировать армию, также они имели власть над жизнью и смертью. Выбираемый ими правитель не мог иметь все эти функции в полном объеме, ограничение его власти заключалось в одобрении решений нобилиями. Другими словами, знатный человек не мог быть раньше судим правителем или магистратом, чем нобилиями, именно среди них решался вопрос его жизни или смерти, его положения и репутации.

Изменения в государстве британцев

Следующими в нашем рассказе идут британцы, которые почти так же, как и все остальные народы, имели вначале монархию. Полидор Вергилий, используя рассказы древних авторов, достоверные или легендарные, написал, что 68 королей управляли бриттами в течение 1000 лет до Цезаря. Но около 500 лет они повиновались римлянам, потом были завоеваны Цезарем, что произошло до царствования Феодосия Младшего. Затем они попали под сильное угнетение со стороны скоттов и пиктов и стали уже отчаиваться в получении римской помощи, им пришлось призвать на помощь англов и саксов из Германии. Эти народы, подчинив бриттов, легко пришли к владению королевством, но единой власти не установили, и в результате семь королей правили в разделенном государстве и вели между собой вечные войны. Примерно 300 лет спустя англы подтолкнули бриттов к вторжению в Галлию, однако в 880 г. Альфред правил почти один. Датчане и шотландцы иногда нападали на остров, случалось и завоевывали его, одним словом, они беспокоили его разбойничьими набегами на протяжении почти 150 лет, до Эдуада Старшего, который принял командование на себя, потом управление перешло к датчанам. Через 100 лет, раздраженные гражданскими войнами, они обратились к Вильгельму. Этот человек, убив Гарольда, основал государство и передал власть через престолонаследие своим сыновьям, которые активно управляли в течение почти 110 лет. Стефан, граф Блуаский¹³⁹ из галльского рода, с 1136 г. управлял государством, основываясь на гуманных законах и отдавая предпочтение гражданским занятиям. Потом Генрих II, тоже из галльского рода, как многие считают, сын Стефана, по отцовской

линии герцог Анжуйский, Майенский и Тулузский, получил английский престол через усыновление Стефаном и как наследник материнского рода; он также получил Аквитанию и Пуатье в качестве приданого своей жены. Он управлял очень большим государством в течение длительного времени, затем его потомки в течение 400 лет так вели дела в этом процветающем королевстве, что им удалось захватить почти всю Галлию — часть через законные права, часть силой, часть обманом, тем более что Галлия была тогда тяжело придавлена гражданской войной. Некоторое время спустя галлы изменили тактику и одержали стремительную серию побед, и скоро они изгнали англичан со всей территории Галлии. Но, когда пламя внешней войны полыхало вокруг, народ вступил в гражданскую войну с такой жестокостью, что известная нам трагическая жестокость фиванцев, которая описывается Полидором, кажется детской забавой по сравнению с теми событиями. Впрочем, говорят, что он должен был описывать многие вещи с покровительством к фиванцам, хотя это и не должно вызывать одобрение; так, Филипп Коммин свидетельствует, что за 50 лет гражданских войн более 90 человек, членов королевской семьи, были убиты; он был современником этих событий. Я опускаю тех 12 королей, которые были убиты или отстранены от власти в ходе народных восстаний или заговоров баронов.

Изменения в Испанском государстве

Мы должны также кратко рассказать об испанцах. Я не нахожу в исторических свидетельствах более древнего государства, чем Карфаген. Насколько возможно восстановить, кельты и галлы покорили большую часть Испании до времен возвышения Карфагена, и мы можем принять то, что галлы дали название региону, как признавали и сами испанцы. Но так как эти факты не подтверждаются древней историей, то мы должны начать с карфагенян, армии которых заняли большую часть Испании, это следует из произведений Юстина и Орозия. Они удерживали власть до тех пор, пока не были вытеснены римлянами. В эпоху Сципиона Испания еще не была полностью завоевана, и в дальнейшем регион имел своих местных правителей даже во времена Цезаря. От Сципиона Африканского до Гондерика (первый из вандалов, вторгшихся в Испанию) прошло 660 лет.

Потом, когда вандалы пересекли Африку, Алларих Паннонийский, правитель из балтийской династии, унаследовал власть. Затем он возглавил и готов, которые господствовали в Испании в течение 300 лет, вплоть до Родерика, в период правления которого арабы и мавры покорили всю Испанию, исключая Калабрию и Астурию. Это произошло в 770 г., на седьмой год правления Родерика, как написал Тарафа. Правитель Кордовы создал предпосылки для определенных изменений, так как он призвал африканцев в Испанию для того, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его жене Родериком. Потом Галлия, впервые при Карле Великом, затем при его сыне Людови-

ке, потребовала от арабов освобождения большей части Испании и управляла ею через наместников. Так продолжалось до времен Людовика Благочестивого, который полностью передал властные функции своему наместнику Ямфреду. Позднее испанцы под руководством Альфонса V восстановили свои силы и выбили арабов почти из всей Испании. Но когда законная линия наследников готов стала вырождаться, сын Альфонса Фердинанд, первый король Арагона, взял власть в свои руки. Потом территория Испании была разделена на четыре части, вскоре на пять частей. Затем последовало очень жестокое кровопролитие, вражда не только взяла верх среди принцев, но и захватила братьев, родителей и детей. Альфонс III¹⁴⁰, правитель Астурии и Галисии, ослепил всех своих братьев и даже убил одного, когда тот захватил часть королевства. Потом Альфонс IV был ослеплен своим братом Рамиро. Другой законный сын Альфонса, Педро, был изгнан и убит своим сводным братом Генрихом, Гарсий также был убит братом Санчо, которого умертвил Беллидо. Позднее Альфонс VIII из галльского рода объединил три части в одно государство. Он был сын Раймунда Тулузского. Затем стремительные мавры снова атаковали Испанию и заняли добрую ее часть, где и правили до времен Фердинанда, предка Филиппа по женской линии. И вот теперь его наследники благодаря частично силе отборных армий, частично силе законов процветают наконец в высшей славе гражданских и военных дел. Это королевство существует в течение 852 лет, оно даже более сильное, чем то государство, которое испанцы пытались создать при помощи силы армий и закона в Африке и Америке, но которое так и не достигло расцвета, не принося торговой прибыли и не проявляя рвения в защите религии Христа. Они могли продвигаться и дальше, так как управление всеми их землями основывалось на авторитете одного человека, и этот авторитет не уменьшался при передаче власти по наследству. И это является доказательством хорошего устройства государства.

Другие государства — татар, московитов, эфиопов и индийцев, история которых не вполне открыта, — я пропускаю. Хотя из всего, что мы изучили, ясно, что нет государства, имеющего большую продолжительность, чем империя галлов, кроме того, это государство меньше других страдало от гражданских войн. Правда, многие вещи в традициях, законах, учреждениях и судах нуждаются в исправлениях, но форма управления, одобренная таким длительным существованием, не может быть изменена без риска серьезных потрясений. Важнейшее замечание Аристотеля предостерегает нас от изменений чего-либо в государстве, процветающем долгое время в устоявшейся форме. Отдельные люди нашего века, серьезные и образованные, предпочитают власть оптиматов, а некоторые даже демократию, поэтому мы должны коротко сказать о лучшем типе управления государством, чем мы и опровергнем их мнения. Я уже противопоставил мнению Полибия и тех, кто придерживается его школы, аргументы, которые, как я думаю, невозможно оспорить.

Наилучший тип государства

Известны и существуют три вида правления. Это единоличное правление, правление нескольких и правление всех. Поэтому правление мы должны рассматривать таким образом, чтобы не только избежать дробления и смешения его форм, и но выбрать лучшую среди возможных. Тирания одного человека является пагубной, но еще более худшей является тирания не одного, но группы лиц, которая называется олигархией. Наихудшим, наконец, является господство толпы, презирующей любые законы, эту форму правления греки называли охлократией, а Цицерон даже — тиранией. Она представляет собой некий вид анархии, когда никто не повинуется никаким приказам, нет вознаграждений за хорошие поступки, нет наказаний за преступления. Далее, если мы отвергаем эту форму, то тогда выбирать можно из народовластия, аристократической формы правления или монархии. О народной форме я ничего не могу сказать, что было бы достойно записи, если мнение мое не будет основываться на мнении многих людей. Никколо Макиавелли, например, выстраивая систему аргументов и рассуждений, доказывает, что именно этот строй является наилучшим. Но в этом вопросе, я думаю, его мнение не выдерживает критики, особенно потому, что он сам пренебрегает аргументами других сторон. В “Государе” он изначально принял только две формы управления — монархию и республику¹⁴¹. Этот автор в своей книге о Ливии утверждает¹⁴², что венецианское государство является наилучшим из всех, при этом он полагал, что оно было народным. В третьей книге он пишет, что народные формы правления всегда считались более похвальными, что никак не соответствует мнениям философов, историков и других великих людей. Пропустив многих из них, остановившись на Ксенофонтe, хорошем военачальнике и мудром философе, который свидетельствует, что народная власть всегда враждебна добродетели. Добродетель не может быть утверждена или сохранена никаким иным путем, кроме как через управление всеми одним добродетельным человеком. Об этом Сенека решительно заявил: “Кто, как не тот, кто наслаждается добродетелью, может быть приятен народу?” Аристотель также поддержал эту позицию, что особенно ясно из того отрывка, где он приводит массу убедительных аргументов в пользу того, что одни рождены для власти, другие — для подчинения. Но ошибка начинается с Платона, который после того, как он выбрал народное государство, показал опасность равенства. Затем академики, которые вышли из его школы, расширили его аргументы, приняв за истину то, что общество основывается на гармонии, гармония — на равенстве перед правосудием, а равенство — на народном государстве. Согласно этой схеме, все граждане выбирают одного или нескольких наиболее приверженных идеям равенства и преисполненных добродетелями людей, которые и будут строить гуманное общество, стремясь к нему как к цели. Аристотель не опровергал гипотез Платона, но он считал, что Платон ошибался, особенно в попытке определить гражданственность через одно лицо или группу лиц. У Платона носителем

гражданства является семья, этот довод мне кажется неубедительным, и я считаю эту гипотезу не только абсурдной, соглашаясь здесь с Аристотелем, но и ошибочной. Если рассматривать все вещи в их отношении к природе, которая является главой всех вещей, станет ясно, что мир, который мы называем высшим, каким-то образом соединяется с бессмертным Богом, составляя неравную с ним часть, но исключая взаимные разногласия элементов и противоположных движений сфер, так что если гармония, основанная на сочетании разнородного, исчезнет, то целое может разрушиться. Таким образом, лучшее государственное устройство копирует природу, которая лежит в основе всего; государство стабильно и непобедимо, когда оно поддерживается в согласии теми, кто командует и подчиняется, слугами и господами, полновластными и подвластными, добром и злом, силой и слабостью, подобно сведению воедино разнородного бесподобной силой ума. При игре на лире и в песне самый искусственный слух не может выдержать отсутствие гармонии, поэтому человеческое ухо в конце концов перестает воспринимать исполнение в унисон. Все очарование гармонии основано на сочетании несходных нот, когда низкие ноты чередуются с высокими, соединенные в согласии по определенным правилам. Подобно этому, вы не найдете ни одного нормального человека, который смог бы выдержать равенство или эту демократическую неразбериху в государстве; с другой стороны, государство выстраивается в определенном порядке — от высших слоев до низших, включая средние; все слои формируются на основе средней пропорции и сливаются удивительным образом в единое целое через самостоятельный выбор. Правда, зачастую все это приводит к безрассудным решениям государственных дел. Факт, что народ, способный на правильное действие в одной ситуации, воображает, что все его действия таковы, ибо подобие в единичном наводит на мысль на подобие в целом. Причина неравенства людей заключается и в неравенстве природной одаренности, которая часто наделяет людей авторитетом, средствами, почестями, службой; как возможно поровну разделить это? Это представляют так, что тот, кто получает одежду и питание за счет своих талантов, должен, подобно старшему в доме, поделиться всем этим со слабыми и больными. Этими доводами часто определяют равенство. Платон в “Государстве” не допускал имущественного равенства (он разделил граждан на четыре класса и наделил их различными правами), поэтому его последователи — академики, отстаивавшие идею народного государства, также не допускали равенства в распределении. Наконец, они опрокинули основы государства, утвердив в качестве главного защиту своих собственных владений. Но почему же тогда они не устранили равенство во власти?

Народная форма правления является не чем иным, как частью суверенитета. Не так глупо выглядит суждение о равенстве в обладании имуществом, как идея о равенстве во владении властью. Каждый человек способен наслаждаться богатством, но мудрость правления — природный дар только избранных. Что может быть глупее плебса? Чьи

действия более неумеренны, чем действия плебса? Когда он поднимается против хороших людей, что может быть более бессмысленно и стигматично? Правильно сказал Ливий: “Природа толпы такова, что каждый раб — кроток, а каждый правящий — нагл”. Это не вполне вежливый пример, но их такое множество! Тот, кто хвалит народную власть римлян, видимо, не читал их истории. Есть ли в ней что-либо более трагичное, чем частые раздоры между плебсом и патрициями? Что может быть более позорно, чем то, что гражданин выступает против гражданина, вооружившись камнями, косами, вилами, что толпы их бушуют в осажденном городе, на рыночной площади, в военном лагере, в ассамблеях, в Сенате, в Капитолийском храме Юпитера? Цицерон говорил: “В форуме нам часто приходится видеть камни, несколько реже, но тоже довольно часто — кинжалы”. Аппиан написал, что Л. Сатурнин, трибун плебса, приказал группам ремесленников и солдат отозвать законы, убить законно выбранных консулов, часть граждан убрать со сцены, убив их, а другую, подвергнув наказаниям, запугать¹⁴³. Действительно, все это использовалось, и примером может служить то, что кандидаты шли на собрание с оружием под тогами в сопровождении хорошо вооруженного отряда. Я опускаю ассамблеи, сорванные обманом, заданные большинством, убийствами и неоднократными отзовами людей с полей с тем, чтобы организовать их преследование в городе; я опускаю бесчисленные обсуждения законов, их отмены, замены, дополнения, взаимные противоречия плебса и консулов Сената, все их бесконечные решения, которые в короткое время могли быть изменены в соответствии с прихотью плебса. Подобные вещи происходили не только в Риме, но также и у афинян, которые открыли плебсу дорогу в государственные органы, где принимались решения, которые должны быть секретными, что явилось путем к нестабильности и открывало дорогу гневу. Как сильно сказал Анахарсис, афиняне славились мудрыми речами в ассамблеях, но глупыми решениями. Поэтому, когда Филипп вторгся в Атику, народ, взбудораженный этой новостью, собрался в театре, так мы можем прочитать у Демосфена. Они не были созваны магистратом, и от толпы исходила такая ярость, что никто не отважился обратиться к ней. Демосфен в своей речи о государстве утверждает, что ораторам подчинялись только правительство, военачальники, а законы и декреты принимались голосами примерно 300 человек, остальные же граждане были им благодарны. Среди флорентийцев народ потребовал для себя права участия в деятельности Совета, хотя город часто осаждался врагом. Факт, что оба государства существовали на протяжении длительного времени (хотя и в скверных условиях), должен быть отнесен к мудрости их правителей — Аристиды, Перикла, Катона, Козимо и Лоренцо Медичи, которых именно народ подвергал изгнанию и даже увечьям. Я не знаю, почему флорентиец Макиавелли оценил народовластие так высоко, ведь из его “Истории” совершенно ясно, что нет государства более несчастного, чем Флоренция, так долго просуществовавшая в форме демократии.

Королевская власть лучше, чем власть оптиматов

Поскольку народное государство было отвергнуто с согласия многих великих людей, то теперь мы должны рассмотреть, является ли власть оптиматов в чем-то более желанной, чем королевская власть. Есть такие, кто думает, что Платон считал нужным отдать контроль оптиматам, но в действительности они ошибаются. Функции, о которых идет речь, являются высшей необходимостью в правлении. Платон же эти функции отдал народу, т. е. тому, кто представляет собой множество всех граждан, за ними он закрепил власть над принимаемыми законами, выбор магистратов, сенаторов, наконец, власть над жизнью и смертью. Более того, он отдал под контроль народа все общественные суды, так как преступление рассматривалось как оскорбление, нанесенное народу в целом. По этой причине суд оборачивался необходимостью для человека, который провинился и должен был разбирать в суде свое собственное дело. Платон хотел, чтобы все граждане в гражданском суде чувствовали себя патриотами. Наконец, он добавил еще одну причину, утверждая, что если они будут исключены из судов, то перестанут считаться гражданами. Комментаторы Платона полагали, что это была изумительная форма народного государства, но нами эта идея уже опровергалась не раз. Однако последователи его школы придерживаются высокого мнения о власти оптиматов, помещая их на полпути между демократией и монархией. Они ошибаются, однако, когда ищут место добродетели посередине вещей или чисел, а не в правильности пропорций. Действительно, если правда, что нет правителя, способного быть безупречным, то и олигархия становится вздорной не по своей воле, так как между единицей и множеством имеется понятие “несколько”, этой середине и придают значение добродетели. Даже если и есть что-либо замечательное в этих числах, я уверен, что единственное является наиболее предпочтительным среди всех, как сам Платон написал совершенно божественно в книге о сущности и единстве.

Но насколько лучше подход Аристотеля, который противопоставил три полновластных типа государства трем испорченным: королей — тиранам, оптиматов — вздорной олигархии, народ — неорганизованному плебсу¹⁴⁴. В конце он сделал вывод, что королевская власть является наиболее замечательной среди всех других. Он даже опроверг изречение Платона, принимаемое многими и оспоренное Контарини, что самое трудное, может быть, выбрать одного человека, сочетающего в себе целостность и высшие добродетели. Однако эта уступка не является опровержением, это скорее самоопровержение, потому что, может быть, более трудно выбрать много хороших людей, чем одного, так как среди многочисленных оптиматов лишь единицы являются добродетельными, но именно их мнение может быть потоплено большинством голосов. Ибо в демократическом или аристократическом государстве голоса подсчитываются, но не взвешиваются на весах добродетели. Но если бояться одного тирана, то насколько опаснее для людей мно-

жество тиранов? Опустим, однако, эти рассуждения, но почему при строительстве государства, впрочем, как и во многих других вещах, мы не подражаем природе?

Королевская власть и всемирное государство

Если мы будем рассматривать природу более внимательно, то повсюду увидим монархию. Обратим внимание к самым маленьким — и в улье мы видим маленькое королевство. Среди пчел есть вожак, в стаде оленей всегда есть главный, среди стада овец выделяется баран (Жан с бубенчиком, или вожак), а когда летит клин журавлей, то один указывает путь всей стае; и в более отдаленных от живой природы вещах один всегда поражает своим превосходством: алмаз — среди камней, золото — среди металлов, Солнце — среди звезд и, наконец, единый Бог — повелитель и творец всего мира. Более того, говорят, что среди злых духов один является верховным. Однако обратимся к вещам более определенным: чем является семья, как не точным образом государства? Даже она направляется властью одного человека, который создает настоящий, а не ложный образ, подобно дожу Венеции, и здесь мы можем увидеть правдивую картину королевства. Если бы Платон привел примеры того, как несколько правителей из одной династии одновременно правят своим доменом, если бы он обнаружил несколько голов на одном туловище, несколько капитанов на одном корабле и, наконец, несколько вожаков среди пчел, оленей, в стаде (да простят меня ученые мужи), если, наконец, он свел бы несколько богов в союз для совместного правления, то тогда я согласился бы с ним, что власть оптиматов лучше, чем власть короля. Но если даже сама природа вещей протестует против этого, приводимые доводы противоречивы, а опыты не подтверждают теории, то я не вижу причин, почему мы должны следовать Платону или кому-то еще, а не природе, ее силе. Гомер сказал: “Хорошие вещи делаются не скопищем мастеров, так что позвольте одному человеку быть мастером, одному человеку быть королем”¹⁴⁵. Еврипид повторил: “Власть принадлежит одному человеку и в государстве и в семье”¹⁴⁶. По этому поводу Сивилла сказала пророческие слова, что безопасность Римской империи основывается на королевстве, т. е. граждане не могут считать себя защищенными, если они не имеют королевства. В 1552 г. Сулейман¹⁴⁷ привел ясный памятный пример; когда Мустафа, его старший сын, подавив сопротивление персов, возвратился во владения своего отца, доверившись охранной грамоте, он был встречен таким ликованием, таким почитанием, какого ни один смертный раньше не имел. Его отец не смог пережить славу своего сына и приказал его задушить во внутренних покоях дворца, а труп выбросить армии. Потом он приказал герольду громогласно объявить: “Есть только один Бог на небесах, один правитель на Земле, и правитель этот — Сулейман, он, и только он, должен быть султаном”. Армия безмолвствовала, пораженная жестокостью. Через два дня он бросил в тюрьму своего младшего сына, потому что тот сильно горевал о смерти брата. На тре-

тий день страх Сулеймана обрек на смерть и наместника Персии, он был отозван и обезглавлен. Таким образом, остался один Селим, для которого отец тогда являлся бы угрозой, если бы он не оказался единственным выжившим наследником. Подобное было традиционным у Оттоманов, потому что мечтать об империи могли все, но доставалась она только одному. Как писал Тацит, было не только благотворно, но даже необходимо при управлении большими делами, чтобы власть всегда оставалась в руках лишь одного человека. Три трибуна с консульской властью, действительно, получили предостережения, как написал Ливий, нерезультативностью коллегиального правления в условиях войны. Теренций Варрон приобрел похожий опыт в войнах против Ганибалы, христианские правители — против турок, военачальники греков — против Филиппа. Не так давно князья Германии в противостоянии с Карлом V поняли, что ничто не может хорошо управляться многими людьми. Так, греки и римляне в случаях, когда государственные дела расстраивались из-за войны или восстания, обращались к правлению диктатора, или архонта, или стратега как к священному убежищу. Подобно тому, как генуэзцы, флорентийцы и венецианцы в кризисные для государства периоды часто представляли высшую власть одному военачальнику, вверяя ему вопросы войны и мира. Действительно, почему это вообще подлежит обсуждению, если бесчисленная череда веков доказала то, что демократическое или аристократическое государство является опасным для рода человеческого? Кто усомнится в общирности владений турок, персов, индийцев, татар, которые даже больше, чем государства абиссинцев и испанцев, подчинивших своим законам Новый Свет? Длительностью существования отличаются королевства мавров, французов, московитов, поляков, готов и британцев, а ведь все они не знают власти оптиматов и не воспринимают идей демократического правления. Более того, с ранней истории народы Америки всегда сохраняли королевскую власть; они делали это не потому, что следовали научным теориям, но по традиции. Они не изучали Аристотеля, но были воспитаны своим учителем — природой. Более того, им доводилось слышать, что в некоторых уголках Италии или Германии существует управление оптиматов, но они не верили этому. Многие желали бы довести историю венецианского государства до 800-летнего периода, хотя оно и построено в противоречии с природой. Даже Д. Джиннонти, который писал о венецианцах наиболее правдиво, свидетельствовал, что высшая власть была отдана там под защиту дожа. И венецианцы имели совершенно монархическое правление до 1175 г. Это было время, когда в государстве был утвержден Большой совет, и оно процветало в этой форме в течение 350 лет. Я думаю, что дикари бы не удивились, узнав, что королевство французов, не зажатое в узком пространстве болотами, а широко и вольготно раскинувшееся, процветало благодаря невероятным славным делам на протяжении 1200 лет, потому, что ничто, живущее в гармонии с природой, не должно удивлять. Если я не ошибаюсь, Контарини, Мануций, Макиавелли и многие другие по-

лагают, что венецианское государство является лучшим среди всех, по причинам, которые я частично объяснил и к которым еще вернусь. Когда венецианец М. Суриано, человек высочайшей эрудиции и добродетели, был послом в Париже, он часто по собственному желанию любознательно меня расспрашивал о нашем государстве, и я многое ему рассказывал. Он предпочитал обсуждать все вещи беспристрастно, скорее соглашаясь с выводами, полученными на основе действительных фактов, чем с выводами, вытекающими из рассуждений. Я не берусь судить, трудны ли были для него обсуждаемые нами вопросы, потому что мы выбрали власть одного человека, и если бы мы одобряли правление оптиматов, то тем самым впали бы в противоречие сами с собой. Чему обязаны венецианцы своей славой — военным делам, беспристрастным законам или разнообразию ремесел? В военной славе они уступают почти всем народам, в размере государства превосходят немногих, в искусстве управления и в торговой прибыли они уступают испанцам, в разнообразии ремесел — германцам; в этом самостоятельном государстве не особенно заботятся о чистоте религии или об искоренении ересей. Здесь, конечно, отличные земли, что совершенно очевидно проследживается и в обычаях народа.

Платон называл спартанцев мужественными и умеренными, даже воздержанными, римляне известны как мужественные и справедливые, евреи отличаются религиозностью, массалийцы — справедливостью и мягкостью, афиняне прославились склонностью к искусствам, другие народы — прочими добродетелями; если венецианцы и превосходили других в какой-либо добродетели, то, я полагаю, в умении советовать и в проницательности. Я не намерен отказывать им в других добродетелях или утверждать, что в чем-то они уступают другим народам. Но те, кто превозносит добродетели венецианцев, серьезно заблуждаются, просто общественная казна нуждается в звонкой монете. Система ломбардцев является тому примером, прибыль в 5%, как признал Д. Джинноти, вполне оправдывает их в глазах общественности. Конечно, венецианцы ревностно охраняют древние традиции своего государства, и в этом их величайшая заслуга. Так проявляется престиж традиций и их могущества; Аристотель же справедливо сомневался, должны ли новые законы преобладать над древними законами, и он не мог считать этот вопрос легко решаемым. Действительно бесценно то, что они создавали органы управления и организовывали их деятельность только в соответствии с высшей справедливостью закона. К иностранцам они также относятся с любезностью, и если кто-то привлекает их внимание своими выдающимися способностями, то они ищут дружбы с ним, ставя природную одаренность значительно выше, чем знатное происхождение. При рассмотрении Советом государственных дел, в вопросах ведения войны, при заключении союзов, при объявлении мира или войны они проявляют большую проницательность. Хотя эти вещи нельзя недооценивать, но еще более жизненным для защиты государства является тот факт, что, территориально находясь в недоступном районе, они могут

легко отбить все атаки. Однажды их пытались завоевать генуэзцы, а не так давно король Галлии Людовик XII захотел получить контроль над венецианцами, и ему бы это удалось, если бы он смог осадить город. Но им нечего бояться своего врага, более того, сегодня народ, которому недостает армейского опыта и воинской дисциплины, не может вести гражданские войны или подниматься на восстания. Римляне, напротив, были вовлечены в гражданские войны, так как у них был богатый опыт захватнических войн. Как бы хорошо ни была организована жизнь государства, военная и гражданская дисциплина должна поддерживаться не только одним законом, но также и армиями, которые охраняют высшие ценности, и это непреложная истина. Кроме того, венецианцы, как признался сам Контарини, склонны к предательству. Более того, когда враг атакует, то они используют для своей защиты не только наемных солдат, но и иностранных военачальников; насколько это мудро, я не берусь судить, но еще недавно все военные авторитеты единогласно этого не одобряли и не называли иной причины многократного разрушения государств, кроме этой. Бартоломео Коллеони, которому венецианцы отлили золотую статую за то, что как военачальник он хорошо служил городу, заметил, что это должно быть упреком им самим, потому что они беспечноверяют себя и свое государство чужакам. Коринф попал в руки тирана именно по той причине, которую указал Тимофей, — виной всему стал иноземный военачальник, но вместе с тем бритты были освобождены от чужеземного контроля англами, испанцы — маврами, греки — турками, которых они добровольно призывали себе на подмогу. Контарини написал, что ради внутреннего порядка и сохранения мира можно пренебречь военной дисциплиной, причем не пугает то, что, пойдя на эту уступку, они могут потерять и то и другое.

Не меньше способствует стабильности управления и то, что связь оптиматов с государством строится таким образом, что если бы она была разорвана или оптиматы оказались разобщены, то было бы невозможно контролировать многочисленные объединения граждан. Сословную власть правителей не так-то легко подорвать, говорил Аристотель. Эта гармония может быть еще более устойчивой. По старой традиции они часто встречаются на общественных и торжественных пирах. Дожд может поощрять и организовывать эти пиры и преподносить подарки для укрепления союза его подданных между собой и с государством, но это все-таки второстепенное условие стабильности. Как писал Аристотель, большие государства изначально меньше предрасположены к бунту, потому что они имеют в качестве скрепляющей силы средний класс, который соединяет высший слой с низшим в этом обществе. Но нет более надежного способа защиты правления аристократов в государстве, чем власть, которая не является пожизненной привилегией и неизменно переходит к другому. Срок службы ограничивается двумя-тремя месяцами, или шестимесячным периодом, или даже целым годом. Однако не должно быть власти, закрепленной за

кем-либо из служащих пожизненно и становящейся главной почестью, как, например, дож, прокуратор святого Марка или канцлер. Но если кто-либо превосходит других в высших добродетелях, или в талантах, или в популярности, он с неохотой допускается к высшим почестям, чтобы блеск славы его не мог ослепить глаза следующим за ним гражданам. И этот секрет государства, который афиняне и эфесцы, обнаружив, превратили в остракизм, т. е. в открытое объявление войны за добродетель, становится особенно понятен на примере смерти, которую понес Лоредано, одним кивком головы наводивший ужас на своих сограждан, когда те не выдержали смертоносных атак и бежали, бросив свои армии, а он один, без помощи магистратов, смог заставить их вернуться. Они, однако, не могли выдержать превосходство этого человека, хотя именно он спас государство от серьезной опасности, поэтому он был отравлен, как пишут многие итальянцы. Я не хочу утверждать, что это было так, но я не могу и отрицать возможность этого. Однако они привыкли выбирать дожа как человека, который не имеет никакого оружия против своих подданных и ограничен золотыми цепями; хотя он и может иметь самое пылкое желание славы, но при этом должен оставаться хорошим и простым человеком. Они опасались, как бы не попасть в ту историю, которая произошла с лягушками на болоте, возомнившими, что они ведут свой род от самого Юпитера, а когда он дал им бревно, в чем, собственно, они и нуждались, то они огорчились, как пишет Эзоп, и тогда Юпитер, увидев их неблагодарность, сделал их любимым блюдом журавлей. Наконец, фактом является то, что венецианцы были весьма искусны в услугах, обладали величайшей свободой и покровительствовали такому устройству, при котором граждане и иноземцы согласно хранили мир. Это важная причина того, почему люди хвалят венецианцев, действительно — они жили в величайшей свободе. Однако государства учреждаются не только ради свободы, но прежде всего ради хорошей жизни. Конечно, едва ли есть место свободе в государстве, где каждый человек потворствует только своим привычкам и требования его нетерпимы и вздорны. Если мы измеряем счастье человека его достатком, почестями, владениями и необузданной свободой, мы должны будем признать счастливой ту страну, которая изобилует всем этим, но если мы отдадим предпочтение добродетели, то я не думаю, что Венеция окажется наиболее выдающимся государством из всех. Отнюдь не доказательством плохого строения государства считал Платон наличие многочисленных магистратов и судей, причем их никогда не было так уж много среди афинян, а сегодня их слишком много среди венецианцев. Поэтому не должно выглядеть удивительным то, что большую часть года они тратят на выборы магистратов. Более того, вся эта масса магистратов является вполне достаточной и для утоления ненасытной жажды почестей и власти, и как средство сдерживания мошенничества и других правонарушений. Но государство Ликурга, которое превзошло всех в славе, не имело магистратов, единственным исключением являлся Сенат, состоявший из 30 человек, призван-

ных на службу пожизненно. Великий наставник молодежи испытывал недостаток власти. Действительно ошибаются те, кто думает, что обилие официальных лиц внушает гражданам любовь к добродетели, поскольку ничто не усиливает более желание власти и достижения богатств, как пребывание на высоком государственном посту. Тот, кто однажды имел удовольствие командовать, не только забывает, как повиноваться, но всеми силами цепляется за власть и оставляет ее крайне неохотно.

Среди нас часто одобряются любые приказы, потому что закон имеет большую убедительность и притягательность. При короле Генрихе и без того большое число магистратов было увеличено до бесконечности благодаря искусству злонамеренных людей, хотя формально оно сократилось. В результате чего выросла и численность судей, хотя ни воровство, ни скаредность, ни коррупция, ни расточительность не имели тенденции к увеличению и роста судебных разбирательств не было. Однако не было времени более удобного для нарушения законов и преступлений. Кроме того, всего нескольких судей было бы достаточно для того, чтобы вершить правосудие, при условии, что они выбираются из самых лучших. Благодаря этой системе все граждане неизбежно вдохновлялись добродетелью и стремлением к добрым делам, потому что они могли достичь привилегий как наград. Иногда надежда приходила ко всем, но успех — только к нескольким. Власть, должности и почести не способны сделать граждан счастливыми, так же как и величайшая свобода не приносит радости, когда на ваших глазах превращается в руины хорошо построенное государство. Несвобода имеет основу, даже грешник имеет право на жизнь, даже, более того, на прощение и освобождение. Если есть зависимый человек, то он поддерживает власть короля, так же как ребенок повинуется родителям. Часто я с удивлением замечаю, что венецианцы, которые так мудро улаживают многие вещи, не допускали выборов цензора, как это делали римляне, а сегодня — жители Лукки и Генуи. Это могло быть очень выгодно для прокураторов святого Марка, которые ускоряли бы свой служебный рост возвышением через ранг. Папы, чья власть была довольно сильной и которые направляли королей, так часто обращавшихся к их авторитету, сейчас сами очень нуждаются в большем количестве специальных цензоров службы надзора, которая стала столь необходимой и важной в государственном управлении Рима, как никакой другой фактор. Это стало понятно после того, как контроль ослабел, затем вместе с добродетелью исчезли великолепие и мощь раннего государства Римской церкви. Венецианское государство также в опасности, потому что, принимая бесчисленное множество иноземцев на жительство, оно рискует попасть в зависимость от управления этих вновь прибывших. Примерам подобного характера нет конца. Из-за этого ахейцы подчинили народ Трезена, самаритяне — мессинцев, а жители Колхиды — амфиполитанцев, которых они поселили в государстве, не дав доступа к привилегиям, как свидетельствуют Павсаний и Аристотель.

Такие события разворачиваются еще быстрее, если оптиматы не находят согласия между собой. Например, в случае с Книдом, когда знать первой воспользовалась привилегиями, но едва они поссорились между собой, как тут же были выгнаны плебсом и иноземцами. Такие случаи происходили также среди митиленцев, остийцев, фокианцев и не так давно среди сиенцев, генуэзцев и женевцев, которых отстранил от власти плебс, стоило оптиматам поссориться между собой из-за мест. Жители Коркира поступили более жестоко, так как там плебсу удалось бросить в тюрьму всех ссорящихся нобилиев, где те и приняли самую жестокую смерть, как писал Фукидид. Неотвратимо действовали колонны, с беспримерной яростью убившие большую часть патрициев за то, что те стремились только к добыче привилегий и облагали народ самой тяжелой данью. Переселившиеся иноземцы в Линде также убили оптиматов и выбрали трибунов.

Эта опасность является не менее ужасной и для венецианцев, ибо когда в 1555 г. избирались цензоры всего города, тогда в добавок к патрициату в городе насчитывалось 159 459 проживающих чужестранцев. Женщины и мальчики старше шести лет были включены в этот список, и всего около 1500 патрициев контролировали эту массу людей. Те, кто не достиг 25 лет, не участвовали в ассамблеях и не разделяли власти, за исключением редких случаев. Венецианский народ не кажется таким уж мудрым. Когда вся эта масса бедных людей осознала свою численность и силу, то, конечно, она стала опасной и подняла восстание против оптиматов. Когда однажды Сенат римлян постановил, что рабы должны отличаться от свободнорожденных и своими украшениями, и своей одеждой, то Сенека возразил, что это может стать опасным, так как рабам будет проще подсчитать свою численность. Более того, критские войны показали, что иностранцы и временно проживающие довольно сильно стремятся иметь гражданство венецианцев. Примерно таким путем Верона, Падуя и многие другие города-государства попали под власть чужестранцев, т. е. галлов. Это объединение оптиматов с иноземцами, как нам рассказал Бембо, освободило союзные города от пошлин и налогов, за счет которых, особенно в кризисное время, они рассчитывали получить помощь. Но верно и то, что они были более напуганы, чем расположены к иностранцам. Но все наши удачи обогрены нашей же кровью, и мы готовы идти на это ради безопасности короля и страны, особенно когда нам угрожает опасность извне. Ничто не может быть так распространено и нет лучшего доказательства доброго и дееспособного государства, чем доблестное управление враждебно настроенными людьми и поддержка граждан, лояльность государству. Чаше венецианцы подчинялись врагам и не могли удерживать граждан от беззакония, вследствие чего 18 дожей заплатились жизнью или были отправлены в изгнание. Сабинцы указали эту цифру для времени, когда ими было учреждено правление оптиматов, но даже наследники дожа Лоредано вынуждены были заплатить 1500 золотых монет, согласно законному

решению, поскольку Лоредано не был в достаточной степени гражданином и ему не хватало щедрости, как написал Д. Джианноти. Я пропускаю гражданские войны, которые так часто развязывались между городами-государствами, когда венецианцы еще поддерживали свою военную форму. Я пропускаю заговоры, которые после смещения сенаторов и очень кровопролитной гражданской войны разорили государство. Я пропускаю серьезные и бесконечные бунты сторонников Сцеволы, череду убийств, чему не было иной причины, кроме той, что они не имели доверия к определенной части правительства. Столь часто возникающая в обществе людей ситуация подобна истории с кораблем, на котором нет капитана. Полибий использовал такой пример: когда кораблем управляют три капитана, один из которых до этого трижды надевал капитанскую фуражку, другой трижды поднимал паруса, а третьему трижды довелось отступать, то пассажиры находятся в опасности, потому что корабль с таким количеством капитанов годится лишь на то, чтобы потешить зевак в порту неминуемым кораблекрушением.

Более того, кто не видел германских ужасов разорения после нашествия турецких и шведских армий, господства испанцев и галлов, затем — итальянцев и, наконец, как следствие, после своих собственных внутренних распрей, когда же страна стала управляться королевской властью, все это было легко преодолено народом с опорой на сильную армию. Из этого мы выводим, что королевская власть намного лучше, чем правление оптиматов. Мы должны опровергнуть мнение Иосифа и тех, кто полагал, что в Священном Писании Бог проклял королевство и благословил власть оптиматов среди иудеев. Иосиф показал этот государственный строй в 6-й главе VI книги “Древностей”¹⁴⁸. Хотя иудей Филон в книге о воспитании правителя учил, что власть единого правителя утверждается по воле Бога.

Позвольте же мне опровергнуть мнение Иосифа. Впрочем, это касается и слов Самуила, который описывает отнюдь не королевство, но — тиранию, а это противоположно тому, что имел в виду Меланхтон. Неужели ученому-иудею неизвестно, что слово “~~коро~~” означает и короля и тирана одновременно? Авраам, говорят, отвернулся от убийства королей, но слово “~~коро~~” означает в этом месте не права короля, но обычаи и обхождение, в чем сходятся все толкователи. Если описывался не тиран, то почему Моисей во Второзаконии отдал приказ, чтобы король признавал отдельные части закона и правил народом на основе Священного Закона? Согласно этой главе, народная и аристократическая власть не только отклоняются, но, более того, прямо одобряется королевская власть одного человека. Далее, ты ведь не будешь называть больным правителем народа узурпатора власти. В книге Синедриона, в главе 2, королевское величие, которое исключается среди евреев, описывается очень полно.

Форма правления государства евреев и ее изменения

Конечно, то, что Моисей имел королевскую власть, следует из факта, что, учитывая волю народа и оптиматов, он издавал законы, назначал сенаторов, отбирал судей, назначал священников, а однажды без суда приговорил к смерти более 40 000 мятежных граждан, а также это видно из последнего его желания сделать Иешуа правителем, потому что никого более великого не могло быть. Когда Иешуа умер, то сенаторы выбрали в правители Отонизеля, затем Иуду. Поэтому отец Мартир верно заметил, что аристократическое правление началось, когда Отонизель встал во главе сенаторов, хотя комментаторы считают, что правители избирались не на собраниях граждан, но божественной волей. Таким образом Гедион пришел к власти. “У меня нет власти, — говорил он, — ни над вами, ни над своим сыном, но Бог повелевает всем”¹⁴⁹. Наконец, когда его сыновья Илья и Самуил нарушили порядок и власть оптиматов превратилась в фикцию, плебс со всей своей непреклонностью стал требовать королевской власти. Затем, действительно, следовавшие один за другим беспорядки прекратились. По этому поводу Маймонид¹⁵⁰ писал, что Священным Законом иудеям запрещалось строить храм до тех пор, пока у них был король, способный удерживать смуту и повелевать собственной властью. Эти вещи описаны в 47-й главе III книги “Руководителя запутанного”. Из этого следует вывод, что королевская власть приятна Богу, тогда как тирания для Него неприемлема. Когда король выбирался, то сенаторы первыми допускались, но не к верховной власти, а к совету, как говорил Моисей. Факт, что Ромул хотел, чтобы менее важные случаи рассматривались сенаторами, а более важные — им самим, об этом можно прочитать у Дионисия. Моисей также утвердил это положение при поддержке Сената, как написано в “Числах”, глава 2¹⁵¹. Следовательно, когда халдейский правитель Иеремия написал, что Сенат из 71 человека (который евреи называют “**סנהדרין**”), но он сам назвал измененным греческим словом “Синедрион”) имел высшую власть утверждения законов и справедливости среди правителей, он ссылался на факт обнародования законов и протоколов судебных заседаний. Среди нас Верховный совет оглашает закон, куда менее опытные мудрецы одобряют его. Но это относится только к одному правителю. Тот же халдейский комментатор добавил, что судебные разбирательства о родстве, о высшем священнике, о благородстве и о ложном пророчестве не могут проводиться без сенаторов. Но Моисей Маймонид в “Руководителе запутанного”, в последней главе III книги, написал: “Сенат имеет власть меча”. Для этого Сенат направлял в отдельные города так называемых гражданских судей числом 23 человека и 7 человек судей по торговым и финансовым делам. Из них 3 выносили приговор, 5 разбирали вопросы, связанные с первой апелляцией, 7 решали вопрос по второй апелляции. Кроме того, 10 судей коммерческих дел, включая первосвященника, избирались подобно эдилам. В помощь им избиралось еще трое защитников. Каждый присутствовавший

имел право на один голос, двое выбирали третьего. Все эти вещи объясняются в Пандектах евреев под заголовком “Синедрион”, главы 1—3. Наконец, совершенно очевидным является то, что новый сенаторский состав избирался тем самым Сенатом, чьи властные полномочия уже заканчивались. Кроме того, все эти решения утверждались правителем, потому что постановления Сената без одобрения правителя не имели силы. Это ясно из истории с арестом по приказу Сената Ирода, обвиненного в убийстве ребенка. Группа гиркан освободила Ирода из тюрьмы по велению правителя и первосвященника, но не Сената, как написал об этом Иосиф в 16-й главе XIV книги. Если вернуться в глубь веков, когда после смерти Соломона его сыновья утвердили монархию, то народ тогда разделился на два государства, вернее, были учреждены две монархии, первая — от рода Иуды, вторая — от всех оставшихся родов, потому что Сенат имел столько власти, сколько ему давали правитель или король. Известно, что каждый римский император по своей воле ослаблял Сенат, подобно тому как римский Сенат провозглашал некоторых императоров своими врагами и приговаривал их к смерти (как в случае с Нероном или Максимилианом). Сенат иудеев принял такое же решение в отношении Ирода, когда тот был еще молодым человеком. И Сенат спланировал этот несчастный случай, если бы он [Ирод] вышел из под контроля короля гиркан. Когда Ирод стал старше и получил всю полноту власти, то он убил правителя гиркан и всех сенаторов, за исключением Шемая, который действительно был злейшим врагом всех сенаторов, таким образом Ирод и обрел славу имени своего, как мы видим на страницах XIV книги Иосифа. В пользу этой формы правления есть еще одно доказательство, которое заключается в том, что государство евреев процветало при монархии 160 лет. Потом в течение 244 лет власть принадлежала оптиматам, затем евреи опять имели монархию, которая распалась на двухполюсные тирании, просуществовавшие 486 лет и уничтоженные при вторжении абиссинцев. Первые короли Самарии и 10 родов вошли в Халдею, затем к ним присоединился правитель Иерусалима с оставшимся народом. 70 лет они страдали в изгнании, затем снова возвратились в свое отечество и процветали при монархии и первосвященнике до тех пор, пока не были ослаблены гражданской войной и войнами с соседями. Они первыми подпали под власть египтян, затем они были под греками, потом — под палестинцами. Наконец Иудея была превращена в отдельную провинцию империи Августов и приняла управление римлян, от которого она освободилась через 100 лет. В это время Иерусалим был захвачен и разрушен до основания и в руинах ждал своего восстановления. Но все соседи ополчились на Иудею и устроили заговор с целью уничтожить этот народ; а поскольку сильнейшие кровопролития происходили тогда в обеих Азиях и в Африке, то еврейский народ был убежден, что обречен погибнуть, исчезнуть навсегда. Число убитых, приводимое Иосифом, определенно превышает 300 000. Оставшиеся были приведены в состояние униженного рабства или рассеяны по лику земли.

Королевская власть — наилучшая

Что я еще могу добавить о королевской власти, которая, безусловно, ближе всего к природе и утверждена Богом, отцом природы. Выбранная замечательным решением Магнуса, воспетая Гомером, Ксенофонтом, Аристотелем, Плутархом, Дионом, Аполлонием, Иеремией и Киприаном, позднее получившая свое подтверждение после споров Августа с Агриппой и, наконец, единодушно одобренная всеми наиболее известными в славе своей народами или почти всеми народами, она вряд ли нуждается в моей защите. Что можно еще сказать о лучшей форме правления?

Выборы короля могут быть упразднены

Мы должны сейчас, вооружившись вескими аргументами, перейти к опровержению теории выборности монарха. Аристотель считал такой путь опасным и ошибочным. Короли, полагал он, должны передавать власть на основе династического принципа. Другие не видели большой разницы между выборным монархом и наследственным. В конце книги III Аристотель¹⁵² утверждает, что спартанцы подчинили карфагенян, потому что последние короля выбирали, а правитель первых ведет свой род от Геркулеса. Затем египтяне могли быть вытеснены варварами, ассирийцами, македонянами, финикийцами, эфиопами, абиссинцами, турками, индийцами, татарами, московитами, поляками, датчанами, британцами, итальянцами, галлами, испанцами, наконец, американцами, т. е. всеми народами земли, за исключением германцев, шведов и их союзников, венецианцев, рогузан, жителей Лукки и генуэзцев, которые находились под властью оптиматов или имели народное правление. Но если действительно все так, многие народы были вне гражданского общества, потому что они не имели наследственных королей, то кто же тогда являлся носителем культуры? Факт, что Аристотель обдумывал эти противоречия, однако все это кажется мне более чем абсурдным. Во-первых, определенную опасность несет в себе междуцарствие, когда государство, подобно кораблю без капитана, мечется по волнам мятежей, и часто тонет. Так произошло после смерти императора Фридриха II, без императора в государстве воцарилась анархия, которая из-за гражданских войн среди принцев продержалась целых 19 лет. Или другой пример: что могло быть более жестоким, чем беспощадные грабежи плебса мамелюками в период междуцарствия султанов Египта? Что может быть более безнравственным, чем Рим периода междуцарствия, когда с безнаказанностью и кровопролитием мир погрузился в насилие? Кроме того, принципы выборов правителя никогда не выполняются с точностью. Это не может быть сделано хорошо и справедливо, как того хотел Аппиан, так как для этого народу недоставало способностей логического мышления и мудрости. Следовательно, эта функция должна быть предоставлена меньшинству или лучшим, но это могло обидеть народ и армии, поэтому от такого пути отказались. Вследствие этого появились весьма серьезные неразрешимые разногласия между рим-

ским Сенатом и преторианцами. Часто легионы в разных местах и одновременно выбирали сразу нескольких императоров, подобная ситуация возникала трижды. Как следствие начинались гражданские войны, убийства, грабежи и ужасный хаос воцарялся во всей империи; что даже более губительно, чем власть безнравственного человека, когда добро втаптывается в грязь, как обременительная обуза. Если правитель был достаточно мудр, чтобы пожелать объявить добродетельного человека своим помощником, как это сделали Нерв, Траян, Адриан, Антоний Пий, то выборщики могли представить это незаконным. Надежду на власть питали все, но воплощалась она в жизнь только одним; после же того, как капитан терял свой штурвал, путь к власти открывался для разбойников и отравителей. Мир не знает более стабильной основы для государства, чем уважительное отношение подданных к своему правителю. Как могло случиться, что народ без презрения принял власть человека, происхождения и слава которого весьма сомнительны, или того, кто вышел из низов, или того, кто должен был искать пути наверх через преступления или подкупы? А чем можно объяснить страшную в своей простоте череду убийств римских императоров, совершаемых их же собственными подданными, причем столь хладнокровно, словно это был забой крупного рогатого скота? Насчитывается не менее 30 таких случаев. Но государство никогда не было более спокойным, чем в ситуации, когда сын наследовал власть отца, хотя Аристотель и считал ее опасной. Среди германских правителей войны за власть прекращались лишь тогда, когда отец представлял своего сына как кесаря, например Генрих III сделал своего сына преемником, когда тот был еще мальчиком. Тот, в свою очередь, привел к престолу своего внука, Карл IV объявил, что его сын будет наследником, после него правил Сигизмунд, который законно передал власть своему сыну. Фридрих передал власть Максимилиану, последний — его внуку. Однако большая часть правителей и претендентов на престол получили смерть через заговоры и отравления, в этот скорбный список входят Рудольф, Альберт, Генрих VII, Фридрих III, Людовик Баварский, внук Генриха и сын королевы Карл. Выборы королей Польши и Венгрии, происходившие на специальных собраниях, которые они сами называли сеймами, поддерживались армиями и часто заканчивались гражданскими войнами. Если бы род Ягайло не завоевал кровью право быть избранным на царство, то это государство должно было бы постепенно погибнуть. Интересен пример Египта, где было не более 15 выбранных султанов. Семь из них были убиты мамелюками, которые их и избирали. Но Сафадин, брат Саладина, выбранный своим народом, жестоко убил 10 сыновей своего брата, для того, чтобы обезопасить свое царствование. Турки также определяли право наследования голосованием, хотя в действительности добивались власти исключительно через кровопролитие. Наконец, пишут, что римские папы тоже погибали от яда, хотя их выбирают, как правило, из претендентов весьма преклонного возраста. Иногда те, кто управлял префектурами или провинциями, например среди германцев — герцоги

и графы, были не склонны допускать отстранения правителя от власти. С другой стороны, в наше время герцоги и графы захватили власть в провинциях королевства в силу того, что они на основе своего права могли выбирать короля в такие сроки, какие определяли сами; это признавалось Юлием Пфлюгом и Эмилием. Принимая на себя королевскую власть, Гуго Капет определил, что каждый граф владеет своей провинцией на правах домена. Поэтому мало кому земельные поместья, власть или юрисдикция перешли в наследственное владение. Существующие в библиотеке Бовэ документы донесли до нас древние формы выборов короля народом и ритуалы посвящения, которые, говорят, использовались при коронации Генриха II, но я не знаю свидетельств, подтверждающих, чтобы в древности короли избирались, королевство определенно не могло существовать долго, если бы мы имели короля, избранного через голосование.

А вот что произошло с германцами: в 913 г. Генрих I получил Саксонию, следующий император захватил другую провинцию, правители постепенно освобождали города от налогов, они принимали сторону императоров и укрепляли власть императора. Стоило князю заплатить налог за какой-нибудь город, как он получал полную автономию. Так, Рудольф в 1230 г.¹⁵³ восстановил автономию всех городов Этрурии, Лукчера выкупила свою свободу за 12 000 золотых монет, флорентийцы — за 6000. Потом Рудольф передал три имперских города своему сыну, Карл IV продал Милан своему губернатору Оттону Иснию¹⁵⁴, Людовик продал Нюрнберг Фридриху. Ульм сам завоевал свою свободу, и так поступали многие города. Эти же вещи происходили и во владениях пап римских, поэтому служащие церкви утверждали тиранию над провинциями, как это было показано раньше. Но если существовала хотя бы надежда на сильную власть и законное право наследования, то провинции не могли быть отторжены. Пример наиболее счастливой жизни нам дают ассирийцы, македоняне, галлы, которые процветали на протяжении многих веков и столетия пребывали в покое. И разве была этому какая-либо другая причина, кроме той, что короли наследовали в соответствии со старшинством по линии династии из королевского дома? Я уверен, что мы повсюду найдем свидетельства того, что не существует лучшего доказательства хорошо организованного государства, чем его продолжительное существование. Абиссинцы, которые имели величайшую в истории Африки империю на протяжении 800 лет, вели всех своих королей из одного рода, из одной и той же семьи. Но необходимо, чтобы эта семья не захирела и не ослабла и чтобы взаимоисключающие интересы и требования членов королевской семьи не разделили народ на противоборствующие части, потому что всегда найдется тот, кто рвется к власти. Так часто случалось среди турок и персов, которые позорили себя отцеубийством. Интересен пример Дейтерия, который, убив всех своих многочисленных потомков, этим не обезопасил себя, потому что один из родственников короля (из тех, кого называют "сыны Израилевы") собрал союзников в недоступном месте, в самой

мощной крепости на очень высокой горе. Как свидетельствует Альварес, в крепость эту можно было попасть только тайными ходами. Они укрепили это место усиленной охраной. Король в завещании, вступающем в силу после его смерти, может объявить наследником не только очень близкого родственника, но и обладателя подходящих качеств из оптиматов или назначить его регентом. Эта традиция распространяется среди датчан, шведов и венгров: у них принято из многих детей произвольно выбирать одного по собственному желанию, и это не обязательно первенец. Так и абиссинцы, поклонявшиеся человеку из крепости, словно некоему богу, спустившемуся с небес, относились к нему с величайшими почестями и послушанием. 50 провинций и городов управлялись одним человеком, но не было городов, которые смогли бы защитить стены и цитадели, если правитель не вверял оборону благосклонности своих подданных, в противном случае он создавал ситуацию для мятежа. Более того, что принесит правителям парфян и турок такую славу? Никогда правители турок, требующие от своих подданных одновременно и восхищения и послушания, не были уверены в своем роде, и тем более в роде Оттоманов. Парфяне же доверяли сынам Арсака. Макиавелли ошибался, когда думал, что государство турок разрушится, если их правитель будет убит вместе со своими детьми, поскольку тогда не будет вождя, за которым по правильному пути пошло бы все государство. Здесь еще оставались четыре семьи, которые великолепием и древностью рода долгое время были равны Оттоманам, также происходили от того же древа, что и Оттоманы. Эти люди, однако, мудро отстранились от окружения правителя и от власти, не поддаваясь искушению раздуть мятеж. Карфагеняне же, персы, французы, британцы не нашли более верного пути для поддержки своего правителя, чем требование соблюдения акта о престолонаследии. Флорентийцы в сравнении с другими народами получили свободу намного позднее, однако опозорили себя и город гражданской войной, тянувшейся долгое время и казавшейся бесконечной, вследствие чего они просили папу прислать им человека королевского рода, которому они передали бы право управлять государством. И когда он послал им Карла Французского, все призывы к бунту были внезапно прекращены, потому что могущество определяется почтением к крови и роду, связывающим людей вместе взаимным уважением и доброй волей. Этот союз, конечно, является обязательным для всех государств, и владения должны передаваться на законных основаниях не только самому близкому родственнику по мужской линии, но также и по праву первородства. С другой стороны, убийства и гражданские войны часто случаются и между прямыми потомками, и эти войны между гражданами одного государства являются куда более ужасными, чем войны с чужеземцами, поэтому разногласия среди братьев представляют собой более чем серьезную опасность. Как доказательство ужасных последствий отцеубийств мы имеем пример турок, которые в конце концов повергли в руины свое государство. И все началось с того, что Селим, предшественник нынешнего султана, руко-

водствуясь лишь своим дурным предчувствием, отверг все требования своих собственных детей, а потом признал Сулеймана. Последний, подобно Дейтерию, описанному раньше, приказал убить всех своих сыновей, кроме одного. Однако если наследование определяется по праву первородства, то все остальные будут повиноваться законному наследнику, что можно видеть среди нас, где нельзя припомнить ни одного случая убийства брата братом. Королевская власть, придерживающаяся этого пути, остается наилучшей из всех и, как мне кажется, особенно полезной для гражданского общества, обеспечивая порядок и гармонию, дополненные великолепным согласием. Не так далек от нас факт, что Платон хотел управлять своим государством по законам геометрической пропорции. Аристотель тонко и ясно подметил, что это касается только вознаграждений. Насколько это правильно, я не могу судить, но о гармонической пропорции никто ничего не говорил, между тем я представляю эту пропорцию как наиболее прекрасную из всех, свойственную форме наилучшего государства. Она развивалась из арифметической и геометрической пропорций, но не похожа ни на одну из них¹⁵⁵. Гармоническая пропорция не может быть применима только к наказаниям или вознаграждениям, ибо обязательствам присуще арифметическое равенство, а наказаниям или вознаграждениям — равенство геометрическое. Но в одной гармонической пропорции мы можем наблюдать отношение высшего к низшему, так как первый интервал соответствует октаве в соотношении 1:2. Поэтому в одном или нескольких правителях заключается вся верховная власть, и от нее полностью зависят магистраты. Второй и третий интервалы достигаются прибавлением к первой струне ее половины или соответственно $\frac{1}{3}$. Первая в соотношении 1:1 $\frac{1}{2}$ дает четвертый интервал, вторая в соотношении 1:1 $\frac{1}{3}$ дает пятый. Вместе они составляют первый интервал. В пятом интервале созвучие исчезает, а последующие интервалы дают сильный диссонанс. Второй же распадается на бесчисленные части. Многозначное число можно увеличивать до бесконечности, также и интервал можно уменьшать до тех пор, пока созвучие не распадется. Если эти рассуждения перенести на реальную жизнь, то станет очевидно, что разделение власти среди многих отвратительно природе гармонии. Более того, характерной особенностью музыкальной пропорции является необходимость интервала, так же как и отдельных нот, если пропорция соблюдается, то ноты могут хорошо гармонизировать друг с другом, это подходит только к монархии, при которой власть осуществляется через магистратов. Управляя низшими, они, в свою очередь, повинуются верховной власти, и так продолжается до тех пор, пока союз скрепляется сувереном, из власти которого, словно из живительного неиссякаемого источника, проистекает величие королевства. Кроме того, цифра 1 стоит особняком от других цифр, выделяясь в специальную категорию, но можно ли применить гармоническую пропорцию к королям и императорам, я предпочитаю, подобно другим, судить по фактам, которые зачастую столь неясны, что я остерегся бы быть первым в утверждении подобно-

го тезиса. Итак, есть три типа последовательности — арифметическая (А. 3, 4, 5, 6), геометрическая (Г. 1, 2, 4, 8) и гармоническая (Н. 2, 3, 4, 6)¹⁵⁶. Мне кажется, что они подобны трем дочерям Времени, которых поэт назвал Эвномия, Дике, Эйрена¹⁵⁷. Первая, находясь в середине, объединяет других в своих объятиях. Они также истолковываются как порядок, справедливость и мир. Пропорция, организующая и символизирующая мир, составляет наиболее замечательным образом, она отличается от всех других и является наиболее применимой для королевств и империй. Я не думаю, что древние правители имели какую-либо другую цель, кроме умиротворения граждан, когда они объединяли своих подданных посредством общественных пиров. Так, Минос приказывал собрать критян на праздничные пиры, которые они сами называли *andrea*; Ликург устраивал *phidika*, или *philika*, Платон — *symposia*, Моисей — *skenoregia*, а также большой *pasach*, который по-гречески искаженно называют Пасха. Следуя традиции, христиане учредили свои любимые пиры, как это можно понять из написанного Климентом в отрывке из “Четвертого послания к церкви Иерусалима”. К этому списку также относятся общественные обеды афинян в *rapathenaea* и *thesmophoria*. *Caristia* проводилась обычно в кругу близких родственников в отличие от пиров в капитолии и общественных жертвоприношений. Наконец, были придуманы *epulones*, по образцу которых венецианцы утвердили четыре общественных праздника. Более того, законодатели шведов хотели узаконить совместное распитие спиртного в шэффе, что сейчас запрещается эдиктом о выпивке. Предполагалось, что граждане, вместо того, чтобы становиться буйными и ничего не соображать, могли быть приобщены таким путем к порядку, культуре и достоинству, а их сердца обращались бы от ненависти, мстительности и ссор к миру, любви и благосклонности. Все эти вещи имеют отношение к власти, которая нисходит на нас с небес и часто используется Христом как дар святой, т. е. как то, что мы можем любить в ком-то другом.

Многие вещи, которые можно было бы обсудить, например о хорошо отлаженной законодательной системе в государстве, прямого отношения к теме не имеют, и мы их касаться не будем. Я, в общем-то, рассуждаю не о лучшем государстве, но о наилучшем типе правления. Однако все законы, относящиеся к наилучшему государственному устройству, утверждаются с целью воспитания лучшего правителя. Ничего более святого не открылось пророкам, кроме того, что уже было сказано Платоном: “Каковы правители в государстве, таковы и подданные”. А сейчас попробуем примером обосновать эту неоднозначную истину. Например, излишне искать другого такого отца своих подданных, как Франциск I, король Галлии. Как только он стал покровительствовать литературным занятиям, от которых его предшественники всегда отворачивались, то немедленно за ним последовала вся знать. Следствие чего по сложившемуся порядку все с таким усердием принялись изучать прекрасные искусства, что число образованных людей выросло, как никогда. Но с тех пор мир убедился, что очень трудно подобрать не-

сколько добродетельных оптиматов, которые одновременно стали бы добрыми правителями нескольких государств. Трудно воспитать по нормам добродетели даже избранных, тем более всех граждан. Из этого следует, что даже лучшие учителя могут не устоять перед большими соблазнами. Воспитание будущего правителя не сможет вдохновить негибкий ум, иностранные языки, о которых мы уже писали, также могут преподаваться глупо и бесполезно и ничего не дать развитию ума, только истинная религия необходима будущему правителю. Все споры о законах и формах правления не становятся более важными и значимыми, если побуждают к ним лишь усердие в учебе, прежде всего будущий правитель должен быть вдохновлен тем, что он приходит в этот мир ради истинного поклонения Богу. Правитель должен быть настолько сведущ, настолько подготовлен регулярными упражнениями, что мог бы воспринять как истину, что только Бог является судьей и наблюдателем всех его действий. Поэтому такой правитель никогда не пойдет на нечестный или безнравственный поступок, не сможет даже подумать о чем-либо низменном. Этой единственной персоне он подвластен, Его он должен любить и бояться. Правители прокладывают свои жизненные пути и традиции своей страны, вдохновляемые Его примером. Так, говорят, что Людовик IX и король Эдуард, следуя Его примеру, так целостно построили свои жизни, что были возведены в ранг святых. Оставим пока королей Франции и Англии, им уготована долгая слава, так как они имеют замечательные законы и такие же жизненные пути. Часто короли Англии управляли страной, не покидая собственного трона, отвергая собственный народ, который судили по законам Эдуарда Исповедника. Это есть основа закона, без которой правители напрасно вводят новые законы, потому что безнравственность отступает под натиском одного лишь религиозного страха и не сдерживается страхом перед судом. Но разве судьи, законы, власть могут остановить правителя, если он не сдерживается страхом перед Богом? Сила и величие религии таковы, что сама она не только исключает пороки и дарует добродетели, от которых зависит высшая оценка жизни человека, но также является и ориентиром и опорой для самого правителя, потому что власть наиболее действенно поддерживается именно религией, а не чем-то еще. Первым это признал еще Аристотель, затем — Полибий и Эпикур, хотя они презирали священную власть. На этот счет правильно высказался эпикурец Трешатий¹⁵⁸ в своей правдивой книге о религии. Но так как правители, обуреваемые желаниями, часто не умеют их сдерживать, то вторым необходимым делом в воспитании будущего правителя должно быть закрепление в его характере прочного и истинного достоинства. В такой атмосфере он должен постепенно развиваться. Святой Фома, следуя мнению Аристотеля, считал, что принц должен пройти серьезную школу, так как если он не выдержит испытания славой, то может стать тираном. В поисках богатств и наслаждений он мог даже повернуть к крахам и излишества. Это произошло с Дионисием Младшим, которого отец воспитывал в наслаждении и неге, в результате чего он

так и не был принят общественным мнением, как несведущий в науках, не закаленный какими-либо дисциплинами и не имеющий уважения к истинному достоинству. Его отец потворствовал многим его желаниям, и он проводил время в компании с опасными льстецами. Так продолжалось до тех пор, пока он не был приведен к тирании, где укрылся, как в неприступной цитадели. Но даже он, который так стремился к славе, не только старался избежать позора и низости жизни, но научился понимать, что истинная ценность состоит из актов добродетели и что только через добродетель он действительно мог обуздывать безнравственность, защищать добрые устои, оплачивая самоотверженные и мудрые дела похвалой и вознаграждениями, а безнравственные — вечным позором.

ГЛАВА VII

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕХ, КТО ОТСТАИВАЕТ ТЕОРИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА И ЧЕТЫРЕХ МОНАРХИЙ

Долгое время господствовала ошибочная идея о четырех монархиях, получившая известность через авторитеты великих людей, которые ищут причины ее появления в столь давних временах, что теперь ее развенчание представляет трудности. Эта теория одержала верх над бесчисленными толкованиями Библии, она распространена среди современных мыслителей (М. Лютер, Меланхтон, Слейдан, Лукидий, Функ, Панвинио), хорошо знающих и понимающих древнюю историю и Святое Писание. Временами, пренебрегая авторитетами, я обращался к мысли, которую вряд ли стоило принимать на веру. Я задумался над пророчествами Даниила¹, его мнение по этому вопросу недостаточно доказательно, поэтому и пророчества не внушают доверия. Невразумительные и неясные слова Даниила, если их растолковать, могут принимать разумный смысл, а я предпочитаю толковать пророчества однозначно, следуя судебной формуле: “Вопрос неясен”². Я полностью одобряю ответ Кальвина, сколь изысканный, столь и умный, на вопрос об Апокалипсисе (Откровения святого Иоанна Богослова); когда его попросили высказать свое мнение, то он достойно ответил, что находится в полном замешательстве относительно смысла этого мрачного писания, добавив, что с его содержанием не соглашаются многие мудрецы. Похоже, и я тоже не вижу, каким образом жизнь нашего общества можно сопоставлять с миром диких зверей и как это связано с мыслью, высказанной и обсуждаемой Даниилом, которая сводилась к тому, что монархии, ныне процветающие, собирали силы для этого в течение длительного времени.

В начале наших размышлений попытаемся определить: что же мы называем монархией? Монархия — это определенная территория, населенная народом одного происхождения. Именно по этому признаку мы можем определить, вправе ли мы считать некое государство монархией. Но если бы даже наш спор завязался вокруг этого неполного определения, то проповедь Даниила достаточно точного толкования не дает. В проповеди говорится, что появлению монархий предшествовало явление четырех зверей и духов, а число это соответствует количеству империй: Ассирийская, Персидская, Греческая и Римская. После падения Римская империя при известных обстоятельствах “перелилась” в Германскую империю. И так объясняют существование Германской империи. Я осуждаю эту теорию, разоблачая ее, я забочусь о славе своего имени, своей истории, о полном разоблачении толкований Даниила.

Я требую опровержения всех его доводов. Прежде всего, остановимся на точке зрения Филиппа Меланхтона, который говорит, что монархия — это единоличное управление государством, когда права и обязанности подданных определяются одним лицом. Из этого ясно, что определение “монархия” не может употребляться по отношению к народным формам управления, имевшим место у римлян. Теперь если взвесить данный материал, принимая во внимание это условие, то можно утверждать, что Германская империя не является преемником римских форм управления. Немцы распространяют свою власть едва ли над сотой частью мира, а король Испании имеет территорию и численность населения куда большие, чем у германцев; и король Португалии силой захватил почти все побережье Африки. Но мы исходим не из соображения численности населения и величины территории, а из признака, который считаем основополагающим многие, и я с ними согласен, прежде всего из формы управления государством.

Я не знаю, как испанцы и португальцы могли бы сопротивляться войскам Карла V, и если бы его не сдерживала доблесть Галлии, то Испания и Португалия сократились бы до размеров провинций (это могут подтвердить сохранившиеся документы). Давайте обратимся к иноверцам. Какое сопротивление немцы оказали турецкому султанату? Может быть, более справедливо называть империей турецкий султанат? Управление такой величайшей монархией должно осуществляться султаном. Он распространил свою власть на богатейшие земли Азии, Африки, Европы, и он управлял как отдаленными, так и внутренними владениями, а также несколькими островами. Кроме того, в вооружении армий и организации войска ему нет равных, особенно с тех пор, как он стал управлять армиями персов далеко за пределами своей империи. Военной силой он захватил провинции христиан и империю греков и даже разорил земли германцев. Не буду оспаривать мнение правителя Эфиопии, утверждавшего, что драгоценным камнем выделяется среди других тот, чья империя гораздо меньше, чем вся Европа. Что может следовать из того, что правители татар, которые управляли племенами варваров в их дикости, так и не смогли превзойти их в силе своих армий? Если сравнивать германцев с татарами, то это будет равноценно сравнению мухи со слоном. Сами немцы тоже неверно определяют монархию, опять же, согласно Ф.Меланхтону, монархия — это наиболее могущественное из всех государств. Еще более глупо то, что немцы полагают, что они якобы владеют всей территорией империи римлян. Это может рассмешить каждого, кто помнит карту мира. Империя достигла наивысшего расцвета при Траяне, позже ее положение неуклонно ухудшалось. Доказательством тому могут служить свидетельства Аппиана и Секста Руфа, которые писали во времена Траяна. Когда Траян, построивший каменный мост через Дунай и соединивший Дакию с империей, одержал победу над правителем Дицебалом³ тогда, территория империи ограничивалась Дунаем и Оркнейскими островами на севере, Кадами на западе, Евфратом на востоке и Энипием на юге. Затем,

нанеся поражение войскам парфян, он переправился через Евфрат и присоединил к империи своих предков Месопотамию и большую часть Арабского халифата. Помпей в юности не хотел продолжать эту политику, но когда правитель Персии предложил установить границу между Римской и Персидской империями по Евфрату, то Помпей ответил, что римские границы ограничиваются не реками, а справедливостью. Германия не включает в себя территории Римской империи, кроме двух провинций. Германия ограничена Рейном, Дунаем, Вислой, Карпатскими горами и океаном. Но если точнее, то власть Германской империи распространяется от предгорий Альп на юге до Балтийского региона на севере, от Силезии на востоке до Рейна на западе. Возможно, было бы правильнее к бывшим римским провинциям отнести владения султана Турции, который захватил Византию, землю древнего Вавилона, принадлежавшую персам, если судить по книге Даниила? Если отождествлять монархии с воинскими формированиями, местом рождения Даниила, с месторасположением Вавилонской империи или с единоличной властью, тогда справедливо будет отнести прорицания Даниила и к турецкому султанату, и в этом случае мы насчитаем не четыре, а бесчисленное количество империй. Тогда мы выдвинем справедливые обвинения в том, что пренебрегли империей халдеев, которые первыми заложили основы Вавилона, забыли мидян, которые вытеснили ассирийцев, и, конечно, Навуходоносора, который был мидийцем, а не ассирийцем, забыли также империю парфян, которая была разрушена греками, пропустили Арабскую империю, которая захватила Вавилонскую империю и силой овладела большей частью Азии, Африки и Европы. Но если включать и Мидию, и Ассирию, и Парфию в число "империй", то почему бы не включить Персию и ее соседей, тем более что крайне отдаленная Мидия включена? Несмотря на то что Парфия отдалена, вавилоняне ее захватили. Если Кир присоединяет территории мидян, хотя ему непонятен их язык и традиции, то почему этого же не могло произойти с халдеями, парфянами, арабами? Ведь Персия основала новую монархию на той же основе, что и Кир. Испанец Траян создает испанскую монархию; Каракалла, Кар, Кариний, Антоний, галлы по рождению, создают галльскую монархию.

Мы должны попытаться понять спор об Александре, Гелиогибале, которые были сирийцами, о Филиппе — арабе, о Тотиле, Витерихе, Теодорихе, Алларихе — готах, которые захватили не только провинции, но и столицу Римской империи, вступили в Италию и хозяйничали в ней с помощью армий 70 лет. Хотя Александр правил почти 12 лет и был суров, после его смерти империя была поделена между четырьмя правителями, что и определило ее распад. Действительно глупо, что Карла Великого (который первым создал то, что мы называем монархией), по рождению галла, отлично знающего галльский язык, традиции и систему управления Галлии, одни называют германцем, другие полагают, что он ведет свое происхождение от древних переселенцев, хотя никто не отрицает, что он использовал галльские армии для объединения Гер-

мании, Италии и большей части Испании под властью Франкской империи. Именно по отношению к Галлии, которая раньше узнала слово “монархия” и вообще достигала большего расцвета, чем Германия, справедливо было бы использовать это слово. Кроме того, более совершенное, чем в Германии, устройство монархии существовало в Византии при правлении Константина Великого, который против воли Сената отправился в Италию; разбив римского императора в войне, он упразднил римское государственное управление, перенес столицу империи (место пребывания императора) в Византию, ввел христианство и, наконец, назвал столицу империи своим именем. Почему же мы не можем назвать эти новые владения Константина монархией, ведь в его правление произошли коренные изменения в составе населения, размерах владений, законодательстве и религии?

Возможна ли защита теории, отказывающей в праве называться монархией империи арабов, которые завоевали почти всю Африку, большую часть Азии, причем не только с помощью силы и законов, но также с помощью религии и языка? Мусульмане разбили армию персов и обратили их в фактическое рабство: персам было запрещено использовать свой язык, свою письменность, искусство и обычаи. Кроме того, нельзя забывать империю татар, которая может встать в один ряд с остальными; или эту империю отбрасывают, потому, что она слишком удалена от Вавилона? Но немцы находятся еще дальше. Марко Поло писал: “Татары опустошили Бактрию, Согдиану, захватили обширные провинции государств и под руководством Хулага опрокинули Вавилон, уничтожив его как государство, а Вавилон распространял свою власть на Мидию, Персию, Грецию, Парфию. Этот город подвергся часто опустошительным набегам и не единожды полностью разрушался”. Марко Поло объясняет, что так называемый Балдах не то же самое, что древний Вавилон, который был основан раньше Суз. Но если этому верить, то теории о господствующем положении Вавилона разрушаются. Он не был построен специально, как утверждали Даниил и другие проповедники, во времена жизни Христа, и нет никаких оснований считать это время точно установленным. Доказательство того, что Христос символизировался валуном, отсеченным от вершины горы (именно это красноречиво утверждал Павел)⁴, отрицается самим образом, который выбрал Даниил⁵. В его толкованиях объясняется, что многие опасности он предсказывал в своих прорицаниях, благодаря чему успехи Александра Великого и тех правителей, которые ему наследовали, стали возможны, потому что им удалось избежать уже предсказанных опасностей. Но я не отважусь что-либо утверждать в столь запутанной и неясной области, однако иудей Иосиф, лучший толкователь Даниила, писал, что мидяне, персы, греки были выбраны Даниилом для верховенства над Вавилоном. Но о гражданстве и положении римлян, которые известны под именем семейства Флавиев, Даниил ничего не говорит такого, что соответствовало бы исторической истине. Согласно образу великана Даниила (чья голова — золотая, грудь — серебряная, бедра —

бронзовые, голени — железные и ступни — глиняные, их, правда, иногда называли по ошибке железными) историки по аналогии устанавливают четыре или даже больше веков: сначала был золотой век, за ним следовал серебряный, затем — бронзовый, железный и, наконец, глиняный. Но здесь необходимо внести ясность по причине того, что если кто-либо обратится к мнению историков, а не поэтов, он, конечно, поймет, что мало что меняется в делах человеческих, как и в природе всех вещей, ибо нет ничего нового под солнцем, как сказал мудрец⁶.

Если век, который называют золотым, сравнивать с нашим, то тот век правильнее назвать железным. За последним веком, как говорит проповедник, наступит потоп, когда люди будут наказаны Богом за свои грехи, которые оказались столь многочисленны и велики, что Бог пожалел о сотворении человека. Позвольте нам теперь обратиться к веку, который называют золотым не только поэты, но и Катон в книге “Происхождение”. Он говорит, что Камесис и Сатурн сражались в это время, неоднократно повторяется, что Камесис был сын Ноя, а сын Сатурна — Юпитер. Бел положил конец золотому веку. Из всего вышесказанного совершенно очевидно, что золотой век был кратким мигом, если брать в расчет эпоху, которая длится 6000 лет. Катон, доверяющий басням поэтов, ограничил золотой век 250 годами. Но как наивен был Камесис, который, осквернив честь достопочтенных отцов позорными словами, заслужил месть и был проклят собственным отцом. Это проклятие лежало и на Нимроде⁷, внуке Камесиса⁸, который, как считалось, стоял у истоков Золотого века. Он получил прозвище, которое по-еврейски означает “бунтовщик”. Этим словом Моисей называет “могущественного охотника”, позднее, однако, оно употреблялось для обозначения разбойников и безнравственных людей, какими Аристотель считал пиратов.

Следующим был Юпитер Бел⁹, который с великой смелостью, даже, как я бы сказал, с отчаянным богохульством, боролся со своим отцом за власть. Не могу умолчать и о другом Юпитере, который убил своего отца ради того, чтобы занять трон; согласно мнениям поэтов, он “прославился” не только отцеубийством, но и крайне развращенным образом жизни и кровосмешением с сестрами. Вместе со своими братьями он затеял проклятую войну против бессмертного Бога, опрометчиво надеясь победить его, чему помешали удары молний и смешение языков, сделавшее сговор между бунтовщиками невозможным.

Теперь обратимся к названию “Вавилон”: оно было дано по названию башни, которую также называли Вавил. Моисей охотно согласился с поэтами, хотя те часто путают историческую правду с вымыслом. Особо важное значение имеет утверждение о том, что титаны начали войну против богов, против их *нравов*, как говорит Цицерон. И это золотой век, век, создавший таких чудовищ! Я хочу еще напомнить о Геркулесе, слышшем, по рассказам Манефона, величайшим пиратом. Вместе с Тесеем и Пирифоем они похитили Елену, а когда пытались похитить жену Аида, то попались и были брошены в темницу. Кроме того,

кто был тщеславнее Геркулеса? Но давайте обратимся к Фукидиду, пожалуй, самому правдивому историку. Он откровенно говорит, что не было более жестокого и свирепого времени, чем то, когда пиратство считалось нормой; без какого-либо смущения путешественники осведомлялись, где они могут встретить разбойников и пиратов, а где — нет. Цицерон пишет о германцах, что развитие этого народа в течение длительного времени шло от дикости к гражданской жизни. Золотым и серебряным веками называют время, когда люди бродили без дела по лугам и лесам и имели столько, сколько им могли обеспечить грубая сила и преступления; со временем люди постепенно избавлялись от этой жестокости и варварства, склоняясь к утонченности нравов и законопослушанию, т. е. к нормам, установленным обществом. Профессиональное воровство, которое согласно не только законам евреев, но и законам греческим и римским рассматривали только гражданские судьи, сейчас повсюду в мире наказывается самым суровым образом. И действительно, уже долгое время профессиональное воровство считается пределом подлости и бесчестия. Именно поэтому безнравственные люди не могли принимать участие в выборах и контролировать деятельность государственных органов. Людям просто невозможно вновь вернуться на те, давно пройденные пути, так как позорное прошлое вызывает у каждого стыд, который от природы присущ людям, а кроме того, общество не может развиваться через преступления. Это становится очевидным из книг апостолов или из хроник, повествующих о столь ужасных преступлениях (и, вероятно, еще не обо всех), что просто затрудняешься назвать наихудшее. Светоний, Тацит, Лампридий и Афиней оставили о них свидетельства. Что может быть более преступным, чем считать добродетель ужасным злом, а это наблюдалось не только в развращенных государствах, но также и в тех, которые процветали и строй которых считался наилучшим, согласно мнению многих мыслителей. Нельзя пренебрегать памятью о распутной похоти людей, даже если они похоронены в вечном забвении. Что может быть более жестоким и несправедливым, чем, прикрываясь существованием рабства, допускать, что человек может быть ранен, разорван на куски, убит другим всего лишь ради восторга и удовлетворения страстей толпы. Среди римлян не было такого, кто бы, пользуясь высшей репутацией правосудия, вступился за рабов.

Конечно, наши современники намного мудрее, чем римляне (да простят меня последние). Сейчас принято считать, что для христианина непристойно наблюдать за кровожадным зрелищем борьбы диких животных, и притом бесконечно спорить вместо полезного обсуждения, изящность которого проявляется в лучших искусствах и является подлинным упражнением для ума, чему обучают в гимназиях. Также мы не должны пренебрегать подходящими упражнениями для тела или военными занятиями. Дошедшие до нас документы имеют сведения о Катоне, Фабриции, Камилле¹⁰, Александре, однако они точно ничего не сообщают о воспитании души¹¹. Является ли военная слава Александра

большей, чем Карла Великого? Первый, конечно, был великим полководцем, но только в сравнении с азиатами; так, Цезарь имел привычку говорить о Помпее, ставя его после себя и по опыту, и по мощи и силе своих воинов, и это при том, что последний, будучи военачальником, завоевал много варварских народов Европы. Но одинаково ли благочестивы были Антонин и Людовик Благочестивый? Более того, какой правитель всей седой древности может сравниться с королем Людовиком Святым? Было бы приятно для всех обнародовать изменения законов, на которые это королевство опиралось. Конечно, ни у одного из правителей древности не было такой преданности Богу, такой ответственности перед страной, любви к подданным и приверженности к справедливости. Не только образ жизни наших современников является равнозначным делам древних, но и изменение их судеб повлияло на такую дисциплину, как литература. Первые виды искусства возникли в то время из практики и труда талантливых людей. Однако искусство постепенно угасало, затем они окончательно умерли и были скоронены в длительном забвении под вечным бедствием войн, или же они гибли потому, что у людей появилось стремление к пустому, легкомысленному времяпрепровождению, или потому, что Бог наказывает тех, кто использует знания для уничтожения людей. Конечно, нельзя не признать, что многие дисциплины развивались среди греков, что позволяло им самонадеянно полагать, что они обогащают эти искусства своими открытиями. Но Греция, находясь в тяжелом положении перед судом настоящего, сама утратила верный взгляд на некогда существовавшее. Среди римлян было так много талантливых людей, что они, безусловно, превосходили всех остальных в воинской славе и в развитии культуры. Но ряд их ошибок в период раннего варварства привел к тому, что орды варваров, хлынувшие из Италии, предали огню замечательные библиотеки и разрушили памятники древности. Этот ужасный факт подорвал большинство наук так, что они потеряли всякое значение, уважение к ним пропало на многие сотни лет, и казалось, что науки действительно погибли, и так было до тех пор, пока известный правитель Африки и Испании не пробудил таланты арабов обещаниями великих вознаграждений мыслителям. Я не буду говорить о том, как много замечательных философов, геометров и астрологов было в Египте, Индии, Эфиопии, как много известных математиков было в Халдее, причем намного раньше, чем какие-либо зачатки искусств появились в Греции.

Но я вернусь к нашему времени, когда после столь длительного упадка почти всего мира внезапно высветилось такое изобилие знаний, такое стремление к наукам, такое торжество талантов, какими не отличалась ни одна эпоха. В наши дни даже готы не имеют недостатка в утонченных талантах. Олаф доказывает так же убедительно, как и Хольстер, и многие другие, что природа вынесла приговор, что раны, нанесенные знаниям, должны в настоящее время залечиваться теми же народами, которые нанесли им ущерб. Хотя готы долгое время сохраняли традиции своих предков и верили в силу предсказаний, призывав-

ших отклонять просьбы людей, обращавшихся в Сенат письменно, даже и они сейчас приобрели повсеместную привычку к грамотному письму. Здесь мы наблюдаем столь явное и определенное изменение во всех отношениях, что вряд ли у кого возникнут сомнения, что такой всплеск человеческих талантов происходит, словно дружный рост по весне, когда посеянное в землю зерно возмещает затраты с величайшим изобилием. Некоторые возразят, что древние были основателями искусств и им должна бы принадлежать эта слава. Они, конечно, открыли суть многих вещей, в особенности власть божественных небесных тел, знали движение многих звезд (но еще не всех), в том числе вычислили и точные орбиты неподвижных звезд, которые названы ими планетами. Затем они осторожно прикоснулись к загадкам природы и верно объяснили многие явления, но они не до конца поняли многие важные вещи, и именно в таком непроясненном виде они и передавались из века в век и дошли до наших современников. Каждый, кто претендует на то, что он в этих вопросах не смеет усомниться, уверен, что открытия наших дней можно сравнивать с открытиями наших предков и что предпосылки и истоки этих открытий надо искать у древних. Хотя вряд ли найдется что-либо более замечательное в природе вещей, чем магнит, о пользе которого древние ничего не знали; кроме того, древние жили постоянно на своих исконных территориях и плавали в своем внутреннем бассейне, а наши современники за несколько лет многократно пересекли всю землю в многочисленных путешествиях и проложили путь колонистам в другие миры, я бы даже сказал, им открылись тайны далекой Индии. Эти открытия способствовали не только установлению обмена и развитию выгодной торговли, но и укреплению связей между всеми народами, которые неожиданно оказались работающими совместно в едином мировом государстве, словно в одном городе. Что касается географии, одного из самых замечательных и удивительных видов искусств, то ее развитию способствовало распространение сведений об Индии, которая поначалу воспринималась как нечто невероятное (Лактанций и Августин говорили, что люди, верящие этому, сумасшедшие) и сведения о которой проверялись многими, и теперь ее месторасположение так же хорошо вычислено, как движение планет и вращение земного шара. Более того, что может быть замечательнее, чем открытие отделения формы от сущности (если я могу говорить об этом)? Благодаря этому были открыты многие секреты природы, например исцеляющая медицина приносит ежедневную пользу. Я опускаю метод исследования небесной долготы: из-за представления о равенстве часовых поясов древние не могли точно их определять, потому что имели ошибочные знания об эклипнике. Я не буду подробно останавливаться на катапультях, изобретенных нашими предками, и на древних передвижных военных механизмах, которые, конечно, похожи на мальчишеские забавы, если сравнить их с нашим оружием. Я пропускаю также и многие другие искусства, в том числе ремесло и ткачество, которые изменили жизнь людей самым замечательным образом, Одно только книгопечатание мо-

жет легко соперничать со всеми изобретениями древних. Поэтому тот, кто утверждает, что все вещи были познаны древними, заблуждается не меньше, чем тот, кто отрицает те ранние достижения наших предков, которые заложили основу многих искусств.

Природа — неисчерпаемая сокровищница, которая не иссякнет в течение долгих веков. С течением времени были сделаны многие открытия, так же как и распознаны некоторые вечные законы природы в различных областях; в мировоззрении, в мышлении также произошли разительные изменения. Вообще же невнимание к традиции давит на действительность, приводит к пренебрежению традицией, и в результате размышления основываются на доверии и незнании. Ошибается тот, кто говорит, что род человеческий ухудшается. Ясно, почему такого мнения придерживаются старики: они тоскуют по ушедшей молодости, которая дарит радость и бодрость. Это неизбежно, когда человек обнаруживает себя лишенным всех видов удовольствий, когда вместо радости ему остаются лишь острая боль да страдания. Человек, спасовавший перед старостью, как говорят мыслители, довольствуется ложной картиной вещей. А мы начинаем думать, что верность и дружба действительно не вечны. Но все-таки, возвращаясь к прошлому, признаем, что древние определяли юность народов именно как золотой век. Но затем опыт народов становится общечеловеческим, и человек, выполнив свою роль в море открытий, начинает размышлять, домашнее и мирское отходит от него, и он верит, что смирение, праведная жизнь откроют ему дорогу на небеса, и, наконец, [человек] покидает землю.

ГЛАВА VIII

СИСТЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Те, кто думает, что можно понять историю без хронологии, еще более ошибаются, нежели те, кто надеется выйти из лабиринта без проводника. Последние уходят все дальше и дальше и не могут найти выход из лабиринта, тогда как первые блуждают в запутанных текстах с полной неопределенностью и не понимают, где начать или где повернуть назад. Но законы времени, путеводитель для всех историков, словно вторая Ариадна, указывают своей нитью потайные ступени, не только предостерегая нас от ложных путей, но и часто давая нам возможность вернуть заблуждающихся историков на правильный путь. Так, мы видим очень хороших писателей, придающих столь большое внимание времени, что они излагают историю не только по годам, но и по временам года. Другие не упускают даже месяцев и дней или времени суток, в которое произошли события, потому что они понимают, что без системы времени трудно извлечь какую-либо пользу из истории. Поскольку наиболее важная часть предмета зависит от хронологических законов, то мы думаем, что система всеобщего времени необходима для метода легкого познания истории. Как по причине ее великой полезности, так и по причине расхождений, которые проявляются среди историков касательно древности и последовательности событий, я хотел бы пролить некоторый свет на предмет разговора. Прежде всего мы попытаемся установить начальную точку отсчета времени, без которой этот спор будет пустым, и сделаем мы это, основываясь не столько на авторитетах, которые не имеют ценности для тех, кто хотел бы быть ведом разумом, сколько на важных аргументах. Правда, мы должны учитывать то, что священные источники евреев и божественные откровения проливают свет мудрости на то, что мир имел определенное начало творения; искать дальше означает преступление, потому что в таких вопросах сомнение кажется безнравственным. Для меня авторитетом является один Моисей, поэтому я ставлю его впереди всех сочинений и мнений всех философов. Он повелел подвергнуть смертной казни тех, кто не соблюдал Субботу, главным образом потому, что нарушение Субботы казалось сомнением относительно творения мира, как писал раввин Моисей Египтянин. Но так как многие безнравственные сами по себе от этого не пострадали, благоговей перед его авторитетом и бездумно пренебрегая предупреждениями его последователей, необходимо опровергнуть и ослабить их аргументы соответствующими фактами. Если при помощи авторитета философов и силы убеждения будет ясно поня-

то, что мир не вечен, а создан бесконечным Богом в определенный момент времени, то мы будем больше доверять священной истории. В этом случае мнение о сотворении мира, зависящее от веры в такую великолепную первопричину, будет поддерживать в нас особый трепет и любовь к Богу. Это учение распространено не только в иудаизме, оно характерно для халдеев, пифагорейцев, стоиков, академиков, арабов, и, в конечном счете, оно одобрено и укреплено весомейшими учениями многих людей. Сам Эпикур был того же мнения, как писал об этом Плутарх. Среди римлян, конечно, лишь немногие искренне интересовались философией, но М. Варрон, наиболее знающий среди римлян и греков, пришел к тому же выводу в книге, где, как сообщают, он писал о конце мира. Авторитет этих людей, приверженных одним и тем же мнениям, должен иметь большой вес и значение среди философов. Но так как Аристотель, расходясь прежде всего со своими предшественниками и со своим учителем Платоном, осмелился предположить, что мир вечен, то все эти споры велись в противостояние ему. В самом деле, Гален¹ опроверг его доводы одной лишь фразой: он писал, что это кажется возможным, но не неизбежным.

В своей книге “О небесах” Аристотель говорил, что так как возможность убедиться на опыте отрицалась всеми, то сравнение утверждений других с его собственными сделало его выводы более определенными². Это слова не физиков или геометров, но логиков, сомневающих по поводу обсуждаемого предмета, подобно раввину Моисею Египтянину, который считался толкователем спорных вещей, так как он рассматривал их с особой пронизательностью. Опыт опроверкивает любые сомнения, но они, озаряемые собственным светом очевидной истины, почти что под пытками выжали согласие у своих противников. Поэтому если Эпикур и Гален, люди вовсе не религиозные, не признавали, что аргументы Аристотеля имели какую-нибудь силу, и если Оригена, Авиценна и, в конце концов, представители всех школ теологов и философов опровергают эти положения противоположным утверждением, то, может быть, нужно понять, что они (аргументы Аристотеля) только возможны и вероятностны, а не неизбежны. Но я перехожу к Платону, который вообразил, что Бог после завершения своей грандиозной работы обратился с собственной речью к сотворенным вещам; Он провозгласил, что они смертны, так как имели Начало, хотя по Его божественной воле будут бессмертны. Со вниманием к этому Аристотель, взяв слова Платона, говорил, что если мир не способен исчезнуть, тогда он не имел начала, так как вещи, которые имеют начало, когда-нибудь должны прийти в упадок, и вещи, которые умерли, неизбежно должны возродиться. Этим положениям он научился у Платона, который в “Федре”³ и “Тимее”⁴ говорил, что по этой причине души не имели начала (как писал также Августин в книге X “О граде божьем”⁵), что они не могут когда-нибудь сгинуть и что форма мира всегда будет неизменной благодаря божественному руководству. Тем не менее кто в философском плане заблуждается более серьезно: тот,

кто оставляет всемогущему Богу свободную возможность решать относительно Его собственных дел, или другие, которые полагают, что Он — Правитель мира и в самом деле действенная причина всего происходящего, однако изменения в сотворенном Им лишают его всей власти, и если, положим, он захотел бы разрушить этот мир, то не сумел бы сделать этого? Но этим аргументом Аристотель, принимая решение о вечности мира, безответственно, я скажу даже более — нечестиво, пытался ослабить и лишит силы не только естественную философию, но и силу божественного величия. Однако в любом начатом споре, особенно о предметах и делах столь сложных и столь далеко удаленных от нашего восприятия, мы должны тщательно следить, чтобы нигде и никогда не прозвучало бы нечто, ставящее под сомнение величие Бога; Аристотель этим пренебрег, когда повсюду настоятельно силой своего убеждения требовал полагать, что мир имел начальную точку, при этом он наделял Бога свободной волей и утверждал, что мир управляется необходимостью, а не божественной волей. Однако тот же самый человек, споря со стоиками, которые предполагали фатальное принуждение во всех вещах, показал на основании многочисленных аргументов, что определенные вещи были сотворены по необходимости, другие — по воле, многие — самопроизвольно, а большинство — по случайности⁶. Он даже разделил судьбу и случай на три части и поместил божественные действия и природу среди неизбежных вещей. Из этого может быть понятно, что взгляды, высказанные в книге “О небесах”, указывали на принуждение, которое очевидно, и он изменил их в книге “О толкованиях”, где писал, что человеку, в самом деле, Он дал волю, свободную от ограничений, хотя Бога и природу он связывает необходимостью. Но что может быть более нечестивым, более самонадеянным, наконец, более безумным, чем наделить свободной волей себя, но пожелать лишит ее Бога? Следствием этого является то, что Бог не может устанавливать путь движения солнца, или распространять свою власть на влияние небесных звезд, или изменить что-либо в универсальной природе; даже порывы и желания человека Он не может направлять, куда захочет. Вследствие того, что эти утверждения глупы и нечестивы, мы должны убрать это принуждение из мира. Когда оно будет устранено, то результатом станет то, что Бог не связан никакой силой, но руководит всеми вещами на основе чистейшего выбора. Так как Аристотель стыдился своих выводов — того, что, даруя свободу человеку, он забирал ее у Бога, то он даровал свободную волю миру (однако, на самом деле, эта свободная воля предопределена необходимостью, как Моисей Египтянин, заметил это). Он допустил желание, но такого рода, что оно не могло быть изменено подобно тому, как Юпитер в легендах изменял законы Немезиды, хотя в своей книге он учит, что сила и природа этого желания таковы, что в том случае, если оно изменяется, оно теряет имя “воля”. Поэтому, утверждая, что многие вещи в природе происходят разными способами — то одним образом, то другим, он впадал в ошибку предпочтения создать образ судь-

бы и случая в соответствии с мнением толпы, вместо того чтобы приписать Богу свободу делать различные вещи различными способами. Кроме того, что может быть более невозможным для философа, чем думать, что вещи могут происходить без причин, т. е. оставить все судьбе и случаю? Эти проблемы принадлежат к той группе, которую перипатетики никоим образом не могли решить, кроме того, они были опровергнуты Плутархом в книге “О судьбе”⁷, а также Лактанцием⁸ при помощи весомых аргументов.

Давайте рассмотрим, какого же рода вопросы, по крайней мере наиболее значительные, нам предстоит рассмотреть, исследовать все предметы можно было бы бесконечно. Некоторые философы принимали как данность то, что ничто не рождается из ничего, но когда это берут за основу спора, то это приводит ко множеству ошибок. Спор этот трудно завершить, потому что любое мнение должно быть доказано. Тогда спорщики раздражаются, так как уверены, что мнение оппонента неверно и что доказательства их посылок должны существовать. Но что в конечном счете представляют собой эти послышки, которые кажутся еще более темными, чем выводы? Никто никогда не отрицал постулаты геометрии, потому что они ясны в их собственном свете. Но если эти предметы кажутся ясными, то почему так много философских школ с таким постоянством их отрицает? Почему Филон ясно показывает, что послышки ложны? Кроме того, что может быть глупее требования условия, которое реально будет нарушаться и закроет возможность дальнейшего продвижения [к истине]? Однако давайте, если согласны, опровергнем этот знаменитый принцип. Мне интересно, почему мои современники не сделали этого, хотя они так много упражняются в этом споре. Филипп Меланхтон и теологи выявили противоречия и они утверждают, что для упорядоченной природы этот принцип верен, но логики говорят, что этот вывод возвращает нас к началу, ибо как мы можем представить природу в беспорядке? Или она совершенна и соединена во всех своих частях, или она не существует. Давайте тогда использовать более весомые доводы. Мы легче всего этот предмет поймем с точки зрения великолепия форм. Форма прекрасна, и, как писал Аристотель, сущность, имеющая нечто божественное, является главной частью самой природы, так как все вещи существуют благодаря проявлению в форме. Более того, она не может быть извлечена из сущности, как я это ясно показал, или только из самой себя, так как формы, полностью отделенные от сущности, сгинули и не могут существовать сами по себе, как показал Аристотель в “Метафизике”. Это не может быть маленькой частью Бога, потому что из чистого и вечного разума не может возникнуть тело. Известный мудростью Мор учил этому, когда говорил, что Бог создал небесные орбиты из своих одежд. Из этого следует, что форма создается, в сущности, из ничего. Так, Аристотель в книге II своей “Физики” писал, что природная форма сама по себе является целью природы, действенной и формальной причиной, потому что слово “природа” прилагается как к

сущности, так и к форме, которая и определяет цель, и все подчинено этой цели; из этого следует, что форма является конечной причиной. Но он отделил Бога от основ природы и поместил чистую необходимость, которая не является сущностью или истинной случайностью, среди первопричин. Но вследствие того, что отдельные формы то возникают, то исчезают в некотором постоянном течении, как он полагает в главе 9 книги I “Физики”, у последующих перипатетиков появляются серьезные сомнения в отношении того, откуда эти формы приходят. В конце концов перипатетики поверили в идею, которая никогда не приходила на ум Аристотелю, о том, что формы развиваются из глубин и власти сущности. Из этого следует, что первичная сущность обладала формами не потенциально, а в действительной соединенности с собой и что неточно называть ее бесформенной, или форму бессущностной, или говорить, что бесформенна сама форма, или что форма развивается через воздействие на сущность и, наконец, что они вырастают из пространства. Аристотель в книге III “Метафизики” учил, что эти теории ложны. Затем говорят, что форма не является основой, но имеет свое начало в самой сущности, говорят, что не простая сущность, а смешанная и сложная. Наконец, говорят, что сущность дает самим вещам существование, т. е. их бытие. Эти утверждения не вызывают доверия ни в самих сочинениях Аристотеля, ни в предшествующих учениях, являющихся истоками последующих, которые также не могут быть доказаны: невозможно доказать, что формы извлечены изнутри сущности, следовательно, мы должны допустить, что они привнесены из-за пределов материи. Аристотель отрицает это в главе 3 книги II “О зарождении животных”, за исключением формы человека, которого он считает пришедшим извне. Мы должны вырвать у него уступку в том, что форма человека рождается, в сущности, из ничего, и то же утверждение приложить ко всем формам, потому что в действительности сущность не имеет силы, придающей образ. Определенно глупо считать, что формы извлекаются из лона сущности, подобно тому как фигура Меркурия была извлечена из бревна, ибо это было творением ума, работы и замысла художника. Тогда то, что они отстаивают, будто ничто возникает из ничего, — ложно. Этим основа спора опрокинута, оставшемуся также угрожает разрушение. Филопон⁹ возражает Аристотелю следующим образом: если не кажется глупым утверждение, что форма проистекает из чистой необходимости, то почему кажется глупым идея о том, что из необходимости проистекает изначальная сущность? Когда Феофраст сам наблюдал, что растения были созданы без семени не только в почве, но и на камнях, то он не нашел никакой иной причины этому, кроме силы и особенной природы небес (часть 5 книги I “О рождении растений”). Давайте рассмотрим оставшееся. Некоторые говорят, что ничто на небесах не противоречит себе и, следовательно, ничто не должно бояться конца и не должно надеяться на начало. Откуда тогда появляется силы, действующие вопреки взаимосвязанным элементам несогласия? Допускается,

что эти вещи возбуждаются силой и смещением высших вещей и по этой причине возникают противоположные расположения. Но если один результат возникает от одной простой причины, а противоположный результат — от другой противоположной причины, то должно предположить, что противоречивые причины существуют на небесах не столько в их действии, как ошибочно предполагается, сколько в самом характере природы, как говорится, во внешнем. Само утверждение, что так они вмешиваются в безостановочное движение сферы самим фактом своего наличия, что время не может существовать без движения, равным образом и обманчиво и софистично, как если бы кто-либо утверждал, что время не существовало до появления часов или что если часы исчезнут, то перестанет существовать и время. Так, Платон в VIII книге и Пико делла Мирандола в книге VI о тщетности языческих учений¹⁰ долго высмеивали проблему, поставленную Аристотелем в IV книге “Физики”: действительно ли после того, как душа, как считают, исчезнет, время прекратит свой ход. В самом деле, для того чтобы избежать этой пустой болтовни, Василий, Амвросий, Августин и Моисей Египтянин, отделили время от вечности. Но один довод, выдвинутый толкователями Аристотеля, всерьез обеспокоил Моисея: они сказали, что существование мира было или необходимо, или возможно, или невозможно. Если невозможно, то мир бы никогда не существовал; если необходимо, то он всегда бы существовал; если возможно, то до того, как он существовал, имелась некоторая сила, дающая существование, или, используя другие слова, возможность, заложённая в некоторой реальности. Следовательно, было нечто, что развивалось от силы в действительность. Но я допускаю все это, и даже ту возможность, которую они ищут, я бы поместил в сущностное, т. е. в длящуюся, бесконечно действующую причину; и я не знаю, что может быть сказано в опровержение.

Но если они полагают, что эта сила должна находиться в подчиненной сущности, то доказательства будут более софистическими, нежели необходимо, нечто вроде следующего: если вначале Творец пришел от чистой необходимости к реальности, то должно быть нечто, что увлекло бы Его и побудило к действию. Я утверждаю, что Он был принужден Самим Собой, подобно архитектору, который еще не имеет материала или места для строительства, но тем не менее постоянно побуждается размышлять о здании. Совершенно несовместима с разумом и истиной мысль о том, что мир существует по причине необходимости и вне зависимости от того, чего хочет или не хочет Творец, Он будет связан неизбежностью судьбы. В этом состоят основные доказательства перипатетиков и аверроистов. Прокл имеет свои доводы; в отличие от своего учителя Платона он думал, что мир вечен, и утверждал, что Платон плохо разъяснил это. Так же думали Симпликий¹¹, Плотин, Апулей, Ямвлих и Марциний, а из современных — кардинал Виссарион. Другие считали, что Платон рассуждал гипотетически, но Плутарх и Филон их опровергали. Филопон опроверг мнение Прокла¹² в 18 книгах, но все

это спорно. Я предполагаю взять из всех возможных доводов следующее. “Бог, — говорил Прокл, — создал мир вечным, исходя из собственного желания”. Если он замышлял, то вещь была сотворена. Безвольный же человек не решается совершать добро, когда может сделать это. Божественной истиной не может направляться поступок человека, который ищет радость или выгоду в несчастье другого. Рассмотрим движение от покоя к деятельности; почему мы не стремимся к активной деятельности, выявляющей сущность чуждого Священной природе, которая проста и постоянна? Этот факт может быть понят, если допустить, что в течение длительного времени Бог оставался бездеятельным и что Бог недавно принял решение о Сотворении мира. Кроме того, если мир не имеет признаков приближения своего конца, то это является доказательством того, что он не имел и начала. Прокл говорил, что любое разрушение относится или к внешнему, или к внутреннему; по этой причине не может быть внутренней силы, способной привести к прочности и бесконечности внешней стороны. Мир во времени никогда не погибнет по какой-либо оплошности. Другие доказательства Прокла опровергаются достаточно просто им же самим. Его мнение ошибочно потому, что Бог создает не любые вещи, а лишь те немногие, к созданию которых Он сам стремится; от Него исходит сила, которая направляет людей и которая не позволяет людям, если они даже того хотят, погрязнуть в заблуждениях. Конечно, Проклу ничто не кажется более великим или более желанным, чем это добро; более того, он так представлял себе этот мир, что в нем не могло быть сущности или формы, которая запятнала бы свое семя несчастьем существования. Прокл не обвинял бессмертного Бога в какой-либо несправедливости, но ведь если Бог сотворил мир из вечности, то почему Он не запретил несчастья? Он мог бы сделать это — вот наиболее сильный аргумент. От покоя к длительным изменениям, как говорит сам писатель, привела длительная неразбериха, которая зашла так далеко, что коснулась вечного разума. Но ложь то, что Бог переходил от покоя к деятельности, от бездействия к работе, когда начал создавать мир. Прокл ошибался в самих принципах природы, когда он определил Божественное состояние как отсутствие движения, что Бог не может не действовать, не отдыхать. От Него, как показал Аристотель, исходила не только сила сохранения в неизменном состоянии движения сфер, но и сохранность мира, который не изменяется со времен Творения. Аристотель стал утверждать это с тех пор, как понял, что Бог является господином и распорядителем всех вещей, он не только главная причина появления мира, но и хранитель мира, его неизменности, а лишённые всяких противоречий радуются, находясь в его власти. Этот автор также пишет, что желания человека не изменяют его мыслей или поступков, но как много перемен происходит в Боге, когда Он занят заботой о мире? Глупы нечестивые высказывания не имеющих авторитета теологов о том, что Бог выполнял просто определенные обязанности. Здесь очень кстати можно вспомнить Эпикура, который говорил, что предпочитает быть носиль-

щиком, но не Богом. В своих рассуждениях Прокл без колебаний принимал аргументы Эпикура: Бог могуществен потому, что имеет 20 легионов ангелов для охраны; к тому же можно предполагать, что мир населен бессмертными душами, которые служат Богу, и эта служба воспринимается как любовь, как богоизбранность. Эти высказывания Прокла по злобности похожи на речи Эпикура: если мир имел начало и будет иметь конец, то будет трудно разобраться, почему действие Бога ушло в прошлое и что же Он в конечном счете делает? Я повторяю только то, что Спиридон, консул Никеи, ответил на этот вопрос: Бог создал места вечного наказания для человека, потому что того требовал установленный порядок. Среди ученых существует мнение, что высшее счастье человека состоит в созерцании, а Платон мудрого человека считает самим Богом. Аристотель писал, что счастье человека состоит в самодостаточности, потому что, несмотря на свои неудачи, отвержение, заботы, он счастлив, потому что это определяется состоянием мысли, через которую он может презреть все человеческие дела. Давайте пристально посмотрим на священное и подумаем, как можно достичь удовлетворения, считая, что Бог в тебе самом, и быть счастливым от созерцания самого себя? Хотя Бог не может созерцать ничего более величественного и более совершенного, чем Он сам. Более того, Аристотель в XIV книге “Физики” назвал Бога абсолютно самодостаточным, используя термин “*αὐτάρκης*”, а Моисей Египтянин, переводил это слово как “самодовольный”. Если быть внимательным, то можно заметить следующее соображение Оригена¹³, который не думал, что Бог создавал мир последовательно, о чем он писал в книге “О первопричинах”, боясь, что божественная сила постепенно ослабнет из-за инертности и, как боялся Платон, это приведет к гибели рода человеческого, но тогда Бог останется без жертвоприношений и восхвалений. Я не всегда высказываю свое мнение, но по данному вопросу думаю, что мир существовал всегда вместе с Богом. Более того, евреи действительно верили этому, как писали Моисей и Лев Иудей¹⁴, но оба были вовлечены в ужасные ошибки. Первая состояла в том, что они измеряли благодать временем существования мира, вторая ошибка заключается в том, что они измеряли Его славу жертвоприношениями людей и подношением бранных вещей. Но еще более опасно ошибается тот, кто думает, что Бог оскверняется, когда проявляет интерес к миру, или что он устает поддерживать безопасность рода человеческого.

Я отвергаю мнение Прокла и перипатетиков, и если следовать идеям Аристотеля, то необходимым представляется вывод о том, что мир имел начало и поэтому будет иметь конец. Однако в споре о начале и конечности мира существует три мнения: мир не имел начала и не будет иметь конца; и первое и второе принимается как утверждение; и, наконец, подчеркнем значение последнего мнения, что мир имел начало, но никогда не будет иметь конца. Считается, что это мнение принадлежит Панетию¹⁵, Посидонию, Боэцию и Сенеке — среди стоиков;

Фоме Аквинату — среди теологов; Филону — среди иудейских мудрецов; затем — главе Академии Платону, истинному автору этой теории. Филон отделял свое мнение от позиций Моисея и Соломона, но Исаак, Ездра, Петр по этому вопросу открыто выступали против них и их последователя Лукреция, который писал, что однажды это стремление природы к разрушению будет преодолено и тогда противоречия между формой и сутью мира будут исчерпаны¹⁶. Но теологи по собственному разумению толкуют текст Священного Писания; Моисей Египтянин, и Фома Аквинат приводят толкование, противоположное мнению Филона, которое расширяет понимание развития природы мира. Их мнение мне менее понятно, чем то, что можно вывести из сочинений Авиценны и Александра Афродисийского. Последний утверждал, что мир вечен, потому что он движется Богом; безграничные действия относятся к бесконечному и вечному разуму. С другой стороны, Авиценна отрицал, что наступит необходимость; лишь высшая сфера движется Богом; если это справедливо, то конец мира возможен, потому что действия ограниченного разума должны иметь конец. Если действия перводвигателя конечны, то конец мира наступит. Но существование мира, по Аристотелю, зависит от движения, и это движение является источником появления всех вещей. Факт, что высшая сфера не создана Богом, очевиден, потому что утверждение о соединении безграничного движения со смертным телом было бы абсурдным; мы любим мир, потому что конечное не имеет ни отношения, ни связи с бесконечностью. И что может быть более глупым, чем то, что Аристотель и Аверроэс отождествили себя с Богом, которого они же называли безграничным в действиях по отношению к миру; чем то, что смертная плоть не может быть отделена от Него? Более того, что может быть менее достойным для философа, чем соединение первопричины, которая бесконечна в отношении конечного лишь потому, что если одно существует, то и другое должно существовать? Аристотель рассуждал о мире и Боге так, как об огне и шаре, о Солнце и свете; одни причины являются достаточными и для других — эти доводы так подтверждены, что не могут быть опровергнуты даже в предположениях. Конечно, мир таков, что Бог имеет сущностную природу, но сущность такова, что она не может быть первопричиной. Из этого следует, что Бог Аристотеля, действия которого он приравнял ко всеобъемлющей любви губки и камня, утомляется вечным движением и не является вечным, но зависит от мира так же, как свет от Солнца. Аристотель при этом сам признается, что все мысли в своем полете свободны и не осквернены телесной субстанцией. Бог является причиной существования вещей, которые могут иметь место за пределами действий. Даже малое семя имеет теснейшую связь со всем мирозданием; Архимед на примере бесчисленных песчинок показал, что каждое тело определено в пространстве и величине.

Есть еще одно мнение, которое заключается в том, что Бог не мог быть Творцом, потому что безграничность не может происходить от

безграничности. Поэтому тот мир, который Он опоясал узкой окружностью сферы, не может бесконечно наделяться вечным движением. Аверроэс не опроверг мнение Филопона, которое состояло в том, что если мир конечен, то Он имеет ограниченную власть. Прокл выступает против Анаксагора и Метродора¹⁷, которые утверждали бесчисленное множество миров и исключали Бога из этой безграничности. С их точки зрения, безграничность пространства исключает наличие Бога; далее, признание ими вечного движения и безграничного времени, зависящего от движения, также исключало Бога из этой безграничности. Итак, признание безграничности пространства исключает Бога; признание вечного движения или безграничного времени, зависящего от движения, также исключает существование Бога. Думать, что действия Бога определяются принципами движения высшей сферы, не менее глупо, чем поставить Его в один ряд с теми, кого называют несмышлениками и полоумными, и не менее глупо, чем объяснять проявление священной воли деятельностью замечательных умов, которые рассуждают о сфере. Об этом нельзя подумать без греха, потому что величие Бога далеко простирается за пределы разума человека и его души, следовательно, Бог не может быть движим высшей сферой. С другой стороны, если низменный расчет является двигателем, то тогда Он должен быть ограничен как в обязанностях, так и во власти и в действии. Кроме того, порядок, последовательность и достоинство вещей требуют, чтобы двигателем был определенный порядок, например смешение сущности с несовершенной формой. Есть и другое — то, чье движение может направляться кем-то или чем-то, но это другое может являться и причиной движения чего-либо; например, небесная сфера движется Вселенским Разумом, но сама она определяет более низкие вещи; другие могут придавать движение чему-либо, но при этом сами остаются неподвижными, например Разум приводит в движение небо и звезды, но по отношению к ним сам он остается неподвижным (как показывает Аристотель в книге VI “Физики”); наконец, последнее — то, что не движется и недвижимо, это и есть Бог. Но за этими рассуждениями мы можем не понять, что высшая сфера движет разум многих, но только от Бога зависит длящаяся круглый год весна выдающихся умов, от Бога зависит и переход к новым формам, поэтому люди смертны.

Фичино думал по-другому, он писал, что разум человека бесконечен, потому что вторичный разум (человеческий) развивался благодаря Богу, а от бесконечного может быть рождена только бесконечность. Но божественная бесконечность полна отвращения к основам природы разума, поэтому положение Фичино бессмысленно, как и попытки уравнивать понимаемые и ощущаемые нами вещи, добро и зло, неподкупность и продажность, бесконечное и конечное. Что же является основанием цепи причин соединения естественных вещей, противоречащих друг другу и создающих картину очевидного контраста? Какой порядок может примирить бесконечное добро и зло, Бога и злого духа?

Скалигер не без гордости выдвигал идею о том, что все движение стремится к покою, как это можно проследить в природе каждой отдельной вещи. Небесная сфера также стремится к покою, если это произойдет, то настанет конец мира. Таким образом, он считает, что мир погибнет. Это можно понять в отношении обычной смерти, покой — это естественное отсутствие движения в вещи, которое отодвигает развитие вещи назад. Такого мнения придерживались Лев Иудей, Лактанций и древние авторы, которые думали, что все сущности были смешаны с низменной формой еще до окончания Сотворения этого мира. К этой идее относятся доказательства, которые разрушили Феофраст и Филон на страницах книги о вечности мира. Как следствие из всего вышесказанного можно использовать правило для частного и общего; ведь если части мира обращаются в прах, то рано или поздно должно случиться то, что вся вещь целиком придет к концу, завершив свое существование обычной смертью. Поскольку существующие вещи, растения и животные поглощаются огнем и обретают невесомую природу праха, которая является конечной природой, то с небесной сферой должно произойти то же самое. Прокл не избежал падения в таком трудном пути, и он говорит, что [небесные] элементы и тела, состоящие из них, не являются частями мира, а являются продуктами звезд (как можно прочитать на страницах сочинений Филопона). Это совершенно глупое мнение, которое даже не нуждается в опровержении. Феофраст показал, что решить этот спор можно таким способом: конец мира наступит, если *целое* обратится в прах; но между тем отдельные части целого изменяются, ведь если отрезать от человеческого тела какую-нибудь конечность, то, по мнению Филона, самой человеческой жизни ничто не угрожает. Конечно, мы не будем спорить о безопасности для человеческой жизни, когда тело лишается каких-то своих членов, но изменение какой-либо части тела может привести и к смерти. В этих рассуждениях отражается природа всего тела, как чувствуется привкус весны в глотке воды. Феофраст не определил грань, за которой однородные части переходят в разнородные. С другой стороны, существует действительно единственное общее — это животное (мир есть животное, согласно всем академикам и Феофрасту), которое состоит из частей умирающих и рождающихся. Мне это кажется таким же нелепым, как и высказывание Аристотеля о том, что в документах предшественников он не нашел ни одного упоминания о крушении небесной сферы. С таким же успехом можно отстаивать твердость золота, гранита, который якобы является более прочным, чем даже железо, и, как говорит Дарий, не плавится в огне.

Никто не помнит, чтобы эти вещи имели конец из-за внутренней слабости; из всех доказательств никто не видит ничего более убедительного, чем мнение Филона, исходящего из тайных первопричин. Филон говорил, что Бог не Творец беспорядка и разрушений, но — Создатель порядка, и если Он взял на себя заботу о мире, то не приведет его к концу. Моисей Египтянин, говорит, что Бог заботится не об

отдельных формах, а о бессмертии человечества вообще; это похоже на идеи Аристотеля и Александра, которые думали, что разрушению неподвластно то, о чем заботится Бог. Бог действительно сохраняет отдельные формы, но проявляет к ним пренебрежение, потому что они изменчивы и преходящи. Манихейцы¹⁸ утверждают, что существует действие двух принципиально равных властей: одна — власть Творца всего доброго и порядка; другая — власть Творца зла, смерти, беспорядка. Моисей Египтянин и Августин объясняли смерть, зло, беспорядок не природой, а явным отсутствием добра (Августин “О граде божьем”, X: “...зло не содержится в природе, но отсутствие добра есть зло”). Если следовать учению Аристотеля, то мы должны будем принять мнение о природной сущности зла, как это делают многие теологи. Я не считаю, что это полная глупость, но Бог зло и смерть определяет не природой, но только чистой случайностью, но если Бог заботится о хорошем человеке, то Он считает это своей обязанностью; сохраняя же плохого человека, Бог ограждает его от царства тьмы, которое следует за несчастной смертью грешника. Это мнение Моисея Египтянина. Но я должен составить свое мнение о конечности мира и разрушении других вещей. Как только Бог отказывается от заботы о чем-либо, так это “что-либо” и разрушается. Чтобы никто не сомневался, я напомню, что Бог сам называет себя Отцом царства мрака, потому что Он мог довольствоваться своей собственной силой, а возвращение к себе любых других вещей ведет к разрушению. Но я доволен, что Филон и Платон опровергнуты более сильным мнением Льва Иудея. Говорят, что облака, и звезды, и все, что является сотворенным, будет уничтожено, потому что все это имело момент *рождения*. Бог не противоречит себе, если он творит что-либо несовершенное, которое он намеренно сам хотел испортить. Правда ли, что небеса сотворены из огня и воды, как выводит Филон из учения академиков и как мудрейший еврей объясняет природу? Аристотель определил пятую природу небес, но что он понимал под этим, так нигде и никогда не объяснил; однако Аристотель не стал бы утверждать, что небо было вечно, если бы не знал его природы. Это совершенно точно, как бы мы об этом ни спорили: если мир является природным телом то он состоит из сущности и формы, как и все природные тела; согласно учению самого Аристотеля, мир имеет действительные причины своего появления. Кардан недостаточно понимал его и отрицал, что Бог имеет действительную причину сотворения мира, которая могла бы быть принята и философом и христианином; Аристотель признавал, что из этого следует, что первопричины творения мира предшествовали не только природе, но и времени. Природное тело может быть создано вне времени, но также — и в одно мгновение из разнородных частей, совершенно несходных между собой. Это неприемлемо для объяснения природы Аристотелем и для его теорий. Бог не только Создатель мира в природе, но также и Создатель мира во времени. Мир по собственной своей природе, как материальное тело, является бранным; мир был уже спасен огнем и пото-

пом; возвращаясь на землю, люди умирали, снова уходили в землю, беременную теплом и новым семенем, и вновь возвращались. Это мнение распространял в Греции Солон, его он унаследовал у египтян, затем его разделяли Анаксагор, Платон в “Тимее”, Авиценна в книге о потопе; наконец, Аристотель в книге I “Физики” отказывается от этого мнения, и Аверроэс в книге III своего трактата “О душе” также отрицает, что когда-либо был всемирный потоп.

Я думаю, что во всем этом споре нашли отражение факты, относящиеся к периоду гигантов, но не сыгравшие большой роли. Когда-то время работало против земли только потому, что она была недостаточно плодородной; Аристид¹⁹ отрицал это в “Панацее”, он думал, что афиняне справедливо возносили себя как величайший народ, хотя земля в Афинах не плодороднее земли в Аттике и, более того, земля в Афинах беднее, чем в Египте, где почвы обогащаются разливами реки, орошаются без туч и облаков. Люди не были сотворены из глины. Что является более древним — Солнце или Земля? Долгое время думали, что мир — любимое создание — был сотворен из водной или огненной стихии, поэтому его происхождение связывается с пожарами или наводнениями. Признавали, что форма со временем умирает и что мир погибнет из-за собственной слабости. Плиний в книге VII говорит, что все писатели сетуют, что сейчас род человеческий не может сравниться с древними ни в числе, ни в размерах [тел], ни в силе. Вместе с тем кажутся преувеличением факты, что в сражениях армии Ксеркса, Александра или Цезаря порой теряли в одной битве иногда 300 или даже 400 тысяч воинов. Крит был назван Гомером “стоградьем”, потому что его население проживало в сотне огромных городов; Диодор описал в Египте 18 000 известных городов, которые он упоминает в своих сочинениях. Величиной своих размеров восхищаются человеческие кости, которые дошли до нас с древних времен, они определенно доказывают необыкновенные размеры людей. Из всех вещей нет ничего более замечательного, чем память потомков, проходящая сквозь века. Примером тому является книга Коперника “Об обращении небесных сфер”, затем — труды математиков Рейнхольда и Стадия, которые ясно показали, что орбита Солнца была ближе к Земле в эпоху Птолемея (он жил, когда императором был Адриан), позже она переместилась на 20 градусов и сейчас соответствует 31-му градусу, а расстояние изменилось на полдиаметра Земли, что равно 26 600 милям. Филипп Меланхтон проверял эту теорию многочисленными практическими опытами и понял, что все это только внешние атрибуты начала необратимых изменений небесных и земных тел, потому что частички этих тел согреваются теплом Солнца. Когда Скалигер услышал это, он счел людей, которые написали подобные вещи, достойными плетей. Его же заблуждения были несерьезными и ребяческими.

В заключение всего мы утверждаем, что время имело начало и будет иметь конец. Это как раз то, что мы и искали.

Последовательность времен

Теперь наша система хронологии от Творения должна быть выведена из исторических документов; этого нельзя добиться, используя только лаконичные источники греков. Они не имеют ничего более удаленного во времени, чем история Троянской войны, о которой Фукидид сказал, что она в большей своей части была вымышленной, и поскольку сам Гомер, наиболее древний автор после Орфея и Лина, процветал два столетия спустя после Троянской войны, естественно, что он повторял распространенные ошибки и басни вместо подлинной истории. Плутарх, начиная жизнеописания царей с Тезея, утверждал, что ранние события были смешаны с баснями. Говорили, что Тезей жил примерно за 500 лет до Ромула, когда у иудеев правил Абельмелек. Это 2740 г. от Сотворения мира. По этой причине давайте о древности времен осведомляться у других источников, но не греческих. Из всех писателей других народов я не знаю никого старше Моисея. Геродот, старейший, Ктесий, Гелланик²⁰, Ксенофонт и их современники моложе Моисея на 1800 лет. Фукидид идет за Геродотом, затем — Бероз Халдей, младше Геродота на 200 лет. Манефон Египтянин²¹, идет после Бероза, затем — Мегасфен Перс, живший во времена Александра Великого. От их сочинений, однако, дошли лишь фрагменты, если только они действительно были написаны этими людьми. Относительно Мегасфена и Ктесия меньше сомнений, за исключением того, что последний с враждебностью критиковался в книге III об ассирийских царях Диодором, который хвалил “Историю персов” того же автора. Евсевий, который тщательно собрал дела ассирийцев и небрежно дела персов, имел противоположную точку зрения. Так, мы должны подойти к иудею Иосифу, сыну Маттафия, но не Гиркана (которых Мюнстер считает одним и тем же лицом, тогда как сама “Иудейская война” это ясно опровергает). В двух разделах трактата “Против Алиона” он сравнивает большинство древних историков, сочинения которых были тогда доступны, с Моисеем и тщательно оценивает их. Из этих отрывков впервые становится понятно, что Алион взял из “Тимея” Платона лживые [сведения] о том, что египтяне имели историю в 8000 лет, сохраненную в записях. Еще более смешны сказки, которые слышал Геродот, что государство египтян существовало на протяжении 13 000 лет. Более смешно то, что Цицерон написал в книге о халдеях, которые утверждали, что они испытывали способности человека на протяжении 470 000 лет; Диодор в книге III добавляет еще 404 года, хотя при этом он утверждает, что это легенда. Иосиф, однако, собирая различные системы хронологии из истории финикийцев и Манефона, который сделал доступными секреты египтян, приводимые в священной литературе, открыто опровергает бессмысленные истории египтян и греков посредством выяснения времени правления царей Египта и Финикии²². Хотя Диодор побывал в Египте раньше Иосифа для того, чтобы изучить древности этого народа, он обнаружил, что вся история египетского народа, которая может быть прослежена, имеет протяженность 3700 лет. Он дал подтверждение этому в

книге II, где опровергает ложь египтян, которые с целью превзойти других в древности своего народа утверждали, что они имеют древнее прошлое в 33 000 лет. Я сравнил хронологию Диодора, совершенно точно извлеченную из хранилищ египтян, с историей Филона, который был следующим за ним очень ученым мужем. Из этого я понял, что между ними имеется расхождение в 200 лет, и это после вычитания промежутка, который разделял жизни Филона и Диодора, т. е. немногим меньше 100 лет. От Сотворения мира до жизни Филона (который был послан к евреям как посол) насчитывается 4000 лет. У Симпликия я нашел более весомый аргумент, хотя он и показал себя как наиболее злейший враг иудеев и христиан, особенно когда он защищал Прокла от христиан в комментариях к книге I “О небесах”, он никогда не забывал подчеркивать, что Аристотель написал письмо Калисфену с просьбой о том, чтобы собрать древности и записи халдеев, и это тогда, когда все другие, думая о добыче, грабили Вавилон. Затем Калисфен пишет в ответ, что он тщательно собрал записи халдеев и обнаружил, что их история имеет протяженность в 1903 года. Это число точно соответствует священной истории Моисея и Филону, если мы будем вести отсчет назад от Александра Великого к временам, к которым относится первое сообщение о сыновьях Ноя, рассеянных по земле, и о народе Шема, поселившемся в земле Синар, к востоку от Армении, в которой был обретен ковчег. Теперь халдеи живут на востоке Армении, немного южнее. Особенно стоит отметить тот удивительный факт, что Калисфен²³ и Моисей, которые извлекли правду из чистейших источников, в своем согласии зашли столь далеко в том, что касается универсальной системы времени. Их позиция хорошо соотносится с Диодором, если подсчитать время от Сотворения до [времени] его жизни, подкрепляется сведениями из сочинения Моисея, трудами Ксенофонта “О сомнительности времен” и Архилоха “О временах”²⁴ (если действительно они написали эти отрывки). Оба писали, что Нин правил через 250 лет после Потопа; один извлек эти сведения из эпитафии Нина, которую Семирамида высекла на колонне в его честь. Этот срок прекрасно согласуется с системами Филона и иудеев. При соотнесении этих предметов Мегасфеном Персом, когда он восстанавливал хронологию по наиболее ранним сведениям о правителях, обнаружилось, что он в очень немногом расходит с иудеями, по свидетельству самого Бероза Халдея, работа которого полностью сохранилась и не испорчена. Не имеет никакого значения, что Иосиф показывает в “Апионе”, что Потоп был упомянут в писаниях Бероза, и что ковчег, который сохранил потомство животной жизни и человеческой расы, пристал к горе Кордиев, и что еще во времена Александра сохранялись части его и каждый стремился получить хотя бы кусочек [ковчега] в качестве талисмана. Эти сведения он подтверждает авторитетом Иеронима Египтянина и Мнасия Дамаскина²⁵. Жан Бурре из Дофине ясно показал через геометрические построения, что размеры ковчега достаточно велики и могли обеспечить пищу и выживание всем живым существам. Я опускаю факты, которые древние

поэты превратили в глупые басни; они дали Янусу это имя, поэтому заявляли, что виноградная лоза называется евреями "jaip", они же приписывали Иову то, что Святое Писание говорит о Хаме, который осмеял наготу своего отца; другие прилагают эту историю к Сатурну, потому что он выставил на показ гениталии своего отца. Но большинство толкователей евреев все-таки относили эту историю к Хаму, как писал раввин Левит в своих комментариях к главе 9 книги Бытия. Сходна история гигантов и Андрогена, относительно которой все толкователи евреев говорят, что она правдива; Платон же превратил ее в легенду. Кроме того, в целях подтверждения священной истории относительно хронологии существует не больше надежных доказательств, которые можно было бы противопоставить злобным вымыслам (для хороших аргументов не нужны никакие доказательства); среди них можно назвать сочинения Бероза Халдея, история которого охватывает период от самого Ноя до Сарданапала; время от истории Суз до Александра описывалось Магасфеном, затем можно назвать Ктесия, наиболее древнего после Геродота, который привез в Грецию летописи, полученные в самом царском дворце персов, по свидетельству Диодора; наконец, хронология Манефона Египтянина находится в достаточном согласии со Священным Писанием и историей Калисфена, поэтому халдеи и египтяне расходятся с евреями не более чем на 300 лет. Этот факт должен казаться удивительным при таком количестве писателей, живших в различные эпохи. Иосиф проясняет из наиболее древней истории финикийцев (от которых греки переняли искусство письма и риторики, как они сами считают), что храм был построен Соломоном за 140 лет до основания Карфагена; этот вывод был сделан через сопоставление периодов жизни отдельных правителей. Затем Данай, брат Рамзеса Египетского, наиболее древний правитель Греции, бежал из Египта в Грецию на 393-ий год после того, как Палестина была захвачена евреями, и за 300 лет до разрушения Трои. Тот же человек (Иосиф) показал, что Кадм, основатель Фив, принес алфавит в Грецию в тот же период, когда фараон Менофис правил среди египтян, а у евреев был наделен властью Отонизель, третий правитель от Моисея. Действительно, он дает своему противнику Апиону доказательство, что он извлек хронологию правления королей из сочинений Манефона Египтянина и истории финикийцев. Такой великий человек не желал исказить историю, известную даже Апиону.

Геродот, который старше Манефона почти на 500 лет, и Диодор, который младше Геродота на 800 лет, перечисляют почти тех же правителей Египта, что и Иеремию, чьей истории Геродот, кажется, следовал от буквы до буквы после периода правления Апры, которого Иеремию, его современник, называл Хофра. Впоследствии Геродот следовал сквозь эпохи наследующих друг другу правителей вплоть до времен Псомметиха, который был побежден Камбизом, царем Персии, разграбившим его царство; затем персы захватили Египет. Геродот, однако, заканчивает походом Ксеркса, который произошел в 3486 г. от Сотво-

рения мира; он начал с правления Гигеса²⁶, лидийского правителя, т. е. со времен Манассия. Но поскольку период истории Египта показался ему слишком кратким в сравнении с тем, что некто сообщил о ее продолжительности в 8000 лет, он написал следующее: египтяне хвастаются тем, что до Мины, которого он называет первым царем Египта, они имели историю 30 правителей, записанную в священных книгах, при этом они не помнят ни имен их, ни деяний. Но при помощи многочисленных доказательств эти басни можно опровергнуть, и, по правде, нет ни одной басни значительнее той, что есть в сочинении Клавдия Птолемея Египтянина, пытавшегося определить моменты начала и гибели стоячих звезд в период от времени Набонасара²⁷ таким образом, как будто халдеи начали свои первые исследования именно в этот период. Набонасар, которого называли Салманасаром в Книге Царств, был известен в 3000 г. от Сотворения мира, за 980 лет до Птолемея, как он сам написал в “Альмагесте”. Другие обстоятельства, которые он узнал от Гиппарха, Метона²⁸, Евдоха и египтян, были включены в эту хронологию времени. Но если египтяне и халдеи сделали первую отметку на таблицах движения небес 470 000 лет назад, то почему Птолемей Египтянин, сосед халдеев, смог собрать наблюдения только за 700 лет? Этот большой объем сведений был бы крайне важен для подтверждения тех вещей, которые он открыл. Но он не объяснил движение стоячих звезд или их отклонения, как сделали сначала арабы, а затем ясно показали Реджимонти и Коперник. Он не мог даже дать характеристику полного движения Солнца, потому что говорил, что апсиды Солнца не движутся. Но после времени Птолемея, а точнее в 1360 г., было открыто, что они движутся. Нет недостатка в тех, кто искажает написанное Моисеем о возрасте людей, хотя Моисей с готовностью противостоял бы их насмешкам. Тем не менее Иосиф в главе 3 книги I “Иудейских древностей” хвалил 10 историков, которые сообщали, что жизнь некоторых людей превышала иногда 600 лет, а иногда даже 900. Подобные свидетельства оставили Манефон, Бероз, Мош²⁹, Гекатей, Иероним, давший описание самой древней истории финикийцев, Гесиод, Гелланик, Агесилай и Эфор; к этому списку мы должны добавить Ксенофонта, чьими авторитетными свидетельствами пользовались Плиний и Аврелий. Он охватывает несколько правлений приморских царей и говорит, что один из них действительно жил 600 лет, другой — 800. Кто в этом случае поколеблет уверенность столь многочисленных писателей? Если кто-нибудь думает, что под годами здесь подразумеваются лишние годы, а так по-детски многие рассуждают, то почему же тогда факт, что один приморский правитель жил 600 лунных лет, которые составляют 50 солнечных лет, показался Ксенофону чудесным? Сам Ксенофонт прожил более 90 лет. Более того, утверждается, что в те стародавние времена, по согласному мнению многих авторов, Иоанн, который был прозван вечным, дожил до 300 лет. Плиний из наиболее надежных таблиц цензоров узнал, что некоторые люди жили до 150 лет.

Но если бы это были лунные годы, то тогда мужчины, сопровождавшие Моисея и для которых нормальный детородный возраст 30 лет, должны были бы зачинать своих детей в возрасте двух или трех лет. Моисей освободил нас от этой ошибки, потому что в главе VII книги Бытия он отметил, что смена года происходит через 365 дней. Так и Плутарх смеется над теми, кто полагает, что римляне до Нумы Помпилия ограничивали год 10 месяцами, тогда как все делили тогда год на 12 месяцев, хотя дни, не вошедшие в календарь, делали систему счета неточной.

Теперь, когда мы определили начало мира и внесли некоторые данные о времени, поместив, согласно египтянам, халдеям, финикийцам и евреям, все известные исторические события в 5700 лет в наилучшем варианте, мы должны рассмотреть, насколько возможно подробно, ту систему расхождений в 200 или 300 лет, которая отличает исчисление Мегасфена от евреев, затем рассмотрим различия среди свидетелей, оставленных евреями, позднее — отличия системы Евсевия от всех остальных. Хотя Лукид, Функ и Панвинио оставили много сравнений в этом предмете, но до настоящего времени существует достаточно проблем, требующих объяснения. Причины происхождения ошибок многообразны, но когда причина понята, то ошибку намного легче исправить. Прежде всего, персы называют своих правителей и правителей ассирийцев различными именами, отличающимися от тех, которые используют греки и евреи; также отличаются и египетские имена, потому что каждый народ хочет сохранить силу и чистоту своего собственного наречия. Иногда имена даже уничтожались, таким образом возникли проблемы, касающиеся времен правления царей Ассирии, Персии и Египта, на которых основывается система хронологии. Причиной еще одной ошибки является то, что греки и римляне не знали древней истории и языка евреев и египтян. Евсевий, следуя греческим переводам Библии, насчитал на 1200 лет больше, чем сами евреи от Сотворения мира до Рождества Христова; хотя Моисей насчитывает 1656 лет от Сотворения мира до Потопа, Евсевий насчитывает 2241 год, нужно учесть, что 70 переводчиков или даже переписчиков в главе V книги Бытия ошиблись, сделав время жизни человека на 200 или 300 лет длиннее, чем определяли сами еврейские писатели. Не последней причиной ошибочных мнений, кажется, является тот факт, что греки начинали год с летнего солнцестояния, а римляне — с зимнего; другие народы, проживавшие западнее, начинали год с весны; арабы — с момента вступления Солнца в созвездие Льва, об этом сообщили в своих книгах Солин³⁰ и Фирмиец; восточные жители, т. е. халдеи, персы, индусы, египтяне, напротив — с осени; в это время мир был создан Богом, как писал Иосиф в главе 3 книги I “Древностей”. Раввин Елизар по поводу книги Бытия сказал ~~что~~, т. е. начало в месяце сентябре; он полагал, что секрет месяца объясняется этим самым изменением букв. Раввин Абрахам также соглашался с этим, когда комментировал 8-ю

главу книги Даниила, хотя Моисей первым по порядку выделил Ниссан, который называется ксанфиком македонянами, но апрелем римлянами, так как Бог в этом месяце освободил народ. Но Моисей не изменял другие обычаи, как свидетельствует Иосиф. Это может быть понятно из завета Моисея главы 23 книги Исхода: “Ты должен праздновать день как день пира, — говорил он, — в конце года, когда соберешь урожай садов своих в сокровищницу”. По этой причине Гирций ошибался, когда сообщал, что евреи начинают год с весеннего равноденствия, потому что думают, что мир был сотворен в это время. Раввин Иосия разделял эту точку зрения, но раввин Елизарий опроверг его. Плутарх остановился на этой проблеме в “Застольных беседах”, но позвольте нам опустить это обсуждение. Если в начале весны еще даже не завязавшиеся фрукты никак не могут быть зрелыми, то, вероятно, Бог подобным образом создал бы живые существа несовершенными или младенцами и тогда должен был бы создать для них нянек-кормилиц. Не меньшую ошибку допускал Меркатор, ибо он полагал, что, когда мир был сотворен, Солнце находилось в созвездии Льва; на основе этого неверного предположения все последующие соображения о движении звезд, которые он сообщал на основании авторитета истории, сомнительны. Я опускаю произвольные исправления, касающиеся оливковой ветви после Потопа, или другие вещи подобного рода, которые недостаточно важны, чтобы останавливаться на них с целью опровержения.

Теперь давайте примем систему Моисея и евреев, которые в личных и общественных делах начинали с месяца сентября, так же делали и греки, это ясно из часов в Митиленах. Очевидно, что еще одной причиной ошибки был тот факт, что египтяне, персы и евреи не имели определенного периода или начальной точки отсчета времени, но исчисляли время по годам правления царей. Греки и римляне делали лучше; первые отсчитывали свое время по Олимпиадам, другие — от основания города; христиане, хотя с определенной точки зрения достаточно поздно, в шестисотый год от Рождества Христова, начали вести отсчет времени от Благовещения; арабы начинали от Хиджры, т. е. от битвы Мухаммеда, которая произошла в 592 г. (так!) от Рождества Христова, этот же год, 1565-й от Сотворения мира, они называют 988 г. (так!). Они не использовали какой-либо иной изначальной точки отсчета, что является совершенно очевидным из истории Льва Африканского, который только в одном отрывке книги III датирует Хиджру в соответствии с христианской эрой так же, как и по мусульманским эдиктам, которые мы уже обнародовали. Из этого понятно, что люди, которые датируют Хиджру 491 г. от Рождества Христова, ошибаются так же, как и Генебрард, который начинал с 621 г. Испанцы недавно, т. е. еще до правления Фердинанда, прозванного Католиком, в 1490 г. ввели отсчет своей эры и взяли за начальную точку отсчета эпохи (так они сами называли) 16-й год правления Августа, когда тот обнародовал эдикт об определении границ мира. Но в 42-й год Империи была проведена перепись, из которой понятно, что начальная точка отсчета относится

к 26 г. до Рождества Христова, как писал Антоний Геронийский. С другой стороны, Родерик из Толедо³¹ в последней главе своей книги вносит разницу в 28 лет, однако консулы, которые управляли Испанией под властью готов, начали свой отсчет времени от года, в который эдикт был обнародован; после правления Фердинанда все они придерживаются христианской эры. Позднее евреи в общественных и личных делах начинали датировать свою эпоху с Сотворения мира, это 5325 г., что соответствует 1565 г. от Рождества Христова. Те, кто следуют за Филоном, добавляют 202 года, так что год от Сотворения 5325-й (так!), что соответствует четвертому году 259-й Олимпиады; 3872 г. от Потопа; 1014 г. от Хиджры; десятому году 84-го Эдикта. Мы должны учитывать эти числа во всемирной истории, потому что в разных случаях даты могут различаться. Индикты³² — род дани у Аскония³³ и Плиния Младшего, и они не стали определять ход времени до Константина Великого, а начали [датировку индиктов] в год 313-й от Рождества Христова, на 8-й день октябрьских календ, когда Константин и Лициний³⁴ были Августами и консулами во второй раз. Это было записано в фастах греков следующим образом: начало индиктов Константина здесь. В этот день Максентий³⁵ Август был убит Константином Великим, и мир в христианской церкви был восстановлен. На Никейском соборе было принято следующее решение: летосчисление в документах должно вестись от принятия индиктов, как писал Беда, потому что летосчисление от Рождения Господа нашего еще не употреблялось; также использовали годы правления императоров; факт, что они вносили многократные изменения, уточняя отсчет времени, точно не установлен. Было решено, что цикл индиктов должен составлять 15 лет, в то время как период от Олимпиады до Олимпиады составлял четыре года. Ни одна из причин ошибок не является более серьезной, чем та, которая проистекает из незнания движения Солнца и Луны. Хотя все древние занимались этой проблемой, она реально не могла быть решена, поэтому мы имеем различные системы исчисления годов и месяцев. Восьмилетние циклы Лестрата оказались ошибочными и вообще не принесли никакой пользы; золотое правило девяти лет, которое было провозглашено Метон³⁶, несовершенно, так что после 300 г. курс Солнца по сравнению с лунным опережал на 1 день и почти 18 часов; ошибочным также был год Калиста; несовершенно искусство расчетов Гиппарха привело к ошибке в 304 г. в 1 час со времени интерполяции; системы счета времени Филолая и Демокрита немного точнее. В конечном итоге Цезарь также страдал от неудобств счета времени, потому что он упразднил лунные годы, и его календарь также был полон ошибок до тех пор, пока постепенно не вернулись летние и зимние месяцы. Хотя греки знали солнечный год, при этом они имели значительные ошибки в расчетах движения звезд, до сих пор они использовали лунный год в 354 дня, который, однако, надо было поправлять каждый год или каждые три года, так как один день был потерян. К тому же они прибавляли один месяц вне календаря, который они помещали или в каждый третий, или в каждый четвертый

год. Они не знали и не могли знать явления равноденствия или противостояния, потому что месяцы всего года изменялись в 33-летнем цикле. Но римляне ошибались намного серьезнее в этом отношении, так как вначале они установили год в 354 дня, как думали многие люди (однако Плутарх однажды опроверг это); позднее Нума добавил два месяца и годы были сделаны лунными.

Разнобой и смещение в этих межкалендарных периодах были таковы, что система ведения фаст изменялась специально для зимних месяцев, а иногда и для летних, согласно свидетельству Светония. Иудеи, конечно, использовали лунные годы, но каждый третий год они добавляли один месяц, который назывался Ваадар, что означало “двойной Адар”. Поэтому Гарц ошибался, когда писал, что иудеи, как и египтяне, использовали солнечный год. У египтян год составлял 365 дней, но они добавляли четверть [суток], что приводило к тому, что через 1460 лет изменения календарного года сходили на нет, и в это время они добавляли еще один внекалендарный год. Большие ошибки происходили потому, что они брали целую четверть суток, тогда как в действительности период этот был меньше четверти, как показали дальнейшие открытия. Вследствие того что дела обстояли именно так, а не иначе, неудивительно, что существовали такие разногласия в летосчислении и определенная система времени не могла развиваться. Т. Газа серьезно ошибался в небольшой книге о летосчислении древних, так же как и толкователи греческих и римских годов. Эти антиквары считали, что их годы совпадают с годами древних, которые были настолько неопределенными, что они исчислялись почти произвольно. В доказательство этого мы имеем тот факт, что определенный законом Юлия календарь, который считается наиболее точным из всех, отстал от реально существующего положения солнцестояния и равноденствия почти на 14 дней со времени Цезаря, и напрасно пытаться придать ему нормальное движение. По моему суждению, небесное движение невыразимо и не поддается описанию, или, если выразаться математическим языком, оно бесконечно, так как не может быть выражено какими-либо числами, и все равно остается нечто, что должно быть вычислено, и это нечто основывается на особенностях движения отдельных планет. О какой точности календаря Юлия можно говорить, когда месяцы в календарь вставляются с такой нерегулярностью? При этом, однако, достойно внимания то, что евреи и халдеи от Сотворения мира использовали тот же самый счет лет, что ныне используют и арабы, т. е. 354 дня, включающие добавление дня в календарь каждые три года. Этому есть очевидные свидетельства в Священном Писании. Подобным образом египтяне всегда вносили дополнительные дни в високосный год. Как же могло случиться, что в полных числах, имеющих соотношение с периодами и годами, прошедшими с Сотворения, почти не было сделано ни одной ошибки при записи отдельных поступков правителей, побед, сведений о зарождении и гибели империй, чем они отличались от греков и римлян? Долго длящийся и совершенно бесконечный спор о смерти Христа от-

носится в общем-то к спорам о летосчислении. Одни говорят, что это произошло в шестой день до апрельских календ, другие, например Панвинио, — что на седьмой; большинство утверждает, что на четвертый, среди них, например, Люцид, который и открыл спор вокруг этого вопроса. Они спорят преимущественно друг с другом не только относительно дня, но также и относительно года. Беда, Хризастом, Никет, Альберт Великий, Бернар Моденский и Панвинио утверждают, что он принял страдания в 33 года; Аполлинарий, Люцид, Николай из Лиры, Мариан Скотт, Павел из Бургаса — что он претерпел эти страдания на 34-м году, а Тертуллиан и Ирений — в 32 года. Не менее спорным для греков и римлян, и даже скорее только для римлян, является вопрос относительно основания Города. Поскольку ясность здесь не может быть достигнута, то Панвинио на основе фаст отобрал два мнения, наиболее вероятных, и включил оба в фасты, так что каждый человек может выбрать ту дату, которая ему больше понравится, с разницей в один год. Что касается многообразных деяний правителей и знаменательных событий, то тут неумно выбирать дату без особого усердия, но когда есть ошибки в начале [датировки] государств, или эры, или эпохи, то следствием будет бесконечные ошибки. Однако каждый, насколько это возможно, должен быть исправляем в соответствии с системой иудеев и халдеев, которые вообще-то не отходят или отходят незначительно от идей Филона. Талмудисты слишком сильно привязаны именно к своему собственному пути и потратили 200 лет от времени [существования] мира, стараясь интерпретировать божественное провидение и пророчества в свете их собственных истин и стремясь оспорить христиан. Например, раввин Насон при любом упоминании Христа называет его *יְהוֹשֻׁעַ* или христиан *בְּרִיטָא דְּנִסְיָא*. Однако ничего подобного среди них не было до 2239 г. от Сотворения мира. Это год путешествия Иакова в Египет. 430 лет отделяло эту дату от Исхода. Это совершенно точно следует из главы 12 “Исхода” и главы 3 из “Послания к галатам”. Об этом факте Иосиф в 6-ой главе II книги [“Иудейских древностей”], а также Филон и раввин Левит, сын Гершона, говорили, что период в 430 лет соотносится с паломничеством самого Авраама в Египет, когда ему исполнилось 72 года. Со времени, когда Иаков прибыл в Египет со своей семьей, и до Исхода они насчитывали 210 лет. С этим почти все иудеи согласны. Ф. Меланхтон, как, впрочем, и любой ученый муж, следует им, исключая Генебрарда, человека эрудированного и выдающегося благочестия. Он твердо придерживался слов Писания, Функ думает, что ошибка идет от [использования] слова “триста” вместо слова “четыреста”, и Теодор Беза поддерживает это мнение. Ошибка может в самом деле происходить из “Послания к галатам” и “Деяний”, которые написаны на греческом, но фрагменты “Исхода”, написанные на еврейском, не допускают этих ошибок. В этом споре следует более твердо поддерживать трактовку евреев, особенно потому, что все они согласны с Мегасфеном. Я думаю, что к оставшемуся надо подойти та-

ким же образом. Филон, кажется, придерживается этого метода, и поэтому я соглашаюсь с ним более охотно, когда он насчитывает 920 лет от Исхода иудеев до Основания Храма. С другой стороны, Иосиф отсчитывает 1062 года (глава 12 книги X); первый насчитывает 440 лет от Основания Храма до его разрушения, последний — 470; в более раннее время иудеи насчитывали 419 лет. Филон придерживается среднего, он насчитывает от Сотворения мира до разрушения Храма 3373 года, а Иосиф — 3513 лет; первый отсчитывает 1717 лет от Потопа до разрушения Храма, а последний — 1913. Иудейские комментаторы дают существенно меньшую цифру в сравнении с первым и вторым, Филон же избрал середину. Итак, для того чтобы примирить эти столь различные авторитеты друг с другом, давайте сначала откажемся от периодизации Альфонса, [которая насчитывает] 8549 лет от Сотворения мира до наших дней (т. е., до 1565 г.), потому что он не приводит никаких доказательств этому мнению. Ничем не подтверждает свое мнение и Евсевий, в соответствии со свидетельством которого с Сотворения мира прошло 6760 лет. По Августину должно бы быть 6916 лет, по Беде — 6893 года, по Иерониму — 6605 лет, по Феофилу Антиохейскому — 8171 год. Давайте примем свидетельства иудеев, халдеев и персов, история которых насчитывает 5730 лет от Сотворения мира. Давайте объединим мнения Мегасфена, Ктесия или Геродота и Бероза со свидетельствами иудеев. Среди иудеев Баал Седер насчитывает 5133 года от Сотворения мира до наших дней, раввин Насон — 5172 года, раввин Гершон и Кимхи³⁷ — 5301 год, современные талмудисты — 5349 лет, Филон — 5628 лет, Иосиф — 5720 лет. Следовательно, разница между Иосифом и Филоном, наиболее добросовестными писателями, меньше 200 лет, и причина этому — тот фрагмент, который я уже упомянул в 12-ой главе Исхода, которую Иосиф читал очень тщательно. Но так как остальные комментаторы Библии насчитывают от прибытия Авраама в Египет до времени Моисея 430 лет и так как идеи Ктесия хорошо соотносятся с идеями Филона, который выбрал середину между Иосифом и талмудистами (потому что его дата превышала их на 200 лет, а дата Иосифа превышала его дату почти на столько же), из этого следует, что Филон более надежен, чем все остальные. Современные иудеи слишком упорно искажают времена Даниила; вопреки авторитету всех остальных писателей они насчитывают только 5 правителей в Персии, тогда как Мегасфен, Ктесий и, наконец, греки сообщают, что их было 10, и указывают годы каждого правителя. Они делали это, однако, потому, что не могли не увидеть разницу в сравнении с прорицаниями священников, которые они неправильно поняли.

Необходимо опровергнуть их, опираясь на авторитет как Иосифа, так и Филона, а также на расчет движения небесной сферы, тщательные наблюдения за которым начались со времен правления Набонасара и записаны Птолемеем в “Альмагесте”. Астрологи, поскольку в их распоряжении нет ничего более древнего, имеют обыкновение начи-

нать также с этого. Затем стоит заметить, что с самой начальной точки рассуждения порядок и система всемирного времени более точно согласуются [с точкой зрения] халдеев, евреев, греков и римлян от 3218 г. от Сотворения мира, в который Набонасар принял свое правление. Это выводится следующим образом. Все историки согласны, что Александр Великий умер в 1-й год 114-й Олимпиады, но Птолемей насчитывает 424 года от Набонасара до Александра, т. е. 106-ю Олимпиаду. Это предполагает, что Набонасар начал править в 1-й год 8-й Олимпиады. Этот год был 12-м годом правления Ахава, царя иудеев, как это записано в 4-й книге Книги Царств, но 6-м годом от основания города Рима. Далее, в соответствии с Варроном и Дионисием, основание Города относят к 4-му году 6-й Олимпиады. Таким образом, подобное исчисление всемирного времени не может никого запутать, хотя относительно отдельных событий мнения некоторых авторитетов будут часто отличаться друг от друга. В таблицах Птолемея имеется точное указание периода, прошедшего от Набонасара до Адриана (при котором Птолемей и процветал). В главе 2 книги IV он насчитывает 853 года от 2-го года Мардоцемпеда, которого Иеремиа называет Меродахом³⁸, до 19-го года правления Адриана. Тот факт, что Набонасар тот же самый человек, которого в Святом Писании называют Салмонасаром, ясен из того, что от падения Самарии до разрушения Храма прошло 133 года, в соответствии со Святым Писанием. Из этого можно догадаться, что Иезикиль правил 23 года, Манасия — 55, Омон — 2, Иосия — 33, Иоахим — 11, Задекия — 11 лет, после чего был пленен при взятии Иерусалима. Но Птолемей насчитывает 140 лет от первого года правления Набонасара, который занял Самарию до разрушения Храма, ибо он говорил в 14-й главе V книги, что 5-й год правления Набопалосара (которого в Святом Писании зовут Нибушаднисар) был 127-м годом Набонасара, если ты добавишь 13 лет его правления к взятию города Иерусалима (он был взят в 18-й год правления Нибушаднисара), то сумма составит 140 лет. Это число отличается на 7 лет от того, которое приводится в Святом Писании, но годы эры Набонасара должны быть продолжены до плена. Если мы рассмотрим историю мира в согласии с правилами небесных перемещений, то станет ясно, что Мегасфен исчислял более короткий период. Это произошло из-за междуцарствия, когда правители ассирийцев и халдеев вели с большой жестокостью междуусобные войны друг с другом и время от времени один вытеснял другого. Тем не менее нет полного представления о хронологии или об ошибке в летосчислении. Это служит доказательством того, что ни Бероз, ни Мегасфен не включали период междуцарствия или месяцы некоторых царствований, но учитывали только годы каждого правления и без какой-либо определенной даты смерти. Ктесий, добросовестный писатель, не опускает месяцы и междуцарствия, но у нас нет ничего [из его труда], кроме скудных фрагментов. Однако Диодор и другие следуют этому писателю, более того, Плутарх (который называет в своем жизнеописании Артаксеркса Ктесия наименее правдивым) полагает, что

Ктесию следует верить в том, что относится к хронологии, особенно когда он упрекает Геродота во лжи; и его восхваляли сам Ксенофонт (во времена которого процветал Ктесий), Страбон, Афиней и Диодор. В истории финикийцев Манефон и Деус собрали [сведения] о месяцах и полных периодах междуцарствия, как можно прочесть на страницах Иосифа, но история этого народа также канула в Лету. Манефон прекратил [повествование] на 5-й Олимпиаде, за 5 лет до основания Города. 12 лет до Салмоносара, 325 после разрушения Трои, с чем согласуются римские таблицы Семпрония. Эта разновидность не существовала у греков и римлян в той системе времени, которая началась от [первой] Олимпиады, так как основание Города приходится на 6-ю Олимпиаду. Отсюда легко сопоставить фасты римлян с Олимпиадами вплоть до вторжения готов, которое произошло при Одоакре в год 351-й от Рождества Христова. Затем от эры Христа более точные даты вычисляемы вплоть до настоящего времени. Мы должны вывести из универсальной (всеобщей) системы хронологии годы [возраст] правителей и царств, останавливая свой выбор каждый раз на самых лучших писателях. Мы также должны быть предупреждены в процессе чтения истории о том, что необходимо рассматривать систему високосного года, если он выпадает, потому что тогда мы сможем вычислить предшествующие или последующие годы более точно и просто. Например, Марцеллин писал в 226-й книге, что, когда случилось так, что Иоанн умер около Анкары, Валентиниан был возведен в звание императора на седьмой день до мартовских календ, но он не хотел принимать инсинии империи на следующий день, потому что случайно это [событие] пришлось на високосный день и он [Валентиниан] боялся, что время будет неблагоприятным. Судя по этому фрагменту из Марцеллина, фасты римлян, ставшие неточными из-за гражданских войн и междоусобиц, были исправлены и восстановлены, потому что каждый четвертый год был високосным. Отсюда, когда мы считаем годы от Цезаря до Валентиниана, то их насчитывается 408 от четвертого консульства Цезаря, который ввел високосный год. От основания Города это 1116 лет. Теперь обратим внимание на то, что Марцеллин, которого я упомянул, назывался Аммианом и жил в годы правления императора Юлиана. Другой Марцеллин, из знатного рода и высокого ранга, жил во времена правления Юстиниана, он начал хронику в 1130 г. от основания Города. Он отличался тщательным [отбором сведений] об индиктах и консулах, хотя консульство как таковое тогда уже не существовало, но титул остался в распоряжении императоров. Последним из всех был Флавий Василий Младший, происходивший из знатного рода, он был консулом Восточных провинций в год 541-й от Рождества Христова, о чем Прокопий часто упоминает в книге "О войне с готами".

Мы обсудим предметы [эти вещи], касающиеся системы всеобщего [универсального] времени и происхождения [начала] мира. Когда конец мира наступит, не знают даже ангелы и, конечно, не ведают ни один из смертных, разве что случайно мы можем согласиться с догад-

ками раввина Илии. В книгах Талмуда под заголовком “Синедреон” и в книге под заголовком “Идолатр” эти раввины ограничивают время существования мира 6000 лет вследствие того факта, что мир был сотворен за шесть дней. Эту догадку многие принимают как предсказание, потому что полагают, будто Илия был пророком. Раввин Исаак в комментариях к главе I книги Бытия и Августин в книге II “О граде божьем” восприняли это пророчество как исходящее с небес. Лев Иудей, продолжая постоянный спор, писал о 6000 лет, утверждая, что именно тогда произойдут изменения в элементарном [изначально сотворенном] мире и что в 7-м тысячелетии наступит покой, который будет длиться 49 000 лет, а 50-е тысячелетие принесет гибель небесных сфер и Великий покой. Но рассматривать более точно вопросы, которые не могут быть постигнуты человеческим разумом, или выводиться из разумных доводов, или основываться на божественных пророчествах, представляется мне не менее глупым, чем неблагоприятным.

ГЛАВА IX

КРИТЕРИИ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ИСТОКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ

Нет вопроса, привлекающего писателей больше, чем истоки происхождения народов; описывая упадок государства или ход гражданских войн, они не имеют при этом более основательного повода, чем подтвердить известность и великолепие своего народа. Некоторые народы, достигнув знатного положения через богатство, преступления или доблесть своих предков, желают опровергнуть свое сходство с другими и отделить себя от них. Крайний тип высокомерия выказывают те, кто забывает свою человеческую природу, хвастаясь, что ведет свой род от богов. Это происходит не только с испорченными или глупыми народами, но и с теми, кто достиг высочайшей репутации в мудрости и добродетели. Гай Цезарь не стыдился хвалиться перед народом, что по материнской линии он происходит от королей, но по отцовской — от богов. Аристотель также прослеживает происхождение своего рода от Эскулапа¹ и Аполлона. Из этого и выросли претензии части людей на святость, ибо они полагали, что станут богами, когда прекратят свое существование в качестве людей. Надменная гордость полновластного человека проявляется даже в смиреннейшем, хотя многие народы не знают своих этнических источников или скрывают их, опасаясь нелюбви к иноземцам, в силу чего называют себя “зародившиеся в отцовской земле”, что означает, что они коренные жители, а эта земля — их родина. Аристид в “Панафинях” утвердил для афинян милость высшей знатности, потому что они прослеживали свое происхождение не из каких-то других источников, но от самой Земли, матери богов. Эта ошибка является общей не только для древних писателей, но и для современных. Поэтому Полидор Вергилий, в противоположность другим автор надежный, подтвердил, что бретонцы жили во внутренней части острова и были здесь исконно местными, а не пришли откуда-то, как считал Цезарь. Ему я совершенно доверяю, хотя, следуя авторитету Тацита, он [Вергилий] также написал, что германцы были рождены в Германии, а не происходили из какого-то другого места, от другой расы, он не сомневался в достоверности этого рассказа, поскольку полагался на авторитет Тацита, Сабеллия и Сепонтия². Я могу задать вопрос, что может быть более глупо, чем следование этому мнению? Древние, конечно, по определенным соображениям заслужили некоторое снисхождение в этом вопросе, но наши современники несут большую ответственность за каждую ошибку или грех или за то и другое вместе, потому что они открыто нарушают заповеди, оставленные Моисеем в Священном

Писании в древности (хотя нет причин с ними не соглашаться), а также потому что они отделяют свои расы от других союзов и содружеств навечно, не находя для них никакого другого источника, кроме земли своих предков. Власть Священной Воли над всеми вещами привела Моисея к размышлениям об истоках, и мне кажется важным выявить происхождение и родственников по крови. Я знаю, что нет аргумента более полновластного, чем тот, что кровное родство используется для развития и поддержки доброй воли и дружбы всего человечества. Не только Диомед и Главк³, но и бесчисленные конные армии направлялись для всеобщего разрушения и уничтожения народов, связанных с ними расовым родством, однако относящихся к ним с неприязнью. С другой стороны, трудно найти народ, который не хвалился бы тем, что является коренным и урожден на своей земле, оскорбляя тем самым всеобщее согласие внутри человеческого общества. Таким образом, появляются резкие и угрожающие высказывания египтян против евреев, греков против римлян, когда одни с презрением и неуважением называют других варварами. По этой причине иноземцы называли врагами римлян и по сегодняшний день с еще большим презрением германцев называют «валлийцами». Подобное отношение нехарактерно для гостеприимства наших предков, которые побеждали и более прославленные народы, чем они [наши предки]. Наконец, именно по этой причине представляется необходимым разоблачить всем известные книги против иноземцев, написанные теми, кого более правильно было бы назвать не служителями Муз и Минервы, но служителями Марса, который возжигает факелы по линиям сражений и возбуждает ненависть язвительными оскорблениями народов куда более нуждающихся в примирении через всеобщую любовь. Нет необходимости в том, чтобы я назвал кого-либо поименно, чтобы я напоминал вещи, написанные против нас теми, кто по праву должен был покрыть величайшим позором себя, но не нас. Известно много примеров, когда более справедливые народы объединялись с иноземцами договором, основанным на единстве происхождения и на родстве. Разве это не лучше, чем уходить надменно от всеобщего родства, отгораживаясь презрительными словами? По этой причине я не могу одобрить законы Ликурга⁴ или Платона, которые строго запрещали гражданам Спарты или Афин торговать с иноземцами. Кроме того, они также запретили вывоз производимых продуктов и ввоз иноземных товаров для своего народа. Что это, если не уход человеческого общества от человеческих интересов? Если их природа лучше, то они должны научить иноземцев через свои собственные добродетели и сделать счастливыми, не унижая их. Конечно, Моисей считал, что иноземцы должны быть одариваемы не меньшей благосклонностью, чем граждане; и он справедливо поддерживал жалобы и обиды иноземцев, которым мстили и подвергали более сильным наказаниям, чем граждан. Сегодня благодаря высшей мудрости бессмертного Бога мы видим и убеждаемся в том, что нет ни одного региона, который был бы столь плодородным, чтобы не испытывать постоянной нужды в ре-

сурсах других регионов. Индия, свидетельствует писатель, вывозит слоновую кость, бледные сабийцы — ладан, суровые халифы — железо. С некоторым опозданием природа постоянно навязывала свои правила и толкала народы определенных регионов к длительным союзам. В чем же в конце концов цель, если не в том, чтобы народы могли бы объединить свои владения, увлеченные идеей выгодной торговли, что усилило бы мир и дружбу между ними? Я думаю, что основой вражды являлась святая месть. Так, греки, например, в определенное время находились под властью римлян (которых они называли варварами), а в свою очередь римляне в течение некоторого времени были подвластны готам и скифам (от которых неизменно отворачивались, как от диких зверей). Но затем земли многих народов были объединены, и они узнали о том, что являются родственниками по происхождению.

Есть три доказательства, составленные историками, в свете которых могут быть поняты и оценены истоки происхождения народов. Первое доказательство — определение надежности писателя, второе — оценка отдельных сторон языка, третье — оценка месторасположения и характера региона. Мы уже и раньше говорили об отборе историков и о том, сколько доверия может быть выказано писателю, который имеет дело с сообществом своих сограждан или с врагами. Конрад Пойтингер⁵, Ирений, Нойенар⁶, Люпольд Бамбергский⁷, Якоб Вимфелинг, Андреас Альтомер, Вольфганг Лаций, Павел Джовио, Антоний Сабелий и среди наших современников Робер Кено⁸ — все они столь хвастливо писали о согражданах, не сделав при этом никакой скидки другим, что, казалось, были уверены, что и сами боги не равны между собой. Более правдивы были Реан и аббат Тритемий⁹; другие в восхвалении своих собственных имен написали много вещей, которые в их изложении могли бы выглядеть правдивыми, будь они описаны в более скромной манере и без презрения к другим. Позвольте нам допустить, что франки имели своими родственниками германцев; что может быть более замечательным для славы нашего имени, или лучшим для создания союзов и содружеств, или более полезным для силы обоих государств, чем прослеживание происхождения французов от доблестной и прославленной расы германцев? Однако для вопросов подобного рода позвольте нам использовать критерии, которые я упоминал, устанавливая подходы к разделению и установлению истинных истоков всех народов.

Известно, что халдеи наиболее древние среди всех народов, об этом убедительно свидетельствовал не только Моисей, но и Мегасфен, Геродот, Ктесий, Ксенофонт. Более современные писатели выражали согласие с ними: Диоген Лаэртский и Филон, так же как и Парфирий в отдельном письме к Боэцию, Клемент Александрийский в своих “Сборниках”, Евсевий в “Доказательствах Евангелий”, Феодорит в книге I “О причинах восстаний греков”¹⁰, раввин Моисей Маймонид в главе 30 книги III “Руководителя запутанного” и многие толкователи-иудеи. Это все относится к знаниям, литературе, искусствам; и всюду неизменная

похвала халдеев, основателей всех наиболее важных дисциплин, поэтому некоторые ошибочно полагают, что Прометей был халдеем, потому что он выводил людей из дикости и варварства к более человеческой жизни. Халдеи описывали определенное расположение созвездий, траектории движения планет и рассматривали полную тайн природу по отношению ко всему роду человеческому; они при этом отождествляли священные огни неба с укропом гиганта Палланта и верили, что в чело- века, сделанного из глины, была дуновением помещена душа. Таким образом, слово “местный” должно быть забыто и происхождение всех народов должно вестись от халдеев, потому что из их страны и из регионов, где она располагалась, как из колыбели человеческой расы, выходят все дороги, ведущие ко всем остальным народам. Народы были разбросаны повсюду, и от них ведут свой род те, которым суждено вечно брести по дороге, правдиво и точно описанной Моисеем и учителями евреев; я упускаю то, что любой может узнать из их книг. Я объясню только одну вещь, которую наши писатели, повествующие о корнях народов, не смогли показать достаточно ясно; а именно языковые признаки, в которых главным образом и можно найти доказательства происхождения так же точно, как земледельца характеризует земля, которую он обрабатывает. Если обширный регион имел плодородные земли и не был достаточно заселен, то он, конечно же, захватывался соседними народами. Затем наступало перенаселение и люди продвигались все дальше и дальше, удаляясь на безопасное расстояние, однако на наиболее бесплодные земли. Кто покинул Азию и Италию, основал поселения на земле готов, пока они обустроивались на новом месте, под огромным давлением сильной нужды? Мы не удивляемся ни бесконечному чуду египтян, народа более древнего, чем скифы, ни чуду греков, род которых древнее, чем римский. Этот вопрос с серьезной озабоченностью обсуждали древние, в чем можно убедиться, читая произведения Диодора, Юстиниана, Катона, Дионисия Галикарнасского. Те, кто заселил пустыни Аравии и Ливии или Эфиопии, хотя и были древнее, чем греки или римляне, никогда не вступали с ними в соперничество до тех пор, пока последние не взяли под свой контроль торговые пути в Азию и Европу. Доказательством этому может быть тот факт, что арабы и карфагеняне, вынужденные полагаться на силу своих армий, сразу же основали свои поселения в Азии и Европе. Лев Африканский написал, что халиф вавилонский удерживал арабов на занимаемой ими территории посредством религиозного страха до тех пор, пока приблизительно через 200 лет после Гира он сам не задумал поход для того, чтобы открыть путь своим бесчисленным армиям к Нилу и тем самым отомстить взбунтовавшимся правителям Африки. Есть еще один достаточно серьезный аргумент, который мог бы столь же убедительно опрокинуть позицию как эпикурейцев, так и тех, кто придерживается идеи о том, что есть народы-автохтоны; этот аргумент приведен Моисеем, и состоит он в том, что до сих пор существуют следы халдейского и еврейского языков, имеющих между собой много общего, следы, которые никогда не исче-

зали, но распространились во многие языки. Раньше существовало некоторое сходство между греческим и латинским языками, хотя греки и римляне, так же как и население регионов, на которые они распространили свою власть, использовали еврейские названия; примеров этому огромное множество. Часто для греков и римлян еврейские названия, которые они использовали, не имели никакого смысла, они не понимали их значения; это показывает, что первичное происхождение всех народов должно вести от народа, который был носителем этого языка и привнес его элементы почти во все языки. Можно считать доказанным, что из всех народов наиболее древними являются халдеи, армяне, египтяне, евреи, арабы (чьи языки имеют много общего с еврейским), финикийцы, ионийцы, азиаты, персы, индийцы, мидийцы и эфиопы. Несмотря на это, совершенно неприемлемым образом поступил египетский жрец, говоривший, насмехаясь, Солону, что греки кажутся ему сущими детьми, потому что у них нет истории, которую можно было бы считать древней. Еще меньше одобрения заслуживает насмешка иудея, который доказывал грекам, что Моисей-законодатель был старше, чем греческие боги, а у самих греков не имеется ничего более древнего, чем Данай и Кадм; один из них считается отцом народа, а другой дал грекам письменность, тогда как евреи в это время уже достигли расцвета, имея высочайшую репутацию доблестных дел в государствах халдеев и египтян, а значит они имеют более древнюю историю. Конечно, халдеи, египтяне и евреи являются более древними народами, чем греки, и они старше, чем все остальные народы, и это становится особенно ясно, если использовать три критерия, о которых я уже говорил, т. е. определить правдивость писателя, древность корней языка и месторасположение региона. Павсаний и Страбон говорят, что все греки были либо ионийцами, либо дорийцами, либо лидийцами. Ионийцы, конечно, являются выходцами из Азии, как мы считаем, опираясь на авторитет знаменитых писателей. Так Гекатей свидетельствовал на страницах Страбона, однако имеется еще одно, приведенное им же, доказательство, что первые жители Греции пришли из варварских районов. Нечто подобное написал и Плиний, когда утверждал, что река Меандр, которая орошает лучшую часть Средней Азии, некогда омывала Ионию. К тому же афиняне, которые древнее греков в своей славе, говорят, что были автохтонами и всеми назывались ионийцами. Но Павсаний и Страбон ошибались, называя Аттику Старой Ионией, потому что Азия была освоена этим народом раньше, откуда и пришло это имя. Хотя 12 владений афинян первенствовали в Азии, как написали Павсаний и Страбон, число их, о чем позднее написал Плиний, выросло даже до 19. Но это еще не доказывает, что афиняне старше, чем азиаты. Если следовать таким рассуждениям, тогда получится, что галлы являются более древними, чем греки и азиаты, а греки древнее, чем халдеи, так как греки неоднократно основывали и расширяли свои владения в Халдее, а галлы — в Азии и Греции. Особое положение занимают эллины, которые имеют ряд особенностей, потому что, как я думаю, они происходят от ионий-

цев, египтян и финикийцев. Все народы, как пишет Страбон, обитавшие выше Восточной Коринфии, исключая афинян и мегорийцев, назывались эллинами. Флот Даная пристал к берегу Ахеи, и этот самый человек распространил свое влияние на аргивян, известных среди эллинов. С другой стороны, он же основал свои владения на Пелопоннесе. Кадм Финикиец возглавил владения в Фивах, в Беотии. Эти дорийцы, однако, не отличались от эолийцев. Первое становится ясным из самого Пиндара, который назвал свое произведение, написанное в Дории, “Эолийская песня”. На монете новой чеканки правителю позволялось менять свое имя, но не происхождение. Однако если кто-либо захочет узнать, что является истоком каждого отдельного народа, населяющего Грецию, то Павсаний и Страбон объяснят это очень подробно. Углубление в подробности всего этого не для того, кто ставит своей задачей описать метод.

Совершенно точно, что греки прошли Азию, Египет, Финикию и впервые объединились только в Европе. Затем были присоединены владения в Италии; такие авторы, как Фабий, Катон, Пизон, Геллий, Семпроний, Варрон, и сам Дионисий Галикарнасский, часто ссылавшийся на авторитеты этих людей, оставили доказательства этому факту. Опираясь на это, мы можем опровергнуть ошибку тех, кто полагает, что Катон был автором лишь тех фрагментов, которые дошли до нас. Дионисий написал, что мнение Катона сводится к тому, что итальянцы должны происходить от греков; во фрагментах сочинений Катона, касающихся греков, последние обвиняются в бесстыдстве именно за то, что они утверждают, будто их праотцы были предками итальянцев. Более веским доказательством такого их происхождения, однако, является то, что природные условия в Италии, как и в соседней Греции, весьма привлекательны плодородием земель и мягкостью климата, а путь из Греции в Италию очень недолог. Немаловажным является и то, что в итальянском присутствуют элементы греческого языка.

Цезарь доказал, что приморские бритты произошли от гальветийских галлов, опираясь на следующие аргументы: во-первых, остров находится в близком соседстве с гальветами; во-вторых, британские города часто имеют те же или очень похожие названия, что и гальветийские; в третьих, он узнал эти факты от обитателей обоих регионов. Тацит также показал, что готии, от которых, как думают многие, произошли готы, в действительности имеют своими предками галлов. Он говорит: “Талльский язык доказывает, что готии являются германцами”. С другой стороны, греческий язык доказывает, что римляне и современные итальянцы произошли от греков. Кроме того, Цицерон сказал: “В царствование моего предка Сервия Туллия Пифагор пришел в Италию, которая позднее стала называться Великой Грецией”. Далее, по свидетельству итальянских авторов, дорическое наречие было общим почти для всех итальянцев; итальянские города и области также в большей части носят греческие названия, к таковым относятся Лукания, Умбрия, Кумы¹¹, Элея¹², Пандосия¹³, Пандатария¹⁴, Неаполь и

Певкетия¹⁵. Изменения в языке происходят главным образом по трем причинам (я пренебрегаю мнением Моисея, считавшего, что это произошло одновременно, а не постепенно). Первая: неизбежен ход времени, под влиянием которого не только языки, но и все вещи изменяются и природа любых вещей стареет. По этому поводу Полибий написал, что менее чем через 50 лет, минувших со времени подписания союзного договора между карфагенянами и римлянами, слова текста, который он сам назвал древним, могли уже понимать с большим трудом. Действительно, песни, которые исполнялись в соответствии с древними обрядами, понимались лишь несколькими людьми. Итак, мы видим, что все языки всех народов изменяются в ту или иную сторону. Другой причиной является слияние народов в результате многочисленных переселений. В качестве доказательства мы можем привести Италию и Грецию, которые за столько веков смогли сохранить чистоту греческой и латинской речи и распространили эти языки по всему миру, но после вторжения в эти регионы варваров произошли такие изменения, что, казалось, Латий и Аттика уже не смогут удержаться на прежних местах. Переселенцы в Этрурии, которые находились под управлением галлов в Италии, и галлы, которые обитали в пустынной Германии, развили третий тип речи, который отличался от первых двух. Поселения бретонцев, основанные в Британии и поселения саксонцев, основанные в Бельгии при правлении Карла Великого, а также поселения, основанные галлами в Саксонии, также дали различные диалекты этих двух языков. С другой стороны, парфяне повлияли на изменения в персидском языке, арабы — в пуническом, турки — в татарском, славяне — в греческом, римляне — в галльской и испанской речи. Наконец, третья причина изменения языков зависит от самой природы места; для всех людей, которые живут в северных районах, является характерным произносить слова с сильным ударением, резко, без гласных звуков, на выдохе, идущем из верхней внутренней части грудной клетки, и с многочисленными придыханиями. Это происходит за счет большой силы их дыхания, внутреннего тепла и торопливости. Саксонцы и те, кто живет недалеко от Балтийского моря, почти всегда произносят звуки средней тональности и со средним придыханием. Южане, которые подвержены внешнему теплу, имеют слабое дыхание и слова произносят мягко, даже более мягко, чем женщины, которые имеют более слабое дыхание, чем мужчины, и еще менее внутреннего тепла. Я не буду останавливаться на обсуждении природных особенностей каждого района, которые влияют на изменения голоса и языка.

Мне кажется достаточно важным то, что наличие схожих выражений в нашем языке и в греческом, изящное использование инфинитивов и артиклей достаточно ясно показывают, что галлы ведут свое происхождение от троянцев, или от греков, или от тех и других вместе, потому что оба эти народа использовали ионический язык. Аммиан Марцелин в книге XV написал, что он читал летописи галлов, разговаривал с местными жителями и узнал, что корни галлов уходят к троянцам, хотя

рассказывали, что они происходят от дорийцев. Я думаю, упоминания об этом есть у Гомера. Кроме того, ясно, что венецианцы, кельты происходят от венетов пафлагонийских. Действительно в книге III Страбон устанавливает происхождение народа, который контролировал Адриатическое побережье, от венетов кельтских; хотя Ливий думал иначе. Аппиан устанавливает их происхождение от Кельта, сына Полифема, но это так же глупо, как и то, что наши современники устанавливают происхождение франков от Франкино, сына Гора, личности мифологической. Еще более нелепыми являются слова Лация, который утверждает их происхождение от галатеан, хотя название “галатеане” никогда не использовалось древними. Слово “кельт” многие переводят как “всадник”. Галлы, населяющие умеренные климатические районы Европы, были названы первыми кельтами, потому что среди всех народов они были наиболее способными наездниками. Правда и то, что древние восхваляли и мавров, потому что те были весьма искусны в верховой езде и одержали знаменитую победу под руководством Ганнибала над римлянами, главная сила которых, как писал Цезарь, заключалась в пехоте. Еще более выдающейся была кавалерия галлов, что Цезарь успешно использовал в гражданских войнах. Гирций сказал: “Невероятные вещи происходили во время африканских войн; менее 30 галльских всадников положили в борьбе 2000 воинов мавров”. Он же сказал об испанцах: “С большой силой афронийцы атаковали несколько отрядов Цезаря. Быстрые галльские всадники начали наступление, и вскоре битва была завершена. Всего несколько человек отбили атаку многочисленного войска противника”. Кроме того, в “Жизнеописании Антония” Плутарх свидетельствует, что, когда армии Антония были взяты в кольцо, парфяне держали оборону и не могли быть сломлены никакой другой силой, кроме галльской кавалерии. Этот отрывок был передан мне Кристофером Аугером, моим другом и знатоком истории и права. Не менее убедительным является также утверждение Плиния, что Гиппоредия, город галльской Тогаты, была так названа по имени лучшей из выдрессированных лошадей. Цезарь, разделив народ на три класса — жрецы, всадники и крестьяне, предназначил военные занятия всадникам. Так как многие спорили о происхождении слова “кельт”, то Цезарь написал, что те, кто живет между реками Сена и Гаронна, правдиво и по справедливости названы кельтами. Теперь заметим, что все народы для других являются иноземцами и часто получают названия, отличные от своих собственных. Так, например, скотты не любили англичан, саксонцев, впрочем, не любили они и тех, кого мы называем турками. Полагая, что эти названия слишком громко звучат, они называли всех сарацинами, но такое название невозможно было услышать ни в Азии, ни в Африке. Даже несмотря на сходство языка, происхождения, рождения, на неоднократные переселения, греки всегда называли наших предков кельтами, причем как на своем собственном, так и на кельтском языке. Откуда пришло название “галлы” и что оно означает, насколько я знаю, никто объяснить точно не может. Итак, в те дни кель-

ты жили между Сеной и Гаронной, а галлы жили за Сеной. Но Страбон ограничивал территорию кельтов Пиренеями, Альпами и Рейном, а также обоими морями. Лаций, Пойтингер, Альтомер, Ксиландер¹⁶ не были правы в своем стремлении использовать название “кельты” для всех народов Германии и Галлии. Они находились под влиянием Геродота, который сам раньше это опровергал. Они расположили их на юге недалеко от течения Истры (истоки которой, как он полагал, находятся за Пиренеями). Существует ли большее недоразумение с географическими знаниями, чем это? Но если название “кельты” правильно применялось ко всем германцам, то почему Страбон, опираясь на мнения древних, разделил мир на четыре части, поместив индийцев на востоке, кельтов на западе, эфиопов на юге, скифов на севере? Галлы располагались на землях отдаленного западного региона, но германцы — это восток Галлии. В другом отрывке Страбон расположил кельтов и иберийцев на западе, а норманнов и скифов на севере. За галлами в Германии размещались германцы, а также Италия, Британия, Греция, Средняя Азия и даже отдаленная Скифия со своими владениями, обустроенными городами, возделанными полями, утвержденными законами. Они имели столь высокую репутацию среди народов, что все народы Европы гордились тем, что слава и великолепие их рода берут свое начало от кельтов, так как через них они искали свои корни у троянцев. Плутарх в “Жизнеописании Мария” назвал все земли Европы преклоненными перед Северной и Западной Кельтией. Греки, конечно, сами процветали в известности славных и героических дел, но и они искали примеры храбрости у кельтов. В этом можно убедиться, открыв страницы книг Аристотеля “Этика” и “Политика”. То же самое мы встретим на страницах книги “Разные истории” Элия. Каково мнение германских писателей? Выберем, конечно, Пойтингера и Нойенара (всех остальных я опускаю), которые называли себя кельтскими именами, позаимствовав их у наших предков. В то же время они поносили с презрением Галлию и принижали все ее победы настолько, насколько могли. Эти два человека более занимались чистой наукой, хотя древние писатели открыто противоречили их мнениям, а Лаций пошел еще дальше и отверг полностью их [Пойтингера и Нойенара] суждения. Хорошо, Лаций! Благодаря тебе мы можем доказать, что упреки галльскому имени, оскверненному нашими современниками, несправедливы, потому что германцы и галлы уважали друг друга, как братья по крови (как правдиво написал Страбон), а значит, и сегодня они могут объединиться в вечном союзе и дружбе. Лишь некоторые из наших современников сомневаются, действительно ли наши предки произошли от германцев, но большинство берет за основу работы Полибия, Цезаря, Ливия, Плиния, Страбона, Плутарха, Афиней, Иосифа, Тацита, Юстина, Бероза, Павсания и Диодора. Согласно словам и книгам столь многих людей, величие обоих народов оценено и ни германцы, ни галлы не должны бы завидовать происхождению друг друга. Факт, что Геродот, а затем и Диодор расширили кельтские границы в Скифии на запад, потом Плутарх довел

их до Понта, показав достаточно ясно, что кельтам удалось повсюду распространить свое племя и наполнить всю Европу своими многочисленными поселениями. Главным показателем их первичного расселения является то, что они расширили свои границы и дали вразумительные названия покоренным народам, следы чего довольно ясно можно проследить у их потомков, это наблюдается почти у всех народов; затем от кельтов произошли кельто-скифы. Кельтиберы, которых Ливий назвал силой Испании, имеют свои корни в древнем народе галлов, даже в их имени соединены кельтские и испанские корни. То, что Цезарь написал о галлах в книге IV, Валерий в книге II подтверждает на примере кельтиберов. Пропустить сражение было для них почти грехом, особенно когда опасности подвергался человек, от которого зависела их жизнь. От них произошла та ветвь кельтов, которых римляне называли галлами, а греки — галлатами. Во Фракии, где галлы правили долгое время, как пишет Полибий, а также в Византии и Сирии, чьи земли они занимали не так долго, их следов почти не осталось, так как они не изменяли уже имеющиеся названия завоеванных территорий.

Город Ольвия принадлежал тектосагам, под его властью находились еще пять наиболее известных городов, как это можно понять из произведений Плиния и Страбона; первый — Бетиния, второй — Памфилия, третий — Киликия, четвертый — Кельтоскифия, пятый, располагавшийся на этой стороне Рейна, назывался Толбиак. Это, однако, является доказательством того, что четыре города в Азии были основаны альбигойскими тектосагами, а не того, что тектосаги захватили весь регион Азии наиболее плодородный из всех, как свидетельствуют Помпей и Ливий. Вероятно, что остров Альбион, который позднее был назван Британией, ведет свое название из этих корней. Но Лаций считает, что основы названий все-таки взяты у галлов или кельтов (тех, кого Полибий называл кельтами, Ливий повсюду называл галлами) народами, населяющими Германию. Но что по этому поводу говорит Цезарь? Он не был галлом или германцем, но считался сильнейшим врагом галлов; он говорит: “В действительности это было время, когда галлы превзошли всех германцев в доблести и постоянной готовности к войне. Под давлением все более возрастающего населения и недостатка земли они основывали колонии на противоположном берегу Рейна, однако тектосаги захватили эти области Германии вокруг Герцинского леса, земли, считавшиеся наиболее плодородными, и установили там свой порядок”. Цезарь описал эти вещи, а Тацит подтвердил их; даже Ливий согласился с тем, что Амбигат, король кельтов, посадил Беловеза и Сеговеза, сыновей своих сестер, на землях, которые можно назвать местом пребывания богов, потому что в этих владениях галлы стали столь многочисленны, что их изобильное множество представляло уже опасность для власти. Сеговезу была отдана горная страна Герциния, Беловез получил Италию. Павсаний также написал, что кельты вторглись в Пannonию и Грецию и поэтому Альпы были названы кельтскими. Афиней в книге V написал, что кельты, которые переместились в Грецию, рас-

ширили свои поселения и на земли Паннонии. Страбон ясно подтвердил это в книге V, Плиний в книге VI, наконец, Полибий в II книге написал, что бойи, экулы, сеноны и алманы переселились из Галлии в Германию, а в III книге он свидетельствует, что кельты под предводительством брэннов проникли во Фракию и основали там королевство, что случилось уже во времена Клиария. Поэтому Реан справедливо осмелел тех германских писателей, которые думают, что имена Бренн и Зенон пришли от германцев. Полидор Вергилий утверждал, что Бренн был бритом, о чем до него никто не отваживался написать. Лаций достоин этого же упрека, ибо он написал, что конбри вступили вместе с брэннами в Италию и Грецию. Именно этот автор был первым, кто рассказал о боиариях, которые, как хорошо известно, по происхождению были галлами, переселившимися из Армении в Германию. Ливий в книге XVII допустил предположение, что галлы (он не называет их ни кинбрами, ни германцами, ни туссками, потому что всегда отличал всех их от галлов), населявшие Италию, Иллирию, Паннонию, Грецию, Македонию, Фракию, Азию и покрывшие своими поселениями также весь район на этой стороне гор Таурис и реки Гелис, обязали правителей Сирии платить себе дань. Когда Ливий писал о германцах, то всегда употреблял их подлинное¹⁷ имя, как и Иосиф в обращении Агриппы к иудеям, и Посидоний в работе Афиняя, который показал разницу между названиями германцев и кельтов, описывая пир кельтов и пир германцев. Сейчас Юстин ясно установил от Трга Помпея, что памятное переселение галлов произошло во времена Тарквиния Приска, после чего они управляли четырьмя этрусскими племенами и захватили большую и лучшую часть Италии, но тусски пришли в Ретию и Вандалию из Верхней Германии. В это время, продвигаясь с другой стороны, Беловез занял наиболее плодородную часть Нижней Германии, в этом мы полагаемся на авторитет Ливия. Из этого следует, что Германия не имела своих коренных жителей; это не совпадает с мнением, согласно которому жители севера, которые по силе и храбрости превосходили южан, могли допустить итальянцев и галлов, продвижению которых препятствовали широкая пойма Рейна или вершины Альп. Исходя из этих соображений, я делаю вывод, что тусски располагались южнее западных германцев. Но нелеп довод, что они произошли от Геркулеса или Тусска, сына Геркулеса.

Тацит показывает, что германцы родились в Германии (утверждение безусловно глупое и нечестивое), на основании самого описания Германии. “Тот, кто хотел изменить свое местожительство, — говорит он, — поднимал паруса своего флота и отправлял в океан несколько кораблей. Но тот, кто преодолевал в себе страх перед опасностью устрашающего и неизвестного моря, мог достичь Азии или Италии, покинув навсегда Германию с ее пустынями, суровым климатом, варварской культурой и внешностью ее обитателей, и кто был на это способен, если не рожденные в этой же земле?” И немного позднее: “Хорошо известно, что население германских городов малочисленно. Они даже не

допускают скученности домов, а живут в уединенных жилищах, где роща, поле или река отгораживает одних от других. Каждый человек имеет участок земли вокруг своего дома, защищенного от опасности огня или наводнения. Действительно, среди них неизвестно использование глины или черепицы; для хозяйственных целей они используют грубый материал и не берут в расчет соображения красоты внешнего вида или привлекательности". Так как Тацит писал в свое время, а именно в 120 г. до Рождества Христова, то Германия показалась ему скорее пристанищем диких зверей, чем местожительством людей, — без городов, поселений, рынков, без связанных между собой построек, тем более мы можем себе представить, что было тогда, когда царствовал Тарквиний Приск, а это было за 800 лет до Тацита. Но в отношении этого времени Ливий написал, что галлы были таким плодовитым народом, что смогли основать четыре поселения как в Германии, так и в других частях Европы. Кроме того, он пишет, что никогда галлы или кельты не происходили от германцев, которых вообще не существовало в то время, напротив, германцы ведут свое происхождение от галлов, туссков, скифов и венетов. Если же ты хочешь знать мое мнение о происхождении франков, то я согласен с Григорием Турским или аббатом Урспергским, полагавшими, что еще до вторжения галлов они вели свой род от троянцев или от фригийцев, как пишет наш Дю Белле, или от кимбров и фризов, как считал Лаций. Я веду их происхождение от жителей Восточной Франконии, что за Рейном, рядом с Галлатией, где, как сказал Цезарь, находятся наиболее плодородные земли Германии, окруженные Герцинским лесом, земли, позднее заселенные галлами. Сейчас этот район называется Шварцвальд, т. е. "черный лес", и охватывает земли близ истоков Дуная, Неккара и Майна. То, что сейчас называют Германской Вестфалией, есть Западная Галлия, и регион этот находится между западным Рейном и границами Франконии и Сикамбрии на востоке. Достаточно хорошо понятно, что нечто похожее произошло и с Эстфалией, т. е. это земли Восточной Галлии, некогда захваченные галлами. Не знаю, почему Лация не удовлетворили все эти аргументы. Таковы были истоки франков.

Ясно, что само имя является кельтским, но оно использовалось германцами, как я узнал от них самих. Кроме того, что касается слова "франки", то подобное слово есть в галльском языке (нет в латинском или греческом и не прослеживается в еврейском), и означает оно "независимый" или "свободный". Из этого со всей очевидностью следует, что народ Галлии не испытывал угнетения со стороны римлян; переселяясь, галлы пересекли Рейн, достигнув старых поселений галлов, а затем снова вернулись в свое отечество, как только смогли избавиться от власти римлян. Тогда-то они и получили название "франки", что означает "свободные люди". В доказательство можно привести тот факт, что Тацит, перечисляя бесчисленные народы Германии, не упоминает франков. Франки наводнили Галлию, двигаясь от прирейнских земель, соседствующих с землями галлов, т. е. из Франконии (как писали Аммиан,

Агафий, Вописк, Прокопий), и было это во времена правления Аврелия. И они так многого достигли силой армий, что почти завоевали безграничные владения римлян. В дальнейшем они удерживали власть при помощи римлян над гуннами, затем объединились с готами и, наконец, управляли самими готами из владений галлов. Когда местные правители были выгнаны, то франки своей службой усилили бургундов, затем — алеманов, но после поражения у Толбиака при переходе Рейна они установили и узаконили свою власть в Ретии, Вендалии, позднее — в Швабии, Паннонии и Саксонии. Последним доказательством того, что германцы происходят от галлов, а не галлы от германцев, является язык. Это следует из текстов как германских писателей, так и древнеримских, поскольку у нас сохранился словарный багаж, который является наиболее важным доказательством происхождения. Римляне были наследниками греков, и греческие слова наполняют латинский язык, но это еще не выявляет истории происхождения слов, однако происхождение галльского языка также является греческим в противоположность тому, что пишут некоторые мои современники. Греческий является духовной основой галльского, мы имеем много черт греческого, почти бесчисленное множество вкраплений, при этом напомним, что даже кельтский язык очень отличался от греческого, о чем свидетельствует Лаций, ссылаясь на то, что писал Цезарь: “Галлы в общественных и личных актах использовали греческие буквы, гельветийские цифры, которым обучались вне дома для того, чтобы читать греческие тексты”. Это подтверждает мысль о том, что германцы использовали в повседневной речи латинский язык, поскольку они использовали латинские буквы в общественных и личных записях. Цезарь писал письма своему лейтенанту на греческом языке, чтобы они не могли быть поняты врагом, если будут перехвачены. Кроме того, он мог общаться с Дивитиаком Авдием только через переводчика. Это является доказательством того, что Дивитиак пренебрегал греческим языком, которым Цезарь владел в совершенстве. Массалийцы, конечно, говорили на греческом языке, как можно понять из написанного Страбоном, когда они были еще самостоятельным народом и поселения фокийцев еще не были смешанны с галлами. Это заслуживает доверия еще и потому, что жрецы всегда священнодействовали на греческом языке, поскольку, как написал Цезарь, они были хорошо осведомлены в отношении религии и культа греков. Лукиан пишет, что он слышал, что галлы действительно опытни в греческом и вели обсуждение знаменитого статута кельта Геркулеса. Язык германцев также очень сильно отличается от кельтского, хотя Лаций ошибочно считал, что кельтский и германский языки одинаковы. Почему Тацит считал, что готинии являются предками галлов, а не германцев, только из-за того, что готинии использовали галльский язык? Почему святой Иероним пишет, что галлатиане Средней Азии говорили на том же языке, что и треверы (которых Тацит называл галлами), но германцы его не знали? Почему, наконец, Апиовестий, германец, научился говорить по-галльски лишь благодаря 14-лет-

ней практике, полученной когда он жил в Галлии? Кельтский язык, как и галльский, можно сравнить с германским с большим трудом. Мы же можем обнаружить в наших собственных исконных местных названиях немало доказательств влияния греческого языка, что наши авторы дружно отрицают. Аргументы на этот счет мне привел секретарь короля Жером Шандьюи, известный не менее своей эрудицией, чем знатностью своего происхождения. При занятиях историей названий каждый человек может исследовать многие вещи в соответствии со своими возможностями и способностями. Из точной истории местных названий могут быть сделаны правдивые и мудрые выводы о происхождении населения этих мест. Более того, кельтский язык почти соотносился с обыденной речью римлян в их многочисленных провинциях, особенно в Галлии Нарбонской и Аквитании. Лион являлся провинцией Рима, так же как и Валенсия, Ним, Гренобль, Арль. Кроме того, за время, пока легионы римлян стояли гарнизонами в Галлии, мы, конечно, полностью забыли язык праотцов и переняли латынь. Но в Германии у римлян почти не было владений, исключая Аугсбург и Констанс. Из этого факта следует, что немцы сохранили больше национальных черт, чем мы, особенно что касается кельтского языка, но они обогатили и нас благодаря переселенцам и многочисленным торговым связям. Ряд названий, как я предполагаю, пришли с переселением народов из древнекельтского языка в германский. Но германцы восприняли от нас слово “бург”, потому что у них города появились довольно поздно, это слово точно есть в греческом; слова “вилла” и “каструм” мы узнали от римлян; “берг” — старинное латинское слово, которое означает “гора”. При помощи слова “берг” германцы составили названия городов и крепостей, расположенных в горах, например Бамберг, Хильдельберг, Кларенберг. Примеры подобного рода можно множить до бесконечности, и каждый человек способен сам подобрать их в соответствии со своим чувством меры, потребностью и талантом. Даже тех примеров, касающихся происхождения слов, которые имеются у Афиняя, Павсания, Цезаря, Плиния и Диодора, достаточно для того, чтобы понять, что германский язык большей частью имеет чисто кельтские корни. Если же действительно правда, что своим происхождением, силой, законами и, наконец, своей культурой мы обязаны галлам, то Лаций серьезно заблуждался, когда думал, что наши предки произошли от германцев.

Корни только одного народа, единственного избранного Богом, объяснены в Святом Писании, но другого такого народа нет. Эти корни могут быть прослежены от рода самого Израиля, от которого, как было установлено талмудистами, вели свое происхождение 12 родов. Затем возьмем арабов, которые полностью, подобно евреям, сохранили свою древнюю историю. И как можно понять из сочинения Льва Африканского, эти народы отличаются древностью своего происхождения и названиями. Однако я думаю, что важным фактом является и то, что все народы в течение долгого времени были перемешаны в многочисленных переселениях, в бесперывных войнах, пленениях и скитаниях,

при этом никто, кроме евреев, не смог уберечь себя от смешения с другими народами. Это очевидно, если вспомнить, что вандалы и готы имели владения вплоть до дальних берегов севера Африки, арабы — в Персии, Сирии, Африке, Италии и Испании, испанцы — в Америке и Индии, галлы и итальянцы — в Азии и даже в Скифии. Есть четыре причины образования поселений. Зачастую местные жители изгоняются превосходящей силой врага и ищут другие места обитания. Так, например, троянцы после разгрома их города ушли в римские земли; этруски, которых также называли тусски, выбитые из Италии галлами, обосновали поселения в Ретии, откуда и происходит самое раннее название германцев. Далее, египтяне под предводительством их правителя Данаа пришли на поселение в Грецию; норманны — во Францию; бритты, вытесненные англами, прибились к Кельтскому побережью; население Фокии, не вынеся тирании наместника персидского шаха, пишет Юстин, перенесло свое местопребывание в Кельтию, где оно и образовало самое процветающее государство из всех, которые тогда существовали, как свидетельствует Тулий. Хананеи, вытесненные евреями из благодатной Палестины, отошли в Иллирию и Паннонию, как написал в конце своего комментария раввин Кимхи. Вандалы, теснимые армиями франков, последовали в Испанию, выгнанные оттуда готами, они переселились в Африку. Не так давно родосцы, потерпев поражение от турок, переселились на Крит. На страницах сочинений Павсания и Страбона имеется бесконечное множество примеров подобных переселений.

Другими причинами образования новых поселений являются возникший из-за перенаселения недостаток пахотной земли и неблагоприятный климат. В 570 г. Милет отправил людей в различных направлениях, о чем пишет Сенека в сочинении “На утешение Гельветии”. Он говорит: “Толпы афинян появились в Азии”. Все побережье Италии, омываемое нижним морем, считалось Великой Грецией. В Азии закрепились за собой земли тусски; тирийцы заселили Африку, в Испанию явились карфагеняне; греки поселились в Галлии; галлы — в Греции; Пиренеи не помешали продвижению германцев. Все эти народы, измотанные бесконечными скитаниями, говорит Сенека, из-за большой усталости не отбирали мудро и осмотрительно неосвоенные участки земли, но захватывали чужие, силой своих армий добывая себе владения в чужих землях, оставив другим руины своих городов, где их соплеменники могли расходовать излишки своих сил. Внутренняя борьба успокоила многих, но многих гнали вперед чрезмерный прирост населения, или суровые климатические условия, или частые землетрясения, или истощенность почвы и неплодородные почвы. В поисках мест для новых поселений некоторых останавливает нехватка припасов, взятых в дорогу; других поглощает море, прекращая их поиски неизвестного; и лишь немногие оставшиеся (как сказал Сенека, и разве это нуждалось в подтверждении мнением Антинора?) основали, например, Падую как новое государство на берегах Тибра. Сколько поселений основал римский на-

род в своих провинциях? Римляне жили повсюду, и в своем беспрестанном скитании они произвольно давали названия различным местам; ты точно обнаружишь какое-нибудь римское название в землях, обрабатываемых совсем другим народом. В конце концов Сенека делает такой вывод: очевидно, что никто не остался жить в тех местах, где был рожден. Эти переселения человеческой расы являются постоянными, ежедневно закладываются основы новых городов, из прежних имен возникают новые названия народов, которые вымирают или смешиваются с другими. По моим наблюдениям, скифы почти всегда устремляются со своими бесчисленными легионами с севера в средние районы. Кинбры и разрозненные группы их потомков — убиев, тунгров, вандалов, сикамбриев, саксонцев, готов, лангобардов, пиктонов и норманов, Олаф присоединил к ним даже аланов, герулов, ругий и свессов, которых сейчас называют шведами, — все они наводнили Европу, двигаясь из Скандинавии. Кроме того, Прокопий и Крантц оставили свидетельства, что славы из той же Скандинавии ворвались в Паннонию во времена Юстиниана; потом этот народ наводнил всю Европу, принеся свой язык и названия. Я слышал, что поляки, богемцы, литовцы, далматии, москвиты, боснийцы, болгары, сербы и вандалы говорили на этом языке славов, принесенном ими из Скандинавии и отличающемся только в диалектах. И лишь парфяне, турки и татары ведут свое начало от азиатских народов Скифии.

Еще одной причиной переселений является стремление иметь подвластные земли; римляне использовали для этого свою власть очень умело. Их государство было свободным от внутренних мятежей, поэтому они могли удерживать в покорности и повиновении завоеванные народы. Это является одной из причин, почему они распространяли свою империю вдоль и вширь. Генуэзцы подчинили себе владения, которые назывались Кафа; венецианцы основали четыре поселения на островах вблизи Испании, Америки и Индии. Надо назвать и следующую причину создания поселений, которая состоит в необходимости применения против какого-либо народа карательных мер, так, например, провинившиеся десять родов были отправлены в Халдею и провели там девять лет; позднее потомки этих десяти родов были разбросаны по всей Азии. Семь иудеев получили позволение возвратиться в отечество. Через 600 лет после этого они снова попали под власть римлян и были рассеяны по всему миру — от дальних бережей Европы и Скифии до Африки и по всей Азии. Это служит примером того, как народы перемешиваются в бесчисленных переселениях, поэтому один народ оказывается разбросанным в Халдее, Парфии, Индии, Галлии, Греции, Италии, Испании, Германии и Африке. Что до римлян? Они благодаря своим армиям и легионам раскинули свои поселения от юга до Скифии, от Британии до Персии. Затем уже перемешанные народы Италии вновь смешались с аркадийцами, троянцами, сикамбриями, галлами, греками, готами, гуннами, вандалами, герулами, лангобардами, карфагенянами и норманнами. Мы видим, что благодаря вмешательству высшего прови-

дения не произошло лишь смешения евреев ни с каким другим народом; они сохранили свою древность. Но полновластный правитель Эфиопии установил, что этот народ отличается великолепием своего рода, и назвал себя и своих родственников израильянами. Еще более примечательна точка зрения, заключающаяся в том, что этот народ является носителем той религии, которая принимается во всем мире. Поскольку мы видим, что даже такой народ разбросан по всей Земле, то что мы должны думать о других народах? Плодовитость природы такова, что за короткое время мы можем наблюдать бесконечное число наследников от рода одного человека. Юстин привел слова из сочинения Трога Помпея, где говорится, что правитель парфян родил 600 сыновей. Потомки Иакова выросли в бесчисленную армию за 2000 лет. Один отряд турок, который персы выставили против арабов, вырос в такой многочисленный народ, что арабы, тщетно пытавшиеся управлять ими, принесли наконец им свой скипетр и власть. Далее, переселение татар под предводительством Тамерлана в Среднюю Азию перемешало роды турок и азиатов.

Почему я берусь разбирать то, что может показаться второстепенным для потомков, а именно слияние киркассиан с египтянами, испанцев с американцами, португальцев с индейцами или отношения готов и вандалов с испанцами и африканцами? Из этих иллюстраций понятно, что за долгое время все народы так перемешались в постоянных миграциях и многочисленных колониальных поселениях, равно как и в войнах, пленениях, что никто не может похвастаться древностью своего происхождения или древним возрастом своего народа, за исключением евреев. Те правители, которые прослеживают достоинства своего рода от древних времен или надеются, что он существовал вечно, заблуждаются; род Гераклитов, наиболее известный среди греков, как и род Юлиана среди римлян, не старше 1200 лет. Последние патрицианские семьи — Сервии, Корнелии, Фабии, Эмилии, Курции, Клавдии — едва насчитывали 800 лет. Кроме того, Цезарю было необходимо внести в списки патрициев новых людей и тех, кто происходил главным образом из семей служащих. Дарий процветал 600 лет, Аршакиды — около 600 лет, Оттоманы — 300. Испанские правители переняли высшую степень знатности от готов, которые, по всеобщему мнению, считаются варварами. Дом правителей Австрии формировался из родов Италии, Испании и Германии. Он управлялся графами Габсбургами, прославившимися великолепием своего рода. Они полностью пренебрегали всем, что касалось истории их рода до Рудольфа, отца Альберта, жившего приблизительно 300 лет назад. Самый древний Саксонский дом не может обнаружить следов своей древности раньше, чем 600 лет тому назад, т. е. до Оттона, сына Генриха Птицелова. Род Меровингов, который заложил основы империи, существовал 400 лет; род Карла Великого начал угасать с Карла Лотарингского, просуществовав всего 200 лет. Сейчас правят Капетинги, происходящие от Видукинда Саксонского; начав править в Галлии и приняв христианство, он уподобился Карлу

Великому и создал графство Анжу. Или, как думают другие, род этот ведет свое происхождение от Отгона, брата Видукинда, род которого более отличившийся в славных делах и наиболее древний из всех сейчас существующих в Европе. Роду Видукинда не менее 800 лет; правители норманнов и англосаксов являются предками Генриха I, Анжуйская династия — рода Ричарда III, линия Генриха VII переходит к Эдуарду VI; у Ланкастеров и Йорков не осталось наследников по мужской линии. Самая ранняя ветвь королей династии Вельгельма пресеклась на Стефане, Арагонской династии — на Фердинанде; шведов, датчан и норвежцев — на Маргарите, дочери Вальдемара, затем перейдем к правителям Швеции. Отец Густава, начавший как простой гражданин, не так давно установил свою власть в Швеции и является не последним в управлении Паннонией, где правил род Штауфенов, которому наследовал Карл Анжуйский, король Неаполитании. Затем наследниками являлись Отгон Баварский, Сигизмунд Люксембургский, чью линию наследовал М. Корвин, став первым и последним, но его род тоже называли королевским. Да и польский король может проследить свои корни не дальше чем до Пяста, крестьянина, чьи потомки потом весьма дурно правили в течение 600 лет. Ягеллоны, из герцогов Литовских, наследовали им, но они не могли даже сравниться с родом Пяста ни по древности, ни по славным делам. Венецианцы, правда, пытались перенести на себя славу всей Италии; наиболее выдающиеся из них даже прослеживали своих предков раньше, чем за 700 лет. Следующими после них являются потомки римской знати, к которой ни д'Эсте, ни Гонзага никак и никогда не могли относиться. Слава Медичи также не в древности рода, но в доблести. Это является достаточным доказательством того, почему патриции всех городов Италии, процветающих при народном правлении, так часто имеют кровавую историю и нередко покидают город, бросая свою собственность. В Галлии и Испании наиболее древним родом из всех, как представляется, является род Левита, который начинается от Левития, поэтому правители абиссинцев и израильтян называются нобилиями. Они точно определили источник происхождения своего собственного народа, поэтому Альварес не вносит никаких дополнений. Итак, только евреи превосходят другие народы своей древностью, никто, кроме них, не может проследить древние корни своего рода. Все, перемешанные вместе, укрепляют ствол, но отвергают ответвления. Правда, что священный народ, который утверджен в возвышенной славе знатности со времен Арона и процветал 2300 лет, вымирает в бедствиях в землях готов и вандалов, не посягая на священную месть.

ГЛАВА X

РАСПОЛОЖЕНИЕ И ОТБОР ИСТОРИКОВ

Следует начинать с самых кратких хроник, например с работ Буллингера, Лютера и им подобных. Затем приступить к таким хроникам, как сочинения Функа, Фригио и Евсевия. Далее мы перейдем к историкам, рассматривающим материал более подробно, многоречиво, таким, как Карион, Меланхтон, Пойтингер. Наконец, обратимся к законченным полным историям каждого периода, где охватываются все темы или темы, наиболее известные.

Писатели универсальной истории

Моисей

“Книга начал” охватывает историю мира на протяжении 2450 лет — от Сотворения мира до Исхода иудеев из Египта в Палестину.

Бероз Халдей

Фрагменты “Всеобщей истории”, как они называются, от Сотворения мира до 3130 г. существования этого мира. Он закончил свою книгу правлением Сарданапала.

Геродот Галикарнасский

Девять книг, охватывающих дела греков, египтян, мидийцев, персов и лидийцев от 3210 г. от Сотворения до 3500 г.

Полибий Мегаполитанин

Охватывает дела греков, римлян, карфагенян от времен Клеомена и Пирра, правителей Эпира, до войны римлян с ахейцами и Филиппом, правителем Македонии: от Сотворения до 3766 г. Из 40 книг до нас дошли первые 5 и конспекты следующих 15.

Трог Помпей

В конспекте Юстина, оставил 44 книги, сжато охватывающие дела почти всех народов от Нина до Цезаря Августа.

Диодор Сицилийский

Библиотека всеобщей истории, главным образом, прославленных народов, от ранней истории египтян до Цезаря в 40 книгах и 15 продолжениях.

Филон Иудей

Две книги, охватывающие события от Сотворения до времени Тиберия.

Евсевий

Хроника от Сотворения до года 300-го от Рождества Христова. Иеремия прибавил 50 лет, Проспер Аквитанский — 60 лет, Пальмьери Флорентийский — 1040, Пальмьери Пизанский — 30.

Юлий Африканский

Охватил события от Сотворения до года 320-го от Рождества Христова (использовал сочинения Евсевия).

Беда Англ

Хроника от Сотворения до 550 г. от Рождества Христова.

Адо Вьенский

Охватывает шесть веков мира от Сотворения до 900 г. от Рождества Христова.

Хелманд

Хроника от Сотворения мира до его собственного времени.

Герман Конрад

О шести веках, предшествовавших его собственному времени.

Мариан Фульдийский

Хроника от Сотворения до его собственного времени.

Зонара

Составленная история от Сотворения до 117 года Христова, делится на три части: часть 1 — о евреях, часть 2 — о греках, часть 3 — о римлянах.

Сигиберт Галл

Хроника от 381 г. от Рождества Христова до 1113 г., с приложением неизвестного автора до 1216 г.

Аббат Урспергский

Хроника от Сотворения мира до императора Фридриха II.

Винцент из Бовэ

История от Сотворения мира до 1250 г. от Рождества Христова.

Антонин, архиепископ Флорентийский

Составленная история от Сотворения до 1470 г. от Рождества Христова.

Отдельный обзор времен неизвестного автора.

Антоний Коккий Сабелий

II энеида истории от Сотворения и Конспекты Гаспара Гейда.

Донатто Боссо Миланский

История от Сотворения до 1489 г. от Рождества Христова.

Иоханн Науклер из Тюбенгена

Хроника от Сотворения до 1500 г. от Рождества Христова.

Филипп Бергамский

История от Сотворения до 1503 г. от Рождества Христова.

Мартин Лютер Саксонский

Последовательность мирового времени до его собственного времени.

Ахиллес Газер

Конспект хроник мира от Сотворения до года 1530-го от Рождества Христова.

Павел Констант Фригио

Три книги хроник от Сотворения до 1523 г.

Иоханн Карион Любекский

Три книги хроник от Сотворения до года 1530-го от Рождества Христова, к которым прибавлено приложение до 1555 г.

Филипп Меланхтон

Хроника, состоящая из трех книг, охватывает большой период от самого Кариона до эпохи Карла Великого.

Каспар Пейцер

Хроника от Карла Великого, от чего начал Меланхтон, до его собственных дней.

Павел Джовио

История почти всех народов его времени от 1494 до 1540 г. от Рождества Христова.

Генрих Буллингер

Хроника от Сотворения до его собственного времени.

Иоханн Функ

Пруссия: хронология от Сотворения до 1553 г. от Рождества Христова.

Меркатор

Хронология.

Всеобщие работы историко-географов

Страбон Каппадокийский

Шесть книг, в которых он кратко объясняет историю всех людей на основе географии.

Помпоний Мела

Испания: о положении мира в связи с историей.

Павсаний Кесарийский

Грамматика, дела афинян, карфагенян, лаконийцев, мессенцев, элийцев, ахейцев, финикиян.

Мюнстер

Космография, охватывающая историю и происхождение [народов] вместе с описанием регионов.

К этому можно добавить истории, касающиеся различных сторон [жизни] афинян, эллинов и других народов, Тетрия, Леонтия, Солина, Валерия Максима.

Об истории Всеобщего

К истории соответственно можно добавить произведения писателей-теологов, а также жития святых, которые утвердились в памяти и сохранили свой след, и особенно сочинения о религии и древней истории и делах евреев.

Святое Писание

Филон Иудей, которого можно назвать философо-историком, превосходящим всех писателей.

Флавий Иосиф Иудей

“Иудейские древности” в 12 книгах и “Иудейская война” в 7 книгах.

Иосиф, сын Гершона

История иудейской войны, написанная иудеем.

Гегеспий

История иудеев от Массавия до 72 г. от Рождества Христова.

*Истории языческих суеверий***Ирений, епископ Лионский**

Книга против язычников.

Климент, епископ Александрийский

Восемь книг разнообразных историй.

Арнобий

Семь книг против язычников.

Лактанций Фирмиан

О ложной религии его полное собрание сочинений.

Павел Орозий

Семь книг против язычников.

Лилио Джиральди

О богах всех народов.

Жан Каулий

Книга на французском или итальянском языке о религии древних.

Истории о христианских религиях

Новый Завет.

Юстин Мартин
Апология.

Кв. Септимий Тертуллиан Карфагенский
Апология религии.

Ирений, епископ Лионский
Пять книг против еретиков.

Оригена
Книга о мучениках.

Евсевий
Десять книг Священной истории.

Сократ Созомен и Кассиодор
Святая история от Рождества Христова до 454 г.

Геннадий, пресвитер Марселя
Книга о знаменитых святых.

Евагрий Схоластик
Шесть книг о римской церкви и империи от 435 до 595 г. от Рождества Христова. Он начинает там, где заканчивается троянская история.

Никифор Калист
Восемнадцать книг Священной истории от Христа до Гераклита.

Марцеллин
История от Евсевия до 500 г. от Рождества Христова.

Вильгельм, архиепископ Тира
Двадцать три книги о крестовых походах.

Джон Фокс Англичанин
Святая история от Уиклифа до 1552 г. от Рождества Христова.

Государство церкви, неизвестного автора, охватывает период от Рождества Христова до 1560 г.

Иоханн Слейден
Священная история от 1517 до 1555 г. от Рождества Христова.
12 Магдебургских центурий от Рождества Христова до 1200 г., в которых полно объясняются Писания Священной истории всех народов, всех древних.

О государстве церкви и религии при королях Генрихе II, Франциске II и Карле IX, неизвестного автора, Франция.

История арабской религии

Коран, или Фуркан, собранный из всех Коранов, которые были написаны во имя Магомета в 110 г. после смерти Магомета.

Истории халдеев, ассирийцев, мидян, египтян, персов, финикийцев, евреев, парфян, о чьих делах пишут почти все

Книга Царств, книги Хроник, книга Ездры.

Геродот Галикарнасский
История в 9 книгах.

Ктесий Книдский
Фрагменты о правлениях королей персов и абиссинцев.

Ксенофонт Афинянин
Об экспедиции Кира (военачальником которого он был) в Персию.

Бероз, халдейский священник
Так называемые “Фрагменты”, которые составили 5 книг.

Мегасфен
Персия. Книга об известных временах персов и их анналах.

Манефон, египетский священник
Так называемые “Фрагменты” о правителях почти всех народов.

Иосиф
Две книги против Апиона Грамматика и 12 книг об иудейских древностях.

Гегеспий
Книга о Парфянской войне.

Аппиан
Парфия.

Прокопий
Две книги о персидских войнах.

Истории греков, которых называли ионийцами, эллинами, дорийцами и которые населяли Среднюю Азию и Европу от Дуная, от Акрокеравния и Гем до Ионического моря, расселились в Исландии и на материке

Диктис Критский
Шесть книг о Троянской войне, переведенные на латинский язык с парфянского Кв. Септимием.

Дарий Фригиец
Шесть книг о Троянской войне, переведенные с греческого на латинский язык Корнелием Непом.

Геродот Галикарнасский

Восемь книг, которые он посвятил грекам, где описал борьбу Ксеркса и охватил 211 лет истории.

Фукидид Афинский

Девять книг, в которых он описал историю за 90 лет, от борьбы Ксеркса до 26-го года Пелопоннесских войн.

Ксенофонт Афинский

Семь книг, в которых он следует записям Фукидида о событиях, произошедших в Греции в 43 г. до битвы спартанцев и финикийцев при Мантинее.

Мегасфен, Феопомп, Филострат, Илланий, Тимей, Агесилай, Эфор, Мош, Исидор и Николай Дамасский написали последовательно истории, как об этом сообщает Плутарх, но их произведения полностью исчезли.

Георгий Геместий

Две книги, в которых продолжается история Ксенофонта, в нескольких частях от Плутарха до Диодора; от поражения при Мантинее до поражения при Херонее.

Диодор Сицилийский

Шестнадцать книг, являющиеся продолжением записей Геместия о делах Филиппа и Александра Великого.

Полибий

Вторая, четвертая и пятая книги с конспектами его последователей и Четвертая декада Тита Ливия с фрагментами Пятой декады, охватывающей дела греков, произошедшие при преемниках Александра.

Значительный вклад в понимание поздней истории греков внесли жизнеописания Арата, Филопомена и Диметра, принадлежащие Плутарху.

Прокопий

Семь книг, посвященные описаниям дел при Юстиниане.

Зонара

Три книги от Константина Великого до смерти Алексея Комнина, т. е. от 300 до 1113 г. от Рождества Христова.

Анна, дочь Алексея

Двенадцать книг о делах ее отца императора Алексея, которые продолжают записи Зонары.

Никифор Григора

История 96 лет от места, где закончил Зонара, и до 1230 г., в 18 книгах.

Истории римлян и парфян, основные события итальянской истории

Консульские Фасты, восстановленные Карлом Сигонием и Панвинио.

Секст Руф, консул

Конспект о делах римлян от основания Города до императора Валентина.

Флор

Конспект Ливия.

Веллей Патеркул, проконсул

Две книги об основных событиях римского народа.

Евтропий, жрец

Десять книг о делах римлян.

Фабий Пиктор

Две книги о происхождении города Рима.

М. Катон

Так называемые “фрагменты” его “Начал”.

Полибий

Шесть книг о военной и гражданской системах римлян.

Дионисий Галикарнасский

Одиннадцать книг.

С. Салюстий

Две книги о Югурте и Каталийских войнах.

Полибий

Первая и Третья книги с конспектами последователей.

Гефилиний Старший

Конспект Диона.

Дион Кассий

Двадцать три книги, из которых сохранилось 8, о делах римлян.

Цезарь

Три книги о гражданских войнах.

Аппиан

Пять книг о гражданских войнах.

Т. Ливий Падуанский

Сорок пять книг, которые сохранились из 144, истории от основания Города до Августа.

Корнелий Тацит

Анналы от Августа, где остановился Ливий, до Нерва. Из 26 сохранилась 21 книга.

Аммиан Марцеллин Константинопольский

Восемнадцать книг, которые сохранились из 31. Он писал от времен Нерва, где прервался Тацит, и закончил правлением Валентина, привел отрывок из сочинения Евтропия.

Далее идут отдельные истории правителей Светония, Кассия, Спартиана, Капитолина, Вописка, Геродиана, Лампридия и Игнатия. Проспер Аквитанский рассказывает о процветании Аквитании в продолжение римской истории от 382 до 447 г., когда эти земли были захвачены королем Гейзерихом.

Прокопий

Двенадцать книг о событиях при Юстиниане, которые освещали и более раннее время.

Энней Сильвий

Двенадцать книг о событиях в Италии в его время.

Флавио Бьондо Флорентийский

Тридцать книг от основания империи до его собственного времени и 10 книг о римских триумфах с итальянскими пояснениями.

Никколо Макиавелли

История Флоренции от 1215 до 1494 г. от Рождества Христова.

Франческо Гвиччардини

История Италии от 1494 до 1536 г.

Иоханн Понтаний

О неаполитанской войне.

Пандульфо

О королевстве Неаполь от правления короля Августа до императора Карла V.

Михаил Коккиний Тюбингенский

Об итальянских войнах.

Галлеацио Капелла

Об Итальянских войнах при Карле V.

М. Антонио Коччо (Сабеллий)

Тридцать три книги об истории Венеции от основания города.

Пьетро Бембо

История Венеции в 12 книгах.

История кельтов, галлов, франков, под этими названиями пришли все народы, которые сейчас заселяют территорию, окруженную Рейном, Пиренеями, Альпами и обоими морями.

Юлий Цезарь

Семь книг о Галльской войне, продолженные Гирцием.

Гунибальд
восемнадцать книг о франках, историю которых он написал от Троянской войны до смерти Антенора в шести первых книгах, в шести последующих — до Варамунда, в шести последних — до времен Хлодвига.

Аппиан
Кельты, или о Галльской войне.

Жан дю Тилле
Персия: конспект истории от Варамунда до Генриха II.

Губерт Леонард
Книга о происхождении франков.

Павел Эмилий Веронский
История франков от Варамунда до Карла VIII.

Жан де Фер
Французы, истории правлений, следующие одна за другой, королей Франции.

Иоханн Трителлий Германец
О делах франков от 433 г. до Рождества Христова до 1500 от Рождества Христова.

Гагуин
История Карла VIII.

Николя Джиле
Анналы франков.

Неизвестный автор
Анналы Аквитании.

Констант Герман Эмунд
Об отношениях герцогов Бургундского, Фландрского, Брабантского и Голландии: история от Троянской войны до императора Карла V.

Жан ле Мэр
История бельгийцев.

Неизвестный автор
Анналы Бургундии.

Вильгельм Парадиний
Книга, касающаяся истории древнего государства Бургундия.

Григорий, епископ Турский
Десять книг истории происхождения франков до 600 г. от Рождества Христова.

Антоний Монк
Пять книг о королях франков от 420 до 826 г. от Рождества Христова.

Руперт

Десять книг о делах галлов против сарацин.

Фруассар

История войны Франции и Англии от 1335 до 1499 г. от Рождества Христова.

Де Монстреле

История прошедших времен до Людовика XII.

Филипп де Коммин

История от 1462 г. от Рождества Христова до коронации Людовика XII, продолжение Монстреле.

Галлеацио Капелла

О войнах в Италии между Карлом V и Франциском, королем Франции.

Вильгельм Парадиний

История последовательно изложенных лет до 1555 г. от Рождества Христова.

Рабутин

Об экспедиции Генриха против Карла V в 1552 году от Рождества Христова, предпринятой для освобождения германских князей.

Истории германцев и всех народов, которые жили от Альп до Балтийского моря и от Рейна до Вислы, к которым прибавляются истории готтов, гуннов, герулов, гельветийцев, ломбардцев, поляков, московитов, датчан и шведов

Сначала я упоминаю тех, кто написал обо всех германцах в целом, затем — об отдельных народах.

Беат Реан

Три книги о германских делах.

Якоб Вимфелинг

Конспект германских дел.

Хелингацензий

Двенадцать книг германских экзегез.

Хугвальд

Тридцать одна книга о происхождении германцев, их традициях, государственных институтах, законах и памятных делах в войне и мире.

Иоханн Авентин

Толкование германских дел, заключенное в 12 книгах.

Мюнстер

Космография, или, по-иному, Германография.

Аббат Урспергский, имя которого неизвестно
Хроника от Сотворения мира до императора Фридриха II.

Он очень полно описал германские дела, остальное — очень кратко.

Люпольд, епископ Бамбергский
Об усердии ранних правителей римлян в религии.

Австрия

Хроника герцогов Баварских и Швабских неустановленного авторства.

Вольфганг Лаций
История Австрии, заключенная в четырех книгах.

Риккардо Бартолини Перуджийский
Двенадцать книг об австрийских делах.

Венгрия

Иоанн Фурокс Венгр
Хроника Болгарии в трех книгах.

Мельхиор Сотер
О Паннониийской войне.

Антоний Бонфини Асколийский
Тридцать книг венгерских дел до Матвея Корвина.

Польша

Хроника поляков.

Мартин Кромер
Тридцать книг о делах поляков.

Каллимах
История борьбы поляков против турок.

Словения

Гельмольд, священник
История словаков от Карла Великого до Фридриха Барбароссы.

Дания, Швеция и Готия

Хроника неизвестного автора о происхождении франков, вандалов, готов, бургунов.

Альберт Крантц
История Дании, Норвегии, Швеции, которые называют Готией или Скандинавией, от их появления до 1504 г.

Олаф, гот, правитель и христианский священник
Двадцать две книги о делах готов.

Саксон Грамматик
Шестнадцать книг об истории Дании.

Прокопий
Три книги о войнах готов.

Агафий Смирна
Пять книг о войнах готов.

Идакий
Хроника от Теодора Великого до 400 г. от Рождества Христова.

Сидоний Аполлинарий, который был известен среди жителей Тулузы,
при дворе готского короля Алариха
Различные описания дел готов.

Иордан, епископ готов
Две книги о войнах готов и римлян.

Аврелий Кассиодор
Отрывочные записи о делах готов и римлян.

Леонардо Аретинский
О войнах готов.

Ломбардия

Павел Диакон, советник короля Дезидерия
Шесть книг о делах ломбардцев.

Саксония

Альберт Крантц
История саксонцев.

Видукинд Саксонец
Три книги о делах саксонцев.

Неизвестный автор
Три книги о саксонской войне.

Себастьян Боселингер
Об осаде Макленбурга.

Любек

Пять книг хроник Любека.

Пруссия

Эразм Стелла
Древности Пруссии.

Нидерланды

Нимвенген
История Батавии.

Богемия

Элий Сильвий
История Богемии.

Ян Дубровий
История Богемии.

Швеция, или Гельветия

Иоханн Стампф Цюрихский
История Гельветии, Германии в трех томах.
Конспект всей истории Йозефа Цимлера.

*История бриттов, которые потом были названы англосаксами
и шотландцами*

Джилдас Бритт
История англов.

Джордж Лейли Англичанин
Хроника от 600 до 1560 г. от Рождества Христова.

Понтий Витрувий
Шесть книг британской истории.

Полидор Вергилий Урбинский
Двадцать шесть книг английской истории.

Беда Англ
Пять книг истории англосаксов до его собственного времени.

Джоффри Артур Англичанин
Восемь книг о британских делах.

Гектор
История скоттов.

Тревет Англичанин
Английская история от графов Анжуйских, т. е. от 1135 до 1317 г.

История Испании

Тарафа Испанец
Краткий конспект всех историй и королей Испании от Сотворения мира до Карла V.

Пьедро Антонини

Хроники Испании и Италии.

Аппиан
Геберика.

Родерик Валентин
О делах германцев в Испании.

Петр Мединский
О делах испанцев в Испании.

Мария Сицилийская
История Арагона.

Антоний Лабрий
О правлении Фердинанда.

Якоб Брацелий
Пять книг об испанской войне.

Карл Верардий
О захвате королевства Гранада.
Беотийская история.

Дамиан Гацц
О делах испанцев в Индии.

*История арабов, которые имели власть над Африкой, Сирией,
Персией и Испанией, обычно известных под именем сарацин*

Лев Африканский, географ-историк
Точное описание всех областей и народов Африки.

Герман Далмата
Хроника сарацин.

Руперт Монк
Восемь книг о войне против сарацин.

Вильгельм, архиепископ Тира
Двадцать три книги о критянах.

История турок

Айтон Армянский
Книга истории Татарии.

Марко Поло
Три книги о восточных землях и империи татар.

Матвей Майков
Две книги о Сарматии, Азии и Европе, в которых кратко изложена история татар и московитов.

Павел Джовио
Книга I о посольстве московитов.

Истории эфиопов, индейцев, американцев и почти всех народов Америки и Африки

Лев Африканский
Девять книг описаний Африки на итальянском и французском языках.

Френсис Альварес
Описание Эфиопии на испанском, итальянском и французском языках.

Алозий Кадамустий
Путешествие в Новые Земли.

Христофор Колумб из Генуи
Путешествие к островам прежде неизвестным.

Петр Алозий
Путешествие.

Альберт Веспуччи
Описание путешествия.

Америго Веспуччи
Четыре путешествия.

Джозеф
Путешествие в Индию.

Людвик, римский патриций
Семь книг путешествий в Египет, Эфиопию и обе Аравии, к ближним и дальним берегам Ганга.

Павел Джовио
Двадцать восемь книг.

После историй всех народов следуют истории, показывающие особенности каждого государства, и затем истории знаменитых людей. Сначала — о знаменитых людях всех народов, потом — об отдельных личностях.

Волатерраний
О знаменитых людях всех народов.

Плиний Младший или, как некоторые думают, Корнелий Непот
О 77 знаменитых людях.

Павел Джовио
О знаменитых людях.

Франческо Петрарка
О знаменитых людях.

Полидор

О происхождении знаменитых правителей.

Боккаччо

О фортуне знаменитых людей.

Гаспар Урсиний

О жизни королей, императоров и римских пап до времен Карла V.

Жан де Фер

Родословная с делами знаменитых родов, частично опубликованная, частично предназначенная к публикации во Франции.

Плутарх и Филипп из Бергамо

О знаменитых женщинах.

Диоген Лаэртский

Десять книг о жизни философов.

Игнатий

О римских императорах от Цезаря до императора Карла V.

Иоханн Куспиан

От Цезаря до Карла V.

Плутарх

Пятьдесят жизнеописаний великих греков и римлян.

С. Светоний Транквилл

Жизнеописания 12 кесарей от Цезаря до Нерва.

Дион Никейский

Жизнеописания императоров от Нерва до М. Аврелия.

Элий Спартиан

О жизни Адриана, Антония Пия, М. Аврелия.

М. Аврелий

Автобиография из 12 книг.

Юлий Капитолин

Три книги жизнеописаний обоих Антониев — Истинного и Пертинакса.

Дион Кассий

История правителей римских от Августа до Александра Севера, законспектированная Ксифилином.

Элий Лампридий

Жизнеописания Юлия, Гелиогибала и Севера.

Геродиан

Восемь книг от смерти М. Аврелия до юных лет Адриана.

Секст Аврелий Виктор

Жизнеописания прославленных императоров от Августа до Феодосия Великого.

Полион

О правлении Валериана, Клавдия и 30 тиранов.

Флавий Вописк

Жизнеописания Аврелия, Тацита.

Евсевий

О правлении Деоклетиана, Максентия, Константина.

Евтропий

Описания римских правителей.

Аммиан Марцеллин

О правлении Константина, Юлиана, Валентина и Валента.

М. Риций

О королях франков, испанцев, неаполитанцев, сицилийцев, венгров, иерусалимцев.

Курций

Восемь книг, оставшиеся из десяти, о правлении Александра Великого.

Турпиан и Эйнгард

Жизнеописания Карла Великого: две книги — основные периоды правления Карла Великого, третья — до 1490 г.

Плотин

Жизнеописание римского папы Петра VII.

Павел Верджерио

О делах принцев Мантуанских.

Неизвестный автор

Родословная дома Монферрато.

Карл Стефан

Конспект истории герцогов Миланских.

Якоб Брацелий

О знаменитостях Генуи.

Ксенофонт

О жизни и речах Сократа.

Филон

О жизни Моисея.

Отгон Фрайзингенский

О жизни Фридриха Барбароссы.

Филострат

Восемь книг жизнеописания Аполлония Тиания.

Лоренцо Валла

О правлении Фердинанда, короля Арагона.

Стафалий

О правлении Карла V.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЖАН БОДЕН И ЕГО ТРАКТАТ “МЕТОД ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ”

Жизненный путь Жана Бодена

XVI век вошел в историю европейской цивилизации как переходная, а точнее переломная, эпоха, когда произошли коренные изменения в оценке географии мира, вызванные Великими географическими открытиями и необычайно расширившие познавательный кругозор человечества. С открытием Нового Света в Европу хлынул поток золота, что привело к девальвации прежних валют и “революции цен”, поменявшей привычную стабильность жизни. Это век, когда буржуазное развитие, прежде выраженное как тенденция, постепенно вытесняя феодальные элементы, становится ведущим укладом в экономике и сопровождается соответствующей перестройкой в мировоззренческой, идеологической, религиозной и политической сферах европейского общества. Это век, когда широкое распространение получает печатная книга — новая форма фиксации разнообразного человеческого опыта: литературного, религиозного, философского, естественнонаучного. И вместе с тем это век почти поголовной неграмотности низов. Это век становления сильных национальных государств и абсолютизма; но лишь — становления, и оно сопровождалось гражданскими и религиозными войнами, военными столкновениями, преследованием инакомыслящих, династической борьбой, и все это выплеснулось на Европейском континенте в Английскую революцию, но уже в XVII в.

Во Франции же противоречия переходной эпохи особенно ярко проявились именно в XVI в. Десяток религиозных гражданских войн, которые, по существу, были борьбой наиболее могущественных политических группировок, искавших свой путь в историческом развитии страны, и в которые была втянута вся Франция, к концу века поставили ее на грань национальной катастрофы, потери национальной независимости; и только дальновидная — порой жесткая, порой лукавая — политика Генриха IV Бурбона и стоявших за ним новых сил не просто удержала страну от падения в пропасть, но и заложила основы восстановления Франции, что затем, уже при Ришелье, способствовало завоеванию ею ведущих позиций в определении политики на континенте.

Религиозные гражданские войны, охватившие Французское королевство во второй половине XVI в., являлись формой реформационного движения, распространившегося к тому времени по всему Западноевропейскому континенту. До середины 40-х годов XVI в. король Фран-

диск I (1515—1547) был довольно терпим к распространению идей Реформации. В октябре 1534 г., в связи с арестами нескольких протестантов, в Париже на дверях королевской спальни в Лувре приверженцами новой реформированной религии были расклеены прокламации. Это открытое выступление протестантов дало повод для активизации католических реакционных сил. В январе 1535 г. было сожжено 35 протестантов и около 400 человек арестовано. К этому же времени относятся и зарождение на французской почве нового реформационного течения, получившего позднее общеевропейское название — “кальвинизм”. В 1536 г. выходит сочинение Жана Кальвина “Наставления в христианской вере”. При Франциске I и Генрихе II гугеноты (так называли во Франции протестантов) довольно пассивно сносили религиозные гонения своих врагов. В правление Генриха II при парламенте была учреждена “Огненная палата” (1553 г.) для суда над еретиками, которая усердно приговаривала гугенотов к сожжению на кострах.

Особое недовольство властями проявлялось в кругах провинциальной аристократии, которая еще не рассталась с мечтами о возврате “доброе старое времени”, времени разгула анархии, когда любой крупный владетельный сеньор мог вести себя независимо по отношению к королю, противоречить ему и даже вести с ним войну. Эти умонастроения находили отклик и у определенной части придворной аристократии, недовольной уменьшением своего влияния и веса в связи с ростом значения бюрократии и “дворянства мантии”, поддерживавшего королевские шаги по усилению централизованной власти. Первая группа недовольных локализовалась преимущественно в южных областях Франции. Лидерами гугенотов были представители боковой линии царствующей династии — Антуан Бурбон, его сын Генрих, адмирал Гаспар Колиньи, принц Конде. Вторая группа недовольных аристократов локализовалась в основном в северо-восточных и центральных провинциях Франции. Эта группа в целом находилась в более выгодном положении по сравнению с южанами. Она и географически и по существу была ближе к королевскому двору, а значит, и к доходам казны. Ее представители, как правило, занимали места в высшем управленческом аппарате и в верхушке церковной иерархии. Но именно поэтому она находилась под бдительным контролем королевской власти, самостоятельность ее действий была более стеснена, чем у южан. Лидеры этой партии — семейство герцогов Гизов из Лотарингского дома: главнокомандующий королевской армией Генрих Гиз, кардинал Лотарингский Карл Гиз и имевший большое влияние на верхние слои третьего сословия Франсуа Гиз. Они сосредоточили в своих руках почти все гражданское управление и пользовались безграничным влиянием при дворе. Гизы представляли себя защитниками престола и “истинной” католической веры, хотя король боялся этих своих “защитников” ничуть не меньше, чем своих врагов — гугенотов.

В этих условиях религиозный вопрос и деление французов на гугенотов и католиков имели для государства второстепенное, подчиненное

значение. Это было лишь вопросом тактики, и в ходе “гражданских войн” дворяне-католики меняли свое вероисповедание столь же легко, как дворяне-гугеноты меняли свой протестантизм на католицизм. Поэтому современники всегда различали гугенотов, приверженность которых кальвинизму была искренней, и “политических гугенотов”.

Существовала, естественно, и королевская партия (роялисты). Ее целью было сохранение и упрочение сильной централизованной королевской власти и ослабление, а затем и уничтожение всех врагов королевского дома. Во главе роялистов стояли представители правящей королевской династии Валуа.

В ходе религиозных войн сложилась еще одна партия — партия недовольных, или партия “политиков”, как с некоторой насмешкой ее называли современники. Эта партия пыталась использовать все возможности, чтобы предотвратить готовую разразиться гражданскую войну. В религиозном вопросе она придерживалась компромиссной точки зрения и стремилась примирить два враждующих лагеря — католиков и гугенотов. Целью этой партии было “общественное благо”. Лидерами “политиков” были канцлер Французского королевства Лопиталь и наследный принц герцог Франциск Анжуйский. Отметим, что, хотя эта партия и не сыграла существенной роли в религиозных войнах, потому что не принимала непосредственного участия в военных действиях, идея религиозного компромисса, принадлежавшая именно ее лидерам, в 1598 г. станет основой Нантского эдикта. По ее инициативе были созданы Генеральные штаты (1560), которые до этого не собирались несколько десятилетий. В своем выступлении на заседании Лопиталь сказал: “Отложим в сторону эти дьявольские слова — политические партии, крамола и восстания, лютеране, гугеноты и паписты — и будем называться просто христиане”. Но урегулировать взрывоопасную ситуацию Генеральные штаты не смогли.

Жан Боден был современником гражданских религиозных войн во Франции, резни в Васси, Варфоломеевской ночи, потрясшей всю Европу, убийства Генриха III и вступления на престол Генриха IV. Недостаточность документов до сих пор не позволяет написать полную биографию Бодена. Свидетельства его современников носят самый противоречивый характер. Пожалуй, только Кристофль де Ту был единственным, кто внес определенные элементы объективной оценки жизни этого человека. Обширная статья о Бодене, насыщенная документальными подтверждениями, содержится в словаре Бейля. Уже в нашем веке аббат Пакье и историк Понтье нашли и опубликовали ряд документов, касающихся биографии Бодена, в том числе 21 документ, относящийся к Боденам, проживавшим в XVI веке, среди них два — протоколы судебных разбирательств от 23 мая 1546 г. и от 2 декабря 1566 г. — устанавливают близких родственников мыслителя.

Жан Боден (Jean Bodin, также Jean Bodini, латинизированное имя — Johanus Bodinius) родился в июне 1530 г. в Анжере. Его отец, Гийом Боден, был портным и к тому же владел виноградниками в прилегающей

к городу сельской местности. Он имел семерых детей и был достаточно обеспечен для того, чтобы дать хорошее приданое своим четырем дочерям и составить им удачные партии для замужества. Известно, что одна из сестер Жана Бодена стала женой органиста, игравшего в соборе Анжера. О матери Жана Бодена определенно сказать ничего нельзя. В письме Анри Шапилена Герману Конраду высказано предположение, что она была еврейка, вела свое происхождение от испанских маранов¹. Жан был седьмым, самым младшим ребенком в семье и не мог надеяться на получение какого-либо наследства. Еще мальчиком его отдали на воспитание братьям-кармелитам монастыря Нотр Дам д'Анжер, где его родной дядя был приором. Орден дал Бодену возможность получить образование и должен был подготовить его к принятию духовного сана. Анжерский епископ Габриэль Боувери, человек высоких моральных принципов, хорошо разбирающийся в древней истории, знающий несколько иностранных языков, имеющий разносторонние интересы, именно здесь, в монастыре, обратил внимание на способного, любознательного подростка. Он обеспечил Бодену финансовую поддержку для получения дальнейшего образования. В 1555 г. в посвящении к переводу поэмы Аппиана "Об охоте" молодой ученый засвидетельствовал свое почтение, глубокое уважение и благодарность человеку, благословившему его труд и оказывающему постоянную помощь в его осуществлении, — Габриэлю Боувери². Из Анжера Боден был направлен в кармелитский монастырь в Париже. Точная дата этого события неизвестна, но, видимо, он стал свидетелем окончания правления Франциска I и вступления на престол Генриха II в 1547 г. В течение приблизительно двух лет, до 1549 г., Боден жил в Париже в монастыре своего ордена, изучая курс философии Гийома Прево. Эти занятия сформировали глубоко критическое отношение Бодена к силлогическим рассуждениям и бесплодной дедукции. В дальнейшем его позиция бросала открытый вызов схоластическим идеалам, но тем не менее традиции средневековой философии были довольно сильны в его мышлении. Поэтому в "Методe" часто возникают несоответствия между "опережающим" содержанием его идей и схоластическими формами их выражения и организации материала.

Боден учился в трех университетах — в Анжере, Париже и Тулузе. Париж XVI в. насчитывал около 60 коллежей, в которых обучалось более 10 000 студентов. Глубокой гуманистической направленностью, изучением предметов, не входивших в традиционную программу, выделялся Королевский коллеж³, который, строго говоря, не был университетским коллежем. Он-то и привлек внимание Бодена, воспитанного Боувери на гуманистических идеалах. Здесь Боден учился древнееврейскому языку у профессора еврейского и сирийского языков Жана Кинквэбрия и у преемника Ватабля по кафедре еврейского языка Жана Мерсьера. К помощи и совету этих ученых Боден обращался при чтении пандектов иудеев и книг Синедрiona. В Королевском же коллеже Боден приобрел беглость в греческом, познакомился со многими ра-

ботами древних авторов. Результатом всех этих штудий стало издание в 1555 г. сочинения Аппиана “Об охоте” в переводе с греческого языка на латинский. Текст перевода был дополнен подробным комментарием — частично филологическим и текстологическим, сопровождаемым логическим анализом аппиановых аргументов. Можно только восхищаться широтой интересов и познаний юного школяра, которые он продемонстрировал в этом комментарии. В нем содержится перечень более 200 различных авторов и источников. В адрес Бодена, однако, было выдвинуто обвинение в плагиате целого ряда текстологических уточнений, которые якобы принадлежали профессору греческого языка Королевского коллежа, известному французскому гуманисту Андриану Турнебу (1512—1565). О справедливости этих обвинений судить трудно. Но вскоре вышло второе издание поэмы Аппиана в переводе Бодена, на этот раз уже без комментариев и даже без имени переводчика. При этом оба издания осуществялись одним и тем же печатником Васкасом. Возможно, Боден действительно использовал лекции “всезнающего” Турнеба, но на наш взгляд, важнее отметить сам факт общения Бодена с этим ученым, который был глубокой и яркой личностью⁴. Турнеб — близкий друг Мишеля Лопиталья, канцлера Франции, автора “Эдикта терпимости”, содержавшего в себе черты будущей программы партии недовольных — партии умеренных католиков и склонных к компромиссу протестантов, поборников установления гражданского мира во имя обеспечения национальных интересов Франции. Одним из идеологов этой партии позднее станет и Боден. Турнеб выступал с очень интересными критическими замечаниями по поводу логики Петра Рамуса. “Он не помышлял ни о чем другом, кроме науки, в которой должен почитаться величайшим за последнее тысячелетие гением. По существу, Турнеб обладал самой тонкой и чувствительной душой на свете”⁵. Этот гуманист был известен как крупнейший исследователь своего времени, знаток и переводчик древних текстов и комментариев к ним. Благодаря общению с Турнебом Боден не только приобрел новые знания в языках, но и воспринял у своего учителя бережное и одновременно критическое отношение к сочинениям древних. Турнеб в изучении исторических сочинений следовал гуманистическим принципам, сформированным в области филологических дисциплин и выдвинутых еще Гийомом Бюде идей. Для Бодена, так же как и для Бюде, филология была не только инструментом исторического метода, но и основой глубоких идей, касающихся интерпретации прошлого и наблюдения за изменениями форм культуры общества. Отсюда у Бодена столь внимательное отношение к языку, который по Бюде, является наиболее чувствительным и точным показателем исторических изменений⁶.

Оппозиция по отношению к схоластическим методам познания, распространенным в филологии, юриспруденции, философии, размышления над новым методом филологической критики Бюде привели Бодена к такому яркому феномену в науке, как идеи Петра Рамуса, которые будоражили умы почти всего парижского студенчества и про-

фессуры того времени⁷. В 1536 г. Рамус защитил магистерскую диссертацию, озаглавленную им “Все, что сказано Аристотелем, ложно”, которая содержала резкую критику схоластики. Идеи Рамуса оказали сильнейшее воздействие на формирование исторического метода Бодена. Видимо, именно в Париже у него проявился интерес к протестантизму. Хотя очевидно, что еще в семье своих родителей он был подвержен влиянию иудаизма. Почти сорок пять лет он “блуждал далеко от стада”. Он был знаком с сочинениями немецких протестантов, французских гугенотов, восторженно относился к Кальвину и его деятельности в Женеве. О склонности Бодена к протестантизму говорят строки из его письма другу, адвокату Жану Ботрю⁸. Все эти его религиозные искания не могли остаться незамеченными. 7 августа 1548 г. приор кармелитского монастыря в Тулузе Рене Гарнье и два духовных брата из Парижа, Венот и Боден, были арестованы по обвинению в ереси. Они предстали перед судом Огненной палаты, в состав которого входили Антуан ле Кок и Николя Шевалье. Венота казнили, а Бодена отправили в тюрьму Парижского епископства, из которой он был освобожден благодаря хлопотам Боувери⁹. Это обвинение стало непреодолимым препятствием в духовной карьере Бодена. В 1549 г. он отправляется из Парижа в Анжер, где отрывается от монашеского обета. Он сам объяснил этот поступок тем, что был пострижен в очень раннем возрасте, когда еще не мог принимать решения с полным пониманием и ответственностью.

Оступившись на духовной монашеской стезе, Боден решает заняться юриспруденцией, получить образование на правовом факультете, степень и посвятить себя адвокатской карьере, которая при его уме, здравом тщеславии (в чем Бодену уже тогда невозможно было отказать) и при определенном стечении обстоятельств могла обеспечить и положение в обществе, и достаток. Боден решает прежде всего познакомиться с существовавшей тогда практикой судебных разбирательств, и поэтому он в 1549 г. отправляется в провинциальный город Нант в надежде, что о его конфликте с кармелитами скоро позабудут. Здесь он стал помощником одного из местных судей и приобрел опыт в ведении дел и в судебных разбирательствах. В 1552 г. против Бодена были выдвинуты обвинения в инакомыслии, в отступлении от догм католицизма. Это заставило его бежать в Женеву. 29 ноября 1553 г. в регистрационных списках граждан Женевы встречается имя Жана Бодена, доктора теологии. Позднее этот человек получает статус свободного гражданина города Женевы и принимает протестантизм¹⁰. Вокруг данного эпизода жизни мыслителя велись и ведутся жаркие споры. Противники этой версии приводят следующие доводы: во-первых, имя и фамилия Жан Боден были очень распространены во Франции XVI в., во-вторых, Боден, на которого указывали списки, подписывался “из Буржа”, а интересующий нас Жан Боден был по рождению анжерцем. Однако он ведь мог подписываться и по месту, из которого прибыл — “из Буржа”. В-третьих, непонятно, когда и где он мог получить степень доктора теологии.

11 сентября 1552 г. Боден женился на Тифен Рено, вдове брата Галимара, вместе с которым Боден сидел в тюрьме Парижского епископства и который был казнен в 1549 г. Тифен Рено сделала дарственную Бодену, в соответствии с которой он получил половину всего ее состояния. Овдовел Боден около 1563 г. Во Францию ученый вернулся, вероятно, в 1556 г. Не исключено, что это произошло благодаря королевской привилегии в отношении Бодена в связи с выходом его перевода поэмы Аппиана. К этому времени Боден окончательно решил посвятить свою жизнь служению Фемиде. Право Боден, очевидно, начал штудировать еще в университете Анжера, где Гийом дю Вер обучал его каноническому праву. С 1556 по 1561 г., а возможно и более длительный период, Боден изучал юриспруденцию в Тулузском университете, насчитывавшем в те времена около четырех тысяч студентов, в числе которых были такие выдающиеся мыслители и политические деятели Франции, как Анри де Мем, Ги дю Фор, Луи де Леру, Поль де Фуа, Мишель Монтень, Франсуа Санхец. Очевидно, что ученые, преподававшие в Тулузском университете и чуть позднее избравшие Джордано Бруно профессором, обладали смелостью, умом и гражданским мужеством. Школа права была здесь довольно консервативной, за исключением периода 1540—1560 гг.¹¹, когда нетрадиционные подходы к изучению юриспруденции в Тулузе получили широкое распространение. Новые теории привносились приехавшими во Францию итальянскими профессорами, в основном из университетов Болоньи и Падуи, а также студентами, получавшими образование в Италии. Обычно обучение праву в университете сводилось к чтению и толкованию кодекса Юстиниана и его комментаторов. В основе преподавания лежали идеи известного итальянского юриста Бартоло да Сассоферрато (ум. 1357). Его работы “затуманили” оригинальные тексты кодекса массой глосс, с помощью которых предпринималась попытка применить римское право к регулированию современных отношений. Этот подход, по сути, представлял собой формальный схоластический метод изучения права (*лат. mos italicus*), повсеместно господствовавший на протяжении долгого времени. Представители школы глосс пытались применить кодекс Юстиниана к изменившимся историческим условиям XVI в. Итальянские гуманисты¹² упрекали легистов за то, что те пренебрегали историческими условиями создания кодекса Юстиниана, а также историческим значением источников римского права. Первостепенной задачей они считали возвращение к тексту оригинала для установления истинного значения определений, содержащихся в кодексе Юстиниана. При этом гуманисты призывали к помещению правовых дефиниций в их исторический контекст. Они требовали учитывать различия времен. На основе идей гуманистов был разработан исторический метод изучения римского права (*лат. mos gallicus*). Его основателем стал Андреа Алкиатти (Альциатти или Альчиатто) (1492—1550), который обучался языкам и праву у профессоров Я.Майно и Ф.Деция в Павии. В 1519 г. Алкиати преподавал в Авиньоне, а с 1529 г. — в Бурже. Влияние Алкиати нашло отражение

в юридических концепциях целого ряда французских правоведов, в том числе в работах таких знаменитых представителей исторической школы юриспруденции, как Франсуа Бодуэн и Франсуа Отман.

Впервые с идеями этих ученых Боден столкнулся, видимо, в Парижском университете. Именно здесь в 1546 г. начал свою преподавательскую деятельность на факультете канонического права, где читались лекции и по гражданскому праву, Бодуэн. Через Шарля Дюмулена он познакомился с Отманом, который давал в университете публичные лекции. Оба они поддерживали религиозную реформу Кальвина, а Бодуэн даже до 1548 г. был его секретарем. Свои научные занятия Бодуэн и Отман начали с изучения античного права и варварских кодексов¹³. В 1561 г. Бодуэн опубликовал трактат “Об основании всеобщей истории и ее соединении с юриспруденцией”¹⁴. Идеи, изложенные в этой работе, предопределили формирование у Бодена сравнительного подхода в изучении права и привлекли его внимание к изучению истории человеческого общества. Ценность истории, по Бодуэну, состоит не только в тех моральных уроках, которые она содержит, но и в заключенном в ней политическом и правовом опыте¹⁵. Как и Отман, Боден видел причины многих несчастий современного французского общества в господстве римского права. У него, так же как и у Отмана, обращение к истории идет рука об руку с критическим отрицанием использования во Франции только римской системы права. В несовершенстве же гражданского права оба ученых обвиняли только само общество. Влияние идей Бодуэна и Отмана на формирование взглядов Бодена было столь велико и значительно, что именно им, наряду с Жаном Тессье, он посвятил свое первое сочинение “Метод легкого познания истории”.

Представителем другого направления правоведческой мысли был признанный “князь романистов” Жаку Куяс (1522—1590). Это направление также характеризуется некоторой гуманистической окраской. Куяс трактует французское право как своеобразное развитие, продолжение римского права. Его труды состояли из комментариев к фрагментам работ римских юристов, представленных в кодификации Юстиниана. Куяс привлек дополнительные и вновь обнаруженные документы (кодекс Феодосия, извлечения из сочинений Ульпиана и другие), устранил поздние напластования и искажения, восстановил подлинные римские тексты. В 1547 г. Куяс начал преподавать в Тулузском университете, где много занимался изучением законодательства доюстиниановой эпохи, опубликовал работу, основанную на древних манускриптах, а также трактат Теодора Коде. В своих сочинениях Куяс в поисках первоначального смысла максим римского права стремился открыть их вневременную мудрость, которую можно было бы применить в настоящем. При этом он считал необходимым изменить только *форму* выражения этой мудрости. Работы Куяса подготовили почву для понимания римского права в терминах его исторического становления и развития. Он подчеркивал, что используемые современными юристами формы “приспособлены для судебных дел юстиниановой эпохи”. Жаку Куяса

признавали не только высшим авторитетом в интерпретации римского права, но также одним из самых упорных и плодотворных его толкователей. Куяс призывал к сохранению содержания кодекса Юстиниана в новых формах его выражения, что вызывало протест и формировало оппозицию среди представителей складывавшейся тогда школы “новой юриспруденции”, оспаривавших также и идею универсализма и вневременного характера римского права, которая защищалась необартолистами. Боден, будучи еще студентом, принимал активное участие в жарких спорах, дискуссиях, разгоравшихся вокруг лекций Куяса. С огромным вниманием и уважением он относился к преподавательской деятельности Куяса, вдохновлявшей многих его современников. Но уже тогда у Бодена появились критические замечания в отношении идей, высказываемых Куясом, переросшие позднее в глубокий конфликт. В его основе лежала острая литературная полемика, завершившаяся рядом недостойных выпадов с обеих сторон. Боден имел возможность наблюдать и сравнивать две оппозиционные, даже враждебные по отношению друг к другу системы в преподавании юриспруденции — бартолистскую (необартолистскую — школу глосс) и историческую школу права. Каково же было отношение Бодена к ним? Возможно, ответ на этот вопрос можно найти проанализировав позицию Бодена в нашумевшей в то время истории с конкурсом на замещение вакантного места на кафедре гражданского права в Тулузском университете. На место претендовали пять кандидатов: Форкадель, Росель, Пониссон, де Коста и Куяс. Объявление о вакансии и кандидатуры были публично представлены в парламентах постановлении от 17 февраля 1554 г. Одним из наиболее вероятных кандидатов был Куяс. Но он, по не вполне понятным причинам, в ноябре 1554 г. внезапно и навсегда покинул Тулузу, и его участие в конкурсе превратилось в чистую формальность. После долгих дискуссий это место в сентябре 1556 г. занял Этьен Форкадель из школы необартолистов, противившихся введению новых методов в науке. Многие исследователи считают причиной внезапного отказа от участия в конкурсной борьбе Куяса выступление против него Бодена, которое в конечном итоге сыграло решающую роль в победе Форкаделя. Может ли это означать, что Боден был необартолистом? Нет. Позицию защитников системы римского права он считал абсурдной. Но и филолога Куяса не считал последователем Алкиатти, отдавая предпочтение создателю новой юриспруденции — Франсуа Канно. Куяс, как и многие другие представители историко-филологической школы, призывал к сохранению содержания кодекса Юстиниана в новых формах его выражения, что вызывало у Бодена столь же сильный протест, как и идея универсальности и вневременного характера римского права, защищаемая бартолистами. Боден утверждал, что праву не хватает истории, которая обеспечивает его надежным контекстом, равно как и восстанавливает его недостающие элементы. Только обращение к человеческой истории, в недрах которой сокрыта лучшая часть права, может гарантировать создание системы универсальной юриспруденции, на ос-

нове которой допустимы и правомерны сравнения законодательств самых различных народов и времен¹⁶. Идеи Бодена, касающиеся изучения политических и юридических дисциплин, характеризуются ярко выраженным компаративизмом. Законодательные системы, по его мнению, не могли быть надлежащим образом оценены без знания и сравнения их источников — обычаев и традиций народов.

Деятельность Бодена в Тулузе была очень многогранной — он учился, затем преподавал, дискутировал, много писал. Несомненно, что к этому периоду относятся пять юридических трактатов, на которые он ссылается в “Метод”. О них Боден также упоминает в своем завещании, где пишет, что эти работы были им собственноручно сожжены, так как основные мысли и подходы, изложенные в них, были более удачно выражены в “Шести книгах о государстве” (1576). Закончив правоведческий факультет, Боден с огромной увлеченностью и с успехом преподавал римское право в этом же университете, но не занимал никакой определенной кафедры¹⁷. “Было время, когда я преподавал право в Тулузе и воображал себя большим мудрецом в кругу молодых людей”, — писал он¹⁸. Наверное, он надеялся получить постоянную преподавательскую должность, но этим мечтам не суждено было осуществиться. Через несколько лет Боден отходит от чисто академических занятий правом тяготясь их исключительной поглощенностью теоретическими проблемами. Он с презрением отзывался о чистых теоретиках “Jurisconsultes qui ne bougent pas des ecoles”. Сильный темперамент и природные наклонности привели Бодена на путь общественного служения. Уже в 1556 г. Боден, подгоняемый желанием понять, как вершится большая политика и решаюются государственные дела, отправляется в Монпелье, чтобы присутствовать на штатах Лангедока. В 1559 г. он произносит речь при закладке фундамента здания коллежа древних языков в Тулузе¹⁹. Цель этого выступления состояла в том, чтобы убедить тулузцев в необходимости довести до конца их благое начинание. Боден выступил противником тех, кто считал ненужным и, более того, вредным для юридического образования углубленное изучение древних языков. В этой речи гуманист сформулировал свою систему взглядов на воспитание, дал высокую оценку деятельности Бюде.

Далее судьба Бодена складывается следующим образом. Он возвращается в Париж и начинает адвокатскую карьеру. “Я вошел в законодательные палаты для того, чтобы служить народу и общественной жизни”, — писал он²⁰. Когда Боден оставил Тулузу, точно неизвестно, но наиболее вероятной датой является июнь 1562 г. В это время все члены парламента Парижа и государственные чиновники, включая адвокатов, должны были под присягой подтвердить свою верность католицизму. 10 июня проходила процедура принятия этой клятвы у 367 адвокатов, среди которых встречаются два Жана Бодена²¹, одним из которых был выдающийся мыслитель, недавний студент, прибывший из Тулузы. Трудно сказать, являлся ли этот поступок чистосердечным, или это тактический шаг, необходимый для дальнейшего продвижения по служеб-

ной лестнице, да и просто сделанный из предосторожности. Подчинение власти было всегда правилом для Бодена. Так, например, в завещании 1596 г. Боден просил похоронить его в монастыре кордильеров Лана, тогда как перед самой смертью он закончил “Семичастный разговор”, в котором еще раз подтвердил, что не был католиком. Что касается этого трактата, то сейчас авторство Бодена не без оснований оспаривается²². Тем не менее в перспективе принятие присяги 1562 г., предоставлявшее ему полную внутреннюю свободу, не являлось обременительным. Многие современники утверждали, что карьера Бодену не удалась. Почему? В ответ на этот вопрос выдвигается ряд предположений: у Бодена не было достаточно средств и связей для получения хорошей должности. Именно по этой причине он принимал королевские вознаграждения, благодаря которым, как он сам писал, “будучи в Пуатье в великие дни в 1567 г., я был заместителем прокурора”. Так же очевидно, что Боден чувствовал отвращение к мелким будничным судебным делам. Кроме того, судебная практика оставляла мало времени для научных и литературных занятий²³. Так или иначе, но должность при парламенте он оставил и занялся выполнением различных юридических поручений, т. е. частной практикой, которая была вовсе не хлопотной и обеспечивала средства к существованию. В тот период Бодену удалось написать несколько значительных сочинений. Первым из них, принесшим автору европейскую известность, был “Метод легкого познания истории”. Успех трактата был настолько очевиден, что уже в 1572 г. понадобилось его переиздание.

В 1569 г. Боден опубликовал работу “Ответы на “Парадоксы” господина Мальтруа”, где показал себя как своеобразный мыслитель, человек, глубоко понимающий процессы, происходящие в экономической жизни Франции и предлагающий реальные пути разрешения ее трудностей²⁴. Он объясняет вздорожание товаров притоком во Францию драгоценных металлов в результате открытия Нового Света²⁵. Росту известности Бодена в общественных, интеллектуальных и государственных кругах способствовали не только его литературные опыты, но и более 400 судебных процессов против представителей дворянства и знати, которые были организованы в 1567 г. К этому времени Боден смог добиться должности королевского прокурора. Должность эта стоила немалых денег, кандидатуры тщательно согласовывались с королем, кроме того предполагались рекомендации высокопоставленных лиц королевства. Все эти судебные дела были связаны с восстановлением королевского налога с продажи и использования лесов. Боден выступил против этого налога и против регистрации королевского решения парламентом Руана. Он утверждал, что король не имеет полного права распоряжаться королевским доменом, по отношению к которому он является не собственником, а простым держателем. Карл IX, против политики которого выступил Боден, не принял его протеста. В это время с новой силой разгорается третья религиозная война. 6 октября 1568 г. вышел королевский эдикт, который предписывал принять строгие ме-

ры против гугенотов, занимавших государственные посты, и обязывал всех чиновников и профессоров университетов вновь присягнуть на верность католицизму. Строгое выполнение этого эдикта привело к тому, что значительная часть подозреваемых в склонности к протестантизму чиновников были обвинены в ереси и лишились своих должностей. Боден и во второй раз принес клятву. Но в списке подозреваемых от 6 марта 1569 г. содержится распоряжение об аресте Жана Бодена, уроженца Анжера, по подозрению в том, что он является приверженцем новой религии и не выполняет данную им клятву. В тюремные книги Консьержери были записаны имена многих адвокатов, обвиненных в инакомыслии, среди них Келэ Бернар, Жак де ля Булле, Жан Море, Антуан де Роль, Жак Пети, Жан де Лион, Жан Петон, Франсуа дю Фор, но ни один из них не приносил клятвы на верность католицизму, как это сделал Боден²⁶.

Он был арестован капитаном Пейзоном в монастыре Сен-Дени де ля Шартр. На это указывает запись в тюремной книге заключенных Консьержери. Монастырь Сен-Дени де ля Шартр был расположен в Сите, на улице Сен-Бартеlemi. Это не было обычное жилище Бодена, скорее всего, там он скрывался от преследователей. У него не нашли ни запрещенных книг, ни подозрительных бумаг²⁷. Тюремная запись о Бодене не упоминает, что он был когда-то кармелитом, в то время как отказ от монашеского обета фигурирует как обвинение в тюремных записях, касающихся других лиц²⁸. Что касается тюремного заключения Бодена, то здесь есть еще одна особенность. Несмотря на смутные времена, парламент довольно быстро, за срок от двух недель до трех месяцев, рассматривал дела обвиняемых по религиозным подозрениям. Большинство из них освобождались при условии высылки из Парижа под поручительство праведных католиков. Боден же был выпущен только по постановлению от 23 августа 1570 г. Было ли это обусловлено желанием наказать человека, подозреваемого в инакомыслии, но поведение которого было безупречным в рамках закона, или столь длительное заключение было связано с желанием нескольких влиятельных персон защитить мыслителя тюремным заключением от более серьезных опасностей, угрожавших его жизни, пока в 1570 г. не был заключен Сен-Жерменский мир, дававший полную амнистию гугенотам? Этими людьми могли быть генеральный прокурор Парижа Ги дю Фор де Пибрак, знавший Бодена еще по Тулузе и ставший склонным к терпимости после казни собственного брата по обвинению в ереси в 1565 г., и Кристофль де Ту, первый президент парламента Парижа, которому Боден посвятит в 1580 г. свой трактат "Демонomanия колдунов". Скорее всего, верна вторая версия, которую подтверждает тот факт, что столь длительное заключение никогда и никем официально не упоминалось и никак не повлияло на карьеру Бодена.

В 1571 г. он уже был докладчиком в государственном совете и советником Франциска, герцога Алансонского²⁹, который возглавлял партию недовольных, именуемую также "политики" (такой ругатель-

ной кличкой наградили эту партию современники). Отсутствие религиозного рвения у Бодена вызывало по меньшей мере недоумение, а то и прямые подозрения. Поэтому неудивительно, что в ночь святого Варфоломея он едва спасся от верной гибели то ли бегством через окно собственного дома, то ли, по другой версии, спрятавшись у своего друга Де Ту. В 1573 г. Боден входил в состав делегации в Меце, которая вела переговоры с польскими послами о вступлении на польский престол герцога Анжуйского (будущего короля Франции Генриха III). Огромную роль в выборах Генриха Анжуйского на польский престол сыграл Блез Монлюк, отдавший военной службе пятьдесят лет и проделавший за это время путь до маршала Франции. Монлюк, участник Итальянских походов и религиозных войн, в последние годы своей жизни впал в немилость. В подражание “запискам Юлия Цезаря” он оставил воспоминания о своей жизни и рассказал о событиях, участником которых он был. У него Боден учился осторожности и проворству. Благодаря этим качествам своего характера Бодену удалось участвовать в пятнадцати посольствах и получить покровительство Пибрака. Способности к ведению дипломатических переговоров определили место Бодена и в списке свиты, которая должна была сопровождать Генриха Валуа в Польшу³⁰. При этом Боден продолжал оставаться в числе приближенных герцога Алансонского и связывал с ним многие свои планы. Очевидно, Боден был замешан в заговоре недовольных, за организацию которого казнили людей из ближайшего окружения герцога — Ла-Моля и пьемонтского дворянина Коконаса³¹. Боден, видимо, вел серьезные переговоры о помощи заговорщикам со стороны Англии. Его имя фигурировало в списке участников заговора, но он не понес никакого наказания только потому, что расследование этого дела было поручено Кристофлю де Ту. В 1574 г. на французский престол, тайно бежав из Польши и прихватив всю королевскую казну, вступил Генрих III. Несмотря на близость ко двору Франциска Алансонского (теперь герцога Анжуйского), Боден был хорошо принят новым королем, который наслаждался эрудицией ученого. 25 ноября 1576 г. по рекомендации Пибрака, организатора Академии дворца³², Боден участвовал в философских дебатах, организованных за круглым королевским столом. Боден надеялся донести до короля идеи абсолютизма и суверенитета, изложенные в его трактате “Шесть книг о государстве”, изданном в 1576 г. и посвященном Ги дю Фору сеньору де Пибраку³³, при прямом и непосредственном участии которого происходило избрание польским королем Генриха, когда последний обещал соблюдать веротерпимость и гарантировал свободное сосуществование различных религиозных учений. Боден хотел указать всем этим новому королю путь разрешения религиозного и политического кризиса во Франции. Генрих III, оценивший Бодена как мыслителя, отказался использовать его в своих государственных делах как политика. Вероятно, Генрих не доверял Бодену, имя которого было занесено в список королевы-матери, где перечислялись самые зловердные и опасные для Франции люди. В 1576 г. Боден представлял третье сосло-

вие округа Вермандуа на Блуасских Генеральных Штатах. В своих выступлениях он отстаивал принцип веротерпимости и принцип неотчуждаемости земель королевского домена.

14 января 1577 г. монахи кармелитского монастыря в Париже, в котором когда-то состоял Боден, предъявили ему обвинение в отказе от обета³⁴. Считают, что это была организованная акция, направленная на то, чтобы заставить замолчать лидера оппозиционной депутации Вермандуа. В результате Боден, с одной стороны, приобрел широкую известность, а с другой — лишился королевской благосклонности, не получив обещанного ему поста докладчика Палаты прошений. Ему не оставалось ничего другого, как отойти от большой политики и уехать в Лан, где еще 25 февраля 1576 г. Боден заключил брачный контракт с Франсуазой Труяр, которая в сентябре 1569 г. стала вдовой Клода Беяра, контролера королевских владений в Вермандуа³⁵. Боден познакомился с этой женщиной через ее брата Николая Труяра, который, как и сам Боден, был адвокатом парламента Парижа, кстати не принесшим ни одной клятвы на верность католицизму. В 1575 г. Николая Труяр вступил в права владения должностью королевского прокурора судебного округа Вермандуа и юрисдикции Лана, которую в 1587 г. после его смерти унаследовал Боден. От этого брака у Бодена было трое детей — два сына и дочь. Мальчики умерли в детском возрасте, а девочка “впала в слабоумие”. Боден тяжело переживал эту трагедию. Он и его жена делали все возможное, чтобы пробудить спящий разум своей дочери, но их труды были напрасны — болезнь прогрессировала. Жюльета, не будучи в браке, умерла в 24 года³⁶. Таким образом, прямых наследников у Бодена не осталось.

Став мужем Франсуазы Труяр, автор “Метода легкого познания истории” нашел в семье своего шурина поддержку, что побудило его, потерявшего возможность обрести благополучие благодаря Генриху III, сделать карьеру при герцоге Франциске Анжуйском, который, встав во главе партии недовольных и покинув двор в 1575 г., был на стороне гугенотов во время пятой религиозной войны, содействовал заключению мира в мае 1576 г. в Больи, благодаря чему значительно увеличил собственные владения. Его дом был открыт людям, далеким от католицизма. Там нашли себе приют, например, Бенжамин Жамин, который был постоянным секретарем герцога, несмотря на наличие записи о его аресте в тюремных книгах Консьержери; Мартин Гийо, бывший секретарь суда адмиралтейства, дважды задерживаемый по религиозным обвинениям в 1569 г. и ставший позже “просителем земель для возрастания владений и секретарем герцога”. В дальнейшем в состав свиты герцога Анжуйского вошли бывшие заключенные еретики Мишель Темпоне, Клод Бернар, Жан Море³⁷. Франсуаза Труяр имела близких родственников в свите герцога Анжуйского — своего дядю Августина ле Серье, священника Авраанша; мужа сестры Антуанетты Пьера Обелена, который был адвокатом в Лане, и брата — Клода Труяра. Таким образом, у Бодена было неплохое окружение, что способствовало в достижении

его честолюбивых планов. Краткая запись герцога обещала Бодену, названному “советником и магистром по рассмотрению судебных жалоб”, судейское звание первого сословия, к которому как известно, относились клирики. Видимо, именно благодаря этой милости он с 1575 по 1580 г. присутствовал более чем на 150 заседаниях судов по обвинению в колдовстве и внимательно изучал материалы судебных разбирательств по этой категории дел, хотя сам он не раз обвинялся в приверженности и распространении еретических учений и в занятиях магией. Этот опыт Боден использовал при написании своего трактата “Демонomanия колдунов” (1580), который считается самым темным местом, “позорным пятном” в творческом наследии Бодена. Это сочинение пришло на смену печально известному “Молоту ведьм”. Отметим, что именно поэтому в сознании многих современных историков имя Бодена ассоциируется с мракобесием средневековья. Очевидно, это произведение объясняется особенностями самой эпохи. “Вера, замкнувшаяся в догме, таит в себе понятие невозможного”³⁸. Натурфилософия в том виде, в каком она существовала в XVI в., включая в себя и добытые опытом истины, открытые, например, Парацельсом, и сведения о столовращениях и порче, считала все возможным. Нельзя отрицать истинность факта, по мнению Бодена, если он очевиден, хотя и не поддается объяснению. И если явление колдовства невозможно понять, то факт его существования установлен уже три тысячи лет назад. Боден при объяснении колдовства часто использует свои знания по метафизике, алхимии, медицине, физике. Рационалистический подход к миру создал основу для возникновения предрассудков и суеверий на основе реальных фактов. Отсюда проистекала строго регламентированная, подобно точным наукам, магическая практика, которую можно было изучить для того, чтобы управлять сверхъестественным. Это Боден и попытался проделать в своем трактате о демонomanии.

Занятия Бодена натурфилософией, юриспруденцией, историей, географией, языками шли рука об руку с бурной политической деятельностью. В феврале—апреле 1581 г. он выезжает в Англию в связи с неудачными переговорами о женитьбе Франциска Анжуйского на английской королеве Елизавете Тюдор³⁹. В том же 1581 г. Боден побывал вместе с герцогом в Нидерландах. Еще в сентябре 1580 г. штаты Северных провинций признали Франциска своим сувереном, подписав договор о помощи с Генрихом III. Боден убеждал не заключать этого соглашения, но безуспешно. В результате сторонниками независимости Северных провинций была предпринята попытка переворота. С февраля 1582 г. Франциск поселился в Антверпене. Осенью 1583 г. герцог Анжуйский потерпел окончательное поражение в Нидерландах и 4 июня 1584 г. скоропостижно скончался по дороге из Антверпена в Париж. Боден начинает терять одного покровителя за другим: в январе 1583 г. умирает Кристофль де Ту, а в мае 1584 г. — Ги дю Фор сеньор де Пибрак. Боден же в 1583 г. возвратился в Лан и стал советником по правовым делам маркиза де Моа, затем Генриха Наваррского в его

графстве Марль. В 1587 г. он получил наследственную должность королевского прокурора Лана.

Его правоверность по-прежнему подвергается сомнениям, теперь уже некоторыми лидерами Католической лиги⁴⁰. У него проводят обыск по распоряжению генерального прокурора Парижа и предъявляют обвинение в занятиях магией. В июне 1587 г. его допросил генерал-лейтенант Лана и принял решение об освобождении на основе показаний в его пользу нескольких свидетелей, в числе которых были два священника. После смерти Франциска Анжуйского действия Католической лиги стали более активными, так как их подстегивал страх перед возможным вступлением на трон Генриха Бурбона, короля Наварры. В декабре 1588 г. произошло убийство Генриха и Франциска Гизов, после чего лига возглавила войну против Генриха III. Лан должен был выполнить приказ парижского парламента о присоединении к лиге, господство которой установилось в этом городе и продолжалось с 1589 по 1594 г. Боден, будучи сторонником монархии, с одной стороны, с другой — членом партии недовольных, а с третьей — подозреваемым в склонности к протестантизму, попал в затруднительное положение. Он должен был обосновать свой переход на сторону лиги более или менее убедительными для ее членов аргументами и в то же время не отступить от собственных принципов, которые были далеки от политики лигеров. Факт о присоединении Бодена к лиге получил отрицательную оценку у большинства исследователей. Гий Пати считал, что Боден стал членом лиги из-за страха в лучшем случае потерять свою должность, в худшем — жизнь. Бодриар высказался еще определеннее: «Боден — предатель. Присоединение к лиге противоречило всем его взглядам. Это эпизод, достойный сожаления. Анжерец (так называли Бодена по месту рождения, — М.Б.), всегда бывший сторонником терпимости и рационализма, в данном случае отказался от собственных убеждений»⁴¹. Шовирья также считал, что Боден пошел против своей совести и все его отношения с лигой обуславливались страхом и строились на предусмотрительности. Может быть, имелись все-таки и другие мотивы, приведшие Бодена к решению стать лигером? Обратимся к воспоминаниям Антуана Ришара, гражданина Лана, жившего там в то же время, что и Боден⁴², и к переписке Бодена 1589—1594 гг. — это пять писем, опубликованных Моро-Рейблем⁴³, и известное «Письмо Жана Бодена другу, написанное в трудные времена». Ришар показывает приспособленчество Бодена и рисует событийную канву его жизни в период правления Католической лиги в Лане в крайне неблагоприятном для него свете.

В то время, когда лига начала войну против Генриха III, Боден был королевским прокурором. Генеральный прокурор Парижа приказал всем местным чиновникам принести клятву верности лиге, и Боден должен был подчиниться этому решению. Свою поддержку Генриха III он оправдывал государственной должностью и дарованными ему королем почестями. Боден писал, что затягивал принесение клятвы лиге, а это

было связано с большим риском, и только когда “полк капитана де Бурга был готов войти в город, чтобы убивать, грабить тех, кого называют роялистами, я покинул короля”⁴⁴. Боден должен был выбрать свою позицию, при этом отчетливо понимая, что обе стороны не правы. Таким образом, для Бодена, если исключить путь открытой борьбы или бегство из Лана, оставалось одно-единственное решение — признание лиги, что он и сделал. 21 марта 1589 г. он дал клятву верности Католической лиге. В речи, произнесенной на церемонии присяги, Боден настаивал на том, что его главная цель отнюдь не поддержка авторитета Генриха III, но — сохранение королевского имущества, при этом престиж короны он отделял от престижа короля. Рассказ о процедуре принесения клятвы Боденом и основная часть речи содержатся в его “Письме генерал-лейтенанта провинции магистрату Франции”, написанном в конце марта 1589 г. Боден обращается к должностному лицу, оказавшемуся в точной такой же ситуации, как и он сам, так же, как он, настроенному и присоединившемуся к лиге в целях борьбы против тиранического правления короля, так как к этому времени, по мнению Бодена, абсолютная наследственная монархия, которая была его идеалом правления, во Франции выродилась в тиранию. Кому было адресовано письмо? В первую очередь в голову приходит имя Барнабе Бриссона. Это был талантливый юрист, с которым Боден дружил более тридцати лет. Бриссон, как и Боден, поддерживал Генриха III, но после Дня баррикад в мае 1588 г. и бегства короля из Парижа, перешел на сторону лигеров и стал президентом парламента Парижа, сменив на этом посту роялиста д’Арля, которого лигеры отправили в отставку. Письмо открывается замаскированным призывом к восстанию против короля. В отличие от других сторонников лиги, открыто призывавших к борьбе с тираном, Боден все-таки считал, что особа короля священна благодаря титулу. Боден всегда оговаривался в отношении законности бунта против короля. Даже победоносное восстание, по его мнению, может быть расценено как заговор. С другой стороны, в успехе мятежа Боден усматривал знак Божественной воли. Поведение короля, считал он, являлось причиной гибели, несчастий всех его подданных, и оно спровоцировало не просто отдельные выступления недовольных, но настоящую гражданскую войну. Лига же, по мнению Бодена, наказывала Генриха III, и не было другого выбора, кроме как присоединиться к ней. Главная цель этой борьбы состояла в том, чтобы торжество закона стало залогом безопасности каждого отдельного человека и народа в целом. Но в этом случае многие нуждались в защите от неправомерных действий лиги, так же как и от тирана.

Во время церемонии принесения клятвы Боден потребовал справедливого суда и защиты для 25 плененных роялистов, “почти до смерти замученных”. Он так упорно настаивал на том, что их вина должна быть доказана законным образом и что они должны иметь право на адвоката, что ему самому пригрозили повешением. Таким образом, Боден действовал как человек, искренне возмущенный преступлениями Генриха III

и видевший в лиге орудие Божественного возмездия нечестивому королю. Но при этом он стремился защитить идею справедливой монархии и смягчить политику лигеров в отношении роялистов. Поведение Бодена не было чем-то исключительным, аналогично действовали и многие его современники. Например, блестящий юрист и философ, у которого Боден учился в юности, Гийом дю Вер вместе с Боденом входил в состав свиты Франциска Анжуйского. Дю Вер писал: “Я не вижу сейчас такой цели, ради которой должен пойти на смерть. Хитростью мы можем ослабить и уменьшить количество преступлений. Мир и согласие будут восстановлены благодаря умеренности и беспристрастному поведению законопослушных граждан”⁴⁵. 4 апреля 1589 г. Боден приветствовал трех посланцев лиги, которые преследовали роялистов. В своей речи он рассуждал о возможности реставрации правления Генриха III. Будучи хорошим оратором, он произвел такое сильное впечатление на своих слушателей, что в нем заподозрили роялиста, стащили вниз и сильно побили. Иногда этот эпизод представляют как доказательство неискренности Бодена в поддержке лиги. Но в письме от марта 1589 г. Боден обрушивает на Генриха Валуа гневный поток обвинений в тяжких преступлениях. К политическому принципу “Безопасность народа должна гарантироваться выполнением законов монархом” Боден добавил пылкое обоснование Божественной мести тирану. Его представление о Божественном возмездии отличалось от общей тенденции, прослеживаемой в сочинениях лигеров, — обвинить лично Генриха III — “этого Иуду, этого Нерона”. Боден обращается к символике чисел: Генрих III, если вести отсчет от Варамунда, 63-й король Франции. 9 умноженное на 7 дает 63 — это критическое число в развитии монархии, чреватое кризисами и переворотами. Наказание выпадает на того, кто подвержен дьявольскому воздействию. Боден верил, что сумасшествие Генриха означало исчезновение Божественного покровительства и освящения короля. В письме были и аргументы религиозного характера против Генриха Наваррского. Это не яростная ненависть к Наваррцу, которую испытывали представители Католической лиги, а скорее продуманные рассуждения по поводу неблагонадежности протестантского лидера.

Итак, до смерти кардинала Карла Бурбона Боден искренне поддерживал лигу, воспринимая ее с политической точки зрения как организацию, возглавляющую движение в целях свержения тирании Генриха III. Но в письме от 1590 г. Боден еще раз подчеркивает, что он никогда не был уверен в законности сопротивления даже самому бесчеловечному и неблагочестивому королю. У членов лиги никогда не было сомнений на этот счет. Кроме того, многие из них воспринимали восстание как крестовый поход против Генриха-еретика. Но Боден обвинял короля не как еретика, а как нечестивого тирана, предавшего Бога. Даже поддерживая лигу, Боден всегда выступал против “сектантской” религиозной войны с целью уничтожить протестантов во Франции. Убийство Генриха III (2 августа 1589 г.), по сути, означало исполнение первоначальных

целей Бодена. В письме от 15 августа он радовался убийству тирана как действию, вдохновленному Богом. В последующих письмах нарастали обвинения тирана в национальной катастрофе. Убежденный в том, что Бог вмешивается в дела Франции, Боден снова приветствует войну как орудие Божественного возмездия против людей, несущих зло. В 1589 г. он предрекал семь лет войны (с 1587 г.). Его расчет впоследствии оказался верным.

С 1589 г. слежку за Боденом ведет иезуит Антуан Тулузский, доносы которого привели к тому, что 20 января 1590 г. по приказу представителей лиги у подозрительного католика был проведен обыск. У Бодена нашли несколько запрещенных книг, которые сожгли перед его домом. Также была найдена генеалогия Генриха Наваррского, правда написанная не рукой Бодена, что и помогло ему отделаться сравнительно легко — он был подвергнут кратковременному аресту и после данных им разъяснений отпущен. Генеалогия Генриха Наваррского не случайно оказалась среди бумаг Бодена, найденных при обыске. После того как с исторической сцены сошел Генрих III, Боден оправдывал свое присоединение к лиге поддержкой кардинала Бурбона, законного наследника престола. В письме, написанном в августе 1589 г., Боден интерпретирует Салический закон о преимуществе престолонаследия по степени кровного родства перед первородством. По его мнению, наследовать трон должен был претендент, наиболее близкий к общему предку обоих умерших королей и к боковой ветви, ныне правившей. Он считал Наваррца четырнадцатым коленом по степени родства, идущего от Людовика IX. Кардинал Карл Бурбон (дядя Наваррца) имел тринадцатое колено в степени родства. Боден опроверг принцип чистого первородства, в соответствии с которым Генрих Наваррский представлял своего умершего отца, Антуана Бурбона, старшего брата кардинала, и тем самым подтверждал все свои права на престол по первородству. Таким образом, Боден считал, что претензии Генриха Наваррского уничтожаются правами его дяди, кардинала Бурбона, некоронованного Карла X. Но Боден, как и сам кардинал, понимал, что доводы, приводящие Карла X на престол, неизбежно ставят Генриха Наваррского на ближайшую ступень к нему. И отречение или смерть кардинала делали правомочной коронацию Генриха Наваррского. После смерти кардинала Бурбона наследование Генрихом Наваррским трона было гарантировано законом. При этом Боден не считал приверженность католицизму важнейшей составляющей права на престолонаследие. В этом вопросе взгляды Бодена резко расходились с политикой лиги, которая на Блуасских штатах 1576 г. объявила католическое вероисповедание основным требованием, предъявляемым к наследнику престола. Позднее такие апологеты лиги, как Луи Д'Орлеан, настаивали на том, что даже Салический закон не устраняет барьер, который отделяет от трона безбожника и еретика. Генрих III на смертном одре назначил своим преемником Генриха Наваррского при условии, что тот примет католичество. Для Бодена это завещание Генриха III не играло никакой роли, так как

он считал, что корона не передается как частная собственность распоряжением завещателя, а наследуется на основе Салического закона. В письме от 1590 г. он почти открыто заявляет о праве Наваррца наследовать трон, если он признает первенство своего престарелого дяди и перейдет в католическую веру. В 1590 г. кардинал Бурбон умер. В марте 1590 г. Генрих Наваррский обратился в католичество и в 1594 г. был коронован.

После обыска и ареста в 1589 г. Боден не предпринимал никаких публичных действий, которые могли бы скомпрометировать его благонадежность, исключая защиту несправедливо осужденного юноши в 1593 г. Боден выступал его адвокатом и на основе традиционного гражданского права доказал неправомочность действий мэра в отношении этого человека. С 1590 г. в письмах Бодена нет упоминаний ни о престолонаследии, ни о Генрихе Наваррском. Теперь он рассматривает все свои теоретизирования как пустые упражнения в красноречии перед лицом Божественного вмешательства, которое дарует Франции короля по выбору Бога, показывая тщетность любых человеческих попыток занять французский трон воздействием закона или силой. Гражданские же войны он расценивает как наказание и роялистам, и лигерам.

Итак, первоначально Боден считал, что лучшей формой государственного управления является наследственная абсолютная монархия, при этом король получает власть от Бога по праву рождения и только перед его строгим судом несет ответственность. Но восставшая Католическая лига посягнула на королевскую власть. Это было явно противоправное действие, и, по сути, Боден не мог его одобрять. С другой стороны, он должен был выполнить распоряжение генерального прокурора Парижа о подчинении лиге. Кроме того, на основе анализа политики Генриха III Боден приходит к выводу, что его правление по своей форме является тиранией, против которой необходимо бороться. Таким образом королевский прокурор обосновывает законность деятельности лиги и собственное присоединение к ней с политической точки зрения. Боден оправдался перед лигой и с религиозной стороны. Он поддержал борьбу против некаатолического короля, хотя на самом деле для него религиозная вера претендента никогда не являлась аргументом в решении вопроса о законности престолонаследия. Но ведь Боден принес, причем дважды, официальную клятву на верность католицизму. Поэтому с этой стороны его поддержка лиги выглядела вполне последовательным шагом. В 1590 г. Боден написал письмо своему другу, в котором главным был ответ на вопрос «почему я стал лигером?»⁴⁶, опубликованное, кстати без разрешения на то самого автора, представителями Католической лиги и переиздававшееся только на протяжении 1590 г. пять раз⁴⁷. Впервые это письмо было напечатано известным издателем лигеров Шандье в Париже 20 января 1590 г. В нем Боден с потрясающей трезвостью оценил военные, политические шансы на победу лиги или роялистов и на основе чисто рационального анализа пришел к выводу, что сила, а значит и он сам, на стороне лиги. Уроки маршала Монлюка

не прошли даром: некоторые уступки официальным властям позволили Бодену сохранить внутреннюю свободу, дававшую право на сомнения, но при этом он оказался вне официальных институтов, которые каждая из политических партий пыталась приспособить к собственной идеологии. Кем же на самом деле был Боден — политиком, роялистом или либером? Его позиция, скорее всего, была компромиссной и основывалась на принципе веротерпимости. А присоединение к лиге являлось совершенно искренним, потому что, во-первых, Боден мог таким образом открыто бороться с тиранией и, во-вторых, участвуя в этой борьбе, имел возможность смягчить участь тех, кто подвергался преследованиям на религиозной почве. 2 августа 1594 г. Генрих IV вступил в Лан. Ему, победителю, Боден посвятил свой последний трактат “Театр природы”. Окончание этого труда датировано 1 марта 1596 г., а завещание — 7 июня 1596 г. Боден умер от чумы, заразившись во время эпидемии. Он был отпел по католическому обряду в церкви францисканцев в Лане и похоронен в монастыре кордильеров.

Такова биография Бодена, одного из многих французов, переживших полную противоречий эпоху истории Франции, эпоху глубочайших кризисов и потрясений, когда царили непредсказуемость и хаос. Реальная жизнь подтолкнула Бодена к занятиям историей и к поиску законов общественного развития. Именно поэтому им был поставлен вопрос о науке, которая смогла бы открыть эти законы.

Трактат “Метод легкого познания истории”

Жан Боден оставил богатое творческое наследие: “Шесть книг о государстве”, “Ответы на “Парадоксы” господина Мальтруа”, “Семичастный разговор”, “Парадаксон”, “Демономания колдунов”, “Театр природы”. “*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*” был впервые издан в Париже в 1566 г. в типографии Мартина Ле Жёна на латинском языке. В этом издании содержалась выдержка из “Королевской привилегии”, в которой фиксировалось единоличное право печатника и книготорговца Парижского университета Мартина Ле Жёна на издание и продажу трактата в течение десяти лет. Второе издание “Метода”, с авторскими поправками и уточнениями, было выпущено также Мартином Ле Жёном в его же типографии в 1572 г. Меньше чем за сто лет “Метод” переиздавался девять раз: Paris, 1566; Paris, 1572; Basel, 1576 (в первом томе *Artis Historicae Penus*); Basel, 1579 (также в первом томе дополненного издания *Artis Historicae Penus*); Heidelberg, 1583; Strasbourg, 1599; Strasbourg, 1607; Geneve, 1610; Amsterdam, 1650. Критическое издание “Метода” на латинском языке было осуществлено в 1951 г., когда Менар издал сборник “Философские труды Бодена”, в который вошли три трактата. Он же в 1941 г. опубликовал французский перевод “Метода”. В 1945 г. Беатрис Рейнольдс перевела этот трактат на английский язык. В немецком переводе сочинение Бодена было издано доктором Дрозом в конце XIX в. Лучшей публикацией “Метода”, на наш взгляд, является прижизненное издание 1572 г. (экземпляр хранится в Научной

библиотеке Санкт-Петербургского университета в отделе редких книг и рукописей) и, естественно, критическое издание 1951 г. Именно на этих текстах и основана наша работа по переводу “Метода” Бодена, конечно же, мы хорошо знакомы и со всеми переводами этого трактата на европейские языки. Выбор основан на том, что второе издание трактата (1572) является тщательно выверенным самим автором, ряд опечаток издания 1566 г. исправлены, некоторые места уточнены. А вот в изданиях 1583, 1595 гг. появляются новые ошибки и неточности. Критическое издание 1951 г. приводит текст трактата в соответствие с правилами грамматики латинского языка. Единственным его недостатком является полное отсутствие комментариев. Но это в какой-то степени восполняется научной статьей Пьера Менара с характеристикой работ Бодена.

В издании 1572 г., хранящемся в Петербурге, имеется владельческая надпись, предположительно начала XVII в., в которой однозначно указывалось на еврейское происхождение Бодена и на тайно исповедуемый им иудаизм⁴⁸. Кроме того, на титульном листе в этом издании изображена типографская марка печатника Ле Жёна, а титульному листу предшествует страница с изображением герба, об атрибуции которого говорить сложно. Мы можем утверждать лишь то, что он позднего происхождения, датируется не раньше середины XVI в. Герб выглядит следующим образом: двухчастный рассеченный (coupe) щит, правая сторона — золото (d’or), левая — черная (de sable) (изображение черно-белое, но о цветовой гамме можно судить по штриховке, которой могут соответствовать цвета, традиционно используемые в гербовых изображениях того времени). В золотом поле — дерево с листьями, в черном поле — поток воды, падающий из правого верхнего угла в левый нижний. Эта деталь косвенно подтверждает благородное происхождение владельца герба. При изображении дерева и потока воды использованы естественные цвета — зеленый, голубой с золотым и черным налетом. Гербовый шлем увенчан гербовой эмблемой: дикий “природный” человек, держащий в правой руке такое же дерево с листьями, что находится в центре правой стороны щита. Можно выдвинуть несколько предположений о владельце этого герба. Теоретически (фактически почти невозможно) он, может быть, был дарован печатнику. Возможно, это герб президента парламента Парижа Жана Тессье, которому посвящен “Метод”, тем более что гербовое изображение предшествует посвящению. Наконец, герб мог принадлежать и самому Бодену. В таком случае, учитывая, что анжерец происходил из незнатной семьи портного, встает вопрос: когда и при каких обстоятельствах он стал дворянином? На мысль о получении Боденом каким-то путем дворянства наводит и документ 1566 г., касающийся материального урегулирования его дел с анжерскими родственниками, где в отношении его упоминается словосочетание “благородный магистр”⁴⁹.

В издании “Метода” 1572 г.⁵⁰ 462 страницы. В качестве приложения в свой труд Боден включил сочинение Лукиана из Самосаты “Как сле-

Изображение герба, предшествующее титульному листу издания "Метода", 1572

дует писать историю" и историческое эссе Дионисия Галикарнасского "Фукидид".

Перевод названия трактата имеет несколько вариантов "Метод для легкого познания истории", "Метод, облегчающий познание истории", "Метод доступного изучения истории", "Метод легкого познания истории". На наш взгляд, наиболее точен с точки зрения правил русского и латинского языка последний вариант, хотя совершенно адекватно смыслу, но с отступлением от латинского оригинала звучало бы название "Метод познания истории, доступный каждому". Вообще же латин-

indisecta, sexcentis excussionibus impedita. Et quae sunt alia hujusce
 generis, quibus ita imminuitur fama hujus colloquii, ut Jo. a. Superstitio
 nitas et caritas, quibus se sustentare possit. Siquidem a Regine Christi
 na olim 100 ducatorum pretio est redemptum. Et quia Rex doctor Christianus
 persecutus, non ita esse obviam, ut vel vixum a multis, vel videri queat.
 Heremianus.

Vide etiam, quae de Bodini colloquio adduxit Struvius in Introductione
 one in notitiam rei literariae cap: IX. s. 4. p. 449 445.

De judaeitate Bodini animo commentantur Schudt in Memorabilibus
 Judaicis Tom. I p. 124. Pet. Baclius in Dictionario Historico Critico Tom. I.
 et Henr. Scharbaum in Judaismo detecto p. 36. 399.

Владельческая запись в издании "Метода", 1572

ский язык Бодена не является образцом ни классической, ни средневековой латыни. В тексте встречается много французских оборотов и сокращений. И хотя Боден писал, что продолжительность жизни любой книги определяется ее содержанием и увлекательной формой повествования, сам он вряд ли может считаться талантливым писателем. Форма, в которую он облакал интереснейшие идеи, очень сложная и значитель-

но затрудняет понимание. В “Методe” много повторений, автор неоднократно возвращается к одной и той же мысли в разные места (иногда с точностью до запятой цитируя самого себя). Это определяет неподходящую в изложении материала. Вот почему произведения Бодена были не особенно популярны в XVII в., а XVIII век фактически не знал их. Следуя латинскому оригиналу 1572 г., критическому изданию, а также используя все известные переводы на европейские языки, мы постарались максимально точно воспроизвести смысл текста Бодена, адаптировав его к современному русскому литературному языку и восприятию современного человека. В X главе, содержащей, по сути, список сочинений, которые рекомендует Боден для изучения всемирной и локальных историй, названия произведений даны в том виде, в котором они существовали в XVI в., как их знал или помнил Боден. Соответствия с современными названиями приводятся в примечаниях в том месте, где комментируется цитата Бодена из того или иного сочинения.

Боден указал на исключительное место истории среди других отраслей знания и наделил ее полной самостоятельностью, поставив на службу истории географию, астрономию, математику и другие научные дисциплины, наделяя их лишь вспомогательными функциями при изучении опыта прошлого. Подобный подход был разработан падуанскими натурфилософами еще в XIV в. в отношении медицины, за которой было закреплено ведущее место среди всех естественных наук. В ней использовались знания из биологии, ботаники, анатомии, фармакологии, астрономии и других дисциплин.

Боден обращается к теории и философии истории, ибо он решает вопрос о природе предмета — источника и основы его собственных представлений о мире. К середине XVI в. “практическая” история, имеющая дело с описанием конкретных событий, накопила солидный опыт. Боден же обратился к внутренней критике процесса получения исторического знания, что было закономерно для развития истории в тот период, поднявшейся до ступени рефлексии, дающей науке возможность самообоснования, возможность “посмотреть на себя со стороны”. Любая наука определяется предметом ее исследований и методами, с помощью которых осуществляется познавательный процесс. В “Методe” дается узкое и широкое определение термина “история”. История в широком смысле, т. е. по форме выражения, есть “правдивое изложение”. Боден выделяет три вида истории по объектному признаку: человеческая, естественная и божественная. Тройное деление истории можно проследить и в работах Франческо Патрици⁵¹ и Луи Леруа⁵². Патрици, например, выделяет три вида истории: историю мысли, историю слова и историю действий. Трихотомия Патрици касается только человеческой истории, при этом не учитывается ее детерминированность природным и Божественным влиянием. Боден указывает, что тройное деление истории уже отмечено многими учеными мужами. Поэтому себе он отводит на первый взгляд скромную роль — внести порядок и соразмерность в историю, особенно это касается истории дел

человеческих, которая так отличается от естественной и божественной не только причинами, но и целями. Естественная история имеет необходимую и постоянную последовательность причин и следствий, человеческая же намного сложнее. Вообще же, считает Боден, человек будет постоянно совершать ошибки, если не будет руководствоваться природой, т. е. естественным порядком. Но при этом и отклонение от божественной истины также ввергает людей во всевозможные грехи и несчастья. Дж. Хупперт⁵³ в своем исследовании подчеркивает отказ Бодена от теологической интерпретации истории. При этом его главным аргументом является то, что Боден, выделив божественную историю, как бы “освободил” от нее человеческую и естественную. Исследователь утверждает, что закономерности каждой из них рассматриваются Боденом совершенно независимо друг от друга. Человеческая история объясняет поступки человека, живущего в обществе, естественная история изучает скрытые причины тайн природы, а священная постигает совершенство. Истины, которые могут быть открыты в естественной истории, приводят к логически верным и практически необходимым результатам, тогда как события священной истории относятся к сфере духовного, веры и полностью зависят от божественного произвола. По мнению Хупперта, основную причину событий человеческой истории Боден находит в человеческих желаниях, которые очень изменчивы. Поэтому делается вывод, что Боден затруднялся в определении собственно исторических закономерностей в этой области и ставил вопрос о проверке информации, которая используется историками, более надежными источниками, например данными этнологии, географии, астрономии. Это, по Хупперту, уменьшало вероятность хаотических изменений и давало Бодену возможность установить некоторые правила в человеческой истории. На наш взгляд, трихотомия Бодена создавалась не в целях изучения каждого вида истории отдельно, без какой-либо взаимосвязи с другими, что действительно облегчило бы познание, но одновременно упростило и исказило бы представления о человеческой истории, потому что был бы утрачен ее детерминистский характер. Главным приделением истории для Бодена было показать через синтез ее универсализм, ее всеобъемлющую связь с природой и Богом. Специфика в определении объекта и субъекта в каждом виде истории бесспорно есть: в человеческой — это человек и общество, детерминанты — природа и Бог; в естественной — природа, детерминанты — человек и Бог; в священной — Бог, Творец мира. Но естественная и священная истории, их законы и смысл существуют, воплощаются и постигаются только в рамках истории человеческой. Люди, наделенные душой и разумом, изучая естественную и человеческую истории, могут лишь приблизиться к пониманию божественного замысла и преклониться перед его величием. На наш взгляд, совершенно очевидно, что одной из черт историографической модели Бодена является теологический монизм.

Характеризуя термин “история” в узком смысле слова, Боден раскрывает многообразное содержание *предмета* исторических занятий.

Он пишет: “Человеческая история — это действия, деятельность (actio) людей, ясно и правдиво описанная в повествованиях о событиях давно минувших”. Actio, по Бодену, есть нечто, являющееся целью само по себе. Используется и термин “effectio”, т. е. “делание, непосредственное производство, совершение, то, что получается в итоге работы, подобно письму”. Боден является новатором и в том, что первым среди мыслителей своего времени выделил в отдельный вид истории математику. Причиной такого отношения к этой науке является то, что, по мнению Бодена, человеческая история развивается на основе гармонической пропорции, а ее изучением занимается именно математика. Таким образом, ставится вопрос о “просчитываемости” ритмов исторического развития.

“Метод легкого познания истории” был первым большим трудом Бодена и именно в нем содержится творческий, исследовательский план, реализуемый им на протяжении всей его жизни. История — человеческая, естественная и священная — была предметом исследований во всех трактатах Бодена, поскольку главное в истории — деятельность, а деятельность есть сама жизнь. На наш взгляд, боденовской логике соответствует деление всех его сочинений на основе трех видов истории, которые он сам предложил: человеческая история — “Ответы на “Парадоксы” господина Мальтруа”, “Об универсальном праве”, “Парадоксон”; естественная история — “Театр природы”; священная история “Демономания колдунов”, “Семичастный разговор”. “Метод легкого познания истории” содержит в себе основные подходы к изучению всех видов истории. Поэтому, на наш взгляд, изучение творческого наследия Бодена следует начинать именно с этого произведения.

¹ *Chauvire R.* La physique de Jean Bodin // *Revue d'Anjou Nouvel.* 1912. Vol. 65, sept. P. 145—177.

² *Opiani.* De venatione, P., 1555. Dedicatio.

³ *La Collège de France* (1530—1930), P., 1932.

⁴ *Kelley D.* Foundations of modern historical scholarship: Language, law and history in French Renaissance. N.Y., 1970.

⁵ *Монтень М.* Опыты. Кн. 1. М.; Л., 1932.

⁶ *Kelley D.* Op. cit. Chap. III.

⁷ *Barroux R.* Pierre de la Ramée et son influence philosophique // *Ecole nationale du Chartiers.* Porition des thèses. P., 1922.

⁸ *Chauvire R.* Op. cit. P. 30.

⁹ *Boucher J.* L'incarcération de Jean Bodin pendant la troisième Guerre de Religion // *Nouvelle revue du seizième siècle.* P., 1983. P. 33—44.

¹⁰ *Chauvire R.* Op. cit. P. 524—529.

¹¹ *Schmidt A.* Etudes sur le XVIe siècle. P., 1898. P. 24.

¹² *Lamprecht F.* Zur Theorie der humanistischen Geschichteschreibung, Zurich, 1950. S. 76.

¹³ *Hauser H.* La modernité du 16e siècle. P., 1930. P. 68.

¹⁴ *Boudoin F.* De institutione historiae et coniuntione eius cum jurisprudentia. P., 1561.

¹⁵ *Dubois C.-G.* La conception de L'histoire en France au XVIe siècle (1510—1610). P. 1977.

¹⁶ *Moreau-Reibel J.* Jean Bodin et le droit public comparédans ses rapports avec la philosophie de l'histoire. P., 1933. P. 125—139.

¹⁷ *Bayle P.* Dictionnaire historique et critique. Rotterdam, 1740.

¹⁸ *Bodin J.* Les six livres de la République. P., 1576. P. 2, 263.

¹⁹ *Bodin J.* Oratic de instituenda in Republica juventute. P., 1559.

²⁰ *Deveze M.* La vie de la forêt français au XVIe siecle. P., 1981.

²¹ *Delachenal P.* Histoire des avocats au parlement de Paris, 1300—1600. P., 1885.

²² Вопрос о том, является ли Боден автором “Семичастного разговора”, обсуждает К.-Ф. Фальтенбахер в своей работе ““Семичастный разговор” и новая картина мира Галилея”, (М., 1996).

²³ *Bodin J.* Les six livres de la République. P., 1576. P. 256.

²⁴ *Bodin J.* La Reponse au Paradox de M. de Malestroit. P., 1569.

²⁵ *Hauser H.* La Reponse de Jean Bodin à de Malestroit. P., 1932. P. 10—11.

²⁶ Les ecrous de la Conciergerie sont les seuls des prisons parisiennes à avoir été conserés pour le dernier tiers du XVIe siècle. Archives de la prefecture de police, Bibliothèque d'histoire du protest. français. Ms 390.

²⁷ *Mesnard P.* La pensée religieuse de Bodin //Revue du XVIe siècle. P., 1929. P. 399—407.

²⁸ *Ibid.* P. 402.

²⁹ *Bodin J.* Les six livres de la République. P. 146.

³⁰ *Thou J.K. de.* Histoire universele. P., 1589, T. 13. P. 34.

³¹ *Sauval H.* Histoire et recherches des antiquites de la ville de Paris: 4 vol. P., 1724.

³² *Bodin J.* Les six livres de la République, P. 151.

³³ *De Mayer, des Etats-Generaux et autres assemblées nationales.* La Haye, 1789. T. XIII. P. 256—269.

³⁴ *Chauvire R.* Op. cit. P. 529—530.

³⁵ *Ibid.* P. 37.

³⁶ *Bayle P.* Op. cit. P. 585.

³⁷ *Memoires du due de Nevers: 2 Vol. P., 1665. Vol. 1. P. 577—599.*

³⁸ *Малле-Жорис Ф.* Три времени ночи. Жанна. Повести о колдовстве. М., 1991.

³⁹ *Chauvire R.* Op. cit. P. 38.

⁴⁰ После двух войн (4 и 5), последовавших за Варфоломеевской ночью, протестантам была предоставлена свобода вероисповедания повсюду, кроме Парижа и земель королевского домена, дано право организовывать свои отделения при судебных палатах, кроме того, им было оставлено восемь крепостей, помимо четырех, полученных раньше. Все это дало возможность гугенотам вооружить несколько крепостей и выставить армию в 20 тысяч человек. Внутри Французского королевства образовалось федеративное государство дворянства и аристократии, которое даже чеканило собственную монету. 30 мая 1574 г. умер король Франции Карл IX и власть перешла в руки его брата Генриха III. Число людей, недовольных политикой, проводимой королевской властью, повсеместно росло. Активизировалась и католическая партия Гизов, которая встала на путь открытой антидинастической борьбы. Становилось ясно, что Генрих III не оставит наследника престола и после его смерти на престол должен будет взойти его младший брат Франсуа Анжуйский или, в случае его смерти, Шарль Бурбон (престарелый кардинал), а в случае смерти и последнего — его племянник Генрих Бурбон, король Наварры. Но это было равносильно краху всех планов Гизов, и они пошли по пути создания самостоятельной организации, по примеру гугенотов. Так в 1576 г. была создана Первая Католическая лига (всего их было три). Принадлежность к лиге была объявлена обязательной

для всех праведных католиков. Члены лиги во всем должны были повиноваться своему вождю Генриху Гизу; все они клялись отдать за него и за “правое дело” свою жизнь. Через лигу Гиз рассчитывал рано или поздно добраться до престола. Лига собирала в свою пользу налоги, вербовала людей в собственную армию; устанавливала присягу (особую, в которой верность королю гарантировалась лишь в том случае, если он будет править в соответствии с указаниями Генеральных штатов). Фактически реализация этой программы была равносильна ниспровержению королевского абсолютизма. Внутри лиги начались разногласия между ее руководителями и рядовыми лигёрами. Этим умело воспользовался Генрих III. Опираясь на поддержку рядового дворянства и городов, он объявил себя главой Католической лиги, которая теперь стала называться “Королевская лига”. Соответственно был изменен и текст присяги, которую давали все, вступающие в лигу. Таким образом лига изменяла своему первоначальному назначению. Это совершенно не устраивало ее организаторов — Гизов и их последователей, и они переносят центр своей деятельности в Париж, ведя там антиправительственную агитацию.

⁴¹ *Baudrillart H. Jean Bodin et son temps.* P., 1853.

⁴² *Moreau-Reibel J. J. Bodin et la Ligue // Humanisme et Renaissance.* P., 1935. P. 422—440.

⁴³ *Ibid.* P. 430.

⁴⁴ *Lettres de J. Bodin officier à Laon a l'un de ses amis meschant du temps // Chauvire R. Op. cit. Appendics.*

⁴⁵ *Veir J. du Memoires.* P., 1598. P. 122.

⁴⁶ *Chauvire R. Op. cit.* P. 80—85.

⁴⁷ *Moreau-Reibel J. J. Bodin et la Ligue.* P. 424.

⁴⁸ Владельческая надпись в издании “*Methodus*” 1572 г.: “Книга Иоханнеса Бодина о методе легкого познания истории не должна читаться без тщательной осторожности, ибо в ней повсюду хитро рассыпаны семена зловерного, пагубного учения... Иоханнес Бодин из Анжу родился в 1529 году, мальчиком вступил в кармелитский монастырь, затем, освобожденный от обета, принятого в незрелом возрасте, серьезно занялся науками, прежде всего прославился своим сочинением о чтении истории, а также изданными “Шестью книгами о государстве” вполне укрепил и преумножил свою славу. Муж, как Куяе его называет, безрассудный и надменный. К немцам очень недоброжелателен. Умер в Лаоне от чумы, где служил магистратом с 1585 по 1596 гг. Оставил сочинение “Беседа семи мудрецов о тайнах возвышенных вещей”, в которое ввел 1. паписта, 2. лютеранина, 3. эклектика, 4. натуралиста, 5. реформатора, 6. иудея, 7. мусульманина, беседующих о делах, относящихся к религии, и отдал иудею и натуралисту самые весомые аргументы... и потому, думают, подтвердил подозрение, появившееся в отношении его уже ранее, что рожден он матерью из рода тайных иудеев, и что он больше иудей, чем христианин... Отсюда те дерзкие, нечестивые и хулильные высказывания в отношении Христа и христианской религии”.

⁴⁹ *Ponthiex A. Quelques documents médiés sur Bodin // Revue du XVIe siècle.* P., 1928. P. 56—99.

⁵⁰ *Bodin J. Methodus da faciem historiarum cognitione.* P., 1572.

⁵¹ *Patrize F. Della historia diece dialoghi.* Venetia, MDLX.

⁵² *Leroie L. de. Considerations sur l'histoire universelle.* P., 1562.

⁵³ *Huppert J. The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France).* L., 1969.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

¹ Законы XII таблиц (лат. *Leges XII Tabularum*) — древнейшая письменная фиксация римского права, осуществленная в 451—450 гг. до н.э. специально избранной для этой цели коллегией децемвиров. Эти законы были выставлены на форуме, однако плита с их текстом была уничтожена в 387 г. до н.э. во время нападения галлов на Рим. Реконструкции текста законов основаны на цитатах более поздних авторов. Первый полный русский перевод собрания фрагментов законов XII таблиц, включая все контексты и комментарии древних авторов, опубликован в 1996 г. Законы XII таблиц. Сост. и пер. Л.Л. Кофанова. М., 1996.

² Закон Эбуция. См. *Новицкий И.Б.* Римское право. М., 1993. С. 37.

³ Кодекс Юстиниана — составная часть *Corpus iuris civilis*. В 528 г. Юстинианом учреждена комиссия юристов для составления сборника римских конституций (императорских распоряжений) с целью замены устаревших законов и устранения противоречий в законодательстве. С принятием Кодекса Юстиниана 16 апреля 529 г. все, не вошедшие в него конституции, как и прежние сборники законов, потеряли свою силу. Кодекс Юстиниана включает 4652 отрывка из императорских распоряжений, начиная от императора Адриана (II в.) до самого Юстиниана. Состоит из 12 книг, излагающих церковное право и обязанности государственных служащих (1-я книга), частное право: имущественные и правовые отношения (2—8-я книги), уголовное право (9-я книга), административное и финансовое право (10—12-я книги).

⁴ Синедрион (греч.), евр. — санхедрин (Мат. 5:22), так назывался верховный суд в Иерусалиме, который по Талмуду, являлся приложением Совета семидесяти, избранного Моисеем (Исх. 24:1, Исх. 11:16). Синедрион появляется во времена Маккавеев (Совет старейшин в 2 Макк. 1:10, 4:44), но Иосиф Флавий называет его Синедрионом только со времен Ирода. Этот суд отличался от других учреждений подобного рода (как, например, суд Иосафата) тем, что он имел значительную административную власть и до некоторой степени являлся даже властью политической. Синедрион состоял из первосвященников, старейшин и законников. По Талмуду, число членов Синедриона было 70 (Иоан. 18:22). Синедрион, главным образом, разбирал дела, касающиеся религиозных вопросов, например, богохульства, отпадения от веры, лжеучений.

⁵ Жан Синквабрий (Кинквабрий) был профессором еврейского языка в Коллеж де Франс в 1554 г., умер в 1587 г., автор “*De rerum grammatica Hebraeorum*” и “*Institutiones in Linguam Hebraicam*”.

⁶ Жан Мерсьер — преемник Ватабля по кафедре еврейского языка в Коллеж де Франс, позднее он вынужден был покинуть Францию по религиозным убеждениям и умер в 1570 г.

⁷ Гуарино — возможно, это ссылка на Гуарино Пизанского, который преподавал право в Пизе в XVI в. Он является автором “*Tractatus de Romanorum et Venetorum magistratum inter se comparation*”. Известный Гуарино из Вероны не написал по праву ничего фундаментального.

⁸ Иоахим Мюнсингер (1517—1588) был известным германским правоведом.

⁹ Правила Поликлета — Поликлет из Аргоса был древнегреческим скульптором и теоретиком искусства 2-й половины V в. Он является автором трактата “Канон”. Под влиянием пифагоризма Поликлет стремился обосновать и практически воплотить законы идеальных пропорциональных соотношений, выражавшиеся по его теории в стремлении к ясной соразмерности отдельных частей гармонически сложного человеческого тела. Согласно канону Поликлета, длина ступни должна составлять 1/6 длины тела, высота головы — 1/8.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика. V, 14(X), 1137b.30

¹¹ Франсуа ле Дюрен был французским правоведом, родился около 1232 г. В Страсбурге в 1473 г. был опубликован трактат “Speculum indiciale”, который принес ему посмертную известность.

¹² Гий дю Фабр (1529—1587), сеньор де Пибрак — канцлер Королевского тайного совета, которому Боден посвятил “Шесть книг о государстве” в 1576 г. Дю Фабр учился в Падуе у Алкиатти и представлял интересы Карла IX в Совете Трента. Он проводил важные исследования по традиционному праву, написал комментарии к Кодексу Юстиниана и другие сочинения.

¹³ Гий Пап (1402—1487) — канцлер парламента Гренобля, французский правовед, который занимался традиционным правом.

¹⁴ Бартолеми Шассоне (1480—1541) изучал юриспруденцию в нескольких университетах: в Балонии, Турине, Павии, занимал государственные и дипломатические посты. В 1517 г. опубликованы отрывки из его “Комментариев к обычному праву Бургундии”, которые принесли ему известность. Полностью его сочинение было напечатано в 1528 г.

¹⁵ Николая Буае (1469—1539) был профессором права в университетах Монпелье, Бордо и Буржа.

¹⁶ Экуонер Барон (1495—1555) — один из крупнейших теоретиков права, стоял у истоков формирования школы национального права во Франции, преподавал право в университете Анжера во времена юности Бодена. Комментировал Кодекс Юстиниана и Дигесты, оставил работу о кутюмах Бретани.

¹⁷ Франсуа Канно (1508—1551) — докладчик в Королевском совете при Франциске I. Известный и авторитетный в то время знаток права, считавший, что римское право необходимо рассматривать не только в терминах эпохи его создания и действия, но и в сущностном действии. См.: *Бобкова М.С.* Пути становления национальной школы права во Франции XVI в. // *Древнее право.* Указ. Соч. С. 188—195.

¹⁸ Андре Тиракье (1480—1558) был назван Варроном своего времени, советник Франциска I, написал сочинение о знатности и правах, которые дает первородство.

¹⁹ Барнабе Бриссон (1531—1591) — известный правовед, неоднократно выполнял различные дипломатические поручения. Он составил так называемый “Кодекс Генриха III”.

²⁰ Шарль Дюмулен (1500—1566) — высочайший авторитет для всех юристов, интересовавшихся правом обычным, франкским, французским, юрист в пятом поколении, степень магистра искусств он получил в университете Парижа, доктора права — в Орлеане, каноническое право штудировал в Пуатье. С 1525 г. Дюмулен — адвокат Парижского парламента. См. *Червоная Т.М.* Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992; *Уваров П.Ю.* Казус Дюмулена // *Древнее право.* 1998. № 1(3). С. 196—205.

²¹ Школы Буржа — факультеты права университетов Буржа и Орлеана считались самыми первоклассными школами, в которых готовили будущих правоведов и юристов. См. *The Cambridge history of political thought, 1450—1700* / Ed. by J.N. Burns, 1994; *Бобкова М.С.* Указ. Соч. С. 188—196.

²² Дени Реанд — королевский адвокат, умер в 1557 г.

²³ Жан Ферьер — посол в Венеции, известный правовед своего времени.

²⁴ Демад — афинский политик и оратор, приобрел известность в 338 г. до н.э. благодаря своей промакедонской ориентации (битва при Херонее). Добылся вынесения смертного приговора Демосфену и Гипериду. В 319 г. до н.э. казнен Кассандром. Из популярных произведений Демада сохранились лишь некоторые фрагменты.

²⁵ Папиниан Эмилиус — один из знаменитейших римских юристов, родился около 146 г., казнен при Каракалле в 212 г. Занимал различные высокие всаднические должности, был префектом претория. Цитаты из его трудов занимают существенное место в Своде гражданского права; Сцевола — имеется в виду К. Цервдий Сцевола, римский юрист, всадник, член совета при императоре Марке Аврелии. До нашего времени от его многочисленных работ сохранились только заглавия произведений и отдельные выдержки из них; Лабейон М. Антистий — умер в 10/11 г. н.э., римский юрист из сенаторского сословия. Написал около 400 трактатов, до нашего времени дошло около 500 отрывков. Он сыграл значительную роль в разработке римского права и имел огромный авторитет у последующих поколений юристов.

²⁶ Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 до н.э., сын Давида. Провел ряд административных реформ, добивался централизации религиозного культа. Согласно Библии славился необычайной мудростью.

²⁷ Ликург — имеется в виду легендарный законодатель Спарты, который якобы по велению дельфийского оракула между IX в. и 1-й пол. VII в. до н.э. создал политические институты спартанского общества. В Спарте ему воздавались божественные почести.

²⁸ Децемвиры (лат. *decemviri* — десять мужей) — члены коллегии из 10 должностных лиц или жрецов.

²⁹ Адриан П. Элий (лат. *Nadrianus*, 76—138 гг. н.э.) — римский император со 117 г., провел правовую, финансовую и военную реформы.

³⁰ Франциск I (1494—1547 гг.) — французский король с 1515 г. из династии Валуа. Его политика была направлена на превращение Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах 1494—1559 гг. одержал победу в 1515 г. в битве при Мариньяно. В битве при Павии в 1525 г. был пленен, после возвращения из плена продолжил военные действия. На период его правления приходится расцвет французского Ренессанса и распространение протестантизма во Франции.

³¹ Гален (129—199 гг.) был греческим врачом. С 169 г. — лейб-медик при дворе императора. Он был последним представителем научной медицины в античности. Из своих предшественников признавал авторитет Гиппократов, в вопросах философии разделял взгляды Аристотеля. Физиологические представления Галена предопределили характер понимания им особенностей психологии человека. Это выразилось в его учении о темпераменте. Гален полагал, что смешение четырех основных соков, входящих в состав организма, обуславливает различия в психологических свойствах людей. Начиная с 4 в. его произведения (большая часть сохранившиеся до нашего времени) получили высокую оценку и стали главным источником для медицинских справочников и руководств.

³² Диамед — греческий герой, участник Троянской войны, сын Тидея, царь Аргоса. Диамед прославился подвигами, некоторые из них он совершил вместе с Одиссеем. Культ Диамеда известен в Аргосе и в Южной Италии.

³³ Календы — в римском лунном календаре первый день каждого месяца, отсюда происходит слово “календарь”.

ВВЕДЕНИЕ О ЛЕГКОСТИ, ПРИЯТНОСТИ И ПОЛЬЗЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

¹ Герострат — жаждавший славы житель Эфеса, по преданию, в 356 г. до н.э. поджег храм Артемиды в Эфесе в ночь рождения Александра Македонского. В связи с этим кощунственным поступком имя Герострата вошло в историю. По решению жителей ионийских городов его имя было предано вечному забвению, но о нем упоминает греческий историк Феопомп (Теопомп) из Хиоса (377 — после 320 гг. до н.э.).

² Катилина Луций Сергий (108—62 гг. до н.э.) — обедневший римский патриций, сколотивший состояние в период сулланских проскрипций. Потерпев несколько раз неудачу на консульских выборах, он организовал заговор с целью ликвидировать республиканские устои и овладеть единоличной властью. Цицерон, будучи консулом, получил сведения о намерениях Катилины, приказал его арестовать и казнить. После неудавшегося покушения на жизнь Цицерона, Катилина бежал из Рима и собрал войско в Этрурии. В сражении при Пистории был побежден и пал в бою. Тит Ливий (59—17 гг. до н.э.) повествует о заговоре Катилины в сочинении “История Рима от основания города”.

³ Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37—68 гг. н.э.) — римский император с 54 г. До 62 г. юный император находился под влиянием начальника преторианцев Бурра и своего бывшего наставника Сенеки, ориентировавших его на сближение с сенатом. В этот период были преобразованы финансовая система и судопроизводство. После смерти Бурра Нерон фактически отстранился от управления государством. С назначением нового начальника гвардии Софония Тигеллина в 62 г. начинается период деспотического произвола. Летом 64 г. разразился пожар Рима. Чтобы отклонить от себя подозрения, Нерон обвинил в поджоге христиан. С 64 г. Нерон публично выступает как певец, актер и возница на арене цирка. Измена преторианской гвардии и осуждение сената вынудили Нерона покончить с собой в загородной вилле вблизи Рима. По его приказу были убиты его сводный брат Британик, умерщвлена его мать Агриппина и жена Октавия (сестра Британика).

⁴ Тиберий Клавдий Нерон (42—37 н.э.) — Боден называет его Августом, потому что он был усыновлен Августом. В 13 г. Тиберий стал соправителем, а после смерти Августа — императором. Тацит изображает его тираном, подозрительным, недоверчивым и лицемерным человеком. Биография Тиберия была написана Светонием.

⁵ Гай Светоний Транквилл (ок. 70 — ок. 140 гг. н.э.) — римский писатель, происходивший из сословия всадников, при Адриане руководил императорской канцелярией. Впав в немилость, Светоний занялся писательской деятельностью. Оставил обширное наследие, но из его многочисленных трудов полностью до наших дней дошли лишь жизнеописания 12 первых императоров — от Цезаря до Домициана (“О жизни цезарей”), в них использованы архивы и сообщения современников; биографии расположены согласно четкой схеме и

призваны развлекать читателя. От второго его крупного произведения, содержащего биографии известных поэтов, риторов, грамматиков и историков (“О блистательных мужах”), сохранились лишь фрагменты.

⁶ Публий Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120 гг. н.э.) — последний великий римский историк, родился в аристократической семье, в молодости был известен как оратор, в 112 г. стал проконсулом римской провинции Азия. Как писатель Тацит стал известен после смерти императора Домициана (98 г.). Его основные произведения: “Жизнь и характер Юлия Агриколы”, “Германия”, “Диалог об ораторах”, “История” в 14 книгах, “Анналы” (“История о смерти божественного Августа”) в 16 книгах.

⁷ Эги, Бура, Гелика — греческие города, разрушенные в результате природных катаклизмов.

⁸ Альфонс — вероятно, имеется в виду Альфонс XI (1311—1350 гг.), был королем Кастилии и Леона, вел централизаторскую политику, успешно воевал с арабами, умер при осаде г. Гибралтар.

⁹ Фердинанд II Арагонский (1452—1516 гг.) — король Арагона с 1479 г., Сицилии с 1468 г., фактически первый король объединенной Испании.

¹⁰ Квинт Курций Руф — римский историк около 50 г. н.э. (или в середине II в.) написал обширный исторический трактат в 10 книгах, посвященный эпохе и правлению Александра Македонского.

¹¹ Лоренцо Великолепный Медичи (1449—1492 гг.) — правитель Флоренции с 1469 г. Меценат, способствовал развитию культуры Возрождения, поэт.

¹² Конрад III Штауфен (1093 (?) — 1152 гг.) — германский император с 1075 (?) г.

¹³ Публий Корнелий Сципион Африканский (235—183 гг. до н.э.) — сын погибшего в 211 г. до н.э. в Испании отца-тезки, который в 218 г. до н.э. был консулом. Сципион принимал участие во 2-ой Пунической войне, сражаясь у Тичина и при Каннах, в 211 г. до н.э. стал проконсулом в Испании и получил верховное командование без предварительного прохождения магистратур. В 205 г. до н.э., после изгнания карфагенян из Испании, стал консулом, в 204 г. до н.э. руководил высадкой в Африке (отсюда прозвище Африканский Старший); в 202 г. до н.э. решил в пользу Рима исход битвы при Заме и тем самым всей 2-й Пунической войны. В 199 г. до н.э. — цензор, в 194 г. до н.э. — вновь консул. Принимал участие в войне против Антиоха III. В 199—198 г. до н.э. Сципион был принцепсом сената, затем вплоть до смерти жил уединенно в своем поместье в Литерне. Рассказы о его жизни содержатся в сочинениях Ливия.

¹⁴ Ксенофонт Афинский (ок. 430 — после 355 г. до н.э.) — историк и писатель, ученик Сократа. Принял участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса. Автор исторических трудов “Анабасис”, “Греческая история”, а также тенденциозного педагогического романа “Киропедия” или “Воспитание Кира”, где Ксенофонт, с поэтической вольностью описывая жизнь Кира Старшего, излагает собственные мысли об образовании и воспитании идеального правителя.

¹⁵ Селим I Грозный (Явуз) (1467/68 или 1470—1520 гг.) — турецкий султан с 1512 г. В ходе завоевательных войн подчинил Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджас.

¹⁶ Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н.э.) — римский политический деятель и полководец. Из литературного наследия до нас дошли “Записки о галльской войне” в семи книгах, “Записки о гражданской войне” в трех книгах.

¹⁷ Александр III Великий Македонский (356—323 гг. до н.э.) — воспитанник Аристотеля, один из великих античных полководцев и завоевателей, воен-

ные кампании которого отличались дерзостью и полководческим искусством, создатель огромной империи.

¹⁸ Карл V Габсбург (1500—1558 гг.) — император Священной римской империи в 1519—1556 гг. Пытался под знаменем католицизма осуществить план создания мировой христианской державы. Вел войны с Францией (Итальянские войны), с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с германскими князьями-протестантами и после заключения с ними Аугсбургского мира в 1555 г. отрекся от престола.

¹⁹ Людовик XI Валуа (1423—1483 гг.) — король Франции с 1461 г. Время его правления ознаменовало собой завершение процесса централизации, подавлял проявления сепаратизма. Присоединил к королевскому домену ряд территорий, в том числе Анжу, Пикардию. Покровительствовал городам и развитию торговли.

²⁰ Филипп де Коммин (ок. 1447—1511 гг.) — происходил из знатного семейства ван ден Клитов. Французский политический деятель и историк. Написал сочинение “Хроника и история, содержащая события, происшедшие во время царствования королей Людовика XI и Карла VIII, за период от 1464 до 1498 гг.” и “Мемуары”. Сочинения Коммина являют собой новый этап исторического знания, связанный с секуляризацией сознания и попытками рационального объяснения действительности.

ГЛАВА II. О ПРАВИЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ИСТОРИИ

¹ Полибий (ок. 200—120 гг. до н.э.) — древнегреческий историк и политик из Мегалополиса. Сопровождал Сципиона в некоторых его походах. Автор “Всемирной истории” в 40 книгах, охвативших период, начиная с 264 г. до н. э. (Пунические войны). Его цель состояла в том, чтобы показать обретение Римом всемирного господства и формирование исторической миссии римлян в политической консолидации Средиземноморья в период распада древнегреческой государственной системы. В своем труде Полибий заботился не столько о красоте литературного стиля, сколько об исторической правде. Стремился критически проанализировать истинные причины и ход исторических событий, внес важный вклад в развитие исторического метода в античной историографии. Придавал большое значение историческим личностям, природным условиям, а также судьбе как движущим силам развития.

² Фабий Пиктор — римский историк. В 216 г. до н.э. возглавил римское посольство к святилищу Аполлона в Дельфах. Составил первое римское историческое описание от Энея до 2-й Пунической войны, разделил ход времени на годичные отрезки.

³ Пунические войны — общее обозначение трех войн Рима против карфагенян (пунийцев). В 1-й Пунической войне (264—241 гг. до н.э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. В ходе 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н.э.) Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы. Причина 3-й Пунической войны (149—146 гг. до н.э.) состояла в том, что Рим решил навеки уничтожить Карфаген как своего конкурента. Карфаген был разрушен, а его жители сделаны рабами. Город и страна стали составной частью Римского государства (провинция Африка).

⁴ Дионисий Галикарнасский — греческий ритор и историк. В VII в. до н.э. написал “Римские древности” в 20 книгах, где исследуется римская история с древнейших времен до 1-й Пунической войны. Для Бодена особую ценность представляет сравнительно небольшое произведение Дионисия “О Фукидиде”.

⁵ Силен — спутник Ганнибала, греческий историк, автор истории II-ой Пунической войны (на греч. яз.).

⁶ Тимей (356(?) — 260(?) гг. до н.э.) — греческий историк, который написал труды по истории Сицилии и Южной Италии вплоть до смерти Пирра (272 г. до н.э.), а возможно, и до начала 1-й Пунической войны.

⁷ Видимо имеется в виду Антигон II Гонат (ок. 319—239 гг. до н.э.).

⁸ Иероним — из Родоса, историк и философ-перипатетик III в. до н.э.

⁹ Иоханн Функ (1518—1566 гг.) — немецкий богослов и историк церкви.

¹⁰ Евсевий Кесарийский (260—339 гг.) — епископ в Кесарии, историк церкви, выступал также как собиратель античной литературы, известен биографическими трудами (панегирик “Житие императора Константина”). Благодаря своей учености был приближен к Константину I.

¹¹ Беда Достопочтенный (673—731 гг.) — англосаксонский теолог и историк. Одно из основных произведений “Церковная история народа англвов”, в которой в качестве источников, наряду с анналами и хрониками, используется документальный материал. Другое сочинение Беды — всемирная хроника, построенная по плану Августина с периодизацией по шести “возрастам”, стало образцом для учебников истории, имевших широкое хождение на протяжении почти всего средневековья.

¹² Иоханн Лукид Самотий — математик XVI века, занимался хронологией, автор “Emmendationes temporum”.

¹³ Сигизмунд Мейстрелин — автор “Chronicon Augustanum ecclesiasticum”, умер в 1488 г.

¹⁴ Фригио (1499—1537 гг.) — псевдоним немецкого теолога и богослова Павла Константа Зайденштикера.

¹⁵ Иоганн Карион (1499—1537 гг.) — написал на немецком языке хронику четырех монархий от сотворения мира до 1532 г. Обработанная сподвижником Лютера Меланхтоном, она получила широкое распространение в переводах на ряд европейских языков, на латинском языке переиздавалась более 10 раз.

¹⁶ Филипп Меланхтон (1497—1560 гг.) — крупный деятель Реформации, сторонник М. Лютера. Меланхтон является автором “Всемирной истории”, где он широко использует древних авторов, перечисляет все способы периодизации, принятые до него, но излагает историю по четырем монархиям. Как лютеранский теолог он пишет свою работу для посрамления католичества (“ради прославления Реформации”).

¹⁷ Бероз (ок. 350—280 гг. до н.э.) — вавилонский историк, бежал в Грецию, основатель астрологической школы, написал для Антиоха I историю Вавилонии на греч. яз., которая не сохранилась.

¹⁸ Мегасфен — древнегреческий этнограф и географ, видимо, уроженец Ионии. По поручению Селевка I Никатора отправился во главе посольства к индийскому царю Чандрагупте и с 302 по 291 гг. до н.э. находился в его столице Паталипутре. Автор сочинения “Индика”, которое по праву считалось лучшим описанием Индии в античную эпоху. Арриан использовал это произведение в качестве основного источника при написании своей книги “Индика”.

¹⁹ Геродот из Галикарнаса (ок. 484—425 гг. до н.э.) — греческий историк. Оставил после себя записанное на ионийском диалекте “Изложение событий”,

которое в Александрии было разделено на 9 книг, а во II в. н.э. каждая книга была названа именем одной из 9 муз. Цицерон удостоил его имени *pater historiae*.

²⁰ Иосиф Флавий (ок. 37—ок. 100 гг. н.э.) — писатель-историк, происходил из иудейского священнического рода. Участвовал в Иудейских войнах, в 67 г. попал в плен, был освобожден Веспасианом (отсюда имя Флавий). Принимал участие в походе римлян против его родины, написал на греч. яз. 7 книг “Иудейской войны” и 20 книг “Иудейских древностей” (от сотворения мира до Нерона), в которых показывает историческое значение своего народа наряду с другими народами. В сочинении “Против Апиона” он выступает против клеветы, содержащейся в памфлете против иудеев, написанном александрийцем Апионом. В своей автобиографии Иосиф Флавий пытается оправдаться от возводимых на него обвинений в измене своему народу.

²¹ Имайские горы были указаны на картах Генриха Марцеллия Германца (1489 г.) и Диего Роберто (1529 г.). Памир может быть современным эквивалентом.

²² Павсаний — греческий историк II в. н.э. из Малой Азии, был прозван Периететом из-за своего сочинения “Описание Эллады” в 10 книгах. Это отчет о путешествии по Греции, созданный ок. 180 г. и основанный на собственных наблюдениях и других источниках. Несмотря на определенные ошибки, труд Павсания важен для истории античной культуры и искусства, для изучения религии, мифологии и топографии.

²³ Уранография — описание небесной сферы.

²⁴ Анемография — описание направлений ветра.

²⁵ Хорография — описание областей распространения групп животных или растений.

²⁶ Секст Руф — малоизвестный автор исторического сочинения “Краткий обзор побед римлян”, посвященного императору Валенту.

²⁷ Анний Флор Публий — римский писатель при императоре Адриане, написал краткую римскую историю (“Эптитома”) от основания Рима до Августа, опираясь на Ливия, Саллюстия и Сенеку Старшего.

²⁸ Жан дю Тилле — был епископом Меца и автором исторического сочинения “Хроника Французского королевства”, изданного в 1550 г. Умер в 1570 г.

²⁹ Павел Эмилий из Вероны — итальянский гуманист, последователь школы Бруни. Около 1499 г. Людовик XII пригласил его во Францию и с 1516 по 1539 гг. он написал “Десять книг о деяниях франков”, доведя изложение до 1488 г., где фактически пересказал “Большие хроники”, устранив наиболее неправдоподобные легенды.

³⁰ Ксифилин — жил в XI в., монах из Константинополя, компилятор, кратко изложил “Историю Рима” Диона Кассия.

³¹ Дион Кассий Коккеян (ок. 160—235 гг.) — греческий историк и римский сенатор из Никеи в Вифинии. В период правления императоров из династии Северов был наместником нескольких провинций и консулом. Написал на греческом языке анналистическую римскую историю в 80 книгах от основания Рима до времени своего консульства (229 г.), это сочинение — важный источник сведений о последнем периоде Римской республики и первых столетиях Римской империи.

³² Юстин (нач. II в. н.э. — 165 г.) — странствующий проповедник и писатель, представитель греческой раннехристианской апологетики.

ГЛАВА III. О ПРАВИЛЬНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ИСТОРИИ

¹ *Аристотель*. Никомахова этика. III. I. 1110a.

² *Аристотель*. Политика. VII. 3. 1325b.

³ Архитектоника (греч.) — художественное выражение закономерностей строения, присущее конструктивной системе зданий, а также круглой скульптуры и объемных произведений декоративного искусства. В широком смысле архитектоника — это строение художественного произведения, обуславливающее соотношение его главных и второстепенных элементов.

⁴ Магистрат — государственная (гражданская) должность в Древнем Риме.

⁵ Консул — один из высших магистратов в Древнем Риме. Консулов было два и они избирались на один год. Коллегия двух консулов была учреждена, согласно античной традиции, после изгнания Тарквиния Гордого (510—509 гг.). Консул обладал высшей гражданской и военной властью, набирал войска, возглавлял их, созывал сенат, комиции и председательствовал в них. Консулы назначали диктаторов и имели судебную власть.

⁶ Преторы (от лат. “идуший впереди”, “предводительствующий”) — в Древнем Риме государственная должность. В период ранней Республики название высших магистратов (консулы и диктаторы). В 367—366 гг. до н.э. была учреждена должность претора как младшего коллеги консула, ведшего судебные процессы по гражданским делам на основании издаваемого им самим преторианского эдикта; в отсутствие консула претор имел высшую власть. С 242 г. до н.э. избирались два претора (городской претор, ведавший судебными процессами среди римских граждан и претор для иностранцев).

⁷ Цензор (лат. “делаю опись”, “перепись”) — в Древнем Риме один из высших магистратов. Цензоров было два и избирались они сроком на пять лет. Должность цензора, в соответствии с античной традицией, появилась в 443 г. до н.э. и первоначально была доступна только патрициям, с 351 г. она стала доступна и плебейам. Цензоры осуществляли проведение ценза (перепись граждан с указанием их имущества для определения социально-экономического статуса и податного положения), надзор над нравами, занимались составлением списка сенаторов и всадников, а также контролировали финансы. Начиная с Цезаря (сер. I в. до н.э.) власть цензора перешла к императору, в эпоху империи она была ликвидирована.

⁸ Эфоры (греч. — букв. “наблюдатели”) — коллегия высших должностных лиц в Спарте. Избирались ежегодно в количестве 5 человек собранием граждан. Учреждение коллегии эфоров относится к сер. VIII в. до н.э. Эфоры собирали апеллу, председательствовали в ней, заведовали государственной казной, объявляли набор в войско, назначали военачальников, руководили судопроизводством, наблюдали за деятельностью должностных лиц, за поведением граждан, за жизнью зависимого населения.

⁹ *Аристотель*. Никомахова этика. VI. 2. 1139a.

¹⁰ Варрон (116 г. до н.э.—27 г. до н.э.) — крупнейший и наиболее плодотворный римский ученый-энциклопедист. Основным произведением были “Человеческие и божественные древности” в 41 книге, ныне утеряны.

¹¹ Марсилио Фичино (1433—1499 гг.) — итальянский гуманист, глава Платоновской академии со времени ее основания во Флоренции в 1462 г. Перевел с греческого на латинский язык многие сочинения Платона и неоплатоников, которые послужили основой для формирования ренессансного неоплатонизма.

Боден, без ссылок, часто пересказывает его сочинения “О солнце и свете” и “О тройственной жизни”. А развернутые рассуждения Фичино о гелиоцентризме приписывает Копернику.

¹² Платон (427—347 гг. до н.э.) — один из выдающихся греческих мыслителей, основатель Академии в Афинах. Основные произведения: “Государство”, “Законы”; диалоги “Тимей”, “Федр”, “Пир”.

¹³ Цинциннат Луций Квинкий — римский патриций, консул с 460 г. до н.э., диктатор в 458 и 439 гг. В 439 г. подавил восстание плебеев. Согласно Ливию и другим, Цинциннат был образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

¹⁴ Фемистокл (524—459 гг. до н.э.) — государственный, политический и военный деятель из Афин периода греко-персидских войн. С 493/492 г. до н.э. неоднократно занимал высшие должности — архонта и стратега, сыграл решающую роль в организации общегреческих сил сопротивления персам, одержал ряд побед над ними. В 471 г. до н.э., оклеветанный афинской аристократией, Фемистокл был изгнан из Афин, позднее обвинен в дружбе с персами, в тайной связи со спартанским полководцем Павсанием и осужден. После долгих скитаний бежал к персидскому царю Артаксерксу I, получил в управление ряд городов Малой Азии.

¹⁵ Секст Тарквиний — сын последнего (7-го) царя Древнего Рима Тарквиния Гордого (ок. 534 — ок. 509 гг. до н.э.). Он силой завладел Лукрецией, женой своего родственника Л. Тарквиния Коллатина. После этого Тарквиний Гордый был изгнан из города.

¹⁶ Сражение при Акции — морское сражение, состоялось в 31 г. до н.э., после победы над Марком Антонием и царицей Клеопатрой VII Август Гай Юлий Цезарь Октавиан стал единоличным римским властителем, завершив период гражданских войн.

¹⁷ Плутарх (46—127 гг.) — древнегреческий писатель, историк, философ-моралист. Примыкал к традиции платонизма, отдавая при этом дань стоикам и перипатетикам, особенно был подвержен пифагорейскому влиянию в духе позднеантичного эклектизма. Небиографические произведения Плутарха принято по традиции объединять условным названием “Моралии” (название неточное). Биографический цикл Плутарха объединен названием “Сравнительные (параллельные) жизнеописания”. В данном случае Боден ссылается на сравнительные жизнеописания Деметрия Полиоркета и Антония.

¹⁸ Антиох (324—261 гг. до н.э.) — царь из династии Селевкидов, сын Селевка I.

¹⁹ Фокион (402—318 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель, сторонник Македонии и противник Демосфена.

²⁰ Демосфен (384—322 гг. до н.э.) — древнегреческий оратор и политический деятель, ему приписывается 61 речь, но вероятно, подлинными являются меньше половины (сохранились 31 речь, 56 выступлений, 6 писем). Был идейным вождем в борьбе против Филиппа Македонского, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы (три “филиппики” 351, 344 и 341 гг. и три “олиньские речи” 349—348 гг.).

²¹ Публий Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120 гг. н.э.) — последний римский историк, автор таких сочинений как “Жизнь и характер Юлия Агриколы”, “Германия”, “Диалог об ораторах”.

²² Тацит. *Анналы*. II.62.

²³ Сенека Луций Анней Младший (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) — римский государственный деятель, философ и писатель. Как философ Сенека был эклек-

ктиком, сочетавшим стоицизм с элементами других учений. Как писатель он был мастером риторического “рубленного”, так называемого, азиатского стиля. Прозаические сочинения Сенеки — 12 небольших трактатов (диалоги, точнее — диатрибы: “О провидении”, “О гневе”, “О спокойствии духа”, “О твердости мудреца” и другие), три больших трактата “О милосердии”, “О благодеяниях”, “Естественные вопросы” и сборник “Писем к Луцию”. Поэтические произведения Сенеки это девять трагедий на мифологические сюжеты (“Эдип”, “Медея”, “Федра” и другие). Сенеке приписывают ряд небольших стихотворных произведений (3 эпиграммы) и политический памфлет на смерть императора Клавдия в 54 г. “Отыквление божественного Клавдия”. По приказу Нерона окончил жизнь самоубийством.

²⁴ Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — 50 г. н.э.) — иудейско-эллинистический философ, который в своих работах пытался научно обосновать иудейскую религию и теологию и даже соединить ее с греческой философией. Разработал аллегорический метод толкования Пятикнижия.

²⁵ Платон. Государство. IV. 443—444.

²⁶ Платон. Законы. XII. 963.

²⁷ Карл V (1500—1558 гг.) — император Священной Римской империи германской нации, из династии Габсбургов. Под знаменем католицизма он пытался осуществить план создания “мировой христианской державы”. Вел войны с Османской империей.

²⁸ Разрушение Коринфа римской армией Луция Муммия в 146 г. до н.э.

²⁹ Поражение Тарента в ходе его захвата Ганнибалом в 212—209 гг. до н.э.

³⁰ Аристотель. Никомахова этика. VI.8.1142a.

ГЛАВА IV. ВЫБОР ИСТОРИКОВ

¹ Демад был афинским оратором и политиком. Приобрел известность в 338 г. до н.э. благодаря своей промакедонской ориентации (битва при Херонее). Добивался вынесения смертного приговора Демосфену и Гипериду. В 319 г. до н.э. казнен Кассандром. Из популярных произведений Демада сохранились только фрагменты.

² Битва при Саламине произошла 28 сентября 480 г. до н.э., в ходе 12-часового морского сражения греческий флот одержал победу над персидским, значительно превосходившим его числом судов и воинов.

³ Битва при Марафоне, на Марафонской равнине афинское войско под командованием Мильтиада в 490 г. до н.э. разгромило персидскую армию и обеспечило господствующее положение Афин. Описание битвы дано в “Истории” Геродота.

⁴ Катон Марк Порций Цензорий Старший (234—149 гг. до н.э.) — римский политический деятель, автор сочинения “Происхождение” в 7 книгах (сохранились только фрагменты), охватывавшего период, начиная от ранней истории Рима и италийских племен до времен автора. До нас дошли также фрагменты некоторых из его многочисленных речей. Для своего сына Катон написал учебники по медицине, риторике, римскому праву, сельскому хозяйству и военному делу.

⁵ Ликург считается легендарным законодателем Спарты. Якобы по велению дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита между IX в. и 1-ой половиной VII в. до н.э. создал политические институты спартанского общества.

⁶ Солон (ок. 640—560 гг. до н.э.) — афинский политический деятель из знатного, но обедневшего аристократического рода. Занимался морской торговлей, путешествовал. Имел большой политический и государственный опыт. Прославился как военачальник в войне Афин с Мегарой за Саламин. С 594 г. был архонтом и айсиметом (посредник для улаживания социальных споров). Имел чрезвычайные полномочия для того, чтобы преодолеть затяжной экономический и политический кризис афинского государства. Провел ряд социально-политических реформ, в том числе сисахфию, закон о свободе завещаний, унификацию мер и весов. Один из первых античных поэтов. В античное время Солон был причислен к числу Семи мудрецов.

⁷ Улисс (лат., греч. — Одиссей) — в древнегреческой мифологии царь Итаки, прославившийся как участник Троянской войны, главный герой поэмы Гомера “Одиссея”.

⁸ Фабий Пиктор Кв. (ок. 254 г. до н.э. — год смерти неизвестен) — древнеримский историк, основатель старшей анналистики. В 216 г. до н.э. возглавил римское посольство к святилищу Аполлона в Дельфах. Автор “Анналов”, содержащих изложение истории Рима по годам с момента прибытия в Италию Энея и до конца 2-й Пунической войны. Труд Фабия Пиктора — один из популярных исторических произведений Древнего Рима. Его упоминают и цитируют большинство других историков. Некоторые видят в нем надежный источник для своих произведений (Тит Ливий), другие (Полибий), наоборот, подчеркивают его пристрастность при описании Пунических войн.

⁹ Салюстий Гай С. Крисп (86—35 гг. до н.э.) — римский историк, участвовал в гражданских войнах на стороне Юлия Цезаря. Литературное наследие Салюстия состоит из двух небольших сочинений: “Заговор Катилины” и “О Югуртинской войне”, двух политических памфлетов, а также из сочинения “История”.

¹⁰ Эйнгард, Эйнхард или Эгингард (770—840 гг.) — ученый, происходил из знатной франкской семьи, воспитывался в монастыре Фульда, пользовался особым доверием императора Карла Великого, который сделал его аббатом нескольких монастырей. Сочинение Эйнгарда “Жизнь Карла Великого” объединило в блестящей форме собственные наблюдения с биографическими схемами Светония (“Жизнеописание двенадцати цезарей”) и считается одной из лучших биографий средневековья. Сочинение Эйнгарда пользовалось необычайной популярностью в средневековой Европе, его использовали хронисты. Известно более 80 рукописей этой книги.

¹¹ Аккольти Бенедетто (1428—1475 гг.) — историк из Флоренции, ученик Бруни. Написал комментарии к “Жизни Карла Великого” Эйнгарда.

¹² Имеется в виду панегирик Евсевия Кесарийского “Житие императора Константина”.

¹³ Фердинанд II Арагонский (1452—1516 гг.) — фактически первый король объединенной Испании.

¹⁴ Джовио гарантировал, что своим пером он обеспечит заказчику исторического сочинения заметное место в истории и в награду за это брал деньги. Если же ему отказывали в вознаграждении, то он либо игнорировал в своем сочинении данное лицо или государство, либо стремился выставить его в возможно более темном свете, причем не стеснялся пользоваться открытой бранью и клеветой. Но поскольку Козимо Медичи был богатым, щедрым, а потому почетным заказчиком, то и в биографии К.Медичи, и во всех сюжетах, связанных с его жизнью и деятельностью в “45 книгах моего времени”, Джовио использует исключительно превосходные степени.

¹⁵ Имеется в виду Филострат II Флавий (ок. 160/170 — ок. 244/249 гг.) — греческий писатель с о. Лемнос. Он принадлежал к кружку Юлии Домны и под ее воздействием написал биографию чудотворца Аполлония Тианского.

¹⁶ Прокопий из Кесарии (ок. 500 — после 565 гг.) — юрист и ритор из сенатской аристократии, был секретарем восточно-римского полководца Велизария и автором восхваляющего его панегирика. Высший сановник и историк эпохи Юстиниана I, Прокопий является выдающимся представителем восточно-римской историографии. Автор панегирика “О постройках”, посвященного строительной деятельности Юстиниана, сочинения “Войны” об истории войн Юстиниана против персов, вандалов и остготов и трактата “Тайная история”.

¹⁷ Карл V (1500—1558 гг.) — император Священной римской империи.

¹⁸ *Филипп де Коммин*. Мемуары.

¹⁹ Ле Мэр, очевидно, Боден имеет в виду Джона Мэра (1468—1550 гг.), получил степень доктора теологии в 1506 г. Учился в Кембридже и Париже, где в 1499 г. опубликовал свою первую работу. Был одним из наиболее влиятельных преподавателей своего поколения. В 1518 г. вернулся в Шотландию, а в 1526 г. снова приехал в Париж. Автор комментариев к произведениям Аристотеля, Петра Ломбардского и сочинения “Истории Британии”.

²⁰ Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н.э. — 37 г. н.э.) — римский император с 14 г. н.э. Во время его правления укрепилась монархическая власть, пополнилась государственная казна, улучшилась система управления провинций. Чаще всего он изображается тираном и лицемером (Тацит), что опровергают последние исследования.

²¹ Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 г. до н.э.—54 г. н.э.) — император с 41 г. н.э.

²² Подобного высказывания у Аристотеля нет, но Боден здесь переносит идеи Аристотеля о том, что в этике наилучшим способом поведения является выбор “среднего пути”, в политике “средняя” форма государственного устройства “полития”, на историографию.

²³ Арриан Флавий (ок. 95—175 гг.) — консул, наместник Каппадокии, ученик Эпиктета. Автор исторических трактатов об Индии и о жизни и походах Александра Македонского.

²⁴ Мегасфен — древнегреческий этнограф и географ. По поручению Селевка I Никатора отправился во главе посольства к индийскому царю Чандрагупте (302—291 гг. до н.э.). Его сочинение “Индика” — лучшее описание Индии в античную эпоху. Арриан использовал это произведение в качестве основного источника при написании своей книги “Индика”.

²⁵ Аммиан Марцеллин — позднеримский историк (IV в.), автор истории римских императоров от Нервы до смерти Валента в сражении с готами при Адрианополе (378 г.).

²⁶ Полидор Вергилий из Урбино (1470—1541 гг.) был сборщиком налогов в Англии, позднее стал архидиаконом Уэльса, автор “Истории Англии” в 26 книгах.

²⁷ Ктесий Книдский (ок. 400 г. до н.э.) — придворный лекарь персидского царя Артаксеркса II Мнемона. Он автор труда из 23 книг под общим названием “Персика”; первые шесть книг содержали историю Ассирии и Мидии, следующие — историю Персии. Также он писал об Индии (“Индика” в 3-х книгах).

²⁸ Альварес Франсиско (1465—1541 гг.) — португальский историк и член миссии в Абиссинии. В Португалии он написал работу об Эфиопии, она была переведена на французский язык и опубликована в 1558 г. в Антверпене.

²⁹ Аппиан (ок. 100 — ок. 170 гг. н.э.) — греческий историк из Александрии. Автор “Истории Рима” в 24 книгах, из которых сохранилось меньше половины. Его труды содержали достаточно полное описание римских гражданских войн.

³⁰ Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н.э.) — историк эпохи эллинизма, автор 40 книг по всемирной истории (“Историческая библиотека”).

³¹ Онесикрит из Астипала — ученик Диогена Синопского, принял участие в походе Александра Македонского в Индию. По образцу “Киропедии” Ксенофонта написал сохранившуюся во фрагментах книгу, прославляющую Александра как кинического героя и распространителя культуры.

³² Палефат — псевдоавтор сохранившегося в извлечениях сочинения IV в. до н.э. “Невероятные истории”. В этой популярной книге рационалистически объясняется значение мифов.

³³ Гай Валерий Флакк Сетин Бальб (2-я пол. I в. н.э.) был римским этическим поэтом. Предположительно принадлежал к сенатскому сословию. Написал посвященный Веспасиану эпос “Аргонавтика”, в котором, по образцу Аполлония Родосского, изобразил поход аргонавтов в Колхиду.

³⁴ Хрисипп (ок. 280—ок. 204 гг. до н.э.) — греческий философ, стоик. Автор ряда трудов по многим отраслям знания. В истории развивал представление о предопределенности всех событий божественным провидением.

³⁵ Карл герцог Орлеанский (1391—1465 гг.) — орлеанская ветвь династии Валуа, был пленен англичанами во время Столетней войны.

³⁶ Дю Белле Жоашен (1522—1560 гг.) — французский поэт и теоретик “Плеяды”, автор ее манифеста-трактата “Защита и прославление французского языка” (1549 г.).

³⁷ Страбон (ок. 64/63 — ок. 20 гг. до н.э.) — греческий историк, автор сочинения “География” в 17 книгах, в котором широко использовал сочинения своих предшественников, например, Эратосфена, Артемидора Эфесского, Полибия и Посидония, разделяет хорографическую точку зрения последнего. 1-я и 2-я книги “Географии” дают ценные сведения по истории дострабоновской географии, книги 3—10-я посвящены Европе, 11—16-я — Азии, 17-я — Африке.

³⁸ Посидоний из Апаimei (ок. 135—51 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, историк, географ и астроном, автор исторического труда в 57 книгах, являвшегося продолжением “Всемирной истории” Полибия с 144 по 86 гг. до н.э. В географическом труде “Об океане” Посидоний пытается дать историю Земли. На его труды в области истории и этнографии опирались Диодор, Саллюстий, Страбон.

³⁹ Эратосфен из Килены (ок. 282—202 гг. до н.э.) — греческий ученый, ученик Каллимаха, с 246 г. заведовал Александрийской библиотекой. Автор работ по истории, хронологии, астрономии, математике, географии. Эратосфен стал основателем математической географии. При всей своей разносторонности он был не всегда основательным, за что получил прозвище Бета, т.е. “Номер два”.

⁴⁰ Метродор Хиосский — философ и историко-географ ок. I в. до н.э., ученик Гераклита, упоминания о его работах имеются у Страбона в “Географии” XVI.IV.16.

⁴¹ Лабием (100—45 гг. до н.э.) — римский всадник этрусского происхождения. Приверженец Цезаря, который назначил его в 59 г. до н.э. наместником Галлии. Лабием одержал много побед и приобрел огромное состояние. После перехода Цезарем Рубикона в 49 г. до н.э. Лабием примкнул к сторонникам Помпея, нанес ряд поражений войскам Цезаря в Африке.

⁴² Цицерон Марк Туллий (ок. 106—43 гг. до н.э.) — римский оратор, политический деятель и писатель. Начиная с процесса против Верреса, Цицерон считался непревзойденным автором римского красноречия. Он перерабатывал свои речи для издания. Из его риторических сочинений большое значение имеют прежде всего такие как “Об ораторе”, “Брут”, “Оратор”; а также произведения по философии — “О государстве”, “О законах”, “О пределах Добра и Зла”, “Тускуланские беседы”, “О природе богов”, “Об обязанностях”.

⁴³ Фруассар Жан (ок. 1337 — после 1404 гг.) — французский хронист, свою хронику он начинает с 1326 г. и затем прослеживает политическую жизнь и взаимоотношения европейских государств, особенно Англии и Франции, до 1400 г.

⁴⁴ Леонардо Бруни (1370 или 1374—1444 гг.) — основоположник гражданского гуманизма, ученик Салютати, канцлер Флорентийской республики, автор “Истории флорентийского народа”, построенной на документах и заложившей основы ренессансной историографии.

⁴⁵ Филарх — историк III в. до н. э., автор сочинения по всемирной истории, внес в повествование патетический элемент.

⁴⁶ Аристомех был тираном Аргоса в III в. до н.э.

⁴⁷ Мне не удалось точно определить, о каком Донато Джиннотти идет речь.

⁴⁸ Тимей (356(?)—260(?) гг. до н. э.) — греческий историк, написал труды по истории Сицилии и Южной Италии до 272 г. до н. э., а возможно, и до 264 г. до н.э. (до начала Пунической войны). В этих трудах содержится описание не только исторических событий, но и ландшафта Сицилии и Южной Италии. Подробный этнографо-географический обзор, точное соблюдение хронологической последовательности событий, личные наблюдения и обширные знания по истории стран и народов предопределили ценность научного наследия Тимея. Исторические труды Тимея использовал Диодор Сицилийский.

⁴⁹ Генрих II Валуа (1519—1559 гг.) — король Франции с 1547 г., продолжил череду Итальянских войн, в которых столкнулся с императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом. В 1559 г. был подписан Като-Камбрейский мир, подтвердивший переход к Французскому королевству епископств Мец, Туль, Верден.

⁵⁰ Карл V (1500—1558), из династии Габсбургов, император Священной Римской империи в 1519—1556 гг. Потерпел поражение в борьбе с протестантскими князьями и после заключения Аугсбургского мира в 1555 г. отрекся от престола.

⁵¹ Этот отрывок, вероятно, относится к Франциску I, который был женат на сестре Карла V.

⁵² Исмаил I (1487—1524 гг.) — шах Ирана с 1502 г., основатель династии Сефевидов, полководец, поэт (эпические поэмы “Десять писем”, “Книга наставлений”).

⁵³ Павел III — римский папа с 1493 г., в миру Александр Фарнезе (1468—1549 гг.). Для борьбы с Реформацией реорганизовал инквизицию, утвердил орден иезуитов (1540 г.), в 1545 г. созвал Тридентский собор.

⁵⁴ Фукидид (460—396 гг. до н.э.) — афинский историк, автор “Истории Пелопоннесской войны”, в которой он описал события до 411 г. до н.э.; труд был незакончен и насчитывал 8 книг. Большое место в сочинении отведено собранному лично им фактическому материалу, методологическим размышлениям, отличался объективностью в изложении событий. Фукидид считается основоположником прагматической историографии, которую он успешно противопоставил описательной.

⁵⁵ Франческо Гвиччардини (1483—1540 гг.) — итальянский историк, ученый-гуманист, автор “Истории Италии” в 20 книгах, которые охватывают период с 1494 по 1534 гг. Имел большой военный, дипломатический и административный опыт, был одним из самых богатых и знатных людей во Флоренции. Написал целый ряд и других историко-политических работ, таких как “История Флоренции” (1508—1509 гг.), “Письма из Испании” (1511 г.), “Трактат, написанный в Логроньо” (1512 г.), “О форме правления во Флоренции” (1526 г.), “Заметки о делах политических и гражданских”. Боден лучше всего знает и выше всего оценивает “Историю Италии”.

⁵⁶ Иоганн Слейдан (1506—1556 гг.) — германский теолог, автор труда “О четырех верховных монархиях” (1556 г.), написанного как школьное пособие по истории и используемого в этом качестве в протестантских странах до XVIII в. . Не меньшее влияние имели и его “Комментарии относительно состояния церкви и государства в царствование Карла V” (1555 г.), посвященные истории религиозно-политической борьбы в Германии между 1517 и 1555 гг.

⁵⁷ Сулла Луций Корнелий (138—78 гг. до н.э.) — римский полководец и государственный деятель, автор “Мемуаров”. Его биография написана Плутархом.

⁵⁸ Эпаминод — беотийский государственный деятель и полководец. Реорганизовал армию, что послужило предпосылкой роста фиванского влияния как третьей политической силы в Греции (после Спарты и Афин). В 362 г. до н. э. Эпаминод победил антифиванскую коалицию при Мантинее, но и сам пал в битве. Тактика Эпаминода в дальнейшем была развита Филиппом II и Александром Македонским.

⁵⁹ Формион — философ-перипатетик из Эфеса, который вздумал прочитать Ганнибалу лекцию о военном искусстве; перен. — любитель поучать о делах, в которых ничего не смыслит.

⁶⁰ Хуан Луис Вивес (1492—1540 гг.) — испанский историк, путешественник, гуманист. Автор большого цикла работ под общим названием “Об учениях” (1528—1540 гг.), главной частью которого считается трактат “О причинах упадка искусств”.

⁶¹ Агафий, по прозвищу Схоластик (536—582 гг.) — византийский историк, поэт и адвокат. Сторонник Юстиниана. Агафий был преемником исторических исследований Прокопия и описал события с 552 по 558 гг. (поход Нарсеса против готов, вандалов, франков и персов). Его труд является единственным историческим источником сведений о тех временах. Издал сборник своих эпиграмм.

⁶² Митридат (Митрадат — перс. дар Митры) VI Евпатор (132—63 гг. до н.э.) — представитель рода Аршакидов. По отцовской линии вел происхождение от Ахеменидов. В ходе территориальной экспансии столкнулся в Малой Азии с римскими интересами (завоевал Вифинию, Каппадокию, Пафлагонию, вступил в союз с армянским царем Тиграном II). Митридат вел с Римом три войны. В ходе 1-й войны (89—84 гг. до н.э.) захватил римскую провинцию Азия, разграбил Афины; был разбит Суллой в битве при Херонее. Во 2-й войне (83—82 гг. до н.э.) Митридат защищал свои основные владения, в 3-й войне (74—64 гг. до н.э.) потерпел окончательное поражение, попытался найти убежище у своего сына Фарнака, а когда тот поднял против отца мятеж, приказал рабу убить себя.

⁶³ Иоанн Зонара (1-я пол XII в.) — византийский чиновник, впоследствии монах, автор “Всемирной истории”, охватывающей период до 1118 г. Это историческое произведение представляет большую ценность, так как при написании своего труда Зонара добросовестно использовал исторические труды, ныне ут-

раченные, в частности авторов византийской эпохи. Одним из основных источников Зонары послужило произведение Диона Кассия и извлечение из этого произведения, сделанное Ксифилином.

⁶⁴ Луций Элий Стилон Преколон (ок. 150—90/70 гг. до н.э.) — первый значительный латинский философ и грамматик, учитель Варрона и Цицерона. Стилон переработал комедии Плавта, дал толкование Песен салиев и Законов 12 таблиц.

⁶⁵ Эллиий Спартиан — историк III—IV вв. Он фигурирует в числе шести авторов сборника “Писатели истории Августов”, который состоит из 30 биографий императоров, их наследников и претендентов на императорский престол.

⁶⁶ Сочинения “История Флоренции” и “Государь” Н. Макиавелли хорошо известны Бодену и он чаще всего именно на них ссылается.

⁶⁷ Помпоний Мела — римский географ, ок. 44 г. н.э. написал состоявший из 3 книг трактат “О строении Земли”. Для Мелы географические данные не представляют интереса. В основном он лишь перечисляет различные страны, ничего не сообщая о том, какую площадь они занимают. После обширного общего вступления (рассказов о том, какие континенты есть на Земле, о том, что ее омывает океан с четырьмя пересекающими Землю рукавами), сообщаются сведения о странах Средиземноморья и других известных прибрежных государств. Однако в этом трактате ничего не говорится о центральной части Европы и Азии. Мела пользовался преимущественно старыми источниками, по-видимому, теми же, что и Плиний Старший, поскольку их произведения во многом схожи.

⁶⁸ Боэций Аниций Манлий Торкват Северин (ок. 480—524 гг.) — римский политический деятель и философ, выходец из аристократического рода Анициев. Долгое время являлся приближенным остготского короля Теодориха в Равенне. Он был заподозрен в службе византийскому двору и после продолжительного заключения казнен. К многочисленным сочинениям Боэция принадлежат латинский перевод и комментарии к Аристотелю и Порфирию, трактаты о логике, арифметике, музыке и по теологическим вопросам. Последним произведением Боэция является трактат “Утешение философией”. Естественному и математике как наукам Боэций отводил равноправное положение наряду с теологией. Боэций являлся канонизированным авторитетом в области схоластической логики, арифметики, науке о музыке и богословии.

⁶⁹ Сократ Схоластик (ок. 380—после 439 гг.) — автор “Церковной истории”, в которой развивает жанр церковной истории. Исторический материал в “Церковной истории” распределяется по 7 книгам по “императорскому принципу”: каждая книга посвящена событиям одного или, реже, нескольких правлений. В 1-й описывается эпоха Константина Великого, во 2-й — Констанция, в 3-й — Юлиана и Иовиана, в 4-й — Валентиниана и Валента, в 5-й — Феодосия Великого, в 6-й — Аркадия, в 7-й — Феодосия Младшего.

⁷⁰ Эрмия Созомен — историк церкви периода ранней Византии.

⁷¹ Никифор Каллист — историк церкви. Время расцвета его творчества приходится на 1320—1330 гг., его церковная история начинается с 610 г. н.э. Он широко использует фрагменты из сочинений Евсевия, Созомена, Сократа Схоластика, Феодорита, Евагрия.

⁷² Павел Орозий, нач. V в. н.э. — испанский священник и писатель. Его основной труд — написанные под влиянием Августина Блаженного 7 книг “История против язычников” — очерк мировой истории, дополняющий труд “О граде Божием” Августина. Орозий в своем труде следует Даниилу в разделении ис-

тории на четыре периода. “История” Орозия была весьма популярной в Средние века универсальной всеобщей историей.

⁷³ Сидоний Соллий Модест Аполлинарий (430—485 гг.) — латинский писатель, родом из галльской аристократической семьи. Сидоний достиг высоких почестей, став в 469—470 гг. епископом Клермона. Оставил после себя письма, которые свидетельствуют о духовной жизни Галлии V в.

⁷⁴ Григорий Турский (Георгий Флоренций) (538/539—593/594 гг.) — хронист ранней мерovingской эпохи, происходил из знатной галло-римской семьи. Автор “Истории франков” в 10 книгах от Сотворения мира до 591 г., в которой изложена христианская история рода человеческого. Сочинение Григория является источником по истории Франкского государства и галльской церкви.

⁷⁵ Аббат Урспергский — жил в XIII в., написал хронику от правления Нина до своего собственного времени. Его сочинение было продолжено другими хронистами, которые довели повествование до правления Карла V.

⁷⁶ Вильгельм, епископ Тира (1130—1185 гг.) — родился в Сирии, занимал высшие государственные посты в Иерусалимском королевстве. Написанная им история церкви охватывает в основном период с 1095 по 1184 гг.

⁷⁷ Антонин Флорентийский (1389—1459 гг.) — итальянский теолог, автор сочинений по истории церкви.

⁷⁸ “Магдебургские центурии” (1559—1574 гг.) являются фундаментальным произведением по истории церкви, охватывающие период до XIII в. Это произведение вышло из-под пера лютеранских богословов, организовавших в Магдебурге целое ученое сообщество, в котором функции были разделены: некоторые собирали источники, другие обрабатывали их, третьи — редактировали. Во главе работы по составлению центурий стоял Матвей Власич (латинизированное Флаций) (1520—1575 гг.), хорват по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, был профессором в Виттенбергском университете, но после ссоры с Меланктоном переехал в Магдебург. Полное название “Магдебургских центурий”: “Церковная история, которая охватывает всю идею истории по отдельным столетиям в явном порядке”.

⁷⁹ Под названием “Пелопоннесская война” подразумевают серию войн за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431—404 гг. до н.э. Это название впервые было употреблено Цицероном. События Пелопоннесской войны подробно рассматриваются Фукидидом в “Истории Пелопоннесской войны”.

⁸⁰ Перикл (ок. 494—429 гг. до н.э.) — крупнейший из афинских государственных деятелей.

⁸¹ Монстреле (1400—1453 гг.) был хронистом, продолжавшим хроники Фруассара.

⁸² Жан Фруассар (ок. 1337 — после 1404 гг.) — французский хронист, служил при дворе английского короля Эдуарда III, затем у французской знати. В своей “Хронике” отразил события 1327—1400 гг., восхваляя подвиги английского и французского рыцарства.

⁸³ По закону греческих трагедий появлялся “бог из машины” и все противоречия разрешались сами собой. *Примеч. ред.*

⁸⁴ *Ливий*. История от основания Рима. XXI, 52—53.

⁸⁵ Фурий Камилл (ум. в 364 г. до н.э.) — виднейший представитель римского патрицианского рода, деятельность которого овеяна легендарными подвигами. Есть легенда об осаде города Фалерии, когда школьный учитель выдал ему в качестве заложников детей знатных граждан. Камилл пощадил их жизни и

знатнейшие фалерийцы были так тронуты этим, что сдались и заключили мир с Римом.

⁸⁶ Деятельность Аппия Клавдия Пульхра Слепого свидетельствует о том, какое значение могла иметь в истории Рима цензорская власть, находящаяся в руках выдающейся личности. С годами его цензорства (312—308 гг. до н.э.) связано не только начало строительства знаменитой дороги Виа Аппиа, одной из старейших на территории Италии и соединившей Рим с Капуей, Тарентом и Брундизиумом, но и сооружение большого водопровода, который привел в Рим воду из лежащего на расстоянии 11 км от него города Пренеста. Видя своего главного соперника в сенате, цензор Аппий Клавдий сумел ослабить его исключительное элитарное положение, введя туда многих плебеев и даже потомков освобожденных рабов — вольноотпущенников.

⁸⁷ Бренн — имя или, вернее, титул нескольких галльских вождей. Один из них — предводитель кельтского племени свенонов, пришедших в Италию, победивших римлян при Аллии в 387 г. до н.э. Завоевали и разрушили Рим, кроме Капитолия, который, согласно мифу, спасли, подняв шум священные гуси Юноны. После вторжения в Верхнюю Италию венетов галлы оставили завоеванные территории, однако перед этим римляне были вынуждены выплатить им откуп. Предания повествуют, что, взвешивая сумму откупа, Бренн бросил на чашу весов и свой меч, со словами, ставшими крылатыми: “Горе побежденным!”. Известен и еще один Бренн, который с большим войском в 279 г. до н.э. вторгся в Грецию, разбил македонского полководца Состена, прошел всю Фессалию. Был разбит греками при Фермапилах, перешел через Эту и направился к Дельфам с целью завладеть сокровищами храма. Но небольшому греческому войску удалось отбить неприятеля, так как, по преданию, сам Аполлон защищал свой храм. Землетрясение и сильнейшая гроза повергли в страх галлов и принесли им гибель. Сам Бренн был тяжело ранен и галлы отступили.

⁸⁸ Каллимах (ок. 300 г. до н.э. — ок. 240 г. до н.э.) — эллинистический поэт и ученый. Он составил каталог Александрийской библиотеки (“Таблицы”). Его основное произведение “Причины”, в котором объединил небольшие стихотворения, имеющие форму повествований на мифологические и исторические сюжеты.

⁸⁹ Возможно, Боден объединяет истории известных ему вождей галлов.

⁹⁰ Сципион Африканский (185—129 гг. до н.э.) — военачальник из патрицианского рода Корнелиев. Отличился в битве при Пидне, позднее воевал в Испании и Африке, в 147 г. до н.э., будучи консулом, получил верховное командование для завоевания Карфагена, который был разрушен в 146 г. до н.э. Поэтому Сципион получил прозвище Африканский.

⁹¹ Виссарион Никейский (1395—1472 гг.) в ходе борьбы с мусульманами пытался создать союз католической и православной церквей. Позднее был архиепископом в городе Никея и посетил двор Людовика XI с политической миссией.

⁹² Андрео Алкиатти (Алчиатто) (1492—1550 гг.) был профессором права университетов в Авиньоне, Павии, Болонии, Ферраре, Бурже. На основе идей гуманистов разработал исторический метод изучения римского права (*mos gallicus*). Влияние работ Алкиатти отразилось в юридических концепциях целого ряда французских профессоров, в том числе в работах таких знаменитых представителей исторической школы юриспруденции, как Франсуа Отман и Франсуа Бодуэн.

⁹³ Эпиктет (ок. 50 г. — ок. 130 г. н.э.) — греческий философ-стоик. На основе выдержек из его учения было составлено “Руководство морали”, которое пользовалось широкой популярностью в качестве книги утешения.

⁹⁴ Адриан П. Элий (76—138 гг. н.э.) — римский император со 117 г., биография в “Истории Августов”.

⁹⁵ Митилена — главный город о. Лесбос. Когда в 428 г. до н.э. была принята попытка выйти из состава Афинского морского союза, афиняне захватили Митилену и казнили тысячу участников мятежа.

⁹⁶ Варрон Марк Теренций (ок. 116—27 гг. до н.э.) — крупнейший и наиболее плодотворный римский ученый-энциклопедист. Основным произведением Варрона является сочинение “Человеческие и божественные древности” в 41 книге, его перу принадлежат сочинения по юриспруденции, искусству, грамматике и истории литературы. Количество написанных им произведений более 600. В сочинении “Образы” даны портреты 700 греков и римлян.

⁹⁷ Траян Марк Ульпиан (57—117 гг. н.э.) — первый римский император (98 г. н.э.) — выходец из провинции. Его внешняя политика отличалась агрессивностью. Во время правления Траяна Римская империя максимально расширила свои границы и пережила период своего наивысшего расцвета.

⁹⁸ Катон Марк Порций Цензорий (234—149 гг. до н.э.) — консервативный римский политический деятель. См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Аристид и Марк Катон.

⁹⁹ Агесилай II (444 — ок. 361 гг. до н.э.), вступил на престол в 399 г. до н.э., продолжатель державной политики Лисандра. См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Агесилай и Помпей.

¹⁰⁰ Аристид (ум. ок. 468/467 гг. до н.э.) — политический деятель в Афинах, содействовал Клисфену в его реформах. В Марафонской битве 490 г. был одним из стратегов. В 489—490 гг. стал первым архонтом. Являясь выразителем интересов крупных землевладельцев, выступал против проектов Фемистокла относительно усиления морских сил, вследствие чего был изгнан на 10 лет через процедуру ostracism. В 478 г. стал командующим афинским флотом и одновременно инициатором создания Афинского морского союза. Согласно дошедшим до нас сведениям, Аристид слыл образцом справедливости и неподкупности.

¹⁰¹ Лисандр — спартанский военачальник-наварх. С помощью персов он снарядил флот и нанес поражение афинским эскадрам у мыса Нотия (407 г. до н.э.) и у Эгоспотамов (405 г. до н.э.), после чего закрыл доступ в Эгейское море и организовал блокаду афинской гавани. В 404 г. до н.э. ему удалось ликвидировать демократическое правление в Афинах. Погиб в 395 г. до н.э. в Беотии.

¹⁰² Марцелл Клавдий — 5 раз избирался консулом, одержал победу над инсубрами, после поражения в битве при Каннах был противником К. Фабия Максима, позднее командовал армией, осаждавшей и захватившей Сиракузы (213—212 гг. до н.э.). Погиб в 207 г. до н.э. в битве с Ганнибалом.

¹⁰³ Пелопид, фиванский военачальник, друг Эпаминода и предводитель “священного отряда”. Вместе с Эпаминодом заложил основы военно-политического влияния Фив в Греции. Он пал в 364 г. до н.э. при Киноскефалах (Фесалия), защищая фесалийские города от тирана Александра из Фер.

¹⁰⁴ Тиберий Семпроний Гракх (162—133 гг. до н.э.), будучи народным трибуном, в 133 г. до н.э. в условиях нестабильного положения в стране предложил восстановить древний аграрный закон. Большинство сената оказало мощное сопротивление, на проект наложили вето. После голосования Гракх был от-

странен от власти. Гракх вместе со своими сторонниками был убит сенаторами. Хотя закон Гракха остался в силе, тем не менее проведение его в жизнь было существенно затруднено. Гай Семпроний Гракх (153—121 гг. до н.э.) — младший брат Тиберия. В 123 г. и 122 г. до н.э. был избран народным трибуном. Для продолжения реформ своего брата он стремился заручиться поддержкой всех свободных граждан. Образовавшаяся мощная оппозиция оптиматов всеми средствами, в том числе с помощью демагогических законов М. Ливия Друза в 122 г. до н.э., помешала переизбранию Гая в качестве народного трибуна в 121 г. до н.э. В разразившейся гражданской войне Гай Гракх покончил самоубийством.

¹⁰⁵ Веллий Патеркул — римский историк, родился ок. 20 г. до н.э., происходил из всаднической семьи. Служил в коннице в различных римских провинциях. Службу В.Патеркул закончил в Германии в чине начальника конницы, после чего был принят в сенаторское сословие и занимал должности квестора и претора. В 29—30 гг. до н.э. он написал очерк римской истории в двух книгах, начинающийся с разрушения Трои. Основное внимание в этом труде уделяется времени правления Тиберия, заслуги которого Веллий Патеркул оценивает очень высоко.

¹⁰⁶ Асконий Педиан (ок. 9 г. до н.э. — ок. 76 г. н.э.) — итальянский филолог из Падуи. Среди его произведений исторические комментарии к речам Цицерона. Эти комментарии являются ценным историческим источником, так как они основаны на достоверном материале.

¹⁰⁷ Флор П. Анний — римский писатель-историк при императоре Адриане. Написал краткую римскую историю “Эпитома” от основания Рима до Августа, опираясь на Ливия, Саллюстия и Сенеку Старшего.

¹⁰⁸ Друз Нерон Клавдий (38—9 гг. до н.э.) — приемный сын Августа, в качестве наместника провинции Галлия и как верховный главнокомандующий войск, размещенных на рейнской границе, в 12 г. до н.э. начал ряд завоевательных походов Германии. При Друзе римские войска достигли Эльбы (9 г. до н.э.). Посмертно он получил почетное имя Германика, которое стало наследственным.

¹⁰⁹ Гийом Бюде (1467—1540 гг.) — филолог, один из вождей французского гуманистического движения во Франции. Человек широкого кругозора, он внес существенный вклад в изучение математики, естественных наук, искусства, философии, особенно же римского права. Его труд “Замечания на 24 книги Пандект” положил начало филологическому анализу источников римского права, автор трактата “Наставления государю”.

¹¹⁰ Куяс (1520—1590 гг.) — французский юрист, изучал гражданское право в университете Тулузы, с 1547 г. начал там преподавать. Занимался изучением законодательства доюстиниановой эпохи. Рассматривал французское право как продолжение римского права. Опубликовал работу, основанную на древних манускриптах, а также трактаты Теодора Коде.

¹¹¹ Павел Мануций (1512—1574 гг.) — сын знаменитого венецианского типографа Альда Мануция, прославившегося как латинист и исследователь римских древностей. По предложению папы Пия IV он наблюдал в Риме за печатанием творений отцов церкви, потом возвратился в Венецию и заведовал отцовской типографией, из которой выпустил около 200 ценных изданий. Среди его сочинений “*Epistolae et praefationes*”, “*Antiquitatum romanarum liber de legibus*”, “*Lettere volgari*”, “*Liber de senatu romano*” и другие.

¹¹² Авл Геллий — римский писатель, родился ок. 130 г. н.э. Автор собрания трудов в 20 книгах “*Аттические ночи*”. (*Aulus Gellius. Noctes Atticae*. X. 23).

¹¹³ Tacitus. Annals. II. 50.

¹¹⁴ Клавдий М. Марцелл — в 51 г. до н.э. избран консулом, представлял оптиматов, противник Цезаря. После его победы в битве при Фарсале отправился в добровольную ссылку на о. Лесбос. В 45 г. до н.э. помилован Цезарем. По этому поводу Цицерон произнес свою знаменитую “Речь за М.Марцелла”, в которой прославлял Цезаря. Марцелл был убит в 44 г. до н.э. в Афинах.

¹¹⁵ Добрая богиня (Вона Деа), древнеитальянская богиня плодородия и изобилия. В честь нее римские матроны при участии весталок ежегодно справляли праздника в доме консула и претора (1-го мая и в начале декабря).

¹¹⁶ Квинт Курций Руф — римский историк, написал ок. 50 г. до н.э. или в сер. II в. обширный исторический трактат в 10 книгах, посвященный эпохе Александра Македонского.

¹¹⁷ *Аппиан*. Гражданские войны. Введение. Параграф 10.

¹¹⁸ Маркоманны — свевское племя, обитавшее между Майном и Дунаем, которое напало на Рим при Марке Аврелии.

¹¹⁹ Тертуллиан Квинт Семптимий Флоренс (160 — после 220 гг. н.э.) — писатель, сын центуриона, получил естественнонаучное, риторическое и юридическое образование. Автор произведений “Защита от язычников”, “Против Марциона”, “Против гностика Гермогена”, “Опровержение еретиков”. В философии Тертуллиан принимал только те положения, которые отвечали христианской вере.

¹²⁰ Павел Диакон (730 — ок. 800 гг.) — сын Варнефрида, автор “Истории лангобардов”, считается “отцом итальянской историографии”.

¹²¹ Нин — основатель ассирийской державы.

¹²² Феопомп Хиосский (378—305 гг. до н.э.) — автор работы “История Греции”, которая продолжает сочинение Фукидида и охватывает период до правления Филиппа Македонского. В его труде содержались интересные детали правления Филиппа.

¹²³ Филипп II Македонский (382—336 гг. до н.э.) — примерно с 355 г. до н.э. царь Македонии, положил основу македонскому господству в Греции и создал предпосылки для учреждения мировой державы своего сына Александра.

¹²⁴ Карл Сигоний (1520—1584 гг.) является автором “Fasti, consulum, ac censorum Romanorum”.

¹²⁵ Онофрио Панвинио (1529—1569 гг.) написал “Fasti et triumphi Romanorum a Romulo rege usque ad Carolum V”.

¹²⁶ Сеян Элий Луций (ок. 20/16—31 гг. до н.э.) — фаворит императора Тиберия.

¹²⁷ Tacitus. Annals. IV. 68.

¹²⁸ Вителлий Авл (12—69 гг. н.э.) — римский император с 69 г. н.э. Был убит солдатами Веспасиана. Биография Вителлия имеется у Светония.

¹²⁹ Филипп Деций (1454—1535 гг.) — историк из Милана, эмигрировал из Италии во Францию, где стал канцлером парламента Гренобля.

¹³⁰ Николай Дамаскин или Дамасский (ок. 64 до н.э. — нач. I в. н.э.) — греческий историк и философ-перипатетик. Написал комментарий к сочинениям Аристотеля и “Всемирную историю” в 44 томах. Автор апологии Августа “Жизнь Цезаря”.

¹³¹ Домиций Ульпиан — римский юрист конца II—III в. В обширном творческом наследии Ульпиана выделяется трактат “О преторском эдикте” в 81 книге. Многие отрывки из сочинений Ульпиана были включены в “Дигесты”. Лактанций упоминает 7 книг Ульпиана о наказаниях христиан.

- ¹³² Гелиогбал (бог солнца) — имя римского императора.
- ¹³³ Капитолин, Волкаций, Геродиан, Вописк, Лампридий и Спартиан — авторы, создавшие “Историю Августов”.
- ¹³⁴ Геродиан — греческий историк III в., известен его исторический труд “История от царствования Марка”.
- ¹³⁵ Помпоний Лэт (1428—1498 гг.) — итальянский филолог, последователь Лоренцо Валлы. Оставил сочинение о римской истории.
- ¹³⁶ Секст Аврелий — историк 2-й пол. IV в. н.э., оставил сочинение о жизни императоров от Августа до Константина Великого.
- ¹³⁷ *Suetonius. Lives of Caesars. V.15.2.*
- ¹³⁸ Лев X (1475—1521 гг.) — римский папа с 1513 г.
- ¹³⁹ Пьетро Бембо (1470—1547 гг.) в молодости вступил в духовное звание. В 1513—1521 гг. служил секретарем у папы Льва X. В 1529 г. Бембо написал историю Венецианской республики в 12 книгах. В 1529 г. папа Павел III пожаловал Бембо кардинальское звание, епископство Губбио и епископство Бергамо.
- ¹⁴⁰ Никифор Григора (1295—1360 гг.) — хранитель архивов в Константинополе, автор труда по истории Рима и Византии в 11 книгах.
- ¹⁴¹ Адо — франкский епископ IX в., автор истории франков, в которой следует принципам изложения Беда Достопочтенного.
- ¹⁴² Саксон Грамматик составил в XI в. “*Gesta Danorum*”, где много места уделено описанию правовых обычаев скандинавов, но это было еще описание, а не анализ права.
- ¹⁴³ Сигеберт — бельгийский монах (ум. в 1112 г.), автор “Хронографии”, в которой наряду с многочисленными баснями и весьма сомнительной хронологией, обнаруживаются некоторые элементы исторической критики. Это сочинение имело широкое распространение в Бельгии. См.: *Monod B. Le moine Guibert et son temps.*
- ¹⁴⁴ Фрекульф умер в 850 г., был бенедиктинцем.
- ¹⁴⁵ Иоханн Науклер (Фергенханнс) (1430—1500 гг.) — известный правовед XV в. Его “*Chronica... ab initio mundi usque ad annum Christi nati 1500*” является важным источником по средневековой истории.
- ¹⁴⁶ Мариан Скотт (1028—1082 гг.) — ирландский монах из Фульды, автор хроники, в которой предпринимается попытка создания всемирной истории.
- ¹⁴⁷ Мерлин Каледоний (540—612 гг.) — поэт и проповедник.
- ¹⁴⁸ Тарпин (встречается еще и написание Тилпин) — архиепископ в Реймсе в VIII в.
- ¹⁴⁹ Робер Гагуин (1425—1502 гг.) был деканом факультета канонического права в Париже. Он имел посольские полномочия в Англии и Германии.
- ¹⁵⁰ Марко Поло (ок. 1254—1324 гг.) — венецианский путешественник. Родился на о. Корчула (Далматинские острова, ныне в Хорватии). В 1271—1275 гг. совершил путешествие в Китай, где прожил 17 лет. В 1292—1295 гг. морем вернулся в Италию. Написанная с его слов “Книга” (1298 г.), является одним из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии.
- ¹⁵¹ Айтон Армянский жил в первой половине XIV в., был родственником царя Армении Айтона, принял монашеский обет на Кипре.
- ¹⁵² Якоб Циглер (1470—1549 гг.) — немецкий астроном и географ написал историю Скандинавии, комментировал Плиния.
- ¹⁵³ Мартин Кроммер (1512—1589 гг.), польский епископ, автор географических трудов о Польше.

¹⁵⁴ Альберт Кранц (1448—1517 гг.) — немецкий историко-географ из Гамбурга, автор “*Historia de Vandalorum vera origine, variis gentibus, crebris e partia migrationibus*”.

¹⁵⁵ Олаф Менсон (1490—1557 гг.) — архиепископ Упсалы, был хорошо известен в XVI в. как географ и историк, выполнял различные дипломатические поручения при Густаве Ваза. Является автором сочинения под названием “*Carta marina et descriptio septentrionalim terrarum*”.

¹⁵⁶ Каспар Пейцер (1526—1602 гг.) — немецкий протестантский историк, который продолжил хронику Иоханна Кариона из Любека, автор “*Commentarius de praecipuis generibus divinationum*”.

¹⁵⁷ Лангэ (1518—1581 гг.) — гуманист, протестант, дипломат. Обучался праву в Падуе, был другом Меланхтона и послом Германии при дворе Карла IX.

¹⁵⁸ Отец Ленд (1479—1556 гг.) родился в Болонье, монах доминиканского ордена, историк и географ. Много путешествовал по Италии и Франции. Написал “*Descrittione di tutta Italia*”.

¹⁵⁹ Себастьян Мюнстер (1489—1552 гг.) — немецкий теолог и космограф, францисканец, позднее принял лютеранство. Преподавал еврейский язык в Гейдельберге и математику в Базеле.

¹⁶⁰ Птолемей Клавдий (после 83 — после 161 гг.) — родом из Птолемаиды в Среднем Египте, работал в Александрии. Был выдающимся астрономом античности, а также астрологом, математиком и географом. Он объединил ранние работы греческих астрономов в “*Великое математическое построение астрономии в 13 книгах*”, которое арабскими математиками было названо “*Альмагеста*”. Птолемей обосновал геоцентрическую систему мира. Является также автором математической географии “*Руководство по географии*”.

¹⁶¹ Диоген Лаэртский — греческий мыслитель, писал около 220 г. н.э. Его труд в 10 книгах “*Жизнеописания и мнения знаменитых философов*”, построенный по хронологическому принципу, представляет собой систематичное изложение учений глав различных школ и служит важнейшим, хотя и некритичным историко-философским доксотографическим источником.

¹⁶² Гегеспий процветал в IV в. н.э., перевел “*Иудейские войны*” Флавия.

¹⁶³ Амвросий (330—397 гг.) — римлянин, епископ Милана, оставил большое количество сочинений по экзегетике.

¹⁶⁴ Беат Ренан (1485—1547 гг.) — родом из Шлеттштата, занимался издательским делом, друг Эразма, автор “*Libri iii regum Germanicarum*”.

ГЛАВА V. ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИИ

¹ Волатерраний (1451?—1522 гг.) является автором “*De Romanorum Graecorumque magistratibus*”.

² Л. Целий Антипатер — современник Гракхов, римский юрист и историк, автор истории 2-й Пунической войны, изложенной в “*Анналах*”.

³ Анахарсис — скиф из царского рода, жил в VI в. до н.э. Он изучал греческие обычаи, уклад жизни и культуру, подвергал их критическому осмыслению. Идеализируя северные народы, греки нарекли его Мудрым. Приписываемое Анахарсису собрание из 10 сохранившихся до наших дней писем, датируемых III в. до н.э., свидетельствует об огромном интересе к фигуре Анахарсиса со стороны киников.

⁴ Платон. Законы. V.747d.

⁵ Аппиан из Сирии написал трактат “Об охоте” в четырех книгах и посвятил его императору Каракалле (186—211 гг. н.э.). Боден перевел этот трактат с греческого на латинский язык и в 1556 г. благодаря этому переводу получил королевскую привилегию от Генриха II.

⁶ Римский поэт Лукан — современник императора Нерона, воспел гражданскую войну между Цезарем и Помпеем в незавершенном эпосе “Фарсалия”.

⁷ *Тацит*. Германия. Гл. 4. “...У них у всех одинаковый внешний вид, насколько это возможно в таком большом количестве людей: свирепые темно-голубые глаза, золотистого цвета волосы, большое тело, но сильное только при нападении, а для напряженной деятельности и трудов недостаточно выносливое; жажды и зноя они совсем не могут переносить, к холоду же и голоду они приучены [своим] климатом и почвой”. (Древние германцы: Сб. документов / Сост. Б.Н. Граков, С.П. Моравский, А.И. Неусыхин. М., 1937).

⁸ В словаре слово *χαροπότης* Определено двояко: как цвет, характеризующий различные оттенки голубого, и как хищно-сверкающие при виде добычи глаза животных. 9. Евстафий умер в 1194 г., с 1175 г. был архиепископом в Фессалониках. До этого преподавал в Константинополе риторике. Автор комментариев к “Илиаде” и “Одиссее” Гомера, в которых собрал все доступные гомеровские схождения, сохранив для науки богатейшие античные материалы. Важнейшим документом той эпохи, который и имеет в виду Боден, является труд Евстафия о норманнском вторжении в Фессалоники в 1185 г.

¹⁰ Теодор Гази умер в 1478 г., был профессором греческого языка у Ферраре. Автор грамматики греческого языка в 4 книгах.

¹¹ Скалигер Юлий Цезарь (Жюль Сезар) (настоящее имя Джулио Бардони) (1484—1558 гг.) — итальянский гуманист, позднее переехал во Францию. Жил и работал в городе Ажане на Гароне. Врач, филолог, критик, поэт Возрождения. Обоснованный им закон о трех единствах впоследствии лег в основу нормативной эстетики классицизма. Нострадамус, вспоминая о Скалигере, называл его Галеном в медицине, Вергилием в поэзии и Цицероном в ораторском мастерстве“.

¹² Гесихий из Александрии жил в V в.; составитель упорядоченного по алфавиту греческого лексикона, в котором объяснены редко встречающиеся слова. Труд Гесихия представляет особую ценность из-за приложенного к нему словаря греческих диалектов.

¹³ Симон Порзио (1497(?)—1554 гг.) — автор “De humana mente disputatio, An homo bonus vel molus volens fiat” и “De rerum naturalium principiiis”.

¹⁴ Фест Секс Помпей — римский грамматик и антиквар II в. н.э. Он сделал извлечения из труда Веррия Флакка “De verborum significatu” — словаря римских древностей с объяснением слов времен Августа. Часть извлечений сохранилась, но в большинстве случаев — в повторных выписках Павла Диакона конца VIII в.

¹⁵ *Raucus* (лат.) — хриплый, *ravus* (лат.) — серо-желтый. Видимо, Боден имеет в виду именно эту этимологическую связь.

¹⁶ *Vitruvius Pollio M. De architectura*. VI.1.3—4.

¹⁷ *Аристотель*. Метафизика. I.12.348b.

¹⁸ Видимо, Боден упоминает о неточностях, допущенных Плинием в “Естественной истории”.

¹⁹ *Тацит*. Германия. Гл. 22.

²⁰ Афиней (ок. 200 г. н.э.) — греческий грамматик, среди трудов которого есть сочинение, написанное предположительно после 192 г. и частично утрачен-

ное, “Пирующие ученые” (“*Deiprosophistai*”) в 15 книгах. В этом произведении Афиней в подражание Платону описывает застольную трапезу примерно 30 ученых мужей, беседующих на темы искусства, культуры, литературы и грамматики в доме одного из римских государственных служащих. Ценность сочинения в том, что оно содержит целый ряд тщательно подобранных и обширных цитат из многих утерянных сочинений, особенно эллинистического периода. Боден цитирует из этого сочинения несколько малосвязанных между собой предложений.

²¹ *Тацит*. Германия. Гл. 4.

²² Там же. Гл. 15.

²³ Александр Афродисийский из Кари — перипатетик, учительствовал между 198 и 221 г. н.э. в Афинах, комментатор и защитник философии Аристотеля от критики платонизма и стоицизма. В своем учении о познании он исходил из конкретных, существующих в природе частностей, принимая их за первичное и утверждая, что общее (понятие) существует только в сознании. Эту точку зрения, содержащую эмпирические и зачаточные материалистические тенденции, в средние века отстаивали левые приверженцы учения Аристотеля (номиналисты). Боден, видимо, ссылается на его произведение “*Quaestiones naturales et morales*”.

²⁴ *Аристотель*. Политика. VII.6.1327b23.

²⁵ Лигий Гритти был единственным сыном дожа Венеции. Он родился в 1480 г. и воспитывался в Константинополе, проводил протурецкую политику в Венгрии. Венгры убили его в 1534 г.

²⁶ Имеется в виду мистифицированный граф Дракула.

²⁷ Христиан II (1481—1559 гг.) — король Дании и Норвегии в 1513—1523 гг., Швеции в 1520—1523 гг.; из Ольденбургской династии. В последний раз восстановил датско-шведскую унию в 1520 г., расправившись с ее противниками (Стокгольмская кровавая баня). Свергнут датскими дворянами.

²⁸ Густав I Ваза (1496 или 1497—1560 гг.) — король Швеции с 1523 г., основатель династии Ваза. Избран королем в результате возглавленного им восстания, освободившего Швецию от датского господства.

²⁹ Колумелла Луций Юний Модерат (I в. н.э.) — виднейший римский писатель и агроном из Испании. Жил в Италии, где написал сочинение “*De re rustica*” (“О сельском хозяйстве”) в 12 книгах. В произведении последовательно освещаются вопросы земледелия, садоводства, виноградарства, выращивания растений и животных. Именно на нее, я думаю, ссылается Боден, хотя у Колумеллы есть еще один труд о выращивании деревьев “*De arboribus*”.

³⁰ Аякс или Эант был царем Саламина и одним из вождей греков в Троянской войне.

³¹ Гней Марций Кориолан — легендарный полководец и герой древнеримской истории, согласно преданиям, завоевавший в 493 г. до н.э. вольский город Кориолы, за что и получил прозвище Кориолан. В 491 г. до н.э. боролся против плебеев, которые добились затем его изгнания. Кориолан бежал к вольским, с которыми он в 489—488 гг. до н.э. выступил против Рима. Лишь угрозы матери Кориолана и его жены Волумнии склонили Кориолана отступить от города. Когда Кориолан пытался оправдать свое решение перед вольскими, те набросились на него с камнями в руках и убили. Биография Кориолана есть у Плутарха.

³² Болезнь святого Витта (Виттова пляска) — нервное заболевание, то же, что и хоря. Название “Виттова пляска” связано с преданием, что у часовни свя-

того Витта в Цаберне (Эльзас) излечивались больные, страдающие судорогами, напоминающими движения танца.

³³ Мефодий из Салоник (ок. 815—885 гг.) — славянский просветитель, проповедник христианства. Вместе с братом Кириллом в 863 г. был приглашен из Византии князем Ростиславом в Великоморавскую державу для ведения богослужения на славянском языке. Они перевели с греческого на старославянский язык основные богослужебные книги и стали создателями славянской азбуки.

³⁴ Иордан — историк VI в., происходил из знатного готского рода; имел духовный сан и был, очевидно, епископом в Кротоне. Иордан — автор сочинения по истории готов под названием “*De origine actibusque Getarum*” или “*Getica*”, к которому и обращается Боден и которое было основным источником сведений о готах в средние века.

³⁵ *Caesar. De bello Gallico. VI. 21.*

³⁶ Андреас Альтомер умер в 1564 г., был автором комментариев к работе Тацита “Германия”.

³⁷ Видимо, имеется в виду Баден-Баден.

³⁸ Иреникий (Франц Фройдлик (1495—1559 гг.)), был автором сочинения “*Exegesis Germaniae*”.

³⁹ Казимир I Восстановитель (1016—1058 гг.) — князь польский с 1034 (?) г., из династии Пястов.

⁴⁰ Вацлав Святой (ок. 907—935 или 936 гг.), чешский князь с 924 г., из рода Пржемысловичей, способствовал распространению христианства. Убит заговорщиками. Объявлен церковью “святым”, покровителем Чехии.

⁴¹ Император Генрих I (ок. 876—936 гг.) — германский король с 919 г., основатель Саксонской династии.

⁴² Теофраст (Теофраст) из Эреса (372—288 гг. до н.э.) — греческий философ, ученик и друг Аристотеля. Огромное значение имеет его работа “Учение натурфилософов” в 18 книгах. Вплоть до XVI в. ему не было равных по вкладу в области растениеводства и физиологии растений. Его психологические и физиологические исследования затрагивали проблему функциональной деятельности органов чувств и протекания психофизических процессов. Теофраст занимался вопросами происхождения геологических, минералогических и метеорологических образований и явлений. Он сформулировал понятие взаимосвязи внешнего мира и обстоятельств. В сочинении “Характеры” даны описания отрицательных характерологических типов.

⁴³ Макиавелли Никколо (1469—1527 гг.) — флорентийский политический, государственный деятель, мыслитель и историк. Автор сочинений “История Флоренции”, “Государь”, “Рассуждения о первой декаде Тита Ливия” и других. Ссылки Бодена относятся главным образом к первым двум произведениям.

⁴⁴ Агрикола Георг (настоящая фамилия Бауэр) (1494—1555 гг.) — немецкий физик, химик и минералог. Впервые обобщил опыт горно-металлургического дела в трактате “О горном деле...” (1550 г., 12 книг, издан в 1556 г.), который до XVIII в. служил основным пособием по геологии, горному делу и металлургии.

⁴⁵ Ювенал Децим Юний (60 — после 127 гг.) — римский поэт, автор сатир. В поздние годы жизни в царствование Траяна и Адриана написал 16 сатир в 5 книгах. В средние века Ювенал, благодаря своей моралистической строгости, был одним из самых читаемых авторов. См.: Ювенал. Сатиры. XV. III.

⁴⁶ *Aristoteles. De partibus animalium. II. 2. 648a 5.*

⁴⁷ Здесь ссылка, видимо, на “Естественную историю” Плиния.

⁴⁸ Никий (до 469—413 гг. до н.э.) — афинский политический деятель и военачальник, арендатор Лаврийских серебряных рудников. После смерти Перикла возглавил умеренно-консервативное крыло афинской демократии. При осаде Сиракуз афинская армия потерпела поражение, чему виной, в частности, была пассивность Никия как военачальника. Взятый в плен вместе с остатками своего войска, Никий был казнен сиракузянами.

⁴⁹ Основной идеей “Государства” Платона является идея справедливости, создание идеального политического строя. Существование человека вне общественно-политической жизни, по Платону, невозможно. Государство Платона состоит из сословий: правителей, стражей и так называемого третьего сословия, куда входят крестьяне, ремесленники, торговцы и т.д. По Платону, каждое сословие должно заниматься тем, на что оно способно, иначе говоря, каждый должен заниматься своим делом, в совершенстве владеть своим мастерством. Основное разделение сфер деятельности определяется назначением каждого сословия. Так, философы-правители управляют, стража призвана охранять государство от внешних и внутренних врагов, а крестьяне и ремесленники должны производить материальные блага как для себя самих, так и для первых двух сословий. Соответствующими этическими добродетелями сословий являются мудрость, мужество и послушание. Гармоничное сочетание деятельности сословий и их добродетелей и создает справедливый государственный строй.

⁵⁰ Боден употребляет для образности нарицательно-мифологическое имя Паллант (Титан).

⁵¹ Вероятно, здесь Боден ссылается на “Человеческие и божественные древности” Варрона в 41 книге, где излагаются результаты его изысканий в области истории римского народа, его культуры, религии и обрядов.

⁵² Авгуры — римские жрецы, ритуалы которых были связаны первоначально с божествами плодородия, они улавливали поданные божеством знаки и толковали их. Позднее авгуры основывали свои предсказания на особенностях атмосферных явлений, полетов и голосов птиц, кормления священных кур, встреч с дикими животными, отголосков звуков и пр. Облеченные властью государственные деятели перед каждым крупным политическим или военным актом должны были обращаться к авгурам и начинали свое предприятие только при благополучном исходе гадания. С течением времени гадание авгуров превратилось в формальную процедуру.

⁵³ Эмпедокл из Акраганта (495—435 гг. до н.э.) — древне-греческий философ. Согласно легенде, погиб, добровольно совершив прыжок в кратер Этны, в действительности умер на Пелопоннесе. В круг его интересов входили астрономия, космология, математика, физиология, психология, зоология. Сохранились фрагменты его основного труда “О природе”, а также “Очищения”. Отвергая гипотезу о помощи божественных сил, Эмпедокл пытается объяснить и такие сложные явления природы, как день и ночь, времена года, солнечный и лунный свет.

⁵⁴ Клеомед жил в сер. V(?) в. н.э. и написал циркулярную теорию небесных тел.

⁵⁵ Лукан. Фарсалия. III.248.

⁵⁶ Макробий Амвросий Феодосий (родился ок. 400 г. до н.э.) — эрудированный латинский писатель и чиновник. Боден ссылается на текст его сочинения в 7 книгах “Сатурналии”.

⁵⁷ Артемидор (2-я пол. II в. н.э.) — греческий толкователь снов и писатель из Лидии. Из его произведений сохранился “Сонник” (“Oneirokritika”) в 5 книгах.

В нем Артемидор привел в единую систему связанные с толкованием снов поверья.

⁵⁸ Гостензий (Генрих Сузский) (1210—1271 гг.) преподавал каноническое право и написал “Summa aurea” и “Summa super titulis Decretalium”.

⁵⁹ Джованни д’Андре (1275—1347 гг.) — итальянский правовед, автор “Additiones ad speculum judiciale G.Duranti” и “Novellae...super V libros Decretalium”.

⁶⁰ Николо Панормитаний, прозванный “юристом-свечей” (“горящим юристом”), (1389 (?) — 1445 гг.) — один из наиболее известных знатоков канонического права. Ссылка на него есть в *Corpus juris canonici decretals*. I.33.6.

⁶¹ Балди де Убальди родился в 1325 г., был профессором римского права в Падуе. Написал комментарии к дигестам, основной части “Кодекса”.

⁶² *Cicero*. De divinatione. II.46.

⁶³ *Вергилий*. Георгики. I.444.

⁶⁴ *Amianus Marcellinus*. Res gestae. XXIII.VI.24.

⁶⁵ *Плиний*. Естественная история.

⁶⁶ Требеллий — римский историк IV в. н.э.

⁶⁷ Теодект — греческий ритор и трагический поэт, ученик Исократы и Аристотеля (ок. 370 г. до н.э.).

⁶⁸ *Аристотель*. Большая эмика. 1202a25.

⁶⁹ Тамерлан (Тимур) (1336—1405 гг.) — полководец, эмир с 1370 г. Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершил завоевательные походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию и др., сопровождавшиеся разорением многих городов, уничтожением и пленением населения.

⁷⁰ Агриппа Марк Випсаний (63/64—12 гг. до н.э.) — римский полководец и политический деятель, друг и влиятельный военачальник Августа. До самой смерти он определял военную политику императора и являлся его полномочным представителем в Риме и провинциях. Ему принадлежала решающая роль в основании принципата. Агриппа финансировал сам строительство многочисленных общественных зданий и сооружений. Известны его литературные труды, например, географические комментарии.

⁷¹ Модий — римская мера сыпучих тел, которая равна 8,754 л.

⁷² Проперций Секст (ок. 47 — ок. 15 гг. до н.э.) — один из наиболее значительных римских элегиков. Между 29 и 15 гг. издал четыре книги элегий “Кинфия”. В средние века его почти не знали. Ренессанс способствовал возрождению интереса к его творчеству.

⁷³ Возможно речь идет о детенышах от разных особей разных видов (типа мулов) и тогда будет точнее не “пиршественный”, а “дети праздников”, как во Франции называли не вполне полноценных детей. Боден же, скорее всего, имеет в виду гибриды.

⁷⁴ Синесий из Кирены (370/375—413/414 гг.) — греческий философ. В Александрии изучал неоплатонизм у Ипатии. Его труды представляют собой смешение христианских и неоплатонических элементов. К ним относятся “Дион Хризостом, или о его образе жизни” и гимны.

⁷⁵ Вольфганг Мэуслин (по прозвищу “Мускулий”) (1497—1563 гг.) был лютеранином, жил в Швеции, является автором комментариев к Библии.

⁷⁶ Боден ошибается, потому что битва при Павии между французским королем Франциском I и императором Священной Римской империи Карлом V произошла 25 февраля 1525 г. Франциск I был взят в плен и освобожден в 1526 г.

⁷⁷ Ксенократ из Калхедона (ок. 395—312 гг. до н.э.) — греческий философ. Ксенократ развил опиравшиеся на пифагорейское учение о числах мысли позднего Платона в цельное мировоззрение.

⁷⁸ Архит — математик, философ-пифагореец из Тарента (ок. 380 г. до н.э.).

ГЛАВА VI. ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ

¹ Платон. Законы. III.681Д.

² Франческо Патрици (1413—1494 гг.) — известный итальянский гуманист. Учился в университете Сиены, занимал высшие государственные должности в республике и часто выполнял функции посла, был другом папы Пия II. Автор сочинения “Десять диалогов об истории”.

³ Робер Бретон — французский гуманист XVI в., автор “De optimo statu reipublicae liber” (Р., 1543).

⁴ Джероми Джаримберто — епископ Галлии, автор сочинений “De’ regimēti publici de la citta” и “Fatti memorabili d’alcuni Papi”.

⁵ Каспар Контарини (1483—1542 гг.) — кардинал и дипломат, снисходительно относился к реформационным идеям, автор сочинения “De magistratibus et republica Venetorum”.

⁶ Аристотель. Политика. III.1275a 23, 1275b 19.

⁷ Там же. IV.15. 1299a 25.

⁸ Гомер. Одиссея. IX.106.

⁹ Аристотель. Политика. III.6.1278b 11—13.

¹⁰ Там же. IV. 14.1297b 41.

¹¹ Cicero. De Amicitia. XVII.63.

¹² Нератий Приск жил при Траяне. Был известным правоведом, его суждения приводились в Дигестах.

¹³ Апулей (ок. 124 г. н.э.) — древнеримский писатель, адвокат, философ школы Платона. Жил в Карфагене, Афинах, Риме. “Апология” Апулея дает представление о суевериях, существовавших в те времена. Роман “Метаморфозы” (“Золотой осел”) в 11 книгах рисует красочные картины греческого быта. Другие произведения Апулея сохранились в отрывках (например “Флорида”), сохранились также и фрагменты его речей.

¹⁴ Цицерон. Государство. 1.4.

¹⁵ Бартоло да Сассоферрато (умер в 1357 г.) — известный итальянский правовед, его работы “затуманили” оригинальные тексты кодекса Юстиниана массой глос, с помощью которых предпринималась попытка применить римское право к регулированию современных отношений. Этот подход по сути представлял формальный схоластический метод изучения права (mos italicus), повсеместно господствовавший на протяжении долгого времени. См.: Schulz F. History of Roman Legal Science. Oxford, 1953.

¹⁶ Очевидно, что цитируется: Аппиан. Римская история. Пунические войны. XII.81.

¹⁷ Члены семей патрициев или плебеев, которые имели отношение к государственной службе назывались *nobiles*. Если человек, не принадлежавший к этим семьям, получал должность, то его называли *novus homo*.

¹⁸ Мельды — кельтское племя в Галлии; битуринги — кельтский народ в Аквитании; сантоны — кельтское племя в Аквитанской Галлии, к северу от устья Гарумны; тарбеллы — народность в Аквитании, между Бурдигалой

и Пиренеями; арверны — галльское племя в Аквитании; нервин — племя в Галлии.

¹⁹ Массация (соврем. Марсель) — город на юго-восточном побережье Галлии, основанный фокейскими колонистами; эдуи, народ, населявший территорию между Луарой и Соной; карнаты, галльская народность между реками Лигером и Секваной.

²⁰ Боден перефразировал отрывок: *Seneca. De beneficiis. V. XVI. 6*

²¹ Боден пишет о сборнике законов Юстиниана, который был издан в 529 г. и разделен более поздними глоссаторами на 9 частей и 98 заголовков.

²² Деяния. 26:32.

²³ *Плиний Младший. Письма. X. 96.*

²⁴ *Аристотель. Политика. III. I. 1275 a.*

²⁵ *Cicero. Pro Valbo. XII. 29—30.*

²⁶ *Ibid. XII. 28.*

²⁷ *Ibid. XII. 31.*

²⁸ *Digesta. 50. I. 16.*

²⁹ Гостилий Манцин командовал армией при осаде города Нуманция в 137 г. до н.э., в 133 г. до н.э. этот город после взятия был разрушен Сципионом Африканским Младшим.

³⁰ Во время жизни в Тулузе (ок. 1556—1562 гг.) Боден вел очень многогранную деятельность. К этому периоду относятся пять юридических трактатов Бодена (их он и упоминает в этой главе), которые, судя по его завещанию, были им собственноручно сожжены, потому что многие мысли, содержащиеся в них, более удачно выражены в “Шести книгах о государстве”.

³¹ Пьеро Содерини, в 1502 г. стал пожизненным гонфалоньером справедливости, хотя раньше они избирались каждые два месяца. Гонфалоньер справедливости был главой Синьории, имел право законодательной инициативы и вмешательства в судебные дела. В сентябре 1512 г. Содерини вынужден был бежать из Флоренции, куда возвратились Медичи, изгнанные из города в 1494 г.

³² Муций, профессор университета в Базеле в 1539 г., автор хроники германского народа с древности до его времени.

³³ Николя де Грочи (1509—1572 гг.) — теолог и профессор греческого языка в Париже, автор ряда сочинений по римской истории и праву.

³⁴ *Digesta. 2. I. 3.*

³⁵ Майордом — должность старшего по дому, управляющего хозяйством дворца при Меровингах. Первоначально майордомы были простыми слугами короля — распорядителями дворцовых служб. Позднее майордом стал управляющим королевским имуществом по всей стране. Он имел право распоряжаться королевскими землями и казной. Власть короля зависела от богатства и силы майордома.

³⁶ Аккурций (1182—1260 гг.) — флорентиец, сторонник Азо, глоссатор, его сын Эдвард преподавал римское право в Оксфорде.

³⁷ *Аппиан. Гражданские войны. I. VII. 59.*

³⁸ Павел Мануций (1512—1574 гг.) — антиквар, автор комментариев к речам Цицерона.

³⁹ Кампания, область на западе Италии. В конце VI в. до н.э. Кампанию захватили этруски, основали город Капуя и правили этой областью до 2-й половины V в. В 312 г. до н.э. Аппиева дорога связала Кампанию с Римом. Во 2-ой Пунической войне Капуя и часть кампанских городов стояли на стороне Ганниба-

ла. В 211 г. Рим снова захватил Кампанию, объявил всю землю *ager publicus* и распределил ее между земледельцами.

⁴⁰ *Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri. IX II. VII. 15.*

⁴¹ Марк Ф. Фульвий — консул в 125 г. до н.э., народный трибун в 122 г. до н.э., союзник Гракхов, поддержавший их Аграрный закон. Он готовил закон о наделении гражданскими правами италийских союзников Рима. Погиб в 121 г. до н.э. вместе с Гаем Гракхом.

⁴² Аппий Клавдий Слепой — римский государственный деятель, цензор в 312 г. до н.э., консул с 307 г. и 296 г. до н.э., между 292 и 285 гг. — диктатор. Несмотря на патрицианское происхождение, Аппий реформами ликвидировал некоторые привилегии патрициев и расширил права плебеев; ввел в сенат потомков вольноотпущенников и зачислил в трибы безземельных граждан.

⁴³ Публий Клодий Пульхр (ок. 92—52 гг. до н.э.) пользовался дурной славой. В 62 г. до н.э. его обвинили в святотатстве, однако он был оправдан подкупленными судьями. В 59 г. до н.э. Клодий стал народным трибуном и стремился добиться изгнания своего основного противника Цицерона.

⁴⁴ Манилий — народный трибун в 66 г. до н.э., автор *Lex Manilia*, на основании которого Помпею были предоставлены особые полномочия для борьбы против Митридата.

⁴⁵ Феопомп или Теопомп из Хиоса (377—после 320 гг. до н.э.), ритор и историк, ученик Исократы, представитель психологизированной и риторической историографии. Последователь Фукидида. Написал 12 книг “*Helleika*” (события 410—394 гг. до н.э., конец периода могущества антидемократической Спарты) и 58 книг “*Philippika*”, освещающих древнегреческую историю периода правления Филиппа II Македонского (360/359—336 гг. до н.э.) и прославляющих его дела. Из всех книг до нас дошло лишь несколько фрагментов.

⁴⁶ Речи обращены против сикофанта Аристокритона и обвиняют его образ жизни. См.: *Демосфен. Речи. XV. Против Аристокритона.*

⁴⁷ Динарх (ок. 360—290 гг. до н.э.) — греческий оратор, происходил из Коринфа, жил в Афинах. Поскольку он, будучи метеком, не принимал участия в политической жизни, свои речи он писал для других как логограф. Из его многочисленных речей сохранились три, произнесенных в ходе процесса Гарпала, в том числе одна против Демосфена, которому он подражал, но не смог подняться до его уровня.

⁴⁸ *Платон. Законы. V. 738 В.*

⁴⁹ Платон называет число 59.

⁵⁰ Юлий Поллукс — расцвет его деятельности приходится на 183 г. н.э., автор хроники под названием “*Historia sacra ab orbe condito*” и “*Onomastikon*”.

⁵¹ Лепта — финикийская колония на северном побережье Африки, между обоими Сиртами, к востоку от нынешнего города Триполи.

⁵² *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тимолеонт.*

⁵³ Любой консул, претор, цензор.

⁵⁴ Очевидно, речь идет об открытом военном столкновении между Венецией и Генуей, в которое выплеснулось торговое соперничество. В 1298 г. генуэзский флот в сражении при Курцолле нанес Венеции сокрушительное поражение. Перевес в торговом соперничестве после этой победы оказался на стороне Генуи. Однако в 1380 г. венецианский флот разгромил генуэзцев при Кьодже и в восточной части Средиземноморья упрочилось господство Венеции.

⁵⁵ Книд — дорийский портовый город на одном из полуостровов юго-западной части Малой Азии.

⁵⁶ Геометрическая пропорция: $a:b=c:d$.

⁵⁷ Арифметическая пропорция: $a-b=c-d$.

⁵⁸ Юнона Луцина (светлая) — в римской мифологии богиня брака, материнства, женщин и женской производительной силы. Луцина — “выводящая ребенка на свет”, “родовспомогательница”.

⁵⁹ Либитина — в римской мифологии богиня похорон. В святилище Либитины, находившемся в посвященной этой богине роще, хранились похоронные принадлежности. По преданию, царь Сервий Туллий приказал вносить в святилище Либитины по монете на каждые похороны, чтобы знать число умерших (*Dion. Halic. IV 15*). Впоследствии Либитина слилась на основе ее имени (*libido*, “страсть, вождление”) с Венерой. У Бодена также приводится двойное имя — Венера Либитина.

⁶⁰ *Аристотель*. Политика. III.1285b.

⁶¹ Там же. IV.1292a, 1293a.

⁶² Там же. III.1284b 30—35.

⁶³ Там же. III. 1287a.

⁶⁴ Квинт Цецилий Метелл — предшественник Мариа на посту главнокомандующего римской армией в войне с Югуртой (отсюда прозвище Нумидийский), в 109 г. до н.э. избран консулом. В 100 г. до н.э. сослан на о. Родос, поскольку оказался единственным сенатором, отказавшимся пообещать не препятствовать проведению в жизнь аграрного законопроекта, внесенного сторонником Мариа Сатурнином.

⁶⁵ *Digesta*. 32.3.22.

⁶⁶ Александр Север Марк Аврелий (208—235 гг. н.э.) — римский император с 222 г., в правление которого большим влиянием пользовались юристы Ульпиан и Павел. Биография Севера Александра содержится в “Жизни императоров”.

⁶⁷ Рескрипт, имевший силу закона ответ императора на представленный ему для разрешения вопрос.

⁶⁸ Ясон (1435—1519 гг.) — итальянский правовед, автор *Commentaria indigestum et codicem*.

⁶⁹ *Seneca. De beneficiis*. VII.IV.2.

⁷⁰ *Ibid*. VII.V.1.

⁷¹ Матиаш Корвин (1458—1490 гг.) — сын Яноша Хуньяди, избран сеймом на венгерский престол. Он создал постоянную наемную армию и укрепил судебно-административный аппарат в центре и на местах. В это время в Венгрии окончательно сформировалась сословная монархия. В сейме наряду с дворянами заседали представители городов.

⁷² Ваза.

⁷³ Генрих I Птицелов (ок. 876—936 гг.), германский король с 919 г., основатель Саксонской династии. Путем уступок ликвидировал мятежи герцогов Швабии и Баварии. В 925 г. присоединил Лотарингию.

⁷⁴ Оттон I (912—973 гг.) — германский король с 936 г., с 962 г. император Священной Римской империи, из Саксонской династии. Основал империю, завоевал Северную и Среднюю Италию. Укрепил королевскую власть, подчиняя герцогов и опираясь на епископов и аббатов.

⁷⁵ Рудольф I (1218—1291 гг.) — с 1273 г. германский король, первый из династии Габсбургов. В 1273 г. курфюрсты избрали на престол Рудольфа Габсбурга, носившего графский титул, но не принадлежавшего к сословию имперских князей. Курфюрсты рассчитывали, что новый король, не располагавший доста-

точными средствами, не сможет проводить самостоятельной политики и будет выполнять их волю. Но их надежды не сбылись. Рудольф Габсбург использовал императорскую власть для обогащения собственного дома и создания крупного наследственного княжества.

⁷⁶ Карл IV (1316—1378 гг.) — германский король и император Священной Римской империи с 1347 г., из династии Люксембургов. Имперская политика содействовала политической децентрализации Германии. В 1356 г. имперским сеймом Священной Римской империи была принята “Золотая булла”. Этот законодательный акт был утвержден Карлом IV и узаконивал избрание императора коллегией курфюрстов, закрепляла за ними и другие привилегии. Действовала до 1806 г.

⁷⁷ Юлий Пфлюг (1499—1564 гг.) — епископ города Наумбурга, автор “*De republica Germaniie*”.

⁷⁸ Карл IV — король Франции 1322—1328 гг.

⁷⁹ Конрад Цельтис (1459—1508 гг.) — немецкий историк, автор “*Germania illustrata*” и “*Libellus de origine, situ, moribus et institutis Norimbergae*”.

⁸⁰ Огиг — древнейший царь Фив.

⁸¹ Антигон Одноглазый (ок. 380—301 гг. до н.э.) — один из диадохов, будучи наместником Фригии, Ликии и Памфилии, сделал попытку вместе с сыном Деметрием Полиоркетом основать собственное государство в Малой Азии (принял царский титул в 306 г. до н.э.)

⁸² Пирр (319—272 гг. до н.э.) — с 306 г. царь Эпира, пытался создать великую державу в системе эллинистических государств на западе Средиземного моря, подобную той, что создал Александр Македонский на Востоке. Используя войну между диадохами, Пирр на короткое время занял Македонию (289—288 гг. до н.э.), в 280 г. он высадился в Италии, где победил римлян при Гераклее.

⁸³ Леонт — прибрежный город к северо-западу от Сиракуз.

⁸⁴ Пеллена — город в восточной Ахайе, между Сикионом и Эгирой.

⁸⁵ Альфонсо Улло умер в Венеции в 1572 г. Написал хронику правления Карла V.

⁸⁶ Эдуард II (1284—1327 гг.) — английский король с 1327 г., из династии Плантагенетов. Был в постоянном конфликте с баронами. Во время одного из выступлений баронов, которых поддержали рыцарство и горожане (недовольные ростом налогов), низложен и убит. Поэтому здесь Боден ошибается. Первый английский парламент (по Бодену, сенат) был созван графом Симоном де Монфором в 1265 г. Далее, король Эдуард I (1272—1307 гг.), нуждаясь в субсидиях и желая предупредить новые выступления оппозиции, вынужден был созвать парламент и просить разрешения на сбор налогов. В конце XIII в. парламентский строй в Англии утвердился окончательно. Уже в 1295 г. король Эдуард I собрал так называемый “образцовый парламент”, на который были приглашены, кроме непосредственных вассалов короля, по два рыцаря от графств и по два представителя от каждого сколько-нибудь значительного города или порта, а также представители духовенства.

⁸⁷ Архиепископом Кентерберийским в 1322 г. был Вальтер Рейнольдс. Не понятно, кого подразумевает Боден под именем Роберта.

⁸⁸ Фалерон — житель Фалерона (прозвище Деметрия).

⁸⁹ Иннокентий III (1160/1161—1216 гг.) — папа римский с 1198 г.

⁹⁰ Платон. Государство. V.9.

⁹¹ Эак — царь Эгины, ставший после смерти одним из трех судей подземного царства.

⁹² Нимрод (Нимврод, Немврод) — в ветхозаветной мифологии богатырь и охотник, сын Хуша и внук Хама. В агадической традиции есть толкование его имени “возмутивший весь народ против Яхве”, поэтому он рассматривается как первый, кто начал воевать с другими народами.

⁹³ Фаларис — тиран из Акраганта, правивший в VI в. до н.э.

⁹⁴ Ферамен — афинский политик, который захватил власть в 404 г. до н.э. Один из тридцати тиранов.

⁹⁵ Коммод, М. Аврелий К. Антонин (161—192 гг. н.э.) — римский император со 180 г. В период своего правления Коммод опирался на римскую армию и поручил управление государством преторианским префектам и своим фаворитам. Он покончил с благосклонной к сенату прежней политикой своего отца Марка Аврелия, требовал своего обожествления, участвовал в боях гладиаторов и стремился к установлению неограниченной самодержавной монархии. Кровавое подавление восстания в 183 г. и становившаяся все более очевидной жестокость Коммода (особенно с 191 г.) привели к образованию враждебной ему оппозиции со стороны сената. В 192 г. любовница Коммода Марция, вольноотпущенник Эклект и преторианский префект Лет, узнав случайно, что Коммод решил их казнить, убили его. Сенат одобрил их поступок и объявил Коммода врагом отечества.

⁹⁶ Гальба Сервий Сульпиций (3 г. до н.э. — 69 г. н.э.) — римский император. Опираясь на испанские легионы, принял участие в восстании против Нерона и после свержения последнего был провозглашен императором. Пытался наладить развалившееся хозяйство, отказал в денежных подношениях солдатам. Обойденный при урегулировании вопроса о престолонаследии Отон поднял восстание недовольной преторианской гвардии, во время которого Гальба был убит на Форуме в Риме.

⁹⁷ Пертинакс П. Гельвий (126—193 гг. н.э.) — римский император. После убийства Коммода провозглашен императором, правил в согласии с сенатом, пытался улучшить финансовое положение и упорядочить воинскую дисциплину. Это вызвало недовольство преторианцев, которыми он был убит во время мятежа в Риме.

⁹⁸ Гордиан Марк Антоний (159—238 гг.) — римский император в апреле-мае 238 г. Как представитель крупных африканских землевладельцев был выдвинут претендентом в императоры. Сенат поддержал его против Максимиана Фракийца. Гордиан I сделал соправителем своего сына, носящего то же имя — Гордиан II. Последний погиб в битве у Карфагена против нумидийского легиона, оставшегося верным Максимину. Гордиан I после этого покончил с собой.

⁹⁹ *Digesta*.49.15.24.

¹⁰⁰ Омар I (ок.591/581—644 гг.) — с 634 г. второй халиф в Арабском халифате. Один из ближайших сподвижников Мухаммеда.

¹⁰¹ В результате первого крестового похода к началу XII в. на территории Южной Сирии и Палестины было создано королевство Иерусалимское во главе с Годфридом Бульонским.

¹⁰² Пифагорейские числа имеют не простое количественное значение: если для нас число есть определенная сумма единиц, то для пифагорейцев оно есть скорее та сила, которая суммирует данные единицы в определенные свойства. Единица, например, есть причина единения, два — причина раздвоения, четыре — корень и причина всего числа (1+2+3+4=10). В основании учения о числе усматривалась коренная противоположность четного и нечетного: четные числа суть кратные 2 и потому — “чет” есть начало делимости, раздвоения, разлада; “нечет” — знаменует противоположные свойства.

¹⁰³ *Аристотель*. Политика. V.12.1316a.

¹⁰⁴ Я не смогла совершенно точно установить личность Форестера. Я думаю, что Боден упоминает немца Валентина Форестера (1530—1608 гг.), последователя Меланхтона. Он обучался праву и математике в Падуе, а затем преподавал в различных французских университетах, где встречался с правоведами, с которыми был знаком и Боден.

¹⁰⁵ Теория мира, якобы основанного на 7, изложена в первых 11 главах труда “О седмицах”, приписываемому Гиппократу. Согласно этой теории миром правит число 7, ибо “таково число мира, семичастна любая форма в нем, семичастен порядок каждой из частей”. В отношении природы эта теория была развита Ферекидом в сочинении “Семинадри” // См.: *Чайковский Ю.В.* Фалесова наука в историческом контексте // *Вопр. философии*. 1997. № 8. С. 151—166.

¹⁰⁶ Должно быть 3969.

¹⁰⁷ Генебрард (1535—1597 гг.) — профессор College de France, опубликовал работы Оригены, поддерживал Католическую Лигу, автор “Chronographia in duos libros distincta”.

¹⁰⁸ Иоханн Гарц (1530—1574 гг.) — немецкий астролог, автор “Methodus astrologiae” (?).

¹⁰⁹ $7 \times 70 = 490$.

¹¹⁰ 1728.

¹¹¹ В соответствии с практикой Бодена, это должно означать, что 9 и 7 — множители 496 и, что 496 тоже множитель 1728, или еще является единственным числом, меньшим, чем 1728, которое удовлетворяет поставленным условиям. Что он имел в виду, не совсем ясно, возможно $[(7 \times 9) - 1](9 - 1) = 496$, но простое жонглирование цифрами может быть применимо ко многим числам, меньшим 1728.

¹¹² Сецессия — в Древнем Риме демонстративный выход плебса из состава римской общины и уход за черту города.

¹¹³ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Лисандр. 15.

¹¹⁴ Левит. 25:8.

¹¹⁵ $2 \times 12 \times 24 = 576$.

¹¹⁶ Нигидий Фигул — пифагорейский философ, грамматик и астролог I в. до н.э., друг Цицерона, сторонник Помпея. Автор *De auguriis*.

¹¹⁷ Фирмиец (Фирм — это город в Пицене, к югу от Анконы) — астролог и современник Цицерона.

¹¹⁸ Палилии — праздник пастухов, который начинался 21 апреля.

¹¹⁹ Антимакх (ок. 400 г. до н.э.) — греческий поэт и ученый, исследователь творчества Гомера и издатель его трудов. Написал сборник элегий, озаглавив его “Лида”.

¹²⁰ Эврип — пролив между Эвбеей и материком.

¹²¹ Исая. 38:8.

¹²² Никий — афинский политик и полководец во время первой половины Пелопонесской войны. Казнен в Сиракузах в 413 г. до н.э.

¹²³ Фрасилл — звездочет, современник Тиберия.

¹²⁴ Эгоспотамы — река и город в Херсонесе Фракийском, ныне Галата. Место победы Лисандра над афинянами в 405 г. до н.э.

¹²⁵ Фрасибул, родом из Стейрии (Аттика) — полководец, свергнувший в 403 г. до н.э. власть 30 тиранов и в 399 г. до н.э. восстановивший законы Солона, убит в 391 г. до н.э.

¹²⁶ Арат — полководец, освободивший Сикион (Ахея) от тирана Никокла, основатель Ахейского союза, умерщвлен Филиппом V Македонским (271—213 гг. до н.э.).

¹²⁷ Готье де Бриенн, герцог Афинский был провозглашен хранителем и протектором города Флоренции и его законов, а также капитаном в 1342 г. В его руках была сосредоточена административная власть, распоряжение финансами и иностранными делами. Был изгнан из Флоренции после кратковременного правления в 1343 г., война Флоренции с папой началась в 1375 г.

¹²⁸ Гибеллины — политическое течение сторонников империи в итальянских городах. Эту партию возглавлял император. Их противники — гвельфы, номинальной главой которых являлся папа. Гибеллины получили свое название от Вайблинген (название замка Гогенштауфенов, ставших императорами); гвельфы — от герцогского рода Вельфов, противников Гогенштауфенов.

¹²⁹ Гонфалоньер (букв. знаменосец) — во Флоренции с 1289 г. глава приората, в правление Медичи глава городского магистрата.

¹³⁰ Иннокентий IV (ок. 1195—1254 гг.) — римский папа с 1243 г. Боролся с императором Фридрихом II за верховенство над светской властью, поддерживал Тевтонский орден.

¹³¹ *Digesta*.I.18.6.

¹³² Людовик XI (1423—1483 гг.) — с 1461 г. французский король из династии Валуа. Проводил централизаторскую политику, подавлял мятежи. Присоединил к королевскому домену Анжу, Пикардию, Бургундию и др. территории.

¹³³ *Principalibus de rebus creditis*. См.: *Digesta*.12.I.33.

¹³⁴ *Jurisperitos, de excusat tut*. См.: *Digesta*.27.I.30.

¹³⁵ *Sufficit. de rebus creditis*. См.: *Digesta*.12.I.

¹³⁶ Нин — муж Семирамиды, основатель Ассирийского царства.

¹³⁷ Арбакт — первый царь мидян.

¹³⁸ Тимариты — от термина “тимар”, мелкое земельное владение в Османской империи, связанное с несением воинской службы.

¹³⁹ Стефан граф Блуаский — английский король с 1136 по 1154 гг. Сын Адели и Стефана графа Шартрского и Блуаского, дядей которого по матери был английский король Генрих I.

¹⁴⁰ Альфонс III Великий (838—910/912 гг.) — король Астурии с 866 г. Отвоевал у арабов ряд районов. Аристократия, возглавляемая сыновьями.

¹⁴¹ *Макиавелли Н.* Государь. Гл. I, IX.

¹⁴² *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.

¹⁴³ *Аппиан.* Гражданские войны. I.28.

¹⁴⁴ *Аристотель.* Политика. III.1279b.

¹⁴⁵ *Гомер.* Иллиада. II.204.

¹⁴⁶ *Эврипид.* Андромаха. I.484.

¹⁴⁷ Сулейман I Кануни (Законодатель, в европейской литературе к его имени принято добавлять эпитет Великий) (1520—1566 гг.) вел активную внешнюю захватническую политику, в результате чего сложилась огромная империя, владения которой находились в трех частях света — Европе, Азии и Африке.

¹⁴⁸ *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. 36—37.

¹⁴⁹ Книга Судей. 8:23.

¹⁵⁰ Маймонид (Моисей Египетский) (1135—1204 гг.) — аристотелик, автор работ по астрологии, астрономии, комментариев Талмуда, философских и правоведческих сочинений.

¹⁵¹ Числа. 11:16,17.

152 *Аристотель*. Политика. II. 1269a.

153 1273 г.

154 Иврэ.

155 Во всех рассуждениях Бодена о пропорциях и теории гармонии очевидно влияние сочинений известного римского философа Бозция “*De arithmetica*” и “*De musica*”.

156 Математические выражения были записаны Боденом на полях.

157 *Гесиод*. Теогония. I. 920. Дочери Зевса и Фемиды: Эвномия — законный порядок, Дике — справедливость, Эйрена — мир.

158 Требатий — римский правовед, друг Цицерона, Цезаря и Горация.

ГЛАВА VII. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕХ, КТО ОТСТАИВАЕТ ТЕОРИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА И ЧЕТЫРЕХ МОНАРХИЙ

¹ Книга пророка Даниила. 2:37—45.

² *Non liquet*, формула, означающая, что судья воздерживается от суждения.

³ Дицебал (ум. в 106 г.) — вождь даков с 87 г. В 89 г. после успешной войны с римлянами добился мира, по которому Рим должен был выплачивать дакам ежегодную дань. Войны даков с Римом в 101—102, 105—106 гг. завершились подчинением даков Риму и самоубийством Дицебала.

⁴ Первое послание к коринфянам. 10:14.

⁵ Книга пророка Даниила. 2:34.

⁶ Книга Екклесиаста. 1:9.

⁷ Нимрод (Нимврод) — сын Хуша, особенно отличающийся им от других сыновей в Книге Бытия. Нимрод выступает как яркий идолопоклонник, руководящий постройкой Вавилонской башни. Возвратившись после разрушения башни в свое царство, он преследовал приверженцев Яхве.

⁸ Камесис — Хам, сын Ноя.

⁹ Бел, общесемитское Балу — владыка, господин.

¹⁰ М. Фурий Камилл умер в 363 г. до н.э., прославился как полководец в сражениях с эквами и вольсками.

¹¹ Ювенал. Сатиры. XIV. 34.

ГЛАВА VIII. СИСТЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

¹ Гален (129—199 гг. н.э.) — греческий врач, сын математика и архитектора. Был последним крупным представителем научной медицины в античности. В области философии примыкал к Аристотелю. В его многочисленных медицинских сочинениях отражены все достижения медицины того времени, а также его собственные исследования в области анатомии, физиологии, патологии и фармакологии.

² *Aristoteles*. *De caelo*. I. 10. 283b 26.

³ *Платон*. *Федр*. 245 D.

⁴ *Платон*. *Тимей*. 41 A, B.

⁵ *Августин*. *О граде божьем*. X. 4.

⁶ *Аристотель*. *Физика*. II. 6. 198 a.

⁷ У Плутарха есть две речи “О судьбе и доблести Александра”. Трудно с точностью определить, на них ли ссылается Боден.

⁸ Лактанций Л. Целий Фирмиан (умер после 317 г. н.э.) — христианский богослов. Наиболее значительными его произведениями являются “Божественные установления”, “О смерти гонителей”.

⁹ Филопон — александриец, жил в V—VI вв. Написал комментарии к космогонии Моисея Египетского.

¹⁰ Имеется в виду Франческо — племянник более известного Джованни Пико дела Мирандолы.

¹¹ Симпликий или Симплиций — один из последних философов-неоплатоников. Жил в 1-й половине VI в. н.э. Он издал ценные комментарии к трудам Аристотеля, автор комментариев к “Беседам” Эпиктета.

¹² Прокл (412—485 гг.) — греческий философ-неоплатоник. Он представил развитый Плотиниом и Ямвлихом идеализм в форме триады. Его основная работа “Первоосновы теологии”.

¹³ Ориген (185—253/254 гг. н.э.) был учеником неоплатоника Аммония Сакка. Является автором более 2000 произведений, из которых сохранилась только часть. Возможно, Боден упоминает ныне утраченный трактат.

¹⁴ Лев Иудей умер в Венеции в 1535 г. Его наиболее известная работа “Dialoghi di amore”, написана в духе платонизма. Его трактат по астрономии не был опубликован.

¹⁵ Панетий, философ-стоик из Родоса, друг Сципиона Младшего и Лелия.

¹⁶ *Lucretius. De rerum natura. V.96.*

¹⁷ Метродор из Афин — философ эпикурейской школы, умер в 277 г. до н.э.

¹⁸ Манихейство — религиозное учение, основанное в III в. Мани, который, по преданию, проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. В основе манихейства лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, как изначальных принципов бытия.

¹⁹ Аристид Эллий (ок. 117 (или 129)—187 гг. н.э.) — греческий странствующий оратор, его речи (сохранилось 55) посвящены защите риторики перед философией, восхвалению Рима, славного прошлого Афин и других городов. Во время своих поездок ознакомился с религиозными культурами.

²⁰ Гелланик — писатель из Митилены, V в. до н.э. В тесном контакте с Гекатеем занимался преимущественно мифологией. Упорядочил собрание и описание греческих сказаний, которые систематизировал по генеалогическому, этнографическому и хронологическому принципу. Подвергался критике со стороны позднейших греческих историков за некритичность в изложении материала и ряд ошибок.

²¹ Манефон — египетский жрец и историк, писал на греческом языке. Жил в 1-й половине III в. до н.э. Наиболее значительный труд “История Египта” охватывает период от мифической доисторической эпохи до 30-й династии (343 г. до н.э.). Манефон ввел деление истории Египта на династии. От его книги сохранились отрывки, приводимые в произведениях Иосифа Флавия, Евсевия и Георгия Синкелла.

²² Иосиф Флавий. Иудейские древности. I.93.

²³ Каллисфен (370—327 гг. до н.э.) — греческий историк, внучатый племянник Аристотеля, принимал участие в персидских походах Александра Македонского как историограф. Причиной их разрыва стал отказ Каллисфена падать ниц перед царем; за это Каллисфен был казнен. Создал произведение, в котором возвеличил деяния царя и прославил его как борца за панэллизм. Это сочинение послужило основой для создания легенды об Александ-

ре. До нас дошел роман об Александре, автором его традиция считает Каллисфена.

²⁴ Архилох (род. в 650 г. до н.э.) — греческий лирик, из многообразного творчества которого до нас дошло немногим более 100 фрагментов.

²⁵ Мнасий — один из первых последователей Эратосфена.

²⁶ Гигес — царь Лидии VIII—VII вв. до н.э., родоначальник династии Мермиадов.

²⁷ Набопалосар — халдейский вождь, который в начале 626 г. до н.э. в Вавилоне возглавил восстание против ассирийского владычества. Победил и основал халдейскую династию

²⁸ Метон — древнегреческий афинский астроном и математик, который родился около 430 г. до н.э. Разработанный им цикл предназначался для согласования солнечного (365,5 дня) и лунного (354 дня) года, лег в основу древнегреческого календаря. Этот названный его именем 19-летний цикл включал 7 дополнительных месяцев.

²⁹ Мош — автор несохранившейся истории финикийцев.

³⁰ Солин Г. Юлий — латинский писатель III в. н.э. Издал произведение “Собрание вещей достопамятных”, компендиум с интересными заметками и описаниями из области географии, природных явлений и истории. В своих трудах Солин основывался на трудах Плиния Старшего.

³¹ Родриго (1170—1247 гг.) — архиепископ Толедо и автор “*De rebus Hispaniae*”.

³² Индиктион, до III в. чрезвычайный, объявляемый императором налог на зерно. С 312—313 гг. н.э. периодичность индиктионов легла в основу летоисчисления. Необходимо различать греческую (константиновскую) систему индиктионов, систему Беды и римскую (папскую) систему индиктионов.

³³ Асконий Педиан (9—76 гг. н.э.) — римский филолог из Падуи. Среди его произведений исторические комментарии к речам Цицерона, пять из которых дошли до наших дней.

³⁴ Валерий Лициниан Лициний (265—325 гг.) — римский император. Был военачальником другом Галерия, который провозгласил его в Сирмии правителем с титулом Аугуста. После смерти Галерия он в 313 г. в битве под Адрианополем одержал победу над Максимином Дайей и стал правителем всей восточной части Империи. Некоторое время был союзником Константина. С 320 г. начал проводить политику преследования христиан. В войне за власть с Константином Лициний в 324 г. потерпел поражение в битве под Адрианополем, был сослан в Фессалоники и через год казнен.

³⁵ Максентий — сын Максимиана, римский император в 306—312 гг. н.э.

³⁶ Метон — афинский зодчий и астроном V в. до н.э., предложивший основывать летоисчисление на цикле в 19 лет.

³⁷ Давид Кимхи — сын Иосифа Кимхи, жил в конце XV—XVI вв., грамматик и комментатор Библии. Его филологический труд “Книга Совокупностей” (1532 г.) и лексикон корней языка иврит “Книга Корней” (до 1480 г.) оказали огромное влияние на сочинения христианских гебраистов эпохи Ренессанса.

³⁸ Меродах (Иер. 50:2) — название вавилонского божества, представлявшего, возможно, планету Марс.

ГЛАВА IX. КРИТЕРИИ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ИСТОКИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ

¹ Эскулап — заимствованный римлянами греческий бог врачевания Асклепий. Культ Эскулапа проник в Рим благодаря Сивиллиным книгам во время эпидемии чумы в 293 г. до н.э. На тибрском острове римляне воздвигли храм Эскулапа.

² Сепонтий — имя Николая Пероцци (1430—1480 гг.), теолога, автора перевода “Истории” Полибия. Есть и еще один Сепонтий, который написал историю Германии. Непонятно, кого из них здесь Боден имеет в виду.

³ Главк — предводитель ликийцев в Троянской войне (на стороне троянцев).

⁴ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Ликург.15.

⁵ Конрад Пойтингер (1465—1547 гг.) — немецкий гуманист, картограф.

⁶ Герман фон Нойенар (1492—1530 гг.) — автор работ по истории Франции и Бельгии.

⁷ Люпольд — епископ Бамберга, умер в 1362 г.

⁸ Робер Кено (1483—1560 гг.) — прелат, историк и современник автора. Он посвятил свою “Историю Галлии” Генриху II.

⁹ Иоханн Тритемий (фон Хайнденберг) родился в Трайенхайме в 1462 г. и умер в 1516 г. Был бенедиктинцем, автор сочинения “De luminibus sive de viris illustribus Germaniae” и трактата по астрономии.

¹⁰ Феодорит Киррский (390—466 гг.) — был епископом в Кирре, автор сочинений “Исцеление языческих болезней”, “История монашества”.

¹¹ Кумы — приморский город в Кампании.

¹² Элея — город в Лукании.

¹³ Пандосия — город в Бруттии, на границе с Луканией.

¹⁴ Пандатария — островок у берегов Кампании.

¹⁵ Певкетия — средняя часть восточного побережья Апулии (от Бария до Брундизии).

¹⁶ Хольцманн Аугсбургский (1532—1576 гг.) — переводил и комментировал различные работы античных авторов.

¹⁷ Этническое.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббат Урспергский 53, 73, 306, 314, 324
Абельмелек 282
Августин Блаженный 198, 267, 270, 274, 280, 291, 294
Августул 203
Аверроэс 105, 122, 277-278, 281
Авиценна 80, 277, 281
Авл Геллий 62, 140, 300
Агафий Смирна 325
Агафий Схоластик 52, 88, 307
Агесилай 61, 133, 285, 319
Агис 165
Агрикола 100, 118
Агриппа Марк Випсаний 117, 142, 252
Адо Вьенский 73, 314
Адриан 11, 59, 67, 84, 171, 195-196, 253, 281, 292
Азо 152, 153, 182
Айтон Армянский 73, 233, 327
Аккольги Бенедетто 46
Аккурций 152
Александр III Великий Македонский 18, 43, 47, 59, 60, 63, 150, 176, 202, 204-205, 228, 231, 262-263, 265, 281-283, 292
Александр III, папа римский 197, 201
Александр Афродисийский 87, 277, 280
Алексей Комнин 319
Алемонид 210
Алкивиад 211
Алкиатти А. 58, 66, 91, 124, 152, 155, 338, 340
Алларих Паннонийский 236, 262
Алозий Кадамустий 192, 328
Альберт Великий 290
Альварес Ф. 47, 53, 55, 73-74, 79, 96, 102, 114, 120-121, 255, 328
Альтомер А. 95, 297, 303
Альфонс III 237
Альфонс IV 237
Альфонс V 237
Альфонс XI 16
Альфред 235
Амадис 58
Амбигат 304
Амвросий 75, 209, 274
Амиет 82
Аммиан Марцеллин 47, 53, 67, 76, 107, 116, 190, 293, 301, 306, 317, 321, 330
Анаксагор 104, 278, 281
Анахарсис Скифский 79, 240
Андроций 171
Анк Марций 64
Анна, дочь Алексея Комнина 319
Анний Флор, Публий 28, 61
Антигон II Гонат 23, 146
Антигон Одноглазый 185
Антимах Лирик 207
Антинор 309
Антиох Селевкид 38, 159, 194, 204
Антипатр 231
Антоний Бонфини Асколийский 324
Антоний Геронийский 288
Антоний Пий 253
Антонин Благочестивый 141, 142
Антонин Флорентийский 53, 73, 314
Антонини П. 218, 326
Антуан Бурбон 333, 350
Антуан Тулузский 350
Апион Грамматик 25, 75, 282-284, 318
Аполлинарий 290
Аполлодор 63
Аполлоний Тианский 46, 252
Аппиан 38, 47, 50, 52, 53, 57, 61-62, 80, 82, 130, 144, 156, 180, 205, 211, 240, 252, 261, 302, 318, 320, 322, 327, 335-336
Аппий Слепой 56, 160, 162
Апулей 138, 274
Арат 196, 215
Арбакт 192, 203, 231
Аристид 37, 61, 168, 187, 194, 211, 240, 281, 295
Аристомах 50
Аристотель 32, 35, 43, 46-48, 52, 79-85, 88-89, 93-95, 97-98, 100, 102, 104-107, 109, 115-116, 121, 133-137, 143, 145, 148, 150-151, 163-165, 168, 172, 174-175, 177-179, 181-183, 186, 198, 201, 208-210, 214, 223, 227-228, 237-239, 241, 243-245, 247, 252-253, 256, 258, 264, 270-281, 303, 337
Арнобий 316
Арульф Египетский 63
Арриан Флавий 47, 59

- Арсак 231, 255
Артабан 231
Артаксеркс Перс 231, 292
Артемидор 106
Архилох 283
Архимед 277
Архит 133
Аршакиды 311
Асконий 61, 180, 288
Аттик 150, 201
Аттила 112, 205
Аугер К. 302
Афней 85, 124, 127, 265, 293, 303-305, 308
Ахав 292
Аякс 92
- Балдий де Убальди 106
Балдуин 206, 225
Балиони 98, 133, 212
Барон Э. 10
Барголо да Сассоферрато 139, 153, 197, 338
Беглиони 70
Беда Достопочтенный 24, 77, 288, 290-291, 314, 326
Беза Т. 290
Бейль П. 334
Бел Юпитер 231, 264
Беллоний 74
Беловез 304-305
Белул И. 102
Бембо 70-72, 166-167, 248, 321
Бентиволио 212
Бернар Моденский 290
Бернар К. 345
Бероз 25, 48, 282-285, 291-292, 303, 313, 318
Беяр К. 345
Боден Г. 334
Боден Ж. 5, 7, 332-358
Бодриар О. 347
Бодуэн Ф. 339
Бойер Ж. 208
Боккаччо Д. 201, 329
Бонтиволио 133
Ботрю Ж. 337
Боуверн Г. 335, 337
Бозций 53, 78, 141, 276, 297
Брацелий Я. 327, 330
Браччолини П. 95, 218
Брени 57
Бриссон Б. 10, 348
Британик 52
Бруни Л. 50
Бруно Д. 338
Брут Марк Юний 89, 154, 158-159, 166, 187, 192
- Брутт Венецианский 58
Буае Н. 10
Буллингер 313, 315
Буонакольси 212
Бурре Ж. 283
Бьондо Ф. 321
Бюде Г. 61, 66, 227, 336
- Валенсий 112
Валент Флавий 76
Валентиннан 205, 293
Валерий Антий 159
Валерий Максим 150, 156, 159, 161, 176, 316
Валерий Флакк 48, 304
Валла Л. 133, 331
Валори 132, 168, 221
Вальдемар II 234, 312
Варамунд 205, 231, 349
Варрон 35, 60, 82, 95, 105-107, 133, 149-150, 189-191, 203, 207, 243, 270, 292, 300
Вацлав Святой Пржемыслович 95
Вектий 163, 203
Велизарий 46, 72
Веллей Патеркул 53, 61, 68, 75, 320
Венот 337
Вер Луций 116
Верджеро П. 330
Вермондуа 230
Веспасиан 75, 131, 180
Веспуций 166
Веслуччи А. 328
Вивес 52, 64
Видукин 311-312, 235
Вильгельм Завоеватель 235, 312
Вильгельм, епископ Тира 53, 73, 232, 317, 327
Винцент из Бовэ 314
Виссарион 58, 133, 274
Вителлий 65, 131
Витрувий 83, 88, 119, 125, 133
Волатеррианый 78, 109, 328
Волкаций 67
Вописк 67, 91, 307, 321, 330
- Гагуин 73, 77, 322
Газа Т. 289
Газер А. 315
Гален 12, 79, 81, 86, 97-98, 100, 105, 109-110, 116, 124, 270
Галлеацио Капелла 321, 323
Гальба 131, 192
Ганнибал 55, 56, 98, 160, 194, 243
Гармодий 191
Гарнье Р. 337
Гарольд 235
Гарц 203, 289

- Гаспар Гейд 314
 Гаши 55, 77, 82, 104, 133, 327
 Гвиччардини Ф. 51, 53-55, 58, 68-71, 77, 151, 157, 166, 218, 225, 321
 Гегеспий 75, 316, 318
 Гейзерих 321
 Гекатей 285, 299
 Гектор 326
 Гелиогибал 67, 192, 262, 329
 Гелипий 64
 Гелланик 282, 285
 Гельмольд 324
 Генебрард 203, 287, 290
 Геннадий Марсельский 317
 Генрих I Норманская династия 312
 Генрих I Птицелов 95, 183, 234, 311
 Генрих II Валуа 51, 226-227, 230, 247, 254, 317, 333, 335
 Генрих II Плантагенет 235
 Генрих III Валуа 334, 344-350
 Генрих IV Бурбон 332, 346-347, 350-352
 Генрих VII Тюдор 312
 Генрих VII из династии Люксембургов 152
 Георгий Геместий 319
 Гераклит 64, 85, 102, 119
 Герман Далмата 327
 Герман Конрад 314, 335
 Гермоген 142, 143
 Гермодор 194
 Геродиан 67, 321, 329
 Геродот 25, 50, 53, 54, 64, 67, 73, 75, 80, 95, 109, 127, 190, 202, 282, 284, 291, 293, 297, 303, 313, 318-319
 Герострат 15
 Герцог Афинский 219
 Гесиод 190, 285
 Гесихий 82
 Гефилиний Старший 320
 Гигес 285
 Гиз Г. 333, 347
 Гиз К. 333
 Гиз Ф 333, 347
 Гизы из Лотарингского дома 333
 Гийо М. 345
 Гиппарх 210, 285, 288
 Гиппий 210
 Гиппократ 81, 85-86, 88, 93-94, 96-97, 106, 109, 116, 122, 125-127
 Гирций 91, 287, 302, 321
 Главк 296
 Гомер 18, 75, 82, 105, 136, 178, 190, 242, 252, 281-282
 Гондерик 236
 Гонзага Л. 192, 312
 Гораций 82, 161
 Гордиан 192
 Гортензий 61, 161
 Гостензий 106
 Гостер 235
 Готфрид Бульонский 198, 206
 Григорий Турский 53, 73, 306
 Гримани, А. 167
 Гритти Л. 90
 Гуарино Пизанский 9
 Губерт Леонард 322
 Гуго Капет 205
 Гунибальд 322
 Густав I Ваза 91, 123, 182, 234, 312
 Д'Арль 348
 Д'Орлеан 350
 Д'Эсте 212, 312
 Даниил 202-203, 260, 262-263, 287, 291
 Дарий III 202, 311
 Дарий Фригийец 318
 Де Бург 348
 Де Гручи Н. 149
 Де Коста 340
 Де Ламот Ш. 198
 Де Леру Л. 338
 Де Лион Ж. 343
 Де ля Булле Ж. 343
 Де Мем 338
 Де Моа 346
 Де Роль А. 343
 Де Ту, К. 334, 343-344, 346
 Де Фер 227, 322, 329
 Де Фор Ф. 343
 Де Фуа П. 338
 Дезидерий 204
 Дейтерий 254, 256
 Делла Скала 212
 Дельфиний 76
 Демад 10, 42
 Демокрит 288
 Демосфен 39, 40, 61, 148, 156, 165, 169-172, 179, 187, 190, 211, 240
 Деций Ф. 66, 338
 Джаримберто Д. 134, 135, 145, 157
 Джианноти Д. 50, 166-167, 243-244, 249
 Джиле Н. 322
 Джильдас Бритт 326
 Джиральди Л. 316
 Джованни д'Андре 106
 Джовио П. 46, 51, 53, 57-59, 66, 69, 70, 90, 134, 166, 187, 229, 297, 315, 327-328
 Джозеф 328
 Джон Фокс 317
 Джоффрей Артур Англичанин 326
 Диктис Критский 318
 Диметрий Полиоркет 38, 185, 211
 Диметрий Фалерский 211
 Динарх 169

- Дноген Лаэртский 75, 297, 329
 Диодор Сицилийский 47, 53, 54, 63, 64, 75, 78, 95, 109, 120, 133, 142, 231, 281-284, 292-293, 298, 303, 308, 313, 319
 Диомед 12, 296
 Дион Кассий Коккеян 29, 49, 53, 63, 67, 89, 130, 134, 142, 171, 252, 320, 321, 329
 Дионисий Галикарнасский 23, 45, 47, 48, 53, 59, 60, 62, 64, 134, 146, 150-151, 155-156, 158-161, 163-165, 170, 175, 177, 179, 207, 250, 292, 298, 300, 320, 354
 Дицебал 261
 Доллабел 89
 Домициан 191, 192
 Донато Боссо Миланский 314
 Дори А. 215
 Дракула 90
 Друз Нерон Клавдий 61, 162
 Дю Белле Г. 48, 55, 68, 69, 306
 Дю Вер 338, 349
 Дю Тилле Ж. 28, 205, 322
 Дю Фор де Пибрак Г. 338, 343-344, 346
 Дюмулен Ш. 10, 152, 339
 Дюрен Ф. 10

 Евагрий Схоластик 317
 Евдох 285
 Еврипид 242
 Евсевий Кесарийский 24, 46, 297, 313-314, 317, 330
 Евтропий 67, 320, 330
 Елизавета I Тюдор 346

 Жамин Б. 345
 Жорсе Парижский 58

 Зиновия 225
 Зонара 53, 72, 150, 314, 319

 Игнатий 321, 329
 Идакий 325
 Иеремия 252, 314
 Иероним 23, 66, 283, 285, 291, 307
 Изабелла Кастильская 225
 Илланий 319
 Иннокентий III, папа римский 190, 197
 Иннокентий IV, папа римский 224
 Иордан 94, 325
 Иосиф Флавий 25, 28, 53, 67, 75, 95, 178, 202, 231, 249, 251, 263, 282-287, 290-291, 293, 303, 305, 318
 Иоханн Стампф Цюрихский 326
 Ирений 290, 297, 316-317
 Иреникий 95
 Исидор 319
 Исмаил I 51, 197
 Исократ 104, 133, 201

 Йозеф Цимлер 326
 Йорки 223, 312

 Кадм 299-300
 Казимир I Пяст 95
 Калигула 46, 49, 54, 67, 191-192
 Калимед 64
 Калист 72, 288, 317
 Калисфен 283-284
 Каллимах 57, 324
 Кальвин Компанус 56
 Кальвин Ж 260, 333, 337, 339
 Кальпурний 62
 Камбиз 284
 Камссис 264
 Камилл 194
 Канаи 12
 Канно Ф. 10, 340
 Кантакузины 232
 Капетинги 231
 Капитолин 67, 68, 321, 329
 Каракалла 142
 Кардан Д. 74, 113, 118, 120, 130-132, 206-207, 280
 Карион 24, 313, 315
 Карл IV из Люксембургской династии 183, 185
 Карл IV, король Франции 184, 253
 Карл IX Валуа 235, 317, 342
 Карл V Габсбург 18, 40, 41, 51, 52, 58, 68, 69, 91, 131, 147, 197, 215, 221, 234, 243, 261
 Карл VI Безумный 215
 Карл VII Валуа 230
 Карл VIII Валуа 205, 226, 228
 Карл Бурбон 349-351
 Карл Великий 46, 127, 203, 205-206, 212, 224, 231, 234, 236, 262, 266, 301, 311-312, 315
 Карл Врардий 327
 Карл Лотарингский из династии Каролингов 205
 Карл Простоватый 205, 230
 Карл Стефан 330
 Карл Французский 218, 255
 Кассиодор 325
 Каструччо Кастрокани 195
 Катилина 15
 Катон Марк Порций Цензорий 43, 45, 49, 55, 61, 62, 83, 117, 155-156, 159, 187, 231, 240, 264, 265, 298, 300, 320
 Катулл 82, 124
 Каулий Ж. 316
 Квинт Фурий 64
 Кено Р. 297
 Кимхи 291, 309
 Кинквабрий Ж. 9, 335
 Киприан 252

- Кипсел 195
 Кир Старший 17, 204, 262, 318
 Клеарх 221
 Клемент Александрийский 297, 316
 Клеомед 105
 Клеомен 165, 313
 Клиар 57
 Климент VII, папа римский 221, 257
 Коде Т. 339
 Колинги Г. 333
 Колумб Х. 328
 Колумелла 91
 Коммин Ф. 18, 46, 52, 53, 54, 113, 236, 323
 Коммод 191, 192
 Конде 333
 Конрад III 17
 Константин I Великий 46, 76, 132, 203-204, 232, 263, 288, 319
 Константин Герман Эмунд 322
 Контарини К. 135, 136, 145, 157, 163, 165-169, 173, 241, 243, 245
 Коперник, Н. 108, 207-208, 281, 285
 Корвин Матнаш 182, 312, 324
 Кориолан Г. М. 146
 Корнелий Косноязычный 143
 Крантц А. 73, 88, 310, 324-325
 Кромер М. 73
 Ксенократ 133
 Ксенофонт 17, 51-54, 58, 59, 63, 68, 75, 113-114, 164-165, 174, 214, 238, 252, 282-283, 285, 293, 297, 318-319, 330
 Ксеркс 117, 281, 284
 Ксиландер 303
 Ксифилин 29, 329
 Ктесий 47, 64, 80, 117, 202, 282, 284, 291-293, 297, 318
 Курций 17, 106, 330
 Куепиниан, И. 329
 Куяс Ж. 62, 339-340
- Ла Вакрюн 226
 Лабенон 11
 Лабнен Т. 49
 Лабрий 46, 327
 Лактанций 267, 272, 279, 316
 Лампридий 67, 150, 265, 321, 329
 Лангэ 73
 Ланкастеры 223, 312
 Лаций В. 297, 302-308, 324
 Ле Жён М. 5, 352-353
 Ле Кок А. 337
 Ле Мэр 46, 322
 Ле Серье 345
 Лев X папа римский 69, 74, 128, 221
 Лев Африканский 53, 55, 56, 74, 84, 91, 92, 95, 96, 102, 121, 123-124, 187, 232, 287, 298, 308, 327-328
- Лев Иудей 276, 279-280, 294
 Левузин К. 147
 Лейден 113
 Лейд 74
 Леонардо Аретинский 325
 Леонид II 176
 Леострат 288
 Леруа Л. 356
 Ливий 15, 16, 17, 28, 29, 47, 53-57, 64, 88, 105, 109, 133, 141, 144, 150, 156, 158-160, 162-163, 175, 191, 221, 238, 240, 243, 303-306, 320
 Лизиад 64
 Ликург 11, 45, 52, 164-165, 178, 183, 204, 211, 215, 229, 246, 257, 296
 Линакер, Т. 201
 Лисандр 61, 193, 204
 Лисимах 231
 Лициний 288
 Лопиталь М. 334, 336
 Лоредано 72, 246, 248-249
 Лоррейн, герцог 224
 Лотарь 152
 Лукан 64, 82, 105
 Лукиан 105, 307, 353
 Лукид Самотий, И. 24, 286
 Лукидий 202, 260, 277
 Лукреция 38
 Луций 53
 Людовик IV из династии Каролингов 205
 Людовик IX Валуа 258
 Людовик XI Валуа 18, 46, 132-133, 147, 226-227
 Людовик XII Валуа 182, 205-206, 215, 230, 245
 Людовик Благочестивый 197, 237, 266
 Людовик Римский 47, 328
 Люпольд Бамбергский 297, 324
 Лютер М. 113, 129, 201, 260, 313, 315
 Люцид 290
- Магианий 119
 Магнус 252
 Магоне 12
 Маймонид 250, 297
 Майно Я. 338
 Макиавелли Н. 53, 55, 98, 107, 128, 134, 157, 163-165, 187, 218, 220, 228, 238, 240, 243, 255, 321
 Макробий 106
 Максентий 288, 330
 Максимилиан 206, 251
 Малатеста 212
 Мальтрау 340, 352, 358
 Манефон Египтянин 264, 282, 284-285, 293, 318
 Манилий 64, 162

Манлий 64
 Мануций П. 62, 157, 163, 166, 243
 Манфреди 212
 Манцин 144
 Маргарита 234, 312
 Мариан Каледоний 73
 Мариан Скотт 290
 Мариан Фульдийский 314
 Марий 86, 92, 204, 210
 Мария I Кровавая 225
 Мария Сицилийская 327
 Марк Аврелий 62, 63, 97, 285, 307, 329
 Марк Антоний 38, 61-63, 114, 131, 141, 171, 176, 203
 Марко Поло 73, 263, 327
 Марсили 66
 Мартин Кромер 324
 Марцелл Клавдий 61, 62, 116, 142
 Марциан Капелла 47,
 Марциний 274
 Марция 61
 Матвей Майков 327
 Маттус 37
 Мегасфен 25, 47, 48, 282-284, 286, 290-292, 297, 318-319
 Медичи Джулиано 220
 Медичи Александр 191, 221
 Медичи Козимо 46, 131, 220-221, 240
 Медичи Лоренцо 17, 220-221, 240
 Мела Помпоний 53, 73, 74, 86, 160, 180, 315
 Меланхтон Ф. 24, 201-202, 249, 260-261, 272, 281, 290, 313, 315
 Мельхиор Сотер 324
 Мснар П. 352-353
 Меркатор 315
 Меровинги 231
 Меродах 292
 Мерсьер Ж. 9, 335
 Метелл Нумидийский 62, 180, 194
 Метон 285, 288
 Метродор 48, 278
 Мефодий из Салоник 94
 Миний 72, 127
 Минос 257
 Минуций 160
 Митридат 52, 211
 Михаил Коккиний Тюбингенский 321
 Мнасий Дамаскин 283
 Модестин 142
 Моисей 16, 75, 104-105, 107, 151, 177-178, 209, 250, 257, 264, 277, 287, 291, 299,
 Моисей Египтянин 96, 191, 269-271, 274, 276-277, 279-280, 282-283, 286, 297-298, 301, 313
 Монлюк Б. 344, 351
 Монстреле Э. 55, 323

Монтень М. 338
 Монтефельтро 212
 Мор Т. 134, 157, 272
 Море Ж. 343, 345
 Моро-Рейбль Ж. 347
 Мош 285, 319
 Мулей Хасан 58, 91
 Мускулий 129
 Муций 145-147
 Мюнсингер И. 9
 Мюнстер 74, 91, 95, 112, 282, 316

 Набис 204, 211-212
 Набонасар 285, 291-292
 Навуходоносор 74, 262
 Науклер И. 73, 314
 Негий 102
 Нератий Приск 137
 Нерв 65, 76, 192, 253
 Нерон 15, 46, 52, 67, 141, 191-192, 251
 Нигидий 206
 Никий 104, 211
 Никифор 206
 Никифор Григора 72, 319
 Никифор Каллист 53
 Николай Дамаскин 67, 319
 Николай из Лиры 290
 Николай Кузанский 201
 Нимвенген 326
 Нимрод 191, 264
 Нимур, граф 224
 Нин 64, 202-204, 231, 283, 313
 Ной 284
 Нойенар 297
 Нум 286, 288
 Нумерий 76

 Овидий 133
 Огиг 185
 Одоакр 203, 293
 Октавий М. 163
 Олаф М. 73, 94, 105, 119, 266, 324
 Омар I 197
 Онесскрит 47
 Орест 185
 Оригена 270, 276, 317
 Орозий П. 53, 63, 66, 67, 236, 316
 Отман Ф. 339
 Оттоманы 255, 311
 Оттон I из Саксонской династии 183, 234, 311
 Оттон Фрайзингенский 330

 Павел III, папа римский 51, 226
 Павел IV 201
 Павел Диякон 63, 94, 204, 325
 Павел из Бургаса 290

- Павсаний 26, 64, 74, 172, 212, 247, 299-300, 303-304, 308-309, 315
 Пакъё 334
 Палеологи 206, 232
 Палефат 47
 Пальмери Пизанский 314
 Пальмери Флорентийский 314
 Панвинно О. 65, 142, 203, 205, 260, 286, 290
 Пандульфо 133, 195, 321
 Панетий 195, 276
 Панормитаний 106, 197
 Пап Г. 10
 Папиниан 11, 142, 153
 Папирий 64, 171
 Парадиний В. 322-323
 Парацельс 346
 Паре А. 208
 Парфирий 297
 Пати Г. 347
 Патрици Ф. 134, 356
 Пейзон 343
 Пейцер К. 73, 315
 Пелопид 61, 107
 Перикл 54, 55, 61, 104, 135, 144, 169-170, 187, 211, 240
 Пертинакс 192
 Пети Ж. 343
 Петон Ж. 343
 Петр Алозий 328
 Петр Мединский 327
 Петрарка Ф. 201, 328
 Пизон 300
 Пико делла Мирандола 105, 119, 133, 274
 Пиндар 300
 Пипин Геристальский 205
 Пирр 117, 185, 313
 Писистрат 191, 195, 202
 Пифагор 27, 105, 300
 Плавт 106
 Платон 8, 11, 15, 18, 35, 39, 40, 48, 58, 65, 75, 79, 83, 89, 98, 100, 104-105, 107, 113, 115, 123, 133, 134, 142, 169, 177, 179, 190, 192, 198-202, 229, 238-239, 241-242, 246, 256-257, 270, 274, 276-277, 280-282, 296
 Плиний Младший 142, 288, 328
 Плиний Старший 48, 62, 64, 80, 83-84, 96-97, 100, 102, 105-106, 108-109, 116, 119-120, 122, 124-126, 140, 141, 201, 208, 211, 281, 285, 299, 302-305, 308
 Плотин 274, 330
 Плутарх 38, 43, 47, 48, 50, 52, 53, 55, 60-62, 64, 75, 83, 86, 88, 104-105, 107, 111, 115, 117, 119, 124, 126, 134, 136, 144, 146, 159-160, 163-166, 169, 171, 207, 211, 252, 270, 272, 274, 282, 286-289, 292, 302-303, 319, 329
 Пойтингер 297, 303, 313
 Полибий 23, 28, 45, 47-48, 50, 52-53, 55-58, 68, 74, 79, 88-89, 91-92, 104, 134, 146, 151, 156-160, 163, 165, 175, 178, 186, 192, 207-208, 237, 249, 258, 301, 303-305, 313, 319-320
 Полидор Вергилий 47, 76, 107, 133, 164, 211, 235-236, 295, 305, 326, 329
 Поликлет 9, 14
 Полион 330
 Поллукс 170, 172-173
 Помпей 15, 29, 48, 49, 51, 54, 56, 60-63, 68, 85, 96, 131, 202, 209-210, 224, 262, 266, 305, 311, 313
 Помпоний Лэт 67, 286
 Помпоний Секст 159, 180
 Пониссон 340
 Понтаний И. 321
 Понтъё 334
 Порзюо С. 82
 Портэ 12
 Посидоний 48, 76, 80, 276, 305
 Прево Г. 335
 Прокл 274-275, 278, 283
 Прокопий Кесарийский 46, 52, 72, 90, 91, 293, 307, 310, 318-319, 321, 325
 Проперций 124
 Проспер Аквитанский 314, 321
 Псомметих 284
 Птолемей I Сотер 47, 204
 Птолемей Клавдий 74, 78, 79, 95, 109, 129-132, 208, 281, 285, 291-292
 Птолемей Филадельфийский 127
 Публий Клодий Пульхир 161, 285
 Пфлюг Ю. 184, 254
 Пяст 182, 234, 312
 Рабутин 323
 Раймунд Тулузский 237
 Рамус П. 336-337
 Реан Б. 77, 297, 305, 323
 Реанд Д. 10
 Реджимонти 285
 Рейнольдс Б. 352
 Рейнхольд 281
 Рено Т. 338
 Риккардо Бартолини Перуджийский 324
 Риций М. 330
 Ричард III Йорк 312
 Ришар А. 347
 Ришильё 332
 Робер Бретонский 134
 Родерик 192, 204, 225, 236
 Родерик из Толедо 288, 327
 Ромул 62, 177, 207, 250, 282

- Росель 340
 Руперт Монк 323, 327
 Руф, Квинт Курций 62
- Сабеллий 50, 78, 109, 166, 297, 321
 Савонарола 220
 Саксон Грамматик 73, 105, 325
 Саладин 206, 232-233, 253
 Салмоносар 293
 Салюстий 45, 54, 55, 133, 320
 Салющо 224
 Санхец Ф. 338
 Сарданапал 192, 231, 284, 313
 Сарий Ж. 187
 Сатурнин Л. Аппулей 159-160, 162, 240
 Сафадин 253
 Светоний 15, 47, 50, 52, 67, 68, 265, 289, 321, 329
 Святой Бернар 201
 Север А. 142, 171, 180
 Сеговез 304
 Секст Аврелий Виктор 67, 330
 Секст Руф 28, 29, 261, 320
 Секст Тарквиний 38, 146
 Селевк I 38, 231
 Селим I Грозный 17, 50, 53, 70, 131, 232-233, 243, 255
 Семелорий 12
 Семирамида 225, 283
 Семпроний Гракх, Тиберий и Гай 56, 61, 159-160, 162, 163, 204, 210, 293, 300
 Сенека 39, 48, 141, 182, 200, 215, 238, 248, 276, 309-310
 Сепонтиний 295
 Сервий Сульпиций Руф 162
 Сервий Туллий 146, 177
 Сеян 65
 Сиагрий 205
 Сивилла 242
 Сигиберт 73, 314
 Сигизмунд Мейстрелин 24,
 Сигоний, К. 65, 136, 145, 149, 159, 162, 163, 168
 Сидоний Соллий М. Аполлинарий 53, 325
 Сикст IV, папа римский 220
 Силен 23, 82
 Симпликий 274, 283
 Синесий 128
 Скавр 140
 Скалигер Ю. 82, 96, 109, 118, 120, 279, 281
 Слейден И. 51, 53, 54, 55, 58, 60, 68, 109, 112, 131, 317
 Содерини П. 145, 150, 169, 220-221
 Созомен Э. 53, 317
 Сократ 53, 198-199
- Солин 286, 316
 Соломон 11, 67, 136, 251, 277, 284
 Солон 16, 45, 52, 143, 166, 168, 172, 193, 210-211, 281, 299
 Спартиан 53, 67, 68, 321, 329
 Спеңдий 91д
 Спиридон 276
 Спурий Тарпей 160
 Стадий 281
 Стафалий 46, 331
 Стефан Блуаский 235, 236, 312
 Страбон 48, 53, 62, 74, 79, 124, 222, 293, 299-305, 307, 309, 315
 Стратония 38
 Суидий 173
 Сулейман 242-243, 256
 Сулла 51, 61, 83, 210-211
 Суриано М. 244
 Сфорца 133, 191, 196, 212
 Сцевола 11, 142, 249
 Сципион Африканский Младший 58, 156
 Сципион Африканский Старший 17, 236
- Тамерлан 114
 Тарафа 204, 236, 326
 Тарквиний 202, 210, 306
 Тацит, Публий Корнелий 15, 39, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 55, 61-63, 65-68, 76, 82, 85, 86, 88-90, 94, 95, 97, 99, 103, 109, 111, 114, 117, 121, 126, 134-135, 171, 189, 222, 243, 265, 295, 300, 303, 305-307, 320
 Темпоне М. 345
 Теодект 111
 Теодорих 72, 205, 262, 339
 Теопомп (Феопомп) 64, 164, 211, 228, 319
 Теренций Арса 179
 Тертуллиан 63, 66, 97, 290, 317
 Тессье Ж. 7, 339, 353
 Тетрий 316
 Тиберий 15, 46, 60, 62, 65, 140, 171, 196
 Тимей 23, 50, 133, 319
 Тимолеонт 172, 196
 Тиракье А. 10
 Томирис 225
 Тотила 262
 Траян 60, 84, 104, 142, 253, 261-262
 Требатий 258
 Требеллий 67, 109
 Тревет Англичанин 326
 Тритемий 297, 322
 Труяр К. 345
 Труяр Н. 345
 Труяр Ф. 345

- Турнеб А. 336
 Турпиан (Турпин) 73, 330
 Улисс 45
 Улло А. 186
 Ульпиан 67, 138, 140, 143, 149-155, 174, 180, 182, 339
 Урбан III 197, 212
 Урсиний Г. 76, 329
 Фабий Максим Веррукос 160
 Фабий Пиктор 23, 45, 61, 300, 320
 Фабр Г. 10
 Фаларис 191
 Фалерон 187
 Фалестрия 225
 Фемистокл 37, 38, 187
 Феодорит 297
 Феодосий 228, 339
 Феодосий Младший 235
 Феофил Антиохейский 291
 Феофраст 97, 114, 201, 273, 279
 Ферамен 191
 Фердинанд II Арагонский 16, 46, 69, 206, 287-288
 Феррери Ж. 10
 Фест Секст Помпей 82, 83, 142, 149, 158, 160, 189
 Фидоний 195
 Филарид 195
 Филарх 50, 52
 Филельфо Ф. 201
 Филипп Бергамский 315, 329
 Филипп Македонский 64
 Филипп, герцог Тарентский 224
 Филолай 288
 Филон Александрийский 39, 45, 53, 75, 104-105, 202, 249, 272, 274, 277, 279-280, 283, 290-291, 297, 313, 316, 330
 Филопомен 204, 211-212
 Филопон 273-274, 278-279
 Филострат 46, 48, 319, 330
 Фирмиец 207, 286
 Фичино М. 35, 133, 278
 Флор Анний Публий 162, 320
 Фокион 39, 42
 Фома Аквинский 258, 277
 Форестер В. 199-200
 Форкадель 340
 Формион 52
 Франциск I Валуа 11, 131, 147, 205, 226, 257, 333, 335
 Франциск II Валуа 317
 Франциск Валуа, герцог Анжуйский 334, 343-347, 349
 Фрасибул 211
 Фрасилл 211
 Фрекульф 73
 Фригио 24, 313, 315
 Фридрих II Штауфен 197, 224, 252, 314
 Фридрих III Габсбург 201
 Фруассар Ж. 50, 55, 323
 Фукидид 51-55, 64, 68, 90, 115, 165, 188, 194, 248, 265, 282, 319
 Фульвий М. 160
 Функ И. 24, 202-203, 260, 286, 290, 313, 315
 Фурий Камилл 56
 Фурокс И. 324
 Хам 80, 284
 Харальд Синезуб 234
 Хасс 113
 Хелингацензий 323
 Хелманд 314
 Хильдерик 205
 Хольстер Г. 81, 90, 266
 Хризостом 290
 Хрисипп 48, 133, 201
 Христиан II 91, 133, 234
 Хугвальд 323
 Хупперт Д. 357
 Цвингли У. 113
 Цезарь, Гай Юлий Август 17, 18, 25, 38, 43, 47, 49-56, 59, 62-64, 68, 72, 76, 83, 85-86, 88-89, 91, 94-95, 97, 101, 108-110, 117, 127-128, 131, 155, 160, 167, 170-171, 180, 187, 201, 203-205, 210, 221-224, 235, 252, 266, 281, 287-289, 293, 295, 300-302, 303-304, 306-308, 311, 313, 320-321
 Целий Антипатер 78
 Цельтис К. 184
 Цензориний 139, 203
 Циглер Я. 73, 112
 Цинциннат 37
 Цицерон 16, 38, 47, 48, 49, 52-54, 61, 63, 68, 93, 106, 107, 117, 123, 128-130, 133, 138, 139-141, 143, 146, 150, 156-158, 161, 163, 167, 171, 190, 192-194, 196, 201, 238, 240, 264-265, 282, 300
 Чингисхан 233
 Шандье 351
 Шандьюн Ж. 308
 Шапилен А. 335
 Шассоне Б. 10
 Шатильон Ги 224
 Шевалье Н. 337
 Шовирьи Р. 347
 Штурм Я 201

- Эак 190
Эбуций 8
Эврисфен 204, 211
Эдуард II Плантагенет 187
Эдуард III Плантагенет 132, 133
Эдуард VI Тюдор 312
Эдуард Исповедник 258
Эдуард Старший 235
Эзоп 246
Эймон 73,
Эйнгард 46, 330
Эколампаций 201
Элий 95, 303, 326
Эмилий, П. 28, 46, 47, 55, 77, 254, 322
Эмпедокл 105, 119, 126
Энгельбрехт 234
Энней Сильвий 321
Эпаминод 52
Эпиктет 59
Эпикур 201, 258, 270, 275-276
Эразм Роттердамский 129, 201
Эразм Стелла 325
Эратосфен 48
Эргос 172
Эрсистрат 38
- Эрик 235
Эскулап 295
Эсхил 48, 99, 148, 210
Эфор 64, 285, 319
- Юб 98
Ювснал 82, 100
Юлиан 75, 76, 86, 100, 117, 293
Юлий II, папа римский 98, 206
Юлий Африканский 314
Юстин 29, 57, 63, 202, 236, 303, 305, 311
Юстин Мартин 317
Юстиниан 8, 9, 11, 75, 141-142, 150, 223, 231, 293, 298, 310, 319, 338-340
- Ягайло 182, 234
Ягеллоны 312
Ядвига 234
Якоб Вимфелинг 297, 323
Ямвлих 274
Ямфред 237
Ян Дубровий 326
Ясон 182

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫДЕРЖКА ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРИВИЛЕГИИ	5
ПОСВЯЩЕНИЕ	
Жан Боден приветствует Президента Палаты следствий Жана Тессье	7
ВВЕДЕНИЕ	
О легкости, приятности и пользе исторического чтения	14
Глава I	
ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ И КАКОВА ОНА	20
Глава II	
О ПРАВИЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ИСТОРИИ	23
Глава III	
О ПРАВИЛЬНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ИСТОРИИ	30
Глава IV	
ВЫБОР ИСТОРИКОВ	42
Глава V	
ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИИ	78
Глава VI	
ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ	134
Глава VII	
ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕХ, КТО ОТСТАИВАЕТ ТЕОРИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА И ЧЕТЫРЕХ МОНАРХИЙ	260
Глава VIII	
СИСТЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	269
Глава IX	
КРИТЕРИИ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ИСТОКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ	295
Глава X	
РАСПОЛОЖЕНИЕ И ОТБОР ИСТОРИКОВ	313
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Жан Боден и его трактат “Метод легкого познания истории” (<i>М.С. Бобкова</i>).....	332
ПРИМЕЧАНИЯ	361
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	402

Научное издание

ЖАН БОДЕН
МЕТОД ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
“Памятники исторической мысли”*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *А.А. Шелудченко*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

**Набор и верстка выполнены
на компьютерной технике**

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано в печать 31.05.2000. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 26,0+0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 26,0. Уч.изд.л. 29,7
Тираж 1700 экз. Тип. зак. 3301

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008714-9

9 785020 087149 >

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*

ЖАН БОДЕН • МЕТОД ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

ЖАН БОДЕН

МЕТОД
ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ

